

Т Р У Д Ы П О
*не*математике

К Н И Г А

3

Владимир Андреевич Успенский

Т Р У Д Ы
ПО
*не*МАТЕМАТИКЕ

Второе издание,
исправленное и дополненное

В пяти книгах

МОСКВА

ОБЪЕДИНЁННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФОНД «МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ
ПО
*не*МАТЕМАТИКЕ

Книга третья

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОСКВА

ОБЪЕДИНЁННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФОНД «МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ»

2013

УДК 80
ББК 72.3
У77

Успенский В. А.

У77 Труды по нематематике / В. А. Успенский. — 2-е изд.,
испр. и доп. : В 5 кн. — М. : ОГИ : Фонд «Матема-
тические этюды», 2012— .
ISBN 978-5-94282-674-1
Кн. 3 : Языкознание. — 2013. — 711 с.
ISBN 978-5-94282-677-2

«Труды по нематематике» в пяти книгах содержат нематематические сочинения профессора математики В. А. Успенского, заведующего кафедрой математической логики и теории алгоритмов Механико-математического факультета Московского университета.

В третью книгу «Языкознание» включены лингвистические сочинения автора. Она начинается со статьи, в которой излагается первое научное определение важного понятия 'падеж', предложенное А. Н. Колмогоровым. Завершает книгу предисловие к отдельному изданию «Лингвистических задач» А. А. Зализняка. Самое объемное сочинение книги, «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: Как это начиналось (заметки очевидца)», содержит воспоминания о переломных событиях в отечественном языкознании, происшедших в 1950-х — 1960-х годах. Следующее по объёму называется «Невтѳн — Ньютѳн — Ньѳтон, или Сколько сторон имеет языковой знак?»; оно было специально написано для фestsприфта в честь А. А. Зализняка.

УДК 80
ББК 72.3

ISBN 978-5-94282-674-1
ISBN 978-5-94282-677-2 (кн. 3)

© В. А. Успенский, 2013
© ОГИ, 2013
© Фонд «Математические
этюды», 2013

Оглавление

Предисловие к книге З «Языкознание»	11
Из предуведомления от автора [к первому изданию «Трудов по НЕматематике»]	13
I. Как возникло это издание	13
II. Почему у этого издания такое название	15
III. Что входит в состав этого издания	16
IV. Как устроено это издание	17
К определению падежа по А. Н. Колмогорову	18
Опубликовано в продолжающемся сборнике: Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. — № 5. — М.: [И МГПИИЯ], 1957. — С. 11—18.	
§ 1 18	§ 3 21
§ 2 19	§ 4 23
§ 5	23
Послесловие от марта 2001 года	25
I. История определения	25
II. История публикации	26
III. Дальнейшая дискуссия	26
IV. Какие есть падежи в русском языке?	29
V. Упомянутая литература	32
Совещание по статистике речи	33
Опубликовано в журнале: Вопросы языкознания. — 1958. — № 1. — С. 170—173.	
Итоги работы секции алгоритмов машинного перевода . . .	40
Опубликовано в продолжающемся сборнике: Машинный перевод и прикладная лингвистика. — № 1 (8). — М.: [И МГПИИЯ], 1959. — С. 31—62.	
О преподавании математики студентам-языковедам	62
Опубликовано в сборнике: Питання прикладної лінгвістики: Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22—28 вересня 1960 року [Вопросы прикладной лингвистики: Тезисы докладов межвузовской научной конференции 22—28 сентября 1960 года]. — Чернівці [Черновцы]: Видання Чернівецького державного університету [Издательство Черновицкого государственного университета], 1960. — С. 84—86.	

Лингвистические исчисления	64
Опубликовано в сборнике: Труды IV Всесоюзного математического съезда. — Т. 2. Секционные доклады. — Л.: Наука, 1964. — С. 83—90. (Соавторы: Мария Владимировна Ломковская, Елена Викторовна Падучева.)	
Одна модель для понятия фонемы	77
Опубликовано в журнале: Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 39—53.	
Предисловие от 27 июня 2012 года	77
§ 1. Исходный материал	85
§ 2. Фонематический анализ	89
§ 3. Построение модели	102
Приложение 1. <i>Д. Паперно</i> . Заметки о статье В. А. Успенского	105
Приложение 2. <i>С. И. Бернштейн</i> . Фонема	113
Отзыв о диссертации Андрея Анатольевича Зализняка . . .	123
Приложение 1. Отзыв А. Н. Колмогорова о диссертации А. А. Зализняка	143
Приложение 2. <i>В. В. Виноградов</i> . О научно-исследовательской деятельности А. А. Зализняка (в связи с его диссертацией «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка»)	144
Языковедение, математика и Первая традиционная олимпиада	146
С редакционными изменениями и под другим названием («Лингвистика, математика и новая традиция») опубликовано в журнале: Наука и жизнь. — 1965. — № 10. — С. 53—55.	
Приложение. Письмо В. А. Успенского А. Е. Кибрику .	153
Добавление от октября 2001 года. Ещё о Первой Олимпиаде	156
Добавление от ноября 2001 года. Новые задачи прикладной лингвистики	172
Интернет и лингвистика	173
Автоматическое реферирование	179
Машинный перевод	181
Программы, проверяющие правописание	182
Стандартизованные языки	184
Анализ и синтез устной речи	184
Компьютерная лингвистика	192
Два достижения российской прикладной лингвистики	192

Вступительные экзамены по математике на Филологическом факультете МГУ	196
Опубликовано в журнале: Математика в школе. — 1967. — № 2. — С. 38—40.	
К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами	202
Опубликовано в журнале: Научно-техническая информация. — Серия 2. Информационные процессы и системы. — 1967. — № 7. — С. 12—20.	
§ 1. Историко-библиографические замечания	202
§ 2. Цепочки и сегменты	203
§ 3. Перевод, практическая транскрипция, транслитерация	206
§ 4. Что такое система транслитерации?	210
§ 5. Дальнейшие комментарии к задаче о транслитерации	214
§ 6. Главные требования, предъявляемые к системам транслитерации	217
§ 7. Дополнительные требования, предъявляемые к системам транслитерации	219
§ 8. Предлагаемая система — вариант с диакритическими значками	221
§ 9. Предлагаемая система — вариант с диграфами	223
Литература	225
Замечания на полях статей И. А. Мельчука и А. А. Холодовича о понятии залога	228
Опубликовано в сборнике: Диатезы и залого: Тезисы конференции «Структурно-типологическое методы в синтаксисе разносистемных языков» (21—23 октября 1975 года) / Академия Наук СССР. Институт языкознания. Ленинградское отделение. — Л., 1975. — С. 3—14.	
Раздел первый: частные замечания	229
Раздел второй: общие замечания	234
К понятию диатезы	241
Опубликовано в сборнике: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В. С. Храковский. — Л.: Наука (ленинградское отделение), 1977. — С. 65—84.	
§ 1. Определение диатезы	242
§ 2. Постановка проблем	244
§ 3. Попытки решений	247
§ 4. Обсуждение	255
§ 5. Роли, гиперлексемы, диатезы	260
О вещных коннотациях абстрактных существительных	264
Опубликовано в продолжающемся сборнике: Семиотика и информатика. — Вып. 11. — М.: ВИНТИ, 1979. — С. 142—148. Повторная публикация: Семиотика и информатика. — Вып. 35. — М.: Русские словари. — 1997. — С. 146—152.	

Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях)	271
Опубликовано в журнале: Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1979. — Т. 38. — № 4. — С. 349—360. (Соавтор: Елена Викторовна Падучева.)	
Биноминативные предложения	271
Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого	273
Применение денотативного критерия: анализ примеров	279
Разбор трудных случаев	285
Биноминативные предложения с абстрактными существительными	288
К публикации ранней лингвистической работы Исаака Ньютона	290
Опубликовано в продолжающемся сборнике: Семиотика и информатика. — Вып. 28. — М.: ВИНТИ, 1986. — С. 122—123. Повторная публикация: Семиотика и информатика. — Вып. 35. — М.: Русские словари, 1997. — С. 319—320.	
Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: Как это начиналось (заметки очевидца)	293
Опубликовано в продолжающемся издании: Wiener Slawistischer Almanach. — 1992. — Sonderband 33: Festschrift für Viktor Jul'evič Rozencveig zum 80. Geburtstag. — S. 119—162 под названием «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца)». Перепечатано в сборнике: Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. — Новосибирск: Научно-издат. центр ОИГММ СО РАН, 1998. — С. 273—309.	
§ 1. Начало «серебряного века» и НПММвЯ	295
§ 2. Объединение по машинному переводу и его Бюллетень	301
§ 3. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике	304
§ 4. МГПИИЯ: Лаборатория и Конференция	305
§ 5. Ленинградские совещания и Черновицкая конференция	310
§ 6. Лаборатория электро моделирования и совещание на улице Грицевец. ВИНТИ	314
§ 7. А. И. Берг и Совет по кибернетике	320
§ 8. Симпозиум по семиотике	323
§ 9. Институт семиотики Академии наук СССР	326
§ 10. «Комиссия по структурализму» и создание структуралистических секторов	328

§ 11. ОТИПЛ/ОСИПЛ	330
Примечания	340
Литература	382

П о с л е с л о в и е (к последнему параграфу) от декабря 2001 года	385
---	-----

§ 1. Начало возрождения?	385
§ 2. Два архетипа тоталитарного мышления	389
§ 3. Математика на ОСИПЛе/ОТИПЛе	398
§ 4. Психологические корни конфликта	408
§ 5. Весна тревоги нашей	417
§ 6. Кафкианская осень 1967 года	425
§ 7. Физики и лирики	445
Примечания	455

Невто́н — Ньюто́н — Нью́тон, или Сколько сторон имеет язы- ковой знак?	472
---	------------

Опубликовано в сборнике: Русистика. Славистика. Индоевропе-
истика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. —
М.: Индрик, 1996. — С. 598—659.

§ 1 472	§ 12 517	§ 23 547
§ 2 472	§ 13 521	§ 24 547
§ 3 473	§ 14 522	§ 25 550
§ 4 474	§ 15 525	§ 26 552
§ 5 477	§ 16 531	§ 27 553
§ 6 481	§ 17 533	§ 28 556
§ 7 485	§ 18 534	§ 29 556
§ 8 487	§ 19 537	§ 30 559
§ 9 505	§ 20 538	§ 31 567
§ 10 508	§ 21 540	§ 32 570
§ 11 511	§ 22 546	Литература 571

Биноминативное предложение: проблема согласования связки	578
---	------------

Опубликовано в сборнике: Облик слова: Сборник статей памяти
Дмитрия Николаевича Шмелёва / Институт русского языка
РАН. — М.: Индрик [при участии изд-ва «Русские словари»],
1997. — С. 170—182. (Соавтор: Елена Викторовна Падучева.)

1. Постановка задачи	578
2. Биноминативные предложения с предикативной структурой	580
3. Отношение идентификации	588
4. Заключение	591
Литература	592

«Поп Гапон» — фамилия или имя?	594
Под заглавием «Поп Гапон задаёт задачи» и с сокращениями опубликовано в газете: Известия. — № 233 (25825)-М. — 10 декабря 2000 года. — С. 8.	
Д о б а в л е н и е от марта—апреля 2012 года	596
Субъективные заметки о неправильной норме	598
Опубликовано в сборнике: Русский язык сегодня. — Вып. 4: Проблемы языковой нормы: Сб. статей / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Отв. ред. Л. П. Крысин. — М., 2006. — С. 537—571.	
1. Вступление	598
2. Как орфография может дурно влиять на орфоэпию	600
3. Неправильная акцентуация собственных имён	605
4. Становление неправильной синтаксической нормы	616
5. Неправильная смысловая норма?	620
6. Неправильный речевой этикет	636
7. Кое-что о языковых клише	643
8. Норма знания и мифологическая картина мира	649
9. Параллельные прямые в мифологической картине мира	651
10. Заключение	655
П р и л о ж е н и е. В. А. Плу́гя́н. О значении термина «лингвистика»	657
О русском языке, о дешифровке древних текстов, о «Слове»	661
Речь при вручении 16 мая 2007 года премии Александра Солженицына А. А. Зализняку. Опубликовано в журнале: Новый мир. — 2007. — № 8. — С. 147—151.	
Борьба за лингвистику	667
Опубликовано на сайте: http://polit.ru/article/2009/07/09/linguist/ . Интервью из цикла видеобесед «Взрослые люди». Дано 30 января 2009 года.	
Зачем лингвистам нужна математика?	681
Ранее в виде текста не публиковалось. Десятиминутное интервью, данное 13 мая 2010 года сайту lingling.ru «Лингвистика для школьников»: http://vimeo.com/12015130#	
Предисловие к отдельному изданию «Лингвистических задач» А. А. Зализняка	685
Опубликовано в книге: А. А. Зализняк. Лингвистические задачи. — М.: МЦНМО, 2013.	
Указатель имён	689

Предисловие

к книге 3 «Языкознание»

Первое издание «Трудов по НЕматематике», осуществлённое издательством ОГИ и подписанное к печати 17 июня 2002 года, материализовалось в виде тысячи экземпляров двухтомника, появившихся в конце августа 2002 года. Появилось оно и в Интернете: <ftp://ftp.mccme.ru/users/shen/uspbook/>, <http://www.mccme.ru/free-books/usp.htm>, <http://www.math.ru/lib/book/pdf/shen/usp/usp-all.pdf>. Несмотря на совершенную нереальность, довольно быстро возникла мечта о втором издании. Для второго издания были по крайней мере три причины.

Во-первых, сразу стали поступать сигналы о наличии в тексте не только опечаток, но и неточностей и даже ошибок. Автор чрезвычайно благодарен всем, от кого такие сигналы поступили. Особенно важные комментарии сделали Владимир Михайлович Алпатов¹, Николай Алексеевич Богомолов, Элина Константиновна Лавошникова, Георгий Ахиллович Левинтон, Николай Викторович Перцов, и им — особая признательность.

Во-вторых, у меня стали появляться новые публикации, по тематике могущие быть включёнными в названные «Труды».

Наконец, в-третьих, отчасти на бумаге, отчасти в компьютерной памяти, начали накапливаться записи, в которых я пытался фиксировать некоторые соображения о том, какими новыми фразами, абзацами, а то и параграфами мог бы быть пополнен текст первого издания. И в компьютере, и тем более на разрозненных клочках бумаги эти записи хранились в большом беспорядке, что делало мечту о новом издании, мягко говоря, мало осуществимой.

Положение казалось полностью безнадёжным, пока его не переломил Виталий Дмитриевич Арнольд, заместитель директора Московского центра непрерывного математического образования. Летом 2010 года он дал им-

¹ Беседа с В.М.Алпатовым относительно одного из его замечаний произвела на автора большое впечатление. На с. 487 двухтомника, во 2-м абзаце, композитор А.П.Бородин был упомянут в качестве соавтора некоего музыкального произведения, датой создания коего был назван год 1899-й. Владимир Михайлович указал мне, что этого не могло быть, так как Бородин скончался в 1887 году. Я выразил осторожное удивление, что мой собеседник смог сразу сопоставить эти две даты. Между нами состоялся следующий диалог. «Что же, Вы заранее знали годы жизни Бородина?». — «Да, знал». — «Но почему?». — «У родителей была энциклопедия, я её прочёл». — «Всю?». — «Всю» (это было сказано с некоторым смущением). — «И запомнили?». Ответ Алпатова, произнесённый с ещё большим смущением, был утвердительным.

пульс тому, «чтоб сказку сделать былью». Его инициативу подхватил, а весной 2011 года окончательно взял дело в свои руки Николай Николаевич Андреев, заведующий лабораторией популяризации и пропаганды математики Математического института имени В. А. Стеклова РАН и лауреат премии Президента Российской Федерации 2010 года для молодых учёных, присуждённой ему, в частности, за высокие результаты в популяризации и распространении научных знаний. Он привлёк к работе Никиту Михайловича Панюнина, своего друга и коллегу по лаборатории, и Михаила Юрьевича Панова, глубокого знатока тонкостей компьютерной вёрстки и типографского дела. Оба работали самоотверженно, и мне приятно поблагодарить их за усердие и трудолюбие.

В результате обсуждений было решено несколько изменить композицию издания. Первое издание, хотя и состояло из двух томов, имело единую пагинацию, то есть нумерацию страниц; разбиение на томы было обусловлено причинами чисто техническими. Тематически же издание состояло из шести частей и одного Приложения. Во втором издании одна из частей, а именно «Избранные предисловия», ликвидирована, а составлявшие её статьи разбросаны по другим частям; Приложение, каковое составляли «Семиотические послания» А. Н. Колмогорова, отнесено теперь, по его тематической принадлежности, в книгу 4 «Филология».

Второе издание должно состоять из пяти книг, соответствующих оставшимся пяти частям двухтомника, и каждая книга будет иметь собственную пагинацию. Книги предполагается выпускать в свет не в порядке их номеров, а по мере готовности. Первой вышла книга 4 «Филология»; в неё вошла одна из статей части «Языкознание». Второй выходит настоящая книга 3 «Языкознание»; в неё перемещены две статьи из части «Воспоминания и наблюдения» первого издания.

Всевозможные добавки к тексту первого издания подразделяются на два типа. К первому относятся те фрагменты, которые могли бы присутствовать и в первом издании; внесение таковых в текст никак не помечается. Второй тип образуют фрагменты, составленные под влиянием более поздних событий и потому в первом издании невозможные; эти фрагменты заключаются между двумя семафорами: открывающим «●●» и закрывающим «◀●●» (однако статьи, целиком появившиеся после первого издания и включённые во второе, семафорами не помечаются). Значение семафоров «●●» и «◀●●» разъясняется в разделе III Предупреждения, помещённого сразу вслед за настоящим Предисловием. Встречающиеся в тексте белые цифры внутри чёрных квадратов означают ссылки на затекстовые примечания к данной статье. И затекстовые примечания, и список литературы помещается в конце каждой статьи.

20 января 2013 года.

Из предуведомления от автора [к первому изданию «Трудов по НЕматематике»]

Данное предуведомление имеет целью ответить на четыре вопроса:

- как возникло это издание?
- почему у него такое название?
- что входит в его состав?
- каково его устройство?

Ответам на эти вопросы и посвящены четыре соответственных раздела предуведомления.

I. Как возникло это издание

Настоящее издание придумала Катя (Екатерина Владимировна) Рахилина, и если бы не она, его бы не было. Данное заявление следует рассматривать как недостойную попытку снять с себя если не всю ответственность, то хотя бы основную её часть.

Я никогда не осмелился бы выпускать собрание собственных сочинений, да у меня и в мыслях такого не было. Однако Катя пришла ко мне весной 2000 года и заговорила об этом как о деле, для неё очевидном и решённом. Я сперва сильно удивился, а потом сопротивлялся, но уже не так сильно. Не знаю, должен ли я благодарить её за эту идею, в правильности каковой у меня и сейчас нет уверенности. Но за что я ей благодарен бесконечно, это за то, что она взяла на себя все хлопоты по организации издания.

Именно Екатерина Владимировна Рахилина написала и подписала своим именем заявку в Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) на получение издательского гранта. Таким образом, она стала руководителем проекта (в котором я не являюсь даже участником, так что от меня потребовалось только определить состав издания и предоставить необходимые материалы: рукописи, книги, журналы, оттиски, ксерокопии); она же взяла на себя все переговоры. Не менее важно и то, что Катя оказывала мне необходимую моральную поддержку, в которой я временами остро нуждался, и не позволяла сомневаться в правильности затеянного.

Всякий проект нуждается в организационном центре. Для данного проекта таким центром согласился стать Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» Российской академии наук, а основную ответственность и всю реальную работу взял на себя заместитель председателя Научного совета Валерий Арамович Варданян.

В середине сентября 2000 года обширная папка с рукописями, оттисками и ксерокопиями была готова и сдана в Российский фонд фундаментальных исследований. А 22 декабря 2000 года мне были вручены, в качестве сюрприза, два держателя для бумаг, расписанных Катиной дочерью Надей (Надеждой Владимировной) Плунгян и содержащие в общей сложности 1027 страниц компьютерной распечатки. Эти страницы, изготовленные из того разношёрстного материала, что был сложен в указанную папку, образовывали предварительную версию оригинал-макета издания. Я не мог поверить своим глазам: ведь для получения оригинал-макета надо было многое отсканировать, затем свести всё воедино, набрать и отпечатать.

Выяснилось, что Катя поделилась своим замыслом с Сашей (Александром Ханевичем) Шенем, который не только поддержал её проект, но и согласился принять на себя ответственность за всю техническую часть операции. Он, в свою очередь, привлёк к работе Аню (Анну Юрьевну) Зарубину, которая под его руководством осуществила — и притом в очень сжатые сроки — сканирование и латеховский набор и изготовила упомянутую выше предварительную версию оригинал-макета.

Со второй половины января 2001 года я начал редактировать подаренные мне 1027 страниц, внося изменения и дополнения, иногда довольно значительные. С мая того же года эти изменения и дополнения стали поступать к Максиму (Максиму Александровичу) Ушакову и Вите (Виктору Валерьевичу) Шувалову, которые вносили их в текст. С октября эту работу продолжил Саша Шень. Их усилиями к марту 2002 года был создан чистовой оригинал-макет.

Оказалось, что количество упоминаемых в издании имён превышает две тысячи; было решено, что в этих условиях необходим именной указатель. Труд по его созданию взяла на себя Аня (Анна Владимировна) Шипунова. В процессе её работы над указателем обнаружилось много таких опечаток, выявить которые на предыдущих этапах было практически невозможно. Аня взяла на себя ответственность не только за их устранение, но и за потребовавшиеся в связи с этим изменения в чистовом макете (и, тем самым, за возможные новые ошибки — *А. Шипунова*).

Созданию доброжелательной атмосферы, в которой проходили заключительные фазы работы над изданием, немало способствовал главный редактор Объединённого гуманитарного издательства (ОГИ)

Евгений Владимирович Пермяков, чьи редкие человеческие и деловые качества я имел возможность оценить ещё в 1994 году, во время работы над Первым Лотмановским сборником.

II. Почему у этого издания такое название

Название «Труды по нематематике» придумал Владимир Александрович Плунгян. И в самом деле, здесь собраны нематематические сочинения автора. Но ведь эти сочинения также неастрономические и неботанические; так почему же издание не называется «Труды по неастрономии» или «Труды по неботанике»?

Объяснение таково. Провозглашение отрицания чего-нибудь всегда намекает на выделенную возможность существования отрицаемого. В данном случае название издания намекает на то, что её автор связан с математикой. Действительно, он получил математическое образование (окончил в 1952 году по специальности «математика» Механико-математический факультет Московского университета — легендарный Мехмат¹), исполняет «математическую» должность (с 1993 года заведует кафедрой математической логики и теории алгоритмов того же факультета того же Университета), и основные его сочинения принадлежат математике.

В предыдущей фразе не сказано, что автор — математик. И это не случайно. «Математик» — так, без каких-либо званий, написано на могиле глубочайшего, быть может, мыслителя из встреченных мною в жизни, — Петра Сергеевича Новикова. В применении к академику и лауреату, каким он был, это может звучать скромно. Но может и горделиво, как звучит для меня. Быть математиком трудно, и мне не кажется, что я справился с этой трудностью.

Я выбрал математическую профессию по двум причинам. Во-первых, математика влекла меня со школьных лет — с восьмого класса (с осени 1945 года) я посещал школьный математический кружок при Московском университете и участвовал в организованных Университетом математических олимпиадах. Во-вторых, окончив школу летом 1947 года, в сталинское время, я не видел для себя иной судьбы, кроме поступления на Механико-математический факультет Университета. Окажись я в ином времени или в ином месте, я скорее всего поступил бы на Юридический факультет и сделался бы юристом по конституционному или каноническому праву.

Но мне в моей «математической карьере» повезло и притом неслыханно повезло: меня принял в число своих учеников один из трёх (наряду с Ломоносовым и Менделеевым) великих учёных России — Андрей Николаевич Колмогоров.

¹ В те годы и ещё некоторое время спустя эпитет «легендарный» был оправдан.

III. Что входит в состав этого издания

В 50-х годах прошлого века, по возвращении с индийских научных конференций, мои московские математические коллеги с изумлением рассказывали мне, что в Индии математику — при стандартном разделении наук на естественные и гуманитарные — относят к наукам гуманитарным. Хотя такое местоуказание математики, на мой взгляд, совершенно справедливо, я всё же буду придерживаться традиционного для отечественной культуры противопоставления. Такая отчасти беспринципная позиция позволяет так сформулировать критерии, по которым происходил отбор материала для данного издания: в издании собраны те сочинения его автора, которые он квалифицирует не как математические, а как гуманитарные («Гуманитарные очерки» — таков был первый, рабочий вариант названия). Сюда относятся очерки мемуарного и мемориального характера, избранные предисловия, статьи по философии, по языкознанию, по филологии. Как известно, термин «филология» может употребляться в двух смыслах: в широком, включающем в себя языкознание (как, скажем, в словосочетании «филологический факультет»), и в более узком, языкознание не включающем, а покрывающем собою литературоведение, текстологию и, вообще, исследование (в том числе интерпретацию) текстов². Не отдавая преимущества какому-либо из этих двух смыслов, здесь — по прагматическим соображениям — мы предпочитаем пользоваться смыслом более узким.

За тремя исключениями все помещённые в издании сочинения автора были ранее опубликованы. Исключение составляют три текста: отзывы на диссертации А. А. Зализняка и З. Н. Микеладзе (из частей «Языкознание» и «Философия») и статья «Химико-филологический конфликт» (из части «Воспоминания и наблюдения») — но и они в своё время отчасти приобрели самостоятельное существование: первые два в 1965 и 1985 годах соответственно поступили в диссертационные советы и далее в Высшую аттестационную комиссию, а документы, образующие основу третьего, были в 1963 году направлены надлежащим адресатам.

Для каждой статьи указан источник её первоначальной публикации; указание даётся на первой странице статьи, внизу. Однако слова «ранее опубликованы» и «источник первоначальной публикации» не следует понимать слишком буквально. Как уже отмечалось, при подготовке этого издания в составляющие его публикации автором внесены изменения, в том числе добавки в первоначальный текст. Одни из этих изменений оговариваются в тексте, другие — нет.

² Одно из определений филологии в узком смысле таково: изучение культуры через текст.

Положение вещей здесь таково.

Некоторые изменения следовало бы сделать ещё перед представлением той или иной статьи для первоначальной публикации; они хотя и не были своевременно сделаны (как правило, из-за нехватки времени), но могли бы тогда сделаны. Такого рода улучшающие изменения сделаны сейчас, они никак в тексте не выделены. Таким образом, ссылка на источник первоначальной публикации той или иной помещённой в издание статьи относится, вообще говоря, не к публикуемому в данном издании окончательному варианту статьи, а к её первоначальной редакции.

Совершенно другой род изменений составляют такие добавки в текст, которые и не могли бы быть сделаны при его первоначальной публикации — не могли потому, что они используют сведения, возникшие уже после этой публикации, или потому, что были при первоначальной публикации неуместны. Все такие добавки отмечены специальными семафорами: семафор **►** открывает позднейшую добавку, то есть непосредственно ей предшествует, семафор **◄** добавку закрывает, то есть непосредственно за нею следует. Исключением из общего порядка служат позиции, добавленные в библиографические списки. Как правило, они никак не отмечены. Ведь и так ясно, что если для какой-то позиции из подобного списка указан год выхода в свет более поздний, нежели год первоначальной публикации той статьи данного издания, к которой этот список относится, то это значит, что эта позиция добавлена в список уже после указанной публикации.

Автор заявляет о своём твёрдом убеждении, что основы математики составляют неотъемлемую часть современного лингвистического образования (и в этом убеждении он был поддержан А. Н. Колмогоровым). Поэтому включение в третью часть издания, посвящённую языкознанию, короткой заметки «О преподавании математики студентам-языковедам»³ не вызвало сомнений. Признаться, более спорным было включение материала о вступительных экзаменах по математике на Филологическом факультете, но после некоторых колебаний состоялось и оно⁴.

IV. Как устроено это издание

К некоторым статьям сделаны приложения, добавления, послесловия; все они указаны в Оглавлении.

►► Устройство настоящего издания разъясняется выше на с. 12. **◄◄**
15 мая 2002 года.

³ См. с. 62—63 настоящей книги. — *Примеч. ред.*

⁴ См. с. 196—201 настоящей книги. — *Примеч. ред.*

К определению падежа по А. Н. Колмогорову

§ 1

А. Н. Колмогоров предложил следующее определение падежа.

Предметы могут находиться в различных состояниях¹. Так, предмет, носящий в русском языке название «молоко», может находиться в следующих состояниях: он может кипеть, его может не быть, его может пить кошка, его может пить собака и т. д. Состояния предмета выражаются в языке посредством предложений, в которых участвует существительное, являющееся названием этого предмета. Перечисленные выше состояния молока выражаются в русском языке посредством предложений: «молоко кипит», «молока нет», «кошка пьёт молоко», «собака пьёт молоко». При выражении посредством предложений состояний, в которых находится данный предмет, его название употребляется в той или иной форме (в приведённых выше примерах — «молоко», «молока»).

Два состояния назовём эквивалентными относительно данного предмета², если при выражении указанных состояний этого предмета в языке название этого предмета в обоих случаях употребляется в одной и той же форме. Например, два состояния, первое из которых состоит в том, что данный предмет кипит, а второе в том, что кошка пьёт данный предмет, эквивалентны относительно предмета «молоко». Эти же состояния не эквивалентны относительно предмета «вода»: «вода кипит», но «кошка пьёт воду». Назовём два состояния абсолютно эквивалентными, если они эквивалентны относительно любого предмета, могущего находиться в этих состояниях.

Опубликовано в продолжающемся сборнике: Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. — № 5. — М.: [И МПТИИЯ], 1957. — С. 11—18.

¹ Что здесь понимается под термином «состояние» и что значит «предмет находится в состоянии», выясняется из дальнейших примеров.

² Здесь и в следующих параграфах правильнее было бы говорить об эквивалентности относительно пары (предмет, название). Мы сознательно допускаем известную неточность, чтобы не усложнять изложение.

Так, например, два состояния, первое из которых состоит в том, что кошка любит данный предмет, а второе в том, что собака пьёт данный предмет, являются эквивалентными относительно любого предмета, могущего находиться в этих состояниях, и, следовательно, абсолютно эквивалентными. Совокупность всех состояний разбивается на непересекающиеся классы таким образом, что любые два состояния из одного и того же класса абсолютно эквивалентны, а любые два состояния из разных классов не абсолютно эквивалентны. Эти классы А. Н. Колмогоров и предложил называть падежами.

К сожалению, это определение не является вполне корректным, дело в том, что одно и то же состояние для одного и того же предмета может выражаться посредством различных предложений, причём названия этого предмета могут стоять в различных формах. Например, «мальчик идёт берегом» и «мальчик идёт по берегу»; «рабочий строит дом» и «дом строится рабочим». Вследствие этого само определение эквивалентности относительно данного предмета перестаёт быть ясным. (Один из возможных способов устранения этой неясности состоит в том, чтобы считать два состояния, имеющие различные языковые выражения, разными состояниями, ведь различные предложения всегда — хотя бы чуть-чуть — различаются по смыслу.)

§ 2

Обмен мнениями по вопросу об определении падежа, состоявшийся в семинаре³ и его кулуарах (имеются в виду, в частности, идеи, высказанные Р. Л. Добрушиным и И. А. Мельчуком), подсказывает возможность следующего пути.

Конечную упорядоченную строчку, на каждом месте которой стоит либо слово, либо многоточие, причём многоточие встречается только один раз, будем называть набором слов с пропуском (для краткости — просто набором).

Например,

- 1) кипит,
- 2) кошка пьёт,
- 3) кошке пьёт,
- 4) кошка любит,
- 5) пьёт молоко

суть пять различных наборов слов с пропуском. При подстановке в набор слов с пропуском вместо многоточия какого-либо слова

³ ► О семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании» см. в Послесловии на с. 25—26. ◄

(в некоторой форме) может получиться правильное предложение. Например, при подстановке во второй и четвёртый из приведённых выше наборов слова «вода» в форме «воду» получаются правильные предложения «кошка пьёт воду» и «кошка любит воду», при той же подстановке в третий набор получается «кошке пьёт воду», что правильным предложением не является. Слово, которое, будучи подставлено в некоторой своей форме в данный набор, превращает этот набор в правильное предложение, будем называть допустимым для данного набора. Набор, для которого существует хоть одно допустимое слово, также назовём допустимым. Заметим, что мы не занимаемся здесь вопросом о том, что такое «правильное предложение», есть ли это, например, выражение некоего реального обстоятельства или просто совокупность слов, сочетаемая по некоторым фиксированным грамматическим правилам (в зависимости от выбора той или иной точки зрения результат подстановки формы «воду» в пятый пример будет или не будет считаться правильным предложением).

Два набора назовём эквивалентными относительно данного существительного, допустимого для каждого из них, если подстановка одной и той же формы этого существительного обращает оба набора в правильные предложения. Например, первый и второй из выписанных выше наборов эквивалентны относительно существительного «молоко», ибо, чтобы превратить эти наборы в правильные предложения, надо в каждый из них подставить рассматриваемое существительное в одной и той же форме «молоко», и в то же время эти же наборы не эквивалентны относительно существительного «вода», так как в первый из них надлежит подставлять форму «вода», а во второй форму — «воду». Наборы «мальчик идёт» и «мальчик идёт по» не эквивалентны относительно существительного «берег», а наборы «..... строит дом» и «дом строится» не эквивалентны относительно существительного «рабочий». Назовём, далее, два набора непосредственно эквивалентными, если для них существует хотя бы одно общее допустимое слово и если они эквивалентны относительно любого допустимого для каждого из них слова. Например, наборы «..... бежала» и «..... бежит» суть непосредственно эквивалентные наборы. Наконец, назовём два набора P и Q абсолютно эквивалентными, если существует такая цепочка наборов $X_1, X_2, \dots, X_n$, что:

1) при каждом i наборы X_i и X_{i+1} непосредственно эквивалентны;

2) $X_1 = P$;

3) $X_n = Q$.

Например, «..... бежала» и «..... бежал» суть абсолютно эквивалентные наборы: соответствующая цепочка состоит из наборов «..... бежала», «..... бежит», «..... бежал».

Совокупность всех допустимых наборов слов с пропуском разбивается на непересекающиеся классы таким образом, что любые два набора из одного и того же класса абсолютно эквивалентны и любые два набора из разных классов не абсолютно эквивалентны. Можно предложить эти классы называть падежами. Возникает, однако, следующая неприятность. Наборы «я вижу синий» и «синий стоит» оказываются непосредственно эквивалентными и, следовательно, абсолютно эквивалентными, хотя мы имеем здесь дело с разными падежами. Чтобы избежать подобных казусов, мы предлагаем (в качестве не наилучшего, но наилегчайшего выхода) запретить употребление в наборах прилагательных, порядковых числительных и т. п. (это запрещение распространяется и на следующий параграф).

Остаётся, тем не менее, трудность того же характера, что и в предыдущем параграфе. Один и тот же набор может обращаться в правильное предложение посредством подстановок разных форм одного и того же существительного. Например, «не читал газеты» и «не читал газету»; «дал кошке» и «дал кошку». Поэтому определение эквивалентности относительно данного существительного оказывается неясным. (Для устранения этой неясности следует, быть может, рассматривать лишь достаточно распространённые предложения. Другой выход состоит в том, чтобы рассматривать лишь такие наборы, которые могут быть обращены в предложения подстановкой не более одной формы одного и того же существительного.)

§ 3

Соединение точки зрения § 1 с точкой зрения § 2 даёт следующий подход к определению падежа.

Рассмотрим какое-либо состояние A , в котором могут находиться предметы, и какой-либо набор слов с пропуском B . Назовём набор B согласованным с состоянием A , если для всякого предмета, могущего находиться в состоянии A , выполняется следующее утверждение: для выражения в языке того обстоятельства, что этот предмет находится в состоянии A , достаточно подставить некоторую подходящую форму названия этого предмета вместо многоточия в набор B . Если, например, состояние A заключается в том, что данный предмет строит дом, то с этим состоянием согласован как набор «..... строит дом», так и набор «дом строится».

Если состояние A означает, что кто-то не читал данный предмет, то согласованным с ним набором будет «не читал»; этот пример показывает, что согласованный набор может обращаться в предложение, выражающее рассматриваемое состояние данного предмета и при подстановке более чем одной формы названия этого предмета: «не читал газету» и «не читал газеты».

Набор «дал» согласован как с состоянием, заключающемся в том, что кто-то что-то дал данному предмету, так и с состоянием, заключающемся в том, что кто-то кому-то дал данный предмет. Пару (A, B) , где A — состояние, а B — согласованный с этим состоянием набор слов с пропуском, назовём согласованной парой. Предмет, могущий находиться в состоянии A , назовём допустимым для пары (A, B) .

Две согласованные пары (A_1, B_1) , (A_2, B_2) назовём эквивалентными относительно данного предмета, коль скоро для всякой формы названия рассматриваемого предмета выполняются следующие два утверждения:

1) если подстановка этой формы в набор B_1 обращает его в предложение, выражающее, что рассматриваемый предмет находится в состоянии A_1 , то подстановка этой же формы в набор B_2 обращает его в предложение, выражающее, что рассматриваемый предмет находится в состоянии A_2 ;

2) если подстановка этой формы в набор B_2 обращает его в предложение, выражающее, что рассматриваемый предмет находится в состоянии A_2 , то подстановка этой же формы в набор B_1 обращает его в предложение, выражающее, что рассматриваемый предмет находится в состоянии A_1 .

Назовём две согласованные пары непосредственно эквивалентными, если существует хотя бы один допустимый для них обеих предмет и если они эквивалентны относительно любого допустимого для них обоих предмета. Назовём, наконец, две согласованные пары (R, S) и (U, V) абсолютно эквивалентными, если существует такая цепочка согласованных пар (X_1, Y_1) , (X_2, Y_2) , ..., (X_n, Y_n) , что

1) при каждом i пары (X_i, Y_i) и (X_{i+1}, Y_{i+1}) непосредственно эквивалентны;

2) $(X_1, Y_1) = (P, Q)$;

3) $(X_n, Y_n) = (U, V)$.

Совокупность всех согласованных пар разбивается на непере-секающиеся классы; при этом любые две пары из одного и того же класса абсолютно эквивалентны, а любые две пары из разных классов не абсолютно эквивалентны. Эти классы и предлагается

называть падежами. Полностью сознавая неокончателность сформулированного только что определения падежа, автор всё же считает целесообразным привести его здесь, хотя бы в качестве материала для дальнейшей дискуссии.

§ 4

Чтобы определить, в каком падеже стоит данное существительное в данном предложении, поступаем следующим образом:

1) определяем состояние, в котором находится предмет, обозначаемый данным существительным;

2) заменяем это существительное многоточием и получаем тем самым набор слов с пропуском;

3) замечаем, что полученная пара (набор, состояние) является согласованной, и определяем к какому классу, то есть падежу, она принадлежит.

Чтобы распространить нашу конструкцию на существительные в множественном числе, достаточно согласиться, что каждое такое существительное обозначает особый предмет (отличный от предмета, обозначенного тем же существительным, но в единственном числе). Так, существительное «стакан» обозначает предмет «стакан», а существительное «стаканы» обозначает предмет, состоящий из некоторого множества стаканов. (Заметим, что в силу нашего соглашения «профессоры» и «профессора́» суть просто разные названия одного и того же предмета.)

§ 5

Ответ на вопрос, сколько падежей в данном языке, должен дать конкретный лингвистический анализ этого языка. Если исходить из предложенного в § 3 определения, то окажется, что в русском языке помимо традиционных шести падежей имеются ещё следующие падежи.

1. Местный падеж: «в лесу», «в году» и т. д.

2. Количественно-отделительный падеж: «выпить чаю», «прибавить ходу», «дать воды»⁴ и т. д.

⁴ «Вес сахара», «вес воды» — родительный падеж; «дал сахар», «дал воду» — винительный падеж; «дал сахару», «дал воды» — количественно-отделительный падеж. Другая точка зрения состоит в том, что здесь имеет место

Если оба предложения «не читал газету» и «не читал газеты» правильны и выражают одно и то же состояние предмета «газета», то это указывает на то, что существует особый падеж («лишительный»), употребляемый после отрицаемых глаголов и имеющий две формы (одна из которых совпадает с формой винительного, а другая — с формой родительного падежа). Если «не читал газету» правильно, а «не читал газеты» неправильно, то в первом из этих предложений мы имеем дело с винительным падежом. Если «не читал газету» неправильно, а «не читал газеты» правильно, то во втором из этих предложений мы имеем дело с родительным падежом. Если, наконец, правильны оба предложения, но они выражают разные состояния предмета «газета», то в первом предложении — винительный падеж, а во втором — родительный.

Возможно, что существуют ещё и другие падежи. Было бы интересно перечислить все падежи русского языка.

омонимия, именно, что во втором примере слово «сахар» означает некий конкретный объём сахара, а в третьем — вещество. При такой точке зрения, быть может, количественно-отделительного падежа и не будет существовать.

► Итак, в этом подстрочном примечании сделана заявка на две возможные точки зрения: при первой из них слова *сахар* и *сахару* означают один и тот же предмет, при второй они означают разные предметы. При первой точке зрения появляется самостоятельный количественно-отделительный падеж, он же 2-й родительный, он же партитив; при второй точке зрения такого падежа появляться вроде бы не должно.

Обе высказанные точки зрения были подвергнуты детальному анализу А. А. Зализняком в § 2.7 его монографии «Русское именное словоизменение». Он обнаружил, в частности, что парадоксальным образом, вопреки, казалось бы, естественному ожиданию, при принятии второй точки зрения не только всё же с необходимостью возникает 2-й родительный падеж, но возникает ещё и 2-й винительный (то есть число падежей не сокращается, а растёт). В итоге А. А. Зализняк приходит к таким выводам: «Вторая точка зрения, по-видимому, точнее отражает рассматриваемые смысловые отношения»; «Однако эта точка зрения приводит к весьма неэкономному строению парадигмы»; «...В грамматиках языков с развитым партитивом (например, финского, эстонского) фактически применяется первая точка зрения». Поэтому именно первая точка зрения и была принята в названной монографии. ◀

Послесловие от марта 2001 года

I. История определения. — II. История публикации. — III. Дальнейшая дискуссия. — IV. Какие есть падежи в русском языке? — V. Упомянутая литература.

I. История определения

Когда Колмогоров пришёл к своему определению падежа, неизвестно. Полагаю, что задолго до того, как поделился им со мной. Мне неизвестно также, рассказывал ли он это определение кому-нибудь ещё.

Схема, изложенная в § 1, была в устной форме сообщена мне Колмогоровым в сентябре 1956 года. Колмогоров всегда предполагал наличие у собеседника весьма высокого уровня понимания (как правило, превосходящего реальный уровень) и потому обычно ограничивался сжатой идеей, считая детали очевидными. Это надо иметь в виду, потому что не исключено, что я чего-то недопонял или понял неправильно. Но полагаю, что правильно усвоил центральную колмогоровскую идею: падеж есть класс эквивалентных семантических состояний.

Тема падежа при моём общении с Колмогоровым возникла при следующих обстоятельствах. 24 сентября 1956 года на Филологическом факультете Московского университета начал работать семинар «Некоторые применения математических методов в языкознании» — первый семинар по математической лингвистике в нашей стране. Я был одним из двух (вместе с Вячеславом Всеволодовичем Ив́ановым) его инициаторов и одним из трёх (вместе с Ив́ановым и Петром Саввичем Кузнецовым) его руководителей. С Кузнецовым я познакомился в начале того же года по рекомендации Колмогорова. Они были друзья детства (и даже более того — вместе воспитывались), и от Колмогорова я знал, что в молодости Кузнецов увлекался математикой и даже слушал университетские лекции Н. Н. Лузина. Широчайший круг интересов Колмогорова включал в себя и лингвистику. Идея привнесения в неё математических методов была ему близка, и к замыслу семинара он отнёсся сочувственно. Он посоветовал предложить участникам семинара две задачи для самостоятельного решения — обе на определение понятия: дать строгие определения понятий 'ямб' и 'падеж'. Что касается ямба, то убеждение, что в ямбической строке ударения стоят на чётных

словах, было почти всеобщим, несмотря на очевидную ложность⁵. Что касается падежа, то какое бы то ни было определение этого понятия, хотя бы и неверное, просто отсутствовало. Эти задачи и были сформулированы на первом же занятии семинара.

II. История публикации

Пятый номер «Бюллетеня по проблемам машинного перевода», издававшегося Первым Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков с грифом «На правах рукописи», был целиком посвящён материалам семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании». На страницах 3 и 4 этого номера помещён «Дневник семинара» (подробнее о семинаре и его Дневнике см. в статье «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: Как это начиналось (заметки очевидца)» на с. 298—301 и 345—347 настоящей книги). «Дневник», в частности, фиксировал:

Занятие 1 (24 сентября 1956 года). <...> Участникам семинара было предложено дать строгие определения ямба и падежа.

<...>

Занятие 6 (5 ноября 1956 года). Обсуждался вопрос о формальном определении падежа. В. А. Успенский изложил определение, принадлежащее А. Н. Колмогорову.

На последующих страницах «Бюллетеня» были помещены 11 статей, так или иначе связанных с работой семинара. Одной из них и была моя статья «К определению падежа по А. Н. Колмогорову».

III. Дальнейшая дискуссия

В последней фразе § 3 формулировки статьи были предложены в качестве материала для дальнейшей дискуссии. Как мы увидим ниже, этот призыв был услышан — прежде всего А. А. Зализняком в его основополагающей монографии [РИС].

Следуя идее Колмогорова, падежом в статье объявлен класс эквивалентности, то есть класс эквивалентных между собой сущностей. При первой попытке, предпринятой в § 1, этими сущностями являются состояния, в которых могут пребывать предметы; при второй,

⁵ См. с. 70—82 книги 4 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

предпринятой в § 2, — наборы слов с пропуском; при синтетической третьей попытке, предпринятой в § 3, — пары, каждая из коих состоит из состояния предмета и набора слов с пропуском. Разумеется, для каждого из трёх названных разрядов сущностей должно быть предварительно введено надлежащее понятие эквивалентности, что и делается соответственно в § 1, 2 и 3.

А. А. Зализняк указывает: «...Как и названия других грамматических категорий, термин «падеж» может употребляться в двух смыслах: а) конкретный падеж (например, именительный, родительный и т. д.), которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (= грамматическая категория падежа), то есть грамматическое явление, состоящее в том, что в данном языке противопоставляются два или более конкретных падежей» ([ОПТ], с. 54—55). Применяя это различие к понятиям нашей статьи, приходим к следующему пониманию: каждый класс эквивалентности есть конкретный падеж, или падежная граммема, она же граммема падежа; категорию же падежа даёт всё разбиение на классы эквивалентности в целом.

Тó, что падежную граммему — как и всякую граммему! — можно толковать как класс эквивалентности, само по себе достаточно очевидно. Ведь любую граммему можно интерпретировать как класс всех словоформ, обладающих данной граммемой. (Таким образом, каждый падеж представлен совокупностью своих словоформ.) Однако такую интерпретацию затруднительно использовать с целью определения или, лучше сказать, объяснения какой бы то ни было граммеы и, в частности, граммеы падежа. Действительно, понятие словоформы уже включает в себя весь набор присущих данной словоформе граммем, так что при определении граммеы через эквивалентность словоформ неизбежно возникает порочный круг. Попытка же отвлечься от грамматического значения словоформы и сосредоточиться только на её внешней форме (хотя бы и наполненной номинативным значением) также не может привести к успеху, поскольку в пределах одной и той же лексемы различные (то есть несущие различные граммеы) члены её парадигмы могут совпадать внешне. Поэтому для определения понятия 'падеж' следует использовать не понятие 'словоформа', а понятие 'сегмент', означающее единицу внешней стороны текста. (А. А. Зализняк в [РИС], § 1.2, различает несколько смыслов слова «слово»; понятие 'сегмент' представляет собою один из них.) Хотя в моей статье о падеже термин «сегмент» и не встречается, в ней используется, как видно из её текста, именно понятие 'сегмент'.

Как же разъясняется понятие падежа в лингвистической традиции?

Посмотрим, что говорит о падеже авторитетный словарь [ЛЭС]. На с. 355 читаем:

Падеж — грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая граммема этой категории (конкретный падеж).

Не противоречит ли эта цитата из [ЛЭС] сделанному выше заявлению, что до Колмогорова не существовало никакого определения падежа? Хотя словарь вышел десятилетиями позже колмогоровского определения, только что приведённая словарная дефиниция отражает давние представления, и подобные формулировки встречались и прежде. Например, на с. 120 первого тома академической «Граматики» [ГРЯ]:

...Падеж выражает синтаксические функции существительного, устанавливая отношение существительного в данной его падежной форме к другим членам предложения.

Всё дело в том, что и формулировка из [ЛЭС], и формулировка из [ГРЯ], и все им подобные не являются определениями в собственном смысле слова; скорее, они суть указания на то, к какому разряду категорий относится категория падежа. Конечно, это вопрос терминологии: при желании и эти указания можно назвать определениями; но и тогда будет ясно, что подобные определения совсем иного рода, нежели колмогоровское и примыкающие к нему. Эти формулировки не дают возможности ввести в рассмотрение ни одной падежной граммеы, а тем самым и очертить категорию падежа в целом как совокупность своих граммем. «...Строгого определения падежа в традиционных лингвистических сочинениях нет», — констатирует А. А. Зализняк ([ОПТ], с. 54).

Поэтому мы и называем определение Колмогорова первым подлинно научным определением падежа. Именно это определение, развитое в статье «К определению падежа по А. Н. Колмогорову», взято за основу и подвергнуто дальнейшему уточнению в монографии А. А. Зализняка [РИС], в её § 2.2—2.6; этот же материал используется при осуществлённом тем же автором в его статье [ОПТ] сравнительном анализе имеющихся описаний падежных систем разных языков.

Другой, но тоже достаточно строгий подход к определению понятия 'падеж' изложен в § 3 статьи А. В. Гладкого [ПФО]. Пользуюсь случаем выразить солидарность с высказанным в преамбуле этой статьи мнением о надуманности и даже вредности противопоставления

«традиционной лингвистики» и «структурной лингвистики» (характерно, что последний термин ныне практически сошёл со сцены⁶) и о том, что главная задача внедрения математических методов в языкознание состоит не столько в создании новых понятий, сколько в уточнении традиционных.

IV. Нание есть падежи в русском языке?

Ответ на этот вопрос колеблется от шести падежей школьных учебников до одиннадцати падежей монографии [РИС]. Вряд ли можно предъявить общепризнанный список русских падежей. (Да что говорить о падежах: нет и общепризнанного списка родов, и даже общепризнанного списка знаков препинания⁷.)

Традиционная школьная грамматика формирует свои шесть падежей при помощи простого и логичного механизма. Она задаёт именным лексемам стандартные вопросы, а падежи возникают как ответы на эти вопросы: *кто?* *что?* — именительный; *кого?* *чего?* — родительный и т. д.

Далее к традиционным шести падежам добавляются ещё два: количественно-отделительный, или паритив, нередко называемый также 2-м родительным, и местный, или локатив, нередко называемый также 2-м предложным. Существование этих двух падежей, как правило, не вызывает возра-

⁶ ●● Г. А. Левинтон написал мне по этому поводу:

Структурная лингвистика, конечно, отличалась от традиционной (по крайней мере традиционная именно так считала), а то, что «термин ныне практически сошёл со сцены», это факт более сложный, он относится к реальному завершению определённого периода (не термин сошёл со сцены, а само направление) — в этом смысле конец структуралистского периода можно описать словами Мандельштама («я <...> наплываю на русскую поэзию, но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в её строении и составе»), то есть структурная лингвистика исчезла именно тогда, когда другой не осталось (в пределах науки), однако есть и второй процесс, который обычно и подразумевают, когда говорят о смене парадигм: замена структуралистской парадигмы постструктуралистской. Её я считаю антинаучной, хотя, вероятно, это справедливо не для всех явлений и не для всех областей (в отличие от литературоведения, где позитивных примеров я вообще не вижу, здесь постструктурализм — чистая деградация). Её антиструктуралистская направленность (ср. хотя бы Живова, большого мастера сжигать всё, чему поклонялся) вносит свой вклад в неупоминание структурной лингвистики. ◀●●

⁷ См. § 27 статьи «Невтон...» на с. 553—555 настоящей книги.

жений даже у лиц, далёких от лингвистических штудий: достаточно привести примеры типа *напиться чаю* для партитива и *в лесу* для локатива. Но вот все ли имена имеют формы партитива и локатива? Этот вопрос оживлённо обсуждался на занятиях семинара НПММВЯ. Я отстаивал ту точку зрения, что все. Мне казалось (и кажется), что такое представление даёт более простую модель. Меня поддержал П. С. Кузнецов, заявивший, что даже собственные имена могут иметь форму партитива. В качестве доказательства он привёл сон, виденный им в молодости. В этом сне его приятель по имени Серёжа⁸ был сервирован на столе в виде блюда, а другой персонаж сна спрашивал сновидца (то есть Кузнецова): «Хочешь Серёжи?».

В своей монографии [РИС], в § 2.8, А. А. Зализняк анализирует словоформы *солдата*, *часовых* и т. п. в сочетаниях типа *три солдата*, *три часовых*. Он обнаруживает, что все эти словоформы принадлежат особому падежу, и заявляет: «Принятая выше процедура выделения падежей обязывает нас признать, таким образом, существование 9-го падежа». Этот падеж он называет, вслед за В. В. Виноградовым, *счётной формой*, отмечая, однако, что сам Виноградов в одном месте называет счётную форму *счётным падежом*.

Итак, девять падежей русского языка не вызывают сомнений. Далее ([РИС], § 2.9) А. А. Зализняк вводит в рассмотрение ещё два падежа: «ждательный» и «включительный». Однако, как указывает А. А. Зализняк, существование этих падежей зависит от решений, которые должны быть приняты относительно

- 1) допустимости или недопустимости некоторых оборотов речи;
- 2) совпадения или несовпадения некоторых лексем;
- 3) тождества или различия некоторых смысловых отношений.

Ждательный падеж представлен однопадежным рядом именных словоформ, встречающихся в оборотах *жду мать*, *жду результата*, *жду поезд*, *жду поезда*, *жду письмо*, *жду письма* и им подобных. Здесь существенно, что в этом ряду отсутствуют такие обороты, как *жду матери* и *жду результат*, которые объявляются недопустимыми; если же допустить такие обороты, то ждательного падежа не возникнет, а окажется просто-напросто, что после глагола *ждать* всегда возможен как винительный, так и родительный падеж (по аналогичной причине в схеме Зализняка отсутствует лишительный падеж, о чём будет сказано ниже). Ждательный падеж не возникнет и в том случае, если признать актуальным почти стёртое ныне архаичное смысловое различие между оборотами вида *ждать письмо* и *ждать письмá*;

⁸ Скорее всего, одноклассник Кузнецова Сергей Мусатов.

в этом случае также окажется, что после глагола *ждать* возможен как винительный, так и родительный падеж — но не по произволу, как в предыдущем случае, а в зависимости от степени определённости предмета; именно, для определённого предмета будет употребляться винительный падеж, а для неопределённого — родительный (возможно, что «письмо» со значением определённости и «письмо» со значением неопределённости целесообразно считать разными лексемами).

Теперь о включительном падеже. В этом падеже предположительно пребывают словоформы *солдаты* и *зятья* в контекстах *идти в солдаты* и *взять в зятья*. Слово «предположительно» означает, что включительный падеж возникает при выполнении следующих двух предположений. Предполагается, во-первых, что в указанных контекстах словоформы *солдаты* и *зятья* принадлежат тем же лексемам, что и словоформы *солдат* и *зять*, — а не особым лексемам, означающим нерасчлennные совокупности солдат или зятьёв; при этой противоположной точке зрения падеж имён в рассматриваемых контекстах окажется винительным или именительным. Предполагается, во-вторых, что присутствующие в указанных контекстах смысловые отношения тождественны тем, которые присутствуют в словосочетаниях *идти в армию* и *взять в семью*; при отрицании этого второго предположения (но принятии первого) падеж имён оказывается именительным (причём именительным с предлогом!).

В моей статье в качестве возможного был назван также «лишительный падеж». В схеме А. А. Зализняка он отсутствует. Дело в том, что определение А. А. Зализняка, помимо многочисленных технических улучшений, отличается от определения, изложенного в моей статье, в одном принципиальном пункте. А именно, определение Зализняка запрещает считаться самостоятельным падежом такому претенденту на это звание, у которого множество соответствующих этому претенденту сегментов является объединением других множеств, каждое из которых образует свой собственный падеж. А множество сегментов «лишительного падежа» как раз и является объединением двух множеств, одно из которых отвечает винительному падежу, а другое родительному: в приведённом в [РИС] в качестве примера контексте «я не узнал...» вместо многоточия можно по произволу поставить слово как в винительном, так и в родительном падеже. Таким образом, определение Зализняка содержит дополнительную запретительную клаузулу, но зато даёт более экономную картину: вместо того, чтобы вводить в рассмотрение двенадцатый, лишительный падеж, достаточно сказать, что в определённых контекстах можно употреблять как винительный, так и родительный падеж.

Отличия определения А. А. Зализняка от определения моей статьи перечислены в [РИС]: см. подстрочное примечание 12 к последней фразе § 2.4.

Параграф 2.9 из [РИС] называется «Вопрос о существовании других падежей». Он завершается следующим заявлением:

Вполне возможно, что внимательный анализ фактов позволит обнаружить и другие подобные явления в системе русского склонения, могущие привести к формированию новых падежей.

V. Упоминаемая литература

[ГРЯ] Грамматика русского языка. — Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 720 с.

[ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

[ОПТ] Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I // [ПГМ], с. 53—87.

[ПГМ] Проблемы грамматического моделирования / Отв. ред. А. А. Зализняк. — М.: Наука, 1973. — 262 с.

[ПФО] Гладкий А. В. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного // [ПГМ], с. 24—53.

[РИС] Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967. — 370 с.

●●► И статья [ОПТ], и монография [РИС] перепечатаны в книге: Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. — (Studia philologica). — М.: Языки славянской культуры, 2002. — I—VIII, 752 с. ◀●●

Совещание по статистике речи

С 1 по 4 октября 1957 года в Ленинграде происходило совещание, посвящённое статистике речи, созванное Секцией речи Комиссии по акустике АН СССР и Ленинградским университетом. В совещании приняли участие также представители МГУ и МГПИИЯ, НИИ Министерства радиотехнической промышленности, Институты физиологии и языкознания АН СССР, Лаборатории электро-моделирования ВИНТИ АН СССР, Военно-воздушной академии им. А. Ф. Можайского и ряда других организаций.

Совещание открылось вступительным словом Л. Р. Зиндера. В центре внимания совещания было два основных круга вопросов: 1) применение статистических исследований устной и письменной речи к разработке проблем, выдвигаемых теми разделами современной техники, которые связаны так или иначе с хранением, обработкой и передачей информации; 2) соотношение структурных и статистических методов в языкознании.

Доклад «Значение статистических исследований речи для техники» сделал Л. А. Варшавский. Докладчик указал основные направления в исследовании устной речи, развитие которых существенно для техники телефонной (проводной и непроводной) связи. К таким направлениям относится прежде всего исследование (в том числе статистическое) физических характеристик звуковых и электрических сигналов, служащих для передачи речи. В этой связи представляется целесообразным развитие общей теории сигналов, как это подчеркнул в своём докладе «Энергетические характеристики интервалов корреляции электрических сигналов, в частности, речевых сигналов» Н. А. Железнов.

Другой круг проблем, указанный Л. А. Варшавским, касается восприятия устной речи, передаваемой по каналам связи. Качество канала измеряется его артикуляцией, под которой в технике связи понимают процент правильно воспринятых звуковых единиц,

переданных по каналу. Для определения артикуляции используются специальные звуко сочетания, которые и передаются по каналу. Уже при составлении таблиц таких звуко сочетаний необходимо учитывать статистические соотношения. Но наибольший интерес представляет вопрос о связях между артикуляциями звуковых единиц разного порядка: отдельных звуков, слогов, морфем, слов и т. п. При этом решающую роль играет изучение влияния, которое оказывает на восприятие данного звука восприятие окружающих его звуков. Это влияние обусловлено вероятностной зависимостью (корреляцией), имеющей место между соседними звуками.

Изучению подобной корреляции между соседними элементами речи (то есть следующими друг за другом звуками, словами и т. п.) был посвящён доклад Л. Р. Зиндера «О лингвистической вероятности». Как отмечалось в докладе, каждый элемент речи несёт определённую информацию (в ряде случаев весьма большую) о непосредственно следующем за ним элементе. Лингвистические вероятности нулевого порядка (то есть абсолютные вероятности появления в речи тех или иных элементов) не совпадают, как правило, с лингвистическими вероятностями первого порядка (то есть условными вероятностями появления одних элементов после других). Лингвистические вероятности как нулевого, так и высших порядков подразделяются на лексические (вероятности появления тех или иных лексем), грамматические (вероятности появления тех или иных грамматических форм) и звуковые (вероятности появления тех или иных звуковых единиц). Лингвистические вероятности оказывают значительное влияние на восприятие и, в конечном счёте, понимание устной речи (в большей степени это относится к грамматическим и в меньшей к звуковым вероятностям). Доклад Л. Р. Зиндера сопровождался демонстрацией трёх таблиц звуковых вероятностей первого порядка для русского языка. Были показаны составленные на основе статистического обследования текстов общим объёмом около 90 000 фонем отдельные таблицы для сочетаний звуков внутри слова, на стыке слов и сводная таблица.

Доклад Е. В. Падучевой «Статистическое исследование структуры слога (в связи с применением методов теории информации)» был посвящён сравнительному анализу сочетаний фонем внутри слога и на стыке слов. По мнению докладчицы, лишь сочетания фонем внутри слога могут составить предмет фонологического изучения; сочетания на стыке слогов — скорее следствие словообразования. Естественно ожидать, что на стыке слогов будут ослабляться ограничения, накладываемые на сочетаемость фонем внутри слога. В то

же время, как показала докладчица на примере испанского языка, простое деление сочетаний фонем на возможные и невозможные оказывается недостаточным; к более удовлетворительным результатам (для русского языка) приводят вероятностные соображения.

Из перечисленных в докладе Л. А. Варшавского проблем важнейшими являются, по-видимому, проблемы компрессии, связанные с наиболее эффективным использованием каналов связи. Одним из способов повышения пропускной способности канала служит уменьшение времени, затрачиваемого на передачу одного звука; встаёт вопрос, до каких пределов можно сокращать длительность звука. Как показал в своих докладах «Статистика длительности глухих согласных и их восприятие» и «Статистика характерных участков звучания гласных звуков русского языка» М. Ф. Деркач, акустический состав звуков неоднороден во времени. Поэтому, если из временного промежутка, в течение которого произносится некоторый звук, выделить меньший интервал и воспроизвести звук только в этом интервале, то восприятие может нарушиться. Участники совещания имели возможность прослушать магнитофонную запись слога *та*, искусственно полученного из слога *са* посредством «отрезания» начала звука *с* (в то же время, если в слоге *ас* отрезать конец звука *с*, то нарушения восприятия не произойдёт).

Более радикальным путём повышения пропускной способности канала связи явилось бы выделение минимальной информации, необходимой для различения единиц устной речи (например, фонем), и передача по каналу только этой минимальной информации. (При этом становится очевидной ведущая роль исследований по выяснению семантической нагрузки речевых единиц, прежде всего фонологических исследований.) Имеется в виду помещение на передающем конце линии связи анализирующего устройства, способного различать фонемы и превращающего их в последовательности дискретных сигналов, а на приёмном конце — синтезирующего устройства, способного превращать воспринятые сигналы в звуки. Принципиально более сложным является создание различающего устройства. Одним из возможных вариантов такого устройства явилось бы устройство, способное определять фонетическую принадлежность звука по его спектрограмме.

Новый метод, отличающийся от обычно применяемого формального анализа, предложила Л. А. Чистович в докладе «Применение статистических методов к определению фонетической принадлежности индивидуального гласного звука». Л. А. Чистович отказалась от поисков в спектрограмме инвариантов, которые позволили бы точно определить фонетическую принадлежность звука; её идея состоит

в том, что ответ на вопрос о фонетической принадлежности звука может быть дан не в категорической форме, а с определённой вероятностью. Рассматриваются огибающие спектрограмм разных звуков, произнесённых разными лицами. Для каждого звука производится усреднение этих огибающих (разных у разных лиц); так получается основная кривая для данного звука. Эта основная кривая рассматривается как сигнал, а реальная огибающая (для конкретного произносителя) как сигнал, искажённый некоторым шумом, внесённым произносителем. Чтобы определить фонетическую принадлежность конкретного произнесённого звука, вычерчивается огибающая его спектрограммы и определяются отклонения её от основных кривых. При этом вычисляются вероятности того, что данная конкретная огибающая получилась искажением той или иной основной кривой или, что то же самое, того, что данный конкретный звук есть звук *а*, *о*, *у* и т. д. Метод Л. А. Чистович может быть без изменения применён и к определению фонетической принадлежности звуков связной речи с учётом влияния на их восприятие восприятия соседних звуков.

В докладе «Применение статистических методов в экспериментально-фонетическом и психологическом изучении речи» В. А. Артёмов рассказал о работах, проводимых в Лаборатории экспериментальной фонетики МГПИИЯ.

Для техники телеграфной связи (проводной и непроводной) большое значение имеет статистическое исследование письменной речи, в частности вычисление энтропии распределения сочетаний букв. Как сообщили в своём докладе «Статистика трёхбуквенных сочетаний русского печатного текста» В. А. Гармаш и Д. С. Лебедев, в Лаборатории по разработке научных проблем проводной связи АН СССР был произведён подсчёт частот трёхбуквенных сочетаний, встречающихся в отрывке из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» объёмом в 30 000 букв (пропуск между словами также считается «буквой» и обозначается дефисом «-»). В докладе были приведены частоты некоторых сочетаний, причём наиболее частыми оказались сочетания «-и-» (частота $82 \cdot 10^{-4}$) и «-не» (частота $71 \cdot 10^{-4}$). Вычисление соответствующей энтропии показало, что подходящим кодированием трёхбуквенных сочетаний объём текста может быть сокращён в среднем в $5/3$ раза¹.

¹ ● Чувство ложного приличия помешало мне (о чём я теперь жалею) сообщить в моей статье о факте, произведшем на меня большое впечатление в 1957 году и продолжающем производить это впечатление до сих пор. На Совещании я спросил докладчиков, В. А. Гармаша и Д. С. Лебедева, где и как можно ознакомиться с замечательным результатом проведённого ими

Роль статистических методов в языкознании не определяется исключительно потребностями технических приложений. Доклад «Соотношение структурных и статистических методов в языкознании» сделал И. И. Ревзин, подчеркнувший, что было бы большой ошибкой недооценивать значение вероятностных и статистических соображений для развития самой лингвистической теории (хотя бы потому, что структура языка, по мнению докладчика, в значительной степени обусловлена избыточностью языка как кода; эта избыточность вызвана в свою очередь тем, что язык по необходимости должен быть помехоустойчивым). Как указал И. И. Ревзин, обычные лингвистические методы должны дополняться статистическими.

В докладе Ю. К. Лекомцева «Порядковые и функциональные отношения вьетнамского глагола» было показано, что во вьетнамском языке после выделения некоторых полнозначных глаголов служебные глаголы могут быть опознаны на основе чисто статистических подсчётов их сочетаемости с полнозначными.

Статистические методы с успехом применимы и для получения новых лингвистических результатов. Так, в докладе И. А. Мельчука «Применение статистики к вопросу о категории рода во французском и испанском языках» было доказано, что во французском языке грамматическая категория рода формально выражена окончанием существительного. При этом автор доклада выдвинул следующий статистический критерий выраженности категории рода: категория рода в данном языке считается выраженной, если существуют правила не слишком большого объёма (не превосходящие, скажем, объёма аналогичных правил для испанского языка, выраженность рода в котором не подвергается обычно сомнению), позволяющие узнавать род по окончанию существительного и охватывающие не менее 94% существительных рассматриваемого языка (соответствующие правила для испанского охватывают свыше 98%).

Как отмечалось на совещании, статистика может быть использована и в текстологии, для определения автора того или иного текста.

В докладе «Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языкознании)» В. Я. Ч. В. С. И. В. А. Н. О. В. продемонстрировал возможность применения статистических методов к внутренней реконструкции. Анализируя состояние языка в данный

эксперимента — с уникальной таблицей частот трёхбуквенных сочетаний. Оказалось, что нигде и никак: указанные частоты были использованы только для вычисления энтропии, а после вычисления таковой — уничтожены экспериментаторами. ◀●

момент, можно установить направление лингвистического времени. Так, часто встречающиеся в текстах языковые единицы имеют тенденцию встречаться в последующем состоянии языка, если они обладают малой степенью изолированности в системе; если же эти часто встречающиеся единицы имеют высокую степень изолированности, то они характерны для предыдущих состояний. Частота встречаемости и степень изолированности определяются статистически. Другой способ реконструкции и предсказания связан со статистическим исследованием стилей языка. Родство языков наиболее достоверно определяется в терминах изоморфизма реконструируемых систем. Что же касается часто применяемых для установления степени родства языков подсчётов совпадений, то, как указал докладчик, здесь необходим тщательный вероятностный анализ (так как вероятность случайных совпадений может быть велика и, таким образом, наличие совпадений ни о чём не говорит).

И. И. Ревзин подчеркнул в своём докладе необходимость развития специальной отрасли языкознания — лингвистической статистики. Уже сейчас полученные в лингвистической статистике соотношения между такими величинами, как частота слова, его ранг (то есть номер по порядку в частотном словаре), его длина и т. п., проливают свет на теоретико-информационную природу языка как кода. Об этом же говорил в докладе «Некоторые вопросы статистического обследования лексических групп» Р. Г. Пиотровский.

В докладе И. И. Ревзина был выяснен также двусторонний характер соотношения структурных и статистических методов. Не только статистика помогает лучше разобраться в структуре языка, но, в свою очередь, единицы, число которых подсчитывается, нуждаются в точном структурном определении. Так, по мнению автора доклада, недостатком глоттохронологии является отсутствие точного определения родственных слов. (В. В. Иванов в своём докладе указал на недостаточную мотивированность самого выбора базисного словаря.) Ясно, что статистическое исследование структуры слога невозможно без строгого определения понятия 'слог' (в первой части доклада Е. В. Падучевой было дано такое определение испанского слога, которое, по-видимому, позволяет однозначно разбивать слово на слоги). Роль структурных категорий обнаруживается и при проведении статистических работ, имеющих непосредственное практическое приложение. Для создания оптимальных правил машинного перевода необходимо статистическое обследование языков отдельных наук. В докладе «О статистическом словаре русских математических текстов» И. А. Мельчук, Т. Н. Молошная, А. Л. Шумилина,

З. М. Волоцкая и И. Н. Шелимова сообщили о результатах статистического обследования языка математической литературы; при этом возникла необходимость чёткого определения таких понятий, как 'синтагма', 'тип синтагмы', 'связь слов в предложении' и т. п.

Совещание в Ленинграде, бесспорно, имело принципиальное значение, не ограниченное кругом вопросов, указанных в его названии. На совещании отчётливо выявились два обстоятельства:

1. Проникновение математических, в частности статистических, методов в языкознание, несомненно, плодотворно. Эти методы могут играть очень важную, но всё же подчинённую роль при решении лингвистических проблем. Полностью формализовать реальный язык в виде некой математической системы, по-видимому, никогда не удастся, однако можно ставить вопрос о тех или иных формализованных приближениях к реальному языку, причём расхождение между реальным языком и таким приближением должно оцениваться статистически.

2. Лингвистические исследования начинают приобретать всё большее и большее практическое значение, не укладывающееся, как раньше, в рамки составления школьных грамматик и орфографических правил. Это не означает, что языкознание утрачивает свой теоретический профиль. Наоборот, с развитием техники оказывается, что наиболее тонкие теоретические построения наиболее важны для приложений. Положение дел в лингвистике можно сравнить в этом отношении с положением в математике, теоретические отрасли которой (такие, как математическая логика) приобрели в последнее время особое прикладное значение.

Большим достоинством совещания явилось разнообразие представленных на нём специальностей, от радиотехники до физиологии. Совещание показало необходимость дальнейшей координации деятельности представителей разных наук в области прикладной лингвистики.

Итоги работы секции алгоритмов машинного перевода

Основной итог работы секции алгоритмов машинного перевода — это то, что машинный перевод, как признано всеми, является реальностью. Сейчас, пожалуй, никого не нужно убеждать, что такой перевод возможен, что это важное и нужное дело.

Около трёх с половиной лет прошло с тех пор, как Изабелла Кузьминична Бельская под руководством Дмитрия Юрьевича Панова, а также Ольга Сергеевна Кулагина и Игорь Александрович Мельчук под руководством Алексея Андреевича Ляпунова впервые в нашей стране приступили к созданию правил машинного перевода. Однако этот сравнительно небольшой период, несомненно, будет отмечен впоследствии историками машинного перевода как весьма плодотворный.

На сегодняшний день готовы пять алгоритмов машинного перевода: англо-русский — вариант Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР (И. К. Бельская);

французско-русский — вариант Математического института Академии наук СССР (О. С. Кулагина, И. А. Мельчук);

англо-русский — вариант Математического института Академии наук СССР (Татьяна Николаевна Молошная);

китайско-русский — вариант Института точной механики и вычис-

Опубликовано в продолжающемся сборнике: Машинный перевод и прикладная лингвистика. — № 1 (8). — М.: [И МГПИИЯ], 1959. — С. 31—62.

► Текст статьи представляет собою незначительно отредактированную стенограмму доклада, сделанного 21 мая 1958 года на заключительном пленарном заседании Первой Всесоюзной конференции по машинному переводу, проводившейся Первым Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков (И МГПИИЯ). Конференция проходила с 15 по 21 мая 1958 года и состояла из пленарных заседаний и заседаний двух секций: теоретической и алгоритмов машинного перевода. К конференции был выпущен сборник тезисов: Тезисы конференции по машинному переводу (15—21 мая 1958 года). — М.: [И МГПИИЯ], 1958. — 117 с. Протоколы конференции опубликованы на с. 7—25 указанного выше выпуска сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика». Воспоминания автора об этой конференции можно найти на с. 306—309 настоящей книги. ◀

лительной техники Академии наук СССР (Владимир Алексеевич Воронин);

венгерско-русский — вариант Института языкознания Академии наук СССР (И. А. Мельчук).

Кроме того, интенсивно разрабатываются 15 следующих алгоритмов:

в Институте точной механики и вычислительной техники — японско-русский и немецко-русский;

в Ленинградском государственном университете — индонезийско-русский, арабско-русский, хинди-русский, японско-русский, бирманско-русский, норвежско-русский, англо-русский, немецко-русский, вьетнамско-русский, русско-английский;

в Горьковском государственном университете — французско-русский;

в Вычислительном центре Академии наук Армянской ССР — армянско-русский и русско-армянский.

Наконец, начата работа ещё над следующими алгоритмами: англо-русским в Горьковском государственном университете, испанско-русским, китайско-русским и турецко-русским в Ленинградском государственном университете и грузинско-русским и русско-грузинским в Институте автоматики и телемеханики Академии наук Грузинской ССР.

Этот перечень, составленный, кстати сказать, на основе заявлений самих авторов алгоритмов или авторитетных представителей соответствующих коллективов¹ (ибо докладчик не располагает другой возможностью судить о степени готовности того или иного алгоритма), сам по себе является несколько упрощённым. Дело в том, что многие из перечисленных алгоритмов базируются на так называемом независимом анализе, о чём я буду говорить позже. Особенно отчётливо это проявляется в ленинградских алгоритмах.

¹ ●► Эта оговорка очень существенна. Дело в том, что само понятие 'алгоритм машинного перевода' не имеет точных очертаний (я пытался показать это в своём докладе, ссылаясь, в частности, на то, что при современном уровне наших знаний никакой реальный алгоритм не в состоянии переводить любые тексты). А потому никакое утверждение о существовании алгоритма перевода не может быть, строго говоря, ни доказано, ни опровергнуто. Не исключено, что в ряде случаев разработчики иностранно-русского перевода называли алгоритмом такого перевода лишь алгоритм анализа, имея в виду его последующее соединение с алгоритмом синтеза, существования коего предполагалось. В весьма широком диапазоне варьировалась и степень машинной реализации алгоритмов. С учётом сделанных заявлений о расплывчатости понятий, решусь высказать следующее мнение: на сегодняшний день все вышеперечисленные алгоритмы машинного перевода, кроме французско-русского алгоритма О. С. Кулагиной, мертвы. Однако, по моему убеждению, разработка алгоритмов перевода — независимо от финального результата — была не напрасна, так как принесла пользу языкознанию. ◀●

Поэтому слово «русский» после дефиса (например, индонезийско-русский) я прибавил для удобочитаемости (так же это было сделано и в программе конференции); более точно было бы сказать: индонезийско-дефис-пустое место, поскольку имеется в виду алгоритм независимого анализа индонезийского языка; этот алгоритм, соединённый с независимым синтезом любого другого языка, позволяет осуществить перевод с индонезийского на этот другой язык. Так что потенциально здесь даже больше алгоритмов, чем перечислено.

Если поэтому рассматривать особо алгоритмы независимого анализа, то к перечисленным алгоритмам прибавится алгоритм независимого русского анализа, осуществлённый в Институте точной механики и вычислительной техники Татьяной Михайловной Николаевой. Что касается синтеза, то алгоритм русского синтеза, составленный И. К. Бельской и Т. М. Николаевой, был необходимой составной частью всех алгоритмов перевода на русский язык, составленных в Институте точной механики и вычислительной техники, а алгоритм русского синтеза, составленный О. С. Кулагиной и Т. Н. Молошной, был необходимой составной частью всех алгоритмов перевода на русский язык, составленных в Математическом институте и Институте языкознания. Оба эти алгоритма синтеза независимы в том смысле, что они не зависят от входного языка; однако оба они предполагают отнюдь не независимый анализ, а такой анализ, который заканчивается получением русской лексической и грамматической информации. Поэтому такой независимый синтез (поскольку он отправляется от ранее полученной информации, касающейся синтезируемого языка) изготовить, конечно, гораздо легче, чем независимый анализ. Заметим, впрочем, что самые понятия анализа и синтеза и, особенно, их независимости нуждаются в дальнейшем уточнении.

Значительно продвинуты новые алгоритмы русского и английского независимых анализов, разрабатываемые на основе идей И. А. Мельчука совместно Институтом языкознания, Математическим институтом и Лабораторией электромоделирования Всесоюзного института научной и технической информации. На основе тех же идей в Институте языкознания разрабатываются алгоритмы независимого анализа для французского и венгерского языков, а в Лаборатории электромоделирования — алгоритм независимого синтеза для русского языка.

Сколько-нибудь детально вникнуть во все эти алгоритмы, слушая доклады на конференции, невозможно. В лучшем случае можно было понять основные принципы. Некоторые замечания, вытекающие из рассмотрения этих основных принципов, и будут изложены в данном сообщении.

Я бы не сумел без посторонней помощи разобраться в многочисленных идеях и точках зрения на эти основные принципы, тем более

что сами представители отдельных школ придерживаются разных взглядов не только на целесообразность того или иного метода, но и на фактическое наличие в данной работе этого метода, причём не всегда в сторону приписывания своей работе какого-либо лучшего метода, чем в ней действительно содержится. Мне пришлось столкнуться с такой недооценкой собственных работ при подготовке настоящего сообщения. Я бы так и не разобрался во всём этом, если бы не помощь руководителей коллективов и направлений машинного перевода Николая Дмитриевича Андреева, И. К. Бельской, Вячеслава Всеволодовича Иванова и И. А. Мельчука. Я им очень благодарен².

Должен сказать (это для тех моих коллег-математиков, которые присутствуют здесь в зале), что то дальнейшее, о чём я буду говорить, я сам себя понимаю не всегда на том уровне, на котором я привык понимать собственные математические высказывания. [*Оживление в зале.*]

Однако я надеюсь, что на лингвистическом уровне это понимается мною правильно.

Уже на пленарных заседаниях, в докладах и выступлениях, выявились основные точки зрения на существующие методы, на целесообразность этих методов в машинном переводе. Это облегчает мою задачу, так как я не буду излагать эти точки зрения, а сошлюсь на первые четыре пленарных заседания, продолжением которых и является сегодняшнее заключительное заседание. Кроме того, сошлюсь на изданные «Тезисы» настоящей конференции и на две книги: на книгу «Автоматический перевод» Д. Ю. Панова и на книгу «Сессия Академии Наук СССР по научным проблемам автоматизации производства 15—20 октября 1956 года. Пленарные заседания», где опубликован совместный доклад Д. Ю. Панова, А. А. Ляпунова и Ивана Сергеевича Мухина «Автоматизация перевода с одного языка на другой», достаточно ясно вскрывающий различия в точках зрения. Наконец, есть серия статей по машинному переводу, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 1956 и 1957 годах. Я могу сослаться на следующие статьи из этой серии: статью Петра Саввича Кузнецова, А. А. Ляпунова и Александра Александровича Реформатского, статью О. С. Кулагиной и И. А. Мельчука, статью Т. Н. Молошной. Я не решусь сослаться на статью Н. Д. Андреева из той же серии, потому что не смог понять изложенной там точки зрения автора. А эта точка зрения, как выяснилось на секции алгоритмов конференции и особенно в её кулуарах, существует, и я попытаюсь несколько позже её изложить.

² Автор благодарен также О. С. Кулагиной, любезно согласившейся ознакомиться со стенограммой доклада и указать на отдельные допущенные в докладе неточности, устранимые в настоящем тексте.

Как мне кажется, практика машинного перевода позволяет сделать следующие основные выводы, с которыми, по-видимому, согласны все, кроме И. К. Бельской и её последователей³.

Первый вывод вот какой: машинный перевод не должен быть переводом художественным, то есть переводом с хорошим стилем. По крайней мере сейчас не следует к этому стремиться. Не случайно я сказал «не должен быть», а не «не может быть». Он может быть, и можно составить сложный, громоздкий алгоритм, чтобы перевод был осуществлён в хорошем стиле. Это показывают некоторые примеры Института точной механики и вычислительной техники. Но мне кажется, что чем лучше стиль получаемой на выходе фразы, тем ниже мы должны оценивать алгоритм перевода. Мы все понимаем, как трудно достичь хорошего стиля; поэтому хороший стиль означает, что в алгоритме перевода массу места занимают громоздкие правила преобразования стиля. Не этим нужно сейчас заниматься. По-моему, вполне можно допустить последующее редактирование перевода человеком именно потому, что оно (редактирование) не является в конце концов необходимым. По самому смыслу слова «редактирование» допустимость последующего редактирования означает, что перевод может быть понят и без него.

Итак, мне кажется, что необходим сознательно упрощённый подход к машинному переводу, о котором я только что говорил.

Ещё нужно иметь в виду, что сейчас проблему машинного перевода целесообразно ставить для ограниченной совокупности текстов, а именно для научных текстов. Там не очень важен стиль, поскольку он там не несёт семантической нагрузки. В бытовом разговорном языке стиль имеет всё-таки не только эстетическое, но и семантическое значение. В научном тексте он такового не имеет и о нём не нужно заботиться.

³ Докладчик получил следующую записку, которую считает необходимым приобщить к стенограмме:

В президиум
В. А. Успенскому

Владимир Андреевич! Я решительно не согласен с Вашей установкой на ограничение сферы машинного перевода. Может быть, я был невнимателен на конференции, но мне не приходилось слышать здесь изложения той точки зрения, которую Вы здесь высказали в столь резкой форме и представили как точку зрения всех, кроме Бельской, сторонником которой Вы, таким образом, меня изображаете. Я не выступаю против Вас лишь потому, что Вы взяли на себя ответственность воспользоваться для выражения этой точки зрения своим правом последнего доклада.

С уважением Г. Цейтин.

Стремиться переводить при помощи машин научные тексты с выдачей очень хорошего стиля — это проявление такой же некультурности, как делать вычисления со слишком большим числом десятичных знаков. Так, например, как мне рассказывал Николай Дмитриевич Ньюберг, лица, производящие вычисления числа секций батарей центрального отопления, которое нужно поставить в комнате и которое выражается целым числом, — эти лица в промежутке часто высчитывают ряд величин, скажем, теплопроводности стен и т. д., причём выражают эти величины числами, содержащими много десятичных знаков.

Можно ещё более резко поставить вопрос об упрощенчестве перевода — не нужно бояться слова «упрощенчество»: не только разрешить выход на канцелярском, неуклюжем стиле, но и вход ограничить таким стилем, то есть требовать, чтобы текст, который подаётся на перевод, был регуляризованным. Целесообразно строить алгоритмы только для регулярных текстов. Не нужно стремиться перевести всё. Предлагается, иными словами, составлять алгоритмы перевода, годные не для всех фраз языка, с которого мы переводим, а лишь для правильно составленных регулярных фраз. Нужно понимать историческое место сегодняшнего дня в развитии машинного перевода (который будет, вероятно, развиваться во время всей последующей цивилизации, пока не будет единого языка) и не стремиться сразу переводить всё; это может только затормозить развитие машинного перевода. Этот тезис имеет не только теоретическое значение (такая постепенность и последовательность ускорит развитие машинного перевода); он имеет и чисто практическое значение. В самом деле, отредактировать текст и привести его к регулярному виду проще, чем перевести, причём это может сделать лицо, не знакомое с тем языком, на который мы переводим. Если англичане, скажем, заинтересованы в том, чтобы мы их переводили (а научные работники, как правило, в этом заинтересованы, для того они и печатают свои статьи, чтобы их читали во всём мире), они будут сами перед переводом «причёсывать» текст, чтобы его можно было быстрее перевести на машине. Я присоединяюсь к мнению Роланда Львовича Добрушина, высказанному с этой трибуны, что машинный перевод окажет своё влияние на развитие научного языка вообще. В связи с этим целесообразно, пожалуй, делать две программы машинного перевода или одну разветвляющуюся программу. Первая, более простая часть, годится только для регулярных текстов и пытается сначала любой текст, который поступает в машину, перевести регулярным образом; если же он (текст) окажется нерегулярным — только в этом случае включается более сложная, более громоздкая программа. Есть

надежда, что включение более сложной программы будет случаться редко, и таким образом будет получаться экономия во времени.

По-моему, мы ещё недостаточно ясно высказываем некоторые вполне очевидные вещи — прежде всего, что каждый алгоритм перевода, по существу, предъявляет определённые требования к структуре переводимого текста. Каждый алгоритм рассчитан на определённую такую структуру. По существу это значит, что те алгоритмы перевода, которые созданы, не могут и не должны перевести решительно всё. Вообще мне не ясно, будет ли когда-нибудь создан такой алгоритм, который будет переводить всё, что будет понимать человек, так как ведь и язык развивается, и неизвестно, что будет развиваться быстрее, сам язык или алгоритм перевода. Во всяком случае ясно, что ни один из тех алгоритмов, которые я перечислил, не претендует на то, чтобы перевести всё. Каждый из них предполагает, к сожалению, лишь молчаливо, требования, которые нужно наложить на переводимый текст. Если текст удовлетворяет этим требованиям, то алгоритм сработает. К сожалению, эти требования трудно получить явно, и они не сформулированы отчётливо (то есть не сформулировано отчётливо — так же отчётливо, как сам алгоритм перевода, — что именно разрешается иметь в тексте), однако было бы правильно всё же дать такую формулировку. Это было бы принципиально важно и имело бы значение, выходящее за рамки машинного перевода, значение для общего языкознания.

Мне кажется, что регулярность вводимого текста должна касаться не только синтаксической и вообще грамматической регулярности, состоящей в том, что допускаются лишь такие-то и такие-то синтаксически и грамматически ограниченные обороты речи. Надо требовать и семантической ограниченности вводимого текста, каждый алгоритм нацеливать на перевод для данной семантической области (то есть, попросту, для данной отрасли науки или техники). Может быть, разные алгоритмы (для одного и того же языка, но разных семантических областей) будут очень похожи друг на друга, будут почти одинаковы, но всё-таки каждый раз нужно чётко фиксировать, для какой семантической области это делается. Если ограничена семантическая область, то и синтаксические конструкции будут ограничены, меньше будет многозначности. Не следует думать, что при ограничении семантической области многозначность будет совершенно уничтожена. Она останется для слов, употребляемых и в терминологическом и в нетерминологическом значении одновременно. Так что семантическое ограничение не избавит нас от необходимости решать весьма сложные проблемы машинного перевода.

Итак, первый вывод состоит в необходимости сознательного ограничения как грамматического, так и семантического круга текстов, подлежащих переводу. При этом вовсе не отрицаются потенциально неограниченные возможности машинного перевода. Поэтому я и говорю о «сознательном ограничении». Этот вывод чисто практический, скорее даже организационный (и целиком содержится в универсальном организационном принципе, что начинать надо с простого). Но он имеет и теоретическое значение, так как его применение поможет лучше разобраться в структуре алгоритмов перевода, да и в структуре самих текстов. Этот вывод отражает тенденцию, которая, быть может, не столько легла, сколько должна лечь в основу дальнейшего развития машинного перевода: алгоритмы перевода должны постепенно усложняться, захватывая всё большее и большее разнообразие (в грамматическом и семантическом отношениях) текстов на входе и давая всё более и более правильные (в стилистическом отношении) тексты на выходе.

Второй (это не значит, что менее важный) основной вывод, который можно сделать из доложенных на секции работ, касается уже достаточно отчётливо проступившей тенденции к независимости анализа и синтеза. Здесь имеется в виду не просто наличие отдельных алгоритмов анализа и синтеза — они неизбежны всегда, — имеется в виду независимость анализа переводимого языка от того языка, на который переводят, и независимость синтеза выходного языка от того языка, с которого переводят. Это обстоятельство даёт большую экономию в алгоритмах, потому что если имеется сто языков и мы хотим переводить с каждого на каждый, то попарных комбинаций будет 9900 и, следовательно, нужно 9900 алгоритмов. Если воспользоваться независимыми анализом и синтезом, то достаточно будет сделать сто анализов и сто синтезов и, следовательно, можно будет ограничиться для перевода 200 алгоритмами. Независимые анализ и синтез имеют значение и для совсем других целей, скажем, в применении к построению информационных машин, когда при вводе информации в машину производится, собственно, только анализ, поскольку информация хранится не на каком-то реальном языке, а в логически проанализированном виде, если угодно, на специальном машинном языке. Соответственно, при выдаче информации происходит чистый синтез. Логическая информация синтезируется в виде обычного языка.

Принципиально труднее достичь независимости анализа (анализ вообще наиболее трудная часть машинного, да и не только машинного, перевода).

В первых алгоритмах, будь то англо-русский алгоритм, составленный в Институте точной механики и вычислительной техники, или

французско-русский в Математическом институте, — такой независимости анализа ещё не было. При анализе текста иностранным словам сразу приписывались такие грамматические категории, которые типичны для русского языка и отсутствуют в иностранных языках. Так, французским и английским глаголам (где, как известно, отсутствует категория рода) сразу приписывался род (тот род, который будет в русском языке). Про английский глагол в ряде случаев сразу говорилось, что это деепричастие, хотя с точки зрения английского языка это не деепричастие (но на русский должно переводиться деепричастием). Быть может, во французско-русском алгоритме регистрировалось несколько больше французских характеристик, чем в англо-русском английских характеристик, но объясняется это главным образом различием между французским и английским языком (например, регистрировался род французских существительных, тогда как в английском языке категории рода просто нет), и не в этом принципиальное отличие между указанными алгоритмами (отличие между ними в том, что англо-русский алгоритм основывался на детальном лексическом анализе, на индивидуальном подходе к каждому слову и обороту, в то время как французско-русский алгоритм стремился «мыслить» более широкими категориями и использовать правила, которые были бы применимы не к отдельным словам, а к целым классам слов).

Следующим этапом был англо-русский алгоритм, составленный Т. Н. Молошной, где впервые появляются независимые анализ и синтез. (Насколько они независимые, ещё не очень ясно. С одной стороны, здесь действительно происходит и синтаксический и английский — то есть идущий внутри английского языка — разбор английского предложения, никаких русских категорий английским словам не приписывается. Разбор происходит в соответствии с составленными Т. Н. Молошной конфигурациями, которые в определённой последовательности сворачиваются. Но то обстоятельство, что при переводе английские конфигурации соответствуют русским, и в той же иерархии, заставляет предположить, что либо эти английские конфигурации выбраны в соответствии с русскими и тогда не очень независимый анализ, либо русские конфигурации выбраны в соответствии с английскими и тогда не очень независимым оказывается синтез. По-видимому, именно анализ здесь всё же является независимым.) Принципы Т. Н. Молошной были очень большим и новым шагом вперёд; её алгоритм можно считать первым алгоритмом с независимым анализом, и, действительно, он лёг в основу всех последующих работ по независимому анализу.

В большей степени независимость достигается в ещё не осуществлённых алгоритмах, именно, в алгоритмах, которые существуют только ещё в проектах И. А. Мельчука и Н. Д. Андреева и осуществлены лишь частично.

Н. Д. Андреев при разборе фразы иностранного текста пользуется понятиями формоглифа, тектоглифа и семоглифа. Употребление таких терминов, как «формоглиф», «тектоглиф» и «семоглиф», не способствует доходчивости алгоритма Н. Д. Андреева, но тем не менее это оправдано. Жаль только, что за счёт таких слов многими не совсем отчётливо понимается правильная в общем идея. Формоглиф — это то, что относится к морфологии, тектоглиф — к синтаксису, семоглиф — к лексике. Предположим, что мы анализируем фразу на каком-либо языке. Сначала мы каждому слову приписываем формоглиф первой ступени (это такая морфологическая характеристика, которая присуща данному языку). Затем мы приписываем слову синтаксическую характеристику — тектоглиф первой ступени (специфический для данного языка). Образовав формоглифы и тектоглифы первой ступени, мы их преобразовываем в некоторые уже не зависящие от языков, с которого и на который мы переводим, характеристики, а именно формоглифы и тектоглифы третьей ступени (иероглифы второй ступени играют чисто техническую роль, и я о них говорить не буду). Формоглифы третьей ступени — это результаты межъязыкового анализа по частям речи (то есть анализа по межъязыковым частям речи), а тектоглифы третьей ступени — это результаты межъязыкового анализа по членам предложения (то есть анализа по межъязыковым членам предложения). При синтезе наоборот — от иероглифов третьей ступени мы переходим к иероглифам первой ступени. Список иероглифов первой ступени даётся свой для каждого языка. Иероглифы третьей ступени даются единым списком сразу для всех языков. Этот единый список получается посредством взвешенного усреднения по всем языкам, причём каждый язык берётся с определённым весом. Как образно говорит Н. Д. Андреев, происходит «голосование» языков; язык «голосует» поднятием рук всех говорящих на этом языке людей.

У И. А. Мельчука эта независимость анализа и синтеза проявляется по-другому. Ход его анализа таков. Сначала берётся словосочетание. Далее — синтагма или, поскольку под синтагмой часто понимают конкретное словосочетание, лучше сказать «конфигурация» (термин, укоренившийся в машинном переводе), под которой понимается не конкретное словосочетание, а тип словосочетания (это в известном смысле уже логическое отношение, но ещё в данном языке), затем

логическое отношение — уже межъязыковое, чисто логическое, и на этом анализ кончается. Синтез идёт наоборот — от межъязыкового логического отношения к логическому отношению в языке, на который переводят. Таким способом получается конфигурация того языка, на который переводят, а затем, с учётом лексики, словосочетание. Эти алгоритмы не осуществлены, но успешно осуществляются.

Таким образом, в обоих изложенных подходах имеется независимость анализа и синтеза. Столь полная независимость анализа от синтеза неизбежно приводит к какой-то промежуточной субстанции, к чему-то такому, что появляется в конце анализа, но прежде, чем начинается синтез. То, что появляется, можно назвать языком-посредником. И действительно, оба автора, столь различные по сути своих методов, употребляют термин «язык-посредник». Но понимается он ими совсем по-разному.

У Н. Д. Андреева этот язык-посредник мыслится как материальный язык, с определённой лексикой и грамматикой, совсем как у обычного языка. Но это будет искусственный, непроницаемый язык (хотя, конечно, можно разработать его фонетику); фразы на этом языке — просто комбинации символов, выражающих определённые понятия. Морфологию этого языка образуют формоглифы III ступени, синтаксис — тектоглифы III ступени. Ещё не разработанные детально семоглифы III ступени образуют лексику. Фраза на этом языке имеет такое каноническое строение: определение к подлежащему, подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, предложное дополнение, косвенное дополнение, обстоятельство: «Большой мальчик бьёт лошадь по крупу прутлом больно».

Грамматику и лексику языка-посредника Н. Д. Андреев собирается строить на основе усреднения грамматик и лексик реальных языков. Идею усреднения путём голосования языков Н. Д. Андреев обосновывает тем, что получается экономия при программировании. Я не очень берусь судить об этом, но с логической точки зрения мне не нравится подобное усреднение. Грубо говоря, Н. Д. Андреев поступает так — он выписывает все явления, имеющиеся в одном языке, другом, третьем, двадцатом. Затем выбирает наиболее частые, а остальные отбрасывает. Таким образом получается язык, содержащий лишь наиболее часто встречающиеся грамматические и лексические категории. Язык-посредник получается в виде теоретико-множественного пересечения рассматриваемых реальных языков. Мне представляется, что нужно брать теоретико-множественную сумму с максимальным расщеплением грамматических категорий. Хотелось, чтобы язык-посредник содержал все категории всех языков: надо добиваться, чтобы язык-

посредник был в состоянии выразить любое отношение, которое выразимо простым и стандартным способом хотя бы на одном из рассматриваемых языков, чтобы у него был избыток средств выражения по отношению к любому языку, чтобы он был богаче любого из конкретных языков. Вполне естественно, если не всякое отношение языка-посредника будет адекватно переводиться отношением рассматриваемого реального языка.

По-моему, на первых порах, пока ещё далеко до программирования, указанный путь был бы правильнее, а потом уже можно было бы подумать над тем, что и как можно упростить, какие из категорий языка-посредника можно выбросить. Но вначале желательно иметь общую модель. Если бы оказалось, например, что большинство языков не имеет такой категории, как будущее время глагола, Н. Д. Андреев отказался бы включить категорию будущего времени в свой язык-посредник. А по-моему, надо исходить из другого. Если хоть один язык имеет категорию будущего времени — это уже достаточное основание, чтобы включить его в язык-посредник. Точно так же обстоит дело с наклонениями. Хотелось бы иметь в языке-посреднике и причастия будущего времени, имеющиеся, например, в языке эсперанто. С другой стороны, такую категорию, как грамматический род, нецелесообразно вводить в язык-посредник (если даже она характерна для большинства языков). Подход Н. Д. Андреева к языку-посреднику имеет значение, выходящее за рамки машинного перевода, опять-таки в применении к информационным машинам, потому что его язык-посредник может служить тем самым машинным информационным языком, который ищут все занимающиеся этим делом.

У И. А. Мельчука язык-посредник выступает как система отношений. На этом основании автору бросали упреки, что это ещё не язык-посредник, а схема языка-посредника или система отношений ещё не созданного языка-посредника и т. д. Может быть, не стоит делать эти упреки, а считать, что язык может существовать и рассматриваться лингвистикой, не существуя, грубо говоря, в материальной форме, а существуя лишь как система отношений. Это справедливо для языков, не несущих коммуникативной функции. Я позволю себе сослаться на такой традиционный для лингвистики факт, как рассмотрение праязыков. Как неоднократно указывал В. В. Ив́анов, рассмотрение праязыка в материальной форме некорректно, бессмысленно. Не имеет смысла, например, говорить о тексте, написанном на праязыке, как пытались делать многие лингвисты. Рассматривать праязык корректно лишь как систему отношений. Это не делает его беспредметным с точки зрения лингвистики. В. В. Ив́анов справедливо

заметил, что, подобно праязыку, язык-посредник И. А. Мельчука не несёт коммуникативной функции и потому не стоит его «материализовывать». Язык И. А. Мельчука не менее целесообразен, чем язык Н. Д. Андреева, и бесспорно очень интересен для общего языкознания.

Язык-посредник в обоих смыслах лучшим образом сыграет свою роль для текстов с ограниченной семантикой, то есть для текстов, выбранных из какой-то конкретной области науки.

Есть и другая точка зрения, которая здесь высказывалась И. К. Бельской, что в качестве языка-посредника надо брать русский язык. Эта точка зрения здесь уже критиковалась, на мой взгляд, справедливо; я считаю, что незачем тащить неправильности русского языка за собой: для того и создаётся язык-посредник, чтобы избавиться от всех неправильностей реальных языков.

Должен сказать, однако, что в этой точке зрения, с которой я не согласен, состоящей в выборе русского или какого-либо другого реального языка в качестве языка-посредника, есть, на мой взгляд, одно здоровое зерно.

Дело в том, что не очень ясно, насколько лингвистическая семантика (лексика) языка-посредника может быть сделана независимой (то есть межъязыковой, не зависящей ни от какого из реальных языков), по крайней мере для лексики семантически неограниченных текстов, для любых текстов (ведь словами в языке-посреднике должны служить сами понятия, а составить «словарь» понятий, выразимых в реальных языках, по меньшей мере очень трудно). Неясно, насколько это можно сделать независимым образом до появления объективных методов исследования значений, которые пока что, к сожалению, в лингвистике как будто отсутствуют. Я не согласен с Михаилом Ивановичем Стеблиным-Каменским, который в своём докладе «Значение машинного перевода для языкознания», поставленном первым на этой конференции (этот доклад я считаю замечательным), высказал мысль о том, что лингвистике грозит известная семантизация, и машинный перевод направляет лингвистику в здоровую сторону, к уходу от семантики к формальной структуре языка. Мне же кажется, что это уход по пути наименьшего сопротивления. Описывать синтаксическую структуру формальными методами легче, чем семантику. И я думаю, что правильней было бы сказать, что машинный перевод должен вызвать появление новых, объективных методов исследования значений, исследований лингвистической семантики такими же объективными, формальными и структурными методами, которые структурализм и дальнейшее его развитие предлагает нам для исследования, скажем, синтаксиса.

В связи с этим я хочу отметить заслугу коллектива Института точной механики и вычислительной техники, состоящую во внимании этого коллектива к словарю, к лексике. Этому коллективу принадлежит ряд работ в области лексики и словаря машинного перевода. На мой взгляд, сделано довольно мало, но честь постановки этих специфически лингвистических, семасиологических проблем и заявление, что они играют большую роль в машинном переводе, — принадлежат указанному коллективу. Думаю, что это важно, особенно при переводе текстов, не ограниченных какой-то точно очерченной естественнонаучной областью, хотя и там могут встретиться и неизбежно встретятся разговорные слова, которые делают необходимым исследование лексики.

Дело в том, что точное значение, в лингвистическом смысле этого слова, есть научная абстракция и притом очень далеко идущая. Недостаточно часто в лингвистике повторяют, что предположение наличия значения у слова есть очень сложная и высокая абстракция. В самом деле, если попытаться говорить наивно, значение слова — это совокупность зрительных или каких-либо других чувственных образов, воспоминаний каких-то, которые возникают в связи с этим словом. Когда же мы говорим, что слово имеет одно значение или несколько чётко очерченных, разграниченных значений — это уже очень большая абстракция, а на самом деле значение — вещь гораздо более приблизительная, и мы знаем, что не только машинный перевод, но и любая коммуникация на любом языке приблизительна, что вытекает из тех многочисленных примеров, когда люди не понимают друг друга, что бывает, к сожалению, достаточно часто, когда говорят слова одного и того же родного языка и не понимают их.

Поэтому нужно разрабатывать оценки качества перевода. Разумеется, не художественного перевода, об этих оценках я не говорю. Как совершенно правильно показал в своём докладе на теоретической секции В.В.Иванов, оценка художественных качеств перевода вообще лежит за пределами тематики нашей конференции. Здесь говорится о подстрочном переводе. Что значит, перевод хороший? Что значит, он соблюдает смысл, точен и т. д.? Таких оценок, к сожалению, нет. Поэтому прав, быть может, Н. Д. Андреев, когда он говорит, что, собственно, самое главное не машинный перевод, не автоматический перевод, а автоматическое реферирование; он говорит, следовательно, о таком алгоритме перевода, который сам отбрасывает какие-то несущественные детали текста, он желает предоставить алгоритму это право. Я не вижу, при современном расплывчатом понимании того, что такое «один текст на одном языке есть перевод

другого текста на другом языке», разницы между переводом и реферированием. По существу это есть одно и то же, точной границы тут нет. Но тогда должны быть точные оценки существенного и не существенного в тексте, оценки точности, оценки того, насколько реферат приближается к реферируемому тексту и т. д.

К моему собственному сожалению и, может быть, к радости многих присутствующих здесь, проблема перевода, и даже машинного перевода, не поставлена сейчас как математическая проблема. Она даже не поставлена как логическая проблема. Лишь для очень чётко семантически ограниченных текстов, даже не для реальных текстов научных областей, а для искусственно созданных текстов этих научных областей, она может быть поставлена как логическая проблема, а вообще пока что это проблема лингвистическая, со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Конечно, это проблема весьма и весьма специфическая, которую невозможно решать традиционными лингвистическими средствами.

Вот это обстоятельство (отсутствие точной постановки проблемы) и затрудняет создание теории машинного перевода.

Должен сказать, что на секции алгоритмов машинного перевода не было всё-таки теории машинного перевода. Можно думать, что она была в таком случае на теоретической секции. Но и на теоретической секции также не было теории машинного перевода, там были очень важные теоретические построения, важные не вообще, а для машинного перевода, касающиеся формального описания языка. Эти построения очень существенны, они сами образуют некоторую теорию. Без этой теории, промежуточной между традиционной лингвистикой и будущей, ещё не созданной теорией машинного перевода, нельзя обойтись. Это тот фундамент, на котором теория машинного перевода будет построена, но её ещё нет.

Однако отдельные зёрна создаваемой теории машинного перевода были разбросаны в разных докладах, которые мы заслушали на секции алгоритмов. Вот эти зёрна в случайном порядке.

Первое. В совместном докладе Марии Михайловны Ланглебен и Елены Викторовны Падучевой была высказана идея, касающаяся устранения омонимии. Омонимия имеет очень большое значение в машинном переводе, где она, кстати, чётче отграничена от проблемы полисемии, чем в обычной лингвистике. Типичный пример омонимии: «fogm»-существительное и «fogm»-глагол в английском языке. В указанном докладе была высказана идея как можно более позднего устранения подобной омонимии на возможно более позднем этапе машинного перевода. Если так просто сказать, что надо уstra-

нять омонимию на возможно более позднем этапе перевода, — это вызвало бы справедливые возражения (зачем же долго обращаться с «form» как с существительным, когда это на самом деле глагол). Но дело в том, что в докладе предлагается оригинальный метод устранения омонимии — аффиксальный метод. Именно, предлагается считать, что омонимичные слова есть результат словообразования при помощи нулевого аффикса. Предлагается считать, что омонимичные слова «form»-существительное и «form»-глагол различаются суффиксами (нулевыми), подобно тому, как неомонимичные слова «форма» и «формировать» различаются ненулевыми суффиксами. Это значит, что нужно применять те же методы, как если бы этот нулевой суффикс (или вообще аффикс) был на самом деле. Некоторое время мы не знаем, что это такое, а потом узнаём, какой же из двух нулевых аффиксов надо поставить.

Вот это обращение к словообразованию с нулевыми аффиксами, выражает, на мой взгляд, определённую тенденцию, тенденцию к поморфемному анализу и синтезу (настолько поморфемному, что даже нулевые морфемы учитываются).

Другое выражение той же идеи поморфемного исследования, а именно синтеза, прозвучало в докладе Зои Михайловны Волоцкой, где было предложено синтезировать все формы русского глагола от основы несовершенного вида путём прибавления или удаления тех или иных морфем.

Вообще фразу (написанную) можно представлять себе как поток морфем, если в число морфем включить знаки препинания, пропуск между словами и особую морфему прописной буквы. Тогда фразу можно рассматривать как цепочку таких морфем, и можно было бы предложить алгоритм перевода, исходя из такого поморфемного, а не пословного, анализа. (Роль знаков препинания как морфем письменной речи при анализе русской фразы была показана в докладе Т. М. Николаевой.) Аналогично, и синтезируемую фразу можно мыслить как цепочку морфем, и перевод представлять себе как преобразование одной цепочки морфем в другую цепочку морфем (а не цепочки слов в цепочку слов, как это обычно представляют). Поморфемное представление фразы, когда единицей считается не слово, а морфема, может, таким образом, стать основой машинного перевода. (Заметим, что отголоски этих идей, элементы поморфемного анализа, имеются и в практике составления наряду со словарём основ особого словаря окончаний; морфема-основа приравнивается тем самым по значению к морфеме-окончанию.)

Следующая группа вопросов, важных для теории, — это независимость анализа от выходного языка и независимость синтеза от

входного языка. Это тот камень, который ляжет в фундамент теории машинного перевода.

Далее — в связи с предыдущим — два понимания языка-посредника. Целесообразно, чтобы оба эти понимания существовали одновременно (это не соперничающие школы; не надо понимать так, что одни говорят: «вот это язык-посредник», а другие говорят: «нет, вот это язык-посредник»).

Понимание И. А. Мельчука более неожиданное и более смелое, на мой взгляд. Но при обоих пониманиях необходимо применение методики современной логики и прежде всего логической семантики.

Наконец, уже в связи с принадлежащим И. А. Мельчуку пониманием языка-посредника, стоит выделить в языке и более или менее полная инвентаризация системы отношений языка. Эта задача выходит далеко за рамки машинного перевода и, как мне указал В. В. Иванов, всегда была мечтой всего языкознания. Первым этапом инвентаризации отношений является инвентаризация синтагм (конфигураций). Должен отметить здесь заслуги сотрудниц Лаборатории электромоделирования, которые проделали большую подготовительную работу по первому этапу инвентаризации отношений — инвентаризации синтагм — и выделили около 200 синтагм (конфигураций) в русских математических текстах (см. доклад З. М. Волоцкой, Е. В. Падучевой, Ирины Николаевны Шелимовой и Азы Леонидовны Шумиловой).

Наконец, на секции выявилась ещё одна общая новая идея, на наличие которой обратил моё внимание В. В. Иванов. Это анализ (и, возможно, последующий перевод) фраз по менее крупным кускам, чем целое предложение, но по более крупным кускам, чем отдельные словосочетания. То, что перевод должен быть не пословный, было ясно сразу. Теперь предлагается разбивать фразы на некоторые куски и делать перевод или, по крайней мере, анализ в пределах одного куска. Особенно ясно это на примере перевода с китайского языка, что и было продемонстрировано в докладе В. А. Воронина. Для русского языка первые намётки были сделаны в докладе Е. В. Падучевой, где такими кусками служили обороты с однородными членами. Границами кусков служили сочинительные союзы (вообще, установление критериев для определения границ кусков является здесь одной из основных проблем). Отчасти это было видно и в докладе И. Н. Шелимовой, где такими кусками явились предложные обороты. Эти куски — уже более крупные единства, чем синтагмы.

Такой переход от синтагмы к кускам знаменует и переход к дальнейшему очень существенному этапу — формализации всей синтаксической структуры фразы в целом. Это очень важная вещь.

Уместно вспомнить вопрос, поставленный Андреем Николаевичем Колмогоровым: какие наборы слов образуют правильные фразы? Это можно распознать лишь на основе формализации синтаксической структуры. И, может быть, поморфемное представление этой структуры, то есть рассмотрение предложения не как цепочки слов, а как цепочки морфем, может пролить свет на этот вопрос.

Однако совершенно ясно, что синтаксических вариантов фраз необычайно много, перечислить все их нет возможности, тем более, что фразы могут быть неограниченной длины (для них нельзя составить полный словарь). Поэтому невозможно добиться формализации без иерархии и классификации. Имеется в виду здесь иерархия и классификация единств, этих кусков разных типов, начиная от морфемы и кончая целой фразой. Имеется также в виду иерархия и классификация отношений, которые выделяет И. А. Мельчук. В самом деле, все словосочетания перечислить тоже невозможно, и когда перечисляют 200 синтагм (конфигураций), то понимают их как обобщённые единства, как сочетания типов слов. (Это укрупнение слов в типы идёт ещё от французско-русского алгоритма О. С. Кулагиной и И. А. Мельчука.) Так, может быть, можно говорить о типах отношений, сочетании типов отношений, типах этих сочетаний и т. д., то есть укрупнять отношения, получая отношения высшего порядка, которые снова укрупнять и т. д.?

Вероятно, только на таком древовидном пути можно достичь успеха. Для этого полезно изучать языки разных языковых групп. То, что видно на одном языке, может быть применимо и к другому языку, хотя это в нём и завуалировано. Так, например, разбиение фразы на куски более ясно видно в китайском языке, чем в русском, хотя, вероятно, и для русского языка это оправдано.

Но пока что переводы с разных языков должны занимать нас только как поиски разных принципиальных схем алгоритмов машинного перевода. Это главное, и эти поиски важнее, чем взятые сами по себе попытки создания алгоритмов перевода сразу с многих языков. Перевод с многих языков на данном этапе важен лишь постольку, поскольку он позволяет нащупать разные принципиальные пути составления алгоритмов перевода. Не следует увлекаться простым количеством новых алгоритмов. Только пробой разных схем можно получить возможность отобрать лучшую схему. Это особенно важно в связи с построением специализированной переводческой машины, которую целесообразно рассчитывать на лучшую схему, и не следует проявлять здесь излишней торопливости.

Если раньше в отношении к машинному переводу сквозил скепсис, и это недоверие вредило делу, то сейчас наблюдается некоторая

торопливость, которая, быть может, также вредит. Вычислительные методы существовали и до вычислительных машин. Современные вычислительные машины зачеркнули многие из этих методов, но легче было зачёркивать что-то старое, переделывать старое, чем создавать новое на пустом месте. Целесообразно в этой связи вырабатывать методику составления алгоритмов перевода.

Символика Н.Д. Андреева полезна именно с этой педагогической и методической точки зрения. Она полезна, так как унифицирует метаязык машинного перевода (здесь Н.Д. Андреев правильно употребляет этот термин).

Представляет интерес изучение логической структуры алгоритмов перевода, расчленение их на более частные алгоритмы и выяснение сочетания этих более частных алгоритмов.

Интересно выяснить, например, взаимоотношение синтаксического и морфологического анализа. В математике существует метод последовательного приближения (делается какая-нибудь гипотеза, может быть и неверная, в процессе разработки она уточняется, переоценивается и т. д.). То же самое происходит при одновременном синтаксическом и морфологическом анализе. Какие-то синтаксические характеристики уточняются при морфологическом анализе и обратно. Здесь было бы интересно разобраться в логической структуре и разделить, расчленить синтаксический и морфологический анализ. Сделаем гипотезу: пусть есть вся морфологическая информация. Какую синтаксическую информацию отсюда можно извлечь и как? Другая гипотеза: пусть дана вся синтаксическая информация. Как и какую добыть морфологическую?

С этой точки зрения представляет интерес перевод уже подготовленного текста, то есть разобранного по частям речи или членам предложения или по тем и другим лицам, знающим лишь входной язык. Эти части речи и члены предложения могут быть или специально приспособленными к нуждам машинного перевода, подобно формоглифам и тектоглифам Н. Д. Андреева, или традиционными грамматическими. Я не думаю, что нужно отказываться от школьной традиционной грамматики, хотя вероятно, положено считать, что все математики должны восставать против школьной грамматики. Школьная грамматика уже потому не совсем бессмысленна, что ей можно обучить; значит, она имеет какой-то объективный смысл, значит, есть какая-то сущность (и именно настолько школьный разбор предложения не является бессмысленным, насколько ему можно обучить). Другое дело, что неясно, насколько это нужно для машинного перевода. Может быть, некоторые части речи (в традиционном

смысле) не используются, и их не нужно использовать в машинном переводе, но это ещё не значит, что они плохи, что они хуже специально придуманных нами категорий, это не значит даже, что они не могут быть формально описаны. Это значит только, что мы не умеем пока их описать с той же точностью, как искусственные.

Вообще, машинный перевод имеет очень большое значение для самого языкознания (это один из основных итогов работы секции). Имеется в виду не только зачёркивание старых понятий, роль машинного перевода не только деструктивная, но и конструктивная. Конструктивная не только введением новых понятий. Быть может, самое важное — уточнение старых, традиционных понятий; об этом говорил М. И. Стеблин-Каменский, и я полностью к нему присоединяюсь. Прибавлю только те выводы, которые даёт рассмотрение алгоритмов машинного перевода для общего теоретического языкознания и которые непосредственно вытекают из работы секции.

1. Выясняется, что такое анализ и разбор предложения, что такое синтез предложения.

2. Выясняется взаимоотношение морфологии и синтаксиса. Это может быть получено путём изучения взаимоотношений частных алгоритмов перевода.

3. Морфологическая классификация языков может быть проведена в связи с классификацией по сложности алгоритмов перевода.

4. В связи с машинным переводом у лингвистов появилось внимание к письменному языку. Письменная речь ставит свои проблемы. Когда я впервые познакомился с лингвистикой, меня удивило, что лингвисты единственным предметом своего изучения считают устный язык, а письменный язык для них вроде метаязыка, на котором лингвисты пишут свои сочинения об устном языке. Я хочу приветствовать то внимание к письменной речи, которое неизбежно появляется в связи с появлением машинного перевода. При морфемном представлении письменной речи появляются особые морфемы: знаки препинания и морфема прописной буквы. Далее, при рассмотрении письменного текста не возникают трудности, связанные с распознаванием автонимии, поскольку имеются кавычки. Пока я говорил о том, что присутствует в письменной речи и упрощает её с точки зрения перевода. Но есть и отсутствующие элементы. Их отсутствие усложняет перевод. Это интонация, смысловое ударение и т. п.

Много здесь говорили о роли математиков в машинном переводе. Было бы правильнее, если бы роль математиков в машинном переводе оценивали лингвисты, а не математики. Однако, сообщив это мнение, я ему не последую и всё же выскажу собственную точку зрения.

Я думаю, что математики должны принимать участие на всех стадиях машинного перевода. Машинный перевод требует высокой логики и высокого знания языка. Поэтому нужна совместная работа лиц, которые среди представителей всех других наук имеют наибольший языковой опыт (таковы лингвисты), и лиц, которые среди представителей всех других наук имеют наибольший опыт владения дедуктивной логикой (таковы математики; если бы этими качествами обладали не математики, а физики, то нужно было бы взять физиков).

Применение математики не нужно видеть в символике, в громоздкости аппарата. Математика как раз нужна для того, чтобы внести простоту и ясность в кое-какие неясные, туманные вещи.

Машинный перевод основывается на простых, элементарных идеях и будет ещё в большей степени основываться на них. Общеизвестно, что великие идеи всегда просты. Современные вычислительные машины (которые делают переворот в цивилизации) основываются на простых идеях, высказанных фон Нейманом и состоящих в том, что не только содержимое ячеек памяти, но и сами адреса (имена ячеек, в которых хранится информация), и сами команды могут подвергаться арифметическим операциям в процессе работы машины. Эта идея и стала основой всего современного программирования; в конечном счёте, не будь этих идей, мы не собрались бы здесь сейчас. Я думаю, что примерно такого же рода элементарные идеи и будут существенны для машинного перевода (не для программирования его на машинах, а для составления принципиальных алгоритмов).

Кстати, о программировании. Секция занималась и вопросами программирования машинного перевода. Тут были доклады представительниц Математического института Галины Павловны Багриновской, Татьяны Леонидовны Гавриловой, О. С. Кулагиной, Галины Владимировны Чековой. О. С. Кулагина разработала систему стандартных операторов, применяемых при программировании алгоритмов перевода. Эта система операторов позволяет решить вопрос об автоматизации программирования. Более того, как указал А. А. Ляпунов, символика, разработанная Н. Д. Андреевым, позволяет надеяться, что удастся создать алгоритм, приводящий от записи правил перевода в ленинградской символике к операторной схеме О. С. Кулагиной и, следовательно, далее к программе.

Чтобы привести информацию к виду, удобному для программирования, необходимо прежде всего закодировать её в числовой форме. Вопросы кодирования языковой информации нашли своё отражение в работе секции. Так, был заслушан специальный доклад Игоря Леонидовича Братчикова, Сергея Яковлевича Фитиалова и Григория

Самуиловича Цейтина, в котором рассматривались вопросы рационального кодирования и расположения в памяти машины словаря, используемого при машинном переводе. Статистические вопросы лексического кодирования рассматривались также в докладе Виктора Ивановича Григорьева и Герольда Георгиевича Белоногова. Оказывается, что если кодировать слова побуквенно, то в среднем на слово приходится 60 двоичных знаков — 60 ударов телеграфного ключа; если кодировать поморфемно, то среднее число двоичных знаков сокращается до 22. Если же учитывать корреляцию морфем, то можно получить ещё более сильный результат (19 двоичных знаков).

От программирования и кодирования естественно перейти к вопросу о построении специализированных машин для машинного перевода. Этот вопрос был подробно рассмотрен в докладе Льва Израилевича Гутенмахера на пленарном заседании. Обсуждался он и на секции. Так, в докладе Г. В. Чековой было указано, что из арифметических операций при машинном переводе используется только вычитание, а остальные операции в основном логические, так что при наличии большой быстродействующей долговременной памяти рабочая память может быть небольшой. Все эти соображения, конечно, следует иметь в виду при построении машины.

Какова бы ни была машина, в неё нужно автоматически вводить информацию; если её вводить вручную, это будет тормозить процесс перевода. Нужно поэтому автоматическое читающее устройство. По этому вопросу были соответствующие доклады. Я думаю, что это очень специальная проблема и одновременно очень важная. Целесообразно созвать специальное Всесоюзное совещание по этим вопросам, потому что подобные устройства делаются в разных местах, но совершенно неkoordinированно. Сюда же относится и проблема автоматического ввода устной речи. Звуки речи можно без труда превратить в кривые и, таким образом, рассматривать их как буквы некоторого алфавита, только написанные очень плохим почерком, так что трудно, имея две буквы, распознать, одна это и та же буква или нет.

Пожалуй, я на этом закончу.

В заключение, пользуясь тем, что я последний официальный докладчик (в том смысле, что мой доклад указан в программе последним), хочу сделать одно высказывание, к которому, я уверен, присоединятся все присутствующие. Я хочу выразить благодарность нашему гостеприимному хозяину — Первому Московскому государственному педагогическому институту иностранных языков, который созвал эту конференцию, являющуюся событием в истории отечественного языкознания. [*Аплодисменты.*]

О преподавании математики студентам—языковедам

Отсутствие в учебных планах языковедных специальностей обязательного курса математики представляется анахронизмом. Современному языковеду необходим определённый минимум математических знаний. Поэтому математика должна преподаваться студентам-языковедам в качестве обязательного предмета. В данном сообщении речь идёт лишь об обучении математическому минимуму, обязательному для всех языковедов; те из них, которые желают специализироваться в дальнейшем по математической лингвистике, должны, разумеется, обучаться математике дополнительно.

Имеются в виду следующие три цели обучения математике языковедов.

1. Овладение математическими методами исследования, включающими прежде всего по возможности чёткое выделение основных абстракций, сознательную идеализацию, разграничение между определяемым и неопределяемым и между установленным и гипотетическим, дедуктивное получение одних фактов из других и т. п.

2. Овладение «математическим языком» — языком основных математических понятий, столь общих, что с их помощью могут быть выражены многие факты действительности, в том числе и факты языка (примерами таких понятий служат понятия множества, отображения, упорядочения, изоморфизма, вероятности, частоты, энтропии, избыточности, алгоритма, исчисления и т. п.); к этому примыкает знакомство с основными понятиями логики, уточняемыми посредством математической логики, и кибернетики.

Опубликовано в сборнике: Питання прикладної лінгвістики: Тези доповідей міжвузівської наукової конференції 22—28 вересня 1960 року [Вопросы прикладной лингвистики: Тезисы докладов межвузовской научной конференции 22—28 сентября 1960 года]. — Чернівці [Черновцы]: Видання Чернівецького державного університету [Издательство Черновицкого государственного университета], 1960. — С. 84—86.

Пленарные заседания происходили 22 и 28 сентября, в остальные дни работали три секции: Структурной и математической лингвистики, Перевода и методики, Машинного перевода. Мой доклад состоялся на второй из этих секций 27 сентября 1960 года.

3. Овладение минимумом математических сведений, нужных для того, чтобы

а) можно было самостоятельно применять простейшие математические результаты к исследованию языка;

б) можно было самостоятельно читать литературу по математической лингвистике;

в) можно было самостоятельно повышать свою математическую квалификацию (что является всего лишь желательным, но отнюдь не необходимым) путём чтения литературы или прослушивания дополнительных курсов.

Эти цели и обуславливают выбор математических дисциплин, включаемых в учебный план.

Первой цели отвечает изучение таких разделов математики, как теоретико-множественная топология, теория кардинальных и ординальных чисел, основания геометрии, геометрия положения, теория геометрических построений и т. п.

Второй цели отвечает изучение основных понятий таких разделов математики, как общая теория множеств и функций, математическая логика, теория алгоритмов, теория вероятностей, теория информации и т. п., а также изучение основных понятий кибернетики.

Третьей цели отвечает изучение основных фактов таких разделов математики, как комбинаторика, математический анализ, математическая статистика, программирование и т. п., а также изучение принципов работы вычислительных машин.

Уже самый предварительный подсчёт показывает, что на преподавание математики должно быть отведено в целом не менее 600—700 часов.

Кроме преподавания обязательного минимума, целесообразно производить чтение специальных и факультативных курсов по математике (например, таких, как «дополнительные главы математической логики», «дополнительные главы теории информации», «дифференциальные уравнения», «гармонический анализ»).

Преподавание каждой математической дисциплины непременно должно быть осуществляемо не только в лекционной форме, но также и в форме упражнений с обязательным решением достаточного числа задач (или даже, как, например, в случае программирования, только в форме упражнений).

Обучение студентов математике предполагает, разумеется, владение математикой в объёме средней школы. Поэтому представляется необходимым либо выделение специальных часов на повторение школьного курса (что менее рационально), либо учреждение вступительного экзамена по математике для поступающих на языковедческие специальности (что более рационально).

Лингвистические исчисления

1. Составить грамматику языка — значит тем или иным способом описать, какие предложения являются допустимыми в этом языке, то есть при необходимости могут быть произнесены или написаны, так как являются грамматически правильными. Понятие грамматической правильности не совпадает с понятием истинности или осмысленности. Так, предложение *корова летает благодаря курению дивана* можно считать грамматически правильно построенным, хотя не очень просто представить себе ситуацию, которую оно описывает. Интуитивное представление о грамматической правильности не является вполне отчётливым и одинаковым у различных людей: однако, как показывает опыт, формализация ясных случаев помогает затем понять причины неясности в остальных.

2. Возможны по крайней мере два подхода к решению поставленной задачи — построить разрешающий алгоритм для множества грамматически правильных предложений или построить исчисление, которое будет порождать все правильные предложения и только их. Имеются определённые соображения в пользу того, что именно понятие исчисления следует скорее всего считать уточнением понятия грамматики языка. Так, веками сложившаяся практика обучения иностранному языку состоит в том, что человека учат, прежде всего, порождать предложения незнакомого языка или их части. Например, при изложении грамматики английского языка учат тому, как выражается в английском языке множественное число (окончаниями *-s*,

Опубликовано в сборнике: Труды IV Всесоюзного математического съезда. — Т. 2. Секционные доклады. — Л.: Наука, 1964. — С. 83—90. (Соавторы: Мария Владимировна Ломковская, Елена Викторовна Падучева.)

Текст статьи представляет собою изложение 40-минутного обзорного доклада, сделанного 4 июля 1961 года на заседании секции «Математическая логика и основания математики» IV Всесоюзного математического съезда. Съезд проходил в Ленинграде с 3 по 12 июля 1961 года. Инициатива (и притом весьма настойчивая) этого доклада принадлежала А.А.Маркову в качестве заведующего кафедрой математической логики МГУ; я был в то время доцентом названной кафедры.

-es, -en и т. д.), а не тому, какие значения может иметь окончание -s (множественное число существительного или 3-е лицо единственного числа глагола). Попытки составить для пассивного овладения языком какие-то иные грамматики, которые имели место в последнее время, по-видимому, не дали положительных результатов: изложение грамматики языка в виде правил порождения оказывается более удобным не только при обучении активному пользованию языком, но даже и при обучении пассивному пониманию языка.

Это положение можно — в не очень ясных терминах — объяснить таким образом, что порождение предложений представляет собой некоторый прямой — и потому более простой и естественный — процесс, тогда как распознавание правильности предложения является обращением этого процесса, чем-то вторичным и потому более сложным для описания, запоминания и т. д.

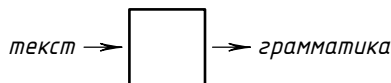
Необходимость уточнения понятия грамматики языка возникла с появлением вычислительных машин, которые могут выполнять определённые операции над языком. При этом возникла длинная серия задач, которые, пользуясь выражением Тьюринга [12], можно свести к задаче научить машину имитировать человека в его речевом поведении. Пока речь шла о грамматиках, по которым может научиться языку человек, существующих грамматик, несмотря на всю их неполноту, было достаточно. Дело в том, что человек каким-то, пока неизвестным нам образом способен овладеть языком и вовсе без грамматики: так обучается — и в относительно короткий срок — своему первому языку ребёнок, так обучается языку человек, попавший в чужую страну. Машине, в отличие от человека, нужна формулировка грамматики в виде явных и не имеющих исключений правил (если не ставить задачу имитации процесса обучения).

Всё это не значит, что такая грамматика будет ценна только своими машинными приложениями: именно построение грамматики для машины позволит полностью осознать, как пользуется языком человек.

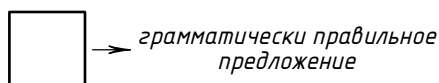
3. Идея о том, что построение и оценка точных грамматик является основной задачей лингвистики, принадлежит американскому лингвисту Н. Хомскому [15], [16], [18], [21]; первые работы которого по этому вопросу появились в 1956 году¹. До Хомского предел

¹ Если говорить о предьстории лингвистических исчислений, то безусловно следует упомянуть работы Б. Уорфа [33], Ч. Фриза [24] и З. Харриса [26]. Слово «исчисление» в применении к лингвистике впервые появилось в работе Ф. Харвуда [28], опубликованной в 1955 году под названием «Аксиоматический синтаксис; построение и оценка лингвистических исчислений». В ней, однако, не содержится ещё никаких конкретных результатов.

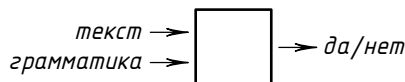
точности в постановке лингвистических проблем был достигнут в американской школе так называемой дескриптивной лингвистики. Задачей точной лингвистики здесь считалось описание формальных операций, позволяющих переходить от текста на данном языке к грамматике этого языка, то есть создание устройства вида

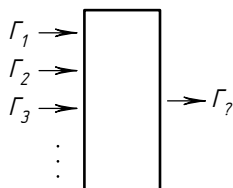
Хомский заявил, что эта постановка задачи бессмысленна, пока мы не знаем, что представляет собой сама грамматика, то есть устройство вида

Задачей лингвистической теории он предложил считать оценку пригодности данной грамматики для данного языка; схематически лингвистическую теорию можно представить в виде следующего устройства:

4. Грамматика языка в том виде, в каком она представляется обычно, является весьма сложной и трудно обозримой. Для того чтобы иметь возможность изучать свойства грамматики и сравнивать различные грамматики между собой, желательно строить грамматику на основе какой-то более или менее простой математической модели, которая будет определять стандартный вид грамматического правила. Такая грамматика будет лишь приблизительно отражать многообразные законы языка. Поэтому необходимо рассмотреть серию таких приближений, сравнивая их друг с другом с точки зрения пригодности для языка. Тогда возникает более слабая, но и более реалистичная формулировка для задач лингвистической теории; её можно представить в виде устройства, которое сравнивает между собой различные грамматики с точки зрения их пригодности для данного языка:

К грамматике естественно предъявить следующие требования: 1) грамматика должна обладать надлежащей «порождающей силой», то есть порождать все грамматически правильные предложения и не порождать лишних; 2) кроме того, грамматику следует оценивать с точки зрения её «объяснительной силы». Это с трудом формализуемое требование состоит в том, что процесс порождения предложения грамматикой должен в каком-то смысле отражать процесс его понимания или порождения человеком. Существенным свойством грамматики является также возможность построения на её основе разрешающего алгорифма.

5. Под грамматикой языка обычно понимаются правила, которые определяют построение слова из морфем и принадлежат морфологии, а также правила, которые определяют построение предложения из слов (или, иногда, морфем) и принадлежат синтаксису. С равным основанием можно было бы говорить, однако, и о других видах грамматики. Так, каждый язык характеризуется определённой «грамматикой слога», так как в каждом языке существуют свои законы сочетаемости фонем. Например, грамматика слога в японском языке не допускает сочетаний согласных типа *|сн|* или *|зр|*, столь обычных для русского языка: заимствование из русского языка типа *Ленинград* звучит в японском языке как *Ренингурадо* (о грамматике слога для японского языка см. [11]; о грамматике слога для английского языка см. [33]).

Определённая «грамматичность» существует также в сочетании слогов друг с другом. Эта грамматика, как правило, накладывает ограничения на слоги, которые могут встречаться в безударном положении в слове. В русском языке, например, одно из правил такой грамматики состоит в том, что слог, который находится непосредственно перед ударным слогом, не может содержать гласную *|о|*, а слог, расположенный через один от ударного, — ни *|о|*, ни *|а|* (ср. сочетание слов *за столом*, которое произносится как *|зѣ-ста-лѐм|*; о построении исчисления для фонетического уровня языка см. работу М. Халле [25]; ср. также [32]).

Одним из разделов точной грамматики, безусловно, должны являться правила построения слова из морфем, то есть правила словоизменения и словообразования. Правила словоизменения для русского языка приводятся в некоторых словарях (см., например, [5], [35]); правила словоизменения для русских научных текстов см. в работе [4].

Наиболее интересные математические вопросы возникают при построении исчислений, порождающих предложения (из слов или

морфем). Цель доклада — дать обзор работ, содержащих построение и оценки таких исчислений².

6. Богатый и интересный комплекс идей в этом направлении принадлежит Хомскому. Хомский предложил три модели языка [15], или, вернее, три типа порождающих грамматик. Первая из них — это так называемая грамматика с конечным числом состояний, представляющая собой разновидность конечного автомата [15], [16], [22]. Грамматика с конечным числом состояний выдаёт символы из некоторого алфавита («словаря») при переходе из одного состояния в другое. Выделено начальное состояние, которое является и конечным. В основе такой модели лежит, в сущности, представление о том, как человек говорит какое-либо предложение; он последовательно произносит слова этого предложения, при этом его память как-то изменяет своё состояние после каждого произнесённого слова; дойдя до «точки», он возвращается в первоначальное состояние. Число состояний естественно предположить конечным, так как конечен весь человек.

В связи с этой моделью были затронуты чисто математические вопросы теории автоматов. Понятие языка с конечным числом состояний, то есть языка, порождаемого грамматикой с конечным числом состояний, по существу совпадает с введённым В. А. Козмидиади [6] понятием конечно-перечислимого множества (то есть множества, перечислимого конечным автоматом). Как показал В. А. Козмидиади, конечно-перечислимые множества совпадают с конечно-разрешимыми (то есть множествами, представимыми в конечном автомате; см. статью Медведева [9]). Совпадение языков с конечным числом состояний с регулярными событиями было замечено Хомским [19], прим. 10, и доказано Чуликом [23].

Практическое значение этой модели для лингвистики, как утверждает Хомский, невелико. В самом деле, если принять, что все предложения вида

Человек, сказавший, что А, пришёл;

Человек, сказавший, что женщина, сказавшая, что А, уехала, пришёл;

Человек, сказавший, что женщина, сказавшая, что человек, сказавший, что А, пришёл, уехала, пришёл;

Человек, сказавший, что человек, сказавший, что человек, сказавший, что А, пришёл, пришёл, пришёл;

² Существует много работ, в которых содержится весьма полный и систематизированный материал, необходимый для построения точной грамматики, не представленный, однако, в форме исчисления. Таковы, в частности, работы, связанные с машинным переводом. Отразить их в настоящем докладе, к сожалению, не представилось возможным.

и так далее во всех вариантах до бесконечности являются допустимыми в языке, то этот язык не будет языком с конечным числом состояний [15]. На этом основании Хомский считает, что грамматики с конечным числом состояний не обладают достаточной порождающей силой. Однако допустимость в естественном языке такого неограниченного распространения предложения является спорной, и главным недостатком грамматик с конечным числом состояний является отсутствие у них объяснительной силы: «автоматный», а попросту линейный, способ порождения цепочек ничего не говорит о грамматической структуре и связях элементов в этих цепочках.

7. Вторая математическая модель грамматики, предложенная Хомским, — это так называемая грамматика непосредственных составляющих (phrase structure grammar; см. [15], [16], [19], [21]). Эта грамматика получила своё название от метода анализа по непосредственным составляющим, распространённого в американской лингвистике. При анализе по непосредственным составляющим предложение расчленяется на части (обычно две) — непосредственные составляющие; в этих частях выделяются свои непосредственные составляющие и т. д., пока мы не дойдём до отдельных морфем. Составляющим могут быть даны специальные имена (или символические обозначения); например, непосредственными составляющими предложения чаще всего являются группа подлежащего и группа сказуемого. Грамматики Хомского в точности отражают этот процесс.

Грамматика представляет собой исчисление довольно общего вида. Она состоит из алфавита символов — «словаря», содержащего как конкретные слова и морфемы, так и вспомогательные символы для классов слов и словосочетаний (которых не было в первой модели), и набора правил вывода, имеющих вид $\chi \rightarrow \omega$ и позволяющих заменить χ на ω в уже выведенной цепочке. Вывод начинается с символа, обозначающего предложение. Затем по одному из правил вывода этот символ заменяется цепочкой своих непосредственных составляющих (например, «группа подлежащего» + «группа сказуемого»); эти символы, в свою очередь, заменяются цепочками своих непосредственных составляющих и т. д. В конце символы классов слов или морфем заменяются конкретными представителями этих классов. Полученная цепочка слов (или морфем) называется предложением языка, порождаемого этой грамматикой. Нетрудно видеть, что дерево вывода предложения в такой грамматике даёт его анализ по непосредственным составляющим.

Хомский рассматривает несколько типов грамматик непосредственных составляющих, которые получаются при накладывании

ограничений на вид правил. Если в качестве χ и ω допускать произвольные цепочки в некотором фиксированном алфавите, то такие грамматики (грамматики типа 0) будут порождать все перечислимые множества цепочек в этом алфавите. Затем накладываются три ограничения последовательно возрастающей строгости; в грамматике типа 1 правило вывода состоит в замене одного символа непустой цепочкой в зависимости от некоторого окружения — контекста; в грамматике типа 2 — бесконтекстной — правила не используют контекст; наконец, грамматики типа 3 эквивалентны грамматикам с конечным числом состояний (то есть для каждой грамматики типа 3 можно найти грамматику с конечным числом состояний, порождающую тот же язык, и обратно). Языки, порождаемые этими грамматиками, называются языками типов 1, 2 и 3 соответственно.

Каждая из грамматик типов 1 и 2 имеет — с точки зрения применимости к естественному языку — свои достоинства и недостатки. Бесконтекстные грамматики проще и, по-видимому, обладают должной порождающей силой; но для отображения некоторых свойств языка (например, согласования) бывает удобнее применять грамматику типа 1.

Граматики непосредственных составляющих изучались с формально-математической точки зрения (как исчисления специального вида). Было, например, доказано, что всякий язык типа 1 разрешим, но обратное неверно; что языки типа 3 образуют булеву алгебру, а языки типа 2 — нет; доказана алгоритмическая разрешимость (по грамматике) основных свойств языка типа 2; доказано, что невозможно по грамматике типа 2 алгоритмически распознать, является ли порождаемый ею язык языком типа 3 (то есть эквивалентна ли она какой-либо грамматике типа 3), но дано достаточное условие этого и т. д. [19], [20], [14], [31].

8. Очень интересно порождающее устройство, предложенное Ингве [34]. Это устройство сочетает в себе объяснительную силу грамматики непосредственных составляющих и «линейность» порождения, характерную для автомата. По своей порождающей силе оно эквивалентно грамматике с конечным числом состояний (грамматике типа 3), но выдаёт предложение вместе с деревом его вывода в линейном порядке (то есть нечто аналогичное формуле в бесскобочной символике Лукасевича).

В основу этого механизма положена следующая гипотеза о структуре языка (по крайней мере разговорного): естественно считать, что в порождении предложения участвует временная память, способ-

ная вместить лишь небольшое количество символов. Говоря начало предложения, человек должен в общих чертах представлять себе, о чём пойдёт речь дальше (например, начиная предложение словами *достойный всяческого уважения, но, тем не менее, получивший...*, человек должен помнить, что где-то дальше ему нужно будет дойти до существительного мужского рода в именительном падеже единственного числа, и потом — до какой-то группы сказуемого). Гипотеза Ингве открывает возможность экспериментальных исследований, например, объёма памяти, необходимого для порождения предложения какого-либо языка (глубины языка, по выражению Ингве), и т. п.

9. Некоторые лингвистические исчисления возникли на основе разрешающих алгорифмов или алгорифмов синтаксического анализа для машинного перевода. Так, С. Я. Фитиалов и М. И. Белецкий [13], [2] независимо друг от друга предложили некоторый критерий для определения правильной построенности предложения. Этот критерий состоит в следующем: в большинстве предложений языка можно естественным образом определить бинарное отношение подчинения между словами (прилагательное подчиняется существительному, к которому оно относится и с которым согласуется, дополнение подчиняется глаголу и т. п.).

Если предложение является правильно построенным, то оно должно удовлетворять трём условиям: во-первых, каждое сочетание двух слов — подчиняющего и подчинённого — должно быть в каком-то смысле допустимым (имеется в виду принадлежность к тем или иным частям речи, согласование, относительное расположение и др.); во-вторых, граф, соответствующий этому бинарному отношению, должен быть деревом; в-третьих, это дерево должно быть связано с предложением как цепочкой слов так называемым условием конфигурационности (каждое множество слов, опосредствованно или непосредственно подчинённых одному слову, должно занимать связный кусок цепочки). Вопрос о правильности предложения тем самым сводится к правильной построенности отдельных словосочетаний.

Исходя из подобных же представлений, М. В. Ломковская [8] предложила моделировать грамматику русского языка исчислением, в котором сперва порождаются деревья, узлам которых поставлены в соответствие классы слов, а потом из этих деревьев порождаются предложения как цепочки конкретных слов.

10. Помимо процессов порождения предложения, описанных выше, механизм человеческой речи включает, по-видимому, и прин-

ципиально иной процесс. Так, человек безусловно ощущает связь между предложениями

$$\left. \begin{array}{l} \text{Рабочие строят дома} \\ \text{Дома строятся рабочими} \end{array} \right\}, \quad (1)$$

между предложениями

$$\left. \begin{array}{l} \text{Собаки лают} \\ \text{Лают ли собаки} \\ \text{Собаки не лают} \end{array} \right\} \quad (2)$$

и т. д. Естественно считать, что эти предложения строятся не по отдельности, каждое из своих частей, а получаются путём преобразования одного в другое. Исходя из этого, Хомский [15], [16], [18], [17] предложил включить в грамматику правила особого вида, называемые правилами трансформации. Трансформации применяются к цепочкам символов, уже выведенным в грамматике непосредственных составляющих. Правило трансформации состоит из двух частей: условие применимости трансформации и собственно преобразование. Условие применимости задаётся структурой составляющих данной цепочки. Если цепочка символов может быть разложена на составляющие по-разному (то есть имеется омонимия), то трансформация может быть применима к этой цепочке при одном разложении на составляющие и неприменима при другом. Например, трансформация «вынос обстоятельства в начало предложения» применима к предложению *Художник рисовал зимнюю дорогу в лунную ночь*, если *в лунную ночь* является обстоятельством к слову *рисовал*, и неприменима, если *в лунную ночь* является определением к слову *дорога*.

Преобразование, задаваемое правилом трансформации, заключается в том, что некоторые из составляющих изменяют свои места, некоторые выбрасываются, на определённые места вставляются новые символы; например, трансформация пассива [см. пример (1)] описывается следующим образом:

$$\begin{aligned} C_1 + \text{им. пад.} \cup \Gamma \cup C_2 + \text{вин. пад.} &\Rightarrow \\ \Rightarrow C_2 + \text{им. пад.} \cup \Gamma + \text{пасс.} \cup C_1 + \text{тв. пад.} \end{aligned}$$

Общий план грамматики, включающий трансформации, таков: вначале с помощью грамматики непосредственных составляющих (или какой-либо иной из описанных выше) порождается так называемое ядро языка; затем к предложениям ядра применяются трансформации. Такое построение грамматики позволяет использовать трансформации для описания смысла предложений (семантики языка): если

известен смысл предложений ядра, то легко установить и смысл всех остальных предложений, так как трансформация либо оставляет смысл неизменным, либо даёт изменение смысла, которое можно точно определить³ (ср. трансформацию вопроса, трансформацию отрицания, трансформацию изменения наклонения, введения сложных глагольных форм и т. д.).

В связи с этим было предложено строить грамматику языка таким образом, чтобы ядром был некоторый максимально ограниченный язык (МОЯ) — язык, который был бы предельно ограничен в отношении допустимых синтаксических конструкций и словаря, но обладал бы «семантической полнотой», то есть позволял бы выразить любую мысль. На таком пути оказалось возможным построить грамматику стандартизованного языка для элементарной геометрии [10]. За МОЯ здесь принят язык, близкий к языку исчисления предикатов. Редактирующие трансформации позволяют приблизить стандартизованный язык к естественному при сохранении точного смысла всех выражений.

11. В настоящее время ни для одного языка полной грамматики, имеющей вид исчисления, не существует. Строятся разного рода модели языка, описывающие не весь язык, а некоторую, обычно произвольно выбранную часть, и весьма далёкие от языка в полном его объёме.

Одна из наиболее полных моделей для английского языка принадлежит Хомскому [18]. В соответствии с планом, о котором уже говорилось, первая часть грамматики представляет собой грамматику непосредственных составляющих (с контекстными правилами) и порождает ядро языка. В ядро входят: простые нераспространённые предложения, глаголы с различными видами дополнений во всех простых временах, существительные во всех числах, наречия. Вторая часть — перечень трансформаций. Сюда входят: трансформации пассива, отрицания, вопроса; эллипсис разных видов, перестановки слов (в том числе обязательные) и т. д. Все эти трансформации имеют форму правила, описанного выше.

Однако, кроме того, имеются трансформации, описание которых не укладывается в определение. Это так называемые обобщённые трансформации. Такие трансформации могут применяться не к одному, а сразу к нескольким предложениям, объединяя их в одно; в условие применимости обобщённой трансформации может входить тождество

³ Можно считать, что с каждой трансформацией связан особый оператор изменения смысла.

обозначаемых для двух существительных в разных предложениях (это бывает нужно для направленного изменения смысла) и т. д. С помощью обобщённых трансформаций вводятся определения (которых нет в ядре), отглагольные существительные, инфинитивы и т. д.

Имеется ряд попыток применить эти идеи к описанию других языков, например русского [3] и немецкого [1], [29]. М. В. Ломковская [8] построила вариант исчисления, в котором порождаются простые распространённые предложения русского языка.

Имеется также ряд работ, посвящённых описанию отдельных трансформаций. Подробное описание способов получения предложений с существительными, образованными от глаголов и прилагательных в английском языке, содержится в работе Р. Лиза [30].

Л. Н. Иорданской выполнено подробное описание трансформации замены существительного местоимением третьего лица в русском языке.

Очень подробный перечень трансформаций для английского языка содержится в работе Харриса [27]; следует, однако, учесть, что Харрис понимает трансформацию не как вид правила в порождающей грамматике, а как отношение эквивалентности между предложениями.

Литература

- [1] *Бабицкий К. И.* Об одной модели немецкого простого предложения // Тезисы Совещания по математической лингвистике. — Л., 1959.
- [2] *Белецкий М. И.* Несколько моделей языка // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. — М., 1960 (не опубликовано).
- [3] *Бородин В. В.* К модели описания языка // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. — Вып. 6. — М., 1961.
- [4] *Волоцкая З. М.* Формообразование при синтезе русских слов // Лингвистические исследования по машинному переводу. — (Сообщения Отдела механизации и автоматизации информационных работ ВИНТИ; Вып. 2). — М., 1961.
- [5] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. 1. — М., 1947.
- [6] *Козмидиади В. А.* О множествах, перечислимых и разрешимых автоматами // Доклады АН СССР. — 1962. — Т. 142. — № 5. — С. 1005—1006.
- [7] *Лиз Р. Б.* Что такое трансформация? // Вопросы языкознания. — 1961. — № 3.

- [8] *Ломковская М. В.* Вопросы построения языка как исчисления: Дипломная работа. — М.: МГУ, Механико-математический факультет, 1960.
- [9] *Медведев Ю. Т.* О классе событий, допускающих представление в конечном автомате // *Автоматы.* — М.: ИЛ, 1956.
- [10] *Падучева Е. В.* О правилах порождения предложений стандартизованного языка геометрии // *Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста.* — Вып. 5. — М., 1961.
- [11] *Плетнер О. В. и Поливанов Е. Д.* Грамматика японского разговорного языка. — М., 1930.
- [12] *Тьюринг А.* Может ли машина мыслить?. — М.: Физматгиз, 1960.
- [13] *Фитиалов С. Я.* О построении синтаксиса для машинного перевода // *Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста.* — Вып. 3. — М., 1961.
- [14] *Bar-Hillel Y., Perles M. and Shamir E.* On formal properties of simple phrase-structure grammars // *Techn. rept. US office naval research, Inf. syst. branch.* — 1960. — No. 4.
- [15] *Chomsky N.* Tree models in the description of language // *Transactions of IRE on IT.* — 1956. — V. IT-2, 3. — P. 113—124.
- [16] *Chomsky N.* Syntactic structures. — 's-Gravenhage, 1956.
- [17] *Chomsky N.* Logical structures in language // *American documentation.* — 1957. — V. 8. — No. 4. — P. 284—291.
- [18] *Chomsky N.* Linguistics, logic, psychology and computers // *Computer programming and artificial intelligence: Lectures given in University of Michigan.* — 1958.
- [19] *Chomsky N.* On certain formal properties of grammar // *Information and control.* — 1959. — V. 2. — No. 2. — P. 137—167.
- [20] *Chomsky N.* A note on phrase-structure grammars // *Information and control.* — 1959. — V. 2. — No. 4. — P. 393—395.
- [21] *Chomsky N.* Explanatory models in linguistics // *Proceedings of the International congress for logic, methodology and philosophy of science.* — Stanford Univ., 1960.
- [22] *Chomsky N. and Miller G. A.* Finite state languages // *Information and control.* — 1958. — V. 1. — No. 2. — P. 91—112.
- [23] *Čulík K.* Some notes on finite state languages and events represented by finite automata using labelled graphs // *Časopis pro pestovani matematika.* — 1961. — V. 86. — No. 1. — P. 43—55.
- [24] *Fries Ch.* The structure of English. — Ann Arbor, 1952.

- [25] *Halle M.* The sound pattern of Russian. — 's-Gravenhage, 1959.
- [26] *Harris Z. S.* From morpheme to utterance // *Language*. — 1946. — V. 22. — P. 161—184.
- [27] *Harris Z. S.* Co-occurrence and transformations in linguistic structure // *Language*. — 1957. — V. 33. — P. 283—340.
- [28] *Harwood F. W.* Axiomatic syntax: the construction and evaluation of a syntactic calculus // *Language*. — 1955. — V. 31. — P. 409—413.
- [29] *Lees R. B.* Structural Grammars // *Mechanical translation*. — 1957. — V. 4. — No. 1—2. — P. 5—10.
- [30] *Lees R. B.* The grammar of English nominalisations // *International journal of American linguistics*. — 1960. — V. 26. — No. 3. — P. 2, suppl.
- [31] *Scheinberg S.* Note on the Boolean properties of context-free languages // *Information and control*. — 1960. — V. 3. — No. 4. — P. 372—375.
- [32] *Stockwell R. P.* The place of intonation in a generative grammar of English // *Language*. — 1960. — V. 36. — No. 3, pt. 1. — P. 360—367.
- [33] *Whorf B. L.* *Linguistics as an exact science* // *Language, thought and reality*. — N. Y., 1956.
- [34] *Yngve V. H.* A model and a hypothesis for language structure // *Proceedings of the American Philosophical Society*. — 1960. — V. 104. — No. 5. — P. 444—466. [См. также *И. И. Ревзин*. Интересная гипотеза Ингве // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. — № 5. — М., 1961].
- [35] *Zalizniak A.* *Petit dictionnaire pratique russe-français*. — М., 1961.

Одна модель для понятия фонемы

Предисловие от 27 июня 2012 года. — § 1. Исходный материал. — § 2. Фонематический анализ. — § 3. Построение модели.

Предисловие от 27 июня 2012 года

1. 24 сентября 1956 года на Филологическом факультете МГУ состоялось первое занятие семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании» под руководством Петра Саввича Кузнецова и двух его учредителей, коими были Вячеслав Всеволодович Ив́анов и я.

Соприкосновение с языкознанием дало мне два впечатления. Во-первых, многое в науке о языке показалось мне непонятным: оставалось, в частности, непонятным, как можно развивать эту науку, не уточнив смысл рассматриваемых понятий и не договорившись о значении терминов. Во-вторых, мне показалось, что некоторые понятия и термины сделаются доступными моему пониманию, если их надлежащим образом уточнить. Следует иметь в виду, что оба впечатления принадлежали лицу, сознательно выбравшему для обучения Мехмат и его окончившему, то есть лицу, мышление которого было соответствующим образом направлено (и тем самым неизбежно ограничено). Поэтому очень может быть, что оба впечатления были ложными, но в интересах лучшего взаимопонимания между автором этих строк и их читателем полезно считать их условно правильными.

Лингвисты, однако, неоднократно говорили мне, что есть одна область лингвистики, настолько передовая, что в ней всё уточнено и чуть ли не аксиоматизировано. Это фонология. Первая же встреча с фонологией, представленной гремевшей тогда статьёй Черри, Халле и Якобсона¹, укрепила мои — может быть, повторюсь, ложные — ощущения.

Опубликовано в журнале: Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 39—53.

¹ Cherry, Colin; Halle, Morris; and Jakobson, Roman. Toward the logical description of languages in their phonemic aspect // Language. — 1953. — V. 29. — P. 34—46.

2. Я стал искать устраивающее меня определение фонемы в литературе. И не находил. Слишком часто оказывалось, что если объявить каждый звук языка отдельной фонемой, то это не будет противоречить предлагаемому определению. Лишь много позже во мне возникло понимание, что словесная дефиниция, привычная для математиков, не является единственным способом введения и усвоения понятия: не менее важным способом, а в науках гуманитарных, пожалуй, даже более важным служит многократное использование этого понятия в различных контекстах. (Сказанное прошу рассматривать как оправдание написанию мною 45 лет назад статьи, к которой пишется настоящее предисловие.) Мне казалось и кажется, что в случаях поиска определения начинать надо с энциклопедии. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии я обнаружил статью «Фонема», написанную С. И. Бернштейном. Статья произвела на меня большое впечатление, прежде всего своим здравым смыслом. В частности, после её прочтения становилась ясной бессмысленность спора между ленинградской и московской фонологическими школами, какая из этих двух школ более адекватно описывает понятие фонемы; всё дело в том, что они описывают различные понятия. Из долетавших до меня отголосков споров у меня создавалось впечатление, что это осознаётся не всегда и не всеми представителями этих двух школ. (Это как если бы остроконечники и тупоконечники спорили о том, острым или тупым является конец яйца.) Статья С. И. Бернштейна воспроизводится ниже на с. 113—122 в качестве Приложения 2. Из других сочинений наибольшее впечатление произвели на меня классическая книга Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (перевод с немецкого этой великой книги вышел в 1960 году, а переводчиком был А. А. Холодович) и сравнительно популярная книга Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику» (её перевод с английского вышел в 1959 году). Книга Ю. С. Маслова «Введение в языкознание» появилась лишь в 1975 году. Она была выпущена издательством «Высшая школа» сначала в качестве учебного пособия, а в 1987 году, вторым изданием, уже в качестве учебника. Книга замечательная (но ещё замечательнее то, что О. С. Широков, читавший со второй половины 1970-х годов на Филологическом факультете МГУ курс «Введение в языкознание» запрещал студентам брать эту книгу в руки).

3. Мне показалось, что те критерии, по которым звуки языка объединяются в «ленинградские» фонемы, можно описать в устраивающей математиков форме. Что я и попытался сделать в своей

статье. Рукопись я отдал ответственному секретарю редколлегии журнала «Вопросы языкознания», коим тогда состоял Никита Ильич Толстой. Он доброжелательно отнёсся к моему сочинению и, полагая, способствовал его публикации; я ему признателен.

Колмогоров не только выписывал «Вопросы языкознания», но и читал их². После того, как вышел 6-й номер за 1967 год, мне пришло письмо от Колмогорова (оно воспроизведено на с. 243—247 книги 4 настоящего издания). Письмо было целиком посвящено лингвистической, филологической и семиотической тематике. Касаясь моей статьи, Колмогоров писал: «Ваша статья вполне корректна. Для математиков её можно изложить короче, а для лингвистов понятнее. Но каких-либо решительных возражений против неё у меня нет». И ещё: «...Вы разумно воздержались от построения „модели“, обеспечивающей однозначный вывод „истинной“ системы фонем». Надо сказать, что меня всегда влекла идея неоднозначности фонематического описания, то есть возможность того, что один и тот же язык допускает различные составы фонем. Книгу Глисона я полюбил, в частности, за то, что там предлагается конкретный пример двух различных фонематических составов для английского языка.

4. Итак, в своей статье я осмелился сформулировать свои представления о фонеме, вынесенные из чтения литературы. Была предпринята попытка предъявить такое изложение, оказавшееся, по моей неопытности, слишком длинным для математика и недостаточно понятным для лингвиста, по справедливому замечанию Колмогорова.

Если бы я писал статью заново, я начал бы с изложения общего плана — примерно так. Будем исходить из того, что каждая фонема соотносена с некоторыми звуками языка, которые называются её аллофонами; про них можно также говорить, что они при-

² В 1961 году А. Е. Кибрик (26.03.1939—31.10.2012), с 1992 года и до конца своих дней заведовавший кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета, окончил обучение на названном факультете и был зачислен на него старшим лаборантом. В этом лаборантском качестве он представил в «Вопросы языкознания» статью о методе определения дифференциальных признаков гласных новогреческого языка при спектральном анализе. Статья была напечатана в 5-м номере журнала за 1962 год. Не более чем через пару недель Кибрику позвонили из редакции и попросили зайти за откликом читателя на его статью. Читателем оказался никто иной как Колмогоров, сообщавший «уважаемому профессору Кибрику», что статья ему понравилась и он хотел бы кое-что обсудить; в письме указывался номер телефона для связи. В результате Кибрик сделал доклад на семинаре, который Колмогоров вёл на Мехмате.

на д л е ж а т данной фонеме. Самоё фонему проще всего трактовать как совокупность (а в математических терминах — м н о ж е с т в о) своих аллофонов, то есть как некоторую часть множества всех звуков языка.

В учении московской фонологической школы фонемы могут пересекаться, то есть иметь общие аллофоны. В учении ленинградской фонологической школы фонемы не пересекаются, то есть не имеют общих аллофонов. Так, для русского языка в обеих системах присутствуют фонемы /д/ и /т/. В ленинградской школе звук [т] принадлежит фонеме /т/ и только ей. В московской школе этот звук принадлежит фонеме /т/ в слове *том*, произносимом как [том], и фонеме /д/ в слове *год*, произносимом как [гот]. И та, и другая школа требует, чтобы фонемы обеспечивали противопоставление по смыслу некоторых языковых единиц, но ленинградская школа заботится о противопоставлении слов, московская же — морфем; поэтому для московской школы существенно, чтобы в словах *год* и *годы*, содержащих одну и ту же морфему *-год-*, присутствовала одна и та же фонема, которая и обозначается символом /д/. (Заметим, кстати, что если заниматься не словами, а их сочетаниями, то в инвентаре звуков появятся дополнительные звуки; возможно, появятся и дополнительные фонемы. Например, в словосочетании *отец бы* на стыке слов слышится звук [дз] — звонкий аналог глухого звука [ц].)

Далее я объявил бы, что критерии, по которым звуки объединяются в одну фонему, будут названы позже. А пока попросил бы читателей-лингвистов терпеливо отнестись к нескольким математическим терминам.

Если каждый элемент множества *A* является элементом множества *B*, то говорят, что *A* является частью, или подмножеством, множества *B*; про *B* в этом случае говорят, что оно является надмножеством для *A*. В частности, каждое множество является подмножеством, а также надмножеством самого себя. Кроме того, считается, что пустое множество, то есть множество, не содержащее ни одного элемента, является частью, или подмножеством, любого множества³. Думается, что эти понятия теперь уже входят в багаж каждого лингвиста. А вот понятия разбиения и покрытия, пожалуй, в этот багаж ещё не вошли. Они и будут сейчас изложены.

³ Читатель оценит иронию Колмогорова, обронившего как-то, что когда он выйдет на пенсию, то будет писать трактат о свойствах элементов пустого множества.

Говорят, что некоторая совокупность подмножеств (частей) множества *М* образует разбиение названного множества, если она, эта совокупность, обладает следующими тремя свойствами. Во-первых, каждый член этой совокупности непуст, то есть не является пустым множеством. Во-вторых, объединение всех членов этой совокупности совпадает с множеством *М*. В-третьих, никакие два различных члена этой совокупности не пересекаются, то есть не имеют общих элементов. Для ясности приведём пример из русского языка. Условимся трактовать каждую часть речи как множество всех лексем, принадлежащих этой части речи; тогда совокупность всех частей речи образует разбиение множества всех лексем.

Если из списка свойств разбиения удалить третье свойство и ограничиться первыми двумя, мы приходим к более общему, нежели разбиение, понятию покрытия. Члены покрытия могут (но не обязаны) пересекаться. Можно сказать, что разбиение — это такое покрытие, члены которого не пересекаются. Приведём лингвистический пример. Хорошо известно, что термин слово весьма многозначен. Для нашего примера остановимся на том из различных пониманий этого термина, когда скажем, *кровать* и *кроватью* — разные слова, а *кровати* в родительном падеже единственного числа и *кровати* в именительном падеже множественного числа — одно и то же слово. Каждый падеж будем трактовать как множество всех слов, имеющих данный падеж; тогда совокупность всех падежей образует покрытие множества всех имён, то есть множества всех имён существительных, имён прилагательных, имён числительных и местоимений.

Условимся трактовать каждую фонему как множество всех своих аллофонов. Напомним, что в статье «Одна модель...» модель строилась для понятия фонемы в смысле ленинградской фонологической школы. Для названной статьи было существенно понимание того, что совокупность фонем образует разбиение множества всех звуков языка.

Объединение звуков в фонемы происходит с соблюдением некоторых критериев, изложенных в статье. Поскольку в статье речь идёт о фонемах в ленинградском смысле, то возникает разбиение. Всякое разбиение системы звуков, удовлетворяющих указанным критериям, названо в статье почти фонематическим. Разбиение называется фонематическим, коль скоро его нельзя укрупнить с сохранением свойства 'быть почти фонематическим'; это значит, что невозможно получить другое почти фонематическое покрытие путём объединения некоторых подмножеств из числа тех, которые образуют первоначальное покрытие. Интерпретация сказанного на языке традиционной фонологии такова. Для конкретного языка допускается

возможность различных систем фонем, полученных «склеиванием» звуков в фонемы; но ни одна из этих систем не позволяет дальнейшего «склеивания»: при любой такой попытке нарушаются некоторые принципы построения фонематических систем. Риску предположить, что изложенная только что общая схема сохранится и для фонем в московском смысле. В этом случае надо будет говорить не о разбиениях, а о покрытиях — как почти фонематических, так и фонематических.

5. В моей статье роль ударения в произношении была отражена лишь косвенно. Поясню на примере. Фонетические транскрипции слов *за́мок* и *замо́к* различаются даже в том случае, если игнорировать диакритический значок ударения: первое записывается как [замък], второе как [замок]. Таким образом, оказывается, что и без явного указания ударения эти слова, противопоставленные по смыслу, противопоставлены и как цепочки звуков. Но тогда пару [замък]—[замок] следует признать минимальной парой, что может привести к появлению фонемы /ъ/. Лингвистам такая фонема не нравится. К тому же когда статья «Одна модель...» сочинялась, в Москве писали не [замок], а [замо́к] — и тогда минимальной пары не получалось. С тех пор крышка «л» была удалена из транскрипционного алфавита; не знаю, связано ли это с эволюцией произношения или же с сознательным игнорированием вариаций звука. Заметим, что если разрешить использовать имена собственные, то и в старые времена можно было найти минимальную пару со звуком [ъ]: *Зу́бов* и *зубо́в* с транскрипционной записью, соответственно, [зубъф] и [зубоф]. Не соглашаясь с возможностью, даже потенциальной, фонемы /ъ/, лингвисты говорят, что фонемы определяются лишь звуками под ударением. Кроме того, некоторые авторитеты заявляют, что звук [ъ] нельзя произнести изолированно (другие утверждают, что можно).

Однако даже и без ссылок на звук [ъ] оказывается, что невозможно обеспечить противопоставление слов по смыслу с использованием лишь знаков фонетической транскрипции без явного указания места ударения. Примеры: *па́рит* и *пари́т* с одинаковой транскрипционной записью [парит]; *пи́ли* и *пили́* с одинаковой записью [п'ил'и]; *бу́рю* и *бурю́*, одинаково записываемые в виде [бур'у]⁴. А ведь связь между различием смыслов слов и различием их зву-

⁴ В качестве яркого примера можно было бы привести также замечательную пару глаголов, отнюдь не синонимичных: один может иметь смысл 'красть' или 'бить', другой — 'врать'; эти глаголы в императиве и в личных формах настоящего времени различаются лишь местом ударения; к сожалению, оба эти глагола принадлежат обценной лексике и потому я, уступая мнению своих друзей, не решаюсь назвать их в этой книге.

ковых оболочек является основой построения понятия 'фонема', в какой бы из фонологических школ это построение ни осуществлялось. Таким образом, отсутствие в конструкциях статьи «Одна модель для понятия фонемы» ссылок на место ударения является серьёзным недостатком указанных конструкций.

Итак, имеется необходимость в том, чтобы каким-то образом указание места ударения включить в понятие произнесения, или цепочки звуков, играющего в статье «Одна модель...» центральную роль. Это сделано в помещаемом ниже на с. 105—112 Приложении 1, каковое по моей просьбе написал Денис Паперно.

6. С Денисом Паперно я познакомился в сентябре 2001 года, когда начались занятия на первом курсе ОТИПЛа (отделения теоретической и прикладной лингвистики). Он туда поступил, а я там преподавал математику, стараясь иногда иллюстрировать изложение примерами из лингвистики. Денис был самым способным студентом курса и одним из самых способных (во всяком случае, к математике) из всех, кто когда-либо встречался мне на этом отделении. Когда закончился учебный год, Денис сообщил мне, что он и группа его товарищей хотели бы, чтобы что-либо подобное продолжилось в какой-либо форме. Для подтверждения серьёзности намерения он предъявил список студентов, желающих участвовать в занятиях; список насчитывал свыше 20 человек. Я поблагодарил Дениса, но сказал, что пока что вижу в этом лишь временную вспышку энтузиазма и готов вернуться к разговору, когда он и его сотоварищи начнут занятия на третьем курсе. К моему удивлению, энтузиазм угас лишь частично. Паперно нашёл меня в начале своего третьего курса, то есть осенью 2003 года. Объём нового списка составлял треть от первоначального объёма. Я составил объявление, что возобновляется такой-то семинар, а его предыдущее занятие было 9 июня 1958 года. (Весной 2012 года состоялось 169-е занятие.) Окончив ОТИПЛ в 2006 году, Паперно поступил в аспирантуру кафедры ТИПЛ, но, проучившись год, поступил в аспирантуру Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA); я писал ему рекомендацию. Сейчас он эту аспирантуру заканчивает и, возможно, уже этим летом защитит диссертацию и получит титул PhD.

В 2003/2004 учебном году я попросил Дениса восполнить отсутствие в моей статье учёта места ударения. Он нашёл простое решение: надо считать произнесением не просто цепочку звуков, а составной объект — пару из двух цепочек. Первая цепочка состоит из звуков. Вторая цепочка характеризует акцентуацию, и её можно по-разному записывать. Например, её можно записывать

в виде цепочки плюсов и минусов, имеющих ту же длину, что и первая цепочка, причём плюс в ней только один и он приходится на то же место, где в первой цепочке стоит звук под ударением. Тогда, скажем, для слов *за́мок* и *замо́к* произнесения будут записываться так: ([замък], <+--->) и ([замок], <---+->).

Свою идею Денис не стал тогда публиковать. Предпринимаемое второе издание «Трудов по нематематике» даёт естественную площадку для публикации, и я попросил Дениса написать текст. Указание места ударения записывается в этом тексте не так, как только что, в виде примера возможной записи, было изложено, но основная идея Паперно сохраняется.

* * *

В настоящей статье делается попытка построить некоторую математическую модель для понятия фонемы, точнее говоря для одного из понятий фонемы, а именно того, при котором каждый звук языка является аллофоном ровно одной фонемы⁵. Изложение не предполагает предварительного знакомства с какими-либо специальными математическими понятиями; те из них, которые окажутся необходимыми, будут разъяснены по ходу дела.

Статья состоит из трёх параграфов. Сама модель строится в § 3. В § 2 обсуждаются некоторые традиционные приёмы фонематического анализа; это обсуждение имеет целью оправдать построения § 3; формально же для понимания этих построений потребуются из § 2 лишь понятие свободного варьирования (с. 94) и связанная с ним аксиома близости свободных вариантов (с. 98). В § 1 описываются те предполагаемые заранее заданными объекты и отношения, которые служат исходным материалом для образования фонем.

⁵ Например, такое понятие возникает, по-видимому, если понимать под «фонемами» как те объекты, которые в статье С. И. Бернштейна «Фонема» (Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 45; ●► текст этой энциклопедической статьи воспроизведён на с. 113—122 этой книги в качестве Приложения 2 ◀●●) названы «фонемами 1-й ступени» (например, /а/ и /о/), так и те объекты, которые в указанной статье названы «фонемоидами» (например, /л/ и /ъ/). Подобное понимание характерно для ленинградской фонологической школы учеников Л. В. Щербы (см.: Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, Л., 1960, § 38). В учебнике Г. Глисона «Введение в дескриптивную лингвистику» (М., 1959) также ни разу не встречается примера двух фонем, имеющих общий аллофон; более того, отдельные места этого учебника (гл. XVIII, § 12 и отчасти гл. II, § 21) заставляют полагать, что такая возможность в нём и не допускается. Автор надеется, что словом «модель» он достаточно ясно дал понять, что не претендует ни на какое новое определение фонемы, а лишь на уточнение некоторых из общеизвестных представлений.

§ 1. Исходный материал

В лингвистических представлениях, лежащих в основе нашей модели, мы отправляемся от того, что исходным материалом для образования списка фонем какого-либо языка служит некоторый набор отрезков устной речи, уже расчленённых на звуки, причём для звуков определено понятие «фонетической близости». Путём последующего, так называемого фонематического, анализа этого исходного материала и составляется список фонем.

Таким образом, мы считаем, что предварительный фонетический анализ, результатом которого является установление звуков языка и их фонетической близости и представление каждого устного высказывания в виде последовательности таких звуков, предшествует фонематическому анализу, а не является его частью. Возможна, конечно, и противоположная точка зрения, однако разница между обеими точками зрения, по-видимому, чисто терминологическая. С другой стороны, полезно иметь в виду, что в реальной исследовательской деятельности языковедов многие акты, которые мы отнесли к числу предварительных (а именно, сегментация потока речи и классификация полученных сегментов по признакам «одинаковости» и «близости», см. ниже), зависят от объявленного нами «последующим» фонематического анализа, причём не только от его целей, но и от результатов⁶. (Эта зависимость особенно заметна, когда указанному «предварительному» анализу подвергается хорошо знакомый исследователю язык.) Однако мы занимаемся здесь не происхождением понятия фонемы, а самим этим понятием и строим модель именно для него самого, а не для процесса образования его в умах людей. Поэтому мы позволяем себе, прибегая к определённой идеализации, не учитывать отмеченную обратную связь⁷ и считать, что предварительный фонетический анализ происходит как бы сам по себе⁸.

⁶ Так, Н. С. Трубецкой говорит в «Основах фонологии» (М., 1960), что «звук языка можно определить только по соотношению с фонемой» (с. 47) и что «конкретные звуки существуют лишь постольку, поскольку они являются реализациями фонем» (с. 49); см. также ниже подстрочное примечание 15.

⁷ Система письма, например, также оказывает некоторое влияние на производимый пользующимися этой системой фонетический (а тем более фонематический) анализ; однако это обстоятельство может ведь и не учитываться в теоретических построениях.

⁸ Хотя «благодаря такому подходу фонология превращается в занятие, представляющее только эстетическую ценность, то есть сводящееся к определению правил выбора наиболее простого описания единиц, выделение которых никаким строгим правилам не подчиняется» [В. В. Иванов,

Опишем исходный материал более подробно.

1. Имеется некоторый набор отрезков устной речи, называемых **и с х о д н ы м и п р о и з н е с е н и я м и**. Исходные произнесения, хотя и рассматриваются изолированно, вовсе не предполагаются изолированно же произнесёнными, а, напротив, мыслятся как бы «вырезанными» из потока речи (изолированно произнесённые отрезки речи включаются сюда как частный случай)⁹. В качестве исходных произнесений могут фигурировать, например, предложения, словоформы, морфемы (точнее, морфы, являющиеся алломорфами тех или иных морфем)¹⁰.

2. Для исходных произнесений проведена их сегментация, то есть такое членение их на части, называемые **к о н к р е т н ы м и з в у к а м и**, или **з в у к а м и р е ч и**, при котором каждое исходное произнесение предстаёт как линейная последовательность конкретных звуков (звуков речи).

О приемлемости фонологических моделей // Машинный перевод (Труды Ин-та ТМ и ВТ АН СССР, вып. 2), М., 1961, с. 397].

⁹ Исходные произнесения мы считаем физическими явлениями, имеющими определённую локализацию во времени и пространстве. При этом способ реализации произнесения в пространстве и времени мы считаем его неотъемлемой составной частью и, таким образом, произнесения с различными пространственно-временными координатами рассматриваем как не тождественные друг другу объекты (хотя бы эти произнесения и были в каком-то ином смысле «одинаковыми»). Более детальное выяснение того, что такое произнесение, увело бы нас слишком далеко.

¹⁰ Выбор исходных произнесений может составлять существенную черту той или иной лингвистической теории. Так, можно считать, что одна из характерных особенностей московской фонологической школы состоит в том, что в число исходных произнесений непременно включаются морфы. От выбора исходных произнесений зависит и сама совокупность звуков языка. Так, если в качестве исходных произнесений брать лишь изолированно произносимые слова (и притом не брать фамилий вроде *Линцбург*), то в перечень звуков русского языка не войдёт, по-видимому, звук [з] (звонкий аналог звука [ц]), который, однако, войдёт в указанный перечень, если в число исходных произнесений будут включены такие словосочетания, как *отец бы*, или даже просто слово *отец*, но произнесённое не изолированно, а в составе подобного словосочетания (см.: Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, § 64). Этот выбор существенно влияет и на образующийся инвентарь фонем (даже в рамках одного и того же понимания фонемы). Так, Н. С. Трубецкой считает звуки английского языка, называемые им «светлым l» и «тёмным l» и обозначающиеся соответственно [l] и [ɫ], вариантами одной фонемы, поскольку в качестве исходных произнесений он выбирает слова; если же в качестве исходных произнесений взять словосочетания, то приводимое им же противопоставление [wɪlə:n] (*we learn*) — [wɪɫə:n] (*will earn*) докажет, что [l] и [ɫ] суть варианты разных фонем (см.: Н. С. Т р у б е ц к о й, указ. соч., с. 309—310).

3. Произведена некоторая классификация конкретных звуков, встречающихся в исходных произнесениях, в результате которой некоторые конкретные звуки объявляются *одинаковыми*¹¹. Предполагается, что отношение одинаковости является отношением типа эквивалентности, так что вся совокупность конкретных звуков разбивается на непересекающиеся классы одинаковых конкретных звуков¹². О двух одинаковых конкретных звуках говорят, что они суть представители одного и того же абстрактного звука¹³, или звука языка¹⁴.

4. Некоторые пары звуков языка выделены как *фонетически близкие*¹⁵. Таким образом, на совокупности звуков языка задано

¹¹ Следует подчеркнуть условность этой классификации, зависящей как от различающей способности используемых приборов, так и от целей последующего использования.

¹² Отношение считается заданным для некоторой совокупности объектов, если про любые два объекта из этой совокупности, взятые в определённом порядке, известно, находятся они в этом отношении или нет (эти объекты могут и совпадать, так что, в частности, про любой объект должно быть известно, находится ли он в этом отношении к самому себе). Отношение называется *рефлексивным*, если любой объект рассматриваемой совокупности находится в этом отношении к самому себе. Отношение называется *симметричным*, если всякий раз, когда какие-то два объекта находятся в этом отношении, те же объекты, но взятые в обратном порядке, также находятся в этом отношении. Отношение называется *транзитивным*, если всякий раз, когда *a* находится в этом отношении к *b*, а *b* — к *c*, непременно *a* находится в этом отношении к *c*. Отношение называется отношением типа эквивалентности, если оно рефлексивно, симметрично и транзитивно. Если отношение является отношением типа эквивалентности, то совокупность объектов, на которой оно определено, можно разбить на непересекающиеся, то есть не имеющие общих элементов, классы так, что любые два объекта, находящиеся в этом отношении друг к другу, непременно попадают в один и тот же класс, а любые два объекта, не находящиеся в этом отношении, непременно попадают в разные классы. Если же отношение не является отношением типа эквивалентности, то подобное разбиение невозможно. О понятии разбиения см. ниже в подстрочном примечании 25.

¹³ Читатель заметит, что мы следуем здесь системе понятий и терминов, предложенных, правда, не для звуков, а для букв, А. А. Марковым в его книге «Теория алгорифмов» [М.—Л., 1954 (Труды Математического ин-та им. В. А. Стеклова [АН СССР]), гл. I, § 1, п. 2; § 2, п. 2; § 3, п. 3]. Ср. также: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 49.

¹⁴ См.: П. С. Кузнецов, Об основных положениях фонологии // ВЯ, 1959, 2, п. 2. См. также: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 45; С. И. Бернштейн, Фонетика (Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 45).

¹⁵ Понятие фонетической близости является на самом деле довольно расплывчатым (см.: М. Халле, Фонологическая система русского языка // Новое в лингвистике, II, М., 1962, п. 1.32) и в сильной степени зависит от результатов последующего фонологического анализа (см.: Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 12).

отношение фонетической близости. Это отношение предполагается рефлексивным и симметричным, но не предполагается вообще говоря, транзитивным.

5. Указан транскрипционный алфавит, то есть список знаков, называемых транскрипционными, содержащий столько же различных знаков, сколько имеется звуков языка. Между транскрипционным алфавитом и совокупностью звуков языка установлено взаимно-однозначное соответствие (то есть соответствие, при котором каждому знаку соответствует ровно один звук, а каждому звуку ровно один знак). Транскрипционный знак, соответствующий данному абстрактному звуку, объявляется именем, или обозначением, этого звука.

6. Каждое исходное произнесение записывается в виде цепочки транскрипционных знаков, образующейся, если каждый конкретный звук произнесения заменить соответствующим транскрипционным знаком (то есть именем того абстрактного звука, представителем которого является данный конкретный звук). Транскрипционные записи исходных произнесений будем называть исходными выражениями. Каждое исходное произнесение будем называть произнесением исходного выражения, служащего транскрипционной записью данного исходного произнесения¹⁶.

7. Каждому исходному произнесению отнесено одно или несколько значений (а именно, то или те, которые рассматриваемое исходное произнесение имело в контексте, из которого оно «вырезано» в соответствии с п. 1). Не требуется, чтобы было известно, какое именно значение имеет то или иное исходное произнесение или даже что такое значение вообще. Предполагается лишь, что мы умеем опознавать значения как совпадающие («одно и то же») или несовпадающие («не одно и то же»). Каждому исходному выражению отнесём все значения всех его произнесений. Полученную совокупность значений данного исходного выражения назовём его содержанием. Два исходных выражения назовём равнозначными, если они имеют одно и то же содержание (то есть одну и ту же совокупность значений). Отношение равнозначности исходных выражений является (как легко проверить) отношением типа эквивалентности.

¹⁶ Различные исходные произнесения могут иметь одинаковые транскрипционные записи (наша транскрипция могла не уловить различие в произношении, если таковое и было); другими словами: одно и то же исходное выражение может иметь различные произнесения. При этом две цепочки знаков считаются одинаковыми, или — при отождествлении одинаковых цепочек — «одной и той же цепочкой», если они состоят из одинаковых знаков, идущих в одном и том же порядке (подробнее см.: А. А. Марков, указ. соч., гл. 1, § 3).

Совокупность звуков языка (или обозначающих их транскрипционных знаков) с заданным на этой совокупности отношением фонетической близости и совокупность исходных выражений с заданным на этой совокупности отношением равнозначности и образуют исходный материал для последующего фонематического анализа.

В дальнейшем нам будет удобно — что соответствует лингвистической традиции — называть транскрипционные знаки просто звуками. Каждое исходное выражение есть цепочка звуков. Транскрипционный алфавит состоит из звуков и потому будет называться теперь алфавитом звуков.

Для построения модели не обязательно помнить, как образовался список исходных выражений. Достаточно представлять себе следующее: имеется некоторый алфавит (то есть список попарно различных знаков), называемый алфавитом звуков; знаки этого алфавита называются звуками; на совокупности звуков задано некоторое рефлексивное и симметричное отношение, называемое отношением фонетической близости; некоторые конечные последовательности звуков¹⁷ названы исходными выражениями; предполагается, что каждый звук встречается хотя бы в одном исходном выражении; на совокупности исходных выражений задано некоторое рефлексивное, симметричное и транзитивное отношение, называемое отношением равнозначности; про равнозначные выражения говорят также, что они имеют «одни и те же (или „одинаковые“) значения», или «одно и то же (или „одинаковое“) содержание», а про неравнозначные — что они имеют «различные значения», или «различные содержания».

§ 2. Фонематический анализ

Цель фонематического анализа — установить фонемы рассматриваемого языка; это положение вряд ли вызовет возражения. Однако, как известно, существуют довольно различные понимания того, что такое фонема и что значит «установить фонемы». Эти понимания

¹⁷ То есть «слова в алфавите звуков»; конечная последовательность, или цепочка, знаков какого-либо алфавита называется вообще словом в данном алфавите (см.: А. А. Марков, указ. соч., гл. I, § 3). Здесь этот термин не употребляется во избежание смешения с языковедческим термином «слово».

можно извлечь — почти всегда без полной уверенности в правильности такого извлечения — скорее из употребления соответствующих понятий представителями разных школ, чем из прямого их определения.

Среди различных пониманий прежде всего выделяются те, в которых каждое исходное произнесение может быть представлено как цепочка линейно следующих друг за другом фонем¹⁸. Среди этих последних подходов выделяются далее те, при которых совпадают фонетическая и фонематическая сегментации, то есть членение исходных произнесений (или исходных выражений) на звуки совпадает с членением их на фонемы. Таким образом, при представлении исходного произнесения в виде цепочки фонем каждый звук соответствует ровно одной, стоящей «на том же месте»

¹⁸ В рамках этой точки зрения, следовательно, в фонологическом представлении любого исходного произнесения участвуют, во-первых, только фонемы (а не фонемы и фонемойды, как в упоминавшейся уже статье С. И. Бернштейна «Фонема»; Н. С. Трубецкой говорит по этому поводу, «что каждое слово без остатка разлагается на фонемы, что оно состоит из фонем», — см.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 44) и, во-вторых, только такие фонемы, которые мыслятся линейно расположенными (и называются иногда «сегментными»; см.: Г. Глисон, указ. соч., гл. XV, § 17). Возможна и иная точка зрения, включающая в рассмотрение и так называемые «суперсегментные фонемы»; она излагается, например, в гл. IV названного сочинения Г. Глисона (который, впрочем, в других главах часто забывает о ней, говоря, например, в § 21 гл. II и § 2 гл. XII, что «фонема — это класс звуков»). Хотя суперсегментные фонемы и не воспринимаются обычно (как это видно на примере самой книги Г. Глисона) как «полноправные» фонемы, однако полностью их игнорировать довольно трудно. Действительно, надо либо признать, что сообщения, отличающиеся друг от друга как «планом содержания», так и «планом выражения», могут иметь тем не менее одинаковый фонемный состав и, следовательно, не различаться на фонемном уровне (что противоречит, по-видимому, основной цели введения понятия «фонема»), либо допустить суперсегментные фонемы. [Полезно сопоставить в этой связи определение фонемы, данное Л. В. Щербой в § 6 его статьи «Русские гласные...» (см. в кн.: Л. В. Щерба, Избранные работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958) с его же замечанием о различии слов «завтра!» и «завтра?», содержащемся в примечании к § 4 той же статьи.] Заметим, что ситуацию, описываемую «сегментным» подходом, можно считать частным случаем ситуации, описываемой «суперсегментным» подходом, при подходящем выборе исходного материала (для английского языка, скажем, можно считать, что совокупность исходных произнесений состоит только из слов и предложений, произносимых с одинаковой интонацией; тем самым будут исключены тоны и завершители — см. о них Г. Глисон, указ. соч., гл. IV, § 12, 13; что касается ударений и открытого перехода, то их можно считать признаками звуков речи; впрочем, может быть, и тоны, и завершители можно считать признаками звуков речи?).

фонеме¹⁹, а каждая фонема соответствует ровно одному, стоящему «на том же месте» звуку²⁰.

Всякий звук языка, соответствующий (в каком-либо исходном выражении) какой-либо фонеме в указанном только что смысле, называется аллофоном этой фонемы²¹.

Объединим в один класс все аллофоны одной и той же фонемы; полученные классы аллофонов образуют покрытие совокупности всех звуков²². Каждый класс аллофонов и объявляется фонемой (или, если угодно, фонемой объявляется некоторый абстрактный объект, сопоставленный с таким классом). Теперь можно сказать, что цель фонематического анализа исходного материала — установить классы аллофонов, то есть объединить звуки в фонемы.

Определённое на совокупности звуков отношение «быть аллофоном одной и той же фонемы» рефлексивно и симметрично; в то же время оно может и не быть транзитивным²³, так что классы аллофонов могут пересекаться (то есть иметь общие элементы)²⁴.

¹⁹ И, следовательно, не может не соответствовать никакой фонеме (соответствуя, скажем, не фонеме, а фонемоиду) или соответствовать сразу последовательности двух или более фонем [как, согласно Н. С. Трубецкому, звук [o] в [sɔpɕɛ] (*солнце*), где он соответствует последовательности фонем /ol/; см.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 70; см. аналогичные примеры из хантыйского и шведского у Л. Р. Зиндера (указ. соч., § 55)].

²⁰ И, следовательно, не может соответствовать последовательности двух или более звуков (как, согласно Н. С. Трубецкому, фонема /с/ в слове *целый* с фонематической записью /seləj/, где она соответствует последовательности звуков [ts]; см.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 63) или не соответствовать никакому звуку (как, согласно Л. В. Щербе, выделенная им фонема /ə/ во французском, которая в известных условиях не произносится; см.: Л. В. Щерба, *Фонетика французского языка*, М., 1963, § 130).

²¹ См.: Г. Глисон, указ. соч., с. 232; употребляются также термины «вариант» (Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 46) и «оттенок» [Л. Р. Зиндер, указ. соч., § 29; Л. В. Щерба, указ. соч., § 16; впрочем из формулировок Л. В. Щербы, приведённых в этом параграфе, а также в § 19 и 20, можно, пожалуй, заключить, что сам Л. В. Щерба называет оттенком фонемы скорее не звук языка, а звук речи (конкретный звук), являющийся представителем звука языка (абстрактного звука), являющегося в свою очередь аллофоном данной фонемы].

²² Некоторая система классов называется покрытием некоторой совокупности, если каждый элемент этой совокупности принадлежит хотя бы одному из классов этой системы.

²³ Например, в учении московской фонологической школы каждая из пар русских звуков ([a], [ɐ]) и ([ɐ], [a]) представляет собой пару аллофонов некоторой фонемы, в то время как пара ([a], [o]) таковой не является (см.: Р. И. Аванесов, указ. соч., § 16).

²⁴ Например, в учении московской школы звук [ɐ] является одновременно аллофоном двух фонем, обозначаемых обычно /a/ и /o/; в том же уче-

Однако, как было оговорено в самом начале, здесь будет рассматриваться лишь тот случай (то есть тот язык или то понятие фонемы), когда классы аллофонов не пересекаются и, следовательно, образуют разбиение совокупности всех звуков²⁵.

Что касается самой процедуры фонематического анализа, то при объединении звуков в фонемы (точнее, в непересекающиеся фонемы) руководствуются обычно следующими правилами, которые можно, как кажется, разделить на запрещающие, предписывающие и рекомендуемые.

Запрещающие правила

1. Правило фонетической близости. Запрещается объединять в одну фонему звуки, не являющиеся фонетически близкими²⁶.

2. Правило минимальных пар. Запрещается объединять в одну фонему звуки, для которых существует минимальная пара²⁷.

Предписывающие правила

3. Правило свободного варьирования. Звуки, находящиеся в отношении свободного варьирования²⁸, предписывается объединять в одну фонему.

нии русский звук [т] является одновременно аллофоном фонем /т/ и /д/. А. Мартине указывает, что в датском звук [α] является аллофоном фонем /æ/ и /a/ (А. Мартине, Основы общей лингвистики, п. 3—9 // Новое в лингвистике, III, М., 1963).

²⁵ Система классов называется разбиением некоторой совокупности E , если, во-первых, эта система является покрытием для E , во-вторых, каждый элемент каждого класса системы принадлежит E , в-третьих, каждый класс непуст (то есть содержит хотя один элемент) и, наконец, в-четвёртых, классы попарно не пересекаются.

²⁶ См.: Г. Глисон, указ. соч., гл. II, § 21, 22; гл. XII, § 6, 7; гл. XIII, § 5, 6; гл. XVII, § 16; Л. Р. Зиндер, указ. соч., § 54. Ср.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 56, правило третье.

²⁷ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 55, правило второе; Л. В. Щерба, указ. соч., § 63, где члены минимальной пары называются quasi-омонимами, Г. Глисон, указ. соч., гл. II, § 4, 5; гл. XII, § 6. Чуть позже понятие минимальной пары, как и другие понятия, встречающиеся в приводимых нами правилах, будет выражено через понятия нашего § 1.

²⁸ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 53, правило первое; Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 8, 10. Л. Р. Зиндер (указ. соч., § 29) называет такие звуки «факультативными вариантами» объединяющей их фонемы.

Рекомендующие правила

4. Правило дополнительного распределения. Звуки, находящиеся в отношении дополнительного распределения²⁹, рекомендуется объединять в одну фонему.

5. Правило «системности взаимосвязей». Рекомендуется так объединять звуки в фонемы, чтобы получившиеся фонемы находились в определённых (то есть в достаточной мере неопределённых) взаимосвязях друг с другом и со всей системой языка в целом³⁰.

Эти правила являются, по-видимому, в достаточной мере общепризнанными в кругу теорий, не допускающих пересечения классов аллофонов³¹. Та или иная фонологическая школа может добавлять к ним свои, специфические для данной школы запрещения, предписания или рекомендации (что, впрочем, является излишним, поскольку уже пятое правило³² предоставляет самые широкие возможности для различных толкований). Мы попытаемся в той или иной степени отразить эти правила в нашей модели. Даже правило «системности взаимосвязей», при всей его неопределённости, всё же отчасти проявится в модели: фонемы, как увидим, будут выделяться в модели не изолированно, а так, что существование каждой отдельной фонемы будет зависеть от существования остальных.

Но сперва дадим для встречающихся в приведённых правилах понятий определения через понятия § 1. Мы не сможем этого сделать для правила «системности взаимосвязей» — и не только потому, что оно достаточно неопределённо само по себе, но и потому, что мы, в рамках указанных понятий, почти ничего не знаем о языке в целом³³.

²⁹ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 56, правило первое; Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 9.

³⁰ См.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 67, правило первое; Г. Глисон, указ. соч., гл. XII, § 14, 15; гл. XVII, § 17; М. Халле, указ. соч., п. 1.4, условие (4).

³¹ Применению этих правил в рамках других теорий препятствует правило минимальных пар: ср. примечание 24 и противопоставление [том] — [дом].

³² Смысл этого правила сводится, по-видимому, к тому, что система фонем должна давать по возможности наиболее экономное и изящное описание языковых явлений. Так, именно в интересах простоты описания Г. Глисон (указ. соч., гл. II, § 23) демонстративно относит звуки [š] и [ž] к разным фонемам даже в предположении отсутствия соответствующих минимальных пар, хотя это и не вытекает из тех положений, которые формулируются им в гл. XII, § 7, 9.

³³ Для нас исходным материалом служит всего лишь совокупность звуков с отношением фонетической близости и совокупность исходных выражений с

Встречающийся в первом правиле термин «фонетически близкие» не нуждается, в рамках наших рассуждений, в определении: согласно § 1, отношение фонетической близости должно быть задано заранее вместе с другими компонентами исходного материала. Нам предстоит, следовательно, дать определения для терминов, входящих в правила второе, третье и четвёртое.

Начнём с минимальных пар. Пусть x и y — звуки, а P и Q — цепочки звуков. Тогда PxQ и PyQ тоже суть цепочки звуков. Пусть, далее, PxQ и PyQ суть исходные выражения, имеющие различные значения. В таком случае говорят, что PxQ и PyQ образуют минимальную пару для x и y .

Перейдём теперь к свободному варьированию. Пусть P и Q — некоторые цепочки звуков. Будем говорить, что звуки x и y находятся в отношении свободного варьирования (или просто свободно варьируются) в окружении (P, Q) , если цепочки PxQ и PyQ либо обе не являются исходными выражениями, либо обе являются исходными выражениями и притом равнозначными. Например, согласно Глисон³⁴, в некоторых американских диалектах английского языка звуки $[\theta]$ и $[\delta]$ свободно варьируются в окружении $([wi], \#)$ ³⁵; в русском языке звуки $[ф]$ и $[п]$ свободно варьируются в окружении $([шка], \#)$. Будем говорить, что звуки x и y находятся в отношении свободного варьирования³⁶, если, каковы бы ни были цепочки звуков P и Q , звуки x и y свободно варьируются в окружении (P, Q) . Иначе говоря, звуки x и y находятся в отношении свободного варьирования,

отношением равнозначности, в то время как «на самом деле» лингвист при построении системы фонем учитывает грамматику (и уж во всяком случае систему словоизменения). Высказываемое нередко мнение, что результаты фонематического анализа не должны зависеть от грамматики (см., например: Г. Глисон, указ. соч., гл. XIII, § 4), противоречит многим авторитетным концепциям (например, концепции московских фонологов; в той же книге Глисона, в гл. XII, § 14, говорится о морфофонематических связях фонем, причём эти связи мыслятся отнюдь не как обнаруживающиеся лишь после выделения фонем; так, в гл. XVII, § 17 в качестве одного из аргументов против объединения звуков $[i]$ и $[y]$ в одну фонему выдвигается проистекающее из такого объединения усложнение описания морфофонематических явлений). Поэтому разумность описания грамматических явлений следует, по-видимому, считать одним из факторов, влияющих на выбор системы фонем в целом (и даже на приготовление исходного материала).

³⁴ Г. Глисон, указ. соч., гл. XIII, § 11.

³⁵ Через «#» обозначается «пауза» (то есть цепочка звуков, не содержащая ни одного звука).

³⁶ Не смешивать с отношением свободного варьирования в фиксированном окружении!

если 1) всякий раз, когда цепочка PxQ есть исходное выражение, цепочка PuQ также есть исходное выражение, причём с тем же содержанием; 2) то же самое с переменой ролей x и y .

Займёмся, наконец, дополнительным распределением. Как известно, о двух звуках говорят, что они находятся в отношении дополнительного распределения, если они не встречаются в одинаковых окружениях. Под окружением же данного звука, встретившегося в данной цепочке (а точнее, под окружением данного вхождения³⁷ данного звука в данную цепочку), понимают обычно упорядоченную пару, которая состоит из цепочки звуков, стоящих левее данного, и цепочки звуков, стоящих правее данного. Здесь сразу возникает затруднение, заключающееся в том, какой величины следует брать цепочки, образующие окружение. Наиболее последовательно, вероятно, было бы считать, что в окружение должны входить все звуки, встречающиеся в рассматриваемой цепочке левее и правее данного звука; такое окружение будем называть *полным*. Однако такое понимание расходится с лингвистической практикой, которая в интересах простоты описания (правило «системности взаимосвязей»!) довольствуется обычно гораздо более скромными по своим размерам (так сказать, «локальными») окружениями, часто состоящими всего из одного звука слева и одного звука справа³⁸.

В дальнейшем под термином «окружение» мы будем понимать именно полное окружение. Приведём соответствующее формальное определение. Чтобы найти окружение данного вхождения знака x в цепочку знаков A , поступаем следующим образом: подчёркиваем рассматриваемое вхождение знака x ; цепочка A превращается тем самым в цепочку $P\underline{x}Q$ (где цепочки P и Q могут быть и пусты, то есть не содержать ни одного знака); упорядоченная пара (P, Q) и есть искомое окружение. Каждому звуку отвечает некоторая совокупность окружений, а именно совокупность окружений всех вхождений этого звука во все исходные выражения. Говорят, что звуки x и y находятся в отношении дополнительного распределения, если совокупности их окружений не пересекаются.

Итак, задание исходного материала (алфавита звуков, отношения фонетической близости, списка исходных выражений и отношения

³⁷ Знак x имеет три вхождения в цепочку знаков $хахбахб$: на первом месте, на третьем и на шестом; подробнее см.: А. А. Марков, указ. соч., гл. I, § 4.

³⁸ Так, приводимое Г. Глисоном (указ. соч., гл. II, § 23) противопоставление [trežer] — [prežer] даёт достаточное основание для отнесения звуков [š] и [ž] к разным фонемам лишь при условии, что в окружение включается не более двух звуков слева.

равнозначности) однозначно определяет для совокупности звуков три отношения: 1) отношение «иметь минимальную пару» (нас, впрочем, больше будет интересовать противоположное ему отношение «не иметь минимальных пар»), 2) отношение свободного варьирования, 3) отношение дополнительного распределения. Кроме того, для любых двух цепочек звуков P , Q однозначно определяется отношение «свободного варьирования в окружении (P , Q)». Из определения этих отношений вытекают — чисто логически — некоторые их свойства и связи, которые фиксируются ниже в замечаниях 1—8.

З а м е ч а н и е 1. Отношение свободного варьирования является, очевидно, отношением типа эквивалентности.

З а м е ч а н и е 2. Отношение «не иметь минимальных пар» является, очевидно, рефлексивным и симметричным. Известно, что оно может не быть транзитивным. Действительно, согласно Глисон³⁹, в английском языке, например, для звуков $[r^h]$ и $[r^-]$ ⁴⁰ не существует минимальных пар и для звуков $[r^-]$ и $[b]$ не существует минимальных пар. В то же время для $[r^h]$ и $[b]$ минимальная пара существует (например, *car* — *cab*). Следующий простой пример наглядно иллюстрирует эту ситуацию.

П р и м е р 2.1. Пусть совокупность исходных выражений состоит из трёх выражений: *axb*, *cud*, *azb* — и пусть все они имеют различные значения. Тогда для x и y не существует минимальных пар, так же как для y и z . Вместе с тем для x и z существует минимальная пара.

З а м е ч а н и е 3. Отношение дополнительного распределения, очевидно, является симметричным и не является рефлексивным. Известно, что оно не является, вообще говоря, транзитивным: приведённые только что примеры нетранзитивности отношения «не иметь минимальных пар» являются одновременно примерами на нетранзитивность отношения дополнительного распределения. (Так, в примере 2.1 звуки x и y , так же как y и z , находятся в отношении дополнительного распределения, а x и z не находятся в этом отношении.)

З а м е ч а н и е 4. Может случиться, что два звука свободно варьируются в некотором окружении и вместе с тем обладают минимальной парой⁴¹. Пример 2.2 демонстрирует такую возможность.

³⁹ Г. Глисон, указ. соч., гл. XIII, § 12.

⁴⁰ По поводу транскрипции см.: Г. Глисон, указ. соч., гл. II, § 17. Здесь $[r^h]$ обозначает аспирированный звук (как в *pill*), а $[r^-]$ — неаспирированный звук.

⁴¹ Поэтому, если бы мы заменили в правиле 3 «свободное варьирование» на «свободное варьирование в таком-то окружении», то получили бы, вообще говоря, противоречие с правилом 2.

Пример 2.2. Пусть совокупность исходных выражений состоит из четырёх выражений: *axb*, *ayb*, *cxд*, *cуд*. Пусть равнозначными среди них являются только первое и второе. Тогда звуки *x* и *y* свободно варьируются в окружении (*a*, *b*). Вместе с тем *cxд* и *cуд* образуют минимальную пару для *x* и *y*.

Замечание 5. Если два звука находятся в отношении свободного варьирования, то, как легко видеть, они не имеют минимальных пар.

Замечание 6. Если два звука находятся в отношении дополнительного распределения, то — и это тоже легко видеть — они не имеют минимальных пар.

Замечание 7. Может случиться, что два звука не имеют минимальных пар и не находятся ни в отношении дополнительного распределения, ни в отношении свободного варьирования. Это показывает пример 2.3.

Пример 2.3. Пусть совокупность исходных выражений состоит из трёх выражений: *axb*, *ayb*, *cxд*, причём равнозначными среди них являются только первое и второе. Тогда для звуков *x* и *y* не существует минимальных пар. При этом они не находятся ни в отношении свободного варьирования, ни в отношении дополнительного распределения.

Замечание 8. Предположим, что исходный материал таков, что никакие различные исходные выражения не имеют одинакового содержания. В этом случае для любых двух различных звуков *x* и *y* выполняется следующее: 1) *x* и *y* не находятся в отношении свободного варьирования; 2) *x* и *y* тогда и только тогда находятся в отношении дополнительного распределения, когда для них не существует минимальных пар.

Вернёмся теперь к сформулированным выше правилам, точнее, к правилам 1—4, поскольку пятое правило мы будем полностью игнорировать. Нас будет интересовать вопрос об их непротиворечивости (то есть не противоречат ли эти правила друг другу) и вопрос об их полноте (то есть описывают ли эти правила полностью некоторое разбиение совокупности звуков на фонемы; иными словами, позволяют ли они, в конечном счёте, про любые два звука сказать, принадлежат они одной фонеме или нет). Как мы сейчас увидим, при некоторых естественных предположениях непротиворечивость действительно имеет, а полнота, вообще говоря, не имеет места.

Займёмся сперва непротиворечивостью. Заметим прежде всего, что, строго говоря, противоречие может существовать лишь между предписывающими правилами и запрещающими.

Хотя теоретически первое правило может противоречить третьему, для реальных исходных материалов такое противоречие не наблюдается. Это происходит потому, что в реальных ситуациях выполняется аксиома близости свободных вариантов, которая гласит: любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, являются фонетически близкими⁴².

Далее, правило второе не может противоречить правилу третьему, поскольку, как было сказано в замечании 5, два звука не могут одновременно иметь минимальную пару и находиться в отношении свободного варьирования. Точно так же (см. замечание 6) не могут иметь минимальных пар звуки, находящиеся в отношении дополнительного распределения; поэтому применению рекомендации из четвертого правила никогда не препятствует запрещение из второго правила.

Перейдём теперь к исследованию полноты рассматриваемой системы правил. Замечание 7 показывает, что эта система, вообще говоря, неполна, то есть может и не давать ответа на вопрос, следует ли два предъявленных звука объединять в одну фонему или нет. Действительно, при надлежащем подборе исходного материала могут встретиться два звука, не подпадающие под действие ни одного из этих правил. Это иллюстрирует пример 2.3. В самом деле, предположим, что звуки *x* и *y* в этом примере являются фонетически близкими. Тогда эти звуки не подпадают ни под действие запрещающих первого и второго правил, ни под действие предписывающего третьего правила, ни даже под действие рекомендующего четвертого правила; так что даже если это последнее правило превратить из рекомендующего в предписывающее (оставляя пока в стороне вопрос, не приведёт ли такое превращение к противоречию), сформулированные выше правила и тогда не дадут ответа на вопрос, должны ли звуки *x* и *y* быть объединены в одну фонему.

Мы обнаружили, что система наших правил не позволяет, вообще говоря, с определённойностью объединять звуки в фонемы, то есть неполна. Но, может быть, её можно сделать полной, если усилить, сделать более категорическими её правила? Сейчас мы увидим, что и это не получается.

Обратимся сперва к запрещающему правилу минимальных пар. Пополним это правило следующим предписанием: «звуки, для которых не существует минимальных пар, предписывается объединять в одну фонему». Тогда получим следующее «пополненное правило минимальных пар»:

П р а в и л о α. Два звука тогда и только тогда следует объединять в одну фонему, когда для них не существует минимальной пары.

⁴² Заметим, что эта аксиома заведомо выполняется, например, в тех ситуациях (едва ли не самых важных), в которых свободное варьирование вообще отсутствует.

Однако правило α , являющееся одновременно и запрещающим и предписывающим, может привести к противоречию. Во-первых, оно может, конечно, вступить в противоречие с правилом фонетической близости. Во-вторых, оно может оказаться противоречивым само по себе, даже взятое изолированно. Действительно, как мы видели выше (замечание 2), отношение «не иметь минимальных пар» может (и притом в реальных лингвистических ситуациях) не являться отношением типа эквивалентности и потому не приводить к разбиению совокупности звуков на классы. Для примера 2.1, например, не существует разбиения множества звуков, удовлетворяющего правилу α .

По той же причине может привести к противоречию и следующее «пополненное правило дополнительного распределения»:

П р а в и л о β . Два звука тогда и только тогда следует объединять в одну фонему, когда они находятся в отношении дополнительного распределения либо совпадают⁴³.

Как показывает замечание 3, это правило может оказаться противоречивым само по себе (даже если отвлечься от того, что оно может противоречить правилу фонетической близости и правилу свободного варьирования; заметим, что оба эти правила «выключаются» при условии, что все звуки фонетически близки и никакие два звука не находятся в отношении свободного варьирования).

Более того, даже если не пополнять правило дополнительного распределения до правила β , провозглашающего критерий дополнительного распределения в качестве необходимого и достаточного для объединения различных звуков в одну фонему, а только лишь превратить содержащуюся в первоначальном правиле рекомендацию в предписание, то и такое превращение приводит, вообще говоря, к противоречию. Действительно, рассмотрим полученное указанным способом правило γ .

П р а в и л о γ . Звуки, которые находятся в отношении дополнительного распределения либо совпадают, предписывается объединять в одну фонему.

Такое предписывающее правило γ может вступить в противоречие с правилом минимальных пар (не говоря уже о правиле фонетической близости). Действительно, если никакие различные исходные выражения не имеют одинакового содержания, то, в силу замечания 8, правило γ и правило минимальных пар, взятые в совокупности, становятся равносильными любому из правил α и β (которые в

⁴³ Добавление «либо совпадают» необходимо для правил β и γ (ибо никакой звук не находится в отношении дополнительного распределения к самому себе, и без указанного добавления получилось бы, что он не должен объединяться в одну фонему сам с собой) и излишне для правил 3 и α (ибо сформулированные в этих правилах условия и так выполняются для совпадающих звуков).

указанной ситуации становятся равносильны друг другу); а то, что каждое из правил α и β может привести к противоречию, уже обсуждалось выше. Например, согласно правилу γ , надо было бы объединить в одну фонему звуки $[r^h]$ и $[r^-]$ и звуки $[r^-]$ и $[b]$ (см. замечание 2); в то же время, согласно правилу минимальных пар, $[r^h]$ и $[b]$ нельзя объединять в одну фонему. Пример 2.1 наглядно иллюстрирует сказанное: правило γ предписывает объединить в одну фонему как звуки x и y , так и звуки y и z ; в то же время правило 2 запрещает объединять x и z в одну фонему.

Итак, правила 1—5, взятые ли в отдельности или в своей совокупности, не могут рассматриваться в качестве правил распознавания принадлежности звуков к одной фонеме. Практический способ употребления этих правил состоит в том, что мы — с учётом предписаний и запрещений — переходим от одной пары звуков к другой и применяем рекомендуемое четвёртое правило постольку, поскольку его применение не противоречит результатам предыдущего анализа. Однако и на этом пути можно прийти к нежелательным результатам. Объединение двух звуков в одну фонему по признаку дополнительной распределения может не только вступить в противоречие с произведёнными ранее объединениями, но и привести к фонемам, не обладающим различительной функцией. Это показывает пример 2.4.

Пример 2.4. Пусть совокупность исходных выражений состоит из двух выражений: x_1y_1 и x_2y_2 . Каждая из пар (x_1, x_2) и (y_1, y_2) удовлетворяет отношению дополнительного распределения. Однако если объявить члены первой пары аллофонами фонемы X , а члены второй пары — аллофонами фонемы Y , то оба исходных выражения перестанут различаться в фонемной записи, которая у обоих будет XY .

Пример 2.4 показывает, что наличие у двух звуков дополнительного распределения не может, вообще говоря, служить достаточным основанием для отнесения их к одной фонеме — даже если в процессе анализа эти звуки встретились впервые и ситуация ещё не успела осложниться тем, что уже произведено объединение хотя бы одного из этих звуков с каким-либо третьим звуком в одну фонему. Это происходит, как нам кажется, потому, что критерий дополнительного распределения (так же, как и критерий минимальных пар) относится по существу не к звукам, а к фонемам. Когда говорят, что фонетически близкие звуки, находящиеся в отношении дополнительного распределения, должны быть объединены в одну фонему, то этим неявно хотят достичь осуществления следующего требования, предъявляемого к системе фонем: никакие две различные, но «фонетически близкие» фонемы, не должны находиться в отношении дополнитель-

ного распределения (при этом «окружение» фонемы, разумеется, тоже состоит из фонем). Аналогичным образом, когда говорят, что фонетически близкие звуки, для которых нет минимальных пар, суть аллофоны одной фонемы, имеют в виду на самом деле, что для двух «фонетически близких», но различных фонем должна найтись минимальная пара, состоящая из цепочек фонем (а не звуков).

Сказанному в предыдущем абзаце можно дать такое методологическое резюме. Хотя исходным материалом для инвентаря фонем какого-либо языка служат совокупность звуков этого языка и отношения между этими звуками, при создании указанного инвентаря следует принимать в расчёт и те соотношения, которые ещё только имеют возникнуть между предполагаемыми фонемами. Требования, предъявляемые к системе фонем, носят интегральный характер: они предъявляются к системе в целом и не укладываются в рамки тех локальных условий, которым должна удовлетворять пара звуков для того, чтобы эти звуки можно было объявить представителями одной и той же фонемы или же, напротив, различных фонем.

Поэтому мы будем исходить при построении модели не столько из второго и четвёртого правил (хотя они и будут в ней отражены), сколько из следующих основных требований, предъявляемых к фонемам и лишь частично проявляющихся в этих правилах.

1. Фонемы служат для различения значений: следовательно, различные исходные выражения, имеющие различные значения, не должны сливаться при замене звуков соответствующими фонемами⁴⁴ (то есть если, скажем, исходные выражения *ax* и *bx* имеют различные значения, то *a* и *b* не могут принадлежать одной фонеме: в противном случае при замене звуков фонемами оба эти выражения слились бы в одно).

2. Дальнейшее укрупнение фонем должно быть невозможно (то есть если, скажем, имеются фонемы *A* и *B*, то должно быть невозможным слияние их в одну фонему *Y*).

Эти два требования мы и постараемся положить в основу нашей модели.

⁴⁴ Это требование выдвинуто в качестве определения фонемы (причём подчеркнуто, что фонемы могут и пересекаться) во впервые опубликованной ещё в 1934 году статье: Y u e n - R e n C h a o, The non-uniqueness of phonemic solution of phonetic systems // Readings in linguistics / Ed. M. Joos, Washington, 1957). Заметим, что, согласно этому определению, английские звуки [p⁻], [p^h], [b] могут образовывать каждый отдельную фонему (см. выше замечание 2). С допущением же пересекающихся фонем приведённому определению не противоречит, например, такое объединение русских звуков [л], [р], [у] в три фонемы 1, 2, 3: 1 = {[л], [р]}, 2 = {[р], [у]}, 3 = {[у], [л]}, причём [л], [р], [у] считаются аллофонами соответственно фонем 1, 2, 3 во всех позициях, кроме конца слова; на концах же слов [л], [р], [у] объявляются аллофонами фонем 3, 1, 2.

§ 3. Построение модели

Разбиения алфавита звуков будем называть впредь просто «разбиениями». Наша цель — из всех разбиений выбрать те, которые являются фонематическими, то есть разбиениями на фонемы.

Рассмотрим сперва одно конкретное разбиение. Так как отношение свободного варьирования является отношением типа эквивалентности, то существует разбиение, при котором любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, попадают в один класс, а любые два звука, не находящиеся в этом отношении, попадают в разные классы. Такое разбиение назовём разбиением свободного варьирования.

Будем говорить, что некоторое разбиение устраняет свободное варьирование, если любые два звука, находящиеся в отношении свободного варьирования, принадлежат к одному и тому же классу разбиения. В частности, разбиение свободного варьирования устраняет свободное варьирование.

Будем говорить далее, что некоторое разбиение согласовано с отношением фонетической близости, если любые два звука, попадающие в один класс, являются фонетически близкими. Очевидно, аксиома близости свободных вариантов равносильна следующему утверждению: разбиение свободного варьирования согласовано с отношением фонетической близости.

Рассмотрим некоторое разбиение. Обозначим классы разбиения символами — с тем единственным условием, чтобы различные классы обозначались различными символами. Обозначение класса, содержащего данный звук, назовём образом этого звука. Цепочку символов, получающуюся из некоторой цепочки звуков путём замены каждого звука его образом, назовём образом этой цепочки звуков. Назовём разбиение смыслоразличительным, если любые два исходных выражения, имеющих различные содержания, имеют различные образы. Поскольку в этом определении содержится ссылка на способ обозначения классов разбиения, постольку можно было бы полагать, что от этого способа будет, вообще говоря, зависеть, окажется ли данное разбиение смыслоразличительным. Однако на самом деле это не так: если разбиение является смыслоразличительным при одном способе обозначения своих классов, то оно будет смыслоразличительным и при любом другом способе (лишь бы выполнялось упомянутое выше условие). Таким образом, разбиение является или не является смыслоразличительным само по себе, независимо от обозначений. Можно убедиться, например, что разбиение свободного варьирования является смыслоразличительным. (Заметим, между прочим,

что для звуков, принадлежащих к одному и тому же классу смысло-различительного разбиения, не может существовать минимальной пары.)

Назовём теперь разбиение почти фонематическим, если оно 1) устраняет свободное варьирование, 2) согласовано с отношением фонетической близости, 3) является смыслоразличительным. В условиях действия аксиомы близости свободных вариантов разбиение свободного варьирования является почти фонематическим. Более того, нетрудно доказать, что эта аксиома равносильна утверждению «существует почти фонематическое разбиение».

Пример 3.1. Алфавит звуков — $\{x, y, u, v\}$; все звуки являются фонетически близкими. Совокупность исходных выражений — $\{xu, ux, xi, yv\}$; никакие два выражения не являются равнозначными. Рассмотрим разбиение алфавита звуков на два класса: $\{x, v\}$ и $\{y, u\}$. Оно не будет почти фонематическим. Действительно, обозначим первый из этих классов через E , а второй через F . Образы исходных выражений будут соответственно таковы: EF, FE, EF, FE , так что различные исходные выражения с различными значениями (например, xu и xi) имеют одинаковые образы. По той же причине не будет почти фонематическим и такое разбиение: $\{x, y\}, \{u\}, \{v\}$.

Пример 3.2. Исходный материал — такой же, как в примере 3.1. Найдём все почти фонематические разбиения алфавита звуков. Их будет пять. Вот они:

- № 1: $\{x\}, \{y\}, \{u\}, \{v\}$;
- № 2: $\{x\}, \{y\}, \{u, v\}$;
- № 3: $\{x\}, \{u\}, \{y, v\}$;
- № 4: $\{x, u\}, \{y\}, \{v\}$;
- № 5: $\{x, u\}, \{y, v\}$.

Разбиение α называется укрупнением разбиения β , если любые два объекта, попадающие в один и тот же класс разбиения β , непременно попадают и в один и тот же класс разбиения α . Каждое разбиение является укрупнением самого себя. (Заметим, что разбиение, устраняющее свободное варьирование, можно было бы определить как разбиение, являющееся укрупнением разбиения свободного варьирования.)

Пример 3.3. В примере 3.2 следующие разбиения служат укрупнением для разбиений этого же примера: разбиение № 1 — для № 1; разбиение № 2 — для №№ 1 и 2; разбиение № 3 — для №№ 1 и 3; разбиение № 4 — для №№ 1 и 4; разбиение № 5 — для №№ 1, 3, 4, 5.

Назовём разбиение β алфавита звуков фонематическим, если, во-первых, оно почти фонематическое и, во-вторых, не существует такого разбиения этого же алфавита, которое было бы 1) отлично от разбиения β , 2) укрупнением разбиения β , 3) почти фонематическим.

Легко убедиться, что если для данного исходного материала существует хоть одно почти фонематическое разбиение, то существует и фонематическое разбиение (то есть почти фонематическое разбиение, не допускающее дальнейшего укрупнения среди почти фонематических же разбиений).

Пример 3.4. Как показывает пример 3.3, следующие два разбиения являются фонематическими в условиях примера 3.1: а) разбиение № 2: $\{x\}$, $\{y\}$, $\{u, v\}$, б) разбиение № 5: $\{x, u\}$, $\{y, v\}$.

Назовём теперь **фоной** класс фонематического разбиения. Каждое фонематическое разбиение задаёт, следовательно, свою систему фонем. Пример 3.4 показывает, что для одного и того же исходного материала возможны различные системы фонем (причём даже различающиеся по числу фонем в этих системах). Таким образом, пример 3.4 демонстрирует явление, называемое иногда «неоднозначностью фонематического решения».

Заметим, что в примере 3.4 система, состоящая из двух фонем, обладает той особенностью, что в некоторых исходных выражениях встречаются представители одной и той же фонемы подряд; следовательно, если обозначить некоторым образом фонемы, то в образах исходных выражений будут встречаться подряд две одинаковые фонемы. Поскольку может возникнуть потребность не рассматривать такие случаи⁴⁵, ниже приводится пример (пример 3.5), в котором для одного и того же исходного материала возможны две системы фонем, причём каждая — без отмеченной только что особенности.

Пример 3.5. Алфавит звуков — $\{a, u, v, w\}$. Все звуки являются фонетически близкими. Исходные выражения — $\{a, u, v, awa, waw\}$. Все исходные выражения имеют различные значения. Возможны два фонематических разбиения: а) $\{w, u\}$, $\{v\}$, $\{a\}$; б) $\{w, v\}$, $\{u\}$, $\{a\}$.

З а м е ч а н и е. Легко видеть, что построенная модель согласуется с «категорическими» (первыми тремя) правилами § 2: сформулированные в них запрещения и предписание осуществляются в предлагаемой модели. Что же касается рекомендуемого четвёртого правила, то, как показывает пример 3.4, может случиться, что его рекомендация не выполняется ни для одной из возможных систем фонем (в названном примере звуки x и y находятся в отношении дополнительного распределения, но не объединяются в одну фонему ни в одной из двух возможных систем фонем).

●► <...> ◀●

Возможно, что предложенная модель может быть использована и при построении моделей для других «эмических» понятий.

⁴⁵ Ср.: Н. С. Трубецкой, указ. соч., с. 57, правило четвёртое.

Приложение 1

Д. Паперно.

Заметки о статье В. А. Успенского

Прошло почти 50 лет с момента публикации статьи В. А. Успенского «Одна модель для понятия фонемы» (ОМдПФ). За эти годы бурно развивалось как языкознание в целом, так и фонология — учение об отношениях между звуками языка, которое включает в себя фонематический анализ — установление отношений между аллофонами. Фонематический анализ отошёл в исследованиях по фонетике и фонологии на второй план, а интеллектуальный контекст статьи В. А. Успенского — структуралистские работы Глисона, Щербы, Трубецкого — представляет ныне скорее исторический интерес.

Тем не менее, хотя полезность самого понятия фонемы ставилась под сомнение⁴⁶, фонематический анализ до сих пор актуален на практике, например, при описании малоизученных языков. Фонематический анализ и связанные с ним понятия (фонема, аллофон и т. д.) до сих пор составляют неотъемлемую часть лингвистического образования⁴⁷.

Успехи науки о языке позволяют уточнить отдельные понятия, на которые опирается ОМдПФ. Например, ключевым в модели В. А. Успенского является понятие *звука речи*, вычленяемого в конкретных произнесениях. Исходным материалом для выделения звуков речи в модели В. А. Успенского служит «некоторый набор отрезков устной речи», причём не уточняется, в каком виде эти отрезки речи существуют как объект исследования — например, как звукозапись, как видеозапись, или же как показания фонетических приборов, таких как палатометр⁴⁸. Экспериментальная фонетика заставляет внести

⁴⁶ Ср. Noam Chomsky and Morris Halle. *The Sound Pattern of English*. — Boston: MIT Press, 1968, 1991.

⁴⁷ Ср. соответствующие разделы в учебниках Victoria Fromkin, Robert Rodman, and Nina Hyams. *An Introduction to Language*. — 8th edition. — Boston: Thomson Wadsworth, 2007. — P. 261—265; Peter Ladefoged. *A Course in Phonetics*. — 3rd edition. — Fort Worth: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 1993. — P. 38—42; С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. *Общая фонетика*. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — Гл. 6.

⁴⁸ Палатометр фиксирует соприкосновение языка с нёбом при произнесении тех или иных звуков. При этом участнику эксперимента вставляется специальное искусственное «нёбо», начинённое электрическими датчиками. Такое

уточнение: чтобы определяемые таким образом звуки языка соответствовали практике языкознания, под устной речью нельзя понимать просто звукозапись (например, запись звука на магнитофон или на цифровой носитель). Дело в том, что разделить звукозапись на надёжно опознаваемые звуки языка практически невозможно, потому что акустическая информация, позволяющая отождествить тот или иной звук, зачастую содержится в соседних звуках. Это особенно верно для согласных звуков, фонетические признаки которых часто наиболее явно выражаются акустически во влиянии на соседний гласный. Таково противопоставление мягких и твёрдых согласных в русском языке; в некоторых парах согласных (например, *б — б'*) «наиболее существенными для различения оказываются не собственные характеристики согласного, а характеристики следующего за ним гласного, который после любого мягкого начинается с *и*-образного элемента»⁴⁹.

Ещё один пример такого рода — противопоставление по ретрофлексности. Ретрофлексные согласные (произносимые с загнутым назад кончиком языка, как первый звук английского слова *ring*) составляют в ряде языков Южной Азии и Австралии отдельные фонемы, отличные от зубных; в таких языках фонематически противопоставлены обычное зубное [ɖ] и ретрофлексное [ɖ̠]. Основным акустическим выражением контраста ретрофлексности является звучание предшествующего гласного звука, а в некоторых языках зубные и ретрофлексные звуки вообще противопоставлены только после гласной⁵⁰. В западном варианте языка аранда вырезанные из контекста предшествующего гласного ретрофлексные и зубные согласные оказываются практически неразличимы на слух⁵¹. Исследования по восприятию ретрофлексных звуков языка хинди показывают, что для их надёжной идентификации важно как наличие в акустическом сигнале шума самого согласного, так и звучание соседних гласных⁵².

«нёбо» изготавливается индивидуально для каждого испытуемого, наподобие вставной челюсти, и стоит немалых денег.

⁴⁹ Л. В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». — М.: Просвещение, 1977. — С. 85.

⁵⁰ Donca Steriade. Directional asymmetries in place assimilation: a perceptual account // The Role of Speech Perception in Phonology / Eds. E. Hume and K. Johnson. — Academic Press, 2001. — P. 226.

⁵¹ Victoria B. Anderson. The perception of coronals in Western Arrente // Proceedings of Eurospeech. Rhodes, Greece. 1997. — V. 1. — P. 389—392.

⁵² Kenneth Stevens and Sheila Blumstein. Quantal Aspects of Consonant Production and Perception: a Study of Retroflex Stop Consonants

Итак, магнитофонную запись трудно расчленить на отрезки, соответствующие традиционно выделяемым звукам речи, и, следовательно, такая запись не может служить исходным материалом для фонематического анализа. Но это соображение не противоречит модели В. А. Успенского по существу. Достаточно взять несколько уточнённое понятие исходного произнесения (и звука речи), которое включает собственно произношение, то есть артикуляцию — движение речевых органов (губ, языка, гортани и др.). На то, что произнесение не сводится только к акустической стороне высказывания, указывает и сам текст статьи, а именно замечание в сноске 9 («Исходные произнесения мы считаем физическими явлениями, имеющими определённую локализацию во времени и пространстве»).

Подобные уточнения можно было бы предложить по поводу других компонентов модели В. А. Успенского, например, по вопросу о размере фонетического окружения, существенного для фонологического анализа, или по понятию фонетического сходства, но, как и в случае сегментации потока речи, эти соображения не меняют предложенной модели фонологического анализа по существу.

Лишь один элемент конструкции В. А. Успенского вызывает более серьёзные опасения. Речь идёт о представлении исходных произнесений в виде простых цепочек звуков (слов в алфавите звуков). Модель В. А. Успенского абстрагируется от всех фонетических явлений, затрагивающих сразу целую группу звуков (слог, стопу, фонетическое слово и т. п.), то есть так называемых супraseгментных (надзвуковых) явлений, например, ударений и тонов. Прямо указывается, что «для английского языка, скажем, можно считать, что совокупность исходных произнесений состоит только из слов и предложений, произносимых с одинаковой интонацией <...>»; что касается ударений и открытого перехода, то их можно считать признаками звуков речи; впрочем, может быть, и тоны и завершители можно считать признаками звуков речи?» (сноска 18).

Корректно ли такое упрощение супraseгментных явлений для формализации фонематического анализа? Ясно, что совсем пренебречь ударениями, тонами и т. п. нельзя без потери моделью всякой ценности для лингвистов. Действительно, различение смыслов (по меньшей мере — смыслов слов) лежит в основе фонологического

// Journal of Phonetics. — 1975. — V. 3. — P. 215—233; Manjari Ohala and John Ohala. Acoustic VC transitions correlate with degree of perceptual confusion of place contrast in Hindi // Travaux du cercle Linguistique de Copenhague / Eds. N. Grønnum and J. Rischel. — Vol. XXXI. — Copenhagen: Reitzel, 2001. — P. 265—284.

анализа, а супraseгментные признаки могут различать конкретные слова; ср. минимальные пары русских слов, отличающихся ударением: *Сахára* и *сáхара*, *идú* и *Иду* (имя в винительном падеже), а также слова, различающиеся тоном в языке бен⁵³: *yà* 'цена' (низкий уровень тона), *yā* 'идти пешком' (средний уровень), *yá* 'отогнать' (высокий уровень).

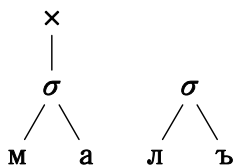
Но нельзя ли, действительно, считать ударения, тоны и т. п. просто признаками отдельных звуков, то есть признавать, например, безударное *a* и ударное *á* просто разными звуками, различающимися признаком ударения? (И, видимо, принадлежащими разным фонемам, если опираться на минимальные пары типа *на* (предлог) — *ná* (междометие).) Заметим сперва, что это идёт вразрез с традицией языкознания, отчасти закрепившейся в терминологическом узусе. Об ударении и тоне, в отличие от признаков мягкости, глухости, огублённости и т. д., часто говорят как об отдельных сущностях, а не признаках звуков: ударение падает на определённый слог, слог произносится с тем или иным тоном. О признаках звуков принято говорить иначе: первый звук слова *пир* является мягким и глухим, а не произносится с мягкостью и глухостью (впрочем, терминология, касающаяся ударения, имеет промежуточный характер, ведь ударение может упоминаться и как признак звука: так, говорят об ударных и безударных гласных, наподобие огубленным гласным или зубным согласным). Добавлю, что в трудах по языкознанию упоминаются не только ударные гласные, но и ударные слоги (в то же время, например, не говорят об огублённых слогах, хотя огублённость в слогах с гласными *y* и *o* часто распространяется фонетически на весь слог).

Это представление об ударении как отдельной от конкретных звуков сущности отражено и в русской графике, выделяющей ударению особый символ «́».

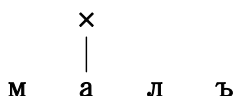
Подобное же свойство имеется и в более изощрённой современной системе транскрипции, так называемой автоcегментной нотации, допускающей отдельные символы для любых элементов фонологической структуры, мыслимых как отдельные сущности, например, для слогов, тонов, ударений и т. д. В автоcегментной нотации транскрипция подразделяется на два или более слоёв, представляющих собой последовательности фонетических символов, связанных между собой: один слой — для звуков, другой — для тонов, третий — для фонетических слов и т. п. К примеру, идею, что слово *мало* состоит из двух слогов, первый из которых несёт ударение,

⁵³ На языке бен говорит более 15 тысяч человек в Кот д'Ивуаре. Бен относится к южной ветви языковой семьи манде.

можно представить следующей записью, где $\times$ обозначает ударение, а σ — слог:

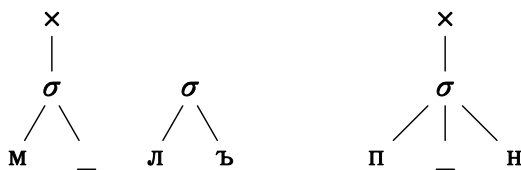

Возможна (и используется на практике) и упрощённая запись, где ударение привязано непосредственно к гласным, а информация о слогеделении опущена⁵⁴:

В наиболее изощрённых вариантах автосегментной записи (известных под названием *feature geometry*, «геометрии признаков») каждый фонетический признак (например, глухость или назальность) выступает как особая языковая единица, так что каждый отдельный звук анализируется как одновременная реализация многих отдельных единиц-признаков.

Автосегментная транскрипция сложнее, чем запись в виде простой последовательности символов, и представляет собой две (или более) последовательности в разных алфавитах, с добавлением отношения связи между этими последовательностями. Такая запись, разумеется, меняет и понятие фонетического контекста, которое уже нельзя рассматривать как упорядоченную пару левого и правого контекста. Более общее определение контекста данного вхождения знака x в запись A — это запись, совпадающая с A с заменой данного вхождения x на специальный символ. Запишем этот символ как «_». Тогда контекстом знака «а» в записях слов *мало* и *пан* будет

(Ясно, что правый и левый контексты в такого рода нелинейной записи выделить непросто.) Также немного меняется понятие образа

⁵⁴ В нашем случае такая запись даже предпочтительна, ведь слогеделение в русском языке представляет предмет многолетних споров.

(произнесения), так как оно теперь должно применяться не к цепочкам знаков, а к автосегментным записям.

Но за исключением этих небольших изменений предложенная В. А. Успенским модель фонемы остаётся прежней; определения почти фонематического и фонематического разбиения равно применимы в случае многослойных записей. К примеру, для русского языка можно объединить звуки [а], [Λ], [ъ], дополнительно распределённые в зависимости от положения ударения, в один класс фонематического разбиения, так что образами слов *мáло* и *малá*,

	×						×	
				и				
м	а	л	ъ		м	Λ	л	а

оказываются, соответственно,

	{ × }						{ × }	
				и				
т	а	l	а		т	а	l	а

(где $l = \{л\}$, $т = \{м\}$, $а = \{а, ъ, \Lambda\}$).

Одна из потенциальных сложностей заключается в том, что фонематическому анализу могут подвергаться элементы различных слоёв. Например, транскрипция может отражать различные контекстные варианты реализации ударения или тона (аллотоны), сводящиеся к одной фонематической единице. При этом нежелательно, чтобы, например, знак ударения и знак для какого-либо звука попали в один класс почти фонематического разбиения; минимальных пар здесь быть не может. Возможно, следует уточнить, что разные слои автосегментной записи составлены из разных алфавитов, каждый из которых подлежит отдельному почти фонематическому разбиению, или же что фонематическое разбиение представляет собой объединение разбиений алфавитов отдельных слоёв. Этот шаг, возможно, необязателен, если учесть требование фонетического сходства: супraseгментные признаки не обладают сходством с сегментами; к примеру, ударение не похоже на звук [а] или [д].

Итак, мы убедились, что для математической модели понятия фонемы пренебрегать супraseгментными признаками вовсе необязательно, и предложенная В. А. Успенским формализация после минимальных уточнений вполне применима. Автосегментная нотация, по-видимому, достаточна для транскрипции супraseгментных явлений в языке, и вполне совместима по существу с «Одной моделью для понятия фонемы».

Но нельзя ли всё-таки обойтись без усложнения записи? Нельзя ли поделить слова на фонемы без остатка? Может быть, тоны и ударения всё-таки можно считать признаками отдельных звуков? Не будет ли это чрезмерным упрощением? Оказывается, что в определённом смысле — действительно, можно.

Оказывается, что автосегментная нотация в определённом смысле не добавляет фонологической теории выразительной силы. Как показали Бёрд и Эллисон в своей формализации автосегментной фонологии, вместо автосегментной записи с произвольными связями между слоями можно использовать столбцы элементов разных слоёв; такие столбцы оказываются прямым аналогом звуков с добавлением супrasegmentных элементов в качестве признаков⁵⁵. Возвращаясь к нашему примеру, автосегментная запись

$$\begin{array}{c} \{ \times \} \\ | \\ m \quad a \quad l \quad a \end{array}$$

заменяется на таблицу

	×		
m	a	l	a

, где столбец

×
a

 и выступает фак-

тически как особый знак для ударного *a*. Но главное, что если свойства каждого слоя автосегментной нотации (то есть распределение тех или иных фонем, положение ударения в слове) и отношения между ними описываются автоматом с конечным числом состояний, то существует эквивалентный конечный автомат и для получающейся методом Бёрда и Эллисона записи из столбцов. В современной фонологии существует консенсус, что любое фонематическое явление на сегментном уровне (например, распределение конкретной фонемы) можно описать с помощью аппарата конечных автоматов, так что и введение автосегментной нотации не меняет этого свойства. Поскольку конечные автоматы и без того считаются достаточным описательным методом, то супrasegmentными признаками как особым элементом звуковой структуры, действительно, можно пренебречь, как и предлагает В. А. Успенский в статье ОМдПФ. Замечательно, что конечные автоматы Бёрда и Эллисона применимы только для описания распределения отдельных звуков (то есть отчасти к фонематическому анализу, задаче В. А. Успенского). В динамических моделях, то есть, например, при описании чередований звуков в порождающей

⁵⁵ Steven Bird and T. Mark Ellison. One-Level Phonology: Auto-segmental Representations and Rules as Finite Automata // Computational Linguistics. — 1994. — V. 20. — No. 1. — P. 55—90.

фонологии, от автосегментной записи в общем случае можно избавиться только ценой большей сложности модели, которая уже не поддаётся описанию в виде конечного автомата⁵⁶. Иначе говоря, предложение В. А. Успенского пренебречь тонами и ударениями корректно для поставленной задачи: в фонематическом анализе супraseгментные единицы, такие как тоны и ударения, можно действительно безболезненно (то есть без потери вычислительной простоты модели) считать признаками отдельных звуков. В то же время особая автосегментная нотация не является избыточной в динамических (порождающих) моделях, в которых она и была первоначально введена.

В этой короткой заметке мы убедились, что статья «Одна модель для понятия фонемы» выдержала испытание временем. В отдельных вопросах, таких как трактовка супraseгментных признаков, за прошедшие годы были достигнуты существенные успехи, и современному языкознанию есть что добавить. Но хотя значительная часть лингвистов продолжают пользоваться иным понятием фонемы, чем формализованное в статье, а именно — допускают пересечение множеств аллофонов двух фонем, по сути предложенная В. А. Успенским модель остаётся адекватной и не противоречит нашим знаниям о фонологии естественного языка.

⁵⁶ Andras Kornai. Formal Phonology: PhD dissertation. — Stanford University, CA, 1991.

Приложение 2

В процессе написания статьи «Одна модель для понятия фонемы» два фонологических сочинения выделились для меня глубиной мысли и ясностью её выражения: «Основы фонологии» Николая Сергеевича Трубецкого и «Фонема» Сергея Игнатьевича Бернштейна. Книга Трубецкого достаточно распространена, её текст можно найти и в Интернете. Сочинение Бернштейна представляет собою статью для второго издания Большой Советской Энциклопедии, каковое найти стало ныне довольно затруднительным.

Сказанное должно служить объяснением и оправданием появления настоящего приложения.

С. И. Бернштейн. Фонема⁵⁷

ФОНЕ́МА (от греческого *φώνημα* — звук, речь) — отдельный звук речи какого-либо языка или диалекта, рассматриваемый в его функции, то есть как средство для различения и материал для построения значимых единиц языка — слов и морфем, в отвлечении от тех особенностей его произношения и звучания, которые не вызывают смысловых различий в словах и морфемах; основная фонетическая единица языка.

Термин «фонема» возник во французской лингвистической литературе в 1874 году для обозначения звука речи (Л. Аве со ссылкой на Дюфриш-Деженета). Русский лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ ещё в 1870 году высказал мысль о «несовпадении физической природы звуков с их значением в механизме языка». По предложению своего ученика Н. В. Крушевского он обозначил новым термином «фонема» лингвистический «эквивалент» физического звука, то есть звук, рассматриваемый с точки зрения его существенных для языка свойств; фонему как «фонетический» элемент языка он противопоставил материальному звуку как элементу «антропофоническому». Первоначально (1881 год) Бодуэн де Куртенэ и Крушевский рассматривали фонемы как фонетически неделимые части морфем, являющиеся членами традиционных (исторических) чередований и состоящие из одного звука или из сочетания звуков, например:

⁵⁷ Опубликовано в книге: Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд. — Т. 45. — М.: БСЭ, 1956. — С. 295—297.

«к||ч» в «пеку — печёшь», «оро||ра» в «ворота — врата» (то есть то единство, которое позже, в 1929 году, Н. С. Трубецкой назвал «морфемой»). Впоследствии (1894 год) Бодуэн де Куртенэ изменил содержание фонемы, обозначив термином «фонема» единство членов «дивергенции» (иначе — «вариации»), то есть живого комбинаторного (позиционного) чередования произносительных вариантов звука, не связанных непосредственно с смысловыми различиями между морфемами или словами. В 1911 году ученик Бодуэна де Куртенэ, русский языковед Л. В. Щерба, уточнил мысль учителя, истолковав фонемы как кратчайшие выделяемые из потока речи звуковые различители слов данного языка. Вместе с тем Щерба различил в фонеме, с одной стороны, основной оттенок, наименее зависимый от комбинаторных (позиционных) условий и, в частности, произносимый изолированно, а с другой — его комбинаторные (позиционные) замены. В «Курсе общей лингвистики» французского языковеда Ф. де Соссюра, изданном посмертно в 1916 году, фонемы рассматриваются как взаимно противопоставленные звуковые единицы, образующие в каждом языке систему, ограниченную определённым количеством элементов. Изложенные идеи Бодуэна де Куртенэ, Щербы и де Соссюра лежат в основе современных, во многом другом не согласных между собой, теорий фонем. Разработка этой проблемы, в течение полувека занимавшая лишь нескольких учёных, резко оживилась с середины 1920-х годов в связи с деятельностью Пражского лингвистического кружка (1926—1939 годы), созданного при участии Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, которые перенесли в зарубежное языкознание идеи Бодуэна де Куртенэ и Щербы; в сочетании с теорией де Соссюра эти учения послужили отправной точкой для интенсивной исследовательской работы лингвистов всего мира. Пражский лингвистический кружок издал восемь томов «Трудов», почти целиком посвящённых вопросам функциональной фонетики (за которой было закреплено название «фонология» взамен употреблявшегося Бодуэном де Куртенэ термина «психофонетика»), и в их числе капитальную работу Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (1939 год, на немецком языке). За годы своего бурного развития учение о фонемах преодолело психологизм, которым отличались концепции фонемы у основоположников фонологии: так, Бодуэн де Куртенэ, начиная с 1894 года, характеризовал фонему как «психический эквивалент звука речи», «представление», постоянно существующее в сознании носителей определённого языка и обуславливающее возможность его «преходящих обнаружений» в форме материального звука. В советской науке борьба с этой концепцией осуществлялась путём критики

её субъективно-идеалистической основы и поисков диалектико-материалистического обоснования понятия фонемы; на Западе учение о фонемах, несмотря на отказ от психологизма, осталось в основном идеалистическим.

Фонема сама по себе не выражает какого-либо значения, но, отличаясь от всех других фонем (и тем самым противопоставляясь им), она способна служить единственным или основным признаком для отличения одной значимой единицы языка (слова или морфемы) от другой, а следовательно, и первичным элементом звукового строения этих единиц: ср. русские слова «стал», «стыл», «стол», «стул» и «мал», «мыл», «мол», «мул». В этом и состоит её языковая функция.

Дивергенции (вариации) фонем как элементов одних и тех же морфем в составе разных слов или форм слова приводят к распадению фонемы на члены фонемы — дивергенты (варианты), так что фонема представляет собой ряд позиционно чередующихся звуков — дивергентный (вариационный) ряд. Дивергенции вызываются фонетическим положением (позицией) фонемы в каждом конкретном случае. Поэтому дивергенции лишены непосредственной связи с различием значений: они только сопутствуют другим, непосредственно значимым различиям в звуковом строении слов и их форм (например, замене одного окончания или суффикса другим, переносу ударения с одного слога на другой). Так, в русском языке гласные в безударных слогах редуцируются, например: «в^ад-á» при «вóд-^ы», «тр^ав-á» при «трáв-^ы», «р^ьк-^ав-óй» (орфографически «роковой») при «рок» и «д^ьб-óв-^ый»; артикуляция согласных перед гласным «у» приобретает округление и выдвижение губ, например в «жд-у» при «жд-а-л» с обычными неогублёнными согласными.

В приведённых случаях (дивергенции 1-го рода) чередуются звуки, которые встречаются в русском языке только во взаимно исключающих положениях (например, гласные полного образования только в ударных слогах, редуцированные гласные — только в безударных); выбор того или другого из них всегда продиктован позицией; поэтому различия между ними ни в каких условиях не способны служить единственным или основным различием между парой слов; эти звуки являются членами (дивергентами) одной фонемы: фонема «а || ^а || ^ь || ...», фонема «о || ^а || ^ь || ...» и т. п. (см. ниже о составе фонемы 2-й степени); среди них можно различить основной член фонемы (который служит названием всей фонемы) и её побочные или заменительные члены (см. выше об основном оттенке в концепции Щербы); те фонетические положения (позиции), в которых выступает основной член, называются сильными, а те положения

(позиции), в которых используются заменительные дивергенты, — слабыми. В других случаях (дивергенции 2-го рода) в известных позициях допустимы оба звука, чередующихся в других позициях. Так, в русском языке звонкий шумный согласный, попадая в положение перед глухим согласным или в конец слова, заменяется соответствующим глухим согласным, например «гот» (орфографически «год») при «г^од-^н», но в других положениях, например перед гласным, выбор глухого или звонкого согласного фонетически не обусловлен и потому непосредственно вызывает различие слов, например, «г^од-^н» и «г^от-^н».

В теориях фонем этот факт получает различные отражения. Одни учёные из случаев, подобных приведённому, делают вывод, что глухие и соответствующие им звонкие шумные согласные безоговорочно являются в русском языке различными фонемами: они взаимно противопоставлены по соотносительным («коррелятивным») признакам (глухость — звонкость); эти признаки в них «семасиологизованы» (то есть использованы в смысловых целях), «фонологизованы» (то есть использованы для образования и различения фонем), в отличие от несемасиологизуемой, нефонологизуемой разницы между гласным полного образования и редуцированным, между согласным неогублённым и огублённым и т. п. Поэтому в тех положениях, где недопустим один из членов такой пары, происходит не чередование членов одной фонемы, а чередование разных фонем.

Согласно другому взгляду, фонемы не вступают между собой в живые позиционные чередования, так что фонемный состав морфем (в отличие от их звукового состава) дивергенциями не нарушается; дивергентная связь пары звуков свидетельствует об их принадлежности к одной фонеме: всякий звук, выступая в данной позиции в качестве заменителя другого звука, становится побочным членом его фонемы даже в том случае, если в других позициях он является основным членом другой фонемы; конечный согласный «т» в слове «год» выступает как заменительный вариант фонемы «д».

С первой точки зрения фонемы являются непосредственными опознавательными знаками и кратчайшими потенциальными звуковыми различителями слов; противопоставления, способные в данном языке в каких-либо позициях сообщать звукам эту функцию (например, глухость и звонкость шумных согласных), рассматриваются как фонологизованные во всех случаях употребления соответствующих звуков, независимо от того, в каких позициях, в каких словах или морфемах они употреблены в том или ином конкретном случае; со второй точки зрения фонема — это звуковой различитель,

реализованный в конкретных морфемах и словах в определённых позиционных условиях, кратчайший звуковой элемент значимой единицы языка в совокупности его вариаций (а тем самым — и в отвлечении от них) и в соотношении с её смысловым единством. Эти две концепции не исключают друг друга, как обычно полагают: они освещают роль звуков в языке с разных сторон; но фонемы в той и в другой плоскости должны быть терминологически различены — например, как фонемы 1-й и 2-й степени (Φ^1 и Φ^2). Инвентарь фонем данного языка одинаков в той и в другой плоскости, но дивергентные ряды, образующие Φ^1 и соответствующие Φ^2 , не вполне совпадают; неодинаков в обеих плоскостях и фонемный состав отдельных морфем и слов: например, в омонимичных словах «рот» и «род» конечные Φ^1 одинаковы («т»), а Φ^2 различны (в первом слове «т», во втором — «д»).

Как показывают приведённые примеры, одни и те же звуки могут входить в состав разных фонем; следовательно, в известных позициях противопоставление двух фонем по тому или иному коррелятивному признаку утрачивается — происходит нейтрализация фонологического противопоставления, иначе конвергенция двух фонем. Это явление сильно затрудняет фонемный анализ слов, главным образом в отношении заменительных дивергентов 1-го рода. В плоскости Φ^2 их принадлежность к той или иной фонеме, по мнению ряда лингвистов, нередко может быть установлена путём сопоставления с такими словами и формами слов, содержащими ту же морфему, где данная фонема находится в сильном положении; потому гласный «а» в слове «в^ад-á» является дивергентом Φ^2 «о» (ср. «вóд-^ы»), а в слове «тр^ав-á» — дивергентом Φ^2 «а» (ср. «трáв-^ы»). Однако в очень многих случаях такие сопоставления невозможны, например в словах «б^аран», «рад-^ьс'т'» (орфографически «радость»). В плане Φ^2 — здесь не дифференцированный (или нейтрализованный) дивергент фонем «а» и «о». С точки зрения Φ^1 вопрос о фонематической принадлежности дивергентов 1-го рода в слабых положениях пробовали решать путём искусственно замедленного и прояснённого произношения по слогам; однако, независимо от вопроса о методологической правомерности этого приёма, такое прояснение удаётся в одних случаях (например, «ва-да», а не «во-да», «ба-ран», а не «бо-ран»), но не удаётся в других (например, «ра-дость» и «ра-дасть» одинаково неудовлетворительно), и потому неправильно было бы, как это делали учёные, отождествлявшие фонемы с Φ^1 , относить гласные «^а» и «^о» во всех случаях к составу фонемы «а». В плоскости Φ^1

дивергенты 1-го рода в слабых положениях во всех случаях следует рассматривать как недифференцированные (нейтрализованные). Таким образом, как в той, так и в другой плоскости слова фонологически разлагаются частью на фонемы, частью на недифференцированные (нейтрализованные) дивергенты (которые, ввиду их соотносительности с фонемами при разложении слов на первичные фонетические элементы, могут быть названы ф о н е м ó и д а м и).

Существует и третья точка зрения, представители которой, отвергая двупланность фонем, опираются только на позиционный признак и усматривают связь дивергента с двумя фонемами во всех случаях нейтрализации фонологического противопоставления — не только в «б^аран» и т. п., но и в «т^ра^ава», «в^ада», и в «р^от» (орфографически «рот» и «род») или «ф^трой» (орфографически «второй»).

Фонема как понятие определённой совокупности звуков языка, связанных дивергенцией в функциональное единство, представляет собой абстракцию; однако при правильном понимании эта абстракция сохраняет значительное богатство материальных признаков и образует диалектическое единство с обнимаемыми ею дивергентами (единство общего и отдельного). Полной конкретностью обладает только звук, материально осуществляемый в произносительном акте; звук языка, освобождённый от индивидуальных признаков конкретного и единичного произносительного акта, — это уже известная абстракция. Звук языка является таковым лишь потому, что в качестве члена какой-либо фонемы способен служить в определённых фонетических условиях материалом для построения и признаком для различения слов; социальную ценность сообщает ему только принадлежность к составу фонемы, связывающая его со словесным мышлением и языковым общением. С другой стороны, фонема существует только как функциональное единство дивергентов и может быть произнесена и услышана только в виде того или иного дивергента. Даже звуки речи, которыми оперирует материальная фонетика (антропофоника), — не что иное, как звуковые образования, служащие членами фонем в каких-либо языках. Следовательно, фонема и её члены образуют диалектическое единство сущности и явления. Противоположность же фонемы и звука явственно обнаруживается, между прочим, в фонетическом членении речи: материальный процесс произнесения протекает физиологически непрерывно на протяжении акта речи и не знает границ между отдельными звуками; известные перерывы в форме пауз (отсутствия звучания), впрочем, вовсе не совпадающие с границами между отдельными звуками языка (например, внутри глухих взрывных согласных), имеют место в колебательном

движении воздуха в результате соответствующих работ органов речи; но только фонемы представляют собой ряд вполне разграниченных единиц, причём разграничение их в потоке речи опирается не только на материальные данные, но и на функциональные признаки: физически тождественные звучания, если они материально членимы, могут в одном языке служить фонемами (например, дифтонги в немецком языке), а в другом представлять собой сочетания фонем (например, дифтонги в русском языке).

В толковании фонемы как абстракции нередко встречаются серьёзные ошибки. Так, явный отпечаток идеализма сообщает зарубежной фонологии воспринятое ею учение де Соссюра о том, что «положительные качества фонем безразличны», потому что «сущность этих единиц только в том, чтобы не смешиваться друг с другом». Отсюда заключают, что «фонологически существенными» являются только «дифференциальные признаки», служащие единственным отличием данной фонемы от каждой из наиболее сходных с ней фонем того же языка. Вследствие этого из характеристики фонемы нередко выпадают признаки, существенные с точки зрения построения слов и их узнавания в речи: например, в описание фонемы французского глухого заднеязычного согласного «к» не включают указания на взрывный способ образования, потому что во французском языке нет щелевого заднеязычного согласного «х»; изучение этих «фонологически несущественных» признаков звуков языка исключается из «фонологии» как лингвистической дисциплины и передаётся «фонетике», якобы принадлежащей к числу естественных наук. Так учение о функции звуков как различителей слов и морфем искусственно отрывается от их функции как строительного материала для этих языковых единиц. Этой ошибки можно избежать, последовательно рассматривая фонему как ряд звуков, скреплённых дивергенцией, состоящий из основного дивергента, противопоставленного основным дивергентам других фонем, и его позиционных преобразований; связь между дивергентами, создающая единство фонемы, обеспечивается не обобщением их материальных признаков, как нередко утверждают, — потому что эти признаки могут значительно разойтись, — а только принадлежностью к одному вариационному ряду (ср., например, гласный «о» в слове «рок» и редуцированный гласный, похожий скорее на «ы», заменяющий его в первом слоге слова «р^кк^ав^{ой}»).

Состав коррелятивных признаков (то есть фонологических противопоставлений), позиций, вызывающих те или иные дивергенции, и дивергентных рядов (то есть основных дивергентов фонем с их позиционными заменителями) — иначе говоря, фонологические

системы — в разных языках и диалектах не менее различен, чем комплекты представленных в них звуков речи. Так, в русском языке наблюдается корреляция большинства согласных по твёрдости — смягчённости, но её нет в английском, немецком, французском и других языках; во французском языке различаются как фонемы два вида гласного «э» — «э» широкое (или открытое) и «э» узкое (или закрытое): ср. слова *prêt* («готов, -ый») с «э» широким и *pré* («луг») с «э» узким; между тем в русском языке это различие не коррелятивно и характеризует дивергенты единой фонемы «э», например, «цеп» («э» широкое, между твёрдыми согласными), «цепь» («э» более узкое, между твёрдым и смягчённым согласным); во многих языках различаются как фонемы гласные краткие и долгие: ср. немецкие *Stadt* («город») и *Staat* («государство»), французские *bette* («свёкла») и *bête* («животное», а также «глупый»), чешские *pas* («паспорт») и *pás* («пояс»); между тем в русском языке гласный, произнесённый без удлинения, и протянутый гласный — даже не дивергенты, так как протягивание гласного применяется в русском языке не в зависимости от позиции, а только для выражения известных эмоций, то есть в качестве одного из средств фразной интонации; также и высота гласных в русском, как и во многих других языках, служит только для интонирования фразы, тогда как во многих африканских языках это — коррелятивный признак, различающий фонемы, а следовательно, и слова; в русском, белорусском, болгарском, немецком и других языках звонкий шумный согласный в конце слова заменяется глухим; в украинском, сербском, французском, английском и ряде других языков этой дивергенции нет; в русском литературном языке широко представлена в качестве дивергенции редукция гласных в безударных слогах, но она значительно ограничена в севернорусском наречии (ср. литературное «в^ада́» и севернорусское «водá», с сохранением отчётливого «о») и вовсе отсутствует в украинском языке. Наконец, языки обнаруживают различия и в общем характере фонологической системы. Так, русский язык отличается чрезвычайным богатством вариаций как гласных, так и согласных фонем и небольшим числом гласных фонем (одни учёные насчитывают их 5, другие — 6); в немецком — то же богатство дивергенций согласных, но значительно менее развиты дивергенции гласных, тогда как число гласных фонем достигает 16; прогрессивная ассимиляция широко представлена в агглютинативных языках — тюркских, монгольских, угро-финских, а также в немецком, но почти не встречается в русском и других славянских, а также в романских языках.

Литература

Бодуэн-де-Куртенэ И. [А]. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики» славянских языков // Русский филологический вестник. — Варшава, 1881. — Т. 5. — № 2.

Его же. Введение в языковедение. — 5 изд. — Пг., 1917. — [Литогр. изд.].

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. — СПб., 1912.

Его же. Фонетика французского языка. — 5 изд. — М., 1955. — [Имеется библиография].

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: Пер. с франц. / Под ред. и с прим. Р. О. Шор. — М., 1933.

Яковлев Н. Таблицы фонетики кабардинского языка. — М., 1923. — [Стеклогр. изд.].

Его же. Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока: Сборник. — Кн. 1. — М., 1928.

Биршерт А. Ф. К вопросу о системе фонем английского литературного языка // Учёные записки [I Московского гос. пед. ин-та иностранных языков]. — 1940. — Т. 1. — [Имеется библиография].

Реформатский А. А. Проблема фонемы в американской лингвистике // Учёные записки Московского гор. пед. ин-та. Кафедра русского языка. — 1941. — Т. 5. — Вып. 1. — [Имеется библиография].

Кузнецов П. С. К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Учёные записки Московского гор. пед. ин-та. Кафедра русского языка. — 1941. — Т. 5. — Вып. 1. — [Имеется библиография].

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. — Ч. 1. — М., 1945.

Зарецкий А. [И.]. Фонема // Учёные записки Сталинабадского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко. — 1948. — Т. 3.

Шаумян С. К. Проблема фонемы // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. — 1952. — Вып. 4.

К дискуссии по вопросам фонологии // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. — 1952. Вып. 5, 6; 1953. Вып. 1, 4, 6.

Ахманова О. С. Фонология. — М., 1954.

Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы // Вопросы грамматического строя: Сборник статей. — М., 1955.

Курило О. До поняття «фонема» // Збірник секції граматики української мови / Ред. О. Курило. — Київ, 1930.

С у н ц о в а І. Фонема (Історичний нарис і спроба визначення поняття) // Мовознавство. — Київ, 1934. — № 2. — [Имеется библиография].

B a u d o u i n d e C o u r t e n a y J. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik. — Straßburg: Trübner, 1895.

Travaux du Cercle linguistique de Prague. — 1929. No. 1—2; 1931. No. 4; 1934. No. 5. P. 2; 1936. No. 6; 1939. No. 7—8 [см. в № 7 статью Trubetzkoy N. S.].

H j e l m s l e v L. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. — København, 1943.

J o n e s D. The phoneme. Its nature and use. — Cambridge, 1950.

Отзыв о диссертации Андрея Анатольевича Зализняка

► Здесь публикуется мой оппонентский отзыв, а также некоторые другие документы, относящиеся к состоявшейся в 1965 году защите А. А. Зализняком его диссертации. Сделанные для настоящего издания комментарии, перемежающие публикуемые документы, заключены между входным (►) и выходным (◄) семафорами. ◄

ВЫПИСКА

из протокола заседания сектора структурной типологии
славянских языков [Института славяноведения АН СССР]
от 8 января 1965 года

Слушали: О рекомендации к защите диссертации А. А. Зализняка на соискание учёной степени кандидата филологических наук и утверждения автореферата диссертации к печати.

Постановили:

1. Считать диссертацию А. А. Зализняка «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка» законченной и просить Учёный совет Института славяноведения принять диссертацию А. А. Зализняка к защите.
2. Опубликованные по теме диссертации статьи освещают основные проблемы, рассматриваемые в работе.
3. Утвердить к печати автореферат А. А. Зализняка по теме диссертации.
4. Рекомендовать в качестве официальных оппонентов доктора филологических наук П. С. Кузнецова (Филологический факультет МГУ), доктора физико-математических¹ наук В. А. Успенского (Меха-

¹ Появление оппонента-математика, надо полагать, было вызвано присутствием в тексте диссертации теорем, что для филологических текстов было явлением более чем редким, если вообще до того встречавшимся. Три теоремы Зализняка давали возможность минимизировать количество схем ударения в именных парадигмах, а более точно — подвести формальную математическую базу под неформальные лингвистические рассуждения, приводящие к такой минимизации. В выросшей из диссертации монографии «Русское именное словоизменение» эти теоремы составляют раздел 6.20.

нико-математический факультет МГУ) и кандидата филологических наук Ю. Д. Апресяна (Институт русского языка АН СССР).

5. Направить диссертацию А. А. Зализняка на внешний отзыв в сектор структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР.

Учёный секретарь сектора
доктор филол. наук И. И. Ревзин

● И вот Учёный совет Института славяноведения Академии наук СССР принял кандидатскую диссертацию А. А. Зализняка к защите. Были утверждены рекомендованные сектором оппоненты, автореферат был напечатан и разослан. Защита была назначена на 31 марта 1965 года, на 15 часов. В те времена в целях обеспечения публичности защит диссертаций и бракоразводных процессов и о тех, и о других полагалось давать объявление в газете (о защите с указанием места и времени, о разводе с указанием того нарсуда, в коем «дело подлежит рассмотрению»). 22 марта 1965 года в газете «Вечерняя Москва» появилось нижеследующее объявление:

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Академии наук СССР
(Трубниковский пер., 30-а)
31/III—65 г., в 15 час., на соискание ученой степени кандидата филологических наук **ЗАЛИЗНЯКОМ А. А.**
на тему: «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка».

В определённое для проведения защиты время собрался Учёный совет. Перед началом заседания председателю Совета И. А. Хренову (он же — директор Института славяноведения) было вручено нижеследующее письмо за четырьмя подписями. ◀●

Председателю Учёного совета
Института славяноведения АН СССР

Мы считаем, что представленная на соискание учёной степени кандидата наук диссертация А. А. Зализняка, по которой трое из нас (Ю. Д. Апресян, П. С. Кузнецов, В. А. Успенский) являются официальными оппонентами, а четвёртый (Р. И. Аванесов) готов быть таковым, отвечает всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Поэтому на основании п. 24 Инструкции о порядке присуждения учёных степеней и присвоения учёных званий (утв. ВАК 9.4.1960 г.) мы просим рассматривать предстоящую защиту не только как кандидатскую, но одновременно и как докторскую — с тем,

чтобы в конце заседания были решены два вопроса: о присуждении учёной степени кандидата филологических наук и о представлении к утверждению в учёной степени доктора филологических наук².

Член-корреспондент
АН СССР

Р. И. Аванесов

Кандидат филологических наук

Ю. Д. Апресян

Доктор филологических наук,
профессор

П. С. Кузнецов

Доктор физико-математических
наук

В. А. Успенский

31.3.1965

► Результатом этого письма явилась отмена заседания Учёного совета (на какое-то, кстати, пришлось довольно много народу). Это письмо и было оглашено его адресатом в начале заседания. (Когда все расходились, находившийся среди присутствующих А. Е. Кибрик сказал: «Сразу ясно, кем письмо написано». Осталось невыясненным, имело ли это высказывание смысл 'ex ungue leonem' или же подразумевало намёк на ослиные уши сочинителя.) А результатом письма было то, что сразу после его оглашения заседание Учёного совета было прервано и квартет подписавших письмо был приглашён Хреновым в свой кабинет. Там хозяином кабинета было высказано следующее суждение (надо признать, довольно справедливое): всё это для него, как и для Учёного совета в целом, совершенно неожиданно, вопрос должным образом не проработан,

² Указанный в письме п. 24 Инструкции гласил:

Если кандидатская диссертация по отзыву двух официальных оппонентов — докторов наук отвечает требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, председатель совета, по получении положительного отзыва третьего оппонента (доктора наук), вправе допустить диссертацию к защите как докторскую. После защиты диссертации в этом же заседании совет выносит тайным голосованием два отдельных решения: о присуждении учёной степени кандидата наук и о представлении к утверждению в учёной степени доктора наук.

(Изложенная процедура действовала не всегда. Например, когда весной 1954 года Вяч. Вс. Иванов защищал на Филологическом факультете МГУ кандидатскую диссертацию, то Учёный совет, присудив ему степень кандидата филологических наук, одновременно вынес решение о проведении повторной защиты, успешно состоявшейся уже осенью, той же диссертации в качестве докторской. Результат был тот, что ВАК в течение нескольких лет не выдавал Иванову никакого диплома об учёной степени, а затем выдал кандидатский диплом.) — В. У.

а потому имеются две возможности — либо немедленно состоится кандидатская защита, либо заседание отменяется, и проблема будет изучаться. С согласия вызванного в кабинет диссертанта из двух указанных возможностей была выбрана вторая. После чего все вернулись в до предела переполненный зал, и председатель сообщил о принятом решении (к огорчению части пришедших на защиту). После ряда перипетий, нередко ставящих под угрозу самую перспективу защиты данной диссертации в качестве докторской, новое заседание было, наконец, назначено на 26 мая. И вот, 18 мая 1965 года появилось новое объявление о защите, на этот раз в газете «Московская правда»:

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Академии наук СССР
(Трубниковский пер., 30-а)
26/V—65 г., в 15 час., на соискание
ученой степени кандидата филологических наук **ЗАЛИЗНЯКОМ А. А.**
на тему: «Классификация и синтез
именных парадигм современного
русского языка».

Как видно из объявления, и при новой дате диссертация Зализняка была заявлена как кандидатская.

Следующий фрагмент стенограммы заседания Учёного совета Института славяноведения АН СССР 26 мая 1965 года проясняет дальнейший ход событий. Данный фрагмент отражает тот этап заседания, который наступил сразу после вступительного слова диссертанта. ◀●

[Из стенограммы заседания]

И. А. Хренов. Имеются ли вопросы к Андрею Анатольевичу? (Вопросов нет.) Слово предоставляется И. М. Шептунову для зачитания отзывов, полученных на диссертацию.

И. М. Шептунов оглашает:

1. Решение сектора структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР.

2. Отзыв сектора структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР, подписанный заведующим доктором филологических наук А. А. Реформатским и учёным секретарём И. А. Мельчуком.

3. Письмо издательства «Советская Энциклопедия» от 24 марта 1965 года, подписанное главным редактором словарей М. В. Лазовой, заведующей редакцией словарей на романских языках К. С. Выгодской и заведующей редакцией словарей на русском языке И. К. Сазоновой.

4. Письмо академика А. И. Берга (секция семиотики Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР) от 30 апреля 1965 года.

5. Письмо академика А. Н. Колмогорова от 2 мая 1965 года³.

6. Письмо доктора филологических наук Р. Г. Пиотровского, старшего научного сотрудника Института языкознания Ленинградского отделения АН СССР от 23 мая 1965 года.

7. Отзыв академика В. В. Виноградова от 24 мая 1965 года⁴.

●► Из ленинградской больницы Академии наук Александр Алексеевич Холодóвич (11(24).05.1906—20.03.1977) прислал мне письмо для Учёного совета Института. Письмо, как и большинство подобных текстов Холодовича, начиналось колоритно:

Учёному Совету Института Славяноведения
Академии Наук СССР

КРАТКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Поражённый жесточайшим инфарктом и прикованный на длительный срок к академической больничной койке, я лишён:

а) по велению сложившихся обстоятельств возможности лично участвовать в интереснейшем споре докторов наук по диссертации А. А. Зализняка и доказывать устно, надеюсь, вместе с другими докторами наук, право А. А. Зализняка самому именоваться впредь доктором филологических наук;

б) а по приказу ведущих меня докторов права держать в руке перо свыше 5 минут.

Приведу ещё одну фразу из «Краткого заявления»: «Читая А. А. Зализняка, меня всё время не покидало впечатление абсолютной законченности исследования в данной области: <...> все факты приняты во внимание, получена истина в последней инстанции <...>». Письмо было подписано 23 мая 1965 года и к защите уже не поспело. ◀● ●► Сейчас оно опубликовано на с. 189—191 сборника: Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича: Материалы. — СПб.: Нестор-История, 2006. — 196 с. ◀●●

³ Публикуется в качестве приложения 1 к настоящей статье на с. 143. — *Примеч. ред.*

⁴ Публикуется в качестве приложения 2 к настоящей статье на с. 144—145. — *Примеч. ред.* ●► Меня поразило то, что Виноградов оказался единственным, обнаружившим ошибку в тексте Зализняка. А именно, в диссертации слово *себя* было отнесено к категории слов, не имеющих множественного числа; в отзыве Виноградова справедливо указано, что можно ведь сказать *самих себя*. Найти ошибку у Зализняка — дело почти безнадежное, поскольку он их практически не делает. Ознакомившись с отзывом Виноградова, я проникся восхищением и безграничным уважением к Виктору Владимировичу. — В. У. ◀●●

И. А. Хренов. Прежде чем приступить к заслушиванию выступлений официальных оппонентов по диссертации, я хотел бы сделать некоторое разъяснение Учёному совету.

На имя Председателя Учёного совета Института славяноведения 31 марта с. г. поступило письмо, подписанное кандидатом филологических наук Ю. Д. Апресяном, доктором филологических наук П. С. Кузнецовым, доктором физико-математических наук В. А. Успенским и членом-корреспондентом АН СССР Р. И. Аванесовым. В этом письме сказано: «Мы считаем, что представленная на соискание учёной степени кандидата филологических наук диссертация А. А. Зализняка превышает требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. Поэтому на основании п. 24 Инструкции о порядке присуждения учёных степеней и званий, мы просим рассматривать настоящую защиту не только как кандидатскую, но и как докторскую с тем, чтобы были решены два вопроса: о присуждении учёной степени кандидата филологических наук и о представлении к учёной степени доктора филологических наук».

После получения этого письма мною, согласно п. 24 Инструкции, о которой было сказано, был назначен дополнительный оппонент по диссертации, член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов, который дал положительный отзыв и также высказался за присуждение А. А. Зализняку степени доктора филологических наук.

Кроме того, дирекцией института была направлена просьба в ВАК, чтобы на сегодняшнее заседание Учёного совета был включён ряд специалистов при рассмотрении диссертации тов. Зализняка. Мы просили включить на сегодняшнее заседание Учёного совета следующих товарищей: проф. Ахманову О. С., доктора физико-математических наук Добрушина Р. Л., доктора филологических наук Ревзина И. И., доктора филологических наук Реформатского А. А. и доктора филологических наук Шаумяна С. К.

На это письмо мы получили следующее разъяснение: «ВАК разрешает на время защиты диссертации тов. А. А. Зализняком <...>» (зачитывает письмо ВАК, подписанное председателем ВАК тов. Елютиным).

Таким образом, следуя Инструкции о порядке защиты диссертаций и исходя из тех мер, которые были проведены дирекцией и мною как председателем Учёного совета, мы сегодняшнюю защиту диссертации тов. Зализняка должны рассматривать и как диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук и как диссертацию на степень доктора филологических наук. Конечно, результаты того и другого покажет тайное голосование членов Учёного совета.

Каждому члену Учёного совета для голосования будет дано два

бюллетеня: бюллетень по поводу голосования на степень кандидата филологических наук и бюллетень по поводу голосования на степень доктора филологических наук, причём оба бюллетеня надо заполнить.

► После этого сделанного председателем Учёного совета разъяснения была избрана счётная комиссия, а затем последовательно выступили четыре официальных оппонента: П. С. Кузнецов, В. А. Успенский (то есть я), Р. И. Аванесов, Ю. Д. Апресян. Р. И. Аванесов, в частности, сказал (цитирую из записей, которые в течение защиты делала Н. Г. Рычкова):

Всегда считалась, что наша наука описательная. Теперь это уже теоретическая наука. А в математике и физике так всегда и бывает. Писал кандидатскую, а написал докторскую. Этот наш случай свидетельствует о совершеннолети нашей науки. Институт славяноведения может гордиться, что в его коллективе работает такой [учёный], как Зализняк.

П. С. Кузнецов, зачитав выдержки из своего отзыва, в конце объявил, что хочет сделать небольшое отступление. В этом своём отступлении он сказал (снова цитирую из записей Н. Г. Рычковой):

На третьем курсе Зализняк был мальчиком, который очень много читает, но который ещё не всё переварил. А когда приехал из Франции⁵ — всё понимает самостоятельно. А сегодня даже не знаю, с кем его сравнить из молодых кандидатов и докторов. Не в ущерб другим, а в плюс ему.

Ниже приводится мой отзыв. ◀●

ОТЗЫВ

о диссертации А. А. Зализняка «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка»

Диссертация А. А. Зализняка представляется мне заметным событием в языковедении и в науке вообще. В языковедении — потому, что содержит исчерпывающее решение ряда крупных проблем, важных как в теоретическом, как и в практическом отношении. В науке вообще — потому, что она показывает, что и в гуманитарных дисциплинах могут иметь место решения проблем не только *исчерпывающие*,

⁵ 21 сентября 1956 года Зализняк, тогда пятикурсник Филологического факультета МГУ, был отправлен по так называемому студенческому обмену в Париж, откуда вернулся в июне 1957 года. Поскольку он, по официальной формулировке «потерял год в Париже», то, вернувшись, он снова сделался пятикурсником. — В. У.

но и доведённые до такой степени ясности и логической отточенности, какую мы привыкли видеть лишь в точных науках. Для того, чтобы убедиться в этом, посмотрим, *что* сделано в диссертации и *как* это сделано.

Основное содержание диссертации изложено в трёх её главах (есть ещё Введение и три приложения).

Первая глава посвящена описанию самого принципиального устройства парадигм русских имён. Как известно, парадигма — это набор словоформ данного слова, соответствующих всем тем грамматическим категориям, которые являются для данного слова словоизменительными. Поэтому совершенно естественным (естественным по высокому счёту, потому что это встречается далеко не всегда) является то, что изложение вопроса начинается с уточнения таких основных понятий, как «словоформа», «грамматическая категория» и т. п. — понятий, слишком часто, к сожалению, считающихся столь очевидными, что они не нуждаются в уточнении. (Подобное стремление к уточнению, к формулированию чётких определений и к выявлению основных допущений вообще характерно для диссертации и является одной из сильных её сторон.)

После того, как выяснены основные исходные понятия, в той же первой главе устанавливается число словоизменительных разрядов каждой грамматической категории — прежде всего число падежей и число родов у существительных. Характерная для диссертации тенденция к дедуктивному изложению проявляется здесь в полной мере: диссертант не прибегает к готовым «школьным» схемам, а стремится выяснить, что такое падеж и что такое род. Задачи об определении этих понятий ставятся и самобытно решаются в диссертации. Только скромностью диссертанта можно объяснить то, что процедура выделения падежей названа в диссертации усовершенствованием процедуры В. А. Успенского. На самом же деле мы имеем здесь совершенно оригинальную конструкцию, превосходящую конструкцию автора этих строк во многих отношениях: во-первых, тем, что она проще и не использует, в частности, двухступенчатой системы эквивалентностей, состоящей из непосредственной эквивалентности и просто эквивалентности; во-вторых, тем, что она ближе к непосредственной лингвистической интуиции; в-третьих, тем, что она устраняет существенный недостаток конструкции В. А. Успенского, состоящий в объявлении любой *пары* падежей также отдельным падежом.

Что касается понятия рода, который, в отличие от падежа, является для существительных классифицирующей категорией, то здесь, как убедительно показывает автор, роды можно выделить лишь после выделения падежей (должен сказать, что одна лишь последовательность, в которой одни понятия должны строиться из других, является немаловажным достижением).

Все существительные разбиваются на семь так называемых «согласовательных классов»: в каждый из первых шести согласовательных классов помещаются существительные, имеющие одно и то же значение признаков рода и одушевлённости; в седьмой класс — *pluralia tantum*. Замечательно, однако, что объединение существительных в эти классы происходит без привлечения понятия рода и одушевлённости и даже понятия *pluralia tantum*, а совершенно объективно, на основании того, какого согласования подчинённых им прилагательных, местоимений и числительных требует рассматриваемое существительное. Таким образом, названные выше понятия сами *выводятся* из понятия согласовательного класса. Единственное допущение, которое делается, состоит в том, что среди форм существительного всегда можно найти номинативную форму, называющую некоторый единичный предмет: такой номинативной формой будет, например, форма «стол», но с тем же основанием и форма «сани».

Далее обнаруживается, что все классы можно разбить по совершенно формальным основаниям на два типа, оказывающихся соответствующими семантическим категориям одушевлённости и неодушевлённости. Естественно тогда представить образование семи согласовательных классов как наложение двух классификаций — 1) классификации по одушевлённости и неодушевлённости и 2) классификации по значениям ещё какого-то признака; этих последних значений принудительным образом оказывается четыре, а сам этот признак объявляется *родом*. Так построенное понятие приводит к *четырёх* родам в русском языке: трём традиционным и особому четвёртому роду для *pluralia tantum* — так называемому парному роду. Нужно подчеркнуть, что наличие парного рода, во-первых, с логической неизбежностью вытекает из принятой автором весьма естественной схемы описания языка, и, во-вторых, вносит необходимую ясность не только в запутанный вопрос о *pluralia tantum*, но и в систему родов вообще. Дело не только в том, что мы встречаемся здесь с крупным лингвистическим открытием (я имею в виду открытие парного рода), но и в том, что понятие рода (как и понятие падежа) едва ли не впервые получает законченное и непротиворечивое освещение. Даже Н. Н. Дурново, например, давший внешне привлекательную и глубокую по существу схему из шести родов, не заметил её противоречивости. Противоречивость же эта (обсуждаемая в диссертации в § 1.31, на с. 85—86) вытекает из другого открытия, сделанного А. А. Зализняком и состоящего в том, что вопреки распространённому мнению в русском языке роды синтаксически различаются во множественном числе, а одушевлённость и неодушевлённость у женского и среднего рода — в единственном.

Здесь уместно вспомнить слова Эйнштейна, который писал, как происходят открытия: «Все знают, что это невозможно. Находится кто-то один, который этого не знает. Он приходит и делает это».

В первой же главе начинается классификация парадигм — но здесь они классифицируются лишь по их так называемому внутреннему устройству, то есть по характеру и числу словоизменятельных рубрик. Однако основные проблемы классификации парадигм ставятся и решаются в главе второй.

Уже первая глава своей насыщенностью идеями, логической стройностью и подчёркивающей её отчётливой — я не побоюсь сказать, изящной — манерой изложения заставляет читателя предположить, что мы имеем дело с работой исключительной. Вторая глава полностью оправдывает эти предположения.

Вторая глава, как и первая, начинается с уточнения основных понятий и терминов. Здесь в очередной раз проявляется одно из важных свойств диссертации — её внутренняя законченность, так сказать, замкнутость в себе, состоящая в том, что текст диссертации не предполагает каких-либо сведений, прямо в ней не содержащихся. Проиллюстрирую сказанное на примере необходимого автору понятия «окончание». Чтобы оперировать с ним, нужно либо 1) предположить, что читатель сам знает, как делить слова на основу и окончание, причём делить так, как нужно автору — но использование такого предположения будет расходиться с упомянутой «замкнутостью диссертации в себе»; либо 2) приложить словарь всех словоформ с разделением их на основу и окончание — но это практически неосуществимо; либо 3) предложить строгое определение понятия «окончание» — что и делает автор в форме алгоритмической процедуры выделения окончаний. Аналогично поступает диссертант и с другим центральным понятием — понятием чередования, давая алгоритмическую процедуру выявления чередований.

После необходимых определений излагается сама классификация парадигм. Во всякой классификации можно выделить два аспекта, два этапа — более узкий аспект (этап), состоящий в разбиении исходной совокупности классифицируемых объектов на классы эквивалентных, или подобных, объектов, и более широкий аспект (этап), состоящий в установлении основных признаков классифицируемых объектов. Согласно этому можно различать два вида классификации — классификацию в узком смысле, которую можно назвать также классификацией по критериям эквивалентности (подобия, одинаковости) или *объёмной классификацией*, и классификацию в широком смысле, которую можно назвать также классификацией по признакам

или *описательной классификацией*. Так, в фонологии при объёмной классификации эквивалентные звуки объединяются в фонемы; при описательной классификации происходит установление дифференциальных признаков фонем и представляющих их звуков. Ещё более типичный пример: в биологической систематике объёмная классификация, по критериям одинаковости, даёт опознание отдельных особей как принадлежащих к одному и тому же виду; описательная же классификация устанавливает существенные признаки, позволяющие распределить животных и растения по таксономическим категориям. Мы видим, что в объёмных классификациях ведущую роль (по крайней мере, в приведённых примерах) часто играют критерии внешнего сходства, в то время как описательная классификация находит или стремится найти признаки, отражающие внутреннюю сущность классифицируемых объектов, их генеалогию и взаимосвязь друг с другом. Эта схема применима и к предлагаемой в диссертации классификации парадигм.

Сперва парадигмы разбиваются на классы эквивалентных парадигм. Затем выделяются основные признаки парадигм, позволяющие привести их в некоторую систему. При этом в качестве критерия эквивалентности парадигм выдвигается их внешняя одинаковость, состоящая из одинаковости наборов окончаний, одинаковости акцентуации и т. п.; следует специально отметить, что все эти понятия в диссертации строго определяются. Заметим, что при уточнении этих понятий диссертанту пришлось преодолеть значительные трудности, связанные, в частности, со сравнением парадигм, имеющих различные внутренние устройства, то есть различные наборы словоизменительных разрядов. Что значит, например, что слова «почесть» и «двенадцать» склоняются в известных отношениях одинаково (см. с. 170 диссертации)? В диссертации даются чёткие ответы и на такие, лишь по видимости простые, вопросы. Даваемое в диссертации строгое определение эквивалентности, или одинаковости, парадигм имеет принципиальное значение: сколь часто говорят (и пишут в учебниках и словарях), что такое-то слово склоняется «так же, как» такое-то другое; что это значит, остаётся, однако, не определённым. Необходимость и важность соответствующего уточнения очевидна. Теперь, после исследований диссертанта, важное понятие «склоняться так же, как» получает, наконец, точный смысл. Плодотворность построений диссертанта подтверждается тем, что теперь оказывается возможным составить для русского языка полный список классов «одинаково склоняемых» имён. Для обширного исходного комплекта имён (заведомо включающего все

имена из Орфоэпического словаря под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова) такой список составлен диссертантом и приведён в Первом приложении к диссертации. Он содержит 676 классов эквивалентных парадигм, причём для каждого класса указан порядок количества представленных в нём имён. Хочу подчеркнуть, что такой список служит не только знаменательной иллюстрацией теоретических концепций диссертанта, но и сам по себе является крупным вкладом в практическое языковедение.

Описательная классификация парадигм, основанная на выделении их основных признаков, является задачей ещё более сложной. Вместе с тем, эта задача представляет как теоретический интерес (позволяя выявить связи парадигм друг с другом), так и практическую ценность (поскольку позволяет разработать рациональную систему помет в словарях, дающую возможность осуществлять синтез всех словоформ данного слова). В отличие от своих предшественников, избиравших, как правило, древовидный принцип классификации типов склонения (принцип, при котором признаки жёстко упорядочены и выбор следующего признака — не значения, а самого признака! — зависит от значения предыдущего), автор выбирает классификацию по независимым признакам. Этот путь представляется более прогрессивным. Он позволяет, во-первых, охватить в единой системе *все* имена — существительные, прилагательные, числительные, местоимения — и, во-вторых, сравнивать парадигмы по любым признакам, начиная классификацию с любого из них, в зависимости от тех или иных потребностей.

При выделении основных классификационных признаков автор не ограничивается внешним сходством парадигм, а стремится проникнуть в их строение возможно глубже. При этом в ряде случаев он выдвигает весьма интересный способ классификации, наиболее отчётливо проявляющийся на примере классификации окончаний. На с. 214, в § 2.33 автор пишет: «Прямолинейные способы описания (например, перечисление всех реально встречающихся наборов окончаний) оказываются здесь крайне неэффективными и дают очень запутанную картину. Рациональный путь состоит здесь в так называемом „описании через порождение“, которое заключается в следующем: для каждой суженной парадигмы указывается, во-первых, некоторый „исходный“ набор окончаний, во-вторых, характер и порядок преобразований, которым нужно подвергнуть этот „исходный“ набор, чтобы он превратился в действительный набор окончаний суженной парадигмы. Этот исходный набор совершенно условен: например, слову „имя“ в творительном падеже единственного числа припи-

сывается условное окончание „ом“; истинное же окончание „ем“ получается специальными преобразованиями. Таким образом, классификация парадигм по наборам окончаний состоит из

1) классификации некоторых условных наборов, фактически не присутствующих в парадигме;

2) классификации преобразований, превращающих эти условные наборы в реальные».

Такой способ классификации настоящего через классификацию «идеализированного (условного) прошлого» и классификацию преобразований, превращающих «прошлое» в настоящее, представляется весьма глубоким. Самостоятельный интерес представляет следующая проблема (обсуждаемая автором во Введении, § 07, на с. XX—XXIII, и в Замечании на с. 157): выяснить, насколько этот способ описания реальных явлений — через искусственно образованные формы и трансформацию этих искусственных форм в реальные — отвечает подлинной эволюционной истории языка. (Здесь опять-таки можно отметить сходство с проблемами биологической систематики, которая пытается создать такую систему таксономических категорий и правил отнесения к ним отдельных особей, которая в конечном счёте отражала бы генеалогию этих особей.) Не удивительно, что при этом ряд внешне *одинаковых* парадигм оказывается имеющим разные значения классификационных признаков — это происходит потому, что разные условные исходные показатели, будучи подвергнуты преобразованиям, могут привести к одним и тем же характеристикам. Удивительно другое: лингвистическая интуиция диссертанта позволила так удачно составить критерии эквивалентности парадигм и признаки парадигм, что подобное «расщепление» классов эквивалентных парадигм наблюдается лишь в 22 классах из общего числа 676.

Чтобы правильно оценить значимость этой классификации, необходимо иметь в виду ещё следующие два обстоятельства.

Первое. Предложенная А. А. Зализняком классификация является, по-видимому, локально неулучшаемой (или в значительной мере приближается к таковой). Действительно, грубая прикидка показывает, что попытка изменить эту классификацию в какой-нибудь детали приводит лишь к усложнению описания. Если и можно (что ещё неизвестно) получить более простое описание системы парадигм в целом, то лишь интегральной перестройкой всей схемы классификации; локальными изменениями это не удаётся. Более того, для одного фрагмента классификации автору удалось показать — и это является выдающимся достижением — оптимальность предложенного им решения. Речь идёт о так называемом «условном ударе», которое по про-

изволу может быть приписано основе или окончанию в том случае, когда один из этих компонентов не содержит гласной. Автор сперва показывает, что выбор именно условного ударения в качестве основы описания приводит к меньшему числу акцентуационных схем, чем другие решения. Затем автор задаётся вопросом о том, как именно — чтобы получить наименьшее число схем — надо расставлять условные ударения в тех случаях, когда такая расстановка произвольна. Этот вопрос, как показывается в диссертации (на с. 133), сводится к следующей чисто математической задаче комбинаторного характера:

Имеется матрица из m строк и n столбцов. На каждом пересечении строки и столбца стоит один из трёх знаков: «+», «-» или «0». Нужно заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей число разных строк было минимальным.

Эту задачу автор самостоятельно ставит, остроумно решает и получает *теорему* о наилучшем способе расстановки условных ударений в русском языке. Подобная ситуация появляется в науке впервые. Мы имеем здесь доказанную теорему не о модели языка (которая сама есть идеализированная математическая конструкция, лишь приближённо отражающая реальный язык), а о *реальном русском языке*. Автора можно поздравить с блестящим результатом такого жанра, который не встречался до сих пор в науке.

В т о р о е. Независимо от оптимальности предложенной классификации с точки зрения простоты описания, самое важное её свойство состоит в том, что она — в отличие от всех имевших место когда-либо классификаций — исчерпывающе полна. Действительно, классификации подвергнуты парадигмы *всех* русских имён из достаточно представительного списка (покрывающего, в частности, Орфоэпический словарь под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова), а признаки выбраны так, что дают достаточную информацию для синтеза нужной словоформы. А. А. Зализняк, таким образом, предложил своей классификацией некую универсальную систему координат. Любая из существующих, неполных схем описания русского склонения может рассматриваться как редукция полной схемы А. А. Зализняка. Каковы бы ни были дальнейшие классификации именных парадигм — если они будут, они всегда могут быть соотнесены (и, я уверен, будут соотноситься) с рубриками, предложенными А. А. Зализняком.

Построенная классификация позволяет, имея некоторую исходную словоформу и набор значений признаков парадигмы, построить самую парадигму, то есть все остальные словоформы. Практическая направленность этой задачи ясна — и не только для целей машинных

операций над языковыми текстами, а прежде всего для целей записи языковой нормы. Эта норма закреплена в орфографических, орфоэпических и иных словарях, но ни в одном из них, кроме Толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, не делается даже попытки привести правила построения всех словоформ словарного слова. Молчаливо предполагается, что читатель сам должен понимать, как это делается, что, конечно, не соответствует действительности. Как справедливо отмечает диссертант на с. XI особой пагинации, именно поэтому исследователи в области машинного перевода вынуждены были составлять свои собственные правила синтеза⁶. Здесь имело место одно из наиболее наглядных проявлений того печального разрыва между результатами чисто теоретических исследований с одной стороны и прикладными потребностями с другой, который, к сожалению, всё ещё остаётся характерным для современного состояния языкознания. Поэтому синтез словоформ, описываемый в главе III, не только уместен, но и заполняет важный пробел в сочинениях по грамматике русского языка. Нет сомнения, что эти правила будут полезны и для машинных переводчиков, и для лексикографов — последнее, впрочем, уже доказано успешным употреблением предложенных А. А. Зализняком схем синтеза в целом ряде вышедших в свет двуязычных словарей. Следует подчеркнуть, что эти схемы синтеза, разрабатываемые в главе III, самым тесным образом связаны с классификацией парадигм, разработанной в главе II. Таким образом, эта классификация (и, тем самым, лежащие в её основе теоретические построения) получает практическое оправдание в виде основанного на ней синтеза. Что же касается синтеза, то он получает — и притом впервые — солидную теоретическую базу (в виде указанной классификации). Теоретические исследования и прикладные результаты успешным образом соединяются, и мы можем видеть здесь подлинное единство теории и практики, слишком часто лишь декларативно провозглашаемое.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Диссертация А. А. Зализняка содержит полные решения важных в теоретическом и практическом отношениях проблем. Она является

⁶ Уместно, впрочем, заметить, что ни в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, ни в сочинениях машинных переводчиков, ни где-либо ещё не встречается то, что диссертант называет «синтезом III» — а именно, синтез с *минимальной* входной информацией, дающий полную парадигму на основе одной только словарной формы слова, без каких-либо дополнительных признаков или помет, за исключением тех неизбежных, которые направлены на устранение омонимии (реальной или потенциальной). Полные правила такого синтеза впервые формулируются в 4-й части главы III диссертации.

серьёзным вкладом, во-первых, в общее языкознание, давая ценные рекомендации о способах выделения и классификаций грамматических явлений; во-вторых, в русистику, предлагая исчерпывающее описание системы русского именного словоизменения; в-третьих, в прикладную лингвистику, создавая практически важные в лексикографическом и кибернетическом отношениях схемы классификации и синтеза.

2. В процессе решения основных проблем диссертантом получены отдельные ценные результаты, имеющие характер научных открытий.

3. Диссертант продемонстрировал редкое умение творчески применять математическим методы к исследованию *конкретного* языка. Это умение проявляется в способности как самостоятельно ставить, так и самостоятельно решать задачи чисто математического характера, решение которых, однако, оказывается существенным для выбора способа описания конкретного языкового явления.

4. Диссертация производит сильное впечатление своей законченностью. Она имеет точно очерченные рамки исследуемых вопросов, внутри которых изложение заполняет всю проблематику без пробелов. Изложение отличается полнотой и исчерпывающим характером. В диссертации нигде не встречаются слова «и так далее», столь частые в лингвистических сочинениях. Ход изложения имеет отчётливое начало, заключающееся в постановке проблем и формулировании всех определений и допущений, и отчётливый конец, состоящий в полном решении поставленных проблем. Диссертация даёт богатую пищу для размышлений и последующих изысканий — как то в области исторической грамматики или в области попыток перенести построения диссертанта на другие представления языка, например, на устную форму. Однако те проблемы, которые в ней ставятся для решения, в ней же полностью и решаются. Благодаря этому работа А. А. Зализняка уже в её настоящем виде имеет характер законченного исследования. Она должна быть как можно скорее опубликована отдельной книгой.

5. Изложение в целом отличается безукоризненной точностью и отсутствием внутренних противоречий. В диссертации есть, конечно, небольшое число ошибок — но все они носят характер отдельных мелких неточностей и не превышают, как говорят физики, «пределов погрешности приборов».

6. Изложение подкупает своей внутренней логикой и убедительностью. Рассматриваемая диссертация (в частности, в своих разделах, посвящённых классификации) представляется мне серьёзным вкладом в методологию научного исследования. В диссертации видна твёрдая вера диссертанта в то, что язык на самом деле устроен просто, и задача исследователя — выявить эту внутреннюю простоту.

7. В изложении проявляется большая требовательность диссертанта к себе. Почти каждая фраза диссертации — а в ней свыше 400 страниц — весома. В диссертации очень мало фраз, играющих лишь связующую роль.

Всё это заставляет признать диссертацию А.А. Зализняка имеющей фундаментальное научное значение. Она является самостоятельной исследовательской работой, содержащей теоретические обобщения и решения крупных научных проблем и представляющей значительный вклад в науку и практику, — то есть полностью отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Поэтому я считаю необходимым не только присудить А. А. Зализняку учёную степень кандидата филологических наук, но и представить его к утверждению в учёной степени доктора филологических наук.

31 марта 1965 года

В. А. Успенский,
доктор физико-математических наук,
зав. сектором теоретических основ информационного дела
Института научной информации АН СССР

► Диссертант отвечал всем официальным оппонентам сразу. Следующий фрагмент стенограммы отражает последующий ход заседания. ◀

[Из стенограммы заседания]

И. А. Хренов. Переходим к выступлениям неофициальных оппонентов. Кто хотел бы выступить? Слово предоставляется профессору С. Б. Бернштейну⁷.

Проф. С. Б. Бернштейн. <...> Мне кажется, однако, что оппонентами было сказано не всё. Не сказано то, что нужно было сказать, учитывая, что сегодняшняя защита несколько особая: мы обсуждаем кандидатскую диссертацию и просим, чтобы Учёный совет за кандидатскую диссертацию присудил А.А. Зализняку степень доктора. <...>

Мы часто вспоминаем <...> случай с Шахматовым, когда ему

⁷ В Институте славяноведения Самуил Борисович Бернштейн заведовал тем сектором славянского языкознания, в который пришёл А. А. Зализняк, когда поступил на работу в Институт, и откуда он перешёл в сектор структурной типологии славянских языков. — В. У.

за магистерскую степень дали степень доктора⁸. У него были тогда 4 оппонента: Фортунатов, Брандт, Миллер и Корш. Тогда оппоненты, в частности, Фортунатов и Брандт, проделали одну работу, которой сегодня оппоненты не сделали.

Дело в том, что вот блестящая работа, за которую бесспорно можно дать степень доктора. Но ведь есть и ещё какие-то очень важные элементы, которые должны быть охарактеризованы для того, чтобы Учёный совет мог совершенно спокойно и уверенно проголосовать за присуждение молодому исследователю высшей учёной степени.

<...>

Игорь Михайлович [Шептунов] зачитал здесь список работ Андрея Анатольевича. Но одного перечня названий недостаточно, и мне хотелось бы несколько слов сказать об этом, чтобы было ясно, что мы сегодня имеем возможность присудить докторскую степень человеку, который сейчас выступает отнюдь не с первой большой работой, а у которого имеются очень серьёзные научные достижения в различных областях.

<...>

В Университете он ведёт разнообразные курсы, и его занятия на Филологическом факультете таковы, что молодёжь к нему тянется и очень много от него получает.

<...>

●» Чтобы читатель мог представить себе обстановку в советском языкознании тех лет (и, в частности, оценить препятствия, стоявшие на пути к защите диссертации Зализняка), отмечу, что названные Бернштейном «научные достижения в различных областях» (а Бернштейн говорил, в частности, о достижениях в германистике и в иранистике) и отмеченное им же разнообразие читаемых Зализняком курсов совершенно не обязательно воспринимались со знаком плюс. Мне довелось присутствовать при замечательном в своём роде высказывании профессора Рубена Александровича Будагова, весьма влиятельного на Филологическом факультете МГУ, впоследствии члена-корреспондента Академии наук СССР. Хотя я привожу будаговское высказывание по памяти, мне кажется, что я помню его почти дословно: «Зализняк — он же не имеет своего лингвистического лица, своей специализации. То он преподаёт арабский,

⁸ «В 1893—94 г. в „Рус. Филол. Вестн.“ были напечатаны его [А. А. Шахматова] „Исследования в области русской фонетики“. Ш. представил эту работу в 1894 г. для соискания степени магистра, но ист[орико]-фил[ологический] факультет [Московского университета] присудил ему высшую степень: доктора русского языка и словесности» («Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, т. 39, полутом 77, с. 221). — В. У.

то санскрит, а то русскую морфологию...». Разумеется, это было сказано, когда Зализняк ещё не был доктором.

Других неофициальных оппонентов, кроме Бернштейна, не оказалось, и после его выступления последовало заключительное слово диссертанта. Затем — по выражению председательствующего, «в порядке информации» — было зачитано письмо отсутствовавшего на защите Михаила Николаевича Тихомирова, историка и единственного академика в составе Института славяноведения и тем более в составе его Учёного совета. В письме выражался протест против проведения данной защиты в данном совете. Мотивировка же была примерно такая: если кандидатская диссертация Зализняка и впрямь настолько выдающаяся, что может претендовать на докторскую степень, то естественным местом для её защиты является совет компетентного языковедческого учреждения: Института языкознания, Института русского языка или Филологического факультета МГУ — а отнюдь не совет Института славяноведения, большинство в коем составляют не языковеды, а литературоведы, историки и экономисты⁹. Аргументы Тихомирова, честно говоря, были справедливы. Однако обстановка в советском языкознании в те годы была такова, что столь революционная диссертация в любом из языковедческих советов вне всяких сомнений была бы — в качестве докторской — провалена¹⁰.

⁹ В записках Н. Г. Рычковой, кратко фиксировавшей ход защиты, приведена такая фраза из письма Тихомирова: «Решительно отказываюсь голосовать, поскольку не специалист».

¹⁰ Следует сказать, что и работа над диссертацией, и последующая тринадцатилетняя работа над созданием знаменитого «Грамматического словаря», в котором, во-первых, классификация именных лексем распространялась на лексемы глагольные, а во-вторых, применялась к колоссальному массиву русских лексем, — всё это осуществлялось Зализняком по его собственной инициативе и не было вписано в академические планы. Реакцию на тот если не переворот, то поворот в русистике, произведённый этой деятельностью Зализняка, отражена в первом абзаце предисловия к 4-му изданию «Грамматического словаря»:

Работа делалась вне каких бы то ни было планов Академии наук, и именно это позволило словарю выйти в свет, причём в том виде, который соответствовал замыслам автора: тогдашний директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин требовал от издательства «Русский язык» снять словарь с производства, но издательство, которое в ведомственном отношении было независимо от Академии наук, ему не подчинилось.

Член-корреспондент АН СССР с 1962 года, директор Института языкознания АН СССР с 1964 по 1968 год, директор Института русского языка с 1968 по 1982 год Федот Филин был известен, в частности, своими обличениями противников марксизма — политическими обвинениями в начале 1930-х годов и обвинениями в космополитизме в конце 1940-х годов.

После оглашения письма был объявлен перерыв для голосования. Ниже приводится фрагмент стенограммы, относящийся к оглашению результатов голосования председателем счётной комиссии. ◀●

[Из стенограммы заседания]

(Оглашает протокол счётной комиссии по результатам голосования за присуждение А. А. Зализняку учёной степени кандидата филологических наук.)

Всего членов Учёного совета — 31 человек. Присутствовало на заседании 23 человека. В голосовании приняли участие 23 человека. При вскрытии урны обнаружено 23 бюллетеня. За присуждение Зализняку А. А. учёной степени кандидата филологических наук подано 22 голоса, против — 1. Недействительных нет. (Аплодисменты.)

(Оглашает протокол счётной комиссии по результатам голосования за присуждение А. А. Зализняку учёной степени доктора филологических наук.)

Всего членов Учёного совета — 31 человек. Присутствовало на заседании 23 человека. В голосовании приняли участие 23 человека. При вскрытии урны обнаружено 22 бюллетеня. Признаны недействительными 2 бюллетеня. За присуждение Зализняку А. А. учёной степени доктора филологических наук подано 17 голосов, против — 3. (Аплодисменты.)

●► Не прошло и месяца, как решением Высшей аттестационной комиссии от 19 июня 1965 года Андрею Анатольевичу Зализняку была присуждена учёная степень доктора филологических наук¹¹. ◀●

¹¹ И здесь не обошлось без сложностей. В 1965 году всякую поступившую в ВАК докторскую диссертацию перед вынесением её судьбы на Пленум Высшей аттестационной комиссии, каковой и принимал окончательное решение, предварительно рассматривала экспертная комиссия по соответствующей специальности. Комиссия давала Пленуму свою рекомендацию. Положительная рекомендация имела стандартную формулировку: *Экспертная комиссия рекомендует согласиться с решением Учёного совета института*. Такая формулировка и была принята экспертной комиссией в случае диссертации Зализняка. Однако поступивший в аппарат Пленума документ был возвращён в экспертную комиссию как неудовлетворительный. И в самом деле, в данном конкретном и весьма нестандартном случае решений Учёного совета было два: первое — присудить кандидатскую степень и второе — ходатайствовать перед ВАКом о присуждении докторской степени.

Приложение 1

Отзыв А. Н. Колмогорова о диссертации А. А. Зализняка

В Учёный совет
Института славяноведения АН СССР

Общеизвестно, что одним из существенных течений современного языкознания является стремление к уточнению приёмов логического анализа языковых явлений с применением навыков мысли, выработанных в теории множеств и математической логике. Образцовые работы этого направления не столь малочисленны. К ним принадлежат и работы А. А. Зализняка

а) о категориях рода и одушевлённости в русском языке (Вопросы языкознания, 1964, № 4);

б) об ударении в современном русском склонении (Вопросы языкознания, 1964, № 1, и подробнее — Русский язык в национальной школе, 1963, № 2).

Эти работы с логической стороны безупречны и радуют соединением нетривиальных логических приёмов анализа с полным владением фактическим материалом и пониманием связей между результатами «синхронного описания» и задачами реконструкции исторического генезиса изучаемых явлений. Но работа «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка», представленная А. А. Зализняком в качестве кандидатской диссертации, по моему мнению должна занять выдающееся место не только в русском, но и в общем языкознании, так как, насколько мне известно, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе исчерпывающему формальному исследованию современными в смысле логических приёмов методами не подвергался столь большой массив фактов. Судя по отзывам оппонентов, фактическая состоятельность проведённого анализа не вызывает сомнения. Я думаю, что выполненный А. А. Зализняком труд вполне логично было бы отметить присуждением за него докторской степени.

2 мая 1965 года

(А. Колмогоров)

Приложение 2

В. В. Виноградов.

**О научно–исследовательской деятельности
А. А. Зализняка (в связи с его диссертацией
«Классификация и синтез именных парадигм
современного русского языка»)**

А. А. Зализняк принадлежит к числу широко образованных, богато одарённых, очень продуктивно и самостоятельно мыслящих советских языковедов, оригинально синтезирующих неоспоримые и неисчислимы́е достижения основных направлений лингвистики XIX и XX веков с новыми методами и приёмами описания и осмысления языка, которые внедряются в сферу современного языкознания из области математики, а также естественно-научной технологии и методологии. А. А. Зализняк занимает среди них своеобразное и для науки о русском языке важное место. Он имеет очень хорошую подготовку в сфере сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Он здраво и оригинально рассуждает по теоретическим вопросам типологического и сравнительного языкознания (как свидетельствуют разнообразные уже опубликованные им статьи). А. А. Зализняк мог бы быть видным иранистом, романистом или германистом (см., например, его «Краткий русско-французский учебный словарь», М., 1961 с вводными руководящими статьями или «Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных», I и II в сборниках «Этимология», 1963 и «Этимология», 1964). Но лично моё внимание особенно привлекли многочисленные работы А. А. Зализняка по современному русскому языку, его морфологии и акцентологии. С этими предварительными исследованиями тесно связана и машинописная монография А. А. Зализняка «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка». Эта монография представляет собою попытку опирающегося на новые принципы построения важнейшей части морфологии современного русского языка, а именно построения полной классификации именных парадигм и систематизации основанных на этой классификации правил синтеза именных парадигм, то есть «правил, позволяющих построить, в соответствии с существующей литературной нормой, совокупность форм словоизменения любого русского

имени (существительного, прилагательного, числительного, местоимения)». Важность этой задачи, а также самостоятельность и своеобразие приёмов, положенных автором в основу его решения, несомненны. По моему мнению, автор достиг очень значительных и во многих отношениях новых результатов в решении этой задачи. Во всяком случае, у А. А. Зализняка — зоркий лингвистический взгляд, тонкие аналитические способности, направленные на отбор и классификацию языкового материала, и дар свободного, непредвзятого обобщения или синтеза (Впрочем, изложение синтеза именных парадигм — не самая бесспорная часть исследования А. А. Зализняка.)

Конечно, в монографии А. А. Зализняка не всё одинаково стройно и безупречно. Для меня, например, не вполне ясно, почему при классификации именных парадигм по внутреннему устройству в один тип (согласуемо-бесчисловой) наряду с *я, пять, сорок*, попадают *себя* (ср. *одного себя, самих себя*, даже: *мы должны винить себя — всех*), а частично и *кто*. Внутренние противоречия здесь могут быть обнаружены при сопоставлении с размышлениями А. А. Зализняка по поводу числовых свойств слова *сани* и других *pluralia tantum* этого типа.

Мне кажутся также не вполне точно и ясно определёнными понятия квазичисла и квазикласса. Есть у меня замечания и по синтезу именных парадигм. Но суть дела и основа оценок осуществлённого А. А. Зализняком научного подвига не в этом. Радует свобода и смелость исследовательской мысли, доставляет глубокое удовлетворение логическая последовательность классификации материала и оригинальность многих обобщений. Перед нами — труд высокого научного уровня. Присуждение его автору учёной степени доктора филологических наук было бы заслуженной наградой.

Академик

(В. В. Виноградов)

Языковедение, математика и Первая традиционная олимпиада

В первой половине этого (1965-го) года в лингвистической жизни Москвы произошли два хотя и не очень заметных, но довольно знаменательных события.

Одно из них — это первый выпуск на отделении структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ) Филологического факультета Московского государственного университета. Окончившие это отделение в этом году — не просто первые выпускники какого-то нового отделения и не просто живое доказательство выхода соответствующего научного направления из зачаточного состояния. Они — первые выпускники Филологического факультета МГУ, прошедшие обязательный курс математики (и достаточно серьёзный: этот курс не только сопровождал студентов на всех годах обучения, но и содержал разделы, не являющиеся обязательными даже на Механико-математическом факультете, например, математическую логику¹). Их так мало, этих выпускников, — всего пять², — что мне хочется назвать их всех поимённо: Борис Городецкий³, Ольга Крутикова⁴ (бессменная

С редакционными изменениями и под другим названием («Лингвистика, математика и новая традиция») опубликовано в журнале: Наука и жизнь. — 1965. — № 10. — С. 53—55. Печатается в первоначальном варианте по рукописи.

¹ ●► Для студентов-математиков Механико-математического факультета МГУ математическая логика стала обязательной дисциплиной лишь с 1972 года, что произошло по инициативе А. Н. Колмогорова; Колмогоров указал место математической логики в учебном плане, составил программу и сам первый прочёл курс лекций по этой дисциплине. ◀●

² ●► На первом курсе их было тринадцать. Из восьми остальных некоторые всего лишь отстали от своего курса, большинство же из этих восьми, не выдержав трудностей обучения на ОСИПЛе, либо ушли из Университета совсем, либо перешли на другие, более лёгкие отделения того же Филологического факультета. ◀●

³ ●► Профессор Борис Юрьевич Городецкий теперь заведует кафедрой лингвистической семантики Московского государственного лингвистического университета — МГЛУ (до 1990 года он именовался Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков — МГПИИЯ). ◀●

⁴ ●► Ныне — Ольга Фёдоровна Кривнова, доктор филологических наук и один из основных лекторов той самой кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ, студенткой которой она была (только тогда в названии кафедры вме-

староста), Евгений Лобов, Александра Раскина⁵, Ольга Шуметова. Поступив пять лет назад на совершенно новое отделение (тогда оно называлось отделением теоретической и прикладной лингвистики), они добровольно подвергли себя нелёгкому эксперименту: именно на них отрабатывались содержание и формы преподавания, в частности, преподавания математики.

Другое событие — это первая в Москве (а может быть, и во всей стране) олимпиада школьников по языковедению и математике.

Эти события объединяются не только тем, что каждое из них — первое в своём роде. Между ними гораздо более глубокая связь, и хотя то, что они произошли в один год (1965-й), в значительной степени случайно, появление каждого из них в середине шестидесятых годов XX века уже отнюдь не случайно. Оба они отражают происшедшие и всё ещё происходящие важные сдвиги в структуре наук, сдвиги, приведшие, в частности, к возникновению кибернетики, и затронувшие как языковедение, так и математику.

Одна из основных причин этих сдвигов — возрастание роли информации (то есть попросту зафиксированных в той или иной форме сведений) в жизни общества, а также возрастание «плотности» информации — как в пространстве, так и во времени. Ведь количество слов (записанных в книгах, газетах, блокнотах, наговорённых на пластинки и магнитофонные ленты, бегущих по проводам), цифр (в таблицах, школьных тетрадях, запоминающих устройствах вычислительных машин), знаков уличного движения и т. д. и т. п., приходящихся на один квадратный метр земной поверхности, непрерывно растёт; растёт и объём телефонных переговоров, книжной продукции, сигналов телевизоров, приходящихся на единицу времени. Подобно тому, как растёт энерговооружённость человеческого общества, растёт и насыщение его информацией: информация, подобно энергии, становится всё более необходимой в нашей жизни.

сто слова *теоретической* стояло слово *структурной*). Под руководством О. Ф. Кривновой на кафедре разработан синтезатор устной русской речи, то есть устройство, позволяющее автоматически преобразовывать русский письменный текст в произносимые фразы (подробнее о синтезаторе см. в разделе «Анализ и синтез устной речи» в Добавлении от ноября 2001 года к данной статье, с. 185). О. Ф. Кривнова — автор (совместно с С. В. Кодзасовым) вышедшей в 2001 году монографии «Общая фонетика». ◀●●

⁵ ●► С 1965 по 1990 год Александра Александровна Раскина работала во Всесоюзном институте научной и технической информации в области лингвистического обеспечения информационно-поисковых систем; с 1991 года живёт с семьёй в США, занимается филологической и литературной деятельностью. И Б. Ю. Городецкий, и А. А. Раскина принимали активное участие в проведении московских Олимпиад по языковедению и математике — в частности, в составлении задач, проверке работ, разборе решений. ◀●

Значительная часть информации записана на том или ином естественном языке; изучением же свойств естественных языков занимается, как известно, языковедение (оно же языкознание, оно же лингвистика). Поэтому наблюдается резкое усиление прикладных аспектов этой науки. Ещё более актуальны стали такие традиционные прикладные аспекты языковедения, как составление всевозможных словарей, обучение иностранному языку, разработка вопросов орфографии и т. п. — ясно, например, что вопросы орфографии приобретают большее, нежели раньше, значение в условиях массовой грамотности и массовых же тиражей.

Наряду с этим возникают и новые прикладные задачи, связанные с новой техникой. Среди них обычно в первую очередь называют машинный перевод, хотя проблема машинного перевода значительно уступает по актуальности задачам, возникающим в пределах одного и того же языка (заметим, кстати, что ни о каком машинном переводе не было бы и речи, если бы в мире был один язык). Вот, для примера, три такие задачи.

Первая задача. Как передавать телеграммы, затрачивая возможно меньше времени? Для поздравительных телеграмм со стандартным текстом сокращение времени передачи уже достигнуто: вместо того, чтобы передавать всю телеграмму, передают номер соответствующего текста по каталогу текстов, что, конечно, требует гораздо меньше времени. Можно пытаться распространить этот метод на все или хотя бы большинство телеграмм, выделяя в них, скажем, стандартные слова и сочетания слов и передавая вместо них их номера. Но для этого надо, конечно, знать, как устроены телеграммы, то есть, попросту, русские тексты.

Вторая задача. Поступила заявка на изобретение. Надо установить, насколько она нова, не было ли ранее сделано чего-нибудь подобного. Для этого требуется перерывать гору патентов, что занимает уйму времени у квалифицированных специалистов. Нельзя ли поручить это машине? В принципе можно, если мы научимся и сумеем научить машину опознавать смысл текстов по внешним признакам (машина ведь может «воспринимать» лишь внешнюю сторону текста) и сравнивать тексты по этим признакам.

Третья задача. Нельзя ли создать пишущую машинку, которая будет печатать с голоса, под диктовку? И говорящую машинку, которая будет читать вслух «по писанному» — не по магнитофонной ленте, а по обычному печатному тексту? И эта задача не безнадёжна — надо только гораздо лучше, чем мы знаем сейчас, знать строение устной речи и её соотношение с речью письменной.

► Надобно принять во внимание, что статья писалась более 35 лет тому назад и тогда эти три задачи казались мне хорошей иллюстрацией к проблематике прикладного языковедения. Времена меняются, и теперь я выбрал бы другие примеры. Первая задача потеряла свою актуальность, поскольку телеграф утратил свою позицию главного общедоступного средства быстрой письменной связи, уступив её факсимильной связи, электронной почте и всемогущему Интернету. Вторая задача, в её патентной прагматике, по-прежнему остаётся утопической — хотя в подходах к ней, то есть в автоматическом выделении семантических характеристик текста по его внешним, синтаксическим признакам, и происходит продвижение. Третья же задача в значительной степени решена. В Добавлении от ноября 2001 года к данной статье делается попытка обозреть некоторые из современных задач прикладной лингвистики. ◀●

Новые прикладные задачи языковедения (а на самом деле и задачи старые, только там это менее бросается в глаза) требуют прежде всего точных методов описания языка — в идеале столь же точных, какими записываются математические и естественнонаучные закономерности. Образцом точности всегда служила и служит математика — вот почему специалисты по прикладной лингвистике изучают математику. И ещё потому, что обработка языковой информации техническими устройствами требует описания этой информации в терминах, «понятных» этим устройствам — в терминах математики⁶. Что же касается математики, то уже разработанные в ней понятия и методы обладают высокой универсальностью — и оказалось, что они могут быть с успехом применены для описания явлений, входящих в компетенцию таких искони гуманитарных наук, как экономика и языковедение. Причём речь идёт отнюдь не об описании одной только количественной стороны явлений (хотя, разумеется, и чисто количественные соотношения могут играть решающую роль: известно, например, что если бы азбука Морзе для русского языка составлялась с учётом той частоты, с которой встречаются в текстах отдельные русские буквы, то в среднем длина телеграмм, записанных при помощи этой азбуки, уменьшилась бы на 8%⁷). Математика делает и ряд специальных шагов навстречу языковедению; замечательно, что по крайней мере один из современных разделов математики — так называемая теория исчислений — развивается под сильным влиянием языковедческих проблем.

⁶ Более подробное и вполне доступное обсуждение см. в статье Р. Л. Добрушина «Математические методы в лингвистике» в сборнике «Математическое просвещение» (Вып. 6. — М.: Физматгиз, 1961. — С. 37—60).

⁷ См. А. А. Харкевич. Очерки общей теории связи. — М.: Гостехиздат, 1955. — С. 65.

Новые задачи, новые методы — всё это потребовало и по-новому подготовленных кадров. На филологических факультетах ряда университетов были созданы отделения, готовящие специалистов в области прикладной лингвистики. Такое отделение было открыто и на Филологическом факультете МГУ. Однако через некоторое время обнаружилось, что поступающие на это отделение не всегда ясно представляют, чем им предстоит заниматься: в школе же не учат языкознанию, да тем более прикладному (языкознание ведь не есть просто знание тех или иных языков, а знание, как устроены языки), откуда же поступающим иметь правильное понятие, что это такое. В результате некоторые поступали на отделение структурной и прикладной лингвистики по случайным причинам; с другой стороны, среди тех, кто и не пытался поступать на это отделение, были, вероятно, такие, кто не подавал заявления лишь по незнанию.

И тогда было решено провести для учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов олимпиаду, потому что именно олимпиада, состоящая в *решении задач*, может дать наилучшее (хотя, конечно, всё равно неполное и даже неизбежно утрированное) представление об атмосфере научного поиска. Олимпиада была названа Олимпиадой по языковедению и математике и, таким образом, задумана по принципу двоеборья — и это не случайно, ибо наиболее успешно учиться на отделениях прикладной лингвистики могут именно те, кто имеет не только влечение и способность к языковедению, но и способность к математике.

Олимпиадные задачи делились на математические (в том числе такие, которые нередко называются «логическими») и лингвистические. К математическим задачам не предъявлялось требования новизны; считалась допустимой замена математических способностей математической эрудицией. Составление же лингвистических задач, не имеющее сравнимой с составлением математических задач традиции, вызвало значительные трудности. В результате среди предложенных на Олимпиаде лингвистических задач оказались как задачи традиционного характера⁸, так и примыкающие по стилю к наиболее современным сочинениям⁹.

⁸ Представление о которых могут дать, например, книги: В. А. Малаховский. Сборник задач и упражнений по курсу «Введение в языкознание». — М.: Учпедгиз, 1960; В. Н. Крюева. Задачник по курсу «Введение в языкознание». — М.: Высшая школа, 1962.

⁹ См., например, замечательную статью А. А. Зализняка «Лингвистические задачи» в сборнике «Исследования по структурной типологии», М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 137—159 ●● (эта статья перепечатана на с. 516—545 в сборнике «Задачи лингвистических олимпиад. 1965—1975», ред.-сост. В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, М. Е. Алексеев, М.: МЦНМО, 2006) ◀●●. Одна из задач этой статьи выглядит так: дан текст на неизвестно каком языке; найти в нём ошибку. Замечательно, что, как показывает эксперимент, эту задачу (с формальной точки зрения не имеющую смысла) правильно решает большинство решающих — это значит, что в человеке заложено представление о том, что может, а чего не может быть в языке (даже незнакомом).

Основное внимание уделялось не проверке знания отдельных языков (хотя и это учитывалось), а умению непредвзято подойти к языковому явлению, подметить лингвистическую закономерность. (Ведь если мы хотим научить этим умениям машину, то сперва мы должны научиться им сами.) Именно поэтому в качестве материала для ряда задач были выбраны языки, предполагавшиеся заведомо неизвестными участникам Олимпиады: венгерский, арабский, санскрит. (Возвращаясь к параллели между человеком и машиной: ведь для машины русский или английский — что для нас арабский или санскрит.) Такой подбор задач привёл к принципиальному отличию нашей Олимпиады от других школьных олимпиад — по математике, химии и т. п. Главное отличие здесь не только в том, что одна олимпиада — по языковедению, а другие — по естественным наукам, и даже не в том, что одна новая, а другие имеют богатый опыт (весной текущего 1965 года проводилась XXVIII Московская математическая олимпиада), а, прежде всего, в том, что на Олимпиаде по языковедению и математике участники встречались с задачами совершенно нового жанра, задачами из совершенно новой области знания, подобных которым им никогда до того не приходилось решать. Аналогичный характер могла бы иметь разве что олимпиада по юриспруденции, где школьникам на месте, прямо в условиях задач, сообщались бы необходимые законоположения и далее предлагались бы для разрешения некоторые юридические казусы. Опубликованные перед олимпиадой подготовительные задачи были в целом достаточно традиционны и не могли дать полного представления о том, что будет на самой олимпиаде; поэтому положение участников олимпиады можно сравнить с положением спортсменов, которые идут на состязания, не зная заранее, в каком именно виде спорта им будет предложено состязаться (кстати, не были ли бы полезны такие спортивные состязания?).

Автором большинства лингвистических задач (или, по крайней мере, их первоначальных вариантов) был А. Н. Журинский. Окончательную формулировку всех задач, их распределение по турам и классам предлагала оргкомитету специальная «задачная комиссия», в которую, кроме А. Н. Журинского, входили ещё Б. Ю. Городецкий и В. В. Раскин. Помимо членов задачной комиссии и автора этих строк, в Оргкомитет Олимпиады входили А. А. Зализняк, А. Е. Кибрик, И. Г. Милославский.

Олимпиада проводилась в два тура (21 февраля и 7 марта), отдельно для выпускных (11-х) и невыпускных (9-х и 10-х) классов. Через неделю после каждого тура происходил публичный разбор решений задач этого тура, а 14 марта, наряду с разбором решений, состоялось торжественное закрытие Олимпиады и премирование

победителей. Премии трёх степеней и похвальные отзывы присуждались отдельно по каждому классу; специальные призы вручались также за лучшее решение каждой задачи.

Всего в олимпиаде приняло участие около 300 человек (почти столько же, сколько в I Московской математической олимпиаде, состоявшейся 30 лет назад), из которых 120 участвовало во втором туре. Первые премии получили: по 11-м классам — Виктор Корниленко и Владимир Терентьев; по 9-м классам — Александр Привалов; по 10-м классам первых премий присуждено не было.

Перед Олимпиадой выпущена была афиша с объявлением об Олимпиаде и списком подготовительных задач. Соединение объявления и задач на одном листе было роковой ошибкой Оргкомитета, потому что решать задачи «со стены» было трудно, и многие срывали содержащую задачи часть или даже всю афишу, чтобы, подобно П. И. Чичикову, «пришедши домой, прочитать её хорошенько». Как уже сказано, подготовительные задачи не служат аналогами задач I и II туров (последние намечено опубликовать в следующих номерах журнала); некоторые из этих подготовительных задач достаточно широко известны; тем не менее само объединение в одном списке лингвистических и математических задач давало известное представление о характере предстоящей Олимпиады; поэтому задача комиссия решила предложить эти задачи вниманию читателей «Науки и жизни» и публикует их в этом номере.

Олимпиада была названа в афише «первой традиционной». Этим её устроители хотели заявить своё горячее желание, чтобы проведение таких Олимпиад стало традицией — как стало традицией проведение олимпиад математических¹⁰. Осуществится ли это желание — покажет будущее¹¹.

¹⁰ Об увлекательных традициях математических олимпиад см. статью В. Г. Болтянского и И. М. Яглома «Школьный математический кружок при МГУ и Московские математические олимпиады» на с. 3—50 только что вышедшей книги: Сборник задач Московских математических олимпиад / Сост., автор указаний и решений А. А. Леман; Под ред. В. Г. Болтянского. — М.: Просвещение, 1965.

●► См. также: Г. А. Гальперин, А. К. Толпыго. Московские математические олимпиады / Под ред. А. Н. Колмогорова. — М.: Просвещение, 1986. ◀●
¹¹ ●► Будущее показало, что это желание осуществилось. В ноябре 2000 года состоялась XXXI традиционная Олимпиада по лингвистике и математике с почти пятьюстами участниками (470 на первом туре и ещё около 20 пришедших сразу на второй). ◀●
 ●●► А в конце 2011 года прошла XLII Московская традиционная олимпиада по лингвистике — теперь она так называется. Параллельно с Москвой Олимпиада проходила и в Санкт-Петербурге (с теми же, составленными в Москве задачами). Благодаря онлайн-туру в Олимпиаде смогли принять участие также школьники из 59 городов России, Беларуси, Казахстана, Литвы и Латвии, часть из которых приехала на второй тур в Москву. Всего в Олимпиаде приняло участие около 400 человек в Москве и около 300 человек в Санкт-Петербурге. В онлайн-туре участвовали немногим менее 100 школьников. ◀●●

Приложение

Письмо В. А. Успенского А. Е. Нибрику

1977 год. Отделение теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ) Филологического факультета МГУ ещё называется Отделением структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ), а исконному, возникшему при создании Отделения названию ОТИПЛ суждено вернуться только через 15 лет. В начале года возникли трудности с проведением очередной традиционной Олимпиады. Детали этих трудностей в моей памяти не сохранились, но, полагаю, трудности были той же природы, что и при проведении весной того же года 40-й Московской математической олимпиады. Это Олимпиада оказалась первой — в чреде Московских математических олимпиад, — когда Московский университет отказался оплачивать премии. Их, премий, тогда и не было, да и грамоты были более скромными, чем обычно, — без гербовой печати Университета и без подписей как университетских начальников, так и начальников московского образования. Только подпись председателя жюри, каковым был Колмогоров, и председателя оргкомитета Олимпиады, каковым был я. В этом своём качестве я должен был вступить в малоприятные переговоры с университетской администрацией, а конкретно и для меня неожиданно — с Виктором Степановичем Ленским, который до того был известен мне как один из главных партийных функционеров Механико-математического факультета и подавитель всякого инакомыслия и который теперь получил повышение и оказался важным чиновником общеуниверситетского уровня.

Но вернёмся, однако, к Лингвистической олимпиаде. Зашла даже речь об её отмене. Кто предложил отменить Олимпиаду, уже не помню; не могу исключить, что это был я. У энтузиастов Олимпиады попытка её отмены вызвала обратную реакцию, а именно острое желание её непременно провести¹². Незадолго до 1 марта состоялось собрание лиц, обеспокоенных судьбой Олимпиады — как

¹² Один из энтузиастов, Сергей Крылов, впоследствии так объяснил мне психологическую природу этого желания: «Мы, конечно, надеялись на орг-поддержку сверху и огорчены тем, что её не будет, но если уж её не будет, то, разумеется, мы будем прилагать все усилия, чтобы Олимпиада состоялась, хотя и более скромная по техническим масштабам (задачи в машинописи под копирку, скромные призы вскладчину и т. п.). То есть (вспоминая наше тогдашнее настроение) была логика капитана Тушина из „Войны и мира“, который не получил помощи из прикрытия».

бы расширенного оргкомитета. В ответ на вопрос, есть ли среди присутствующих такие, кто был бы готов единолично проводить Олимпиаду, героически встали семеро: Владимир Алпатов (выпускник ОСИПЛ 1968 года), Алексей Головастиков (выпускник ОСИПЛ 1974 года), Наталья Кашицына (выпускница ОСИПЛ 1976 года), Сергей Крылов (тогда студент, окончит ОСИПЛ в 1980 году), Наталья Лауфер (выпускница ОСИПЛ 1972 года), Павел Паршин (тогда студент, окончит ОСИПЛ в 1980 году), Марианн(н)а Эпштейн (тогда студентка, окончит ОСИПЛ в 1978 году). Каждый из этих семи изъявил готовность провести очередную, четырнадцатую Олимпиаду¹³ даже в одиночку. По следам собрания я написал А. Е. Кибрику нижеследующее письмо.

1 марта 1977 года

Дорогой Александр Евгеньевич,

раз уж не удалось отменить олимпиаду (и само предложение о её отмене вызвало в качестве реакции некий взрыв энтузиазма), пусть она идёт как можно лучше, и я надеюсь на обновление под Вашим руководством. О форме обновления уже вроде бы договорились: первый тур в ноябре, и второй тур в феврале—марте. Содержание обновления заключается в частности в том (о чём тоже договорились), что на первом туре можно давать и СТАРЫЕ задачи, усовершенствованно отредактированные.

Однако чтобы вспыхнувший энтузиазм оказался устойчивым, его надо подкрепить некоторыми твёрдыми организационными, прежде всего «кадровыми», правилами. Разрешите считать эти правила традициями и в качестве хранителя таковых я Вам сейчас их перечислю.

Первое правило: МАЛОЧИСЛЕННОСТЬ ОРГКОМИТЕТА. Семь, самое большее девять членов, включая председателя, одного или двух заместителей, ответственного секретаря и председателя задачной комиссии, какой может совпасть с одним из предыдущих. Но никак не больше девяти.

Второе правило: АВТОРИТЕТНОСТЬ ОРГКОМИТЕТА. Самыми младшими членами оргкомитета могут быть лишь четверокурсники. Если оргкомитет назначается весной, то в него могут войти и третьекурсники — с тем, чтобы они стали четверокурсниками ко времени проведения олимпиады. Первокурсников

¹³ Она всё же состоялась осенью: первый тур был 27 ноября 1977 года.

и второкурсников в оргкомитете быть не должно ни в какой момент.

Третье правило: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРВОКУРСНИКОВ. Первокурсники не могут быть использованы ни на каких работах, кроме технических (писание, развешивание и развоз объявлений, дежурство и т. п.). Совершенно недопустимо привлекать их к контрольному предварительному решению задач для определения степени их трудности, к проверке работ и пр. Они не должны быть ни в каких комиссиях (даже в оргкомиссии, если таковая сохранится).

Четвёртое правило: КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ ЗАДАЧНОЙ КОМИССИИ. Каждый член задачной комиссии должен лично изучить (желательно прорешать) каждую задачу для олимпиады. Вместе с тем круг лиц, привлекаемых к контрольной проверке задач, должен быть весьма ограничен (сейчас это подчас носит массовый характер). Комиссия должна быть малочисленна, и вовсе не совпадать с множеством авторов задач, каковое чем больше, тем лучше.

Пятое правило: НАСЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА. Вместе с назначением председателя данной олимпиады должен намечаться председатель олимпиады следующей. Все должны об этом знать и в таковом качестве наследника он должен входить в оргкомитет текущей олимпиады — например, в качестве одного из замов.

Спасибо.

Ваш

Добавление от октября 2001 года. Ещё о Первой Олимпиаде

Заслугу придания Олимпиаде по языковедению и математике статуса ежегодной и традиционной я приписываю себе. Но сама мысль о проведении олимпиады для школьников с лингвистическими задачами принадлежала Альфреду Наумовичу Журинскому (14.12.1938—28.09.1991). Ему же принадлежало авторство и почти всех задач Первой Олимпиады, и многих задач последующих Олимпиад, и двух книг, [Жур 93]¹⁴ и [Жур 95], посвящённых лингвистическим задачам. «Сам Журинский, замечательный лингвист, специалист по африканским языкам, считал Олимпиаду едва ли не важнейшим делом своей жизни» ([ИтРуб], с. 3).

А. Н. Журинский был человеком нетривиальной, как сказали бы математики, судьбы. Вот фрагменты из предисловия «От авторов» к сборнику его памяти [Знак]¹⁵:

В 1956 году, окончив с золотой медалью школу, Алик поступил на Механико-математический факультет МГУ. Через полтора года, решив круто переменить судьбу, он оставил Мехмат и с двумя друзьями-однокурсниками уехал на Дальний Восток. Несколько лет он прожил в Приморском крае, где сначала преподавал английский язык в школе, а затем работал в редакциях местных газет. В течение года А. Н. Журинский учился на Филологическом факультете Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. В 1961 году он вернулся в Москву и поступил на открывшееся годом ранее отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В 1966 году А. Н. Журинский окончил это отделение и год вёл факультативы по лингвистике в московских школах. А в 1967 году он поступил в аспирантуру сектора африканских языков Института языкознания АН СССР, где работал до конца жизни. <...>

Именно Журинский, будучи студентом четвёртого курса, выступил инициатором проведения Первой Олимпиады по языковедению и математике, состоявшейся в МГУ в феврале—марте 1965 года; им были составлены почти все задачи этой Олимпиады. С тех пор он составлял задачи для всех Олимпиад вплоть до двадцать второй, которая прошла уже после его смерти и была посвящена его памяти.

¹⁴ Литература к настоящему Добавлению приведена в его конце, на с. 171.

¹⁵ Об А. Н. Журинском см. также в «Слове об авторе», принадлежащем перу В. М. Алпатова и помещённом на с. 3—8 книги [Жур 93].

В приведённой цитате две неточности, малая и большая. Малая состоит в том, что когда Журинский поступил на Филологический факультет МГУ, то отделение, на которое он поступил, ещё не называлось отделением структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ) — так оно стало именоваться с осени 1962 года. А осенью 1961 года оно ещё сохраняло первоначальное название, через тридцать лет (в 1992 году) ему возвращённое: отделение теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ).

Большая же неточность в том, что Журинский выдвинул идею Олимпиады, когда он был ещё на третьем курсе ОСИПЛа, то есть на год раньше, чем это указано в цитате. Первая Олимпиада должна была состояться весной 1964 года — но не состоялась.

Дело было так.

Осенью 1963 года Журинский — тогда третьекурсник, несмотря на свои почти 25 лет, — подошёл ко мне в коридоре Филологического факультета Московского университета¹⁶ и сказал, что хорошо бы провести лингвистическую олимпиаду для школьников. И протянул мне листок с примерным набором возможных задач. Журинский искал у меня не только одобрения его идеи: ему казалось само собой разумеющимся, что если идея мне понравится, то я и возьмусь за её осуществление.

Замысел показался мне интересным. Привлекала возможность как пропаганды разумной лингвистики (а отнюдь не вся советская лингвистика была тогда таковой), так и экспериментальной проверки следующей истины: человек, и даже очень юный, и даже не знающий никаких языков, кроме родного, может решить задачу про незнакомый ему язык — решить, исходя, по всей видимости, из заложенного в нём представления о языке вообще (и из здравого смысла, конечно). Мне отчётливо захотелось, чтобы предложенная Журинским олимпиада произошла и притом произошла в надлежащих формах. Гарантировать же соблюдение надлежащих форм возможно было, как мне казалось, единственным способом: взять управление этими формами на себя.

¹⁶ В тот год я преподавал математику на отделении структурной и прикладной лингвистики этого факультета. (Кажется, из моего преподавания на курсе Журинского студентам запомнился лишь следующий эпизод. Когда мне не хватило места на доске, и единственное пустое пространство было в верхней её части, до которой я не мог дотянуться, я поставил перед доской несколько стульев и ходил по ним.) Тогда Филологический факультет не переехал ещё на Воробьёвы (в те времена — Ленинские) горы из старого, казаковско-жилярдевского здания на Моховой; его бесконечный, со многими поворотами коридор внушал мне уважение, а сейчас возбуждает ностальгию.

Тогда я носился с утопической идеей о единстве языкознания и математики¹⁷, и потому решил, что среди задач должны быть и математические (но не на вычисление, разумеется, а на сообразительность)¹⁸. Выкристаллизовалось и название Олимпиады: Олимпиада по языковедению и математике (слово *лингвистика* было отброшено как могущее оказаться непонятным для школьников).

Но прежде всего надо было продумать последовательность организационных шагов и не ошибиться в выборе самого первого шага. Было ясно, что ничего не получится, если не иметь благословения факультетских властей. Поэтому первым делом я отправился в кабинет декана Филологического факультета МГУ. Деканом был тогда доцент Алексей Георгиевич Соколов. Целью визита было получить поддержку идеи Олимпиады с его стороны. Надо сказать, что такая поддержка была сразу же получена. Без каких-либо колебаний А. Г. Соколов изъявил полное одобрение на проведение Олимпиады ближайшей весной, и я получил от него поручение представить ему мои предложения о составе Оргкомитета под моим председательством. Более точно было бы сказать, что мысль о создании Оргкомитета была подсказана мною Соколову.

Далее я осознал, что мне необходимо иметь заместителя, опытного в организационном отношении и пользующегося доверием факультета. И я снова явился к Соколову — на этот раз с просьбой назначить такового. Через несколько дней мне было сообщено, что в качестве заместителя председателя в Оргкомитет Олимпиады направляется аспирантка Марина Ремнёва; так я познакомился с Мариной Леонтьевной¹⁹. Однако Ремнёвой не суждено было участвовать в организации Олимпиады. А почему — о том будет сказано ниже.

¹⁷ Впрочем, я и сейчас считаю, что для обеих дисциплин было бы полезнее, если бы в российских школах преподавание русского языка совмещалось бы в одном учительском лице с преподаванием математики, а не с преподаванием русской литературы.

¹⁸ Вот, для примера, две из так называемых «подготовительных задач», которые были напечатаны на афише, извещающей о Первой Олимпиаде, а затем воспроизведены в журнале «Наука и жизнь», 1965, № 10 (на с. 55, сразу после моей статьи):

На Всемирном фестивале молодёжи встретились шесть делегатов. Выяснилось, что среди любых трёх из них двое могут объясниться на каком-нибудь языке. Докажите, что тогда найдётся тройка делегатов, каждый из которых может объясниться с каждым из двух других.

Можно ли выложить в ряд 28 костей домино так, чтобы на одном конце ряда оказалось 5, а на другом 6 очков?

¹⁹ Сейчас профессор М. Л. Ремнёва является деканом Филологического факультета МГУ (с 1991 года) и заведует кафедрой русского языка этого факультета (с 1995 года).

Оглядываясь мысленно назад — причём далеко назад, в осень 1963 года, — я пытаюсь понять, что руководило мною в моих административных шагах в этом новом для меня (да и для всех) деле. Думается, то же, что руководит всяким человеком, — непосредственный или опосредованный опыт и здравый смысл, каковой, в сущности, и есть этот самый опосредованный опыт. Здравый смысл подсказал мне, что надо получить поддержку декана. Что касается создания Оргкомитета, то здесь сказался личный опыт наблюдения за проведением Московских математических олимпиад и даже участия в таком проведении. В случае математических олимпиад оказаться в роли председателя мне пришлось гораздо позже: я был председателем Оргкомитетов 40-й и 62-й Московских математических олимпиад в 1977 и 1999 годах соответственно, ●●» а также 75-й Олимпиады в 2012 году. ◀●● Однако уже первокурсником Мехмата, весной 1948 года, я участвовал в проверке работ 11-й Олимпиады и даже получил за это гонорар²⁰ — это были первые заработанные мною деньги. Тогда же (а то и раньше, ещё школьником²¹) я узнал, что Олимпиада управляется Оргкомитетом. А попутно получил и другие полезные сведения. Поучительным, например, был для меня такой эпизод, случившийся, если память мне не изменяет, весной 1951 года на 14-й Олимпиаде. Студентке 3-го курса Мехмата Никите²² Введенской было поручено получить в банке наличные деньги для последующей закупки в книжных магазинах книг (преимущественно букинистических) для награждения победителей. Был выписан соответствующий ордер на её имя. Однако в банке денег ей не дали. Потому что, сказали ей в банке, сумма свыше пяти тысяч рублей (тогда это были большие деньги) выдаётся на руки только при наличии вооружённой охраны. «Вот на вас на улице нападут, — объяснили Никите, — и отнимут деньги. А тогда что с вас возьмёшь? А казне убыток». В отчаянии и чуть ли не в слезах Никита вернулась на Моховую улицу, где на третьем этаже здания под стеклянным куполом располагался (до весны 1953 года включительно) Мехмат. Проблема была ликвидирована на удивление просто: узнав, в чём дело, многолетняя и опытнейшая сотрудница

²⁰ В те годы за проверку работ платили из выделенных на проведение Олимпиады сумм; потом — не помню, с какого года, — эта практика прекратилась, а в последние годы возобновилась вновь.

²¹ Восьмиклассником я участвовал в 9-й Олимпиаде весной 1946 года, а десятиклассником — в 10-й Олимпиаде весной 1947 года (здесь нет опечатки: 9-й класс я прошёл экстерном летом 1947 года).

²² После известных фильмов и сериала женское имя Никита никого не удивляет; тогда это было совершенно внове.

канцелярии Мехмата Нина Георгиевна Лагбери села за пишущую машинку и создала справку о наличии вооружённой охраны. Справка была снабжена надлежащими подписями и печатями. Просунув её вместе с ордером в окошечко банка, Никита получила требуемую сумму. И в самом деле, не ощупывать же кобуру должен кассир. Так я получил наглядный университетский урок могущества бумаги²³. С тех пор свидетельства такого могущества я видел неоднократно. Одно время — а может, и сейчас: инструкции ВАК периодически меняются — Высшая аттестационная комиссия (ВАК) предписывала лишь в том случае присуждать степень доктора наук, если в диссертации сделано крупное научное открытие, или же труды диссертанта открыли новое направление в науке. Содержательное выполнение этого предписания закрыло бы дорогу подавляющему числу претендентов на докторскую степень. Поэтому предписание выполнялось на бумаге: когда оно дошло до диссертационных советов, они сразу начали делать в своих заключениях соответствующую запись, и никаких проблем при этом не возникало.

А желание получить грамотного в организационном отношении заместителя было, вероятно, навеяно одним из рассказов о верховном патриархе, католикосе всех армян (с 1955 года) Вазгене I (1908—1994). Небольшой эпизод, свидетелем которого мне довелось быть осенью 1958 года, побуждал меня относиться к католикосу с особым уважением. В ту осень моя жена Светлана и я оказались в Эчмиадзине — причём как раз в день годовщины интронизации католикоса²⁴. Мы сумели попасть внутрь храма и присутствовать на богослужении, произведшем на меня

²³ Наглядный, но не первый. Первым университетским уроком был такой. Осенью 1948 года, будучи второкурсником, я сопровождал в общеуниверситетскую канцелярию своего друга Женю Левитина, который недобрал баллов при поступлении на искусствоведческое отделение, относящееся тогда к Филологическому факультету. В руке он держал своё заявление, снабжённое очень решительной положительной резолюцией декана факультета, каковым был Виктор Владимирович Виноградов. Резолюция, надо сказать, не подействовала («Ведь Виктор Владимирович, он не по земле ходит, а по облакам», — сказали нам в канцелярии). Так вот, в этой канцелярии я наблюдал следующий эпизод. Пришедшей с аналогичными целями абитуриентке объявили, что её дело решено положительно и показали подписанный приказ ректора о зачислении её на Философский факультет. «Ой, а я хотела на Филологический», — сказала абитуриентка. Канцеляристка вымарала в подписанном приказе слово «Филологический» и заменила его на «Филологический». Надо ли говорить, что конкурс на Филологический факультет был куда больше, чем на Философский.

²⁴ На церемонию съехались армяне со всего мира. В храме на озере Севан нам с гордостью показывали оберегаемый след, оставленный на пыльном полу ногой самого богатого человека Англии. На богослужении в Эчмиадзинском храме можно было видеть людей, внешний облик которых очень напоминал

незабываемое впечатление — в частности, яркостью красных и зелёных красок одежд. Во всё время службы неподалёку от католикоса стоял на коленях, воздев руки, пожилой человек в облачении; нам объяснили, что это епископ Багдадский, точнее — будущий епископ, потому что как раз здесь и сейчас и должно произойти его рукоположение во епископы. И вот настало время. Католикосу подают слегка раздвоенную сверху епископскую шапку, которую он надевает на рукополагаемого. Точнее — пытается надеть, потому что шапка не надевается. Момент очень драматический. Тем более, что ведь это как в балете: танцоры не могут промедлить в танце, поскольку оркестр играет в определённом ритме. И здесь, в храме, уже начинают петь что-то другое, предполагающее, что шапка уже надета. Я ясно вижу замешательство окружающих католикоса лиц. И тут католикос решительно поднимает одной рукой шапку вверх, а другую запускает внутрь шапки (причём рукав облачения ниспадает и обнажается эта другая рука, крепкая и волосатая), вынимает оттуда временный картонный каркас, который никто не позаботился удалить, и столь же решительно его отшвыривает. После чего надевает шапку на епископа. Теперь рассказ, упомянутый в начале этого абзаца. Вазген I родился в Бухаресте и до своего избрания католикосом возглавлял (с 1947 года) армяно-григорианскую епархию в Румынии. Таким образом, для Советской Армении он был новым человеком. Рассказывают, что когда он там появился, он сразу же обратился к республиканским властям с просьбой помочь ему сформировать аппарат католикосата, желательно из членов партии²⁵.

Однако продолжим историю Первой Олимпиады по языковедению и математике. Я явился к Соколову в третий раз и принёс ему список членов Оргкомитета. И вот тут возникло препятствие, для меня совершенно неожиданное.

Само собою разумеется, в предполагаемый состав Оргкомитета мною был включён Журинский. Оказалось, что именно эта кандидатура вызывает решительное возражение начальства. И Соколов объяснил мне, в чём дело. Он сообщил, что Журинский совершил поступок, не только делающий невозможным его пребывание в таком

тех капиталистов, которых, начиная с Маяковского, было принято изображать на советских плакатах. Было забавно наблюдать, как по окончании службы они, толкая друг друга выпуклыми животами и уцепившись по несколько человек за каждый из четырёх вертикальных шестов балдахина, несли этот балдахин над католикосом во время его непродолжительного шествия из храма в расположенный рядом дом.

²⁵ ●●> К сожалению, при перепечатке настоящего дополнения в сборнике «Задачи...» 2006 года, указанном в сноске 9 на с. 150, весь этот абзац был произвольно опущен. <●●

органе, каковым является Оргкомитет Олимпиады, но даже с трудом совместимый со званием советского студента: кандидат в члены Коммунистической партии Журинский отказался стать членом партии.

Читателю XXI века надобно объяснить, что полному членству в партии предшествовал годичный кандидатский стаж. То есть сперва человека принимали в кандидаты в члены партии, а потом, через год, принимали в члены. Хотя этот второй этап проходил обычно почти автоматически (потому что содержательно всё решалось на первом этапе), требовалось, чтобы кандидат в члены написал заявление о своём желании стать членом. Мне не известен ни один случай, чтобы по истечении года кандидат не написал такого заявления. Точнее, известен ровно один такой случай — с Журинским. Случай был, конечно, совершенно немыслимый, не вписывающийся ни в какие нормы. А если называть вещи своими именами, то поступок Журинского был почти героическим. И последствия его могли оказаться куда более тяжёлыми, чем невключение в Оргкомитет Олимпиады.

Я пытался объяснить Соколову роль Журинского как инициатора Олимпиады. Но всё было напрасно. Антипартийное поведение Журинского перевешивало всё²⁶.

Я не мог заставить Соколова включить Журинского в Оргкомитет. Но и Соколов не мог меня заставить проводить Олимпиаду без Журинского. И я отказался проводить Олимпиаду. Думаю, что Соколов не ожидал такого поворота событий. Но отступить он не стал. И намечавшаяся на весну 1964 года Олимпиада не состоялась.

К некоторому моему удивлению оказалось, что идея Олимпиады не была забыта Соколовым. Через год уже он сам обратился ко мне со словами, что, де, надо бы провести Олимпиаду. Я снова попросил его назначить мне опытного в организационном отношении заместителя, и таковым был назначен аспирант Игорь Григорьевич Милославский²⁷; Первая Олимпиада обязана ему успешным решением ряда организационных вопросов²⁸.

²⁶ Полагаю, что кандидату филологических наук профессору А. Г. Соколову, специалисту, как мне рассказывали, по творчеству А. М. Ремизова, поведение Журинского было на самом деле безразлично. Однако он дорожил своей партийной репутацией. Мне довелось присутствовать при его показательном разговоре по телефону. По-видимому, его упрекали, что он сделал что-то противозаконное, скорее всего не принял какого-то абитуриента на Факультет (разговор происходил во время приёмной страды). Он отвечал: «На каком основании я так поступил? Да на основании своей партийной совести!».

²⁷ Ныне профессор И. Г. Милославский заведует кафедрой сопоставительного изучения языков на Факультете иностранных языков МГУ.

²⁸ Наличие организаторского таланта у лиц, предлагавшихся руководством Филологического факультета на пост заместителя председателя Оргкомитета

И снова я включил Журинского в список членов Оргкомитета. На этот раз Соколов не выдвинул никаких возражений, и Олимпиада состоялась.

Некоторое представление об организационных проблемах, которые повседневно должен был решать Оргкомитет, даёт письмо ко мне И. Г. Милославского. В начале февраля 1965 года я находился в Тарту, где по приглашению Ю. М. Лотмана читал лекции в Тартуском университете. Меня тревожило моё отсутствие в Москве накануне предстоящей Олимпиады. Из Тарту я написал Милославскому письмо, полное указанных тревог. За десять дней до первого тура Милославский мне отвечал:

11 февраля 1965 года
город Москва

Дорогой Владимир Андреевич!

Собирался написать Вам после того, как смогу начать словами «рады доложить Вам, дорогой...», но, получив Ваше письмо, доношу немедленно.

I. Афиши вдоль проспекта Маркса, на подступах к Аудиторному корпусу²⁹ и в нём самом были вывешены в субботу, 6 февраля; к понедельнику были отрезаны куски с задачами, к среде — сорваны и остатки. В свете Ваших указаний восстановим немедленно!

II. Интенсивно идёт процесс обзванивания (да простите Вы мне это слово) всех школ, куда посланы афиши. А посланы они всюду — и в 715, и в 120 школу. Выясняется, что примерно в каждой третьей школе афиши висят. Думаю, куда делись остальные: то ли ведомство гр. Псурцева³⁰ не сработало (вряд ли), то ли директора отдали учителям, а те, не сумев решить задачи, спрятали от детей афиши... (это вернее). К концу этой недели надеюсь получить список всех школ, где афиши не висят, и найти способ <...> их туда доставить. P. S. За спецшколами слежу особо.

Первой Олимпиады, подтверждается такой деталью: 13 декабря 1991 года на втором туре выборов декана Филологического факультета МГУ было два кандидата — М. Л. Ремнёва и И. Г. Милославский.

²⁹ В 1990 году проспект Маркса распался на три части, соединением которых он был создан в 1961 году: на Моховую улицу, Охотный Ряд и Театральный проезд; восстановилась и нумерация домов. Аудиторный корпус МГУ имел адрес «проспект Маркса, 20» (ныне — «Моховая, 9»); это тот корпус под стеклянным куполом, перед которым установлен памятник Ломоносову. В Аудиторном корпусе располагался Механико-математический факультет (на 3-м этаже), а также находился ряд крупных университетских аудиторий. Филологический же факультет находился в здании по другую сторону улицы Герцена (ныне — Большая Никитская) по адресу «проспект Маркса, 18» (ныне — «Моховая, 11»). — В. У.

³⁰ Н. Д. Псурцев — министр связи СССР с 1948 по 1975 год. — В. У.

III. Оформлены документы на расклейку 350 афиш сроком на 10 дней по стендам, где висят репертуар театров, объявление о 800-лети Лейпцигской ярмарки и пр.

IV. Завтра везут 150 объявлений в Мособлоно.

V. Задачи I тура в количестве 1200 экземпляров напечатаны и лежат в сейфе.

VI. Хозяйственники вновь заверяют, что в смысле аудиторий, бумаги и гардероба они не подведут.

VII. Заседание оргкомитета состоится во вторник, 16/II. Повестка дня: 1) проведение I тура (докл. Милославский); 2) проверка работ (докл. Городецкий) — регламент 30 минут. После этого уже без регламента сочиним Вам коллективное письмо, как запорожцы турецкому султану. Вообразите на досуге, кто из членов оргкомитета какому из героев картины Репина может быть поставлен в соответствие.

VIII. Пока нет ничего радостного в отношении получения денег на призы и касательно печатания задач II тура. Утешаюсь тем, что ещё не наступило время решительных действий...

Следующее доношение отправлю в субботу, 13 февраля.

С искренним уважением

Ваш И. Милославский

Читатель заметит, что первые четыре пункта письма И. Г. Милославского посвящены теме оповещения и рекламы. Надо сказать, что — уж не знаю, правильно или нет, — я всегда придавал этому очень большое значение. Мне всегда казалось (разумеется, ошибочно), что если кто-то не пришёл на нашу Олимпиаду, то это только потому, что он о ней ничего не слышал, а если и слышал, то не осознал, что может в ней участвовать. Я верил, что если идея Олимпиады будет надлежащим образом донесена до широкой публики, то все на неё прибегут.

По понятным причинам, в условиях отсутствия конкуренции, рекламное дело в СССР находилось практически на нуле. На крышах домов и на рекламных щитах читались надписи «Слава КПСС» и, в несколько меньших количествах, «Слава советскому народу» (почему не просто «Слава нам?»), «Летайте самолётами Аэрофлота» (а больше летать было нечем). С этого нуля нам приходилось начинать. У меня сохранились наброски моего выступления на состоявшемся 30 декабря 1967 года заседании Оргкомитета IV Олимпиады. Там я пытался отстоять свои представления о рекламе. Согласно этим представлениям, следующие пять качеств необходимы для того, чтобы реклама была успешной. Она, реклама, должна быть 1) увидена или услышана;

2) направлена, то есть соотнесена увидевшим или услышавшим с собой; 3) убедительна; 4) информативна; 5) запомнена. Первое качество подразумевало, в частности, яркость (заметность) рекламы и её распространённость. В связи со вторым качеством я приводил многочисленные примеры, когда человек, получив некоторую информацию, не понимал, что она имеет отношение к нему³¹. В качестве примера убедительности приводились некоторые американские рекламы³².

► В выпущенной к наступившему 4 декабря 2001 года 60-летнему юбилею Филологического факультета МГУ книге

Филологический факультет Московского университета: Очерки истории / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой. — М.: Издательство МГУ, 2001. — 557 с.

на с. 349—372 помещена статья «Кафедра и отделение структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ)». В ней, на с. 354, своими воспоминаниями о Первой олимпиаде делится автор статьи, он же ответственный секретарь Оргкомитета Первой олимпиады (и председатель Оргкомитетов многих из последующих Олимпиад), — Александр Евгеньевич Кибрик. ◀

На расклеенных по Москве афишах Олимпиада была названа Первой традиционной. Вызывающее сочетание слов *первая* и *традиционная* у многих вызывало недоумение, а то и насмешки. Объявив Первую Олимпиаду традиционной и поместив этот эпитет на афишу и другие олимпиадные материалы, я преследовал три цели.

Во-первых, я верил, что это слово не даст Олимпиадам умереть и что оно послужит залогом того, что за Первой Олимпиадой последуют Вторая, Третья и т. д. Здесь моё мироощущение мало отличалось

³¹ Например, был момент, когда автомобиль «Запорожец» можно было купить безо всякой очереди, но никто из числа желающих иметь автомобиль не мог этого усвоить из соответствующего объявления — и не потому, что объявление было составлено неверно, а потому, что никто не мог поверить, что оно относится к рядовому гражданину (а ведь в 60-е годы в СССР пребывание в очереди на покупку автомобиля измерялось годами). Аналогичным образом, когда в Москве проводился конкурс самодеятельных певцов, никто не понимал, что на него может прийти человек с улицы — все думали, что только по специальному направлению.

³² Например, такая — очень неприятная, но очень убедительная реклама зубной пасты: «Все знают, что у Вас воняет изо рта. Но никто Вам не скажет об этом». Не соображу, примером какого из качеств может служить реклама торгового центра, расположенного на перепутье американских дорог, в некотором удалении от поселений: «Если Вы не знаете, что Вы хотите купить, зайдите к нам: у нас это есть».

от мироощущения тех моих первобытных предков, которые верили, что нарисовав на стене пещеры мамонта или тюленя, они тем самым гарантируют себе удачу на охоте. Таким образом, слово *традиционная* было адресовано, прежде всего, Судьбе (или Высшим Силам) — в качестве некоего заклинания.

Во-вторых, я надеялся, что слово *традиционная* закрепится в сознании школьников и их учителей и они приучатся воспринимать институт лингвистических олимпиад как нечто должное и существующее всегда. Сейчас, кого ни спроси, все знают, что бывают олимпиады по лингвистике и математике. Полагаю, что слово *традиционная* несколько ускорило процесс привыкания. Вторым адресатом этого слова, таким образом, были все те, кто связан со школьным образованием, — от школьников и учителей до директоров школ и наробразовских чиновников.

В-третьих, слово *традиционная* было обращено к организаторам будущих Олимпиад. Устроители Первой Олимпиады создавали некую новую микроцивилизацию, а всякая цивилизация может устойчиво существовать только в рамках своих традиций.

Некоторые традиции появлялись постепенно. Некоторые — с самого начала.

Среди традиций, идущих от Первой Олимпиады, назову три, кажушиеся столь самоочевидными, что их, на первый взгляд, даже неудобно называть традициями. А меж тем они, бесспорно, являются таковыми и выполняют важную цементирующую роль.

Во-первых, нумерация Олимпиад, начиная с Первой. Казалось бы, здесь не о чём и говорить. На самом деле нумерация имеет глубокий смысл: она подчёркивает преемственность и статус. После XVIII Олимпиады 1981 года в течение шести лет, с 1982 по 1987 год, Олимпиад не было, поскольку в 1982 году ректором МГУ Логуновым — с подачи и при содействии влиятельных недоброжелателей Звегинцева с Филологического факультета — была волонтаристски ликвидирована кафедра структурной и прикладной лингвистики, поставившая основные силы для проведения Олимпиад³³. Когда в 1988 году состоялась первая после многолетнего перерыва Олимпиада, после обсуждения было решено, что она ещё недостойна иметь номер, и она происходила без номера. XIX Олимпиада состоялась в 1989 году.

Во-вторых, формирование перед каждой Олимпиадой особой Задачной комиссии, в обязанности которой входит составление задач для предстоящей Олимпиады. На Первой Олимпиаде все члены Задач-

³³ Кафедра (под другим названием) была восстановлена в 1988 году.

ной комиссии входили в состав Оргкомитета, однако это включение одного состава в другой не образует традиции — лишь председатель Комиссии обязательно должен быть членом Оргкомитета. Председатели Задачных комиссий Олимпиад (с I по VIII и с XI по XXX) названы на с. 23 брошюры [ИтРуб].

В-третьих, структура Оргкомитета каждой Олимпиады: председатель, заместитель председателя, ответственный секретарь, председатель Задачной комиссии, члены Оргкомитета. Составы Оргкомитетов первых семи Олимпиад даны на с. 6—8 книги [ГорРас], имена председателя VIII Олимпиады и председателей Олимпиад с XIX по XXX — на с. 23 брошюры [ИтРуб].

Помимо этих трёх «административных» традиций возникла ещё одна — психологическая. Она состояла в том, что Олимпиаду следует проводить весело (имеется в виду не столько стиль общения со школьниками, сколько атмосфера в оргкомитете). Знаменитая задача «О, неосмотрительный незнакомец», сформулированная А. А. Зализняком в кулуарах одной из первых Олимпиад (скорее всего — Первой), прекрасно иллюстрирует эту симпатичную традицию. ●●► Формулировка задачи «О, неосмотрительный незнакомец» была приведена на с. 379 книги 4 настоящего издания, однако приведена с погрешностью, не влияющей на лингвистическую сущность задачи, но отделяющей формулировку от реальности. Пешеход, переходящий улицу на красный свет, должен быть заменён на водителя мотороллера, подрезавшего самосвал. Ибо водителем этим был сам Зализняк, который в районе станции метро «Кировская» (ныне — «Чистые Пруды» резко перестроился из левого ряда в правый и тем самым подрезал самосвал. ◀●●

Таким образом, на первой Олимпиаде были заложены рамочные основы проведения последующих Олимпиад, в том числе порядок проверки работ. Определены были и разряды наград: первые премии, вторые премии, третьи премии и похвальные отзывы; кроме того, для каждой отдельной задачи была установлена специальная премия за лучшее её решение.

Конечно, многое было заимствовано из опыта Московских математических олимпиад. История и мифология этих олимпиад учили, что нельзя небрежно относиться к мелочам. На одной из древних математических олимпиад произошёл такой эпизод. Многочисленные участники олимпиады были распределены по аудиториям в зависимости от первой буквы фамилии: от А до Г — такая-то аудитория, . . . , от Ф до Щ — такая-то, от Э до Я — такая-то. Буквы крупного размера были изображены на плакатах, вывешенных на

дверях соответствующих аудиторий. Тем не менее время от времени к устроителям обращались бестолковые школьники, жалующиеся, что они не могут найти свою аудиторию. К таким школьникам относились не без некоторого раздражения. Очередного обратившегося с жалобой послали искать свою аудиторию, руководствуясь объявлениями и стрелками. Но он пришёл вторично. Пришлось вести его за руку. И тут выяснилось, что его фамилия начинается на непредусмотренную букву Ы. С тех пор на математических олимпиадах вошло в обычай на одну из аудиторий вешать не только букву Ы, но и буквы Ъ и Ь.

Многому мы учились по ходу дела. В частности, обнаружили, что поместить в газете объявление о предстоящем мероприятии возможно, но стоит очень дорого; однако можно опубликовать в той же газете заметку и при этом получить за неё гонорар.

После удачно проведённой Первой Олимпиады следовало укрепиться на завоеванном плацдарме. Я обратился к ректору МГУ Ивану Георгиевичу Петровскому с просьбой издать приказ, одобряющий состоявшееся мероприятие и предписывающий проводить такие Олимпиады и впредь. Такой приказ был издан.

Кроме того, я составил «внутренний» документ — письмо, адресованное всем последующим Оргкомитетам. Я напечатал его на портативной пишущей машинке (компьютеров и принтеров мы тогда ещё не знали) и дал подписать всем членам Оргкомитета Первой Олимпиады. Предполагалось, что деятельность Оргкомитета каждой дальнейшей Олимпиады будет начинаться с ритуального зачитывания этого письма. Кажется, так и происходило в течение достаточно долгого времени, пока письмо не истрепалось и не пропало. Но у меня сохранилась машинописная копия с подлинными подписями. Привожу это письмо здесь (не без надежды на возрождение ритуала):

ОТ ОРГКОМИТЕТА
ПЕРВОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОЛИМПИАДЫ
ПО ЯЗЫКОВЕДЕНИЮ И МАТЕМАТИКЕ
К КАЖДОМУ ИЗ ПОСЛЕДУЮЩИХ ОРГКОМИТЕТОВ.

1. Соблюдайте традиции Олимпиады. Мы ещё не знаем, в чём они состоят, поэтому вам придётся не только соблюдать эти традиции, но и обнаруживать их.
2. Впрочем, одна традиция уже обнаружена: Олимпиаду следует проводить ежегодно, с энтузиазмом и с удовольствием.
3. Проникшиеся важностью Олимпиады, не ожидайте, что

окружающие считают её столь же важной, как вы: вам придётся убеждать их в этом.

4. Делайте всё заблаговременно. В последний момент что-нибудь не сработает. Нам сильно везло.

5. Мы ещё не знали, что если не принять дополнительных чрезвычайных мер, то

- 1) посланные в школы афиши не дойдут до подавляющего большинства школ;
- 2) часть пришедших на Олимпиаду школьников будет думать, что это олимпиада по математике³⁴;
- 3) буфет, с которым была договорённость о работе во время воскресных туров, подведёт;
- 4) комендант здания не получит должных указаний от своего начальства и будет выгонять вас и участников Олимпиады на улицу;
- 5) и т. п.

Предотвратить это можно, лишь затратив специально продуманные усилия.

6. Если всё же что-нибудь из этого и произойдёт — не огорчайтесь: всё образуется.

7. Вообще, не огорчайтесь.

8. Тщательно сохраняйте архивы вашей и предыдущих Олимпиад. Это послание передавайте дальше. Отчёты и протоколы (или их копии) сдавайте в Архив Московского университета на вечное хранение.

9. Оргкомитет Первой городской олимпиады по языковедению и математике учащихся средних учебных заведений г. Москвы приветствует читающих это.

15 ноября 1965 года.

Б. Ю. Городецкий
А. Н. Журинский
А. А. Зализняк
А. Е. Кибрик
И. Г. Милославский
В. В. Раскин
В. А. Успенский

³⁴ На Первой Олимпиаде я обошёл все аудитории, объясняя школьникам, куда они попали, и предлагая уйти тем, кто оказался на нашей Олимпиаде по недоразумению. Таких оказалось около 30 человек. — В. У.

Уже в Первой Олимпиаде выявилась следующая замечательная особенность Олимпиад: Олимпиада не только выполняла функции пропаганды и агитации, но была и коллективным организатором. Она была тем живым делом, вокруг которого организовывался коллектив энтузиастов — студентов, аспирантов, преподавателей, выпускников. Я хотел бы особо остановиться на последней категории. Для выпускников ОСИПЛа/ОТИПЛа, в особенности же для бывших участников Олимпиад, Олимпиада продолжала (и, хотелось бы надеяться, продолжает) оставаться родным делом. И вот возникла традиция, по понятным причинам, формировавшаяся постепенно: это — традиция преемственности. Участники Олимпиад потом становятся студентами и сами участвуют в проведении Олимпиад и в составлении олимпиадных задач.

О принципах организации Олимпиад рассказывается на с. 219—223 сборника [ГорРас], в брошюре [ИтРуб] и в присутствующих в Интернете текстах А. Е. Кибрика [Киб] и Е. В. Муравенко [Мур]. Олимпиадные задачи можно найти в изданиях [АлпВен], [ГорРас] и [ИтРуб], в статье [Мур]. В перечисленных публикациях указана также дальнейшая литература (а на с. 26 в [ИтРуб] — и адреса посвящённых Олимпиадам страниц Интернета).

В 1988 году (в том самом году, когда была проведена Олимпиада без номера) к проведению Олимпиад подключился Историко-архивный институт. Тогда было признано, что слово *лингвистика* сделалось настолько привычным для русского слуха, что стало возможным поменять название Олимпиады. С тех пор Олимпиада называется так: Олимпиада по лингвистике и математике.

Закончу цитатой со с. 5 брошюры [ИтРуб]:

А начиная с 1989 года Олимпиада снова проводится регулярно, каждый год. В 1989—1991 годах её организуют совместно МГУ, МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт — и Институт иностранных языков им. Мориса Тореза (ныне МГЛУ — Московский государственный лингвистический университет). В 1991 году на базе МГИАИ создаётся Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); возникает Факультет теоретической и прикладной лингвистики (ФТиПЛ). Московский государственный лингвистический университет отходит от участия в организации Олимпиады в 1991 году, и с этого времени её проводят совместно Филологический факультет МГУ и ФТиПЛ РГГУ.

Литература

- [АлпВен] Лингвистические задачи: Книга для учащихся старших классов / Авторы-составители В. М. Алпатов, А. Д. Вентцель и др. — М.: Просвещение, 1983. — 223 с.
- [ГорРас] 200 задач по языковедению и математике / Составители Б. Ю. Городецкий, В. В. Раскин. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 252 с.
- [Жур 93] *Журинский А. Н.* Слово, буква, число. Обсуждение само-достаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. — М.: Наука, 1993. — 191 с.
- [Жур 95] *Журинский А. Н.* Лингвистика в задачах. Условия, решения, комментарии / Составитель Е. В. Муравенко. — М.: Индрик, 1995. — 208 с.
- [Знак] Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журинского. — М.: Русский учебный центр МС, 1994. — 302 с.
- [ИтРуб] *Иткин И. Б., Рубинштейн М. Л.* Тридцать Олимпиад: Юбилейные заметки. — М., 1999.
- [Киб] *Кибрик А. Е.* Из истории кафедры и отделения структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ): 1960—2000. — [В Интернете по адресу: <http://www.philol.msu.ru/rus/kaf/otipl/history.htm>].
- [Мур] *Муравенко Е. В.* Традиционные Олимпиады по лингвистике и математике. — [В Интернете по адресу: <http://www.philol.msu.ru/rus/kaf/otipl/deti/deti.htm>].

Добавление от ноября 2001 года. Новые задачи прикладной лингвистики

Интернет и лингвистика. — Автоматическое реферирование. — Машинный перевод. — Программы, проверяющие правописание. — Стандартизованные языки. — Анализ и синтез устной речи. — Компьютерная лингвистика. — Два достижения российской прикладной лингвистики.

Статья, к которой делается настоящее Добавление, была написана в 1965 году. Отмеченные в ней традиционные задачи прикладной лингвистики: обучение языкам (как родному, так и иностранным), разработка рациональной орфографии, составление всевозможных словарей, как одноязычных (орфографических, орфоэпических, толковых и других), так и многоязычных и т. п. — сохраняют, разумеется, актуальность и по сей день³⁵. Но то, что в статье было сказано о приложениях лингвистики, связанных с новой техникой, во многом устарело. Здесь делается попытка сказать об этих приложениях что-то более современное. ●●► Сейчас, в феврале 2012 года, эта попытка уже выглядит анахронизмом. Например, после написания «Добавления от ноября 2001 года» в российской прикладной лингвистике появилось одно из крупнейших её достижений — Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/> объёмом более 300 миллионов слов. Тексты, закачанные в Корпус, покрывают едва ли не всю русскую литературу. Программные средства Корпуса позволяют мгновенно находить в этих текстах запрошенные слова с учётом налагаемых на них грамматических, семантических и других ограничений³⁶. Другой пример — так называемый навигатор, в устной форме сообщающий водителю автомобиля, какие действия он должен произвести, чтобы доехать до цели; без упоминания навигатора уже первый абзац раздела «Синтез устной речи» (на с. 186) становится неполным. Едва ли не все упомянутые в настоящем Добавлении проблемы и достижения получили за последнее десятилетие существенное развитие. ◀●●

³⁵ Хорошее определение прикладной лингвистики («раздел языкознания, изучающий методы решения практических задач, связанных с оптимизацией использования языка») и перечень её основных направлений даны в статье А. Е. Кибрика «Прикладная лингвистика» в третьем издании БСЭ (т. 20, с. 577; том подписан к печати 10.04.1975). См. также статью В. М. Андрущенко с тем же названием в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года.

³⁶ Подробнее о Корпусе на с. 194—195 настоящей книги. — *Примеч. ред.*

При подготовке этого Добавления щедрую помощь мне оказала моя давняя коллега Татьяна Дмитриевна Корельская, выпускница Механико-математического факультета Московского университета, с 1966 по 1978 годы разрабатывавшая проблемы прикладной и математической лингвистики во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВИНИТИ)³⁷, а ныне — вице-президент базирующейся в городе Итака, штат Нью-Йорк, компании CoGenTex, Inc. (<http://www.cogentex.com>); компания занимается научно-исследовательской работой в области автоматического порождения текста и коммерческими приложениями в этой области.

Стремительное развитие информационных технических устройств (то есть устройств, предназначенных для хранения информации, её преобразования и передачи на большие расстояния) изменило за последние десятилетия окружающий нас мир и стимулировало разработки в области прикладной лингвистики. Решающими были здесь четыре фактора:

- 1) резкое увеличение быстродействия компьютеров;
- 2) резкое увеличение объёма памяти компьютеров;
- 3) уменьшение физических размеров и стоимости компьютеров, что сделало возможным их превращение в предметы повсеместного, в том числе домашнего, обихода;
- 4) усовершенствование техники связи (в том числе спутниковой), позволившее создать Интернет — всемирную сеть (так и хочется сказать — сообщество) компьютеров, обменивающихся между собой данными с большой скоростью.

Интернет и лингвистика

Появление Интернета³⁸ произвело революцию по крайней мере в трёх сферах, связанных с доступом к информации и передачей её на расстояние: в сфере связи, в сфере получения информации, в сфере приобретения предметов и услуг.

В сфере связи электронная почта в значительной мере заменила обычную почту, телеграф и телефон.

В сфере получения информации Интернет открыл доступ к неограниченному количеству информации и в большой степени заменил

³⁷ См. её книги: *Т. Д. Корельская*. О формальном описании синтаксической синонимии. — М.: Наука, 1975; *Т. Д. Корельская, Е. В. Падучева*. Обратная теорема (алгоритмические и эвристические процессы мышления). — М.: Знание, 1978.

³⁸ См. <http://www.zakon.org/robert/internet/timeline> о его истории.

пользование библиотеками. Самую разнообразную информацию стало возможным получить за считанные минуты, не покидая своего дома. При этом способ путешествия по Интернету посредством мыши настолько прост и нагляден, что понятен даже детям.

В сфере приобретения предметов и услуг Интернет открыл возможность совершать покупки того и другого, опять-таки никуда не перемещаясь, а сидя перед экраном компьютера. Многие походы в магазин и служебные командировки сделались ненужными. (Разумеется, из сказанного здесь и далее многое относится пока ещё в гораздо большей степени к реалиям американской, нежели российской жизни, но можно ожидать и нашего постепенного движения в сторону прогресса.)

Интернетская революция открыла, возродила и переориентировала целые направления прикладной лингвистики. Ниже в этом разделе настоящего Добавления будут приведены некоторые примеры, связанные с каждой из трёх названных сфер.

Гипертекст. Но сперва заметим, что влияние Интернета на лингвистику не ограничивается лишь её прикладными аспектами. Интернет привёл к пересмотру, а точнее сказать, к обобщению центрального для филологии понятия текста, а именно — к понятию гипертекста. Хотя это понятие возникло ещё в начале 60-х годов XX века, то есть до появления Интернета, только Интернет придал ему подлинную жизненную силу.

В отличие от обычного текста, в котором его фрагменты следуют друг за другом в линейной последовательности, *гипертекст* состоит из фрагментов, связанных между собою не только линейно. Простейший пример гипертекста — обычный текст, снабжённый подстрочными или затекстовыми примечаниями. Встреченная читателем в тексте метка примечания отсылает его к низу страницы или к концу статьи; в последнем случае нужное примечание иногда обнаруживается с некоторым трудом. В случае же Интернета переход от одного фрагмента к нелинейно с ним связанному другому может осуществляться мгновенно.

Когда на экране возникает та или иная страница Интернета, некоторые её элементы могут оказаться выделенными (цветом, подчёркиванием и т. д.). Выделение элемента означает, что в этом месте есть отсылка на другую интернет-страницу, тематически связанную с этим элементом. Достаточно щёлкнуть на этом выделенном элементе мышью, чтобы эта другая страница появилась на экране. Совокупность связанных между собой указанным образом интернет-страниц образует один гигантский гипертекст, который можно читать

в любой удобной пользователю последовательности, путешествуя по всему интернет-пространству.

Суть и революционность гипертекста — не только в том, что он уничтожает линейность обычного текста, но и в том, что он превращает пассивного читателя отчасти в соавтора, поскольку теперь читатель волен сам отбирать и интересующие его фрагменты информации, и их последовательность.

В Интернете, таким образом, гипертекст организован в виде *ориентированного графа*, в узлах (вершинах) которого расположены интернетские страницы, а рёбра (дуги) означают связи между ними.

Важнейшую разновидность ориентированных графов составляют *деревья* — в частности, к разряду деревьев относятся и некоторые естественно выделяемые части (подграфы) Интернета как графа-гипертекста. Боян же вещий, как сказано в начальных строках «Слова о полку Игореве», *растекался мыслию по древу*. Известно, что ещё в 50-е годы XX века некоторые исследователи предлагали вместо *мыслию* читать *мысию* или *мышью* (со значением 'белка')³⁹. Аналогия между растеканием Бояна мышью по древу и передвижением посредством мыши по интернетскому гипертексту напрашивается сама собой. Нет сомнения, что в последние годы правления Сталина основателем Интернета, существуй он тогда, был бы провозглашён Боян.

Комментарий. Выяснилось, что уже читатели, родившиеся в начале 40-х годов, не понимают смысла этой фразы о Бояне; поэтому разъясняю. В период между окончанием Великой отечественной войны (1945 год) и смертью Сталина (1953 год) в СССР развернулось преследование так называемого *низкопоклонства перед Западом*; за проявления такого низкопоклонства можно было угодить в концлагерь. Приказано было считать, что первый самолёт построил в 1883 году А. Ф. Можайский и на этом самолёте, за два десятилетия до братьев Райт, был совершён первый полёт. А пионером воздухоплавания был объявлен рязанский подьячий Крякутнóй, совершивший якобы полёт на воздушном шаре за полвека до братьев Монгольфье. (Заметим, что Крякутного вообще не существовало, это личность выдуманная; Можайский, напротив, был думающим исследователем, но сомнительно, чтобы созданный им летательный аппарат с паровым двигателем находился в воздухе хотя бы мгновение.) Всё это называлось *борьбой за приоритет русской науки*. Названная борьба получила отражение в ироническом фольклорном афоризме «Россия — родина слонов» и ряде

³⁹ См., например, Слово о полку Игореве. — Л.: Сов. писатель, 1967. — (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). — С. 469.

анекдотов. (Вот пример анекдота на эту тему. Рентгеновские лучи открыл не немец Рентген, а задолго до него русский крестьянин Захар Кукуев, сказавший своей супруге: «Я тебя, стерва, насквозь вижу».) Многих (даже в России) эта борьба за приоритет заставила сомневаться в том, что А. С. Попов является изобретателем радио; меж тем, на наш взгляд, он его действительно изобрёл, но, как и подобает истинно русскому изобретателю, не стал продвигать своё изобретение на рынок, уступив эту честь иностранцу Маркони. Радиотехник А. М. Васильев, имя которого ещё неоднократно встретится на страницах этой книги, высказывал такое суждение по проблеме приоритета Попов/Маркони: «Если Попов не изобрёл радио, то никакого позора в этом нет: мало ли кто чего *не* изобрёл. Но вот если он его изобрёл, а внедрение радиосвязи в жизнь осуществил, в чём никто не сомневается, Маркони, — вот тогда это действительно позор для России» (не для Попова).

Электронная почта. Теперь люди пользуются ею не только для личной переписки, но и для разного рода запросов в электронные магазины, а также в компании, производящие купленные предметы, — если, например, эти предметы не работают или если люди не понимают инструкцию и т. п. Этих запросов так много, что персонал компаний не справляется с их потоком. Покупатели же, не получая ответа сразу, бомбардируют компании электронными жалобами на плохое обслуживание, а это плохо для бизнеса и к тому же ещё более увеличивает поток поступающей почты. В связи с этим возникает задача для прикладной лингвистики: автоматически сортировать и анализировать поступающую от клиентов электронную почту, с тем, чтобы посылать им стандартные ответы на стандартные вопросы. В некоторых случаях стандартные вопросы составляют более 60% от всех вопросов, — покупатели, к счастью, не слишком оригинальны. С другой стороны, они, покупатели, часто неграмотны, и поэтому программа анализа должна быть довольно тонкой. Можно было бы надеяться, что при наличии такой программы освободится драгоценное (в прямом, денежном выражении) время персонала и специалисты будут отвечать только на оставшиеся вопросы — более глубокие или непредвиденные. Уже есть коммерческие компании, продающие системы⁴⁰ для автоматического анализа электронной

⁴⁰ В данном контексте под системой понимается нечто более сложное, нежели просто программа (которую покупатель сам, как правило, и устанавливает на своём компьютере): система конфигурируется продающей компанией отдельно для каждого покупателя (обычно не индивидуального лица, а

почты (см., например, <http://www.banter.com>), но они ещё далеки от совершенства, предоставляя широкое поле деятельности для прикладной лингвистики, в частности, для семантического анализа текста и описания предметных областей. В частности, до сих пор нет хорошо работающих программ, выделяющих (и выбрасывающих) так называемый *spam* — рекламные сообщения, рассылаемые компаниями миллионам адресатов и порой составляющие заметную (если не большую) часть получаемой электронной почты.

Информационный поиск. В том удобном доступе к огромному количеству информации, который предоставляет Интернет, есть и своя отрицательная сторона: возникает переизбыток информации, в котором легко захлебнуться. Современные системы поиска в Интернете используют технологию, основанную на так называемых *ключевых словах*. Эта простая технология позволяет практически моментально найти все те интернет-страницы, которые содержат слова из вашего запроса. Понятно, что таких страниц может быть огромное количество. Лучшие из систем поиска упорядочивают найденные страницы и первыми выдают те из них, в которых встречаются все слова из запроса, а не только одно или несколько. Но и таких страниц могут быть сотни, и вы, чертыхаясь, тратите массу времени, чтобы выудить из этого конгломерата ту страничку, которая вам нужна. Поэтому важная задача для прикладной лингвистики — создать методы более «умного», фокусированного поиска. Система такого поиска должна воспринимать запрос не как простую совокупность входящих в него слов, а как совокупность структурированную, с определёнными отношениями между этими словами; она должна постараться понять смысл вопроса, при необходимости задать вам встречный вопрос — в общем, поговорить с вами, как поговорил бы терпеливый и квалифицированный библиотекарь. Конечно, на разговоры с такой умной системой уйдут уже не мгновения, а минуты, но зато в результате она найдёт именно то, что вам нужно. Таких систем пока ещё нет, но серьёзные шаги в этом направлении уже делаются, причём делаются компаниями, которые подчёркивают, что они используют технологии прикладной лингвистики и что у них работают профессиональные лингвисты (см., например, <http://www.lexiquest.com>, а также <http://www.lingomotors.com> и <http://www.primus.com>).

также компании) с использованием базы данных этого покупателя; при этом одновременно поставляются услуги по установке и эксплуатации системы. В других контекстах слово «система» может пониматься и как синоним слова «программа», и в других смыслах.

К информационному поиску непосредственно примыкает задача автоматического реферирования. Предположим, поисковая система нашла и предъявила вам несколько десятков страниц. Чтобы выбрать из них действительно нужные, не тратя времени на чтение их всех, удобно было бы быстро просмотреть их рефераты, длиной не больше абзаца. А для этого нужно прежде всего такие рефераты откуда-то взять. Задача автоматического реферирования и заключается в том, чтобы создать программу, образующую сравнительно короткие рефераты сравнительно длинных текстов.

Возможность покупать предметы и услуги по Интернету. По аналогии с терпеливым автоматическим библиотекарем (для нахождения нужной информации), здесь требуется терпеливый автоматический продавец, который выслушает ваши пожелания, задаст вопросы, необходимые для их уточнения, и поможет сделать нужный выбор. Требуется также терпеливый автоматический консультант, который поможет счастливому обладателю новоприобретённой вещи собрать её, установить и/или наладить, а то и устранить простую неполадку. В трудных же случаях автоматический консультант свяжет вас с живым специалистом. В отличие от автоматического ответчика для электронной почты, где между запросом и ответом всё же проходит некоторое время, эти автоматические личности должны разговаривать с покупателями — письменно или даже (о чём будет сказано ниже) устно — в реальном времени. Это значит, что автоматический анализ вопроса покупателя и построение ответа или встречного вопроса должны происходить в режиме диалога, то есть автоматическая личность должна помнить, что и вы, и она сказали раньше, должна уметь пользоваться местоимениями (*Вы подсоединили кабель? — Да. — Он плотно прилегает к той планке, которую Вы только что привинтили?* и т. п.), то есть в своей узкой области демонстрировать почти человеческое владение языком. Это ставит очень сложные задачи для прикладной лингвистики, и такие коммерческие системы пока только ещё создаются (см., например, <http://www.livewirelogic.com>, <http://www.expoundinc.com>). Системы же попроще, без настоящего диалога, уже разработаны (см., например, <http://www.nativeminds.com>, а также <http://www.iphrase.com>), но они — именно потому, что без диалога, — недостаточно гибки: если вопрос сформулирован клиентом не вполне точно, их ответ может оказаться неудовлетворительным.

В качестве прообраза интернетских диалоговых систем можно назвать систему контакта с абонентами, принятую в американских телефонных

компаниях. С такой системой я столкнулся весной 1990 года, когда в квартире, предоставленной мне Станфордским университетом, перестал работать телефон. Для моего российского опыта и менталитета две вещи оказались в новинку. Во-первых, в домоуправлении мне не разрешили воспользоваться их телефоном, чтобы позвонить в службу ремонта, а послали к телефону-автомату. Во-вторых, когда я дозвонился в эту службу, то диалог со мной вёл не живой человек, а автоматическое устройство, задававшее мне готовые, заранее наговорённые человеком вопросы (*Есть ли гудок, когда Вы снимаете трубку?* и т. п.). После каждого вопроса предлагались варианты ответа и для каждого варианта указывалась цифра, которую я должен был набрать на клавиатуре телефона.

Автоматическое реферирование

Выше, говоря об информационном поиске, мы уже упоминали эту задачу — задачу автоматического (программного) составления краткого реферата предъявленного документа. Эту задачу можно трактовать не только как часть задачи информационного поиска, но и как отдельную, самостоятельную задачу.

Существуют два подхода к решению этой задачи.

Первый состоит в том, что из реферируемого документа выбираются наиболее информативные предложения, которые, взятые в том же порядке, в котором они присутствуют в документе, и образуют требуемый реферат документа. В зависимости от жанра документа используются разные критерии информативности — например, в газетных статьях первое предложение обычно очень информативно. Первые коммерческие программы для автоматического реферирования отдельного взятого документа по такому методу уже начали появляться в США, но качество реферирования у них ещё довольно низкое. Дело в том, что вырванные из контекста информативные предложения плохо стыкуются друг с другом, и реферат поэтому получается бессвязный, что, в свою очередь, затрудняет понимание. Простое решение этой проблемы — представлять читателю выбранные предложения как список (*bulletized list*), а не как текст — так как список, в отличие от текста, не обязан быть связным. Более тонкие решения, использующие лингвистические методы (можно, например, пытаться использовать не целые предложения, а их наиболее информативные куски, которые потом соединять в осмысленный и гладко написанный реферат), являются сейчас предметом исследования во многих американских университетах, например, в Колумбийском и в Карнеги Меллон.

Активная и финансируемая государством научно-исследовательская работа во многих американских университетах ведётся и по обобщению указанного подхода для более сложной задачи «много-документного реферирования» (*multi-document summarization*); это есть задача составления суммарного реферата нескольких документов (обычно на одну и ту же тему, например, суммарный реферат всех публикаций о войне в Афганистане за последние две недели). Понятно, что проблема связности реферата в этом случае встаёт ещё более остро, так как информативные предложения оказываются надёрганными из разных документов.

Второй подход состоит в извлечении из текста информации по интересующему пользователя вопросу в более компактном виде, который, например, можно хранить в базе данных для последующего анализа. В отличие от первого метода, основанного на эмпирической или статистической оценке общей информативности предложений или их кусков, здесь требуется более глубокое понимание содержания текста. Например, террористический акт может определяться местом, использованными средствами, количеством жертв, организацией, взявшей за него ответственность и т. д. В очень узких предметных областях такое извлечение информации возможно методами лингвистического анализа, но строить для каждой такой области специализированную систему очень дорого — поэтому необходимо разработать методы, которые будут применимы к любым областям. Один из таких методов — обучающиеся программы, которые способны выявлять закономерности в показанных им конкретных примерах анализа текста и в дальнейшем анализировать новые тексты в соответствии с выявленными закономерностями. Вот очень упрощённый, но зато наглядный пример того, как могла бы действовать такая программа. Программе предъявляются два текстовых фрагмента с готовыми результатами их анализа. Первый фрагмент: «г. Москва»; его анализ: название города. Второй фрагмент: «1965 г.»; его анализ: цифра года. Программа обнаруживает и формулирует следующую закономерность: если после «г.» стоит собственное имя, то это имя есть название города, а если перед «г.» стоит числительное из четырёх цифр, то эти цифры обозначают год. (Очевидно, что эта программа будет правильно работать только с текстами, в которых не встречаются фрагменты типа «г. Зюганов».) После того, как информация извлечена из текста и проинтерпретирована, её можно представлять пользователю разнообразными способами — в виде реферата, таблиц, графиков, гипертекста и т. п.

Машинный перевод

В течение последних 10 лет, благодаря новой компьютерной технологии, машинный перевод начал постепенно переходить из разряда лабораторных исследований в сферу коммерческих задач. Очень быстрые компьютеры дают возможность моментально перебирать огромное количество вариантов, а дешёвая электронная память позволяет держать в машине очень большие словари. Это дало возможность некоторым компаниям, которые первоначально разрабатывали электронные словари и системы машинного перевода для государственных целей (и на государственные деньги), создать коммерческие варианты этих систем, способные работать на персональных компьютерах. Переводчики и компании, продающие услуги по переводу, стали покупать их как подсобные средства, а просто люди, технические специалисты, — чтобы хоть как-то прочесть нужную техническую литературу на иностранном языке. Образовался рынок с конкуренцией, убыстряющей прогресс. С другой стороны, произошедшая компьютерная революция заставила различные американские фонды, финансирующие научно-исследовательскую работу в университетах, пересмотреть своё негативное отношение к машинному переводу как к чёрной дыре, поглощающей любые деньги без всяких результатов. В исследовательских центрах опять началась серьёзная работа по прикладной лингвистике, результаты которой начали просачиваться в коммерческий мир. Появление Интернета дало этому процессу сильнейший толчок. Поначалу многие предполагали, что как раз появление Интернета сделает машинный перевод неактуальным, поскольку все (кроме французов, конечно) будут создавать свои интернет-страницы по-английски. Однако всё произошло в точности наоборот. Невероятно быстрое распространение Интернета по всему компьютеризованному миру, в котором все нормальные люди хотят получать информацию — газеты, например, — на своём родном языке, быстро опровергло эту англоцентристскую точку зрения. Коммерческие компании, продающие программы машинного перевода, быстро сориентировались, и теперь, зайдя на их страницы (такую, например, как <http://www.systransoft.com>), любой может бесплатно переводить небольшие тексты (для перевода больших массивов придётся купить у одной из упомянутых компаний соответствующую программу). Качество перевода у коммерческих компаний не очень высокое, так как перевод обычно делается на очень поверхностном уровне. (Одно из интернетских развлечений — двойной перевод, скажем, с английского на французский, а потом обратно, что часто

приводит к смешному результату.) Лучшие лабораторные системы машинного перевода выдают довольно приличные переводы — например, система англо-русского и русско-английского перевода ЭТАП Института проблем передачи информации Российской академии наук. Однако в общем случае задача качественного машинного перевода ещё далека от своего решения и остаётся одним из главных приложений компьютерной лингвистики (этот термин будет разъяснён ниже).

Программы, проверяющие правописание

Общепринятого русского термина для таких программ нет. Иногда про такую программу говорят «программа, проверяющая орфографию» или «программа-корректор» (или даже просто «корректор»), но обычно русскоговорящие пользователи употребляют английское выражение *spell checker*. Вероятно, скоро появится и русское слово *спел-чекер*. В устный обиход оно уже вошло, и мы не намного опережим развитие русскоязычной терминологии, если начнём употреблять это слово в письменной речи прямо сейчас⁴¹. Спел-чекеры обычно встраиваются в так называемые *программы обработки текстов*, короче называемые *программами-редакторами* или даже просто *редакторами* (по-английски — *text editors* или *word processors*)⁴².

Спел-чекеры сделаны едва ли не для всех основных языков и работают, в общем, хорошо. Они обрабатывают текст, отмечают те слова, которые они квалифицируют как неправильно написанные, и предлагают для них орфографически правильные варианты⁴³.

⁴¹ В этом начинании нас поддерживает исторический опыт, связанный с проникновением в русский язык слова *компьютер*. Когда все уже давно так говорили, официальная терминология ещё долго не признавала этого слова и предписывала говорить и писать *электронная вычислительная машина (ЭВМ)*, а то и *электронная цифровая вычислительная машина (ЭЦВМ)* — это чтобы отличать таковые от *электронных аналоговых вычислительных машин (ЭАВМ)*.

⁴² Так называют программы, которые позволяют редактировать тексты, а также, в большинстве случаев, их печатать, сохранять в разных форматах и т. п. Есть не вполне чёткая граница между ними и *издательскими системами (desktop publishing systems)*, дающими больше возможностей приблизиться к типографским требованиям.

⁴³ Предлагаемые замены иногда оказываются довольно смешными. Впрочем, в электронном письме к Т. Д. Корельской знаменитый лингвист Игорь Александрович Мельчук объявил, что он вполне доволен теми американизмами «rigor» и «vigor», которые программа-редактор Word настойчиво предлагает ему вместо его подписи «Igog». Как сообщил мне протоирей М. В. Ардов, при его попытке написать «диакон» компьютер настойчиво предлагал слово «дракон». ●●► Э. К. Лавошникова, выпускница ОСИПЛа 1967 года, ныне

Для некоторых языков существуют и программы, проверяющие грамматику и пунктуацию. По-английски отдельная такая программа называется *grammar checker*. По-русски же не только в письменном, но и в устном языке общепринятого термина нет. Такие программы распространены гораздо меньше — потому, в частности, что работают много хуже. А работают они хуже прежде всего потому, что основаны на стандартах нейтрального и довольно простого синтаксиса и стиля. Авторы с индивидуальным стилем ими обычно не пользуются, так как эти программы с раздражающей назойливостью стараются причесать их тексты под свою простенькую гребёнку.

Главная же, принципиальная разница между программами, осуществляющими орфографическую коррекцию, и программами, осуществляющими грамматическую коррекцию, состоит не в том, что первые представлены хорошо работающими версиями, а вторые — плохими. Главное в том, что в случае программ первого типа задача является точно поставленной и может быть решена в полном объёме, а для программ второго типа задача — во всяком случае, при современном состоянии наших знаний — и не может быть точно поставлена, а потому и сама постановка вопроса о её окончательном решении бессмысленна. Дело в том, что при фиксированном словарном запасе рассматриваемого языка совокупность орфографически правильных написаний этого языка может быть указана чётким и исчерпывающим образом и, тем самым, лечь в основу «идеального» спел-чекера. В то же время само понятие 'правильно построенная фраза' является достаточно расплывчатым. Чёткие и исчерпывающие законы, которые позволяли бы отличать фразы, построенные правильно, от фраз, построенных неправильно, до сих пор не сформулированы ни для какого естественного языка в его полном объёме. Слова «в полном объёме» здесь существенны, ибо для ограниченных стандартизованных языков, о которых будет сказано тотчас же ниже, такие законы могут быть предъявлены. Собственно говоря, формулирование таких законов и определяет тот или иной стандартизованный язык.

работающая в Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ, по ознакомлении с книгой 4 настоящего издания, прислала мне следующее сообщение:

Отвечаю на Ваш призыв на с. 305 [книги 4] прислать Вам примеры «привычных орфографических вывихов». Ниже цитаты из моей статьи, размещённой на сайте нашей лаборатории:

Лавошникова Э. К. О компьютерной коррекции психологически обусловленных ошибок правописания в текстах на русском языке. — [http://lcl.srcc.msu.ru/library/EL_MISTAKES.doc].

<...>

<●●

Стандартизованные языки

С машинным переводом и программами проверки орфографической и грамматической правильности связана самая, пожалуй, новая область прикладной лингвистики — разработка так называемых *специализированных*, или *ограниченных*, или *стандартизованных*, вариантов английского языка; принятый английский термин для таких вариантов: *Controlled English*. Такие варианты создаются для каждой отдельной отрасли, почему они называются также *отраслевыми* вариантами.

Начало этой области положила известная авиастроительная компания Боинг (Boeing); поскольку она продаёт свои самолёты по всему миру, и отнюдь не только англоязычным странам, для неё особенно актуальной сделалась задача упрощения и унификации технической документации. У таких отраслевых английских языков ограниченный словарь и синтаксис (например, запрещён пассив) и строгие правила употребления некоторых синтаксических конструкций (например, условие на действие всегда должно предшествовать действию). Тексты на таких языках, во-первых, гораздо понятнее иностранному обслуживающему персоналу и, во-вторых, легче поддаются машинному переводу на другие языки.

Словарь и свод правил стандартизованного языка предлагается пользователю вместе с соответствующей проверочной программой. Проверочная программа работает в реальном времени. Это означает, что, когда автор набирает свой текст на клавиатуре компьютера и нарушает допустимую лексику или допустимый синтаксис, программа немедленно подаёт сигнал о таком нарушении — скажем, фраза, в которой обнаружена ошибка, окрашивается на экране в красный цвет, и появляется сообщение, какую именно ошибку заметила программа. Такой режим работы необходим, поскольку оказалось, что людям весьма затруднительно быстро оформлять заданное содержание в виде текстов, сильно ограниченных в словаре и синтаксисе.

Анализ и синтез устной речи

Быстрый прогресс в компьютерной технологии открыл новые возможности и для систем *анализа* (иначе: *распознавания*) и *синтеза* устной речи. Поскольку эти системы требуют очень большого количества машинной памяти и должны производить огромное количество операций, чтобы просчитать все возможные варианты понимания сказанного, раньше они могли работать только на очень мощных

и дорогих компьютерах. Как только эти системы «влезли» в персональные компьютеры, немедленно начали появляться и быстро совершенствоваться их коммерческие приложения, иногда очень неожиданные и интересные. Сейчас вы уже можете позвонить в американский банк и узнать у автоматической справочной системы, сколько денег на вашем счету, сколько ещё можно израсходовать денег по кредитной карточке или как котируются интересующие вас акции на бирже (см., например, <http://www.speechworks.com>). Строятся и обещают появиться в скором будущем системы, разговаривая с которыми можно будет узнать расписание и заказать билеты на самолёт или на поезд, снять комнату в отеле, взять машину напрокат и т. п. — вообще, поговорить на узкую деловую тему. Эта узость как раз и даёт возможность системам распознавания речи вас понимать, ограничивая число слов и вариантов их сочетаний, которые система должна иметь в своих словарях и анализаторах.

Высококачественные — и доступные по цене — системы распознавания и синтеза речи позволят автоматическим продавцам и работникам технического обслуживания электронных магазинов в Интернете (см. выше) разговаривать (а не только вести письменный диалог) с покупателями. Такие системы сейчас разрабатываются в IBM, AT&T и в других компаниях и являются ярким примером успехов прикладной лингвистики в областях фонетики, фонологии и моделирования речевой интонации.

Анализ устной речи. Впечатляющие результаты автоматического анализа устной речи в форме преобразования её в речь письменную мне довелось видеть в Калифорнии осенью 2000 года. Человек, сидящий перед телевизором, по своему желанию может смотреть телепередачи с бегущими внизу экрана титрами или без таковых. Титры к новостным передачам возникают в режиме реального времени на основе автоматического анализа устного текста, произносимого участниками этих передач (титры для кинофильмов, даже если и используют для своего создания автоматический анализ, подвергаются, как правило, последующему ручному редактированию). Основанные на автоматическом распознавании речи коммерческие системы «мгновенного титра» имеют полное название *realtime captioning with speech recognition* (то есть «формирование титров в реальном времени с распознаванием речи»). Такие системы продаются, в частности, компанией Computer Prompting & Captioning Company (см. <http://www.cpcweb.com>), которая использует распознаватель речи ViaVoice.

Ещё один вид приложений по распознаванию речи связан с ситуациями «занятых рук» (по-английски: *hands busy*) — когда у вас заняты руки (или, в более грустном варианте, они отказали), а вам нужно дать команду какому-нибудь устройству. Работающих систем, позволяющих дать устную команду, много в военной области, и оттуда они постепенно распространяются в коммерческий и потребительский мир.

Синтез устной речи. Необходимость в автоматическом анализе и таком же синтезе устной речи для осуществления диалога между клиентом и кибернетическим сотрудником фирмы, продающей товары или услуги через Интернет, очевидна. Ещё одно интересное и новое приложение синтеза, относящееся, правда, в большей степени к будущему, чем к настоящему⁴⁴, это разговаривающие бытовые устройства — в частности, разговаривающие автомобили. Представьте себе, что вы садитесь утром в машину, а она вам говорит: «Доброе утро! Я предупреждала Вас вчера, чтобы Вы подлили масла, а смотрю, Вы так этого и не сделали. Уж пожалуйста, обязательно подлейте сегодня, а то заперете мотор и починка влетит Вам в копеечку». Хотя продвинутые сообщения такого рода от автомобиля пока ещё доступны лишь в лабораторных условиях, более простые заявления машины (не все, конечно) умеют делать уже сегодня. Вот выдержка из одного из недавних номеров знаменитого журнала «Scientific American»:

I was taking some time off in Switzerland recently, driving along the Geneva lakeside, when my rental car announced that it needed gas. Things being the way they are nowadays, a talking automobile didn't strike me as science fiction.

●●► Когда писалась эта статья, мне не приходилось встречаться с так называемыми навигаторами, и я даже не знаю, были ли они тогда. Сейчас они достаточно распространены, во всяком случае в Москве. Помню своё сильное впечатление, когда я впервые обнаружил в автомобиле это небольшое устройство и увидел, что оно не только показывает на экране маршрут и положение на нём автомобиля, но и сообщает человеческим голосом, что надо делать водителю: сколько метров ехать прямо до нужного поворота и в какую сторону повернуть. ◀●●

Следует понимать, что решение подобных задач не сводится только к синтезу устного произнесения. Ведь сперва надо образовать

⁴⁴ ●●► Уже и к настоящему. ◀●●

тот текст, который предстоит произнести, — то есть решить задачу порождения текста, при котором происходит преобразование смысла в текст (в той или иной письменной форме последнего). Эта совершенно особая и очень важная задача, значение которой, разумеется, не исчерпывается её приложениями к собственно синтезу речи (или синтезу речи в узком смысле), при котором происходит преобразование текста в звучащую речь. (Под синтезом речи в широком смысле понимают двухэтапный процесс, включающий в себя и порождение текста, и синтез речи в узком смысле.)

Можно, конечно, пытаться избежать обращения к порождению текста, ограничиваясь заранее наговорёнными диктором фразами, соответствующими основным стандартным ситуациям; однако такие системы неизбежно оказываются весьма далёкими от совершенства: ведь они лишены возможности сообщать в устной форме конкретные цифровые характеристики текущей ситуации. Можно пытаться осуществлять лишь частичное порождение текста и, соответственно, частичный синтез речи, вставляя в заранее заготовленные и заранее же наговорённые фразы-шаблоны числительные, также заранее заготовленные и наговорённые; но при таком решении проблемы (основанном на комбинации заранее наговорённых слов) оказывается трудно сформировать правильную интонацию; а без правильной интонации уровень понимания текста слушателем падает очень сильно. Кроме того, если порождать достаточно сложные тексты с использованием фраз-шаблонов, то придётся наговаривать огромное количество вариантов.

Естественное и оптимальное решение — решать задачу в два этапа: сперва автоматически порождать текст из смысла (определяемого текущей ситуацией), а затем — также автоматически — синтезировать звучащую речь из уже порождённого текста. При таком подходе отсутствует заранее запасённый комплект вариантов текста. Эти варианты порождаются в реальном времени, а не извлекаются из памяти компьютера. Акцент переносится здесь с большой памяти на скорость компьютера. (Этим, кстати, и занимается упомянутая в самом начале настоящего Добавления компания CoGenTex.) Но для этого требуется уже не частичный, а полноценный синтез речи, готовый обрабатывать любой поступающий на его вход текст, а не только шаблоны с вставленными в них числительными.

Качественные синтезаторы речи — системы TTS (*text-to-speech*, буквально: «текст—речь») — должны преобразовывать любые письменные тексты в звучащую речь. Все такие системы предполагают предварительную обработку текста, в результате которой должна возникнуть его фонетическая транскрипция. Преобразование же

транскрипции в речевой сигнал может осуществляться с использованием одного из двух методов.

Первый метод применяется в системах, в которых отсутствуют какие бы то ни было готовые элементы человеческой речи. Он состоит в том, что и звуки, и интонация полностью конструируются самой системой на основе большого количества (от 20 до 60) различных акустических параметров, характеризующих речевой сигнал. Такая процедура ближе к той, которая осуществляется человеком; но наши знания о человеческом речепроизводстве ещё более чем скромны, поэтому подобные системы часто создают неестественную речь⁴⁵, звучат, как робот, и слышать их довольно неприятно. Зато они занимают мало памяти, что важно для автомобиля или других бытовых устройств. Сведения об одной из коммерческих систем, построенных по этому принципу, можно найти в Интернете, на одном из уже упоминавшихся сайтов (<http://www.speechworks.com/products/tts/eti.cfm>).

Получить первым методом естественно звучащую речь пока не удаётся (это не значит, что не удастся в будущем). Естественное звучание достигается применением второго метода, получившего развитие в последние годы. Этот метод основан на использовании фрагментов человеческой речи. Он называется методом «конкатенированной речи» (*concatenated speech*) или, короче, методом «конкатенации». Его суть в том, что в линейную последовательность склеиваются («конкатенируются») кусочки заранее наговорённой речи. Эти кусочки могут быть как очень мелкими (вплоть до аллофонов и даже ещё мельче), так и достаточно крупными (в самое последнее время — вплоть до словосочетаний)⁴⁶. Для хранения всех этих готовых акустических кусочков-полуфабрикатов подобным системам требуется достаточно большая память; в наши дни такая память уже доступна персональным компьютерам, так что указанные системы,

⁴⁵ Впрочем, совершенная естественность искусственно созданной речи, то есть полное совпадение звучания с человеческим, вовсе не является столь привлекательным качеством, как может показаться на первый взгляд. Опросы общественного мнения показывают, что люди не хотят такого совершенства речи, произносимой автоматами, чтобы её невозможно было отличить от речи, произносимой человеком. Однако этот вопрос относится уже не к прикладной лингвистике, а к прикладной психологии или социологии.

⁴⁶ Метод, в своём развитии, сначала шёл от макроскопических кусочков к микроскопическим, а потом, когда усовершенствовались и способы представления интонации, и способы её воспроизводства компьютером, процесс пошёл в противоположную сторону, но с гораздо более глубоким пониманием того, как интонацию можно «сшивать» из кусочков. Типичный пример развития по спирали.

могут, вообще говоря, быть установлены и в автомобиле. Не будем забывать, однако, что надо ещё обеспечить правильную интонацию. Задача правильного интонирования может решаться, в свою очередь, одним из двух способов.

При первом способе в памяти хранятся полуфабрикаты, уже содержащие в себе все те акустические характеристики, которые необходимы для построения нужной интонации. При таком способе ясна роль полуфабрикатов большой длительности (например, устойчивых словосочетаний); в самом деле, чем длительнее кусочек-полуфабрикат, тем меньшим разнообразием интонационных вариантов он обладает и, следовательно, тем меньшее количество таких вариантов надо хранить в памяти. Помимо только что сказанного, использование кусочков большей длительности повышает естественность звучания, поэтому система, получив транскрипцию текста, пытается прежде всего отыскать в ней те фрагменты, транскрипции которых совпадают с транскрипциями наиболее длительных из заранее запасённых полуфабрикатов.

Для воспроизведения интонации при втором способе система меняет лишь некоторые акустические параметры заранее наговорённых и запасённых кусочков-полуфабрикатов, а именно частоту основного тона, длительность и амплитуду (всего три параметра, что несравненно меньше, чем указанные выше 20—60).

В 1992—1995 годах фонетическая группа кафедры теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета Московского университета под руководством О. Ф. Кривновой⁴⁷ создала первую версию высококачественного синтезатора русской речи по произвольному письменному тексту; синтезатор называется «Текст—Речь», а синтез осуществлён на основе мужского голоса. Я имел возможность убедиться в высоком качестве работы этого синтезатора, набрав на клавиатуре компьютера несколько небольших текстов (в том числе и вопросительных предложений), и все они были озвучены не просто совершенно внятно, но и с требуемой интонацией.

Вот что написала мне Ольга Фёдоровна в октябре 2001 года:

Работа над усовершенствованием системы автоматического синтеза русской речи продолжается и по сей день, она, мне кажется, не имеет конца. В идеале автоматический синтезатор как результат научного лингвистического эксперимента должен хорошо имитировать деятельность человека, который читает тексты разных

⁴⁷ Той самой, которая под именем Ольги Крутиковой была названа на с. 146 при перечислении первого (1965 года) выпуска ОСИПЛа.

речевых жанров и разной степени сложности. Эта деятельность сложна и многоаспектна. Достаточно сказать, что жанр текста связан с целевыми авторскими установками и характеризуется особым употреблением языковых средств всех уровней, в том числе и фонетических. Информационные сообщения, научные статьи, сказки, стихи предполагают разные режимы чтения. Кроме того, человек, читая текст, обычно его осмысляет, а от этого непосредственно зависит, например, расстановка так называемых смысловых акцентов (логических ударений), которые в письменном тексте редко выражены формальными средствами. Сейчас пока неясно, когда удастся и удастся ли вообще когда-нибудь научить компьютер понимать текст и в соответствии с этим его озвучивать так, как это делает человек. Дополнительные, и весьма трудоёмкие исследования требуются также для придания компьютерному голосу живого, человеческого звучания, наделённого широким диапазоном различных эмоциональных оттенков. Эта область также ждёт своих открывателей. В настоящее время наш синтезатор может озвучивать текст двумя голосами — мужским и женским. Разборчивость синтезируемой речи стопроцентная. Озвучивание эмоционально нейтральных небольших текстов довольно близко к естественному человеческому⁴⁸. С помощью синтезатора можно изменять в широких пределах тембр и среднюю высоту голоса, общий темп речи и скорость произнесения каждого слога отдельно.

В общих чертах работу синтезатора можно описать следующим образом. На вход системы подаётся обычный русский текст в электронном виде, то есть последовательность орфографических слов, разделённых пробелами и знаками препинания, представленные в соответствии с действующими в русском языке правилами пунктуации. Шрифт текста — кириллический, то есть содержащий все буквы русского алфавита и все используемые в русских текстах знаки препинания.

Мы не занимались такой задачей, как автоматическое определение языка входного текста (это нужно в системах многоязычного

⁴⁸ Как я понял из устных разъяснений О. Ф. Кривновой, дело тут не в размере текста самом по себе, а в том, что короткие тексты имеют, как правило, более простое синтаксическое строение и потому задачу их надлежащего интонационного оформления удалось решить полностью. Длинные же тексты могут иметь строение столь сложное (как на уровне отдельных предложений, так и на уровне межфразовых анафорических связей), что его полноценное интонационное оформление не охватывается возможностями существующей на сегодняшний день версии синтезатора. — В. У.

синтеза речи) и коррекцией орфографических и пунктуационных ошибок, а также проблемами, которые возникают после сканирования печатного текста. Нет у нас также процедур, необходимых для озвучивания специальных текстов, содержащих формулы, таблицы, много цифр и т. п. Всё это нужно прежде всего для коммерческих (промышленных) систем, у нас же на самом деле чисто исследовательская задача, где решаются вопросы, которые интересны для фонетики, то есть наш синтез — это попытка компьютерного моделирования фонетических явлений при чтении текстов ограниченного пока ещё жанра. Мы занимались немного сокращениями типа «Г-н», «т. п.» и «т. д.», а также озвучиванием аббревиатур типа «МГУ», «США», «ФРГ» и пр.

Текст, поступающий на вход синтезатора, должен быть обязательно проакцентуирован и буква е в нужных словах заменена на букву ё. (Это делается в нашей системе автоматически — имеется соответствующая программа.) После этого полученный акцентуированный текст (или его отдельный фрагмент) с помощью автоматического транскриптора преобразуется в фонетическую транскрипционную запись, которая содержит как интонационную, так и сегментную информацию, необходимую для последующего порождения речевого сигнала. Сам речевой сигнал конструируется следующим образом. Из речи диктора-«донора» берутся акустические фрагменты нужных русских звуков с учётом их контекстного и позиционного варьирования и конкатенируются (склеиваются) в последовательность, которая задаётся озвучиваемым текстом. Эта грубая, первичная и ещё далёкая от естественности основа синтезируемой речи подвергается затем модификации по просодическим правилам, функция которых состоит в том, чтобы придать склеенным фрагментам акустического сигнала нужные просодические характеристики (частоту основного тона, длительность и амплитуду). Эти просодические характеристики вычисляются для каждого отдельного звука данного текстового фрагмента автоматически на основе фонетической транскрипции, построенной для него на предыдущем этапе синтеза. Вычисленные просодические показатели позволяют получить правильную акустическую реализацию выбранного интонационного оформления. Таким образом, пользуясь специальной терминологией, принятой в области синтеза речи, можно сказать, что в нашем синтезаторе используется «гибридный» подход, который совмещает два метода — метод конкатенации и синтез по правилам.

Компьютерная лингвистика

В первой же фразе настоящего Добавления были перечислены некоторые «вечные» задачи прикладной лингвистики, возникшие задолго до появления и тем более до распространения компьютеров (хотя компьютеры и тут могут оказать — и оказывают — помощь). Те же задачи, которые непосредственно связаны с компьютерами, принадлежат к сформировавшемуся в последние десятилетия разделу прикладной лингвистики, получившему имя *компьютерная лингвистика* (по-английски *computational linguistics*).

В настоящее время компьютерная лингвистика интенсивно развивается, по ней проводятся международные конференции, издаются журналы и т. п. (см., например, <http://www.cs.columbia.edu/~acl/home.html>).

Разумеется, границы компьютерной лингвистики (как, впрочем, и всякой отрасли науки) несколько размыты⁴⁹. Тем более, что все науки в какой-то степени компьютеризируются, и лингвистика не составляет здесь исключения. Компьютеризируется, в частности, и такая сравнительно изолированная область лингвистики, как фонетика⁵⁰.

Можно считать, что вся описанная выше проблематика относится именно к компьютерной лингвистике. Единственное, пожалуй, сомнение вызывают стандартизованные языки — но и там компьютерная составляющая в виде работающих в режиме реального времени проверочных программ достаточно существенна.

••► Два достижения русской прикладной лингвистики

Здесь будут упомянуты только два достижения — не потому, что других нет, а потому что именно эти два являются, на наш взгляд, выдающимися событиями. В хронологическом порядке это, во-первых, Грамматический словарь Зализняка, и, во-вторых, Национальный корпус русского языка.

Составленный Андреем Анатольевичем Зализняком Грамматический словарь русского языка содержит — в 4-м издании⁵¹ — около

⁴⁹ Кажется, делавшиеся в конце XIX века попытки определить, что же такое геометрия, привели в конце концов к следующей неопровержимой дефиниции: «Геометрия есть тот раздел математики, который занимающиеся им специалисты называют геометрией».

⁵⁰ Отсылаем читателя к разделу «Прикладная фонетика в компьютерную эпоху» на с. 514—516 только что вышедшего учебника: С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. — М.: Издательский центр РГГУ, 2001.

⁵¹ М.: Русские словари, 2003.

ста десяти тысяч русских слов (лексем) и для каждого из них указывает все его грамматические формы. Иными словами, для каждого слова, называемого в лингвистике именем, то есть для каждого существительного, прилагательного, числительного, местоимения, указываются все формы его склонения, а для каждого глагола — все формы его спряжения. При этом для прилагательных даются также формы сравнительной степени, а для глаголов — формы причастий. Более того, в 4-м издании излагаются правила образования отчеств от личных имён⁵². В последнем абзаце своей замечательной рецензии на первое издание словаря Т. М. Николаева предсказала, что теперь будут говорить «Посмотреть у Зализняка» наподобие тому, как говорили (и говорят) «Посмотреть у Даля», «Посмотреть у Ушакова»⁵³. Это предсказание сбылось.

Подчеркну, что Грамматический словарь был составлен не группой под руководством автора словаря, а лично Зализняком, работавшим в одиночку. В предисловии к 4-му изданию словаря его автор пишет:

Работа делалась вне каких бы то ни было планов Академии наук, и именно это позволило словарю выйти в свет, причём в том виде, который соответствовал замыслу автора: тогдашний директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин требовал от издательства «Русский язык» снять словарь с производства, но издательство, которое в ведомственном отношении было независимо от Академии наук, ему не подчинилось.

Первое издание Грамматического словаря вышло в 1977 году в результате тринадцатилетнего титанического ручного труда — компьютеры тогда были ещё недоступны⁵⁴.

Теоретическое значение Грамматического словаря заключается в том, что впервые было дано исчерпывающее описание русского склонения и русского спряжения. Вряд ли такое было бы возможно без удачных классификационных схем, изобретённых Зализняком и применённых в словаре. Прикладное значение определяется, прежде

⁵² Помню, как Андрей Анатольевич требовал от меня образовать отчества от имён *Ра* и *Хаммурапи*.

⁵³ Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1978. — Т. 37. — Вып. 3. — С. 281—283.

⁵⁴ «Нынешним молодым людям уже трудно представить себе, что эта работа делалась вручну. „Это же немыслимый абсурд — делать такую работу без компьютера“, — доводилось мне слышать. В действительности рабочим инструментом были четыре хлебных лотка, раздобытых в соседней булочной; в каждый входило по 25 тысяч карточек из тонкой бумаги». (Из предисловия А. А. Зализняка к 4-му изданию Грамматического словаря.)

всего, тем, что этот написанный вручную словарь стал основой для всех компьютерных программ, связанных с русскими словарными базами данных, в частности для всех поисковых систем.

Теперь о Национальном корпусе русского языка.

Национальный корпус какого-либо языка исходит из представления об этом языке как о совокупности реальных, то есть произнесённых или написанных, текстов. Он представляет собою подобранную и обработанную по определённым правилам совокупность текстов, используемых в качестве базы для поиска фрагментов этих текстов.

В Национальный корпус русского языка входят как письменные тексты (художественная, научная, религиозная литература, мемуары, публицистика, повседневная печатная продукция), так и записи устных текстов (публичной речи и частных бесед). В корпус также входят подкорпуса поэтических и диалектных текстов, корпуса параллельных текстов (включающих переводы на русский и/или с русского для таких языков, как английский, немецкий, украинский, белорусский и др.), синтаксический, акцентологический и обучающий подкорпуса, а также мультимедийный подкорпус, с аудио- и видеорядом.

Национальный корпус русского языка позволяет указывать в качестве поискового задания точную фразу, отдельную лексему, грамматические признаки лексемы и даже конструкцию — как последовательность языковых единиц, которая задаётся их лексическими и/или грамматическими значениями (мультимедийный корпус имеет дополнительные возможности поиска — по звуковым последовательностям и жестам). В качестве результата поиска даётся перечень всех содержащихся в Корпусе предложений, включающих запрошенный поисковый фрагмент. При этом пользователь, при желании, может ограничиться в своём запросе тем или иным подкорпусом, наложив определённые ограничения на параметры текстов — на жанр, на автора, на время создания и т. п. В частности, можно ограничить тексты временными рамками — только XVIII или только вторая половина XX века — или отсортировать все выданные Корпусом примеры по времени создания текста. Тогда в выдаче окажется множество примеров, по которому можно отследить языковые изменения, произошедшие с данной языковой единицей с XVIII века по настоящий момент. На основе этих примеров можно произвести своего рода исторический мониторинг мелких, плохо заметных сдвигов в употреблении искомой единицы — в частности, изменений в её статистике.

В Корпус постоянно вводятся новые поисковые возможности и новые тексты, поэтому он представляет собою не застывшую, а развивающуюся

структуру. «Объём Национального корпуса русского языка в январе 2008 года составил свыше 52 тыс текстов общим объёмом свыше 149 млн словоупотреблений» (статья «Национальный корпус русского языка» в «Википедии», посещение 23.03.2012). А вот сообщение от 20 января 2012 года на странице <http://ruscorpora.ru/index.html> (посещение 23.03.2012): «Очередное обновление и пополнение ряда корпусов: основного, акцентологического, мультимедийного, параллельного, поэтического, устного. Объём основного корпуса превысил 209 млн словоупотреблений, а общий объём корпусов — 364 млн словоупотреблений».

Национальный корпус русского языка создан и развивается коллективом под руководством Владимира Александровича Плунгяна и Екатерины Владимировны Рахилиной и при активном участии Елены Александровны Гришиной, Ольги Николаевны Ляшевской, Светланы Олеговны Савчук, Дмитрия Владимировича Сичинавы и др. Он был открыт в Интернете по адресу <http://ruscorpora.ru/> для свободного бесплатного пользования с 29 апреля 2004 года. Сайт Корпуса и поиск по нему поддерживаются компанией «Яндекс», сотрудники которой принимали участие также в разработке программного обеспечения Корпуса. ◀●●

Вступительные экзамены по математике на Филологическом факультете МГУ

С 1960 года на Филологическом факультете Московского университета существует отделение структурной и прикладной лингвистики (сперва оно называлось отделением теоретической и прикладной лингвистики). Это отделение призвано готовить специалистов, владеющих методами современного языкознания¹ и способных применять их к решению прикладных задач — как «традиционных», связанных, скажем, с разработкой рациональной орфографии или с составлением кратких, но быстро приводящих к цели учебников того или иного языка, так и «новых», связанных с автоматической обработкой языковой информации с помощью различных технических устройств.

Современное языкознание тесно связано с математикой (говорят даже о «математической лингвистике»). Курс математики на отделении структурной и прикладной лингвистики продолжается в течении 9 семестров из 10 (то есть 4,5 года из 5 лет). Некоторые разделы этого курса не являются обязательными даже на Механико-математическом факультете МГУ: таков, например большой раздел, посвящённый математической логике и теории алгоритмов². Олимпиады школьников, ежегодно (с 1965 года) проводимые Филологическим факультетом МГУ и Мосгороно с целью популяризации знаний в области современного языкознания, включают в себя задачи как языковедческого, так и математического характера (они так и называются: «Олимпиады по языковедению и математике»). Сведения о первых двух олимпиадах и о представленных на них задачах читатель может найти в журнале «Наука и жизнь» за 1965, 1966 и 1967 годы³.

Опубликовано в журнале: Математика в школе. — 1967. — № 2. — С. 38—40.

¹ Слова «языкознание», «языковедение», «лингвистика» означают одно и то же.

² ●► Обязательный курс математической логики (включающий и теорию алгоритмов) был введён на Механико-математическом факультете МГУ лишь с весеннего семестра 1972 года. Инициатором, создателем и первым лектором этого курса был А. Н. Колмогоров. ◀●

³ Материалы первой олимпиады опубликованы в номерах «Науки и жизни» за 1965 год: В. Успенский, Лингвистика, математика и новая традиция —

Было бы полезно, чтобы учителя математики знали (и, быть может, сообщили некоторым из своих учеников) о наличии в составе такого гуманитарного факультета МГУ, как Филологический, отделения с серьёзным преподаванием математики⁴, а также о существовании особого жанра лингвистических задач, имеющих нечто общее с задачами математическими и логическими.

Согласно инструкции Министерства высшего и среднего специального образования СССР (№ И-14 от 23 марта 1966 года), поступавшие в 1966 году на отделения структурной и прикладной лингвистики сдавали в качестве профилирующего вступительный экзамен (письменный и устный) по математике (вместо экзамена по истории СССР, предусмотренного «Правилами приёма» для филологических специальностей). И в 1965 году, и в 1966 году этот экзамен был в МГУ обязательным для медалистов; медалисты, получившие «пять» и на письменном, и на устном экзамене, освобождались от дальнейших экзаменов.

в № 10, с. 53—54; подготовительные задачи — в № 10, с. 55 (формулировки) и 153 (решения); задачи I тура — в № 11, с. 42—43 (формулировки) и 157—158 (решения); задачи II тура — в № 12, с. 83—85 (формулировки) и 145—147 (решения).

Материалы второй олимпиады опубликованы в номерах «Науки и жизни» за 1966 и 1967 годы: А. Вентцель, Вторая олимпиада по языковедению и математике — в № 10 за 1966 год, с. 104—105; задачи I тура — в № 10 за 1966 год, с. 105 (формулировки) и с. 130 (решения), в № 12 за 1966 год, с. 85 (формулировки) и 133—134 (решения), в № 1 за 1967 год, с. 118 (формулировки) и 143—146 (решения); формулировки некоторых задач II тура будут опубликованы на с. 53 в № 4 за 1967 год.

Кроме того, в № 12 «Науки и жизни» за 1965 год указана дальнейшая литература для заинтересовавшихся лингвистическими задачами и связью между лингвистикой и математикой.

► С тех пор по материалам олимпиад были изданы новые сборники лингвистических задач: (1) 200 задач по языковедению и математике / Сост. Б. Ю. Городецкий, В. В. Раскин. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 252 с.; (2) Лингвистические задачи: Книга для учащихся старших классов / Авторы-составители В. М. Алпатов, А. Д. Вентцель и др. — М.: Просвещение, 1983. — 223 с.; (3) Задачи по лингвистике: Учебное пособие. — Ч. 1 / М. Е. Алексеев, В. И. Беликов и др. — М.: [РГГУ], 1991. — 105 с.; ◀► (4) Задачи лингвистических олимпиад. 1965—1975 / Ред.-сост. В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, М. Е. Алексеев. — М.: МЦНМО, 2006. — 570 с. ◀◀

⁴ В «Справочнике для поступающих в высшие учебные заведения СССР в 1966 году» (М.: Высшая школа, 1966) указано, что отделения структурной и прикладной лингвистики имеются в Горьковском, Ереванском, Ленинградском, Московском и Новосибирском университетах; автору этих строк известно, что подготовка специалистов сходного профиля ведётся также в Киевском университете и в 1-м Московском гос. пед. институте иностранных языков. В 1966 году конкурс на отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ составлял примерно 6 человек на место.

Все вступительные экзамены проводятся в СССР по единой программе; однако, совершенно естественно и правильно, что уровень требований на вступительных экзаменах различен для разных вузов, факультетов и отделений. Устный вступительный экзамен на Филологическом факультете МГУ проводится на том же «высшем» уровне требовательности, что и экзамен для поступающих на Механико-математический факультет МГУ «на обучение с отрывом от производства»; основное внимание обращается на умение экзаменуемого отчётливо понимать смысл произносимых им самим слов (во всяком случае, имеется в виду, что такое умение должно оцениваться выше, чем способность решать «на месте» задачи повышенной трудности).

О характере письменного экзамена лучше всего судить по приводимым ниже четырём вариантам заданий, предлагавшихся на этом экзамене в 1966 году⁵. Составители этих заданий стремились к тому, чтобы уровень их трудности приближался к уровню трудности заданий, даваемых обычно на вступительных экзаменах для поступающих на вечернее и заочное отделения Механико-математического факультета МГУ. На решение задач отводилось 5 часов (300 минут). Из 174 человек, пришедших на письменный экзамен, оценку «два» получили 86 человек, а остальные 88 были допущены к устному экзамену; из этих 88 один забрал документы, не дождавшись устного экзамена, и четверо получили «два» на устном экзамене.

Уместно привести некоторые соображения, влиявшие на определение «тематического состава» заданий для письменного экзамена. Задачи на составление уравнений, при всей их традиционности и сравнительной лёгкости (их решило 124 человека, то есть примерно 71%), затрагивают всё же едва ли не самую важную для приложений (в том числе лингвистических) сторон математики — умение описывать в математических терминах наблюдаемые явления. Для лингвистических приложений очень важна также комбинаторика (во всяком случае, гораздо важнее, скажем, стереометрии). Поэтому в каждый вариант была введена комбинаторная задача. Однако посвящённый комбинаторике раздел «Теория соединений» был исключён из программы вступительных экзаменов 1966 года (единой для всей страны). Поэтому (хотя комбинаторные задачи приведённых ниже вариантов не требуют, по существу, знания указанного раздела, а могут быть решены исходя исключительно из здравого смысла) составители заданий во избежание возможных нареканий предложили

⁵ Варианты 1965 года опубликованы в № 1 «Математики в школе» за 1966 год (с. 66—67).

в каждом задании комбинаторную задачу в качестве альтернативной к задаче стереометрической, предоставив выбор самому экзаменуемому. Надо отметить, впрочем, что решившие комбинаторную задачу (а их было 10, то есть примерно 6%), как правило, успешно решали и другие задачи и получали высокие оценки.

В а р и а н т I

11. Из пунктов A и B одновременно навстречу друг другу выехали два велосипедиста, которые встретились в 12 км от пункта B . Продолжая своё движение и доехав до пунктов B и A , они сразу же повернули обратно и снова встретились в 6 км от пункта A . Определить скорости велосипедистов и расстояние AB , если известно, что второй велосипедист вернулся в пункт B через 1 час после того, как первый велосипедист вернулся в пункт A .

12. Решить систему уравнений

$$\begin{cases} 2x^y - x^{-y} = 1, \\ \log_2 y = \sqrt{x}. \end{cases}$$

13. Решить неравенство

$$\log_{\lg x} \sqrt{\sin^2 x - \frac{5}{12}} < -1.$$

14. Из двух следующих задач выберите одну и решите её:

14. а) В куб с ребром a вписан шар. Определить радиус другого шара, касающегося трёх граней куба и первого шара.

14. б) Рассматриваются всевозможные пятибуквенные последовательности, не содержащие других букв, кроме A , B , V (например: $VAAAAB$, $BVVVVV$, $VBAABA$ и т. д.). Сколько среди этих последовательностей таких, в которых буква A встречается не более двух раз, буква B — не более одного раза, а буква V — не более трёх раз?

В а р и а н т II

21. Из пункта A в пункт B выехали одновременно «Москвич» и «Запорожец», скорости которых соответственно 80 км/час и 60 км/час. Спустя 1 час из A в B выехала «Волга», которая прибыла в B через 1 час после того, как обогнала «Москвича». Определить скорость «Волги» и расстояние от A до B , если известно, что «Запорожец» прибыл в B через 2 часа после прибытия туда «Волги».

22. Решить систему уравнений

$$\begin{cases} 4\sqrt{y} = 3^{x-1} + 3, \\ y^2 + 2 \cdot 3^{x-1} \cdot y - 3^{2x-1} = 0. \end{cases}$$

23. Решить неравенство

$$\log_{\operatorname{ctg} x} \left(\frac{1 + \sin x}{1 - \cos x} \right) < 1.$$

24. Из двух следующих задач выберите одну и решите её:

24. а) Два конуса имеют высоты h_1 и h_2 и общее основание радиуса R , а их вершины лежат по разные стороны от плоскости основания. В тело, ограниченное боковыми поверхностями этих конусов, вписан шар. Найти радиус другого шара, который касается как боковой поверхности первого конуса (причём по целой окружности), так и первого шара.

24. б) Про любые две несовпадающие последовательности русских букв можно сказать, которая из них следует за другой по алфавиту (так, последовательность «щц», имеющая длину 2, следует за последовательностью «кякк», имеющей длину 4, последовательность «цю» следует за последовательностью «цхк», а последовательность «ккра» следует за последовательностью «кр»). Сколько существует всевозможных последовательностей, следующих за последовательностью «экзамен» и имеющих длину не большую, чем 3?

В а р и а н т III

31. Из пункта A в пункт B выезжают одновременно мотоцикл и «Победа», а из B в A в тот же момент выезжает «Москвич», который через 5 часов 50 минут прибывает в пункт A . Автомобили встретились через 2 часа 30 минут после выезда, а мотоцикл и «Москвич» встретились на расстоянии 140 км от пункта A . Если бы скорость мотоцикла была в два раза большей, то он встретился бы с «Москвичом» в 200 км от A . Найти скорость мотоцикла, «Москвича» и «Победы».

32. Решить систему уравнений

$$\begin{cases} |x|^{|y|} = |y|^{|x|}, \\ |x|^{\left|\frac{2}{x}\right|} + 2|y|^{\left|\frac{1}{y}\right|} = 3. \end{cases}$$

33. Решить неравенство

$$\log_{\frac{2 \cos x}{\sqrt{3}}} \sqrt{1 + 2 \cos 2x} < 1.$$

34. Из двух следующих задач выберите одну и решите её:

34. а) В двугранный угол, ребро которого совпадает с высотой прямого кругового конуса, вписан шар, касающийся изнутри боковой поверхности и основания конуса. Найти радиус этого шара, если двугранный угол равен φ , образующая конуса равна c , а угол между образующей и высотой равен ψ .

34. б) Рассматриваются всевозможные пятизначные числа, в записи которых нет других цифр, кроме 1, 2 и 3. Сколько среди них чисел с суммой цифр не менее 12?

В а р и а н т IV

41. Поезд должен был пройти расстояние от A до B за определённое время. После трёхчасового пути он был задержан на промежуточной станции на один час и, чтобы прибыть к сроку, оставшуюся часть пути шёл со скоростью, на 4 км/час большей, чем первоначальная. Если бы с такой скоростью он шёл весь путь AB , то он прибыл бы в B на 1 час 12 минут раньше. Найти расстояние AB .

42. Решить систему уравнений

$$\begin{cases} x^2 = 1 + 6 \log_4 y, \\ y^2 = 2^x \cdot y + 2^{2x+1}. \end{cases}$$

43. Решить неравенство

$$\log_{2 \sin x} \sqrt{1 + 2 \cos 2x} < \frac{1}{2}.$$

44. Из двух следующих задач выберите одну и решите её:

44. а) В усечённый конус, у которого радиусы нижнего и верхнего оснований равны R и r , вписан шар. Найти радиус второго шара, который касается первого шара, боковой поверхности усечённого конуса и верхнего основания.

44. б) Среди всевозможных последовательностей, составленных из русских букв, установлен алфавитный порядок. Тем самым для любых двух несовпадающих последовательностей известно, которая из них предшествует другой (например, последовательность «ккгвк», имеющая длину 5, предшествует последовательности «оау», имеющей длину 3, последовательность «иищ» предшествует последовательности «ию», последовательность «пдб» предшествует последовательности «пдбаб»). Сколько существует последовательностей, имеющих длину не более 4 и предшествующих последовательности «бой»?

К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами

§ 1. Историко-библиографические замечания. — § 2. Цепочки и сегменты. — § 3. Перевод, практическая транскрипция, транслитерация. — § 4. Что такое система транслитерации? — § 5. Дальнейшие комментарии к задаче о транслитерации. — § 6. Главные требования, предъявляемые к системам транслитерации. — § 7. Дополнительные требования, предъявляемые к системам транслитерации. — § 8. Предлагаемая система — вариант с диакритическими значками. — § 9. Предлагаемая система — вариант с диграфами. — Литература.

К настоящему времени создано по меньшей мере 26 систем транслитерации русских текстов латинскими буквами; 15 из них действуют и поныне. Цель статьи — во-первых, выяснить, что такое вообще транслитерация, во-вторых, предложить некоторые критерии, позволяющие оценивать различные системы транслитерации, и, в-третьих, рекомендовать некоторую конкретную систему латинской транслитерации русских текстов. Предваряемое замечаниями историко-библиографического характера изложение начинается с краткого уточнения необходимых понятий, связанных с рассматриваемой графической формой языков, и с сопоставления транслитерации с другими способами, посредством которых выражения одного языка передаются выражениями другого языка. Транслитерация понимается как результат (или процесс) применения особого соглашения, называемого «системой транслитерации»; понятию «система транслитерации» даётся точное определение. Уточняется задача о построении системы транслитерации русских текстов латинскими буквами, и формулируются требования, которые целесообразно предъявлять к таким системам. Предлагается система, в значительной степени удовлетворяющая этим требованиям; эта система даётся в двух вариантах: первый вариант использует диакритические значки, но передаёт каждую русскую букву одной-единственной латинской буквой; во втором варианте диакритические значки не применяются, зато некоторым русским буквам приходится ставить в соответствие сочетание из двух латинских.

§ 1. Историко-библиографические замечания

Транслитерация, то есть передача текстов одной письменности при помощи букв другой, приобретает всё большее и большее

Опубликовано в журнале: Научно-техническая информация. — Серия 2. Информационные процессы и системы. — 1967. — № 7. — С. 12—20.

значение в международном обмене информацией. С возрастанием в мировом фонде письменных текстов удельного веса русских текстов возрастает и важность роли, которую призвана играть их латинская транслитерация. Возможные (но отнюдь не все) сферы применения и некоторые принципы создания такой транслитерации разобраны в основополагающей статье Л. В. Щербы [1].

Едва ли не первая система транслитерации русских текстов латинскими буквами была создана в 1901 году особой комиссией Академии наук под председательством академика К. Г. Залемана [2]; выработанные этой комиссией правила были дважды приняты Общим собранием Академии наук: в 1906 году [3] и в 1925 году [4]; больше Общее собрание Академии к этому вопросу не возвращалось. Принятие Академией наук своей системы транслитерации не помешало созданию других систем, в том числе и внутри самой Академии — Отделением литературы и языка АН СССР в 1939 году [1] и Институтом языкознания АН СССР в 1951—1957 годах [5]. К настоящему времени существует свыше 25 систем латинской транслитерации русских текстов. История создания таких систем излагается в статье А. А. Реформатского [5] (где рассматриваются в основном системы, созданные в СССР) и в статье Р. Нейсуэндер [6] (где рассматриваются исключительно англо-американские системы). Помещённые в этих статьях сводные таблицы дают возможность быстро ознакомиться с соответствующими транслитерациями. Мы отсылаем читателя к названным статьям, а также к следующим источникам сведений о других транслитерациях: к журналу «Mathematical Reviews», который два раза в год повторяет публикацию сводной таблицы некоторых важнейших западных систем транслитерации (эта таблица публикуется на последней странице каждого выпуска-указателя; см., например, [7]¹), и к статье Р. О. Якобсона [8].

В настоящей статье делается попытка выяснить, что такое транслитерация русских текстов латинскими буквами, и затем рекомендовать некоторую систему транслитерации.

§ 2. Цепочки и сегменты

Основная практическая задача, вытекающая из существования различных языков, состоит в том, чтобы передать слова, словосочетания и, вообще, тексты одного языка (я з ы к а - и с т о ч н и к а) средствами другого языка (я з ы к а - в о с п р и е м н и к а). Трансли-

¹ Сравнив варианты этой таблицы, опубликованные в разные годы, можно увидеть, как изменяются во времени системы транслитерации.

терация — один из видов такой передачи. Здесь нас будут интересовать языки в их письменной форме, причём языки с линейным расположением элементарных графических знаков (букв алфавита, междусловных пробелов, цифр, знаков препинания и т. д.). Письменности с надстрочными и подстрочными значками легко приводятся к линейному расположению: для этого достаточно считать буквы с этими значками отдельными элементарными знаками. Следовательно, во французской письменности выделятся такие элементарные знаки, как «é», «è», «ë», «ę» и т. д., а в русской акцентуированной письменности такие элементарные знаки, как «á», «é», «í» и т. д.

Любую последовательность элементарных знаков условимся называть цепочкой. Некоторые цепочки не имеют звучания, например: :a;;б, ???, оуь; другие имеют звучание, например *папагиглемма* [35], *лук*, *Вы хотите чаю?* в русском, *bow* в английском. Одна и та же цепочка может иметь несколько звучаний: например, русское *Вы хотите чаю?* звучит по-разному в зависимости от места логического ударения; английское *bow* может звучать как [bau] и как [bou]. Цепочка, имеющая звучание, может иметь или не иметь значения (смысла, плана содержания — здесь мы не различаем эти термины или понятия). Например, *папагиглемма* не имеет значения, а *лук*, *Вы хотите чаю?*, *bow* имеют. Одна и та же цепочка, даже при фиксированном выборе звучания, может иметь различные значения. Такова и русская цепочка *лук*, и английская цепочка *bow* в каждом из её звучаний. (Таким образом, осмысленные сообщения языка суть трёхсторонние объекты, имеющие план содержания, план звукового выражения и план графического выражения.)

Инвентарь элементарных знаков того или иного языка может быть уточнён лишь с известной долей условности. Если понимать, например, русский инвентарь как совокупность знаков, используемых при наборе русских книг, в этот инвентарь войдут математические знаки и латинские и греческие буквы. С другой стороны, вряд ли целесообразно ограничивать русский инвентарь одними только буквами русского алфавита.

Нам будет удобно в инвентаре элементарных знаков каждого из рассматриваемых языков выделить три основные группы:

- 1) внутрисловные знаки, служащие для образования слов (точнее, словоформ);
- 2) цифровые знаки, служащие для образования чисел и «числовых оборотов» (таких, как *40-е*, *№ 17* или § 3);
- 3) элементарные знаки препинания, служащие для организации слов, чисел и числовых оборотов в предложения; к числу

элементарных знаков препинания мы относим и междусловный пробел, обозначая его символом #.

Для русского языка эти группы можно, например, представлять в следующем составе.

66 внутрисловных знаков: 33 строчные буквы, 31 прописная буква (без твёрдого и мягкого знаков²), дефис и апостроф³ (эти 66 знаков и целесообразно было бы называть термином: «русские буквы»);

20 цифровых знаков: арабские цифры 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, знак дроби /, римские цифры⁴ I, V, X, L, C, D, M, знак номера №, знак параграфа §;

16 элементарных знаков препинания: . , : ; ! ? — ([« „)] » “ #

Описанный «минимальный» русский инвентарь можно при необходимости расширять, делая в него различные добавления: так, в первую группу можно добавить акцентуированные гласные буквы (Á, á, Ê, ê и т. д.); во вторую — знаки градуса, процента и т. п.; в третью — угловые и фигурные скобки; можно, наконец, ввести четвёртую группу — «специальные знаки», состоящую из знаков, имеющих специальные сферы применения (математика, лингвистика, шахматы, финансы и т. д.).

Всякую цепочку, содержащую только внутрисловные знаки, условимся называть сегментом. Таким образом, внешняя сторона

² Вопрос о наличии в русской графике прописных твёрдого и мягкого знаков решается разными авторами по-разному. Одни [23] включают их в русский алфавит (рассматриваемый в его печатной форме), другие [22] не включают; третьи [21], рассматривая отдельно печатную и рукописную формы алфавита, включают обсуждаемые знаки в печатный алфавит и не включают в рукописный (заметим, что все три источника, на которые мы сделали ссылки, безоговорочно включают в русский алфавит прописное Ъ). Мы полагаем, что наличие в алфавите языка прописного варианта данной буквы обуславливается не типографскими причинами, а самой системой письма, то есть имеющимися в этой системе противопоставлениями. Поэтому мы относим к числу русских букв прописное еры, но отрицаем существование прописных ера и еря — точно так же, как отрицаем существование прописных дефиса и апострофа. ► Впоследствии автор раскаялся в своих заблуждениях и признал существование прописных ера и еря — см. п. 21.2 на с. 541—543 настоящей книги. ◀ Разумеется, конкретное изображение любой строчной буквы (в том числе ера, еря, дефиса и апострофа) может иметь весьма большой размер; в особых случаях (а именно, в капительных шрифтах) строчные буквы имеют даже начертания соответствующих прописных, не переставая от этого быть строчными.

³ Апостроф употребляется в составе фамилий (*д'Артуа*, *О'Коннор*); считать, что «сейчас апостроф заменён „ъ“» [26], так же неверно, как считать, что орфографическая реформа 1917—1918 годов отменила «ъ».

⁴ Для целей нашего изложения нам удобно считать, что римские цифры десять, сто и тысяча суть иные знаки, чем русские прописные буквы ха, эс и эм.

каждого слова (словоформы) есть сегмент. Всякую цепочку, не содержащую ни одного внутрисловного знака, условимся называть *лакуной*. Любая цепочка предстаёт как последовательность перемежающихся сегментов и лакун. Например, цепочка

Нет ли 1-го, 12-го и 20-го изданий „Сонаты № 8“?

состоит из сегментов

Нет ли -го -го и -го изданий Сонаты

и лакун

#1 ,#12 # #20 # #, #№#8“?

§ 3. Перевод, практическая транскрипция, транслитерация

Обращаясь к основным способам, посредством которых цепочки языка-источника передаются цепочками языка-восприемника, можно различить по меньшей мере три разных цели такой передачи.

1. Требуется передать *значение* цепочки, то есть подобрать в языке-восприемнике такую цепочку, одно из значений которой было бы, насколько это возможно, похожим на одно из значений исходной цепочки. Так, русская цепочка *лук* передаётся английской цепочкой *onion*, а также английской цепочкой *bow*⁵; в свою очередь, английская цепочка *bow* передаётся русской цепочкой *нос* (со значением ‘нос корабля’), а также русской цепочкой *смычок*. Русская цепочка *отряд* передаётся французской цепочкой *détachement*, немецкая цепочка *Wanduhr* — русской цепочкой *стенные часы*. Русская цепочка *Москва* передаётся французской *Moscou* и немецкой *Moskau*, русская *Париж* — французской *Paris* и итальянской *Parigi*, английская *New York* — русской *Нью-Йорк* и испанской *Neuva York*, русская *Новая Земля* — французской *Nouvelle Zemble* и немецкой *Nowaja Semlja*, русская *Людовик XVII* — французской *Louis XVII*. Так найденная цепочка языка-восприемника называется *переводом* исходной цепочки⁶; в другом смысле словом «перевод» обозначается также процесс нахождения перевода в первом смысле. Искать

⁵ А также быть может, ещё какой-нибудь английской цепочкой: в этом и всех последующих примерах этого параграфа нигде не предполагается, что приведённые цепочки языка-восприемника являются единственными цепочками, передающими в том или ином смысле заданные цепочки языка-источника.

⁶ Автор, соглашаясь с А. А. Реформатским [5], полагает, что в приведённых только что примерах встречались именно переводы собственных имён.

перевод₁ (осуществлять перевод₂) уместно лишь для осмысленных цепочек языка-источника⁷.

2. Требуется передать звучание цепочки, то есть подобрать в языке-восприемнике такую цепочку, одно из звучаний которой было бы, насколько это возможно, похожим на одно из звучаний исходной цепочки. Например, английская цепочка *bow* передаётся в русском языке как *бай*, а также как *боу*, русская цепочка *Москва* передаётся во французском как *Mosquoi*, а также как *Moskoua*. Русская цепочка *чушь* передаётся во французском как *tchouche*, в немецком — *Tschusch*, в английском — *choosh*, в итальянском — *ciusci*, в польском — *czusz*, в шведском — *tjosj*, в венгерском — *csus*, в чешском — *čiš*; русская цепочка *Людovic XVII* передаётся во французском как *Ludovique cimenatsatille*. Так найденная цепочка языка-восприемника называется практической транскрипцией исходной цепочки; в другом смысле словом «практическая транскрипция» обозначается также процесс нахождения практической транскрипции в первом смысле⁸. Искать транскрипцию₁ (осуществлять транскрипцию₂) уместно уже не только для осмысленных цепочек, а для любой цепочки, имеющей звучание. Так, можно искать транскрипцию цепочки *панагиглемма*, но не цепочек «???» и «оуь»⁹. Можно различать два подхода к тому, как звучание соотносится с цепочкой и, сообразно с этим, два вида практической транскрипции.

2а. С цепочкой соотносится её реальное звучание, получающееся по существующим в данном языке правилам чтения цепочек. Тогда имеют место соответствия: русская цепочка *отряд* — французская *atriète*; русская *союз* — французская *saïousse*, немецкая *Wanduhr* — русская *вантур*; русская *Париж* — французская *Pariche*; немецкая *Müller* — русская *Мюлер*. Такую практическую транс-

⁷ Более традиционно искать перевод не просто для цепочки, а для цепочки в данном её значении, то есть для пары (цепочка, значение) и считать переводом, скажем, пары (лук, овощ) пару (onion, овощ), а переводом пары (лук, оружие) — пару (bow, оружие). Здесь нас интересуют, однако, соответствия между цепочками как таковыми и потому каждая из английских цепочек *onion* и *bow* объявляется в силу данного выше определения переводом русской цепочки *лук*.

⁸ Термин «практическая транскрипция» заимствован у А. А. Реформатского [13], [14]. Практическую транскрипцию нередко называют транслитерацией, однако мы этого делать не будем, имея в виду сохранить термин «транслитерация» для главного предмета данной статьи.

⁹ Более традиционно искать практическую транскрипцию не просто для цепочки, а для цепочки в данном её звучании, то есть для пары (цепочка, звучание). Здесь можно лишь повторить то, что говорилось уже по поводу перевода.

крипцию естественно называть реальной практической транскрипцией.

26. С цепочкой языка-источника соотносится её идеализированное звучание, получающееся, если каждой букве или буквосочетанию отнести некоторое идеализированное «основное чтение»¹⁰; это идеализированное звучание передаётся реальным звучанием цепочки языка-восприемника. Тогда имеют место соответствия: русская цепочка *отряд* — французская *otriade*; русская *союз* — французская *soïouze*; немецкая *Wanduhr* — русская *vandur*; русская *Париж* — французская *Parige*; немецкая *Müller* — русская *Мюллер*. Такую практическую транскрипцию естественно называть идеализированной практической транскрипцией¹¹.

3. Требуется передать написание цепочки, то есть подобрать в языке-восприемнике такую цепочку, которая считалась бы отражающей написание исходной цепочки. Так найденная цепочка языка-восприемника называется транслитерацией исходной цепочки; в другом смысле словом «транслитерация» обозначается также процесс нахождения транслитерации в первом смысле. Искать транслитерацию₁ (осуществлять транслитерацию₂) уместно для любой цепочки языка-источника, в том числе и для таких цепочек, как «???» или «оу». Разумеется, этим ещё ничего не определено: слова «считалась бы отражающей» нуждаются в пояснении. Если имеется в виду внешнее сходство графической формы, то русская цепочка «рыба» может быть передана во французском языке как «pbiba», а английская «sig» в русском как «сиг» (а в написании от руки английская «gипоиr» как русская «читоич»). Обычно, однако, и при транслитерации отдают предпочтение сходству звучаний («правда, ... не без некоторых небольших реверансов в сторону написания» [12], которые и отличают транслитерацию от практической транскрипции.

Всё сказанное только что о транслитерации остаётся, конечно, достаточно неопределённым. Это связано, как нам кажется, с отсутствием в настоящее время ясного понимания того, что такое

¹⁰ Об основных чтениях (называемых также «главными звуковыми значениями») см. в учебнике [16]. Основные чтения русских букв приведены в очерке [17]. В общем случае задача выявления идеализированного звучания не поставлена достаточно чётко: требуется задать не только основные чтения букв и буквосочетаний, но и правила сегментации цепочек на эти буквы и буквосочетания.

¹¹ Идеализированную практическую транскрипцию не следует смешивать с фонематической транскрипцией [18]: в первой *злого* передаётся как *zlogo*, во второй как *zlova*.

транслитерация (если только не отождествлять её с практической транскрипцией). В настоящей статье мы решаемся предложить следующее понимание.

а) Транслитерация любой цепочки строится посредством того, что отдельно находятся транслитерации сегментов и лакун, составляющих эту цепочку, после чего каждый такой сегмент и каждая такая лакуна заменяется своей транслитерацией.

б) Транслитерация лакуны совпадает с самой этой лакуной (разве что русский знак «№» заменяется на «Ng», «No», «no.», «no» или тому подобное). ●●► Замечание В. М. Алпатова:

«Совпадает с самой этой лакуной» — если говорить о латинском алфавите, это в основном верно, но для транслитерации вообще это не так (в арабском, японском и др. письме лакуны иные).

◄●●

в) Транслитерацией сегмента языка-источника служит некоторый сегмент языка-восприемника. Образование этого сегмента определяется специальным соглашением; это соглашение будем называть системой транслитерации. Возможны различные такие соглашения — различные системы транслитерации, поэтому рассматривать транслитерацию какой-либо цепочки можно не вообще, а лишь относительно какой-либо системы. Итак, коль скоро задана система транслитерации, то транслитерацией цепочки называется то, что соответствует исходной цепочке в силу заданной системы.

г) Системой транслитерации мы будем называть не любое мыслимое соглашение, устанавливающее соответствие между сегментами языка-источника и цепочками языка-восприемника, а лишь соглашения некоторых стандартных типов, которые будут описаны в следующем параграфе.

д) Близость звучаний не будет включаться в определение понятия «система транслитерации», а будет фигурировать в качестве важного свойства, которым могут обладать (а могут и не обладать) системы транслитерации. (Системы, представляющие практический интерес, должны, по-видимому, обладать этим свойством.)

Таким образом, если даны две цепочки — одна в языке-источнике, другая в языке-восприемнике, то можно обсуждать вопрос, является ли вторая переводом или практической транскрипцией первой; вопрос, является ли вторая цепочка транслитерацией первой, остаётся беспредметным до тех пор, пока не указана система транслитерации.

§ 4. Что такое система транслитерации?

Мы опишем здесь два типа систем транслитерации — бесконтекстные системы и контекстные системы.

Бесконтекстной системой транслитерации условимся называть всякое соглашение, определяющее преобразование сегментов языка-источника в сегменты языка-восприемника и задаваемое следующим образом.

1. Предъявляется список сегментов языка-источника, называемых базисными знакосочетаниями. Предполагается, что базисное знакосочетание не может быть пустым, то есть должно содержать хотя бы один элементарный знак. Не исключается, что базисное знакосочетание содержит ровно один элементарный знак.

Пример 1. Следующий список может быть предъявлен для немецкого языка (но не для английского и не для французского ввиду отсутствия в них буквы «ä»): a, d, e, r, s, t, u, W, ch, eu, chs, sch, tăn, stăn, tsch.

2. Предъявляется таблица, в которой для каждого базисного знакосочетания указывается некоторый сегмент языка-восприемника, называемый образом данного базисного знакосочетания. В качестве образа может выступать и пустая (то есть не содержащая ни одного знака) цепочка; пустая цепочка обозначается символом Λ. Такая таблица называется бесконтекстной транслитерационной.

Пример 2а. Вот пример бесконтекстной транслитерационной таблицы для немецкого языка в качестве языка-источника, русского языка в качестве языка-восприемника и списка из примера 1 в качестве списка базисных знакосочетаний:

a	d	e	r	s	t	u	W	ch	eu	chs	sch	tăn	stăn	tsch
а	д	э	р	с	т	эь	В	хь	ой	кс	ш	тэн	штэн	ч

Пример 2б. Вот другой пример бесконтекстной транслитерационной таблицы для тех же языков и того же списка:

a	d	e	r	s	t	u	W	ch	eu	chs	sch	tăn	stăn	tsch
м	н	ик	Λ	ы	ь	Эь	у	У	емецк	в	ывал	аль	ь	ий

3. Подлежащий транслитерации сегмент языка-источника разбивается на базисные знакосочетания, причём таким образом, чтобы это разбиение нельзя было укрупнить путём слияния соседних элементов разбиения, то есть, чтобы при любой попытке такого слияния

получающееся разбиение уже переставало бы быть разбиением на базисные знакосочетания.

Пример 3. Предположим, что базисные знакосочетания таковы, как в примере 1. Тогда сегмент *stät* вообще не может быть разбит указанным способом. Сегмент *deutsch* разбивается единственным образом: *d|eu|tsch* (но не так: *d|e|u|t|s|ch* и не так: *d|eu|t|sch*, поскольку оба эти разбиения могут быть укрупнены). Сегмент *Waschständer* может быть разбит двумя способами: *W|a|s|chs|tän|d|e|r* и *W|a|sch|stän|d|e|r*.

4. После того, как произведено неукрупняемое разбиение исходного сегмента на базисные знакосочетания, каждый элемент разбиения заменяется на его образ.

5. Полученный сегмент языка-восприемника объявляется окончательным результатом преобразования. Этот результат называется транслитерацией исходного сегмента (относительно рассматриваемой системы).

Пример 4. Для системы, вытекающей из таблицы примера 2а, немецкие сегменты *Kohl* и *stät* вообще не имеют транслитераций, сегмент *deutsch* имеет одну-единственную транслитерацию *дойч*, сегмент *Waschständer* имеет две транслитерации: *Васкстэндэр* и *Вашиштэндэр*. Для системы, вытекающей из таблицы примера 2б, сегмент *deutsch* имеет единственную транслитерацию *немецкий*, а сегмент *Waschständer* имеет единственную транслитерацию *умывальник*.

Чтобы описать контекстные системы транслитерации, придётся ввести некоторые термины. Один и тот же сегмент может иметь несколько вхождений в другой сегмент: например, сегмент *st* имеет два вхождения в сегмент *sturmfest* (подробнее см. [18]). Выберем какое-нибудь вхождение сегмента α в сегмент β . Мы скажем, что это вхождение есть вхождение «с левым контекстом #», если α служит началом для β : так, первое вхождение *st* в *sturmfest* является вхождением с левым контекстом #. Аналогично, выбранное вхождение назовём «вхождением с правым контекстом #», если α служит концом для β ; второе вхождение *st* в *sturmfest* является вхождением с правым контекстом #. Теперь, кроме фиксированного вхождения α в β рассмотрим ещё некоторый сегмент γ . Мы скажем, что данное вхождение α в β есть «вхождение с левым контекстом γ », если, отсчитав в сегменте β влево от рассматриваемого вхождения α столько знаков, сколько их есть в γ , мы получим как раз сегмент γ . Так, можно утверждать, что сегмент *mfe* входит в *sturmfest* с левым контекстом *ur*, а также с левым контекстом *stur* и с левым контекстом Λ . Аналогично мы скажем, что данное

вхождение α в β есть вхождение «с правым контекстом γ », если, отсчитав в β вправо от рассматриваемого вхождения столько знаков, сколько их содержит γ , мы получим сегмент γ . Так, *mfe* входит в *sturmfest* с правыми контекстами Λ , *s*, *st*. Назовём контекстом любую пару цепочек $\langle \gamma_1, \gamma_2 \rangle$, в которой каждая из цепочек γ_1 , γ_2 есть либо сегмент, либо одночленная цепочка $\#$. Будем говорить, что данное вхождение α в β есть «вхождение в контексте $\langle \gamma_1, \gamma_2 \rangle$ », коль скоро оно есть одновременно вхождение с левым контекстом γ_1 , и вхождение с правым контекстом γ_2 . Например, первое вхождение *st* в *sturmfest* есть вхождение в контексте $\langle \#, \Lambda \rangle$, в контексте $\langle \#, u \rangle$, в контексте $\langle \#, ur \rangle$ и т. д.; второе вхождение *st* в *sturmfest* является вхождением в контекстах $\langle \Lambda, \# \rangle$, $\langle e, \# \rangle$, $\langle fe, \# \rangle$ и т. д. Тривиальным образом каждое вхождение α в β является вхождением в контексте $\langle \Lambda, \Lambda \rangle$; контекст $\langle \Lambda, \Lambda \rangle$ условимся называть пустым.

Контекстной системой транслитерации условимся называть всякое соглашение, определяющее преобразование сегментов языка-источника в сегменты языка-восприемника и задаваемое следующим образом.

1. Предъявляется список непустых сегментов языка-источника, называемых базисными знакосочетаниями. С каждым базисным знакосочетанием сопоставляется некоторый список контекстов, также называемых базисными.

2. Предъявляется так называемая контекстная транслитерационная таблица, в которой для каждого базисного знакосочетания и каждого соотнесённого с ним базисного контекста указывается некоторый сегмент языка-восприемника, называемый образом данного знакосочетания в данном контексте.

Пример 5. Вот пример контекстной транслитерационной таблицы для немецкого языка в качестве языка-источника и русского языка в качестве языка-восприемника.

Базисные знакосочетания	a	e			u	h	
Базисные контексты	$\langle \Lambda, \Lambda \rangle$	$\langle \Lambda, h \rangle$	$\langle \Lambda, r \rangle$	$\langle \Lambda, s \rangle$	$\langle \Lambda, \Lambda \rangle$	$\langle \Lambda, r \rangle$	$\langle \#, e \rangle$
Образы	a	ээ	э	э	y	Λ	x
Базисные знакосочетания	г	s			mf	st	
Базисные контексты	$\langle \Lambda, \Lambda \rangle$	$\langle \#, e \rangle$	$\langle \#, t \rangle$	$\langle \Lambda, \# \rangle$	$\langle \Lambda, \Lambda \rangle$	$\langle \Lambda, \# \rangle$	$\langle \#, \Lambda \rangle$
Образы	p	з	ш	с	мф	ст	шт

3. Для подлежащего транслитерации сегмента находится неукрупняемое разбиение на базисные знакосочетания.

4. Для каждого элемента найденного разбиения и каждого базисного контекста, отнесённого этому элементу как базисному знакосочетанию, решается вопрос, является ли данное вхождение этого базисного знакосочетания в транслитерируемый сегмент вхождением в этот контекст. Если (и только если) вопрос решается положительно, то элемент разбиения заменяется на свой образ (в данном контексте).

Пример 6. Сегмент *sturmfest* разобьётся в условиях примера 5 следующим образом: *st|u|r|mf|e|st*. Для первого элемента разбиения *st* и базисного контекста $\langle \Lambda, \# \rangle$ вопрос решается отрицательно, а для этого же элемента и базисного контекста $\langle \#, \Lambda \rangle$ — положительно; поэтому в данном случае *st* следует заменить на *шт*. Для шестого элемента разбиения (*st*) и базисного контекста $\langle \#, \Lambda \rangle$ вопрос решается отрицательно, а для этого же элемента и базисного контекста $\langle \Lambda, \# \rangle$ — положительно; поэтому в данном случае *st* следует заменить на *ст*.

5. Полученный сегмент языка-восприемника объявляется окончательным результатом преобразования. Этот результат называется транслитерацией исходного сегмента (относительно рассматриваемой системы).

Пример 7. Для немецких сегментов *sehr*, *heraus*, *sturmfest* таблица из примера 5 даст русские транслитерации *зээр*, *хэраус*, *штурмфэст*.

Замечание 1. Каждую бесконтекстную систему легко представить в виде контекстной. Для этого достаточно каждому базисному знакосочетанию отнести в качестве единственного базисного контекста пустой контекст. Так полученная контекстная система будет давать те же транслитерации, что и исходная бесконтекстная.

Замечание 2. Системы транслитерации задаются своими транслитерационными таблицами. В силу замечания 1 можно считать все эти таблицы контекстными. При практическом оформлении этих таблиц, например, при всех обычных формулировках существующих систем, пользуются рядом сокращений и оборотов речи. Прежде всего, всюду опускают пустой контекст. Вместо указания контекста $\langle \#, \Lambda \rangle$ пишут: «в начале слова»; вместо указания контекста $\langle \Lambda, \gamma \rangle$ пишут: «перед γ »; вместо указания контекста $\langle \gamma_1, \gamma_2 \rangle$ пишут: «после γ_1 и перед γ_2 » или «между γ_1 и γ_2 » и т.д. Кроме того, широко пользуются такими «обобщающими контекстами», как «после согласной», «перед гласной».

З а м е ч а н и е 3. Хотя близость звучаний не включается в наше понимание того, что есть система транслитерации, она является одним из важнейших критериев оценки качества таких систем. Система считается тем лучшей, чем больше звучание транслитерации приближается к звучанию исходной цепочки, то есть чем сильнее транслитерация приближается к практической транскрипции (реальной или идеализированной). Поэтому, например, система из примера 2а лучше системы из примера 2б. Разумеется, этот критерий не позволяет строго упорядочить системы по их качеству. Действительно, одна система может давать лучшее, чем другая, приближение для одних исходных цепочек и худшее для других; можно придумать две системы, про которые затруднительно было бы сказать, какая из них лучше с точки зрения обсуждаемого критерия. Впрочем, для языков-источников, не допускающих двух звучаний одной цепочки, можно, по-видимому, составив невероятно большую транслитерационную таблицу (скажем, с включением в неё в качестве базисных знакосочетаний всех словоформ языка-источника), предложить систему, которая была бы лучше всякой другой; однако изложенный способ построения такой системы вряд ли имеет какое-нибудь практическое значение. Если же в языке-источнике возможны цепочки, имеющие более одного звучания, то и этот способ не годится (какая система транслитерации лучше: та, в которой английская цепочка *bow* преобразуется в *bau*, или та, в которой *bow* преобразуется в *bou*?).

§ 5. Дальнейшие комментарии к задаче о транслитерации

1. До сих пор мы рассматривали проблему транслитерации как двуязычную проблему. Однако её можно поставить шире, как она обычно и ставится: для классов языков с общей графической основой. Дело в том, что для задания системы транслитерации не надо знать ничего, кроме инвентаря внутрисловных знаков языка-источника и инвентаря внутрисловных знаков языка-восприемника. Коль скоро заданы эти инвентари, называемые *инвентарём-источником* и *инвентарём-восприемником* (а языки не указаны), то может быть задана система транслитерации (хотя, разумеется, в этом случае в значительной степени отпадает фонетический критерий оценки).

2. В настоящей статье в качестве инвентаря-источника берётся инвентарь внутрисловных знаков русского языка (*русский в ну -*

трисловный инвентарь), а в качестве инвентаря-восприемника — инвентарь внутрисловных знаков языков, основанных на латинской графике (латинский внутрисловный инвентарь).

Чтобы уточнить инвентарь-восприемник, мы разобьём его на три части: 1) дефис и апостроф; 2) 52 строчные и прописные латинские буквы без диакритических значков; 3) латинские буквы с диакритическими значками. Эту последнюю часть можно мыслить более узко, включая в неё лишь те буквы с диакритическими значками, которые реально встречаются в языках рассматриваемого класса¹², или более широко, включая в неё в качестве элементарного знака любую из 52 латинских букв с любым из возможных диакритических значков (хотя бы такое сочетание буквы и значка реально не встречалось). Например, при узком понимании знак «х» («икс с гачеком») не входит в латинский внутрисловный инвентарь, а при широком входит.

3. Традиционные транслитерации сохраняют неизменными дефис и апостроф (хотя, как мы увидим ниже, передача русского апострофа латинским апострофом может оказаться нецелесообразной). Поэтому при задании системы транслитерации считают достаточным брать в качестве исходного инвентаря-источника лишь список 66 русских букв или даже только список 33 строчных русских букв с распространением полученной системы и на прописные буквы (такое распространение не вызывает затруднений лишь в простейших случаях, к которым, впрочем, относятся все существующие системы).

4. Как отмечалось в § 1, существует много различных систем транслитерации русских букв латинскими. Автору известно 26 сформулированных в явном виде систем транслитерации¹³; лишь 11 из них имеют только исторический интерес — 15 конкурируют друг с другом сегодня.

Наличие 15 конкурирующих друг с другом систем заставляет предполагать, что каждая из них чем-то не удовлетворяет приверженцев другой системы. Вместе с тем не разработаны критерии оценки транслитерационных систем, которые позволили бы отдать

¹² См. списки таких букв на с. 13 пособия [15], на с. 303—307 определителя [19], а также на обложках авторских указателей к Реферативному журналу ВИНТИ.

¹³ Кроме того, имеются, по-видимому, системы, не имеющие опубликованной явной формулировки, но с достаточной последовательностью проводимые в жизнь отдельными лицами или отдельными изданиями. Такова, например, система, применяемая в *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*.

одной из таких систем предпочтение перед другими (единственным практическим критерием сейчас может служить, пожалуй, лишь пространённость той или иной системы). Представляется поэтому целесообразным:

1) сформулировать некие общие требования, которым должна отвечать «хорошая» система транслитерации;

2) оценить с точки зрения этих требований существующие системы;

3) предложить систему (выбранную из существующих или построенную заново), отвечающую этим требованиям.

В следующих параграфах настоящей статьи делается попытка решить первую, третью и отчасти вторую из перечисленных задач: в §§ 6 и 7 будут сформулированы некоторые требования и даны — в необходимых случаях — сведения о их выполнении в существующих системах; в §§ 8 и 9 будет изложена система, возникающая на основе этих требований.

5. Требования, о которых идёт речь, должны согласовываться с той ролью, которая отводится системам транслитерации. Мы считаем, что система транслитерации должна быть едина и использоваться в качестве универсальной во всех случаях, где применяется или может применяться латинская транслитерация русских текстов. Поэтому нам представляется слишком узкой та формулировка назначения транслитерации, которая приведена в рекомендации Международной организации по стандартизации: «Единственная задача транслитерации, употребляемой главным образом в библиографической и библиотечной работе, — дать возможность печатать нелатинские тексты на пишущих машинках и других аппаратах, имеющих только латинский шрифт с небольшим количеством дополнительных знаков (диакритических и т. д.)» ([11], с. 33). И хотя главными точками приложения любой системы транслитерации ещё долгое время будут, по-видимому, транслитерация русских фамилий и географических названий [1], библиографические документы [9] и международный телеграф [8], её, эту систему, предлагается рассматривать в качестве единого способа, посредством которого русские слова погружаются в письменный текст каждого языка, использующего латинскую графику. Могут возразить, что единый способ, при котором транслитерация русского слова (скажем, русской фамилии) оказывается членом сразу многих языков, невозможен, поскольку правила чтения различны в различных языках и произношение исходной фамилии будет искажено. Но ведь именно такова прочная (и правильная!) традиция употребления фамилий одного западного языка в другом. «Народы,

пользующиеся для своей письменности латиницей, <...> в фамилиях и географических названиях сохраняют во всех языках правописание оригинала, совершенно не заботясь о том, как он будет произноситься в том или ином языке» [1].

§ 6. Главные требования, предъявляемые к системам транслитерации

1. Общеприменимость. Система должна давать латинскую транслитерацию для л ю б о й русской цепочки, то есть для любой цепочки элементарных знаков русского инвентаря, а не только для значимых слов и осмысленных текстов. Произвольные сочетания русских букв могут встретиться не только в таких специфических ситуациях, как при обозначении серии паспорта или ассигнации или в составе номера автомобиля, но и в аббревиатурах (среди которых встречаются такие экзотические сочетания строчных букв с прописными, как *ЕрПИ, кЭВ, СевНИИГиМ* [31]) и даже в составе собственных имён¹⁴, и уж подавно в названиях произведений печати, подлежащих библиографической транслитерации. Большинство существующих систем удовлетворяет требованию общеприменимости. Исключение составляют:

1) небольшое число систем, в которых не указываются латинские образы для одной из букв *ѐ, э* или *ѣ* (таковы, например, системы журналов «Bulletin signalétique» и «Journal of Symbolic Logic»);

2) система Института языкознания АН СССР [5]; в этой системе отсутствует указание, как должно передаваться сочетание *ѣи*; к тому же, если считать букву *ѣ* не гласной, не согласной, а полугласной (как это делается в учебниках для школ и педучилищ; см. [21]), то эта система не даст способов передачи сочетаний *ѣе, ѣѣ, ѣи, ѣю, ѣя* (а, следовательно, не даст транслитераций таких слов, как *фейерверк, майя* и т. п.).

2. Однозначность. Латинская транслитерация русской цепочки должна быть единственна. Этому требованию удовлетворяет большинство систем, но не все. Требованию однозначности не удовлетворяет, например, общесоюзный стандарт 1935 года «ОСТ 8483» [5], в котором о некотором знаке говорится, что он «может опускаться». Если система контекстная, то необходимо, чтобы описание этих контекстов было сделано достаточно формально. Этому условию не

¹⁴ Так, в одном из рассказов Станислава Лема [34] в качестве собственных имён употреблены сочетания букв *НГТРС* и *ПВДРК*.

удовлетворяет система Нью-Йоркской публичной библиотеки [6], в которой буква *g* должна кодироваться как *u* в окончаниях родительного падежа и как *g* в остальных случаях. Чтобы сделать эту систему однозначной, нужно составить формальные правила отличения слов в родительном падеже от всех других сегментов, оканчивающихся на *ого*, *его*. По сходной причине неоднозначна и система Института языкознания [5]: чтобы довести эту систему до однозначности, её нужно дополнить перечнем гласных и согласных букв¹⁵.

3. Обратимость. Любая цепочка русских внутрисловных знаков должна однозначно восстанавливаться по своей латинской транслитерации. Это значит, что не должно быть двух несовпадающих русских сегментов, имеющих одну и ту же латинскую транслитерацию. Ясно, что заведомо не удовлетворяют требованию обратимости системы, в которых 1) предписывается опускать *ѣ*, или 2) *е* и *э* передаются одинаково, или 3) *ш* передаётся как *š*, *ч* как *č*, а *щ* как *šč*, или 4) *й* всегда передаётся как *j*, *а* как *a*, а *я* как *ja* и т. п. По перечисленным или аналогичным причинам не являются обратимыми 24 из существующих 26 систем. Так, система Института языкознания [5] даёт одну и ту же транслитерацию для слов *сер* и *сэр*; для фамилий *Пен* и *Пэн* [33]; для слов *веснущатый* [30] и *веснушчатый* [29]; для слов *Майано* и *Маяно* [32]; для слов *Булонский* и *Бульонский*. Только две системы — система Библиотеки Конгресса США [6], [7] и вторая из двух систем, предложенных Р. О. Якобсоном [8], — обладают свойством обратимости. При этом в системе Библиотеки Конгресса обратимость достигается за счёт применения лиг — надстрочных дуг, простирающихся над несколькими буквами сразу; например, *щ* транслитерируется как *shch*. Однако такая система лишь с натяжкой может быть названа системой латинской транслитерации: ведь подобных лиг не знает ни один основанный на латинской графике язык. Не случайно знак лиги применяется, как указывает Р. Нейсуэндер [6], лишь в самой Библиотеке Конгресса и не применяется в других местах, где используется эта система (ср. изложение этой системы в [5]), а без лиг система теряет свою обратимость.

¹⁵ Необходимость в таком перечне не является простой формальностью. Действительно, если мы попытаемся делить буквы на гласные и согласные сообразно качеству обозначаемых ими звуков, то обнаружим, что авторитетные руководства расходятся в вопросе о самом этом качестве: академическая «Грамматика» [24] относит звук *й* к числу среднеязычных согласных, а энциклопедия [25] указывает, что «в системе русского письма „Й“ обозначает неслоговой гласный (отнюдь не согласный среднеязычный...)».

4. Фонетическая непротиворечивость. Это требование гораздо более расплывчато, чем первые три, и состоит в том, что фонетическая интерпретация участвующих в транслитерациях букв и буквосочетаний латинского алфавита, возникающая при попытке сделать чтение транслитераций похожим на чтение исходных русских цепочек, по возможности, должна не противоречить интерпретации этих букв и буквосочетаний в языках, использующих латиницу (об этих последних интерпретациях см. [15]). Более точно, произнесение базисного русского знакосочетания (в соответствии с русскими правилами чтения) не должно сильно отличаться от произнесения образа этого знакосочетания, допускаемого правилами чтения хотя бы одного из рассматриваемых языков с латинской графической основой. Это требование оставляет для буквы *ц* возможность транслитерироваться как *c* (потому что это допускается немецким произношением), для буквы *ч* — возможность транслитерироваться как *ch* (потому что это допускается английским произношением), а для буквы *щ* — возможность транслитерироваться как *ŝ* (поскольку буквы *ŝ* вообще нет в языках с латинской графической основой, и, следовательно, нельзя сказать, что произнесение буквы *щ* сильно отличается от произнесения буквы *ŝ*). Из двух систем, предложенных Р. О. Якобсоном [8], первая, необратимая, удовлетворяет требованию фонетической непротиворечивости, а вторая, обратимая, этому требованию не удовлетворяет (буквы *ё, ж, ч, ш, ъ, ь, э, ю, я* передаются в этой системе как *ho, hz, hc, hs, w, q, he, hu, ha*).

§ 7. Дополнительные требования, предъявляемые к системам транслитерации

Все требования настоящего параграфа, подобно последнему требованию предыдущего параграфа, не имеют формального характера.

1. Простота системы. В конечном счёте это требование сводится к тому, что процесс транслитерации не должен занимать много времени. Это время, конечно, трудно оценить. Можно предположить, что время транслитерации тем меньше, чем «проще» устроен список базисных знакосочетаний (желательно, чтобы он не допускал различных разбиений транслитерируемого сегмента и чтобы одно базисное знакосочетание не оказывалось частью другого) и чем компактнее транслитерационная таблица. Наиболее простыми являются, пожалуй, бесконтекстные системы по буквенной

транслитерации, в которых список базисных знакосочетаний состоит просто из русских букв (включая дефис и апостроф).

2. Простота детранслитерации. Коль скоро система обратима и исходный сегмент восстанавливается по своей транслитерации, то желательно, чтобы правила такого восстановления были возможно проще. Если ограничиться бесконтекстными системами побуквенной транслитерации, то система, в которой образом русской буквы служит одна латинская буква, будет иметь более простые правила детранслитерации, чем система, в которой образом русской буквы является сочетание двух или более латинских букв.

3. Графическая простота. Система не должна иметь знаков, сложных для печати или легко смешиваемых друг с другом. Этому требованию не отвечает, например, система Библиотеки Конгресса [6], [7], имеющая сложный для исполнения надстрочный знак — лигу, а также все те системы, которые используют для передачи буквы *ъ* знак секунды «''», а для передачи буквы *ь* штрих «'» или апостроф «'», что легко приводит к смешению транслитераций для *ъ* и для *ьь*. С точки зрения графической простоты следует признать нежелательным использование букв с диакритическими значками и тем более таких букв, которые реально не встречаются (например, *ѣ*).

4. Экономность. Подвергаясь транслитерации, слово должно как можно меньше растягиваться. Этому условию заведомо отвечают такие системы побуквенной транслитерации, в которых одна буква передаётся одной буквой. С точки зрения требования экономности нецелесообразно, например, передавать русское *е*, занимающее второе место по частоте среди русских букв [27], сочетанием двух или более латинских букв.

5. Традиционность. Для многих русских букв сложилась устойчивая традиция их латинской передачи. Например, все 26 существующих систем указывают одинаковые образы для каждой из следующих 15 русских букв: *а, б, в, д, з, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ф*. Все системы, кроме одной, одинаково передают *у*, и все системы, кроме одной, одинаково передают *г*. Почти все системы одинаково передают *и* (лишь в некоторых указывается особый образ для *и* после *в*) и *ы*. Большинство систем одинаково передаёт *е* (в некоторых различаются способы передачи *е* после гласных, согласных, *ъ*, *ь* и *#*). Желательно, чтобы система не отступала без нужды от имеющейся традиции. С точки зрения требования традиционности, например,

русское *х* следует передавать сочетанием *kh* (как это предписывается восемью из пятнадцати действующих систем и поддерживается традицией английской транслитерации азиатских письменностей), но не буквой *q*.

§ 8. Предлагаемая система — вариант с диакритическими значками

Если обращать внимание лишь на главные требования или даже лишь на те из них, которые имеют совершенно чёткую формулировку (таковы первые три), да и то только две системы — система Библиотеки Конгресса [6], [7] и вторая система Р. О. Якобсона [8] — проходят сквозь фильтр этих требований. Как отмечалось, система Библиотеки Конгресса вообще не является, в строгом смысле слова, системой транслитерации латинскими буквами и из-за своей графической сложности редко применяется во всей полноте, а система Р. О. Якобсона не наилучшим образом согласуется с требованием фонетической непротиворечивости. Поэтому в этом параграфе предлагается новая система транслитерации.

Невозможно построить систему, которая в максимальной степени удовлетворяла бы каждому из выдвинутых требований: ведь эти требования могут и противоречить друг другу. Вот пример такого противоречия: поскольку латинских букв без диакритических значков меньше, чем русских букв, то кодировать русские буквы мы можем либо сочетаниями латинских букв без диакритических значков (в согласии с требованием графической простоты и наперекор требованиям простоты детранслитерации и экономности), либо латинскими буквами с диакритическими значками (наперекор требованию графической простоты) — других возможностей нет. Поэтому систему транслитерации можно строить лишь на основе известного компромисса.

Предлагаемая в этом параграфе система использует надстрочные диакритические значки. Она удовлетворяет требованиям общеприменимости, однозначности, обратимости и — с известной условностью — фонетической непротиворечивости; а из дополнительных требований — требованиям простоты системы, простоты детранслитерации и экономности. Графическая простота нарушается появлением новых знаков *ǵ* («икс с гачеком») и *ǵ* («йот с гачеком»), а традиционность — новыми способами передачи букв *й*, *х*, *щ*, *ѣ*, «'» и редким способом передачи букв *ю*, *я* (способы передачи всех остальных букв встречались ранее в других системах). Способы передачи дефиса и апострофа впервые указываются в явном виде.

Прежде чем сформулировать систему, сделаем два замечания относительно одной её важной особенности.

З а м е ч а н и е 1. Если в какой бы то ни было системе транслитерации отсутствует противопоставление некоторых знаков инвентаря-восприемника, то эти знаки можно не различать и считать вариантами друг друга. Это создаёт определённые удобства при применении системы: из неразличающихся знаков можно выбрать тот, который почему-либо оказался удобнее для воспроизведения.

Такая ситуация имеет место и в нашей системе. Прежде всего в инвентаре-восприемнике не различаются штрих «'» и апостроф «'»; они считаются графическими вариантами друг друга (как это нередко происходит в типографской практике) и каждый из них с равным успехом может использоваться при передаче буквы *ь* или русского апострофа. Далее, используемые в латинской части системы диакритические значки (за некоторыми исключениями, о которых будет сказано ниже) не противопоставляются, и, следовательно, могут не различаться. Так, нам существенно различие между *a* и *ā*, между *a* и *á*, между *a* и *ǎ*, между *a* и *ā*, но не существенно различие между *ā*, *á*, *ǎ* и *ā*; последние четыре буквы можно считать просто графическими вариантами друг друга. Это значит, что пользующийся системой может по своему произволу выбрать для употребления один из знаков *ā*, *á*, *ǎ*, *ā* и т. п. Точно так же он по своему произволу (и независимо от сделанного выбора между *ā*, *á*, *ǎ*, ...) может выбрать один из знаков *ī*, *í*, *ǐ*, *ī* и т. п.¹⁶ Исключение составляют надстрочные значки над латинской буквой *e*. Здесь для нас существенно различать: 1) *e* («простое *e*»), 2) *ě* («*e* с умляутом») и 3) *e* с любым надстрочным значком, отличным от умляута (эти последние значки уже не различаются).

З а м е ч а н и е 2. Если иметь в виду последующее распространение системы на акцентуированные русские тексты (о чём будет речь в следующем параграфе), то нецелесообразно использовать при транслитерации неакцентуированных текстов такие знаки, как *ā*, *á*, *ě*, *é* и т. д. Следовательно, знаки грависа и акута (по крайней мере над гласными) нужно отличать от других надстрочных значков (хотя для наших целей их можно и не отличать друг от друга).

¹⁶ Мы не предполагаем, разумеется, что каждое отдельное лицо будет применять разные диакритические значки при транслитерации разных слов (или даже при разных появлениях одного и того же слова). По-видимому, предоставляемой здесь возможностью выбора должны воспользоваться в соответствии со своими техническими возможностями целые организации (службы связи, библиографические центры и т. д.) или даже целые страны.

Предлагаемая система задаётся следующей таблицей:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р
a	b	v	g	d	e	ë	ž	z	i	ï	k	l	m	n	o	p	r
с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я	-	'	
s	t	u	f	q	c	č	š	šč	ǰ	y	ʹ	ě	ü	ä	-	'h	

В таблице фигурируют лишь строчные буквы. На прописные буквы таблица распространяется естественным образом: буква *Л* передаётся как *L*, буква *Х* — как *Q* и т. д. (напомним, что «ъ», «ь», «-» и «'» не имеют прописных разновидностей).

В соответствии с замечаниями 1 и 2 для букв с диакритическими значками могут быть указаны и другие начертания — с другим выбором диакритических значков. Например, для *ž* таким вариантом может служить *ẓ*, для *ě* — *é*, *ē*, *ê*. Эти варианты могут выбираться произвольно для передачи одной и той же русской буквы. Таким образом, буква *ж* может передаваться как *ž* и *ẓ*, буква *э* — как *ě*, *é*, *ē* и *ê*. Это не нарушает требования однозначности, поскольку буквы, отличающиеся только рисунком диакритического значка, считаются здесь неразличающимися. В нижеследующей таблице для некоторых русских букв указаны возможные графические варианты их латинского образа:

ж	й	ч	ш	щ	ъ	ь	э	ю	я	'
ž ẓ	ÿ İ î	č ĉ	š ŝ	šč ȝ	ǰ ĵ	ʹ ʻ	ě ê ē é	ü ŷ û	ä å â	'h 'h

§ 9. Предлагаемая система — вариант с диграфами

Предложенная в предыдущем параграфе система обладает следующими недостатками: 1) из-за наличия диакритических значков нарушается требование графической простоты; 2) способ передачи буквы *х* резко отличается от всех традиционных способов. Для использования в условиях, в которых эти недостатки оказываются существенными (первый недостаток, например, весьма существен с точки зрения телеграфа), предлагается другой вариант системы, устраняющий названные два недостатка за счёт менее экономного кодирования и более сложных правил детранслитерации. Те русские буквы, которым в варианте § 8 соответствовали латинские буквы с диакритическими значками, а также русская буква *х* будут

теперь передаваться латинскими диграфами (то есть сочетаниями двух латинских букв) без диакритических значков. Апостроф — как знак инвентаря-восприемника — сохраняется и в новом варианте (заметим, что он присутствует в международном телеграфном инвентаре [28]) и по-прежнему считается неотличимым от штриха.

Отличия варианта с диграфами от варианта с диакритическими значками показаны в следующей таблице:

Русская буква	я	ю	ё	э	ж	ч	ш	щ	х
Образ в варианте с диакритическими значками	ǎ	ǔ	ě	ě	ž	č	š	šč	q
Образ в варианте с диграфами	ja	ju	jo	eh	zh	ch	sh	xh	kh
Русская буква	й							ъ	
	перед гласными буквами (а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я) ¹⁷ и перед ь						в прочих случаях		
Образ в варианте с диакритическими значками	ĭ							ĵ	
Образ в варианте с диграфами	jh						j	j'	

В остальном система остаётся без изменений. Для прописных букв соответствующий диграф также начинается с прописной буквы: так, русские *Ё, Ч, Х* передаются соответственно как *Jo, Ch, Kh*.

Предлагаемый второй вариант системы полностью удовлетворяет трём главным требованиям и примерно в той же степени, что и первый вариант, — требованию фонетической непротиворечивости (наличие «паразитического» чтения *xh* как *дж* в албанском языке компенсируется большей адекватностью *kh*). Что касается дополнительных требований, то новый вариант в большей степени, чем первый, удовлетворяет требованиям графической простоты и традиционности и в меньшей степени — требованиям экономности и простоты детранслитерации. Оба предложенных варианта являются бесконтекстными¹⁸.

¹⁷ В реальных текстах такое положение *й* будет встречаться чрезвычайно редко (в таких словах, как *район, майонез, Лафайет* и т. п.).

¹⁸ ●► В данной статье автор рассуждал о транслитерации теоретически, поскольку ему самому приходилось прибегать к ней сравнительно редко. Ситуация решительно изменилась в конце 1994 года, когда у него появился электронный адрес и возможность пользоваться электронной почтой. Эта

Заметим, что система остаётся обратимой даже при совместном использовании обоих вариантов — с диакритическими значками и с диграфами. Например, фамилия *Яшин* однозначно восстанавливается по каждому из четырёх написаний: *Āšin*, *Āshin*, *Jašin*, *Jashin*. Таким образом, вообще говоря, допустимо брать для одних русских букв образы из первого варианта, а для других — из второго.

Вариант с диграфами допускает естественное распространение на случай акцентуированной русской письменности. Достаточно указать образы для акцентуированных русских букв *á*, *é*, *ě*, *ú*, *ó*, *ý*, *ýí*, *é*, *ý*, *ý*. Эти образы задаются таблицей:

á	é	ě	ý	ó	ú	ý	éh	jú	já
á	é	jó	í	ó	ú	ý	éh	jú	já

* * *

Avtor blagodaren R. S. Giljarevskomu, E. V. Paduchevoy i A. A. Zaliznjaku za konstruktivnuju kritiku i pomoxh'.

Литература

О транслитерации

- [1] *Щерба Л. В.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1940. — № 3. — С. 118—126. — [Перепечатано в книге: *Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике.* — Т. 1. — Л., 1958. — С. 171—181].
- [2] Известия Императорской Академии наук. — V серия. — 1906. — Т. 25. — № 4. — С. XV—XXIV.
- [3] Известия Императорской Академии наук. — V серия. — 1906. — Т. 25. — № 5. — С. XXXVII—XXIX.
- [4] Известия АН СССР. — VI серия. — 1925. — Т. 19. — № 18. — С. 863, 865—866.
- [5] *Реформатский А. А.* Транслитерация русских текстов латинскими буквами // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 96—103.

возможность привела к потребности иметь удобную (но непременно обратимую!) систему русско-латинской транслитерации, каковая и была создана для общения с теми электронными адресами, которые не воспринимают кириллицу. Указанная система сформулирована в § 26 на с. 552 настоящей книги. ◀●

- [6] *Neiswender R.* Russian transliteration — sound and sense // *Special Libraries.* — 1962. — V. 53. — No. 1. — P. 37—41.
- [7] *Mathematical reviews.* — 1965. V. 29. P. 1438; 1966. V. 32. P. 1756.
- [8] *Якобсон Р. О.* О латинизации международных телеграмм на русском языке // *Вопросы языкознания.* — 1965. — № 1. — С. 111—113.
- [9] *Гиляревский Р. С.* Об описании переводов советских книг на иностранные языки (метод транслитерации) // *Советская библиография.* — 1955. — Вып. 39. — С. 25—34.
- [10] *Гиляревский Р. С., Крылова Н. В.* Транслитерация библиографических описаний на языках народов СССР латинскими буквами // *Советская библиография.* — 1960. — № 5. — С. 37—44.
- [11] Справка о деятельности в области библиографии и документации. — М.: Международная организация по стандартизации, 1963. — С. 12, 13 и 33—36.

О транскрипции

- [12] *Щерба Л. В.* Транскрипция иностранных слов и собственных имён и фамилий // *Известия Комиссии по русскому языку АН СССР.* — 1931. — Т. 1. — С. 187—196. — [Перепечатано в книге: *Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике.* — Т. 1. — Л., 1958. — С. 153—161].
- [13] *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. — М., 1960. — § 72.
- [14] *Реформатский А. А.* Практическая транскрипция собственных имён // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* — 1960. — Т. XIX. — Вып. 6. — С. 529—534.
- [15] *Старостин Б. А.* Транскрипция собственных имён: Практическое пособие. — М., 1963.
- [16] *Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В.* Русский язык: Учебник для педагогических училищ. — Ч. I. — М., 1950. — § 57.
- [17] *Zalizniak A.* Précis de déclinaison et de conjugaison russes précédé de quelques éléments de phonétique // *А. А. Зализняк. Краткий русско-французский учебный словарь.* — М., 1961. — С. 487—488.

О графике

- [18] *Марков А. А.* Теория алгорифмов. — (Труды Математического института им. В. А. Стеклова. Т. XLII). — М.—Л., 1954. — С. 25—26.
- [19] *Гиляревский Р. С., Гривнин В. С.* Определитель языков мира по письменностям. — М., 1964.

- [20] *Старостин Б. А.* Транскрипция собственных имён: Практическое пособие. — М., 1963. — С. 13.
- [21] *Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. — М., 1966. — С. 20—21.
- [22] *Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В.* Русский язык: Учебник для педагогических училищ. — Ч. I. — М., 1950. — § 56.
- [23] *Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапкевич В. В.* Современный русский язык. — Изд. 2-е. — М., 1964. — С. 105.
- [24] Грамматика русского языка. — Т. I. — М.: Изд-во АН СССР, 1952 и 1960 [допечатка]. — § 74, с. 92, 93.
- [25] Й // Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 2-е. — Т. 19. — М., 1953. — С. 178.
- [26] Апостроф // Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 2-е. — Т. 2. — М., 1950. — С. 561.
- [27] *Харкевич А. А.* Очерки общей теории связи. — М., 1955. — С. 233—234.
- [28] Телеграфный регламент (пересмотренный в Женеве в 1958 году), приложенный к международной конвенции электросвязи (Буэнос-Айрес, 1952). — М.: Связьиздат, 1959. — Статья 79.

Источники примеров

- [29] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — Т. I. — М., 1934. — С. 259.
- [30] Орфографический словарь русского языка. — М., 1965. — С. 88.
- [31] *Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В.* Словарь сокращений русского языка. — М., 1963.
- [32] Майано // Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 2-е. — Т. 26. — М., 1954. — С. 74.
- [33] Список абонентов Московской городской телефонной сети. — Ч. II: Квартирные телефоны. — М., 1960. — С. 386, 838.
- [34] *Лем С.* Вторжение с Альдебарана: Научно-фантастические рассказы: Пер. с польского. — М., 1960. — С. 108—117.
- [35] *Марков А. А.* Теория алгорифмов. — (Труды Математического института им. В. А. Стеклова. Т. XLII). — М.—Л., 1954. — С. 12.

Замечания на полях статей И. А. Мельчука и А. А. Холодовича о понятии залога

Раздел первый: частные замечания. — Раздел второй: общие замечания.

Статья А. А. Холодовича¹ и совместная статья И. А. Мельчука и А. А. Холодовича² увлекательно написаны. Изложенный в них подход к определению залога весьма импонирует и порождает много проблем. Поэтому эти статьи заслуживают не только внимательного, но и придирчивого чтения. Такое чтение, дополненное обсуждением залоговой проблематики с автором обеих статей и соединённое с желанием увидеть дальнейшие, уточняющие публикации на ту же тему³,

Опубликовано в сборнике: Диатезы и залого: Тезисы конференции «Структурно-типологическое методы в синтаксисе разносистемных языков» (21—23 октября 1975 года) / Академия Наук СССР. Институт языкознания. Ленинградское отделение. — Л., 1975. — С. 3—14.

¹ А. А. Холодович. Залог. I: Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции / Академия наук СССР. Институт языкознания. Ленинградское отделение. — Л., 1970. — С. 2—26. В дальнейшем при ссылках Х999 означает 999-ю страницу этой статьи. ► Названная статья перепечатана на с. 277—292 в сборнике: А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. — Л.: Наука (ленинградское отделение), 1979. Этот сборник гораздо доступнее оригинального источника, а потому в текст, публикуемый в настоящем издании, внесены ссылки на страницы сборника: ПГТ35 означает его 35-ю страницу. ◀

² И. А. Мельчук, А. А. Холодович. К теории грамматического залога (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 4. — С. 111—124. В дальнейшем при ссылках МХ999 означает 999-ю страницу этой статьи. ► Тщетно будет искать читатель эту статью в указанном в сноске 1 сборнике избранных работ А. А. Холодовича или хотя бы в списке его основных трудов, помещённом на с. 299—303 этого сборника. Объяснение простое: в марте 1976 года И. А. Мельчук был изгнан из Института языкознания Академии наук по политическим мотивам и, в соответствии с открытыми Оруэллом законами тоталитарного бытия, сделался в СССР нелицом (*unperson* на новоязе); какие бы то ни было упоминания его в печати стали невозможными. ◀

³ Как указывают сами авторы совместной статьи, «настоящая статья имеет сугубо предварительный характер <...>. Поэтому в ней сознательно допускаются грубые, иногда расплывчатые формулировки, оставлен в стороне ряд релевантных фактов и т. д.» (МХ111).

и привело к настоящим замечаниям (в которых гораздо больше ставится вопросов, чем даётся ответов⁴). Терминология обсуждаемых статей используется в этих замечаниях, как правило, без объяснений.

Один выдающийся математик, обсуждая деятельность некоего языковеда и желая выразить как своё положительное отношение к этой деятельности, так и некоторое удивление по поводу недостаточного внимания к ней со стороны лингвистической общественности, сказал примерно так: «Почему же ни у кого не возникает желания его опровергнуть?». Автор замечаний надеется, что желание спорить, заметное в этих замечаниях, будет воспринято как свидетельство того искреннего уважения, которое он испытывает к обсуждаемым статьям.

Раздел первый: частные замечания

(В этом разделе автор замечаний как бы сам становится на позиции авторов обсуждаемых статей и, исходя из этих позиций, позволяет себе прокомментировать отдельные детали.)

Замечание 1. В обеих статьях относительно объектного квази-пассива⁵ указано, что русский пример неизвестен (X14; ПГТ285; МХ118, табл. 3). Можно было бы предложить такой пример: *Иван Петрович брился в парикмахерской*. Этот пример годится, если субъектом ситуации бритья считать того, кто бреет (в данном случае — парикмахера), а объектом — того, кого бреют (в данном случае — Ивана Петровича); в приведённом примере субъект не выражен ничем (и не может быть выражен, поскольку *брился* не допускает вопроса «кем?»), объект выражен подлежащим. Однако на с. МХ113 указано, что объектом в ситуации 'бриться' следует считать волосяной покров (откуда видно, как сильно обсуждаемые построения зависят от способа лексикографического толкования). Поэтому более удовлетворительным примером будет *Ученик учится в школе*, где субъект ситуации — учительский коллектив, а объект — ученик.

⁴ Автор подозревает, что некоторые ответы могут обнаружиться в сборнике «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого» (отв. ред. А. А. Холодович, Л., Наука, 1974); однако выход в свет этого сборника совпал по времени с завершением настоящих замечаний.

⁵ ●► Рассматриваются глаголы, где семантическими единицами являются субъект и объект. По терминологии Мельчука и Холодовича объектный квазипассив представлен в конструкциях, в которых объект выражен подлежащим, а субъект не выражен никак, поскольку на дополнение наложен запрет. ◀●

Кандидат в примеры: *Жребий брошен* (убедительность этого примера тем больше, чем более запрещен здесь вопрос «кем?»). Аналогичный кандидат: *Треугольник называется равнобедренным...* Вопрос «кем?» («кем брошен?», «кем называется?»), кажется здесь допустимым не более, чем вопрос «кто?» («кто подал?») по отношению к предложению *Подали обед*, приведённому в качестве примера субъектного имперсонала⁶, для которого (X15 и ПГТ285, примечание; MX118, примечание) вопрос «кто?» по определению невозможен. (По-видимому, субъектный имперсонал встречается и в *Цыплят по осени считают*, и во всех других неопределённо-личных предложениях.)

Замечание 2. Сравним два утверждения. Первое: «...В древне-китайской оппозиции *Ян ша Пан* 'Ян убил Пана' — *Пан ша юй-Ян* 'Пан убит Яном' можно считать, что глагол действительного залога *ша* принял (!) форму (!) пассива <...>, допуская, что изменение синтаксического окружения слова, имеющее регулярный характер, тоже является формальным средством выражения „значения“ глагола: *Х ша У* — актив, но *У ша ZX* — пассив» (X17—18; ПГТ287; MX120). Второе: «*He loaded bricks onto the truck* 'Он погрузил кирпичи на грузовик' — *He loaded the truck with bricks* 'Он нагрузил грузовик кирпичами'». Здесь мы встречаемся, по-видимому, с фактом диатезы. Однако <...> отсутствие изменения глагола <...> не позволяет говорить о том, что здесь диатеза „породила“ залог» (MX121; X20—21; ПГТ289).

В первом случае глагольная форма *ша* так же не меняется, как форма *loaded* во втором случае. Непонятно, почему тем не менее относительно *ша* утверждается, что происходит изменение залогового значения (актив переходит в пассив), а относительно *loaded* — что нового залогового значения не возникает.

Столь же непонятно, чем положение со словом *loaded* отличается от положения со словом *подали*, которое в контексте *Подали обед* отнесено (X14; ПГТ285; MX118) к залогу «субъектный имперсонал», а контексте *Лакеи подали обед* было бы, по-видимому, отнесено к активу.

Замечание 3. Что же касается самого глагола *ша*, то здесь, по-видимому, возможны различные решения относительно того, как

⁶ ●► Рассматриваются глаголы, где семантическими единицами являются субъект и объект. По терминологии Мельчука и Холодовича субъектный имперсонал представлен в конструкциях, в которых объект выражен дополнением, а субъект не выражен никак, поскольку на подлежащее наложен запрет. ◀●

соотносятся между собою залого (залоговые граммемы) словоформы⁷ *ша* во фразе (1) *Ян ша Пан* 'Ян убил Пана' и словоформы *ша* во фразе (2) *Пан ша юй-Ян* 'Пан убит Яном'. Мыслимы по крайней мере три таких решения, исходящие из различия диатезы *ша* в (1) и диатезы *ша* в (2).

Первое решение. Залог *ша* в (1) и залог *ша* в (2) суть различные залого («активный» и «пассивный»). Следовательно, словоформа *ша* в (1) и словоформа *ша* в (2) суть различные словоформы.

Второе решение. В (1) и (2) представлен один и тот же залог и, следовательно, одна и та же (абстрактная) словоформа. Залог, или залоговая граммема этой словоформы, как раз и выражает то обстоятельство, что этой словоформе присущи одновременно две диатезы — «прямая» и «обратная».

Третье решение. В (1) и (2) вообще отсутствуют какие бы то ни было залоговые граммемы: говорить о залоге *ша* в (1) или (2) бессмысленно.

Разумеется, выбор решения должен основываться на рассмотрении не одного только глагола *ша*, а древнекитайского глагольного словоизменения в целом. С этой точки зрения выбор, делаемый в обсуждаемых статьях (а именно, выбор первого решения), можно признать недостаточно мотивированным.

Первое решение было бы мотивированным, если бы в древнекитайском нашлось достаточное количество глагольных лексем (какое количество признать достаточным — это в значительной степени зависит от индивидуального вкуса), для которых можно указать две словоформы, имеющих соответственно активную и пассивную диатезы и различающихся по внешней форме. Тогда следовало бы признать наличие в древнекитайском граммемах активного и пассивного залога, присутствующих, в частности, и в предложениях (1) и (2), соответственно. Однако приведённая в начале предыдущего замечания цитата и в ещё большей степени опубликованная

⁷ В понимании термина «словоформа» мы следуем А. А. Зализняку (см. его «Русское именное словоизменение», М., 1967), рассматривая словоформу как двусторонний объект, имеющий как внешнюю сторону, называемую «сегментом», так и внутреннюю сторону, включающую и все грамматические, в том числе залоговые, элементы значения. Эти залоговые элементы значения естественно называть, следуя той же терминологической системе А. А. Зализняка, «залоговыми граммемами». Примеры залоговых грамем (при традиционных описаниях): «активный», «пассивный», «возвратный» и пр. Залоговые граммемы называются чаще всего просто «залогом»; однако надо иметь в виду, что этим же термином «залог» обозначается также и другое понятие, а именно грамматическая категория залога.

в том же сборнике «Категория залога: Материалы конференции» статья С. Е. Яхонтова «Конструкции, называемые пассивными в китайском языке» заставляют сомневаться в том, что положение вещей, приводящее к первому решению, имеет место в действительности.

Второе решение было бы мотивированным, если бы в древнекитайском можно было бы выделить какие бы то ни было залоговые граммы (только тогда и следовало бы признать наличие в древнекитайском категорий залога вообще). Для этого нужно было бы указать по крайней мере две различные диатезы и достаточное количество глагольных лексем со следующим свойством: для каждой из этих лексем можно найти две словоформы, имеющие указанные диатезы и различающиеся по внешней форме. Однако сведения о древнекитайском, почерпнутые из названной статьи С. Е. Яхонтова, заставляют усомниться и в этом.

Замечание 4. В обеих статьях приведена таблица (X23; ПГТ290; МХ122), относительно которой сказано, что она даёт разбиение, или деление, глаголов на классы (X23; ПГТ291; МХ123). Хотя авторы не уточняют, в каком смысле используется здесь термин «глагол», невольно создаётся впечатление что речь идёт о глагольных лексемах. Однако на самом деле классификационная схема применяется в данном случае не столько к глаголам как таковым, сколько к их употреблению в данном контексте. В самом деле, рассмотрим глагол *громыхать*. Предложение из одного слова *Громыхало* покажется естественным в описании грозы, сражения, цеха. В таком употреблении *громыхало* ничуть не отличается от *подморозило* и должно быть отнесено к бесподлежащно-непереходному классу. В то же время в контексте *Ржавое ведро громыхало* слово *громыхало* относится к классу подлежащно-непереходному. Если однословное предложение *Громыхало* ещё может быть рассмотрено как неполное, то вряд ли без большой натяжки такое истолкование будет применимо к *лило* в контексте *С утра лило*; вместе с тем рассматривать глагол *лить* как бесподлежащно-непереходный неестественно.

Вопрос о корректности классификации, задаваемой упомянутой таблицей, конечно, второстепеннее с точки зрения залоговой проблематики. Но ведь с ним связан вопрос о том, одинаковы или нет залоговые значения форм типа *громыхало*, *лило* при личном и безличном употреблении. Быть может, как раз и следует в безличных *громыхало* и *лило* видеть особый залог, отличный от залогов тех же глаголов во фразах *Громыхало ведро* и *Лил дождь*? Ведь отнесены

же *убивают* и *грабят* в контекстах *Убивают!*, *Грабят!* к особому залогоу — абсолютному имперсоналу⁸ (X14; ПГТ285; МХ118).

Замечание 5. Сколько участников-субъектов надо числить в ситуациях, выражаемых глагольными формами во множественном числе? Аналогичный вопрос встаёт и в отношении множественности однородных, то есть выполняющих одну и ту же роль, объектов. Проблемы, связанные с определением состава участников (семантических актантов), будут затронуты ещё и ниже, в замечании 7. Пока же мы коснёмся лишь проблемы множественности субъектов. В рамках понятия диатезы по И. А. Мельчуку и А. А. Холодовичу возможны, например, следующие два, оба несколько искусственные, способа решения этой проблемы.

Первый способ. Во фразе типа *Петя и Коля бегут* или типа *Мальчики бегут* и в соответствующей ситуации рассматривается один, но зато множественный, участник ('Петя и Коля' или 'мальчики') и одно⁹, также множественное, подлежащее («Петя и Коля» или «мальчики»). Этот способ, однако, не улавливает различия между глагольными словоформами типа *бегут*, с одной стороны, и типа *поссорились*, с другой: ведь изложенный способ укажет для обеих этих словоформ одну и ту же диатезу и, следовательно, один и тот же залог. Итак, залог во фразе *Петя и Коля поссорились* или фразе *Мальчики поссорились* будет объявлен тем же, что и во фразе *Петя и Коля бегут*, — тогда как хотелось бы, чтобы он оказался другим, «взаимным».

Второй способ. Диатезы глаголов, стоящих во множественном числе, не рассматриваются¹⁰: залог глагольной словоформы множественного числа (*бегут*) по определению приравнивается к залогоу соответствующей словоформы единственного числа (*бежит*). При таком способе залог у *поссорились* по определению совпадает с залогом у *поссорился*, а залог у *бегут* — с залогом у *бежит*. В то

⁸ ► Рассматриваются глаголы, где семантическими единицами являются субъект и объект. По терминологии Мельчука и Холодовича абсолютный имперсонал представлен в конструкциях, в которых не выражены ни субъект, ни объект, поскольку и на подлежащее, и на дополнение наложен запрет. ◀

⁹ «Диатеза с двумя подлежащими в принципе немыслима» (X10 и ПГТ282, сноски 8; МХ114, сноска 6).

¹⁰ Очевидно, что данный рецепт годится лишь для языков, для которых имеет смысл говорить о множественном числе глагольной словоформы. Для других языков надо, видимо, говорить о множественном числе подлежащего, или наличии однородных подлежащих, или тому подобном.

же время *поссорился* и *бежит* имеют разные диатезы: у *бежит* один участник («кто?»), а у *поссорился* — два («кто?» и «с кем?»); поэтому скорее всего они будут отнесены к разным залогам (если будет признано, что эти диатезы «маркированы» в этих словоформах).

В заключение ещё раз сформулируем два оставшихся нерешёнными вопроса.

Вопрос 1 (более частный). Следует ли считать, что словоформы типа *поссорились* относятся к особому, «взаимному» залогу (отличному, скажем, от залога словоформы *бегут*), и если да, то как выделить этот залог методом диатез?

Вопрос 2 (более общий). Сколько и каких участников следует обнаруживать в ситуациях, в которых наивная физика вроде бы с очевидностью указывает на несколько субъектов или объектов (*Мальчики бегут*; *Он забивает гвозди*¹¹; *Люди бежали и размахивали руками*).

Раздел второй: общие замечания

(В этом разделе автор замечаний осмеливается посягнуть на исходные позиции авторов обсуждаемых статей.)

Замечание 6. Как указано в обсуждаемых статьях, диатеза данной глагольной словоформы — это соответствие между её семантическими актантами, с одной стороны, и её синтаксическими актантами, с другой. Синтаксические актанты — это «обозначения специальным синтаксическим языком участников языковой структуры» (Х6; ПГТ279), то есть «подлежащее», «первое дополнение», «второе дополнение», «третье дополнение» (МХ112); мы употребляем здесь кавычки, чтобы подчеркнуть, что имеются в виду эти синтаксические термины сами по себе, а не обозначенные ими словоформы, входящие в состав предложения. Ясно поэтому, что конкретная диатеза, а вместе с нею и конкретный залог существенно зависят от того, как мы осуществим нумерацию дополнений, то есть какое дополнение мы будем считать первым, какое вторым, какое третьим. От того, как мы в каждом конкретном случае произведём такую нумерацию, будет зависеть, будут ли диатезы двух словоформ признаны различными или одинаковыми. Например, рассмотрим предложения *Я говорил с ним об этой книге* и *Я слышал от него об этой книге*. Если считать, что *с ним* и *от него* суть первые дополнения, а *об этой книге*

¹¹ Ещё более сложный пример — *Они забивают гвозди*, где неизвестно, сколько субъектов и объектов в каждом отдельном действии.

(в обоих предложениях) — вторые, то диатезы будут тождественны (мы принимаем, что *я*, *он* и *книга* не меняют своей семантической роли при переходе от первого предложения ко второму). Если же считать, что в первом предложении *с ним* и *об этой книге* по-прежнему суть соответственно первое и второе дополнения, а во втором предложении первым и вторым дополнениями объявить соответственно *об этой книге* и *от него*, то диатезы окажутся различными; заметим, что мы получим тот же эффект, даже если не перевернём иерархию дополнений во втором предложении, а всего лишь одновременно понизим их в ранге, объявив *от него* вторым дополнением, а *об этой книге* — третьим.

В конечном счёте от способа нумерации — в каждом отдельном случае — дополнений будет зависеть и то, какие словоформы будут опознаваться как обладающие одинаковой залоговой граммемой, а какие — различными.

Автор настоящих замечаний не знает, как следует нумеровать дополнения. В обсуждаемых статьях он не нашёл ответа на этот вопрос. Более того, некоторые из приведённых там примеров показывают, что дать ответ, по-видимому, непросто. Рассмотрим четыре таких примера — все они взяты из обсуждаемых статей.

Первый пример относится к нумерации дополнений при словоформе *бреет* (MX113). В предложении *Иван бреет Петру бороду* слово *бороду* объявлено первым дополнением. Это выглядит естественно. Но в предложении *Иван бреет Петру ногу* слово *ногу* объявлено не первым, а третьим дополнением (а первого дополнения здесь вовсе нет). Не видно другого объяснения этой разницы, кроме семантического: *брить бороду* означает срезать бороду, а *брить ногу* означает срезать нечто, растущее на ноге. Такое объяснение (если даже примириться с привлечением семантических критериев для упорядочения чисто синтаксических объектов) вступает, однако, в противоречие с тем, что в предложении *Иван бреет Петра* слово *Петра* объявлено первым дополнением, то есть тождества семантических ролей у одинаковых по номеру дополнений не требуется.

Второй пример. В предложении *Мне мечтается* слово *мне* объявлено первым дополнением (X14; ПГТ285; MX118). А почему не вторым? Ведь мы только что видели, что случай, когда ни одно из дополнений не является первым, возможен.

Аналогичным образом, остаётся неразъяснённым, почему то косвенное дополнение, в которое переходит подлежащее при переходе от активной конструкции к пассивной, считается первым дополнением, а не вторым или третьим.

Третий пример — предложения (1) *A book was given to me by him* и (2) *I was given a book by him*. В обоих этих предложениях *by him* объявлено первым дополнением (MX116). А почему не вторым или третьим? В (2) *a book* объявлено вторым дополнением. А почему не первым? Заметим, что в другом месте (X12; ПГТ283) дополнения в этих же предложениях упорядочиваются другим, отчасти более естественным способом: *by him* — второе дополнение, *a book* и *to me* — первые. Но почему всё же *to me* — первое? Ведь, как мы видели выше, наличие первого дополнения вовсе не предполагается обязательным, допускается, чтобы было сразу второе и третье.

Четвёртый пример — предложения (1') *Грязь счищена им с ботинок* и (2') *Ботинки очищены им от грязи*. В этих предложениях *им* объявлено вторым дополнением, а *от грязи* и *с ботинок* — первыми (X12). А почему не наоборот, как это сделано на с. MX116?

Заметим, что в действительности понятие диатезы не требует непременно нумерации дополнений, с неизбежно вытекающим из такой нумерации их упорядочением, то есть представлением какое из них имеет более «главный» статус. Нужно лишь уметь различать и отождествлять эти статусы, для чего нет необходимости снабжать дополнения номерами, а достаточно было бы, скажем, разметить их разными цветами. (Хотя места в гардеробе и соответствующие им гардеробные номерки обычно помечаются цифрами, это всего лишь вопрос удобства, а не существа, как прекрасно показывает опыт детских садов, где в качестве гардеробных помет используются различные картинки.) Самым естественным способом обозначения статуса дополнения было бы просто указание падежа или пары, состоящей из падежа и предлога. Вероятно, при таком способе получится слишком много классов дополнений, которые, впрочем, затем могут быть укрупнены хотя бы в те три класса (класс первых дополнений, класс вторых дополнений, класс третьих дополнений), которые и предлагаются в обсуждаемых статьях. Необходимо будет только указать, какие пары <падеж, предлог> к какому классу относятся; как мы видели, без такого или аналогичных указаний трудно понять предложенную классификацию.

Замечание 7. Центральным для понятия диатезы является представление об участниках ситуации (X5—6; ПГТ279), иначе называемых семантическими актантами (MX112). «Число и конкретная природа участников» (MX111), в частности их классификация по типовым рубрикам «субъект», «первый объект», «третий объект», существенны не только для правильного понимания, что такое диа-

теза, но и для сопоставления друг с другом диатез словоформ, относящихся к различным лексемам (без чего нельзя определить, какие словоформы двух различных лексем относятся к одному и тому же залогу, а какие нет). Тут целый ряд проблем требует обсуждения и решения. Выделим пять таких проблем (автор замечаний отдаёт себе отчёт, что в их число попадают и «вечные вопросы» языкознания).

Проблема первая — установление надлежащего набора участников ситуации, или семантических актантов, данной глагольной лексемы. Основной принцип установления такого набора достаточно чётко изложен: «...Состав актантов определяется (лексикографическим) толкованием названия данной ситуации. Другими словами, сколько переменных необходимо в толковании некоторого слова, столько актантов и имеет называемая этим словом ситуация» (MX112). Мы хотим здесь особо подчеркнуть, что таким образом, состав семантических актантов зависит не просто от самой лексемы, но от её лексикографического толкования, и при изменении такого толкования (той же лексемы!) может измениться и число актантов. В этом, конечно, нет ничего порочного, только нужно помнить, чем именно определяется состав участников. Можно ведь было бы иметь и другой путь для выделения семантических актантов — снизу вверх, через актанты синтаксические. Именно, рассматривать употребления лексемы в языке, её синтаксические окружения, находить в этих окружениях управляемые лексемой слова — и вот их-то и считать обозначениями семантических актантов или участников ситуации¹². (А не на этом ли основано, в конечном счёте, и лексикографическое толкование?)

Проблема вторая. Насколько формирование состава семантических актантов независимо от того или иного языка? Проводимые русско-японские параллели (MX112; MX117) как бы исходят из неявной презумпции такой независимости. Так, указывается, что русский глагол *промахнуться* имеет четыре семантических актанта (на основе соответствующего толкования; заметим, что при втором, синтаксическом подходе был бы только один актант — субъект), и говорится, что те же актанты имеет японский глагол *хадзурэру* со значением 'промахнуться' (MX112). Но не является ли это навязыванием японскому языку представлений, заимствованных из русского? Автор этих тезисов не знает японского языка и тем более того, как японские лексикографы толкуют *хадзурэру*, но приводимые японские

¹² Ср.: Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. — М., 1974. — С. 223—224.

примеры показывают, что в толковании *хадзурэру* вроде бы вовсе нет надобности в субъекте (в русском понимании, где субъектом считается стреляющее в цель лицо): «*Тамава матоо хадзурэта* 'Пуля не попала в цель', *Писторува матоо хадзурэта* 'Пистолет не попал в цель', но не **Бокува матоо хадзурэта* 'Я не попал в цель'» (МХ113). С другой стороны, приводится следующий японский пример *Карэва окусанны синарэта* 'У него умерла жена', о котором говорится, что «подлежащему *карэва* 'у него', букв. „он“, не отвечает никакой семантический актант глагола 'умереть'» (МХ117). Не означает ли этот пример, что в японском толковании как раз уместен отсутствующий в русском семантический актант? Как мне сообщил А. А. Холодович, в том же японском языке от выражений со значениями 'идёт дождь', 'падает град' может быть образован пассив, в котором подлежащим оказывается лицо, на которого попадают дождь или град. Не значит ли это, что это лицо является семантическим актантом японских глаголов, участвующих в выражениях со значениями 'идёт дождь', 'падает град'. И если, как мы видели выше на примере *хадзурэру*, у японских лексем выделяются семантические актанты на основе русских параллелей, то не следует ли и русским лексемам приписывать семантические актанты, заимствованные из японского, да и из других языков? Во всяком случае, это было бы последовательно¹³.

Проблема третья — деление участников ситуации на субъект и объекты. Ведь это деление не всегда очевидно. *Меня преследует неотвязная мысль — Я преследую неотвязною мыслью*. Где тут субъект и где объект? Не являются ли в вышеприведённых примерах с японским глаголом *хадзурэру* пуля и пистолет субъектами? Не должно ли (или не может ли) понятие субъекта определяться через язык — как то, что выражено подлежащим (именительным падежом) при активной форме глагола? Ведь довольно убедительным представляется предположение, что «физика обыденного мышления», или «наивная физика» (Х6; ПГТ279), развивалась параллельно развитию языка; а потому представления о субъекте и объекте формировались на основе языка. (Первоначальное, узкое представление о субъекте отождествлялось, вероятно, с представлением об одушевлённом

¹³ «Автор, во что бы то ни стало желающий написать фамилию иностранными буквами, может сделать это в скобках после русской транскрипции: „следя Гильберту (Hilbert)“. Однако редакция просит таких авторов быть последовательными и ссылку на Ху Сы-цзяна, например, сопровождать иероглифами» (из правил для авторов, публикуемых на 3-й странице обложки «Алгебры и логики» — периодического издания, выпускаемого Институтом математики Сибирского отделения АН СССР).

лице, а более позднее, расширенное — с представлением о таком предмете, о котором можно сказать то же, что и о субъекте в узком смысле. То есть субъект в широком смысле — это то, название чего может попадать в те же синтаксические позиции, что и субъект в узком смысле. Грубо говоря, *Самолёт летит* произошло из *Птица летит* и потому самолёт здесь субъект.) Во всяком случае, гипотеза Сепира—Уорфа вроде бы приводит к тому, что выделение субъектов и объектов осуществляется «снизу», из языка. Поэтому не следует ли «обратить» подстрочное примечание из МХ112 и определить объекты как то, что выражается дополнениями (косвенными падежами) при активной форме глагола.

Четвёртая проблема — классификация объектов. «Для общности мы будем говорить о них как о <...> первом объекте (O_1), втором объекте (O_2) и третьем объекте (O_3). Ясно, что названия эти весьма условны: в тех или иных конкретных случаях следовало бы, возможно, говорить об „адресате“, „инструменте“, „месте“ и т. п. Однако для наших целей удобнее более общие и, так сказать, менее обязывающие названия» (МХ112). Уже деление на адресат, инструмент, место и т. п. вызывает те же трудности, о которых шла речь в предыдущем абзаце. В частности, тот факт, что «денотативные индивидуальные ситуации, обозначенные в предложениях (1) *Дровосек рубит ель топором*, (2) *Девочка режет хлеб ножом*, (3) *Мальчик рвёт бумагу рукой* являются репрезентантами обобщённой сигнификативной ситуации, компонентами которой являются субъект, объект и инструмент»¹⁴ и само выделение здесь субъекта, объекта и инструмента, не есть ли следствие подобия внешних форм предложений (1), (2), (3) и возможности установить, какой элемент одного предложения соответствует при этом подобию элементу другого? Что же касается нумераций объектов, то есть квалификации их как первого, второго и третьего, то попросту непонятно, который первый, который второй, а который третий. Сомнительно, чтобы интуиция носителей языка была достаточной для однозначного осуществления требуемой квалификации и чтобы разные люди распределяли объекты по трём классам одинаковым образом.

Наконец, пятая проблема — поставленный в конце замечания 5 общий вопрос о составе участников в ситуациях с несколькими «однородными» субъектами или объектами.

¹⁴ В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога (определение и исчисление) // Категория залога: Материалы конференции. — Л., 1970. — С. 27.

Замечание 8. Если даже разобраться со всеми вопросами, связанными с областью отправления и областью прибытия диатезы (X5—6), то есть с семантическими и синтаксическими актантами, остаётся некоторая неясность в самом определении залога.

«Залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» (X13; ПГТ284; ср. MX117, где вместо «регулярное» написано «формальное и регулярное»). И далее: «Короче, залог — это грамматически маркированная в глаголе диатеза» (X13; ПГТ284; ср. MX117, где вместо «грамматически» написано «грамматическая»). Эти формулировки настойчиво требуют уточнений, прежде всего в отношении того, что такое «обозначение в глаголе». Сделанные в обсуждаемых статьях разъяснения нельзя признать достаточными. Соответствующие комментарии о понятии означающего (X17—18; ПГТ286—287; MX119—120) приводят к отождествлению залога и диатезы. В самом деле, означающим признаётся и изменение синтактики знака при неизменности внешней стороны самого знака. Но ведь изменение диатезы — при неизменности семантической ситуации — обязательно сопровождается изменением синтактики. При таком подходе различные диатезы обязаны приводить к различным залогам, и всякая разница между диатезой и залогом стирается. Поэтому таблица 3 на с. MX118 (её вариант на с. X14 и ПГТ285) законна как таблица диатез и незаконна как таблица залогов.

По-видимому, всё же авторы не готовы отождествлять диатезы и залогом, а исходят из того, что одной диатезе может соответствовать лишь один залог (залоговая граммема), но одному залогом (залоговой граммеме) могут, вообще говоря, соответствовать различные диатезы. Надо, следовательно, договориться, как разбить совокупность всевозможных диатез на классы — так, чтобы диатезы, которые желательно отнести к одному и тому же залогом, и только они попали в один класс — после чего сами эти классы и объявить залогом (залоговыми граммемами). В силу такой договорённости, в частности, должно стать ясным, к одному, двум или трём различным залогом следует отнести словоформы *бежал*, *винил*, *промахнулся*, имеющие, по И. А. Мельчуку и А. А. Холодовичу, каждая свою особую диатезу.

К понятию диатезы

§ 1. Определение диатезы. — § 2. Постановка проблем. — § 3. Попытки решений. — § 4. Обсуждение. — § 5. Роли, гиперлексемы, диатезы.

Цель настоящей публикации — сделать несколько шагов в направлении уточнения понятия «диатеза».

Обратимся сперва к употреблению в литературе термина «диатеза» и его эквивалентов в других языках. Греческий первоисточник этого слова «*διάθεσις*» (в значении лингвистического термина) переводится на русский язык словом «залог». Французский термин «*diathèse*» встречается в статье Э. Бенвениста¹ в значении, с трудом отличимом, если вообще отличимом, от значения 'залог', — при том, что в этой статье дважды, хотя и в кавычках, встречается слово «*voix*»². Именно в таком значении термин «диатеза» приведён в словаре О. С. Ахмановой: «ДИАТЕЗА англ. *diathesis*, фр. *diathèse*, нем. *Diathese*, исп. *Diátesis*. То же, что залог»³. Названный словарь, впрочем, приводит этот термин в качестве эталона малоупотребительности (с. 22). В монографии Л. Теньера говорится: «Традиционная грамматика справедливо

Опубликовано в сборнике: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В. С. Храковский. — Л.: Наука (ленинградское отделение), 1977. — С. 65—84.

¹ Benveniste E. Actif et moyen dans le verbe // *Journal de psychologie*. — Paris, 1950. — Janvier—février. — [Перепечатана в качестве гл. XIV в книге: Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. — Paris, 1966. Русский перевод: Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. — М., 1974. — Гл. XV].

² Именно «*voix*» встречается в книге Benveniste E. *Problèmes...*, р. 168, 169, что соответствует словам «залог» и «залог» в книге Бенвенист Э. *Общая лингвистика*, с. 184 (8-я строка снизу) и с. 185 (1-я строка снизу). Следует иметь в виду, что остальные употребления слова «залог» в русском переводе не имеют никакого эквивалента во французском оригинале, например в последней фразе первого абзаца во французском тексте «*de deux diathèse seulement, active et moyenne*», в русском тексте «только двух диатез — активного залога и среднего залога» и т. п. В обсуждаемом русском переводе «*diathèse*» переводится как «диатеза».

³ Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. — М., 1966. — С. 133.

различает внутри переходного залога <voix> четыре разновидности, которые являются, следовательно, своего рода подзалогами <sous-voix> и которые мы назовём, используя термин греческих грамматистов (<διάθεσις>), диатезами <diatheses>»⁴. Далее в той же главе говорится об активной, пассивной, рефлексивной и возвратной диатезах.

В 1970 году термин «диатеза» появился в статье А. А. Холодовича⁵ в новом значении — в качестве схемы соответствия между семантическими и синтаксическими актантами. Это же понимание слова «диатеза» было использовано в статье В. С. Храковского⁶ и в сборнике «Типология пассивных конструкций»⁷. Именно это представление о диатезах и принимается в настоящей статье в качестве исходного. Автор хотел бы здесь продолжить обсуждение этого представления, начатое в его публикации⁸.

§ 1. Определение диатезы

В статье А. А. Холодовича⁹ под диатезой данной глагольной словоформы в данном предложении понимается схема соответствия между совокупностью обозначений — на специальном семантическом языке — участников ситуации, выраженной рассматриваемой глагольной словоформой, и совокупностью обозначений — на специальном синтаксическом языке — участников языковой структуры.

Поясним сказанное на примерах. Пусть имеется предложение, содержащее глагольную словоформу, например (а) *Человек тупым ножом пилит толстый сук* или (б) *Морская свинка была подарена Ваней его подруге Мане*. Каждое такое предложение отражает некоторую ситуацию, имеющую место в реальном или в воображаемом мире, — ситуацию пиления в (а), ситуацию дарения в (б).

⁴ Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. — Paris, 1959. — Ch. 100. — 3. — P. 242.

⁵ Холодович А. А. Залог. I: Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции. — Л., 1970, — С. 2—26. ► Названная статья перепечатана на с. 277—292 в сборнике: А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. — Л.: Наука (ленинградское отделение), 1979. ◀

⁶ Храковский В. С. Конструкции пассивного залога. (Определение и исчисление) // Там же. — С. 27—41.

⁷ Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии / Отв. ред. А. А. Холодович. — Л., 1974.

⁸ Успенский В. А. Замечания на полях статей И. А. Мельчука и А. А. Холодовича о понятии залога // Диатезы и залогии: Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разнотипных языков» — Л., 1975. — С. 3—14. — [В настоящей книге с. 228—240].

⁹ Холодович А. А. Залог.

(А. А. Холодович относит изучение подобных ситуаций к «физике обыденного мышления», или «наивной физике».) В каждой ситуации задействованы её участники: в (а) это человек, нож, сук; в (б) — морская свинка, Ваня, Маня. Участники ситуации исполняют разные функции, что позволяет приписать им специальные семантические обозначения (= обозначения на семантическом языке) — такие, например, как «субъект», «объект», «адресат», «средство» и т. п. В предложениях (а) и (б) обозначение «субъект» обычно приписывается человеку и Ване, обозначение «объект» — суку и морской свинке, обозначение «адресат» — Мане, обозначение «средство» — ножу. Одновременно в языковой структуре, то есть в рассматриваемом предложении, выделяются свои участники — так называемые синтаксические актанты. Это те управляемые глаголом именные группы, которые участвуют в построении предложения — *человек, тупым ножом, толстый сук* в (а); *морская свинка, Ваней, его подруге Мане* в (б). Синтаксическим актантам, в свою очередь, приписываются специальные синтаксические обозначения (= обозначения на синтаксическом языке) — такие, как «подлежащее», «прямое дополнение», «дополнение в дательном падеже», «дополнение в творительном падеже»; последние два, при желании, можно объединить в едином обозначении «косвенное дополнение». (В другой терминологии синтаксическими актантами называют сами эти обозначения, а не обозначенные ими именные группы.) Диатеза данной глагольной словоформы в данном предложении и представляет собою схему соответствия между семантическими обозначениями с одной стороны и синтаксическими обозначениями с другой.

Разумеется, соответствие, о котором идёт речь, не произвольно: соответствующими друг другу объявляются такие (и только такие) семантическое обозначение *x* и синтаксическое обозначение *y*, что «участник ситуации», обозначенный посредством *x*, и «участник языковой структуры», обозначенный посредством *y*, соотносятся друг с другом как референт и его имя. Так, в диатезе словоформы *пилит* в предложении (а) субъекту соответствует подлежащее, объекту — прямое дополнение, средству — дополнение в творительном падеже; в диатезе словоформы *была подарена* в предложении (б) субъекту соответствует дополнение в творительном падеже, объекту — подлежащее, адресату — дополнение в дательном падеже; а если в (б) и слову *Ваней*, и слову *Мане* приписано обозначение «косвенное дополнение», то окажется, что и субъекту, и адресату соответствует косвенное дополнение.

Займствуя пример из упомянутой статьи А. А. Холодовича, если в предложении (1) *Ян убил Пана* участников ситуации обозначить на

семантическом языке терминами «субъект», «объект», а участников языковой структуры обозначить на синтаксическом языке терминами «подлежащее», «дополнение», то соответствующими друг другу будут, во-первых, обозначения «субъект» и «подлежащее», а во-вторых, обозначения «объект» и «дополнение». Это соответствие может быть записано в виде таблицы, или схемы:

субъект	объект
подлежащее	дополнение

Эта схема, следовательно, является диатезой словоформы *убил* в предложении (1). Мы считаем, однако, более целесообразным понимать под диатезой не тот или иной способ задания соответствия (например, в виде таблицы, или схемы), а само соответствие. На стандартном теоретико-множественном языке соответствие между множеством X (в нашем случае — множеством семантических обозначений) и множеством Y (в нашем случае — множеством синтаксических обозначений) — это просто некоторое множество пар (x, y) , где x берётся из X , а y — из Y . Такое понимание, не привязывающее термин «диатеза» к какому-либо конкретному способу задания соответствия, более отвечает последующей формулировке А. А. Холодовича, согласно которой диатеза словоформы «представляет собою информацию о соответствиях между элементами семантического уровня (партиципантами) этой словоформы <...> и элементами синтаксического уровня (актантами)»¹⁰.

Хотя бы на первых порах, впредь до дальнейших уточнений, следует говорить лишь о диатезе словоформы в данном контексте — ср. (2) *Прошу его о помощи* и (2') *Прошу у него помощи*, где представлены разные диатезы одной и той же глагольной словоформы (если только не считать, что здесь омонимия различных словоформ); ср. аналогичные примеры со словоформами *пожаловал* и *перехожу* из статьи С. Е. Яхонтова¹¹: *Царь пожаловал Ермаку шубу — Царь пожаловал Ермака шубой; Я перехожу улицу — Я перехожу через улицу*.

§ 2. Постановка проблем

Изложенное представление о диатезах нуждается в уточнении едва ли не во всех своих деталях. Здесь возникает ряд проблем

¹⁰ Холодович А. А. Диатезы и залого в современном японском языке // Типология пассивных конструкций (Диатезы и залого). — Л., 1974. — С. 317. — П. 1.1.

¹¹ Яхонтов С. Е. Исходные понятия теории залога // Диатезы и залого. — С. 15—16.

как семантического, так и синтаксического характера. Эти проблемы показывают, что сделать понятие диатезы более точным вряд ли возможно без уточнения многих других, подчас достаточно сложных языковедческих понятий.

А. Семантические проблемы

1. Проблема уровня ситуации. На каком уровне абстракции следует рассматривать понятие ситуации? Описывает ли предложение (3) *Чашка стоит на столе* много ситуаций, относящихся к разным чашкам, столам и моментам времени, или одну «обобщённую» ситуацию, которую легко представляет себе всякий знающий русский язык, восприняв (вне какого-либо — языкового или внеязыкового — контекста) предложение (3)? В обобщённой ситуации слова *чашка* и *стол* не имеют конкретных референтов; следует ли их трактовать как обозначающие лишь свои смыслы, то есть некие общие представления о чашке и о столе? Описывают ли предложения (3) и (3') *Стул стоит на полу* разные ситуации или одну и ту же ситуацию «стояния»? Самое внимательное чтение упоминавшейся уже статьи А. А. Холодовича¹² не позволяет однозначно ответить на эти вопросы.

2. Проблема внутреннего устройства участника ситуации, более конкретно — проблема их единичности и множественности. А именно, сколько имеется участников в каждой из ситуаций, описываемых предложениями: (4) *Петя и Ваня идут*, (5) *Солдаты идут*, (6) *Солдаты идут, раскачивая мост*, (7) *Мальчики галдят*, (8) *Мальчики поссорились*, (9) *Петя и Ваня поссорились*, (10) *Петя с Ваней поссорились*, (11) *Петя поссорился с Ваней*? Один «составной», «собирательный», «множественный» (*солдаты* в (5) и (6), *мальчики* в (7) и (8), *Петя и Ваня* в (4), (9), (10) и (11)) или много единичных (отдельные солдаты, отдельные мальчики, Петя, Ваня)?

3. Проблема состава участников ситуации. Предыдущая проблема касалась того, каким образом следует членить мир на отдельные предметы; здесь же мы интересуемся тем, какие именно из уже выкристаллизовавшихся предметов следует признавать участниками рассматриваемых ситуаций, в частности ситуаций, описываемых предложениями: (12) *Петя моется*, (13) *Петя едет на трамвае*, (14) *Петя идёт по тропинке*, (15) *Петя промахнулся*, (16) *Писторува матоо хадзурэта* (япон.) 'Пистолет не попал в

¹² Холодович А. А. Залог.

цель'. Сколько и какие семантические участники в каждом из этих предложений? Один (кто) или два «совпадающих» (кто и кого) в (12)¹³? Два (*Петя* и *трамвай*) или четыре (*Петя*, *трамвай*, откуда и куда)¹⁴ в (13)? Является ли *тропинка* участником в (14)? Действительно ли в (15) и (16) по четыре участника, согласно А. А. Холодовичу¹⁵?

4. Проблема семантических обозначений участников ситуации. Как более целесообразно обозначать участников — словами «субъект», «объект», «инструмент», «исходная точка», «адресат» и т. п. или же словами «субъект», «1-й объект», «2-й объект», «3-й объект»?

Б. Синтаксические проблемы

1. Проблема уровня языкового выражения. Какая глубина анализа предполагается при рассмотрении языкового выражения (и тем самым на каком из уровней — от «поверхностного» уровня фонетической записи до «глубинного» уровня семантического представления — следует рассматривать выражение)? В частности, будут ли предложения (17) *Мать видит дочь* со значением 'старшая видит младшую' и (17') *Мать видит дочь* со значением 'младшая видит старшую' одним и тем же языковым выражением (такое справедливо, когда никакого анализа не произведено) или разными (такое справедливо, когда произведён некоторый синтаксический анализ, причём он включён в состав самого понятия «языковое выражение»)? Предполагаются ли восстановленными элементы, опущенные при эллипсисах?

2. Проблема внутреннего устройства участника языкового выражения. Следует ли в (4), (9) и (10) усматривать по два таких участника — *Петя*, *Ваня* в (4) и (9) и *Петя*, *с Ваней* в (10) — или же по одному — *Петя и Ваня* в (4) и (9) и *Петя с Ваней* в (10)?

¹³ Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. — С. 9.

¹⁴ См. анализ глагола *ехать* в книге: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). — М., 1974. — С. 108, 122. ●► Второе, исправленное и дополненное издание «Лексической семантики» вышло в 1995 году в качестве 1-го тома «Избранных трудов» Ю. Д. Апресяна. При переиздании разбиение текста на страницы практически не изменилось, а потому ссылки на страницы 1-го издания отвечают ссылкам на те же страницы 2-го издания. ◀●

¹⁵ Холодович А. А. Залог. — С. 4—5. Ср. также: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — С. 148.

3. Проблема состава участников языкового выражения. Следует ли считать, что в предложениях (18) и (19) субъект не выражен вовсе или что он выражен синтаксическим нулём? Аналогичный вопрос — для выражения объекта в предложении (20) со значением 'я обладаю способностью видеть'.

(18) *Свистнуто, не спору, действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!*

(19) *Ваш роман прочитали и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен.*

(20) *Я вижу.*

4. Проблема синтаксических обозначений участников языкового выражения. Следует ли их обозначать словами «подлежащее», «прямое дополнение», «косвенное дополнение», или словами «подлежащее», «1-е дополнение», «2-е дополнение», «3-е дополнение», или же словосочетаниями вида «именная словоформа в таком-то падеже с таким-то предлогом»?

§ 3. Попытки решений

В этом параграфе мы попытаемся дать или хотя бы наметить ответы на проблемы из § 2. Возможно, что не все ответы будут достаточно мотивированы; это и не удивительно: проблемы, допускающие альтернативные решения, всегда допускают и свободу выбора. Тем не менее кажется, что для целей лингвистического описания сделать немотивированный выбор нередко полезнее, чем не сделать никакого (и всегда полезнее, чем скрыть самоё возможность выбора).

1) Проблемы уровня

А. Естественнее считать, что предложение (3) описывает много конкретных ситуаций, или «индивидуальных денотативных ситуаций»¹⁶, и одну абстрактную ситуацию. Абстрактная ситуация, следовательно, — это то общее, что есть у целой совокупности конкретных ситуаций, то представление, которое возникает у носителя языка при восприятии предложения, рассматриваемого безотносительно к какой-либо конкретной внеязыковой обстановке. На ещё более высоком уровне абстракции находится типовая

¹⁶ Храковский В. С. Исчисление диатез // Диатезы и залог: Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разнотипных языков». — С. 27, 41.

с и т у а ц и я (термин предложен А. К. Жолковским)¹⁷, или «обобщённая сигнификативная ситуация»¹⁸: предложения (3) и (3') описывают одну и ту же типовую ситуацию, но разные абстрактные ситуации. Абстрактная ситуация и типовая ситуация относятся к сфере семантики языка, а конкретная ситуация — к сфере семантики речевого акта¹⁹. Участниками конкретной ситуации являются реальные предметы действительности, участниками абстрактной ситуации — обобщённые представления о предметах (типа «чашка вообще»), участниками типовой ситуации — предметные переменные, или партиципанты²⁰. Таким образом, типовую ситуацию можно мыслить как класс абстрактных ситуаций, а абстрактную — как класс конкретных.

З а м е ч а н и е. При более тщательном анализе конкретная ситуация расщепляется на две — ситуацию-событие, участниками которой являются непосредственные предметы действительности (вещи), и ситуацию-представление, участниками которой являются представления (но не обобщённые, а конкретные, хотя, быть может, и фантастические) о вещах. Мы не касаемся того трудного случая, когда участниками конкретной ситуации являются не вещи в узком смысле или конкретные представления о них, а такие абстрактные понятия, как, скажем, доброта и бесконечность. По-видимому, здесь грань между абстрактными и конкретными ситуациями стирается.

Хотя понятие диатезы естественнее соотнести с семантикой языка, чем с семантикой речи, довольно безразлично, на каком из трёх указанных уровней абстракции остановиться: всё равно ведь при описании этого понятия речь идёт не о самих участниках ситуации, а об их обозначениях на специальном семантическом языке.

Б. Само определение диатезы (§ 1) предполагает, что элементы языкового выражения синтаксически обозначены, и тем самым требует предварительного синтаксического анализа. До какого уровня проводится этот анализ, зависит от решения проблемы синтаксических обозначений участников языкового выражения (проблема Б4

¹⁷ Жолковский А. К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — Вып. 8. — М., 1964. — С. 9—10, 13.

¹⁸ Храковский В. С. Исчисление диатез. — С. 27, 41.

¹⁹ По-видимому, именно это различие между семантикой языка и семантикой речевого акта и имел в виду В. С. Храковский, когда писал: «Ситуация, называемая глаголом <...> это факт языка. Её следует отличать от денотативной ситуации (события) в объективной действительности» (Храковский В. С. Пассивные конструкции. — С. 9). Далее В. С. Храковский говорит о «реализации языковой ситуации в речи». Заметим, что, по-видимому, А. А. Холодович под термином «ситуация» понимает именно типовую ситуацию (Холодович А. А. Залог. — С. 5—6).

²⁰ Храковский В. С. Пассивные конструкции. — С. 5.

из § 2); в самом деле, очевидно, что адекватным является тот уровень анализа, при котором элементы языкового выражения оказываются в состоянии получить необходимые синтаксические пометы. Что касается предложений с эллипсисом, то их следует либо не рассматривать вообще, либо предполагать в них эллипсисы устранёнными (то есть пропущенные элементы восстановленными); в противном случае за счёт эллипсисов возникнут паразитические диатезы, не имеющие разумного «диатезного» содержания (хотя А. А. Холодович вроде бы не исключает из рассмотрения эллиптические обороты)²¹.

2) Проблемы внутреннего устройства

А. Кажется естественным, что проблема внутреннего устройства семантических участников должна решаться одинаковым способом для каждой пары соседних примеров из числа (4)—(11). Действительно, в (6), (7) и (8) описывается некоторое совместное действие; (10) и (11) синонимичны друг другу²² и т. д. Таким образом, решение должно быть одинаковым для всех примеров (4)—(11). Вместе с тем в (4) и (11) ясно усматриваются единичные участники, а в (6), (7) и (8) — собирательные. Требование о единстве решения заставляет встать на следующую точку зрения: в каждой из ситуаций, описываемых предложениями (4)—(11), имеется как один составной, множественный участник, так и несколько единичных, или а т о м а р н ы х — по два единичных в (4), (9), (10), (11), неопределённое количество в (5), (6), (7) и (8).

Таким образом, на семантическом уровне происходит объединение отдельных участников в собирательный. Этот новый участник совершает новое, составное действие, отношение которого к элементарным действиям, совершаемым отдельными членами собирательного участника, весьма специфично в разных случаях: ср. (4)—(11), (21), (22), (23) *Петя и Катя ссорятся*, (24) *Петя и Катя целуются*, (25) *Петя и Катя спорят*, (26) *Бобкинс и Добкинс основали фирму*, (27) *Рабочие построили дом*. Во всех этих фразах роли элементарных участников одинаковы между собой; во всех, кроме (4) и (5), совместное действие не расчленяется на отдельные действия единичных участников; в (8)—(11), (21)—(25) действие носит «взаимный характер». Проявляющиеся здесь синтаксические

²¹ Холодович А. А. Залог. — С. 8.

²² Мы считаем (10) и (11) синонимичными, отбрасывая тот второй смысл (11), при котором роль Пети более активна. Быть может, лучшими были бы примеры (21) *Петя с Ваней играют в шашки* и (22) *Петя играет в шашки с Ваней*.

и семантические механизмы существенны для того, чтобы отличать «взаимные» смыслы глагольных форм в (23)—(25) от иных смыслов аналогичных форм в (23')—(25') *Петя и Катя вечно с кем-то ссорятся (целуются, спорят)*. Получение (25) из (25а) *Петя спорит с Катей* очень близко к получению (24) из (24а) *Петя целует Катю*. Поскольку в (24) обычно признаётся взаимный залог, то не следует ли его признать и в (25)?

Б. Аналогично (хотя и не совсем) предлагается решать и синтаксическую проблему внутреннего устройства. Именно, предлагается рассматривать в качестве участников языкового выражения одновременно как словосочетание, выражающее множественного участника ситуации, так и отдельные члены этого словосочетания, выражающие единичных участников ситуации. Согласно сказанному, в (4), (9) и (10) выделяется по три участника языкового выражения: 1) *Петя и Ваня*, 2) *Петя*, 3) *Ваня* в (4) и (9); 1) *Петя с Ваней*, 2) *Петя*, 3) *с Ваней* в (10). Главная разница с решением семантической проблемы внутреннего устройства состоит в том, что в синтаксическом случае наличие составного участника не обязательно сопровождается наличием атомарных: так, в предложениях (5), (6), (7), (8) имеется лишь по одному, а именно составному, участнику выражения: *солдаты* в (5) и (6), *мальчики* в (7) и (8). В (11) — два участника выражения: *Петя* и *с Ваней* (а объединяющего их составного — нет).

Таким образом, в (4), (9) и (10) каждому из трёх семантических участников соответствует свой синтаксический участник; в (5)—(8) только одному из семантических участников, а именно множественному, соответствует синтаксический участник, а единичные не выражены ничем; напротив, в (11) как раз множественный семантический участник не имеет соотнесённого с ним синтаксического участника, а каждый из двух единичных — имеет.

3) Проблемы состава

А. Мы постараемся нащупать подход к решению проблемы «семантического состава», обсуждая каждый из примеров (12)—(16) в отдельности.

В (12) мы усматриваем лишь одного участника; другое дело, что функция этого единственного участника совмещает в себя функции двух участников предложения (28) *Мама моет Петю*. (Всё это при условии, что в состав участников не входит мыло.)

В качестве толкования для встречающейся в (13) лексемы *ехать* приводится толкование выражения *А едет из Y в Z на W*²³, —

²³ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — С. 108, 122.

таким образом, сам набор участников, или семантических актантов, лексемы предполагается уже данным. Вместе с тем не совсем ясно, почему *Y* и *Z* с уверенностью должны быть включены в состав участников, а *V* (*едет по V: едет по дороге, по улице, по лесу, по мосту*) с той же уверенностью должно быть исключено из этого состава. Кажется, что разъяснение, сделанное Ю. Д. Апресяном²⁴, не противоречит как исключению *Y* и *Z*, так и включению *V*. Известная произвольность в определении состава семантических участников оставляет, в частности, открытым вопрос, следует ли пункты отправления и прибытия Пети (которые ничем не выражены в (13), но несомненно существуют!), а также рельсы или улицу включать в число участников ситуации.

В (14) определённо указано, по чему совершается движение. Тем не менее, если следовать толкованию Ю. Д. Апресяна²⁵, тропинка должна быть исключена из числа участников ситуации, тогда как никак не выраженные пункты отправления и прибытия — включены в это число.

Переходим к (15). «Глагол *промахнуться* <...> описывает ситуации, число участников которых колеблется от двух до четырёх, в зависимости от способа поражения цели»²⁶. Согласимся, что неопределённость в количестве участников ситуации не облегчает проблему состава; казалось бы, семантическая сторона диатезы (в отличие от возможно синтаксической — ср. последний абзац § 1) должна быть неизменной в пределах данной лексемы. Кроме того, представление о четырёх участниках глагола *промахнуться* встречает очевидные препятствия психологического характера. Если четыре участника и полезны для лексикографического объяснения данного глагола, действительно ли они уместны при построении диатезы? Не достаточно ли для диатезы в (15) одного участника — Пети?

Что касается (16), то А. А. Холодович усматривает здесь тех же четырёх семантических участников, что и при русском *промахнуться*²⁷. Однако приводимые им же японские примеры скорее заставляют признать здесь двух участников: во-первых, поражающее средство или выпускающий его инструмент и, во-вторых, цель. Кажется очевидным, что анализ японской лексемы навязан здесь аналогией с её русским переводом. Подобный приём понятен, если иметь в виду стремление к универсальной, межъязыковой семантике. Но тогда и русские глагольные лексемы следовало бы анализировать, обращаясь к их

²⁴ Там же. — С. 120.

²⁵ Там же. — С. 108.

²⁶ Там же. — С. 148.

²⁷ Холодович А. А. Залог. — С. 4—5.

эквивалентам на японском, а также на всех прочих языках. Во всяком случае предположение, что глаголы на разных языках, считающиеся переводом один другого, имеют одинаковые наборы семантических участников, нуждается в обосновании (см. об этом ниже, в § 4, п. 3).

Подводя итоги, решимся заявить, что не видно убедительных семантических критериев для определения состава участников ситуации, привязанной к данной глагольной лексеме (впрочем, чисто семантическим критериям трудно быть достаточно убедительными). Объяснить, что во фразе (29) *Под кроватью лежит человек* кровать является участником ситуации, описываемой этой фразой, но не является участником ситуации лежания, не так-то просто. Стандартная отсылка к лексикографическому толкованию²⁸ не решает проблему, а только отодвигает её, поскольку структура лексикографических толкований лексем, и в частности число участвующих в нём предметных переменных, сама по себе нуждается в уточнении и не вызывает разногласий лишь в простейших случаях. Таким образом, опираться можно лишь на совершенно конкретный список лексикографических толкований, то есть на совершенно конкретный лексикон.

Остаётся просто признать, что в каждом предложении каким-то способом указываются семантические актанты, или участники ситуации. Каждый такой способ приводит к своему варианту диатезы. Один из возможных способов (но всего лишь один из возможных!) состоит в обращении к фиксированному толковому словарю. Некоторая попытка выделения набора семантических актантов, специально ориентированного на возможные дальнейшие применения к построению категории залога, будет обсуждена в следующем параграфе.

Б. Считать ли некоторый потенциально мыслимый член языкового выражения просто отсутствующим или же выраженным синтаксическим нулём — решение этого вопроса может быть, как кажется, в значительной степени произвольным. Введение в состав некоторых предложений, традиционно считающихся безличными или неопределённо-личными, нулевых лексем со значениями соответственно 'стихии' и 'люди' представляется вполне допустимым²⁹.

²⁸ Храковский В. С. Пассивные конструкции. — С. 5—6; Холодович А. А. Диатезы и залоги в современном японском языке. — С. 317; Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — С. 119—120.

²⁹ Типология пассивных конструкций. — С. 350, 359. ► Указанные страницы относятся к помещённой на с. 343—361 названного сборника статье: Мельчук И. А. О синтаксическом нуле. По причинам, указанным выше в сноске 2 на с. 228 настоящей книги, на упоминание имени Мельчука было наложено табу. С детской наивностью я попытался преодолеть это табу, «уравновесив» в своей статье о диатезе ссылки на Мельчука ссылкой

Однако признание нулевого подлежащего в предложении, скажем, (30) *Zbudowano szkołę* (польск., буквально 'Построено школу' с тем же винительным падежом, что и в *Zbudować szkołę* 'Построить школу') кажется логически неоправданным. Ведь этот польский пример в отличие от соседствующих с ним русских не имеет ясных личных аналогий, то есть предложений, заведомо признаваемых личными и структурно подобных исследуемым предложениям: (31) *Ø цыплят по осени считают* ~ (31') *Птичницы цыплят по осени считают*; (32) *Ø морозит* ~ (32') *Холод пронизывает*; но (30) не аналогично никакому примеру, где бы *Ø* было заменено ненулевым подлежащим. В свете сказанного мы выделяем нулевые словоформы в (19) и (20) — подлежащее в (19) и прямое дополнение в (20); нулевая словоформа в (20) стоит, естественно, в винительном падеже и является представителем нулевой лексемы со значением 'любой предмет'. В (18) мы не усматриваем наличия нулевой словоформы; здесь субъект действия (Бегемот) не выражен ничем и подлежащее тоже вовсе отсутствует. (Поэтому, если считать, что формы пассивного залога сохраняют синтаксическую валентность на субъект действия, то и *свистнуто* в (18) и *zbudowano* в (30) вряд ли следует относить к пассивному залогоу.)

Допущение нулевых словоформ позволяет смотреть на глагольные словоформы в (23)–(25) как на сокращения для аналитических форм *ссорятся друг с другом*, *целуются друг с другом* (= *целуют друг друга*), *спорят друг с другом*. Для этого достаточно ввести в рассмотрение, вслед за А. А. Зализняком³⁰ и Е. В. Падучевой³¹, лексему *друг друга* с предложно-падежными формами *друг друга*, *друг с другом* и т. д. и считать вариантом каждой формы этой лексемы нулевую словоформу. (Таким образом, как форму *спорит*, так и форму *спорят* нельзя употреблять без дополнения; однако дополнение может быть выражено нулевой словоформой.) При последующем построении понятия залога аналитические формы с *друг друга* скорее всего будут считаться формами взаимного залога; а тогда формами

на философские сочинения В. И. Ленина. Уловка не помогла, и Мельчука мне вычеркнули. По счастью, я успел вовремя оказаться в Ленинграде и вычеркнуть потерявшую смысл ссылку на Ленина перед самой сдачей рукописи в набор (последнее произошло 11.02.1977). Из указанной статьи Мельчука, с её с. 343, заимствована конструкция (30). А на с. 359 той же статьи было провозглашено наличие в конструкции (30) нулевого подлежащего. Несогласие с этой точкой зрения И. А. Мельчука я и заявляю в следующей фразе своей статьи о диатезе. ◀•

³⁰ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М., 1967. — С. 53.

³¹ Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М., 1974. — С. 282.

этого же залога естественно будет считать и случаи, в которых *друг друга* представляется нулевой словоформой: *ссораются, целуются, спорят* в (23)—(25), но не в (23')—(25').

4) Проблемы обозначений

Прежде всего зададимся вопросом, почему нельзя определять диатезу не как соответствие между обозначениями участников ситуации и обозначениями синтаксических актантов языкового выражения, а как соответствие между самими участниками ситуации и синтаксическими актантами. Грубо говоря, потому, что тогда было бы слишком много диатез: каждая глагольная словоформа в каждом предложении имела бы, как правило, свою собственную диатезу. Мы же хотим иметь сравнительно небольшое число диатез, с тем чтобы могли в широком классе случаев обнаруживать одну и ту же диатезу. Рациональный выбор обозначений должен также учитывать этот фактор: при большем разнообразии обозначений (типа «инструмент», «адресат» в семантическом случае и «такой-то падеж с предлогом» — в синтаксическом) диатез будет больше, а сами они будут «мельче»; при меньшем разнообразии обозначений (типа «2-й объект» и «2-е дополнение») диатез будет меньше, а сами они будут крупнее.

Вторым фактором, влияющим на выбор системы обозначений, является их объективность, то есть возможность по относительно объективным критериям приписать эти обозначения семантическим и синтаксическим участникам. С этой точки зрения, обозначения типа «инструмент», «адресат», по-видимому, объективнее, чем «*п*-й объект», а «такой-то падеж с предлогом», чем «*п*-е дополнение».

Общая схема, по которой строятся обозначения участников — ситуации или языкового выражения, — может быть, по-видимому, описана следующим образом. Строится или подразумевается (последнее больше отвечает реальности) некоторая первичная система сравнительно объективных, но зато достаточно дробных обозначений («ролей» — по Апресяну или по Филлмору или ещё более дробных) для участников ситуации и падежно-предложных разрядов для участников языкового выражения. Заметим, что в погоне за максимальной объективностью обозначения неизбежно получатся дробными до чрезвычайности. Так, если взять две фразы: *Маня подарила Ване книгу* и *Маня дала Ване книгу*, — то Маня (как участник ситуации) получит в первой из них семантическое обозначение «дарящий», а во второй — семантическое обозначение «дающий».

Далее эта первичная система подвергается (или не подвергается) следующим преобразованиям.

Во-первых, первичная система «укрупняется», то есть некоторые обозначения объединяются в одно укрупнённое. Например, все падежно-предложные разряды, кроме разрядов «именительный падеж» и «винительный падеж без предлога», объединяются в новый разряд «косвенное дополнение»; в семантической сфере — несколько ролей объединяются в одну роль. Частным случаем этой процедуры является сохранение первичной системы обозначений без изменений.

Во-вторых, возникшие в т о р и ч н ы е обозначения упорядочиваются. (Один из способов такого упорядочения — нумерация их цифрами или латинскими буквами в алфавитном порядке.) Обычно подлежащее предшествует прямому дополнению, прямое — косвенному, агенс — всем другим семантическим ролям. Заметим, однако, что осуществление упорядочения, то есть внесение иерархии, вообще говоря, не обязательно³².

В-третьих, выбирается один из двух способов индексации участников — абсолютный или относительный (скользящий). При абсолютном способе каждому участнику приписывается либо непосредственно его вторичное обозначение, либо тот порядковый номер, который это обозначение получает (на втором этапе) при упорядочении всех обозначений. При относительном способе среди всех обозначений выделяются лишь те, которые встречаются в рассматриваемой фразе, старшему из них присваивается номер 1, следующему за ним — номер 2 и т. д. Таким образом, если имеется около 30 типов семантических участников, из которых в каждой отдельной фразе присутствует не более 4, то при абсолютном способе для обозначения участников ситуации требуются числа 1, 2, ..., 30, а при относительном — числа 1, ..., 4. В первоначальных публикациях по теории диатез не было с достаточной определённости указано, какой из этих двух способов должен быть выбран; впервые это было указано эксплицитно (а именно, выбор относительного способа для синтаксической сферы) в публикации В. С. Храковского³³.

Следует подчеркнуть, что указанные процедуры для синтаксической и семантической сфер, вообще говоря, не связаны друг с другом: например, для одной из этих сфер может быть принят абсолютный способ индексации, а для другой — относительный.

§ 4. Обсуждение

1. О различении уровней. Хотя последовательным является различение логических уровней — уровня вещей или конкретных

³² Успенский В. А. Замечания на полях... — С. 10. — [С. 236 настоящей книги. — *Примеч. ред.*].

³³ Храковский В. С. Исчисление диатез.

представлений о них (участников конкретных ситуаций), уровня обобщённых представлений о них (участников абстрактных ситуаций), уровня их семантических ролей (участников типовых ситуаций), уровня выбранных обозначений этих ролей, — прагматика изложения восстаёт против этого: хотя бы ради экономии места приходится обычно довольствоваться несколько неопределённым термином «участник ситуации» (или «семантический участник», или «семантический актант»), относя его к любому или к подходящему из указанных уровней.

2. О б и е р а р х и и у ч а с т н и к о в. Упорядочение участников преследует две основные цели, ориентированные на удобство описания: 1) иметь возможно меньший инвентарь обозначений (как семантических, так и синтаксических) и тем самым сравнительно немного «крупных» диатез; 2) иметь возможность говорить о «прямых» и «инвертированных» диатезах. Можно считать, что упорядочение актантов тем рациональнее, чем ближе достигаются обе эти цели.

Можно, однако, видеть в упорядочении участников и некоторую присущую языку объективную причину. Эту причину труднее обнаружить в семантической сфере, а в синтаксической она примерно такова. Подлежащее потому главнее дополнения, что фразы с одним только подлежащим (типа *Петя спит*) являются более «регулярными» и, в частности, чаще встречаются, чем фразы с одним только дополнением (типа *Пете не спится*); поэтому если участник языкового выражения только один, то это скорее всего подлежащее. Прямое дополнение потому главнее косвенного, что фразы с прямым дополнением без косвенного (типа *Петя режет хлеб*) «регулярнее», чем фразы с косвенным дополнением без прямого (типа *Петя стучит молотком*).

Точка зрения, что иерархия семантических участников порождается иерархией участников синтаксических, представляется вполне допустимой. Уместно заметить в этой связи, что сама постановка вопроса, выражается ли субъект подлежащим, а объект — дополнением, специфична для русского метаязыка лингвистики; ведь на английском метаязыке, например, этот вопрос выглядел бы так: «Выражается ли subject посредством subject и object посредством object?» — и потому вряд ли вообще мог бы быть сформулирован.

3. О в ы б о р е у ч а с т н и к о в с и т у а ц и и. Почти всегда формирование какого-либо языковедческого понятия осуществляется на пересечении нескольких, часто разнородных представлений (ср., например, определение подлежащего в академической «Грамматике»³⁴). В частности, на формирование понятия «совокупность

³⁴ Грамматика русского языка. — Т. 2. — Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 370.

участников ситуации» влияют по крайней мере следующие факторы: 1) интуиция носителей языка, «понимающих ситуацию»; 2) лексикографическое толкование глагольной лексемы; 3) стремление к межъязыковой семантике; 4) степень выраженности потенциальных участников ситуации в языковом выражении (то есть соотнесение этих потенциальных участников с участниками языкового выражения). Придание тому или другому фактору большего веса в значительной степени определяется пристрастиями исследователя. Так, в сочинениях по теории диатез обычно не подвергается сомнению примат второго из перечисленных факторов; неявно оказывает большое влияние и третий фактор.

Конечно, указание семантических участников лексикографического толкования важно само по себе; важно и соответствие между ними и синтаксическими актантами; это соответствие должно быть указано в словарной статье, и его естественно было бы назвать лексикографической диатезой. Вместе с тем не кажется очевидным, что лексикографическая диатеза должна совпадать с диатезой, ориентированной на последующее определение на её базе понятия залога.

Любая выраженная глаголом ситуация может мыслиться с очень большим числом потенциальных участников; например, для глагола *бежать* такими потенциальными участниками будут и кто бежит, и откуда бежит, и по чему бежит, и мимо чего бежит и т. п. Каждая из поставленных целей — будь то создание толкового словаря с указанием синтаксических употреблений слова, построение интернациональной семантики или формирование понятия залога — приводит, вообще говоря, к своему способу вычленения из потенциальных участников тех, которые следует считать релевантными для данной цели; каждый такой способ вычленения приводит к своему понятию диатезы.

Недостаточность понятия «лексикографически релевантного» участника ситуации, или партиципанта, была фактически обнаружена при развитии первоначальных представлений о диатезах. Так, В. С. Храковский указывает в качестве новшества, что в множество семантических переменных «наряду с партиципантами (= аргументами) включены также и атрибуты. Это дополнение вызвано тем, что при описании конкретных языков были обнаружены такие глагольные лексемы, в диатезы которых наряду с партиципантами приходится включать и атрибуты. Если же этого не делать, то возникают затруднения с истолкованием в терминах диатез и залогов отдельных конструкций, образуемых этими глагольными лексемами»³⁵.

³⁵ Храковский В. С. Исчисление диатез. — С. 35.

Какие же семантические участники представляются нам релевантными с залоговой точки зрения? Основным критерием предлагается принять обязательность выраженности данного участника хотя бы при одной словоформе данной лексемы или, более общо, данной гиперлексемы³⁶; предполагается, таким образом, что мы умеем в нужных случаях отождествлять участников при разных словоформах; слово «обязательность» означает здесь, что без соответствующего члена языкового выражения предложение воспринимается как неполное.

Вот некоторые примеры. В предложении (33) *Мама моет Лушу мылом* опущение слов *мама* и *Луша* приводит к неполноте; поэтому *мама* и *Луша* — релевантные участники; обозначение мыла необязательно как в этой фразе, так и при других словоформах лексемы *мыть*, поэтому *мыло* — нерелевантный участник. В предложении (34) *Иван колотит Петра кулаками по спине* Пётр является релевантным участником ввиду фразы (35) *Пётр был колочен кулаками по спине*, где имя *Пётр* не может быть опущено. В предложениях (12)–(15) — один релевантный участник (Петя). В (16) — один (пистолет), если обозначение понятия «цель» может быть здесь опущено, или два (пистолет и цель), если обозначение цели не может быть опущено либо в этой фразе, либо в любой другой с какой-либо словоформой глагола *хадзурэру*.

Абзац, посвящённый С. Е. Яхонтовым японскому глаголу *фуру* 'падать с неба', убедительно показывает, что в число релевантных участников входит объект, подвергаемый падению на него чего-то, ввиду фразы (36) *Сато-сан-ва амэ-ни фурарёта* 'Сато попал под дождь'³⁷. Несколько сложнее обстоит дело с английским *sleep*. Предложение (37) *The bed has been slept in by John*³⁸ вроде бы показывает, что место, где спят, является релевантным для лексемы *sleep*. Однако вроде бы можно сказать и (38) *The bed has been slept under by John*; а тогда оказывается, что место, под которым спят, тоже входит в число участников этой лексемы и т. д. По-видимому, для английского языка с его особым статусом предлогов целесо-

³⁶ Термин «гиперлексема» для обозначения объединения близких лексем заимствован нами у О. С. Ахмановой, справедливо указывающей на «полную неизученность фактического состава» гиперлексем русского языка (А х м а - н о в а О. С. Некоторые особенности глагольной гиперлексемы в русском языке // To honor Roman Jakobson. — Vol. 1. — The Hague—Paris, 1967. — P. 143). Нужное для наших целей понимание этого термина будет разъяснено ниже, в § 5, п. 2.

³⁷ Яхонтов С. Е. Исходные понятия теории залога. — С. 16.

³⁸ Храковский В. С. Исчисление диатез. — С. 36.

образно рассматривать сочетания *sleep in*, *sleep under* и т. п. как особые переходные глаголы со своей диатезой каждый.

4. О лёгкой и трудной задаче теории залогов. Переход от диатез к залогам состоит в том, что некоторые диатезы (по правилам, о которых мы здесь ничего не говорим) объявляются относящимися к одному и тому же залогу, то есть происходит распределение диатез по залогам (залоговым граммемам). Тогда — поскольку каждая словоформа имеет свою диатезу — по этим же залогам распределятся и словоформы. Например, *прочитал*, *читала* и *прочтёт* заведомо будут отнесены к одному залогу: они имеют одну и ту же диатезу; *прочитал* и *прочитано* — к разным залогам, если только мы согласимся отнести к разным залогам их диатезы — см. ниже (41) и (41'). Хотя формы *целуется* и *целуются* (= *целуются друг с другом*) имеют разные диатезы, эти диатезы и, следовательно, эти словоформы относят обычно к одному и тому же залогу.

Может случиться, что одной словоформе соответствуют разные диатезы — см. примеры (2) и (2') в конце § 1. Не возникает трудностей, если эти диатезы попадают в один и тот же залог. Если же они попадают в разные залогов, то естественно принять следующее решение: рассматриваемая словоформа на самом деле представляет собою не одну, а две или несколько омонимичных словоформ, различающихся хотя бы именно своими залоговыми граммемами. В частности, английское *opened* имеет две диатезы: (39) *I opened the door* и (39') *The door opened*. Если отнести обе эти диатезы к одному залогу, то у *opened* в (39) и (39') будет один и тот же залог; если к разным — в (39) и (39') будут омонимичные словоформы, представляющие разные залогов.

Хотя даже для одной заданной глагольной лексемы или гиперлексемы задача классификации диатез и тем самым словоформ по залогам ещё далека от строгого решения³⁹, мы хотели бы закрепить за ней название «лёгкая задача теории залогов»⁴⁰. Неизмеримо труднее «трудная задача теории залогов», состоящая в отождествлении залоговых разрядов (граммем) для различных глагольных гиперлексем.

³⁹ Ведь надо будет ещё объяснить, например, относятся ли глагольные словоформы в (50')—(50''') к одному и тому же или разным залогам.

⁴⁰ «Лёгкая задача теории падежей» состояла бы в выделении падежей для отдельно взятой именной лексемы. Это вполне осмысленная задача, хотя она и привела бы скорее всего к выделению меньшего, чем обычно, числа падежей для каждой отдельной лексемы: ведь, например, в русском языке никакая лексема не имеет внешне различных словоформ для всех шести традиционных падежей.

Лёгкая задача теории залогов не требует для своего решения таких универсальных семантических категорий, как «агенс», «инструмент», «адресат» и т. д. Её решение основано на сравнении семантико-синтаксических характеристик (а именно, диатез) и их морфологического оформления в пределах одной и той же гиперлексемы. Для того чтобы признавать одинаковыми или хотя бы сходными (= принадлежащими к одному и тому же залогу) некоторые диатезы, относящиеся к различным гиперлексемам, требуется гораздо большее, а именно умение сопоставлять семантические актанты различных ситуаций. Однако мы всё же считаем, что и здесь можно обойтись без универсальных семантических категорий или по крайней мере, следуя Е. В. Падучевой⁴¹, вывести их — в пределах одного языка — из синтаксиса этого языка (мы уже отмечали, что в предложениях (40) *Дровосек рубит ель топором* и (40') *Мальчик рвёт бумагу рукой* так называемые субъект, объект и инструмент выделяются именно вследствие подобия внешних форм)⁴².

§ 5. Роли, гиперлексемы, диатезы

1. Р о л и. Рассмотрим несколько словоформ одной и той же глагольной лексемы и их употребления в предложениях. Например: (41) *Ученик прочитал книгу* и (41') *Сочинение прочитано учителем*. Мы отчётливо ощущаем, что ученик в (41) имеет ту же роль, что учитель в (41'), а книга в (41) — ту же роль, что сочинение в (41'). Подчеркнём, что это не те обобщённые семантические роли, о которых говорилось в конце § 3; то были межлексемные, универсальные роли, тогда как здесь идёт речь о внутрилексемных ролях, в данном случае о «том, кто читает» и о «том, что читают». Более сложный случай: (42) *Мать обучает ребёнка* и (42') *Солдат обучся* (в предположении, что здесь одна и та же лексема). Но и тут мы осознаём, что в (42') солдат имеет ту же роль, что мать в (42), и одновременно ту же роль, что ребёнок в (42). Ещё более сложный случай: (43) *Петя спорит с Катей* и (43') *Крестьяне спорили*. Здесь мы признаём одну роль (спорщика), присущую и Пете, и Кате в (43) и каждому атомарному участнику (крестьянину) в (43'). Аналогично в (44) *Петя шепчется с Катей* Петя и Катя выполняют одну и ту же роль; точно так же совпадают роли Вани и Пети в (9)—(11), а также в (21)—(22).

⁴¹ Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — С. 223.

⁴² Успенский В. А. Замечания на полях... — С. 13. — [В настоящей книге с. 239].

Итак, мы предполагаем, что умеем отождествлять семантические роли участников ситуаций, выраженных словоформами в пределах одной глагольной лексемы, причём один и тот же участник может, вообще говоря, иметь несколько ролей. Тогда для каждой лексемы возникает некоторый инвентарь специфичных для неё ролей, и каждому атомарному участнику ситуации, выраженному какой-либо словоформой этой лексемы, приписывается одна или несколько ролей из этого инвентаря; не предполагается, что каждая роль выражена при каждой словоформе, — ср. (18); вообще говоря, не предполагается даже, что существует хоть одна словоформа, при которой были бы выражены все специфичные для данной лексемы роли.

2. Г и п е р л е к с е м ы. До сих пор мы различали роли участников ситуаций лишь для словоформ одной и той же лексемы. Нетрудно, однако, сделать это и для словоформ некоторых близких лексем. Так, то, что говорилось выше относительно (42) и (42'), сохраняет свою силу и в том случае, если *обушает* и *обулся* считать представителями разных лексем. Во фразах (45) *Человек катит колесо* и (45') *Обруч катится колесо* и обруч имеют одну и ту же роль; роль человека из (45) никак не выражена в (45'); более того, «тот, кто катит» может вообще отсутствовать в ситуации (45'), однако вопрос «кто катит?» уместен и в этой ситуации; поэтому и здесь можно выделить роль катящего. Аналогично: (46) *Ребёнок радует мать* — (46') *Цезарь радуется*.

Естественно соединить вместе словоформы хотя бы и разных лексем, но такие, что соотнесённые с ними роли легко сравниваются и опознаются как тождественные или различные. Такое объединение словоформ мы будем называть г и п е р л е к с е м о й; в частном случае гиперлексема может состоять из словоформ одной лексемы. Итак, мы объединяем в одну гиперлексема словоформы лексем *катить* и *катиться*, *радовать* и *радоваться*. Можно идти дальше и объединять *поить* и *пить*, *кормить* и *есть*, *покупать* и *продавать*; решение зависит от того, довольствуемся ли мы семантической близостью или требуется ещё и близость внешнего оформления.

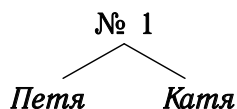
Подчеркнём, что объединение словоформ в гиперлексем и отождествление их ролей — это по существу одна и та же процедура. Если признать желательным такое объединение (в целях совместного рассмотрения словоформ как с диатезной, так и с морфологической точки зрения), то это может привести к изменению первоначальной инвентаризации ролей. Пусть, например, мы желаем рассматривать совместно словоформы лексемы *шептать* и лексемы *шепаться*; тогда в (44) мы приписываем каждому из двух участников, и Пете, и

Кате, по две роли (шепчущего и слушающего), присущие слову *шепчет*, — тогда как при изолированном рассмотрении слова *шепчутся*, мы усматривали здесь лишь одну роль «шепчущего и слушающего одновременно». Точно так же ввиду (47) *Злодей поссорил Ваню с Петей* мы должны усматривать роль ссорящего и в (8)—(11) — если только мы хотим совместно рассматривать *поссорить* и *поссориться*.

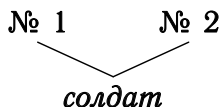
Заметим, что коль скоро мы рассматриваем залоговые противопоставления в пределах гиперлексемы, к числу таких противопоставлений будут отнесены и противопоставления по каузативности (*радовать* — *радоваться* или *ссорить* — *ссориться*).

3. Диатезы. Мы определим теперь диатезу как соответствие между ролями и синтаксическими обозначениями выражающих эти роли именных словоформ. Это определение несколько отличается от изложенного в § 1. В нижеследующих примерах для наглядности будем указывать не синтаксические обозначения именных словоформ, а сами эти словоформы.

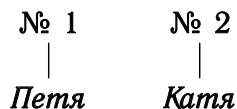
I. Для лексемы *бежать* мы усматриваем одну роль № 1 (бегущего). Диатеза для (48) *Петя и Катя бегут*:

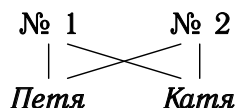
II. Для гиперлексемы *обувать* — *обуваться* мы усматриваем две роли: № 1 (обувающего) и № 2 (обуваемого). Диатеза для (49) *Солдат обулся*:

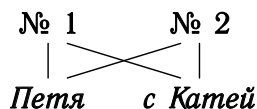
III. Для гиперлексемы *целовать* — *целоваться* мы усматриваем две роли: № 1 (целующего) и № 2 (целуемого). Диатеза для (50) *Петя целует Катю*:

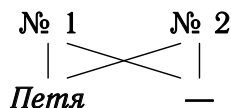
Для (50') *Петя и Катя целуются*:

Для (50'') *Петя целовался с Катей*:

Для (50''') *Петя целовался*:

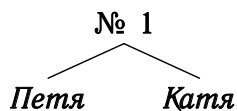

Здесь прочерк (—) означает, что роль ничем не выражена.

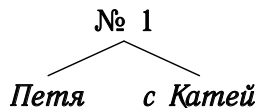
IV. Для гиперлексемы *ссорить* — *ссориться* усматриваем две роли: № 1 (того, кто ссорит) и № 2 (ссорящегося). Диатеза для (51) *Петя и Катя ссорятся*:

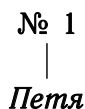
V. Для лексемы *спорить* мы усматриваем одну роль № 1 (спорящего). Диатеза для (52) *Петя и Катя спорят*:

Для (52а) *Петя спорит с Катей*:

Принципиальная разница с I (*бежать*) не в том, что в I нет последней диатезы (для (48а) *Петя бежит с Катей* диатеза будет та же), а в том, что в случае I есть диатеза

невозможная в случае V (если считать, что *Петя спорит* — неполное предложение).

О вещных коннотациях абстрактных существительных

Хорошо известно, что значение иностранного слова нередко можно узнать, не обращаясь к словарю, а исходя из контекста — особенно, если это слово встречается в нескольких контекстах. Иногда такой способ установления значения приводит даже к лучшим результатам, чем словарный, поскольку позволяет очертить именно то значение, которое имеется в виду в данном тексте и которое — в требуемом оттенке — может и вовсе отсутствовать в словаре.

Сходная задача встаёт и перед дешифровщиком неизвестного или не полностью известного языка, когда никаких словарей нет и любой разумный приём идёт в дело, включая и «догадку по смыслу».

Вообразим гипотетическую ситуацию, когда некто поставил перед собой задачу восстановить значения слов известного ему в основном, но не полностью, русского языка. Предположим, что нашему дешифровщику известна грамматика русского языка, что он знает значения большинства слов и понимает общий смысл фраз, включающий в необходимых случаях и подразумеваемую оценку («хорошо» — «плохо», «правильно» — «неправильно») упоминаемых в этих фразах предметов и явлений; кроме того, в его распоряжении находится какое-то количество текстов на русском языке. Посмотрим, к каким выводам он может прийти, опираясь на указанную информацию, в отношении некоторых так называемых отвлечённых, или абстрактных, существительных. Разумеется, это мы (автор и читатели) знаем, что обсуждаемые существительные являются абстрактными, или отвлечёнными: гипотетический дешифровщик этого не знает.

Начнём со слова *авторитет*. Поставим себя на место дешифровщика и отберём контексты, в которых встречается это слово. Это можно делать либо бессистемно, либо же пытаться ответить на некоторые заранее поставленные естественные вопросы типа: «откуда

Опубликовано в продолжающемся сборнике: Семиотика и информатика. — Вып. 11. — М.: ВИНТИ, 1979. — С. 142—148. Повторная публикация: Семиотика и информатика. — Вып. 35. — М.: Русские словари. — 1997. — С. 146—152.

берётся авторитет?», «что с ним делают?», «каковы атрибуты хорошего и плохого авторитетов?». (Некоторые из этих вопросов можно воспринимать как вопросы о способе выражения того или иного лексического параметра слова *авторитет*¹.) Если набор имеющихся в нашем распоряжении текстов является достаточно представительным, при обоих подходах мы через некоторое время составим себе определённое представление о предмете под названием *авторитет* и, в частности, окажемся в состоянии отвечать на перечисленные вопросы. Так, мы узнаём, что авторитет зарабатывают или завоёвывают (вот откуда он берётся), что авторитет можно использовать для подавления кого-нибудь или чего-нибудь (но это дурное использование авторитета, скорее злоупотребление им), что ложный авторитет может в конце концов лопнуть.

Кажется естественным стремление приписать незнакомому слову конкретное, вещное значение — и только в случае неудачи искать значение абстрактное, отвлечённое. Представим себе, поэтому, авторитет в виде некоего материального тела и попытаемся выяснить, что же это за предмет. (Заметим, что здесь и в дальнейшем мы не касаемся метонимических употреблений слова *авторитет* типа «N. N. — крупный авторитет в химии».)

Большую помощь в процессе такого выяснения нам окажут случаи отклонения авторитета от позитивной нормы, от своего предназначения, то есть отрицательные характеристики плохого или, хуже того, фальшивого авторитета. Представление о дефектном состоянии предмета весьма помогает формированию представления о его правильном состоянии. К тому же отрицательные характеристики, возможно, с большей лёгкостью обнаружатся в текстах, чем характеристики положительные. Так, мы скорее заключим из текстов, что дурной стул имеет три ноги и продырявленное сидение, чем то, что полноценный стул имеет четыре ноги и сплошное сидение: такие сведения содержатся разве что в инструкциях по мебельному делу.

¹ О лексических параметрах вообще см. [1], с. 45—50. (Поскольку, как указано на с. 50 названной книги, значением лексического параметра служит слово или, более общо, словосочетание, имеющее, в свою очередь, лексическое значение, то — дабы избежать логически правильного, но неприятного оборота «значение значения» — в качестве синонима для термина «значение лексического параметра» употребляется также термин «способ выражения лексического параметра».) Специально о способах выражения лексических параметров слова *авторитет* см. [2]. К числу вопросов, не являющихся вопросами о способах выражения лексических параметров, принадлежат, например, вопросы: «что делают с предметом?» или «в чём состоит отношение к предмету?». В применении к слову *авторитет* ответами на эти вопросы могут служить, например: «его кладут на чашу весов», «на него надеются».

Итак, что же такое авторитет?

Прежде всего, авторитет — предмет полезный, что следует из выражений *пользоваться авторитетом, использовать авторитет, уповать на авторитет*. Он представляет собой явную ценность. Его можно *иметь*, им можно *обладать*, однако приобретение его не просто и ограничено определёнными способами: его нельзя ни найти, ни получить в подарок, но можно *заслужить, заработать* или *завоевать*.

Хороший авторитет должен быть *большим, весомым, прочным, твёрдым*. Его *кладут на чашу весов* — с тем, чтобы что-нибудь (в частности, чужой авторитет) *перевесить*. Авторитет второго сорта — это авторитет *маленький, хрупкий* (хотя, вероятно, возможен случай маленького, но прочного авторитета). Но даже и такой авторитет — это всё же подлинный, настоящий авторитет, подобно тому, как мелкая монета — это всё же полноправная монета и стул с дырявым сидением — это всё же стул. Так же, как истинную монету, хотя бы и очень мелкую, следует отличать от фальшивой монеты, то есть от объекта, лишь притворяющегося монетой, имеющего внешнее сходство с монетой, но на самом деле монетой не являющегося, так же хотя бы и маленький, но истинный авторитет следует отличать от авторитета фальшивого, то есть предмета, принявшего внешнее обличье авторитета, но на самом деле авторитетом не являющегося. В качестве такого фальшивого, ненастоящего авторитета выступает авторитет *ложный* или *дутый*. Дутый авторитет, таким образом, это нечто вроде браслета, на самом деле дутого, но выдающего себя за сплошной. Всё сказанное позволяет представить себе авторитет в виде сплошного шара, в хорошем случае большого и тяжёлого, в плохом — маленького и лёгкого. Ложный авторитет — полый внутри, с настолько тонкими стенками, что может *лопнуть*.

Хрупкий авторитет не является столь же порочным, как дутый, но всё же и он несёт некоторый оттенок фальши. (По-видимому, вообще, наряду с основной шкалой признаков, упорядоченной от плохого к хорошему, существует независимая шкала, упорядоченная от фальшивого к истинному.)

Особого разбора требует случай *раздутого* авторитета. Раздутый авторитет, вообще говоря, не перестаёт быть истинным авторитетом (разве что он раздут до того, что становится дутым), просто его видимые размеры не соответствуют внутреннему содержанию (массе, весу). Фальшивым здесь является не само качество «быть авторитетом», а, по-видимому, качество «быть весомым», вытекающее (как выясняется, неоправданно) из больших линейных размеров. Полу-

чается, что для авторитета масса существенней, чем его линейные размеры. В то же время некоторая полость внутри ещё не нарушает качества «быть авторитетом» поскольку раздутый авторитет — всё ещё авторитет; однако эта полость не должна быть слишком большой; по-видимому, усреднённая плотность (отношение массы к объёму) не должна опускаться ниже некоторого предела.

Положительным качеством авторитета является его высота: хорошо, когда чей-либо авторитет *высок*. Весомость и высота авторитета увеличиваются или уменьшаются одновременно. В каком смысле слово *высокий* применяется к авторитету — в смысле протяжённости по вертикали, как в сочетании *высокая гора*, или в смысле удалённости от исходного горизонта, как в сочетании *высокое облако*? Выражение *высоко держать свой авторитет* приводит к заключению, что имеет место второй из указанных смыслов. Скорее всего, авторитет держат на специальном возвышении, которое должно быть устойчивым: недоброжелатели стараются *расшатать* чужой авторитет. Хороший авторитет *устойчив* — вероятно, в силу своего веса: тем не менее, его надо *поддерживать*, чтобы он не *поколебался* и не *упал*. Свой авторитет можно *уронить*, чужой — *ниспровергнуть*; и то, и другое плохо для владельца авторитета. Забота об авторитете состоит не только в *поддержке*, но и в *укреплении, упрочении* его.

Высота, на которой находится авторитет, как и его величина, не являются неизменными: под действием благоприятных сил они увеличиваются, под действием сил враждебных — уменьшаются. Авторитет может *расти, увеличиваться, подниматься*, но может и *уменьшаться, снижаться, падать*. Он может *уменьшиться до нуля* или *упасть до нуля* (то есть нулевой отметки высоты); в обоих этих случаях авторитет уничтожается. Бывают и другие причины исчезновения авторитета: он может быть, например, *потерян*.

Перестанем теперь отождествлять себя с гипотетическим дешифровщиком и взглянем на всю ситуацию сверху, так сказать, с метаязыка. Мы видим, что отвлечённое существительное *авторитет* (по Ушакову — «общепризнанное значение, влияние») во многих контекстах ведёт себя так, как если бы оно обозначало тяжёлый предмет из твёрдого, небьющегося материала. Более того, легче найти такой контекст, в котором авторитет воспринимается как нечто материальное, чем такой, из которого можно было бы заключить об истинной, абстрактной сущности авторитета. Что это, единичное явление, достойное быть помещённым в лингвистическую кунсткамеру, или же явление в некотором роде типическое? Мы

предполагаем, что скорее типическое. Проиллюстрируем бегло правдоподобность этой гипотезы на нескольких дальнейших примерах.

Рассмотрим слово *страх*. Страх *нападает* на человека, *охватывает* его, *душит*, *парализует*; однако человек может *бороться* со страхом и даже *победить* его. Таким образом, страх можно мыслить в виде некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спруту, снабжённому жалом с парализующим веществом. Впрочем, это существо может быть не только большим и сильным, но и маленьким и слабым. Привлечение дальнейших текстов приводит к более развитому представлению. Так, мы обнаруживаем выражения *в нём проснулся страх*, *он победил в себе страх*, приводящие к заключению, что страх — по крайней мере в отдельные моменты времени — помещается внутри человека. Можно представить себе такое положение вещей. Страх изначально находится внутри человека, однако в состоянии анабиоза. В какой-то момент он *просыпается* (*пробуждается*), *растёт* и, наконец, *нападает* на своего хозяина — возможно, всё ещё оставаясь внутри.

Попытаемся сформулировать вещные представления для слов *горе* и *радость*.

Горе — это тяжёлая жидкость. В самом деле, это жидкость, поскольку горе можно пить: ср. *испить горя*, *хлебнуть горя*. Она тяжёлая, поскольку *обрушивается* на человека, *давит* на него; человек *подавлен*, *придавлен* горем и, наконец, не вынеся этой тяжести, может быть *убит* горем. Возможно, горе — как жидкость — заполняет некоторый бассейн, на дне которого находится человек: ведь чем горе *больше*, тем оно *глубже*, тем *тяжелее* и с тем большей силой давит на человека. Человек пребывает *погружённым* в горе, так что горе находится вне человека, окружая его.

Напротив, радость — внутри человека². Это лёгкая светлая жидкость. Иногда она *тихо разливается* в человеке, а иногда *бурлит*, *играет*, *искрится*, *переполняет* человека, *переплёскивается* *через край*. По-видимому, она легче воздуха: человек от радости *испытывает лёгкость*, *идёт*, *не чуя земли под ногами*, *парит* и, наконец, *улетает на седьмое небо*.

² Через 15 лет после написания данной статьи автор нашёл следующую замечательную цитату из Бестужева (Марлинского): «Раскипаясь счастьем, словно бокал шампанского (я уверен, что счастье — это какой-нибудь газ и что химики на днях разложат его), — он [любовник] уходит через край, радость улетучивается из сердца <...>» (А. А. Бестужев - Марлинский. Фрегат «Надежда». — п° 4, абзац 2). — *Примеч. автора к публикации 1997 года.*

Итак, на примере четырёх лексем — *авторитет*, *страх*, *горе*, *радость* — мы обнаружили следующее явление: отвлечённое существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет (образующий материальную, или вещную, коннотацию рассматриваемого существительного), и потому в мысленном эксперименте может быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет. Выдвигается гипотеза, что это явление носит достаточно распространённый характер. В обоснование можно привести следующие соображения. Прилагательные и глаголы, сочетающиеся с данным абстрактным существительным, как правило, имеют, помимо прочих, конкретные значения и в этих конкретных значениях сочетаются с различными конкретными же существительными. Лексическое значение каждого такого конкретного существительного есть материальная, или вещная, коннотация рассматриваемого отвлечённого существительного в данном контексте. Так, в контекстах *горе давит*, *тяжёлое горе* вещной коннотацией для горя будет любая тяжесть, в контексте *погружён в горе* вещной коннотацией для горя будет любой заполненный жидкостью достаточно большой объём и т. д. Сопоставляя вещные коннотации в разнообразных контекстах, можно составить себе образ некоторого материального предмета (быть может, довольно фантастического); с этим предметом, следовательно, будут сочетаться действия и признаки, выраженные упомянутыми выше глаголами и прилагательными. «Образная» картина мира, в которой абстрактные существительные представлены своими вещными коннотациями, вероятно, ещё более специфична для каждого языка, чем наивная картина³.

Вещная коннотация абстрактного существительного образуется на основе сопряжённых с этим существительным способов выражения лексических параметров и других аналогичных характеристик лексической сочетаемости. В свою очередь, вещная коннотация может рассматриваться как компактный, синкретический способ кодирования таких характеристик. В частности, для человека, недостаточно знающего русский язык, описанная выше вещная коннотация слова *авторитет* позволила бы, хотя и с осторожностью, предсказать такие обороты, как *испровергнуть авторитет* или *положить авторитет на чашу весов*.

Обсуждаемая тема соприкасается с вопросами психологии — с теми именно, которые занимают семантической организацией

³ О наивной картине см. [1], с. 59.

языковой способности, в частности, механизмами хранения лексической информации. Мы не знаем, как такая информация хранится в человеческом мозгу, но можем предположить, что лексические значения конкретных существительных, если и не хранятся непосредственно в виде чувственных образов, то, во всяком случае, тесно связаны с такими образами. Не является ли этот механизм хранения универсальным, распространяющимся и на абстрактные существительные, которые, таким образом, оказываются связанными в мозгу со своими чувственными восприятиями в форме вещных коннотаций?

Литература

- [1] *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). — М., 1974. — [●► Второе издание, исправленное и дополненное, но с сохранением номеров страниц первого издания, вышло в Москве в 1995 году в качестве тома 1 «Избранных трудов» Ю. Д. Апресяна ◀●].
- [2] *Апресян Ю. Д. и др.* Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка — 4. / Институт русского языка АН СССР; Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. — (Предварительные публикации; Вып. 35). — М., 1973.

Подлежащее или сказуемое?

(Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях)

Биноминативные предложения. — Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого. — Применение денотативного критерия: анализ примеров. — Разбор трудных случаев. — Биноминативные предложения с абстрактными существительными.

Биноминативные предложения

Объектом данного исследования являются биноминативные предложения (сокращённо — БП), то есть двусоставные предложения, образованные двумя существительными — и вообще двумя именными группами¹ — в именительном падеже, со связкой и без связки (или с нулевой связкой). Несмотря на близость к предложениям с творительным предикативным (замена именительного падежа на творительный в современном языке часто возможна без ощутимого изменения смысла²), БП составляют отдельный класс, более сложный для анализа. Различия касаются по крайней мере двух аспектов. Во-первых, в предложениях с творительным предикативным семантические отношения между главными членами относительно просты и однотипны по сравнению с более разнообразными и менее ясными значениями в БП. Во-вторых, в предложениях с творительным предикативным не возникает никаких проблем, связанных с делением главных членов

Опубликовано в журнале: Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1979. — Т. 38. — № 4. — С. 349—360. (Соавтор: Елена Викторовна Падучева.)

●► Статья представляет собой расширенное изложение двух совместных докладов обоих авторов, прочитанных В. А. Успенским в 1979 году: 14 марта на симпозиуме «Категории и термины группы 'субъект', 'подлежащее', 'тема', 'топик'» Проблемной комиссии по семантике и семасиологии Отделения литературы и языка АН СССР; 22 мая на заседании памяти Александра Алексеевича Холодовича, проводившемся сектором теории грамматики и типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. ◀●

¹ Об именных группах см. Примечание в конце данного раздела.

² См. об этом, в частности: Изменения в системе простого и осложнённого предложения в русском литературном языке XIX века. — М.: Наука, 1964. — С. 81.

на подлежащее и сказуемое; так, в предложении *Столицей Ассирии была Ниневия* подлежащее, очевидным образом, *Ниневия*. Между тем подлежащее в предложениях *Столица Ассирии была Ниневия* или *Столица Голландии — Амстердам* — это уже проблема.

Высказывались предположения, что в БП вообще нет подлежащего и сказуемого, то есть что главные члены у этих предложений — или по крайней мере у значительной их части — грамматически неразличимы и тем самым не отождествляются с главными членами обычных двусоставных предложений, различающих подлежащее и сказуемое³.

С другой стороны, делались попытки определить подлежащее и сказуемое в БП как чисто формальные единицы — только на основе согласования связки⁴ или только на основе порядка слов⁵, — причём от таких формальных единиц не требуется семантических сходств с подлежащим и сказуемым обычного предложения. Так, А. М. Пешковский считает подлежащим в предложении *Свадьба Наташи... было последнее радостное событие в старой семье Ростовых* слово *событие* (с. 234), а по Эбелингу подлежащее в предложении *Прекрасный юноша был брат мой* (Горький)⁶ — *прекрасный юноша* (с. 36), что противоречит нашей «семантической интуиции» относительно подлежащего и сказуемого, опирающейся на простые случаи типа *Птица летит*.

Однако чисто формальный подход быстро обнаруживает свою несостоятельность: согласование даёт однозначный ответ лишь для

³ Ср.: Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. — М.: Наука, 1978. — С. 250; Шмелёв Д. Н. Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. — М.: Наука, 1976. — С. 35; Дурново Н. Повторительный курс грамматики русского языка. — Вып. II. — Ч. I. — М.—Л.: Госиздат, 1929. — С. 23, 105.

⁴ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — Изд. 6-е. — М.: Учпедгиз, 1938. — С. 234.

⁵ Ebeling C. L. Subject and predicate, especially in Russian // Dutch contributions to the 4th International Congress of slavistics. — 's-Gravenhage, 1958.

⁶ Ссылка на литературный источник примера даётся только в тех случаях, когда может возникнуть сомнение, что предложение соответствует литературной норме. Что касается фразы из Горького, то она не вполне стандартна, поскольку является эмфатическим вариантом предложения с более спокойной интонацией и порядком слов: *Брат мой был прекрасный юноша*. Заметим ещё, что фраза Горького допускает теоретически возможное, но маловероятное прочтение, при котором *прекрасный юноша* употребляется в метатекстовом смысле, то есть как бы в кавычках: 'некто, ранее названный прекрасным юношей, оказался моим братом'; при таком экзотическом прочтении *прекрасный юноша* действительно является подлежащим.

ничтожного числа БП — со связкой в прошедшем времени и главными компонентами, различающимися по роду или числу; что же касается порядка слов, то он во всех других типах предложений русского языка служит средством выражения актуального, а не грамматического членения, и непонятно, почему в БП он должен быть средством различения подлежащего и сказуемого. Тем самым формальный подход практически не даёт возможности распространить различение подлежащего и сказуемого на БП.

Общий вывод данной работы состоит в том, что понятия подлежащего и сказуемого всё же допускают естественное распространение с «типичных» двусоставных предложений на БП, если взять за основу не формальный, а содержательный аспект обычного противопоставления подлежащего и сказуемого.

П р и м е ч а н и е. К именным — то есть субстантивным по употреблению — группам (сокращённо — ИГ) относятся: существительные, словосочетания с существительными в роли главного слова; местоименные существительные; сочетания существительного с числительным (*два рубля*); числительные в абсолютном употреблении; элективные конструкции (*один из них*); субстантивированные прилагательные и причастия (*раненый, вошедший*). ИГ может включать придаточное (*тот, кто его видел*), может быть сочинённой (*отец и сын*). Вообще говоря, субстантивными в некоторых своих употреблениях являются также инфинитивные группы. Действительно, предложения типа *Нравиться — это дело юношей, Счастье или грусть — ничего не знать наизусть?, Жизнь прожить — не поле перейти* обычно располагаются в том же ряду, что предложения из двух существительных. Предложения с инфинитивными компонентами в дальнейшем специально не рассматриваются, но все основные положения остаются для них в силе.

Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого

Различение подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении традиционно основывается на двух критериях. 1) **С о д е р ж а т е л ь н ы й** критерий (он же семантический или логический): сказуемое обозначает признак (то есть свойство, действие или состояние) той сущности, которую обозначает подлежащее (при этом подлежащее может обозначать предмет или же признак, то есть свойство, действие, состояние). 2) **Ф о р м а л ь н ы й** критерий (он

же грамматический или синтаксический): сказуемое зависит от подлежащего, то есть согласуется с ним (в русском языке — в роде/лице и числе)⁷.

В том виде, как он сформулирован, содержательный критерий различения подлежащего и сказуемого является столь расплывчатым и неточным, что обычно не принимается всерьёз. Однако этот критерий поддаётся уточнению, после которого он может, как правило, давать однозначный ответ. А именно: семантическое различие между подлежащим и сказуемым состоит — в ясных случаях — в том, что подлежащее действительно обозначает (предмет или признак), а сказуемое ничего само по себе не обозначает (в том смысле слова «обозначать», который выражает отношение между именем и его денотатом); оно лишь приписывает признак тому объекту, который обозначен подлежащим (выявление этого тонкого различия принадлежит Фреге⁸). Так, во фразе *Задумчивость — её подруга* слово *задумчивость* обозначает признак, но слово *задумчива* во фразе *Она задумчива* ничего не обозначает: это предикат. Из двух слов, каждое из которых синтаксически предназначено только для того, чтобы обозначать, нельзя составить предложение, ср. **Она задумчивость* (сочетание *Она артистка* допустимо, поскольку слово *артистка* синтаксически предназначено не только для обозначения предмета, но и для того, чтобы быть предикатом).

⁷ Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 370, 386. Имеется и третий критерий, который можно назвать «школьным» или «психологическим»: подлежащее обозначает то, о чём говорится в предложении, а сказуемое указывает, что говорится о подлежащем; этот критерий включён в определение подлежащего наряду с семантическим и формальным в книге Лайонза (Lyons J. Semantics. — V. II. — Cambridge, 1978. — P. 508). Однако психологический критерий выделяет, в сущности, не подлежащее, а тему (точнее даже, смысловую тему, см. Падучева Е. В. Актуальное членение и структура имён объектов // Tekst. Język. Poetyka / Ed. M. R. Maýenowa. — Wrocław, 1978), которая — в таком языке со свободным порядком слов, как русский, — может и не совпадать с подлежащим; этот критерий не может поэтому входить в определение подлежащего. Имеются ещё морфологические критерии: сказуемое является носителем категорий предикативности — времени, наклонения (см. Белашапова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 86); подлежащее имеет немаркированный падеж. Эти критерии, однако, не могут быть использованы в БП.

⁸ Фреге Г. Понятие и вещь: Пер. с нем. // Семиотика и информатика. — Вып. 10. — М.: ВИНТИ, 1978. См. также: Quine W. O. Methods of logic. — New York, 1955. — P. 205; Searle J. Speech acts. An essay in the philosophy of language. — Cambridge, 1969. — P. 102; Heintz J. Subjects and predicables. A study in subject-predicate asymmetry. — The Hague, 1973.

Как легко видеть, этот критерий не столько смысловой, сколько денотативный: чтобы узнать, является ли ИГ подлежащим или сказуемым, нужно оценить её денотативный статус⁹, то есть способ соотнесения с внеязыковыми объектами. Можно выделить следующие существенные для дальнейшего типы ИГ, различающиеся денотативным статусом.

1. Референтные ИГ. Это ИГ, которые при реальном употреблении предложения в речи обозначают конкретный объект. Референтная ИГ может быть определённой, как во фразе *Мой отец капитан* или *Я тоже видел эту акулу*, и неопределённой, как во фразе *Иван видел живую акулу*. Референтным ИГ свойственно, кроме того, ещё одно денотативное противопоставление, которое называют противопоставлением чисто референтных и атрибутивных ИГ¹⁰. У чисто референтных ИГ способ называния объекта, вообще говоря, несуществен для содержания высказывания: замена данной ИГ на другую с тем же денотатом — при условии, что тождество денотатов известно слушающему, — не приводит к существенному изменению содержания предложения. А атрибутивную ИГ нельзя заменить на другую ИГ с тем же денотатом, поскольку здесь способ называния объекта принципиально важен для содержания предложения. Так, в предложении *Убийца Смита — Джонс* ИГ *Джонс* чисто референтная, а ИГ *убийца Смита* — атрибутивная.

2. Квантифицированные ИГ. Это ИГ, которые не соотносятся ни с каким индивидуализированным объектом; ср. *Всякая аналогия хромает*; *Я давно хотел увидеть живую акулу*.

3. Предикатные ИГ. Это ИГ, которые вообще не соотносятся с объектами сами по себе, а лишь приписывают признак другому объекту: *Он врач*; *Вы теперь наш сосед*.

Три различных денотативных характеристики — предикатность, квантифицированность, неопределённость — часто сводят в одну — неопределённость¹¹. Так, Эбелинг видит всё отличие ИГ *прекрасный юноша* от ИГ *брат мой* во фразе *Прекрасный юноша был брат мой*

⁹ См. Падучева Е. В. О денотативном статусе именных групп в предложении // Семантические вопросы обработки языковой информации. — Тарту, 1979.

¹⁰ Donnellan K. Reference and definite descriptions // The philosophical review. — 1966. — V. 75.

¹¹ См.: Ebeling C. L. Указ. соч.; Есперсен О. Философия грамматики: Пер. с англ. — М.: ИЛ, 1958. — С. 170; Ревзин И. И. Указ. соч. — С. 244.

в том, что она является неопределённой. Между тем на самом деле эта ИГ предикатная. К предикатным и квантифицированным ИГ понятие определённости в строгом смысле вообще неприменимо.

Любая ИГ может употребляться для обозначения самой себя, то есть быть *автоимной*, как в предложении *Её сестра звалась Татьяна*.

Именная группа часто не имеет определённого денотативного статуса сама по себе, то есть в силу своей собственной структуры: одна и та же группа может в одном предложении обозначать объект, а в другом — нет. Таким образом, денотативный статус характеризует, вообще говоря, не ИГ, а данное её употребление. Так, группа *наш сосед* во фразе *Наш сосед разводит огурцы* обозначает конкретное лицо, а во фразе *Вы теперь наш сосед* она имеет предикатное употребление; во фразе *Шекспир был не Шекспир, а его однофамилец*, якобы произнесённой на конференции шекспироведов, первая ИГ *Шекспир* — атрибутивная: 'Великий автор «Гамлета»', а вторая ИГ *Шекспир* — чисто референтная, определённая, обозначающая английского актёра XVI века (ИГ *его однофамилец* чисто референтная, неопределённая, обозначающая какого-то человека с фамилией «Шекспир»). Вообще для собственных имён употребление в роли референтных определённых является предпочтительным. Однако возможно употребление их в роли референтных неопределённых (*Я знал одного Иванова, который был немец*). Не исключено и предикатное употребление — в переносном смысле, когда *быть X-ом* (где *X* — собственное имя) означает 'быть как *X*', 'обладать некоторыми существенными свойствами *X-а*', а также и в прямом, когда *быть X-ом* означает 'быть тождественным *X-у*', 'быть самим *X-ом*'¹², например: *Старик, который две минуты назад был Римским, бросился к двери; Ты должен знать, что я был Уголино*.

Денотативный статус ИГ в предложении может определяться способом взаимного насыщения семантических валентностей лексем¹³. Слово (или группа слов) предложения *насыщает* семантическую валентность лексемы, если оно отвечает на вопрос, естественно возникающий в связи с её смыслом (например, для слова *владелец* это

¹² О том, что каждому собственному имени *X* соответствует предикат 'является *X-ом*', см. Quine W. O. From a logical point of view. — Cambridge, Mass., 1953. — Ch. «On what there is». Предикат в отличие от собственного имени не несёт презумпции существования и единственности объекта; поэтому, например, предикат 'является Пегасом' необходим для адекватного представления смысла предложения *Пегаса не существует*.

¹³ О семантических валентностях см. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — М.: Наука, 1974. — С. 119, 165.

вопросы «Кто владелец?» и «Владелец чего?»; для *объём* — «Чего?» и «Каков?»). В терминах семантических валентностей можно сказать, что ИГ не имеет предикатного статуса, если она насыщает семантическую валентность какой-то другой лексемы того же предложения. Так, ИГ *привычка* в предложении *Привычка — замена счастья* не имеет предикатного статуса, так как насыщает одну из семантических валентностей слова *замена*. Разумеется, есть предложения, допускающие двоякое насыщение семантических валентностей лексем и в силу этого неоднозначные. Так, во фразе *Убийца Смита — наш мэр* при одном понимании ИГ *наш мэр* насыщает семантическую валентность «Кто убийца?» лексемы *убийца*, а при другом — ИГ *убийца Смита* насыщает валентность «Кто?» лексемы *мэр*.

Однако есть и такие категории слов и словосочетаний, для которых денотативный статус является устойчивым признаком, независимым от контекста.

1. Есть слова и сочетания, которые допускают только референтное употребление и не допускают предикатного. Это личные местоимения — *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они* — и указательные группы — *этот, тот* (в дейктическом или анафорическом значении) + существительное. Не способны к предикатному употреблению ИГ, включающие кванторные прилагательные. Так, не является предикатной группа *любой бедный* в предложении *Хозяин этим деньгам — любой бедный*. Не допускает предикатного употребления ИГ, в состав которой входит буквенное или цифровое обозначение, ср. *Верхняя грань — это точка* (*точка* — предикатная ИГ) и *Верхняя грань — это точка А* (*точка А* — референтная ИГ).

2. Есть ИГ, которые допускают только предикатное употребление и неспособны ни к какому другому: *живые мощи, не дурак, не промах, не пара, не тётка, седьмая вода на киселе, загляденье, другое дело*¹⁴. Только предикатное употребление допускают ИГ, имеющие в своём составе некоторые частицы или наречия: *почти анатом, какое счастье, уже невеста, чисто дьявол, не такое простое дело, не настолько авантюрист*.

3. Есть ИГ, которые допускают предикатное и квантифицированное употребление, но не могут иметь референтного; ср. примеры А. Вежбицкой¹⁵: *Мой друг хороший лыжник; Хороший лыжник не употребляет мази*; но **Хороший лыжник упал*. Такие же денотативные ограничения у других оценочных ИГ: *хороший человек,*

¹⁴ Ср. Ревзин И. И. Указ. соч. — С. 251.

¹⁵ Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. — Wrocław, 1969. — Rozd. «Deskrypcje czy cytaty?».

настоящий товарищ, проходимец, скотина; страшная вещь, гиблое дело; главное, самое важное, основное и т. д.

Главные члены БП мы будем называть, пока его синтаксическая структура не установлена, компонентом I и компонентом II — в соответствии с порядком слов; так, во фразе *Отец её был мой хороший приятель* ИГ *отец её* — компонент I, а *мой хороший приятель* — компонент II. Связка не входит ни в один из компонентов¹⁶.

З а м е ч а н и е 1. Есть фразы, в которых слово или словосочетание как бы «переместилось» из конечного положения в начало — о чём свидетельствует его нисходящее (то есть присущее концу фразы) фразовое ударение: [*Посредственный \ поэт*] *был Шаховской* $\Leftarrow$ *Шаховской был [посредственный \ поэт]*. При таких перемещениях не меняется ни существо выражаемых в предложении грамматических отношений, ни его коммуникативная организация в смысле распределения темы и ремы, а всего лишь возникает эмфаза¹⁷. В таких случаях компоненты нумеруются относительно обычного, неэкспрессивного их расположения: в примере выше *посредственный поэт* — компонент II, *Шаховской* — компонент I; во фразе *Не то, что мните вы, природа* (Тютчев) компонент I — *природа*, а *не то, что мните вы* — компонент II.

Семантическая константа противопоставления подлежащего и сказуемого состоит в том, что подлежащее — это компонент с большей «степенью референтности». В приведённой на с. 279 таблице представлены те сочетания денотативных статусов компонентов I и II, при которых между ними возможно предикативное отношение и один компонент становится подлежащим, а другой — сказуемым.

З а м е ч а н и е 2. В семантической структуре БП, помимо тех двух семантических компонентов, которые соответствуют синтаксическим компонентам I и II, иногда присутствует ещё третий, «несобственный» компонент, которому в реальном предложении может ничего не соответствовать. Несобственный компонент — это предикат со значением 'идентифицируется с', 'означает', 'влечёт' и т. п. Семантическая структура с несобственным компонентом не может служить удовлетворительным ориентиром для различения подлежа-

¹⁶ Вопрос о том, содержится ли в синтаксической структуре фразы *Отец её — мой приятель* нулевая связка, мы здесь оставляем в стороне. О возможной безглагольной трактовке таких БП см. классическую работу Benveniste E. La phrase nominale // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. — 1950. — V. 46. — F. 1. — [Русский перевод в книге Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974].

¹⁷ См. Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М.: Просвещение, 1976. — С. 98.

Денотативная структура		Синтаксическая структура БП	Пример
Статус компонента I	Статус компонента II		
Референтная ИГ	Предикатная ИГ	Компонент I — подлежащее Компонент II — сказуемое	<i>Он врач; Ювелир Фужере — владелец этого особняка</i>
Квантифицированная ИГ	Предикатная ИГ	Компонент I — подлежащее Компонент II — сказуемое	<i>Здесь каждая фраза — яркая подробность</i>
Атрибутивная ИГ	Чисто референтная ИГ	Компонент I — сказуемое Компонент II — подлежащее	<i>Владелец этого особняка — ювелир Фужере</i>
Предикатная ИГ	Квантифицированная ИГ	Компонент I — сказуемое Компонент II — подлежащее	<i>Аксиома — это истина, принимаемая без доказательств</i>

щего и сказуемого. Поэтому при наличии нескольких возможностей предпочтение отдаётся толкованиям, не содержащим несобственного компонента.

Применение денотативного критерия: анализ примеров

Рассмотрим каждое из сочетаний, предусмотренных таблицей. В примерах (1), (2) компонент II имеет предикатное употребление, а компонент I — в (1) референтное, а в (2) квантифицированное. Таким образом, здесь компонент I — подлежащее, компонент II — сказуемое (точнее говоря, предикатив, то есть именное сказуемое или, если есть ещё связка, именная часть сказуемого):

- (1) а. *Ювелир Фужере — владелец этого особняка;*
 б. *Осень — моё любимое время года;*
 в. *Кто-то из её друзей — боксёр;*
 г. *Лень и трусость — самые дурные пороки.*

- (2) а. *Здесь каждая фраза — яркая подробность;*
- б. *Если четырёхугольник — трапеция, то у него есть средняя линия;*
- в. *Кит — млекопитающее.*

В предложении (2в) компонент I можно трактовать не только как квантифицированную ИГ ('всякий кит'), но и как референтную, обозначающую весь класс. Компонент II приписывает признак соответственно каждому представителю класса или классу в целом и имеет предикатное употребление. При этом признак класса может пониматься в распределённом смысле, то есть как признак его представителей — всех, как в (2в), или только типичных, как в *Собака — друг человека*, — а также в собирательном, как, скажем, в предложении *Кит — вымирающее животное*. (Помимо этих двух толкований фраза (2в) допускает ещё одно: 'Свойство «быть китом» включает в своё содержание свойство «быть млекопитающим»'. При синтаксическом анализе это толкование не учитывается из-за наличия в нём несобственного компонента, см. Замечание 2.)

Как известно, А. М. Пешковский¹⁸ предложил критерий различения подлежащего и сказуемого, состоящий в подборе для данного предложения с двумя ИГ в именительном падеже ближайшего по смыслу предложения, где одна из ИГ переходит в творительный падеж; та ИГ, которая принимает творительный падеж, будет в исходном предложении предикативом. Например, предложению (1в) соответствует предложение *Кто-то из её друзей является боксёром*, и, значит, в (1в) *боксёр* — предикатив. Без дополнительных объяснений непонятно, однако, почему этот критерий работает, то есть почему для носителей русского языка «ассоциация с творительным предикативным»¹⁹ с такой определённой возникает в большинстве случаев у одной из двух ИГ в БП, а не у другой. Дело вовсе не в том, что творительный падеж в отличие от именительного обозначает временный признак (как считал Пешковский): это неверно, а если бы было верно, то могло бы служить только препятствием для синонимической замены. Дело в том, что в предложении с творительным предикативным яснее выражается то различие в денотативном статусе ИГ, которое в БП тоже есть, но не выражено формально. Лёгкость преобразования одной из ИГ в творительный падеж означает ясное ощущение говорящими этого денотативного различия. Таким образом, речь идёт не о «парадигматической соотнесённости», не об «ассоци-

¹⁸ Пешковский А. М. Указ. соч. — С. 229.

¹⁹ Пешковский А. М. Указ. соч. — С. 235.

ативном свойстве» БП, а о семантическом свойстве его самого по себе. Преобразование в творительный падеж всего лишь помогает это свойство выявить. Вообще, критерий Пешковского применим хотя и широко, но всё-таки не всегда. Так, во фразах *Горячка был этот Иван Васильевич*²⁰; *Зарплата водителя — 200 рублей*; *Подъехавшие были Наполеон и два адъютанта* ни одну ИГ нельзя перевести в творительный падеж. С другой стороны, возможность перевода ИГ в творительный падеж не обязательно означает, что она сказуемое, см. ниже.

Предложения типа приведённых в (1) иногда признаются грамматически неоднородными: среди БП выделяются «предложения тождества» — термин восходит к А. А. Шахматову²¹, — к которым, скажем, (1б) принадлежит, а (1в) — нет. Сам Шахматов признаёт, однако, что «предложения тождества далеко не всегда могут быть отличены от предложений, где в зависимом составе существительное является названием признака». (У Шахматова в § 147 фраза *Он мне не муж* приводится как пример предложения тождества, а в § 199 фраза *Он тебе муж* — как пример предложения, где сказуемое является названием признака.) Действительно, во многих фразах, которые приводятся в тех или иных работах в качестве примеров предложений тождества, сказуемое на самом деле указывает признак объекта, обозначенного подлежащим, ср. (а) *Нестор — отец русской истории*²²; (б) *Этот инженер — мой брат*²³; (в) *Деление на главы в романах Стерна — предлог для отступлений*²⁴. Таким образом, никаких оснований для отнесения разных предложений примера (1) к разным структурным или семантическим типам нет.

В отличие от предложений примера (1), где компонент II имеет предикатное употребление, в предложениях примера (3) компонент II имеет референтное употребление (при этом в (3г) — автонимное) — он обозначает объект:

- (3) а. *Владелец этого особняка — ювелир Фужере*;
б. *Моё любимое время года — осень*;

²⁰ Шмелёв Д. Н. Указ. соч. — С. 37.

²¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 150. Впрочем, используемому Шахматовым термину «тождество» не удаётся придать ясного смысла. См. краткую историю изучения предложений тождества в работе: Старосельцев Л. П. Об одном приёме обнаружения подлежащего и сказуемого в предложениях тождества // Филологические науки. XXII Герценовские чтения. — Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1968.

²² Шахматов А. А. Указ. соч. — С. 150.

²³ Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Синтаксис. — Ч. II. — М.: Просвещение, 1968. — С. 67.

²⁴ Старосельцев Л. П. Указ. соч.

- в. *Его начальник — один молодой инженер;*
- г. *Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу, — Вар-равван;*
- д. *Кто-то из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний — именно вы.*

В формальном отношении некоторые предложения примера (3) отличаются от соответствующих предложений примера (1) только порядком слов. Однако изменение порядка слов вызывает следующие денотативные сдвиги: будучи в примере (1) компонентом II предложения, ИГ имеет предикатное употребление; между тем, став в примере (3) компонентом I, та же ИГ оказывается референтной, то есть обозначает объект. Необходимым условием для того, чтобы ИГ обозначала объект, является связанная с ней презумпция существования²⁵. И действительно, в предложениях примера (3) ИГ, выступающая компонентом I, несёт презумпцию существования объекта, которой у компонента II в примерах (1) нет.

Наличие презумпции существования, как и всякой презумпции, проверяется тестом на отрицание. Так, отрицание предложения (3а) означает 'Владельцем этого особняка не является ювелир Фужере' (или '... является не ювелир Фужере') и предполагает, что у особняка есть владелец; тогда как отрицание предложения (1а), предложение *Ювелир Фужере не является владельцем этого особняка*, не содержит презумпции о наличии у особняка какого бы то ни было владельца вообще.

Итак, в (3) оба компонента I и II референтны, то есть несут презумпцию существования. Если они к тому же определённые, то с ними связана ещё презумпция единственности объекта (в поле зрения говорящих)²⁶. Однако определённая не обязательна; так, в (3в) неопределённым был компонент II, в (4) это компонент I:

- (4) а. *Участник нашего концерта — артист Георг Отс;*
- б. *Пример пушкинского влияния — «Темы и вариации» Пастернака;*
- в. *Один из методов очистки — кипячение.*

Логический анализ предложений типа (1)—(3) сводится к тому, что в (1), (2) выражается отношение принадлежности элемента классу

²⁵ См., например, Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. — Вып. 8. — М.: ВИНТИ, 1977. — С. 77.

²⁶ См. об этом Hawkins J. Definiteness and indefiniteness. A study in reference and grammaticality prediction. — London, 1978.

или включения класса в класс, а предложения типа (3) выражают отношение тождества²⁷. Однако если понятия принадлежности и включения просты и ясны, то с понятием тождества связан ряд сложных проблем.

Г. Фреге начинает свою знаменитую статью «Sinn und Bedeutung» словами: «С понятием тождества связан ряд вопросов, ответить на которые совсем не просто»²⁸. Л. Витгенштейн²⁹ говорит об отношении тождества следующее: «... сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождествен самому себе, значит ничего не сказать» (5.5301). Фреге приходит к выводу, что тождество не может быть отношением между вещами: «утверждая, что $a = b$, мы скорее имеем в виду, что знаки, или имена, a и b обозначают одно и то же; следовательно, речь идёт именно об этих знаках, то есть отношением тождества связаны именно знаки». Всё сказанное равносильно тому, что имена в контексте предложения тождества имеют автономное употребление. Иначе говоря, предложение $a = b$ можно трактовать как такое, в котором знак $=$ выражает отношение тождества денотатов, имеющее место между автономно употреблёнными, то есть обозначающими самих себя, именами a и b . (Согласно Витгенштейну, см. 4.241, назначение предложения тождества вида $a = b$ в логике состоит в утверждении возможности подставить знак a на место знака b без изменения истинности предложения; то есть опять-таки речь идёт об отношении между знаками.)

Теперь ясно, что предложения из (3), (4) нельзя трактовать как содержащие связку (быть может, нулевую), которая выражает тождество: в контексте предиката тождества имена могут употребляться только автономно.

В примерах из (3), (4) оба компонента являются референтными ИГ; однако денотативные статусы компонентов I и II различны: компонент II — это ИГ, которая имеет чисто референтное употребление, а ИГ в позиции компонента I употребляется атрибутивно. Оба компонента вносят в смысл предложения презумпцию существования объекта, но для компонента I способ называния объекта, то

²⁷ Берка К. Функции глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики // Логико-грамматические очерки. — М., 1961; Ревзин И. И. Указ. соч. — С. 240.

²⁸ Фреге Г. Смысл и денотат: Пер. с нем. // Семиотика и информатика. — Вып. 8. — М.: ВИНТИ, 1979.

²⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: Пер. с нем. — М.: ИЛ, 1958.

есть концепт, принципиально существен, а для компонента II нет³⁰. В примерах (3), (4) естественно считать компонент I сказуемым, а подлежащим — компонент II, который обладает большей степенью референтности. Презумпция существования возникает у компонента I как следствие особой коммуникативной организации предложения, ср. (3а) с (1а), где у той же ИГ *владелец особняка* презумпция существования отсутствует.

Примеры (5), (6) иллюстрируют последнюю строку таблицы; в них компонент I — сказуемое:

- (5) а. *Аксиома — это истина, принимаемая без доказательств*;
 б. *Деверь — это брат мужа*;
- (6) *Хозяин этим деньгам — всякий бедный*.

Действительно, (5а) понимается как (5а') *Аксиомой является всякая истина, принимаемая без доказательств*, а не как (5а'') *Аксиома является истиной, принимаемой без доказательств*: (5а'), как и (5а), означает, что всякая истина, принимаемая без доказательств, и только она, является аксиомой, то есть означает совпадение объёмов понятий, тогда как (5а'') не исключает, что в класс истин, принимаемых без доказательств, входят, помимо аксиом, и какие-то другие объекты. (Понимание предложения (5а') как выражающего совпадение объёмов стимулируется, по-видимому, предпосылкой о неизвестности слова *аксиома*: употребление неизвестного слова в роли подлежащего осмысленно, ср. *Моя — это вымершая птица*, тогда как употребление слова с неизвестным смыслом в роли предикатива осмысленно только, если подлежащее выражает понятие того же объёма. Предложения из (5) можно понимать и как метаязыковые³¹. Однако метаязыковое толкование обязательно содержит несобственный компонент. См. поэтому Замечание 2.)

Сочетания денотативных статусов, не приведённые в таблице, если и возможны, то достаточно редки. Так, сочетание предикатной ИГ в роли компонента I с денотативной ИГ в роли компонента II возможно лишь в специфическом контексте противопоставления: *Белов не врач, врач Рыжов*.

³⁰ О применимости противопоставления чисто референтных и атрибутивных употреблений к предложениям, выражающим идентификацию, см. Stalnaker R. C. *Pragmatics // Semantics of natural language* / Ed. D. Davidson, G. Harman. — Dordrecht, 1972.

³¹ О метаязыковом слое языка см. Jakobson R. O. *Metalinguage as a linguistic problem // Nyelvtudományi Közlemények*. — 1976. — V. 78. — No. 2.

Разбор трудных случаев

Чтобы между двумя ИГ возникло предикативное отношение, необходимо неравенство их денотативных статусов. Между тем в предложениях примера (7) оба компонента, I и II, по своим внутренним свойствам предназначены к референтному употреблению, компонент I здесь местоимение или дейктическая группа, компонент II — собственное имя:

- (7) а. *Эта освещённая магистраль — улица Кропоткина;*
 б. *Скажи, которая Татьяна?;*
 в. *Не узнал? Марюта \ я* (Лавренёв);
 г. *Не было сомнений в том, что этот старик — гражданин Коробейников;*
 д. *Двое людей подводят третьего, под мышки, к саням, а ещё один спиной отходит. Уводимый — Пушкин, отходящий — Дантес.*

Предлагаемая интерпретация примера (7) состоит в том, что здесь ввиду «тяжёлой» ситуации собственное имя переходит в редкое для него, но всё-таки возможное предикатное употребление. Тогда компонент I — подлежащее, компонент II — сказуемое: (7а) = 'Эта освещённая магистраль является улицей Кропоткина'. Аналогично, (7б) = 'Которая является Татьяной?' (не 'Которой является Татьяна?'), (7г) = 'Этот старик является гражданином Коробейниковым' (не 'Этим стариком является гражданин Коробейников')³². Отличие примеров из (7) от примеров из (1) тогда только в том, что для соответствующих ИГ в (1) предикатное употребление обычно, а у собственного имени в (7) оно возникает лишь как вынужденное контекстом, когда никакую другую ИГ нельзя понять как выражающую признак, приписываемый объекту³³.

³² Сталнейкер (Stalnaker R. C. Указ. соч.) справедливо отмечает, что в предложении *Who is Daniels?* спрашивающий не думает ни про какого конкретного человека, что тот Дэниэлз, и потому имя *Daniels* имеет здесь нереферентное употребление.

³³ Из многочисленных интересных примеров, приводимых Есперсеном (Есперсен О. Указ. соч. — С. 170—175), несогласие вызывает только один: предложение *The prettiest girl at the ball was not miss C.* = 'Самая красивая девушка на балу была не мисс К.' допускает и такое понимание, при котором начальная ИГ употреблена чисто референтно и является подлежащим, а *miss C.* имеет предикатное употребление и является предикативом. Так, сам Есперсен говорит, что это предложение допускает двоякий перевод на датский язык: *Den smukkeste pige på ballet var ikke frk C.* и *Den smukkeste pige på ballet var frk C. ikke*. В последнем предложении компонент I однозначно охарактеризован — положением *ikke* — как препозитивный предикатив, тогда как в первом он подлежащее.

Однако в (8) ни одному из компонентов нельзя приписать предикатного статуса:

- (8) а. *Тут только он узнал её. Эта дама была его жена;*
- б. *Тот сокол, которого ты поймала, — я;*
- в. *Я — это ты;*
- г. *Этот валяющий дурака — кот Бегемот.*

Действительно, указательную группу компонента I в (8а) нельзя интерпретировать как имеющую предикатное или хотя бы атрибутивное референтное употребление. Следовательно, (8а) не аналогично (3). А компонент II тоже нельзя интерпретировать как имеющий предикатное употребление — это дало бы другой смысл. Следовательно, (8а) не аналогично (7). Семантическая структура предложения (3а) с обязательностью содержит несобственный компонент — предикат идентификации³⁴. Синтаксическая атрибуция компонентов I и II остаётся тем самым неопределённой. Для (8б)—(8г) дело обстоит аналогично. Заметим, что и в (7) компонент II можно понимать как референтный. Но тогда предложения в примере (7) становятся, как и в (8), синтаксически неопределёнными.

На примере предложения (9) *Эта женщина — его жена* можно показать, как различия в синтаксической структуре БП отражают различия смысла. Предложение (9) в силу денотативной неоднозначности входящих в него ИГ допускает три различных синтаксических трактовки, каждой из которых соответствует свой смысл.

1. Если ИГ компонента I понимается как чисто референтная, а ИГ компонента II как предикатная, то компонент I — подлежащее, а компонент II — сказуемое. Это понимание уместно, скажем, в ситуации, где говорящий указывает тем или иным способом на некоторую женщину и сообщает слушающему её качество.

2. ИГ компонента I может пониматься как атрибутивная, а ИГ компонента II как чисто референтная, ср. контекст: *Это могла сделать только одна женщина. Эта женщина — его жена* (= 'Той женщиной, которая могла это сделать, является его жена'). Тогда компонент I — сказуемое, а компонент II — подлежащее.

3. ИГ в обоих компонентах понимаются как чисто референтные, и отношение между ними — идентификация, ср. контекст: *И тут он узнаёт её: эта женщина — его жена*. В этом понимании (9) синтаксически неопределённо.

³⁴ Подробный анализ отношения идентификации см. в работе: А р у т ю н о - в а Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976. — С. 284 и след.

З а м е ч а н и е 3. Смысл идентификации³⁵ состоит в том, что картина мира, в которой существуют два различных объекта, замещается на другую, в которой на месте двух прежних объектов — один, обладающий свойствами обоих. Можно различить два вида идентификации. В первом случае оба объекта обозначены в предложении чисто референтными ИГ и потому равноправны, а во втором случае они не равноправны: один объект задан чисто референтной ИГ, то есть названием или указанием, а другой объект обозначен атрибутивной ИГ, то есть выделен посредством некоторого характеристического свойства. Первый тип идентификации представлен из ранее рассмотренных примером (8), в который входят синтаксически неопределённые БП (а также предложениями из (7), если трактовать их как синтаксически неопределённые). Второй тип представлен примером (3), в который входят БП с препозитивным сказуемым. Помимо рассматривавшихся конструкций идентификация первого типа может выражаться в предложениях с творительным предикативным (*Весна была просто тобой* (Пастернак); *Неужели этим проходим был ты?*), а также в БП со сказуемым в предикатном статусе и сочинённым подлежащим (*Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо*); а идентификация второго типа — некоторыми видами эллиптических предложений (*Радость его жизни — в искании наслаждений*); аппозитивной связью (*Одно пристанище остаётся всегда: совесть*); контрастным фразовым ударением (*— Да кто же он такой? — Сегодня на Патриарших прудах вы встретились с Сатаной = 'Тот, с кем вы встретились сегодня на Патриарших прудах, — Сатана'*)³⁶. Однако каждая из перечисленных синтаксических конструкций способна выражать помимо идентификации также и другие отношения. Так, БП с препозитивным сказуемым выражает не только идентификацию, но и приписывание свойства (см. пример (4)). Тем более это относится к предложениям с творительным предикативным. Контрастное фразовое ударение может выражать не идентификацию, а просто противопоставление (*Нужен ↗ вам врач ↘*). Что же касается синтаксически неопределённых предложений, то они чаще всего выражают идентификацию,

³⁵ Мы говорим здесь исключительно о субстанциональной идентификации, оставляя гносеологическую, или таксономическую, идентификацию (см. Арутюнова Н. Д. Указ. соч. — С. 307) в стороне.

³⁶ Возможен и третий вид идентификации, с двумя атрибутивными ИГ, но он представлен в одной-единственной конструкции — с сочинённым подлежащим, например: *Инициатор пасквилья и автор анонимного послания — одно и то же лицо*.

но могут выражать и другие отношения (ср. пример (14) ниже), а могут относиться к метаязыковому слою. Таким образом, русский язык не располагает специальной синтаксической конструкцией для выражения идентификации.

Биноминативные предложения с абстрактными существительными

Далеко не всегда очевидно, является ли денотативный статус абстрактных имён референтным; зато, однако, легко установить, является ли он предикатным — по направлению насыщения семантических валентностей. Так, в (10) компонент I насыщает семантическую валентность главной лексемы компонента II и, следовательно, не может иметь предикатного статуса, а в (11) — наоборот. Поэтому в (10) подлежащее — компонент I, а в (11) — компонент II:

- (10) а. *Краткость — сестра таланта;*
 б. *Это приглашение за стол уже было чистое влечение сердца;*
 в. *Слава Данта — помеха к его глубокому изучению;*
- (11) а. *Причина гибели многих римских императоров — алчность солдат;*
 б. *Другой мой противник — бесконечное разнообразие жизни;*
 в. *Вернейший признак отсутствия поэзии — возможность пересказа;*
 г. *Для писателя важная веха — начало печатания.*

Если предложение с абстрактными ИГ не допускает семантической интерпретации без несобственного семантического компонента (который здесь выражает не идентификацию, а следование, обусловливание — компонент I влечёт, обусловливает компонент II), то наши критерии не дают оснований назвать в нём один из компонентов подлежащим, а другой — сказуемым:

- (12) а. *Промедление — это гибель;*
 б. *Директорство — это одни неприятности*³⁷;
 в. *Физкультура — это долголетие;*
 г. *Удобрения — это высокий урожай;*
 д. *Прогресс науки — это и технический прогресс.*

³⁷ Пример из книги: Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — С. 553.

Отношение обуславливания может быть направлено и в противоположную сторону; так, в (13) компонент II обуславливает компонент I:

- (13) а. *Долголетие — это физкультура;*
 б. *Хороший урожай — это удобрения.*

Приведём пример того, как синтаксические различия выражают различия смысла. Предложение (14) *Свобода — это хлеб* допускает два понимания: 'Свобода есть хлеб', то есть так же нужна, как хлеб, и 'Свобода обуславливает появление хлеба'. Первое понимание соответствует синтаксической трактовке компонента II как предикатива, второе (с несобственным компонентом 'обуславливает') — синтаксической неопределённости.

Разумеется, помимо синтаксической структуры в понимании смысла предложения могут участвовать весьма разнообразные семантические операции — например, восстановление эллипсиса: *Новый стадион — его мысль*³⁸ (*новый стадион*, скорее всего, = 'построить новый стадион'). В предложении *Мебельный музей — это вам не вдова, там потруднее будет* (Ильф и Петров) какое-то подразумеваемое действие входит в смысл обоих компонентов. Понимание предложения *Поездка в Крым — это вся летняя зарплата*³⁹ определяется тем, что здесь эллипсис накладывается на семантическую структуру с несобственным компонентом. Разумеется, описание семантических операций такого рода — это отдельная задача.

* * *

Как мы пытались показать, на БП можно распространить семантическое противопоставление подлежащего и сказуемого, свойственное обычным двусоставным предложениям. Противопоставление подлежащего и сказуемого, основанное на семантическом критерии, лежит в основе многих аспектов формальной структуры БП — в частности, влияет на согласование связки, а также на порядок слов и интонацию. Этой теме авторы надеются посвятить отдельную статью⁴⁰.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ●► Не прошло и 18 лет, как эта надежда реализовалась в виде статьи «Биноминативное предложение: проблема согласования связки», которая воспроизводится в настоящей книге на с. 578—593. ◀◀

И публикации ранней лингвистической работы Исаака Ньютона

На статуе Ньютона в Тринити-колледже (Кембридж), где Ньютон был и студентом, и профессором, имеется латинская надпись «*Qui genus humanum ingenio superavit*», что в переводе означает «Разумом он превосходил род человеческий»¹. Похоже, что сам Ньютон вполне это осознавал и, относясь снизу вверх к Природе и Истине², ощущал себя стоящим над современниками. Не рассчитывая встретиться с их стороны должного понимания и вместе с тем болезненно относясь к возможной критике, он старался избегать публичных выступлений: докладов, участия в обсуждениях (а его лекции для студентов, которые он был вынужден читать, нередко отменялись из-за отсутствия слушателей). Публикацию своих результатов он откладывал на срок часто весьма значительный. Поэтому ряд трудов Ньютона, по-видимому, очень важных, оказался утерянным для нас безвозвратно: рукописи сгорели во время пожара, случившегося в доме Ньютона зимой 1691/92 года. Последовавшее затем психическое расстройство Ньютона помешало восстановлению рукописей; да и само это расстройство было вызвано, по крайней мере отчасти, невозможностью их восстановления.

После смерти Ньютона остался обширный рукописный архив. Перед душеприказчиками встала нелёгкая задача отобрать материал

Опубликовано в продолжающемся сборнике: Семиотика и информатика. — Вып. 28. — М.: ВИНТИ, 1986. — С. 122—123. Повторная публикация: Семиотика и информатика. — Вып. 35. — М.: Русские словари, 1997. — С. 319—320. Непосредственно вслед за данным текстом в «Семиотике и информатике» (в вып. 28 на с. 124—158, в вып. 35 на с. 320—350) шла публикация: И с а а к Н ь ю т о н. Об универсальном языке [Of an Universall Language] / Перевод, примечания и послесловие Л. В. Кнориной.

¹ Фраза взята из знаменитой философской поэмы Лукреция «De rerum natura» («О природе вещей»); в этой фразе Лукреций характеризует Эпикура.

² Вспомним знаменитые слова, сказанные Ньютоном незадолго до смерти: «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу; время от времени я отыскиваю камешек, более яркий, чем другие, или красивую раковину, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным».

для публикации. По-видимому, в сомнительных случаях они предпочитали от публикации воздерживаться.

Публикуемая ниже в русском переводе лингвистическая работа Ньютона увидела свет лишь в 1957 году. Нелёгкий труд перевода этого текста взяла на себя Л. В. Кнорина. Ей же принадлежат Примечания и Послесловие, к которым мы и отсылаем заинтересованного читателя³. Здесь мы хотели бы отметить три момента.

1. Не совсем ясно, кому предназначал Ньютон это сочинение — но кому-то предназначал, поскольку наряду с черновым вариантом текста имеется и беловой его вариант. Хотя сочинение принадлежит перу восемнадцатилетнего юноши, надо думать, что и в 18 лет его автор был гениален, и потому оно заслуживает тщательного изучения.

2. Интерес Ньютона к языковым проблемам вполне естествен. Во-первых, его не могли не занимать основанные на логике способы выражения в языке законов природы (в частности, тех, которые он намеревался открыть); таким образом, здесь речь идёт о синтезе новых текстов. Во-вторых, через всю жизнь Ньютона проходят его занятия по анализу, толкованию уже имеющихся текстов — причём таких, где истина, по его мнению, зашифрована в символах: имеются в виду алхимические тексты и тексты Священного Писания. Ньютону принадлежат фундаментальные исследования в области филологического анализа текста Писания и его переводов.

3. XVII век — век расцвета проектов универсального языка. От других проектов проект Ньютона выгодно отличается своей «лингвистичностью»: в нём постоянно присутствует «точка зрения говорящего». А завершающий раздел «О сложных наклонениях речи или направлениях» перекликается с современными исследованиями по семиотике текста.

³ Библиографическое описание Примечаний и Послесловия Л. В. Кнориной дано на с. 290. — *Примеч. ред.*

Серебряный век¹ структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: Как это начиналось (заметки очевидца)

И я там был, <...> и кот учёный
Свои мне сказки говорил.

А. С. Пушкин

§ 1. Начало «серебряного века» и НГММвЯ. — § 2. Объединение по машинному переводу и его Бюллетень. — § 3. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. — § 4. МГПИИЯ: Лаборатория и Конференция. — § 5. Ленинградские совещания и Черновицкая конференция. — § 6. Лаборатория электромоделирования и совещание на улице Грицевец. ●► ВИНТИ ◀●. — § 7. А. И. Берг и Совет по кибернетике. — § 8. Симпозиум по семиотике. — § 9. Институт семиотики Академии наук СССР. — § 10. «Комиссия по структурализму» и создание структуралистических секторов. — § 11. ОТИПЛ/ОСИПЛ. — Примечания. — Литература.

То, что начиналось, — это структурная, прикладная и математическая лингвистика в Советском Союзе, прежде всего — в Москве. Иногда «это» именуют просто структурной, просто прикладной или просто математической лингвистикой. Будучи осведомлены о сделанных в начале века подсчётах А. А. Маркова старшего, изучавшего вероятностные законы чередования букв в «Евгении Онегине», мы всё же относим начало математической лингвистики к середине 50-х годов. А «серебряным веком» мы именуем неполное двадцатилетие с 24 сентября 1956 по 26 марта 1976 года.

●► Настоящая статья — в своей первоначальной редакции — писалась в 1990 году специально для того 33-го тома Венского славистического альманаха, который был посвящён юбилею В. Ю. Розен-

Опубликовано в продолжающемся издании: Wiener Slawistischer Almanach. — 1992. — Sonderband 33: Festschrift für Viktor Jul'evič Rozencvejk zum 80. Geburtstag. — S. 119—162 под названием «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца)». Перепечатано в сборнике: Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. — Новосибирск: Научно-издат. центр ОИГММ СО РАН, 1998. — С. 273—309.

¹ Выражение «серебряный век» не обязательно предполагает наличие «золотого века». В данном случае использование этого выражения имело в виду вызвать ассоциацию с тем расцветом русской культуры в начале XX века, для которого была характерна, как писал Андрей Белый, «решительность отрицания и отказа от прошлого, „нет“, брошенное в лицо отцам».

цвейга, и потому имела подчеркнуто юбилейный характер. Уже её второй абзац начинался так:

Имеющее быть 28 ноября 1991 года 80-летие Виктора Юльевича Розенцвейга — прекрасный повод для воспоминаний о «серебряном двадцатилетии» (1956—1976) структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР.

А заканчивалась статья так:

Я с благодарностью вспоминаю всё, что было — в частности, потому, что мне довелось встретиться со многими замечательными людьми, среди которых был и Виктор Юльевич Розенцвейг. Он работал не в Академии наук и не в Университете, а в сравнительно скромном МГПИИЯ. Именно эта позиция как бы в стороне от основных структур помещала его в центр движения. С естественным для юбилейной статьи преувеличением можно сказать, что он выполнял функцию, в некотором роде аналогичную функции главы государства, а именно функцию независимого арбитра и гаранта единства.

В редакции, публикуемой в настоящем издании, юбилейный акцент приглушён. О роли В. Ю. Розенцвейга в российской лингвистике достаточно подробно говорится в статье — увы, уже не юбилейной, а мемориальной — «Памяти Виктора Юльевича Розенцвейга», публикуемой в книге 1 настоящего издания.

Редактирование, которому подвергся первоначальный текст, незначительно (сказанное, разумеется, не относится к вставкам, помеченным семафорами «●» и «◀●»). Время рассказчика (авторское время) — 1990 год; читатель должен иметь это в виду, когда ему попадутся слова *теперь, недавно, в наши дни* и т. п.

В новосибирском сборнике [ОИИвР 1998]², в котором данная статья, по инициативе Я. И. Фета, была перепечатана из Венского альманаха, она помещена в раздел «Компьютерная лингвистика». Авторами других пяти статей того же раздела являются другие свидетели ранней истории этой науки: Вячеслав Всеволодович Ив́анов, Ольга Сергеевна Кулагина, Александр Константинович Жолковский, Игорь Александрович Мельчук — см. [Иванов 1988], [Иванов 1998], [Кулагина 1998], [Жолковский 1998], [Мельчук 1998].

О том же раннем и романтическом периоде истории новой лингвистики вспоминает в своих мемуарах [Ревзин 1997] Исаак Иосифович Ревзин. О трудном, подчас драматическом, пути становления в Москов-

² Список литературы к настоящей статье располагается между её основным текстом и послесловием на с. 382—384.

ском университете отделения теоретической и прикладной лингвистики — отделения, на котором и происходило воспитание мыслящих по-современному лингвистов, — рассказывает Александр Евгеньевич Кибрик в [Кибрик 2001] п³. ◀●

Довольно быстро обнаружилось, что математическая лингвистика — не столько область науки (да и что это за область, предмет которой состоит в применении методов одной науки к другой), сколько движение. По существу, это было одно из первых неформальных движений (модный теперь термин) в нашей стране. Скажем, «Объединение по машинному переводу» (о нём ниже) имело отчётливые черты многих современных неформальных организаций: например, наличие изданий при отсутствии членства. Питательной средой этого движения служила довольно неожиданно наступившая оттепель, когда стало возможным говорить о формальной генетике с риском быть всего лишь уволенным, но не посаженным, а о кибернетике — даже и без риска увольнения. Хотя ещё за год до того кибернетика была реакционной лженаукой, используемой американской военщиной в агрессивных целях (радоваться бы, что мощь американской военщины опирается на лженауку и тем самым становится лжемоцью — но нет!); в учебниках практической фонетики того или иного языка всё ещё разоблачалась идеалистическая, субъективистская, бихейвиористская и позитивистская теория фоном зарубежных авторов. Но уже махровый мракобес американский философ Карнап постепенно превращался в идеалистического, конечно, но отчасти почтенного австрийского логика.

§ 1. Начало «серебряного века» и НПММвЯ

Существенным толчком к появлению математической лингвистики явилась задача машинного перевода.

7 января 1954 года в нью-йоркском офисе фирмы IBM состоялась первая публичная демонстрация машинного перевода. Перевод осуществлялся на машине IBM-701 и происходил с русского на английский. Сообщение об этом появилось во втором номере журнала «Computers and automation» за тот же год [Macdonald 1954]. А реферат об этом сообщении, подписанный Д. Ю. Пановым, появился в сентябрьской тетрадке Реферативного журнала «Математика» (1954, № 10, с. 75—76, реф. № 5293: «Перевод с одного языка на другой при помощи машины: Отчёт о первом успешном испытании»). С появления этого реферата начинается отсчёт истории машинного перевода

³ Затекстовые примечания к настоящей статье даны между её основным текстом и послесловием на с. 340—382.

в СССР. Дмитрий Юрьевич Панов, бывший тогда директором ВИНТИ (в то время ИНИ — Института научной информации), привлёк к деятельности по машинному переводу Изабеллу Кузьминичну Бельскую. К лету 1955 года был закончен первый пробный вариант англо-русского алгоритма, и к концу 1955 года получены первые опыты на машине. Через некоторое время после окончания в 1956 году аспирантуры (кажется, в МГУ) И. К. Бельская поступила на работу в ИНИ, а затем возглавила группу в Институте точной механики и вычислительной техники (ИТМиВТ) АН СССР. Основное внимание было сосредоточено на переводе с английского (и, в меньшей степени, с китайского и японского) на русский [МП 1958]. К сожалению, Д. Ю. Панов сразу взял курс на отказ от структурных методов [Панов 1958], с. 50, и направление Панова — Бельской, функционировавшее довольно изолированно, в отрыве от основных лингвистических коллективов, не привело к заметным успехам (несмотря на то, что программирование было обеспечено такими специалистами, как Лев Николаевич Королёв, ныне член-корреспондент АН СССР, Николай Павлович Трифонов, ныне заведующий одной из кафедр МГУ, и др.). Другое направление возникло по инициативе и под руководством Алексея Андреевича Ляпунова. Через несколько дней после выхода 10-й тетрадки Реферативного журнала Михаил Романович Шүра-Бура и А. А. Ляпунов пригласили Ольгу Сергеевну Кулагину (с октября 1954 года — аспирантку Математического института АН СССР) и поручили ей заняться машинным переводом французских математических текстов. Сразу начинаются широкие контакты. Сперва М. В. Келдыш [2], тогда директор Отделения прикладной математики (ОПМ) Математического института, приглашает к себе для разговора Александра Александровича Реформатского и Петра Саввича Кузнецова. Затем А. А. Ляпунов в сопровождении трёх своих учениц и сотрудниц — Татьяны Дмитриевны Вентцель, О. С. Кулагиной, Натальи Николаевны Рикко — едет в Институт языкознания на беседу с большим числом языковедов (среди них — А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, О. С. Ахманова, В. Н. Сидоров). Примерно в это время к деятельности Ляпунова и Кулагиной подключается и И. А. Мельчук. В конце 1955 года на работу в ОПМ поступает Т. Н. Молошная; сначала она помогала в работе над франко-русским алгоритмом, а затем приступила к самостоятельной работе над англо-русским алгоритмом.

Если понимать машинный перевод как цель не теоретическую, а практическую и массовую (а именно так, практически, и ставился вопрос в 50-е годы), следует признать, что у нас в стране машинного перевода нет. Чтобы он был, надо одно из двух: или полностью перестроить самое систему организации научных исследований в

государстве и их внедрения (обеспечив, в частности, должный уровень компьютеризации), или создать для осуществления машинного перевода какой-нибудь могущественный орган управления с таким же подчинением не его государству, а государства ему, как это было при Сталине и Берии **3**. Первое, к сожалению, не состоялось; хочется надеяться, что не состоится и второе. Так что цель была нереальна с самого начала (хотя в принципе она не так уж неосуществима: «в настоящее время в мире существует множество реализованных на ЭВМ переводческих систем» — [Кулагина 1989]⁴).

Нереальные цели — как и в данном случае — могут быть, тем не менее, весьма полезны. Нереальная, в случае Колумба, цель достичь Индии привела к открытию Вест-Индии, оказавшейся на поверку Америкой. Ещё более нереальная цель отыскания философского камня, образующая предмет для алхимии, привела к возникновению химии. Соотношение между алхимией и химией даёт (по крайней мере, в применении к СССР) хорошую параллель в соотношении между машинным переводом и современной, основанной на строгих методах лингвистикой.

В случае лингвистики, однако, был и другой стимул, помимо машинного перевода. Этот стимул состоял в иррациональной потребности отыскать в языке строгие законы, строгостью своею напоминающие математику. Обращаясь к химической аналогии, нарисую такую, не претендующую на реальность, картину. Одни пытаются получить философский камень с целью превратить свинец в золото (разумеется, отнюдь не только с целью разбогатеть, само слово «философский» свидетельствует о бескорыстии поисков). Другие пытаются увидеть в строении и чередовании химических веществ отражение законов астрологии. Впрочем, и те, и другие в полном согласии «сидят в дыму лабораторий над разложением веществ».

К числу «других» принадлежал и автор этих строк, познакомившийся осенью 1950 года с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, тогда пятикурсником и Кóмой (в августе 1954 года ему исполнилось 25 лет), а ныне народным депутатом СССР, директором Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, председателем секции переводчиков Московской писательской организации, заведующим кафедрой истории мировой культуры Московского университета. Желание одного применить методы чужой науки к своей и желание другого применить методы своей науки к чужой объединили нас. О машинном переводе мы тогда не думали.

⁴ ●► О том, что произошло в мире с машинным переводом за последние десять лет, кратко рассказывается в Приложении от ноября 2001 года к публикуемой в настоящей книге статье «Языковедение, математика и первая традиционная олимпиада» — см. на с. 181—182 раздел «Машинный перевод» названного Приложения. ◀●

Когда мы решили открыть семинар по математической лингвистике, точно не помню. Надо бы спросить у В. В. Ив́анова, который помнит всё. Сейчас мне кажется, что это было на концерте в Музее изобразительных искусств; концерт давал Баршáй. В практическую плоскость решение стало воплощаться весной 1956 года. Семинар было решено открыть на Филологическом факультете Московского университета. Мы оба были ассистентами этого университета: он — Филологического, я — Механико-математического факультета. Нам не по чину было тогда открывать первый в стране семинар на такую «скользкую» (тогда) тему, да ещё на Филологическом факультете, считавшемся «идеологическим». Необходимо было привлечь к руководству семинаром лицо, рукоположённое в профессорское звание. Да и название «математическая лингвистика» казалось слишком опасным. Оно могло подействовать как красная тряпка на столпов университетского теоретического языкознания, занятых выяснением того, следует ли говорить о языке как о системе или же как о структуре. Даже вышедшая в 1961 году книга О. С. Ахмановой и др. [Ахманова и др. 1961] имела на титуле подзаголовок «(о так называемой „математической лингвистике“)». Было выбрано скромное название, к которому было бы трудно придраться: «Некоторые применения математических методов в языкознании», сокращённо НПММвЯ. Что касается профессора Филологического факультета, то наилучшим образом подходила кандидатура Петра Саввича Кузнецова (20.1(1.2).1899—21.3.1968), интересного человека и интересного лингвиста, с молодости не чуждого математике и даже слушавшего математические курсы, друга детства А. Н. Колмогорова ⁴. Мы обратились к нему, и он сразу согласился ⁵. Ранним летом 1956 года, 13 июня, руководители семинара собрались для обсуждения программы. Перед совещанием всех трёх мы с В. В. Ив́ановым встретились в Александровском саду. У меня сохранился вырванный из блокнота лист, на котором рукою Комы написано:

1. Статистика. 2. Машинный перевод. 3. Математизация языка. Специфичность. Математическое определение грамматических категорий.

4. Математическая логика и теория информации

Синтаксис. Рейхенбах.

5. Возможно, и другие разделы.

Первое занятие семинара состоялось 24 сентября 1956 года⁵. Оно было целиком посвящено выступлениям руководителей семи-

⁵ Этот день я считаю началом «серебряного века».

нара. Уже не помню, о чём говорили П. С. Кузнецов и В. В. Ив́анов. Что касается меня, то я делал обзор «Papers» семинара по математической лингвистике Гарвардского университета (это был поступивший от О. С. Ахмановой том, изданный каким-то «домашним» способом вроде ротапринта с машинописи — во всяком случае, шрифт был машинописным **Б**); кроме того, мною были предложены домашние задания на сюжеты, восходящие к А. Н. Колмогорову: найти строгие определения для понятий *ямб* и *падеж*.

К сожалению, на занятиях семинара не велось никакой регистрации участников **В**. Их посещали не только ‘математические лингвисты’, но, скажем, такие лица, как известный ныне физик Михаил Константинович Поливанов и известная ныне переводчица Наталья Леонидовна Трауберг. Со второго заседания семинар стали регулярно посещать Виктор Юльевич Розенцвейг и Исаак Иосифович Ревзин, тогда работавшие на кафедре перевода Первого⁶ Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ, тогда ещё не носившего имя Мориса Тореза), первый — заведующим, а второй — старшим преподавателем этой кафедры. Тогда я и познакомился с ними. Впоследствии мы сделались приятелями.

На втором и третьем занятиях семинара 8 и 15 октября 1956 года Игорь Александрович Мельчук излагал работы Якобсона и его школы по фонематическому анализу языка на основе спектрограмм. Помнится, меня поразило тогда, что исследование, не только считавшееся в то время вершиной лингвистической мысли, но и претендующее на статус логического описания (ср. само название «Towards the logical description of...»), на мой взгляд, этим статусом не обладало, в чём я пытался (впрочем, довольно безуспешно) убедить присутствующих и прежде всего докладчика. Впоследствии заседания семинара происходили еженедельно, с перерывом на январь, до 20 мая 1957 года включительно. С докладами выступали Р. Л. Добрушин (19.XI, 26.XI и 3.XII.1956), В. В. Ив́анов (8.IV, 22.IV, 29.IV и 20.V.1957), П. С. Кузнецов (11.II и 15.IV.1957), О. С. Кулагина и Т. Н. Молошная (29.X и 12.XI.1956), И. И. Ревзин (6.V и 13.V.1957), С. К. Шаумян (10.XII и 17.XII.1956) и я (22.X и 5.XI.1956; 18.II, 25.II, 4.III, 25.III и 1.IV.1957). Осенью 1957 года состоялось пять занятий, с № 26 по № 30; на них выступали В. В. Ив́анов (16.IX, 23.IX, 14.X, 21.X), В. А. Пурто (7.X) и я (7.X). Занятие № 31 состоялось 9.VI.1958. В 1957/58 учебном году происходил также мой факультативный курс математики для филологов **Б** (некоторые слушатели

⁶ О втором МГПИИЯ автору ничего не известно.

пожелали получить по этому курсу зачёт, в том числе Игорь Мельчук и мой брат Борис Успенский); этот курс продолжался вплоть до весны 1960 года, а с осени 1960 года обучение математике сделалось обязательным для части студентов Филологического факультета МГУ. Но об этом потом. Последнюю информацию о семинаре мы находим на с. 161 пятого выпуска журнала «Вопросы языкознания» за 1958 год. Там сообщалось, что 9 июня 1958 года состоялось очередное заседание семинара НПММвЯ, преобразованного в межкаультетский семинар по математической и прикладной лингвистике. Был заслушан доклад В. В. Ив́анова, сообщение И. И. Ревзина и обсуждён план работы на следующий год. Не думаю, чтобы семинар собирался после этой даты. Дело в том, что осенью 1958 года развернулась травля Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Ив́анов открыто выступил против этой травли⁷. Он публично отказался подать руку активному участнику травли Корнелию Зелинскому⁸ и публично же объяснил, почему. Теперь уже стали травить Ив́анова — на Филологическом факультете Московского университета, откуда в конце концов его уволили ⁹. Тут уже стало не до семинара. ●●➤ Однако через без малого полвека семинар возобновился (!) — уже, к сожалению, без двух его руководителей: без скончавшегося П. С. Кузнецова и без Вяч. Вс. Ив́анова, с 1992 года являющегося профессором Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. 15 ноября 2003 года на Филологическом факультете состоялось 32-е, первое после многолетнего перерыва, занятие семинара. Два учебных года я руководил семинаром в одиночестве, а с сентября 2005 года у семинара появился ещё один руководитель — Мати Рейнович Пентус, профессор кафедры математической логики и теории алгоритмов Механико-математического факультета и один из двух на всю Россию докторов физико-математических наук по математической лингвистике как области математики (его защита состоялась на Мехмате в октябре 2000 года, предыдущая же в той же области — в июне 1965 года: в Новосибирском Академгородке защищал А. В. Гладкий, и я был в числе оппонентов). 4 сентября 2006 года на Филологическом факультете состоялась однодневная юбилейная конференция, посвящённая 50-летию семинара. Во 2-м номере журнала «Вопросы языкознания» за 2007 год, на с. 154—156 была опубликована хроникальная заметка об этом событии, написанная учёным секретарём семинара и главным инициатором его возобновления Денисом Паперно ¹⁰. ◀●●

⁷ Мне неизвестен никто, кроме Вяч. Вс. Ив́анова, со столь же смелым поведением.

⁸ За глаза Корнелия Люциановича называли «Карьерий Поллюцианович».

Полностью программа семинара НПММвЯ в 1956/57 учебном году опубликована в «Бюллетене Объединения по проблемам машинного перевода», 1957, № 5, с. 3—4. Этот бюллетень, издававшийся упоминавшимся уже Первым МГПИИЯ, вообще служит важным источником для воссоздания истории прикладной лингвистики в СССР **III**.

●► В апреле 1959 года на Механико-математическом факультете МГУ возникла кафедра математической логики. Возглавивший её Андрей Андреевич Марков младший⁹ (9(22).9.1903—11.10.1979) живо интересовался математической лингвистикой. По его инициативе в 1959/60 учебном году на Мехмате работал семинар по математической лингвистике, руководителями которого были Андрей Анатольевич Зализняк, А. А. Марков и я. Хотя семинар формально числился учебным семинаром для студентов, его занятия посещали не только студенты — например, Р. Л. Добрушин, О. С. Кулагина и др.; отдельные занятия собирали довольно много присутствующих. 26 апреля 1960 года руководители семинара приняли зачёт у одиннадцати студентов Механико-математического факультета — у четырёх первокурсников **12** и у семи пятикурсников **13**, один из которых впоследствии (с 1991 по 1996 год) был министром Правительства РФ. ◀●

§ 2. Объединение по машинному переводу и его Бюллетень

Первые семь выпусков Бюллетеня Объединения по машинному переводу с тиражом, возросшим от 150 экземпляров у № 1 до 350 у № 7, были изданы в 1957—1958 годах стеклографическим способом с грифом «На правах рукописи»; они давно стали библиографической редкостью, и потому их оглавления воспроизведены в № 8 (с. 73—77). Выпуски 8, 9 и 10 вышли в 1959 году улучшенным ротاپринтным способом и тиражом уже в 800 экземпляров; в них исчезает гриф «На правах рукописи» и появляется новое, параллельное название «Машинный перевод и прикладная лингвистика», а также отвечающая этому названию новая, параллельная нумерация выпусков: 1, 2, 3. Далее остаётся только это новое название и эта новая нумерация, так что в 1960 году выходит просто сборник «Машинный перевод и прикладная лингвистика», выпуск 4. Последний, двадцатый, выпуск вышел в 1980 году.

⁹ Он был известным математиком и сыном ещё более известного математика Андрея Андреевича Маркова старшего [2(14).6.1856—20.7.1922]; по имени последнего названо введённое им понятие, оказавшееся одним из центральных в теории вероятностей, — понятие ‘цепь Маркова’.

Основателем, душой и бессменным ответственным редактором этого издания был Виктор Юльевич Розенцвейг (в явном виде имя ответственного редактора стало указываться начиная с № 5 Бюллетеня). Ему же принадлежит нетривиальная идея создания самого Объединения по машинному переводу, от имени которого и выпускался Бюллетень. Замечательность идеи состояла в том, что статус и границы Объединения были умышленно задуманы совершенно аморфными. Никакого документа, конституирующего это Объединение, никогда не было. Термин «объединение» был выбран чрезвычайно удачно — не «институт», не «лаборатория», не «общество», а неизвестно кого (или что) объединяющее Объединение. Было совершенно неясно — и в этом была сила замысла — из кого или чего состоит это Объединение и, вообще, состоит ли оно из чего-нибудь. Это не мешало Объединению собираться на заседания... — нет, не так, а вот как: это не мешало проводить важные заседания, называемые (чтобы не придрались!) заседаниями Объединения по машинному переводу. Они происходили в МГПИИЯ, дававшем Объединению «крышу» и полиграфическую базу. На этих заседаниях не только ставились научные доклады, но и обсуждались научно-организационные вопросы, включая вопросы о присуждении учёных степеней (как вспоминает В. Ю. Розенцвейг, Объединение принимало, например, решения о рекомендации к защите докторских диссертаций таких известных фигур, как Александр Александрович Реформатский и Себастьян Константинович Шаумян). Первое заседание (24 декабря 1956 года) открылось вступительным словом руководителя Объединения В. Ю. Розенцвейга («Бюллетень», № 1, с. 1—3); он же, как правило, председательствовал и на последующих заседаниях. Активным и постоянным участником этих заседаний был и И. И. Ревзин.

Отчёты о заседаниях Объединения помещались в Бюллетене. Поучительно проследить, как с ходом времени убывала полнота и точность этих отчётов. Бюллетень № 1 имеет подзаголовок: «стенограмма заседания объединения от 24 декабря 1956 года». Стенограмма включает вступительное слово председательствующего, доклад И. И. Ревзина «Некоторые вопросы формализации синтаксиса» и прения. Подчеркнём, что опубликованный текст доклада представляет собою именно стенограмму — нередко он прерывается возгласами с места, тщательно застенографированными. Застенографированы и выступления в прениях. Стенограмма следующего заседания составляет Бюллетень № 2. Здесь помещён доклад Т. Н. Молошной «Сообщение о составлении грамматических правил для машинного перевода с английского языка» (стенограмма по-прежнему преры-

вается вопросами с места) и стенограмма прений — но уже не приводится ни вступительных слов председательствующего, ни даже даты заседания. Бюллетень № 3 включает стенограмму состоявшегося 21 февраля 1957 года доклада О. С. Кулагиной «Об одном способе определения лингвистических понятий», стенограмма всё ещё прерывается вопросами, зафиксированы и прения. Бюллетень № 4 посвящён заседанию от 18 апреля 1957 года. Здесь два доклада: И. А. Мельчук «О машинном переводе с венгерского языка на русский» и Г. В. Колшанский «К вопросу о возможностях машинного перевода». Начиная с этого номера в записях докладов исчезают сведения о каких-либо высказываниях публики в течение самих докладов. Бюллетень № 5 содержит информацию о семинаре НПММвЯ — программу и изложение ряда докладов, а Бюллетень № 6 — последний из бюллетеней, содержащий протоколы заседаний Объединения (в данном случае, от 25 сентября 1957 года с докладом В. В. Иванова о Международном лингвистическом конгрессе в Осло и сообщением И. И. Ревзина о тематике работы Объединения). В дальнейшем мы встречаем лишь сравнительно скудную информацию о заседаниях Объединения в разделе «Хроника» Бюллетеня (№ 9, с. 76; № 10, с. 94—98). Из этой хроники мы узнаём, что в 1959 году на заседаниях Объединения (а также на занятиях образованного при нём практикума по записи алгоритмов машинного перевода) выступали К. И. Бабицкий, Л. И. Богораз, В. М. Золотарёв, В. В. Иванов, О. С. Кулагина, Ю. С. Мартемьянов, И. А. Мельчук, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, И. И. Ревзин, Б. А. Успенский, А. Л. Шумилина. Мне неизвестны дальнейшие публикации о деятельности Объединения; а когда слово «Бюллетень» окончательно исчезло из названия, такие публикации, по-видимому, полностью прекратились.

А где сейчас ещё, кроме как на желтеющих страницах первых Бюллетеней, прочитаешь стенографические записи выступлений в прениях, скажем, А. Б. Долгопольского ¹⁴, В. В. Иванова, И. И. Ревзина?

В сентябре 1958 года в Москве проходил IV Международный славистический конгресс. В. Ю. Розенцвейг организовал на кафедре перевода МГПИИЯ встречу участников конгресса, интересующихся теорией перевода. Он же произнёс вступительное слово и дирижировал встречей. На встрече выступил Роман Якобсон, который сказал: «Сегодня я присутствовал на одном из самых интересных заседаний Славистического конгресса — на заседании по машинному переводу. Была высказана мысль (проф. А. М. Финкель), что одноязычие первично, а перевод вторичен. Для меня же понятия лингвистики и теории перевода сливаются. Необходимые факторы языкового процесса

таковы: адресант, адресат, сообщение, общий код и общий контекст, или общая ситуация. Все факты языка можно соотнести с этими факторами. Установка на контекст даёт познание, установка на адресанта — эмоцию, на адресата — императив, на сообщение — поэзию. Наконец, установка на код приводит к „языку о языке“, этим занимаются логики. Логика различают объектный язык и метаязык. Но логики ошибаются, думая, что метаязык — это специальный инструмент логики, лингвистики, вообще науки. На самом деле метаязык есть существенная часть языка в целом. Более того, без метаязыка, без метаязыковых операций язык не может быть усвоен ребёнком. Афазия в ряде случаев — это именно утрата метаязыковых операций. Пример метаязыковой операции — переспрос, при котором идёт проверка кода». Якобсон говорил долго и интересно. Он цитировал Екатерину II («Свобода — право то делать, что законы дозволяют»). Он говорил о теории значений («Раньше считалось, что лингвист не должен заниматься значениями. Студенты-лингвисты на вопрос „что такое яблоко“ обязаны были дать фонетический и грамматический анализ слова, но на вопрос о значении обязаны были отвечать: этим занимаются ботаники»). Он приводил определение значения по Пёрсу («Значение — это перевод одного знака в другой. Я не хочу говорить, что это так. Я не хочу прослыть семинаристом. Но для лингвиста это достаточно»). Выступление Якобсона проходило не только в форме монолога, но и в форме диалога с аудиторией. В этом диалоге приняли участие М. К. Поливанов и Н. Д. Андреев; после Якобсона с сообщениями выступили И. А. Мельчук и В. К. Финн.

§ 3. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

Объединение по машинному переводу было не единственным поручиком Киже, изобретённым В. Ю. Розенцвейгом. Другим таким поручиком была так называемая «Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике».

Создание этой группы, объединившей сотрудников различных московских учреждений и функционировавшей на общественных началах, было рекомендовано постановлением Бюро ОЛЯ (то есть Отделения литературы и языка) АН СССР от 29 апреля 1969 года (§ 25) по докладу И. А. Мельчука «О развитии экспериментальной и прикладной лингвистики». Со ссылкой на эту рекомендацию группа и была создана приказом по Институту русского языка № 49 от 5 июня 1969 года. В состав группы были включены старшие научные

сотрудники И. А. Мельчук (Институт языкознания АН СССР) и О. С. Кулагина (Институт прикладной математики АН СССР), доценты I МГПИИЯ В. Ю. Розенцвейг и Ю. С. Мартемьянов, младшие научные сотрудники Н. Г. Арсентьева (Институт прикладной математики АН СССР), Ю. Д. Апресян, В. З. Санников и Б. В. Сухотин (Институт русского языка АН СССР). Руководителем группы был назначен В. Ю. Розенцвейг, учёным секретарём — В. З. Санников.

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике никогда не существовала как организм (например, никогда не собиралась, не имела помещения и оборудования). Однако это абстрактное, трансцендентное существование группы было более чем плодотворным.

Во-первых, названная проблемная группа провела три школы по конкретной тематике, связанной прежде всего с формированием толково-комбинаторного словаря и с морфологией русского глагола, — в Дилижане в марте 1970 года и в мае—июне 1971 года и в Можжинке под Москвой в феврале 1972 года.

Во-вторых, под флагом этой группы (и, следовательно, с грифом Института русского языка) выходила блестящая, сделавшая бы честь любому научному центру серия «Предварительные публикации» [15]. Каждое издание этой серии представляло собою небольшую брошюру, печатавшуюся ротационно в типографии МГПИИЯ тиражом, возросшим от 100 до 190 экземпляров. На февраль 1990 года вышло 182 таких брошюры [16]. Начиная с самого первого выпуска, организатором и бессменным ответственным редактором всех этих предварительных публикаций был В. Ю. Розенцвейг (ответственный редактор стал указываться только начиная с 80-го выпуска).

§ 4. МГПИИЯ: Лаборатория и Конференция

Уместно отметить, что «эффект Кижэ» в известном смысле был присущ и самой Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ, руководимой В. Ю. Розенцвейгом и явившейся одним из «центров кристаллизации» работ по структурной и математической лингвистике в СССР. В частности, именно эта Лаборатория обеспечивала издание как сборников «Машинный перевод и прикладная лингвистика» (по-видимому, с выпуска 3), так и упомянутых «Предварительных публикаций» Проблемной группы. Однако в период расцвета этой Лаборатории тщетно было бы искать в ней не только технические устройства, но и каких-либо сотрудников, помимо четырёх лиц в должности инженеров. Этими инженерами (обслуживавшими несуществующую технику) были А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. К. Щеглов, Ю. С. Марте-

мьянов. Читатель оценит юмор судьбы, назначившей этих филологов инженерами¹⁰. Ещё работало до 20 сотрудников по хоздоговорам.

Первое упоминание о Лаборатории машинного перевода я обнаружил на с. 99 третьего выпуска «Машинного перевода и прикладной лингвистики» (1959 год).

С 15 по 21 мая 1958 года в I МГПИИЯ состоялась первая Всесоюзная конференция по машинному переводу. Я сейчас не помню, кто формально возглавлял Оргкомитет этой конференции, но по существу им руководил В. Ю. Розенцвейг. Его правой рукой был ответственный секретарь Оргкомитета Г. В. Чернов. Конференция была превосходно организована, регламент соблюдался с точностью до минуты. Чёткость организации сочеталась с богатством содержания: среди 61 доклада, сделанного на конференции, мы находим такие:

М. И. Стеблин-Каменский. Значение машинного перевода для языкознания¹¹.

А. А. Ляпунов, О. С. Кулагина. О работах по машинному переводу Математического института АН СССР.

И. К. Бельская. Относительно некоторых общих проблем машинного перевода.

Р. Л. Добрушин. Значение математических методов в лингвистике.

Е. А. Бокарев. Язык-посредник и искусственные международные языки.

И. А. Мельчук. Модель языка-посредника для машинного перевода.

И. И. Ревзин. «Активная» и «пассивная» грамматика

Л. В. Щербы и проблемы машинного перевода.

В. Н. Топоров. О некоторых аналогиях проблемам и методам современного теоретического языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков.

О. С. Виноградова, А. Р. Лурья. Объективное исследование смысловых связей.

И. А. Соколянский. Обучение слепоглухонемых языку.

В. В. Шеворошкин. Древние тексты и проблемы машинного перевода.

А. А. Зиновьев. Общая теория определения и возможности её приложения к теории устройств, осуществляющих перевод.

В. В. Иванов. Теорема Гёделя и лингвистические парадоксы.

¹⁰ Жолковский в качестве инженера — это как спирт для промывки оптических осей.

¹¹ Этот замечательный доклад, открывший собою конференцию, был опубликован в кратком изложении [Стеблин-Каменский 1958].

Полностью программа конференции опубликована в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1959, вып. 1 (он же «Бюллетень Объединения по машинному переводу», № 8); там же опубликованы другие её материалы: протоколы, рекомендации. ●► Коллективная фотография участников конференции опубликована в сборнике [ИРМСК 1997] (см. первую вклейку после с. 398; поправка к подписи под фотографией: А. Б. Долгопольский — не 1-й, а 3-й слева в своём ряду) и в сборнике [ОИИВР 1998] (см. вторую вклейку после с. 256). ◀●

Как вспоминает В. Ю. Розенцвейг, опубликованный сборник тезисов конференции попал в США и произвёл там большое впечатление. (Вообще, знакомство зарубежных учёных с советской теоретической лингвистикой в значительной степени происходило через коллективы, занимавшиеся структурной проблематикой; именно эти коллективы первыми вышли на международную арену.)

Работа конференции велась на пленарных заседаниях, а также на двух секциях: теоретической и алгоритмов машинного перевода. Итоги работы секций были подведены на заключительном заседании конференции соответственно В. Ю. Розенцвейгом [Розенцвейг 1959] и мною [Успенский 1959а].

Из рекомендаций, принятых на заключительном заседании конференции:

6. Конференция одобряет инициативу Филологического факультета Московского государственного университета, организовавшего в 1956—1957 году первый в СССР семинар по математической лингвистике и введшего в 1957—1958 году факультативный курс математики для студентов-филологов.

7. Конференция приветствует создание экспериментальной лаборатории по машинному переводу при Ленинградском государственном университете и считает целесообразным открытие подобной лаборатории при I МГПИИЯ.

11. Конференция поддерживает ходатайство ректора Ленинградского государственного университета об открытии на филологическом факультете ЛГУ специальности «математическая лингвистика».

Конференция поддерживает ходатайство Горьковского государственного университета об открытии на Филологическом факультете ГГУ специализации по машинному переводу.

Конференция призывает Московский государственный университет последовать примеру ЛГУ в деле создания специальности «математическая лингвистика».

13. Конференция полагает, что необходимо значительно расширить сектор прикладного языкознания Института языкознания АН СССР с тем, чтобы обеспечить все разделы его работы.

Как ни удивительно, многие рекомендации оказались выполненными. Хорошо это или плохо — сейчас мне трудно судить; тогда казалось, что хорошо. Но вот одно следствие конференции, которое кажется мне безусловно положительным и сейчас: слепоглухонемой девочке Юле Виноградовой была предоставлена отдельная комната. Этот сюжет требует некоторых комментариев. Среди докладов Конференции был упомянут доклад Ивана Афанасьевича Соколянского (1889—1960), основоположника тифлосурдопедагогики в СССР (но при жизни недооценённого ¹⁷), руководившего до войны созданной им клиникой для слепоглухонемых в Харькове (клиника была уничтожена войной). Его участие в конференции по машинному переводу было следствием его контактов с представителями структурной и математической лингвистики ¹⁸. Последним не без основания казалось, что развитие языковых возможностей слепоглухонемых, помимо очевидного гуманистического аспекта, представляет научный интерес как с точки зрения структурной, так и прикладной лингвистики: некоторые методы И. А. Соколянского находят аналоги в трансформационной грамматике и в практике работы с машинными языками (см. [Иванов 1961]). Говоря грубо, при обучении машины языку можно заимствовать нечто от обучения языку слепоглухонемых. В те годы И. А. Соколянский, уже доведший свою предыдущую воспитанницу О. Скороходову до кандидатской диссертации, занимался с Ю. Виноградовой, которой тогда было, помнится, лет 14—15. Юля Виноградова постоянно находилась в одной из рабочих комнат Института дефектологии АПН РСФСР. Днём она сидела там вместе с приходящими на службу в эту комнату сотрудниками, а ночью она спала на стоявшем в этой комнате диване. Утверждалось, что она может определить количество людей в комнате. В шкафах стояли вылепленные ею кисти рук, сложенные в знаки азбуки для глухонемых. Основное время Юля проводила за пишущей машинкой для незрячих, на которой писала — простыми предложениями — воспоминания о своей «прежней» жизни — о том, как она в детстве жила в деревне. Казалось естественным желать, чтобы она имела свою комнату, отличную от той, которую в рабочее время занимают служащие Института дефектологии, пусть даже доброжелательно к ней относящиеся. Или, если угодно, казалось естественным желать, чтобы проф. Соколянский имел для своей работы кабинет, отличный

от той комнаты, в которой живёт Юлия Виноградова. Естественно также, что вопрос не находил своего разрешения. В протокол заключительного заседания конференции по моему предложению была внесена поэтому фраза «...просить Академию педагогических наук СССР улучшить условия, в которых работает профессор Соколянский Иван Афанасьевич, и рассмотреть вопрос о восстановлении клиники для слепоглухонемых» (см. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1959, вып. 1, с. 12). Эта выписка была послана в Академию педнаук. Никто не пророк в своём отечестве, но чужих пророков уважают. Мне говорили, что бумага подействовала, и Юлия получила для проживания отдельную комнату в Институте (как представляющая интерес для науки) и тем самым профессор Соколянский с сотрудниками — кабинет для работы (и тоже не потому, что в этом нуждался, а потому, что за него вступилась «высокая наука»). Загорский интернат для слепоглухонемых был создан уже после смерти И. А. Соколянского, в 1964 году.

По итогам конференции 28 ноября 1958 года был издан приказ № 1228 Министра высшего образования СССР (тогда — В. П. Елютин) «О развитии научных исследований в области машинного перевода». Подробную информацию об этом приказе можно найти на с. 69—72 упомянутого в предыдущем абзаце 1-го выпуска сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика».

В указанном приказе, в частности, ректорам всех университетов предписывалось «оказывать всемерную помощь преподавателям и сотрудникам, ведущим научные исследования по вопросам машинного перевода и математической лингвистики, стремясь к объединению в этой работе преподавателей разных кафедр, факультетов и лабораторий», а ректорам университетов Московского, Ленинградского, Горьковского, Саратовского, Казанского и Томского — «ввести факультативные курсы для студентов математических и филологических специальностей по машинному переводу и математической лингвистике». Независимо от реальности осуществления, сами эти формулировки выглядели в те годы весьма смелыми, почти революционными. В московском Институте иностранных языков (МГПИИЯ) предписывалось организовать при кафедре перевода лабораторию машинного перевода, а также выделить в 1958/59 учебном году на III курсе Переводческого факультета группу студентов до 10 человек для подготовки в порядке опыта лингвистов по машинному переводу. Такая группа была организована. Р. Л. Добрушин, В. В. Иванов, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг и я собрались и составили для неё учебный план.

§ 5. Ленинградские совещания и Черновицкая конференция

А в апреле 1959 года, с 15 по 21, в Ленинграде состоялось I Всесоюзное совещание по математической лингвистике, созданное Ленинградским университетом и Комитетом прикладной лингвистики (о том, что это такое, будет сказано ниже). Главным организатором Совещания был Н. Д. Андреев. Информация о Совещании была опубликована в журналах «Успехи математических наук» [Ломковская 1959], «Вопросы языкознания» [Андреев 1960], «Вопросы философии» [Зиновьев 1959]. Если в конференции по машинному переводу участвовало 340 человек, то возросший за год интерес увеличил число участников Совещания до 486 (все цифры — по официальным отчётам). В Совещании приняли участие ряд видных математиков, в частности, С. Л. Соболев ●► (сейчас его имя носит Институт математики Сибирского отделения РАН) ◀◀, Л. В. Канторович (впоследствии — Нобелевский лауреат) и А. А. Марков (зав. кафедрой математической логики МГУ); последние двое выступали в прениях. Вспоминается такая деталь: математики, для лучшего уяснения сути, решили собраться в один из дней Совещания отдельно, с тем чтобы заслушать сообщения друг друга. Замысел этой отдельной встречи состоял в возможности говорить на профессиональном языке. Председательствовать на встрече поручили мне, обязав обеспечить соблюдение регламента. А регламент был таков: на всё выступление — пять минут. Здесь замысел состоял в том, что если докладчику есть что сказать, это может быть изложено за пять минут. Регламент соблюдался чрезвычайно жёстко, и все участвующие во встрече признали её весьма полезной.

Вообще надо сказать, что для математической и прикладной лингвистики в нашей стране роль научных конференций была очень большой, большей, чем стандартная роль подобных мероприятий — так всегда, по очевидным причинам, бывает в случае становящегося научного направления. Из таких конференций запомнилась, и не только мне, достаточно представительная Межвузовская конференция по вопросам прикладной лингвистики, состоявшаяся с 22 по 28 сентября 1960 года в Черновцах под эгидой Черновицкого университета. Приведём для примера названия нескольких докладов на этой конференции.

Пленарные доклады:

В. В. И в а н о в. О построении информационного языка для текстов по дескриптивной лингвистике.

Секция структурной и математической лингвистики:

О. С. Широков. Применение лексико-статистического метода при установлении языкового родства.

И. А. Мельчук. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность».

Т. М. Николаева. Типологическое сопоставление русского устного и письменного языков.

Р. М. Фрумкина. Статистические закономерности в языке и речи.

Секция перевода и методики:

В. Ю. Розенцвейг. Машинный перевод и некоторые вопросы преподавания иностранных языков.

А. А. Зализняк. Опыт обучения англо-русскому переводу с помощью алгоритма.

В. А. Успенский. О преподавании математики студентам-языковедам¹²

К. И. Бабицкий и др. Установление соответствий между языками для машинного перевода.

Е. В. Падучева. Правила порождения сложных предложений в стандартизованном русском языке.

Из околonaучных событий, имевших место во время конференции, запомнилась экскурсия в город Хотин, прославленный одою Державина; Хотин был выбран потому, что в нём родился В. Ю. Розенцвейг («Давайте выпьем все до дна за уроженца Хотина́» — это из тоста, провозглашённого В. В. Ивановым). Для экскурсии был нанят небольшой самолёт; его вместимость и ограничила число экскурсантов, коих, впрочем, оказалось, как вспоминает В. Ю. Розенцвейг, больше, чем мест в самолёте, так что в салон самолёта пришлось внести обычный стул [9]. Наиболее яркое впечатление экскурсии — прилёт того же самолёта в Хотин за экскурсантами во второй половине того же дня, в условленный час, с посадкой в чистом поле (а именно, в кукурузном поле, исполнявшем должность аэродрома). Помнится, экскурсия в Хотин состоялась 26 сентября, в день двадцатипятилетия Е. В. Падучевой [20].

И московская Конференция по машинному переводу 1958 года, и ленинградское Совещание по математической лингвистике 1959 года, и черновицкая Конференция по прикладной лингвистике 1960 года были довольно многолюдны. Более скромным было Совещание по статистике речи, организованное с 1 по 4 октября 1957 года в Ленинграде Секцией по исследованию речи Комиссии по акустике АН СССР и Ленинградским университетом. Зато оно происходило

¹² Публикуется на с. 62—63 настоящей книги. — *Примеч. ред.*

раньше указанных собраний, и это безусловно повышает его вес: для новых, революционных направлений всегда велика роль самых первых мероприятий. Из докладов на этом совещании запомнились доклад Л. А. Чистович «Применение статистических методов к определению фонетической принадлежности индивидуального гласного звука» (автор предложила отказаться от поисков категорического ответа на вопрос о фонетической принадлежности звука и искать этот ответ с той или иной вероятностью); доклад И. А. Мельчука «Применение статистики к вопросу о категории рода во французском и испанском языках» (в докладе было убедительно показано, что категорию рода во французском языке следует, наперекор традиции, признать формально выраженной окончанием существительного: действительно, соответствующие правила охватывают примерно 94% существительных для французского языка — ср. с 98% для испанского, где эта выраженность признаётся традицией); доклад И. И. Ревзина «Соотношение структурных и статистических методов в языкознании» (было отмечено, что не только статистика позволяет лучше разобраться в структуре языка, но и подсчитываемые единицы нуждаются в точном структурном определении). Здесь же я столкнулся едва ли не впервые с печальными реалиями организации научных исследований. В. А. Гармаш и Д. С. Лебедев в своём докладе «Статистика трёхбуквенных сочетаний русского печатного текста» рассказали об интересном эксперименте, проведённом в Лаборатории по разработке научных проблем проводной связи АН СССР с целью выяснения энтропии русского письменного языка. Выяснилось, что подходящим кодированием трёхбуквенных сочетаний объём текстов может быть сокращён в 5/3 раза. Однако полученная в результате эксперимента ценнейшая информация о распределении частот трёхбуквенных сочетаний была квалифицирована как всего лишь вспомогательная и после обработки уничтожена (остались лишь следы для наиболее частых сочетаний: «_и_» с частотой $82 \cdot 10^{-4}$ и «_не» с частотой $74 \cdot 10^{-4}$; здесь «_» означает пробел между словами). По свежим следам Совещания я отмечал [Успенский 1958]¹³ такие его итоги.

Совещание в Ленинграде, бесспорно, имело принципиальное значение, не ограниченное кругом вопросов, указанных в его названии. На совещании отчётливо выявились два обстоятельства.

1. Проникновение математических, в частности статистических, методов в языкознание, несомненно, плодотворно. Эти методы

¹³ Статья [Успенский 1958] воспроизводится на с. 33—39 настоящей книги. — *Примеч. ред.*

могут играть очень важную, но всё же подчинённую роль при решении лингвистических проблем. Полностью формализовать реальный язык в виде некой математической системы, по-видимому, никогда не удастся, однако можно ставить вопрос о тех или иных формализованных приближениях к реальному языку, причём расхождение между реальным языком и таким приближением должно оцениваться статистически.

2. Лингвистические исследования начинают приобретать всё большее и большее практическое значение, не укладывающееся, как раньше, в рамки составления школьных грамматик и орфографических правил. Это не означает, что языкознание утрачивает свой теоретический профиль. Наоборот, с развитием техники оказывается, что наиболее тонкие теоретические построения наиболее важны для приложений. Положение дел в лингвистике можно сравнить в этом отношении с положением в математике, теоретические отрасли которой (такие, как математическая логика) приобрели в последнее время особое, прикладное значение.

Большим достоинством совещания явилось разнообразие представленных на нём специальностей, от радиотехники до физиологии. Совещание показало необходимость и дальнейшей координации деятельности представителей разных наук в области прикладной лингвистики.

Под этими словами я готов подписаться и теперь. В организационном плане следствием Совещания по статистике речи явилось создание, во исполнение его решения, рабочего Комитета по прикладной лингвистике при упоминавшейся уже Секции по исследованию речи. Итак, такая византийская иерархия. Сперва Комиссия по акустике Отделения физико-математических наук АН СССР во главе с академиком-физиком Николаем Николаевичем Андреевым¹⁴. При ней — Секция под председательством Вячеслава Николаевича Федорovichа (Ленинград). При ней — Комитет под председательством Льва Рафаиловича Зиндера, профессора кафедры фонетики Ленинградского университета. В состав Комитета вошли Л. А. Варшавский, Р. Л. Добрушин, Н. И. Жинкин, В. В. Иванов, А. Р. Лурия, А. А. Реформатский, В. А. Успенский (то есть я) и др. Комитет обычно собирался в Ленинграде в помещениях Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ. Первое заседание Комитета состоялось 24 января 1958 года и было посвящено уточ-

¹⁴ Читатель не должен путать его с ленинградским лингвистом Николаем Дмитриевичем Андреевым, каковой и имеется в виду при всех других упоминаниях фамилии *Андреев* в данном тексте.

нению проблематики прикладной лингвистики. Информацию об этом см. в [Иванов 1958a]. Следующее заседание состоялось 23—24 июня 1958 года (см. «Вопросы языкознания», 1958, № 3, с. 161). На нём, в частности, в состав Комитета были избраны И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг. В эти дни в Ленинграде стояли белые ночи, и мы с Виктором Юльевичем всю ночь бродили по городу, проверяя через каждые 10 минут, действительно ли можно ночью читать газету; обнаружилось, что есть очень короткий период, когда всё же нельзя.

Комитет прикладной лингвистики сыграл определённую роль в развитии соответствующих исследований в нашей стране, и можно лишь пожалеть, что деятельность его угасла.

§ 6. Лаборатория электро моделирования и совещание на улице Грицевец. ► ВИНТИ ◀

Думается, что первым представительным форумом¹⁵, на котором в нашей стране прозвучали идеи структурной, математической и прикладной лингвистики, было «Совещание по комплексу вопросов, связанных с разработкой и построением информационных машин с большой долговременной памятью», созданное в Москве с 28 по 31 мая 1957 года Лабораторией электро моделирования (ЛЭМ АН СССР). Программа совещания была опубликована в виде хроникальной заметки [ИТСК 1958]. После окончания Совещания его руководитель (и заведующий Лабораторией) Лев Израилевич Гутенмахер сказал автору этих строк: «Совещание прошло на уровне конференции». Хотя слова эти были и задуманы, и высказаны на полном серьёзе, они звучали несколько комично. Однако в них действительно, по крайней мере в рамках лексики говорившего, заключалась некая истина: в Совещании приняло участие более 500 человек (в их числе В. М. Глушков и А. А. Ляпунов), представлявших свыше 90 научных учреждений и организаций. Это совещание осталось в памяти его участников под именем «совещания на улице Грицевец» [21]. Оно, возможно, было первым в СССР представительным совещанием по кибернетике и семиотике вообще — поэтому и привлекло столько участников. Возможно также, что само слово «семиотика» (в значении ‘теория знаковых систем’ — не смешивать с семиотикой в медицине!) впервые прозвучало на нём в широкой аудитории, да

¹⁵ И семинар по математической лингвистике в МГУ, и Объединение по машинному переводу в МГПИИЯ собирали на свои заседания ограниченный контингент участников.

ещё в положительной модальности [Успенский 1959], с. 49; [Успенский 1960], с. 24. Перечислим некоторые из пленарных докладов:

1. Л. И. Гутенмахер (ЛЭ АН СССР). Электрическое моделирование некоторых процессов умственного труда с помощью информационных машин с большой внутренней памятью.

2. В. В. Серпинский, Г. М. Влэдуч (Институт научной информации АН СССР). Задачи, которые должна решить химическая информационная машина с большой долговременной памятью, и перспективы её развития в химическую информационно-логическую машину.

3. В. А. Успенский (ЛЭ АН СССР). Логико-математические вопросы создания машинного языка для информационной машины.

4. В. В. Иванов (ЛЭ АН СССР). Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины.

5. В. В. Косарев (ЛЭ АН СССР). Современное состояние и направления развития ферритов с прямоугольной петлёй гистерезиса, используемых в коммутационных и запоминающих устройствах.

6. А. М. Цуккерман (МГУ, Химфакультет), Г. Г. Стецюра (ЛЭ АН СССР). Логическая программа операции линейного шифрования химических названий и структурных формул.

Доклады Л. И. Гутенмахера, В. В. Иванова и мой были впоследствии опубликованы — см. [Гутенмахер 1957], [Иванов 1958], [Успенский 1960], [Успенский 1959]¹⁶.

Теоретическая секция открылась докладом А. А. Ляпунова «Об общих вопросах машинного перевода» [22].

Совещание на улице Грицевец, да и вся деятельность теоретических подразделений Лаборатории электро моделирования служат прекрасной иллюстрацией к высказанной уже мысли, что и неправильные идеи могут порой быть полезными. В данном случае речь идёт о принадлежащей Л. И. Гутенмахеру идее («под которую» и была создана его Лаборатория) построения «информационной машины с большой долговременной памятью». Идея носила чисто технический характер и касалась способов записи информации — способов не семиотических, а электротехнических. В случае успеха идеи составляющие её электротехнические способы записи давали бы возможность записывать информацию гораздо более компактно, чем позволяли другие существовавшие в те годы способы. Выигрыш достигался за счёт того, что информация записывалась навечно, без права менять

¹⁶ См. книгу 2 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

запись. Она могла только считываться. Предполагалось, что система записи позволит организовать информационный поиск. Идея оказалась порочной прежде всего с электротехнической точки зрения (первым мне сказал об этом имевший электротехническое образование В. М. Глушков — причём сказал прямо на тротуаре улицы Грицевец, во время перерыва) [23]. Как бы то ни было, задуманная Гутенмахером информационная машина так никогда и не была создана [24]. Однако именно эта, оказавшаяся бесплодной, идея Л. И. Гутенмахера стимулировала теоретические разработки в области прикладной семиотики, относящиеся к способам записи информации на логических языках и информационному поиску. Дело в том, что сам Л. И. Гутенмахер и его ближайшие сотрудники претендовали лишь на изобретение некоего технического способа (правильного или неправильного — это уже другой вопрос) хранения большого массива информации и технического же способа поиска в таком массиве. Каким должен был быть язык представления информации, было совершенно неясным. Был поставлен вопрос о создании специального языка для записи информации — так называемого информационного языка, имеющего более отчётливую, чем естественные языки, логическую структуру. Одновременно вставал вопрос о логике информационного поиска. Теоретический аспект всего этого комплекса семиотических проблем располагался на границе между логикой и лингвистикой. Именно в Лаборатории электро моделирования Е. В. Падучевой были начаты первые в СССР систематические исследования по логическому анализу естественного языка.

В организационном отношении указанная деятельность привела к созданию внутри Лаборатории электро моделирования специального теоретического отдела, состоявшего из двух групп: группы математической логики и группы математической лингвистики. Отдел так и назывался: отдел математической логики и математической лингвистики. Должность руководителя отдела в Лаборатории электро моделирования называлась «начальник отдела». Начальником отдела математической логики и математической лингвистики Гутенмахер назначил меня. Одновременно я числился руководителем группы математической логики. Группой математической лингвистики руководил В. В. Ив́анов — разумеется, совершенно самостоятельно, так что я не считал себя начальствующим над ним. Ядро отдела составляли Н. М. Ермолаева, А. В. Кузнецов, Д. Г. Лахути, Е. В. Падучева, В. К. Финн, И. Н. Шелимова, Ю. А. Шиханович, А. Л. Шумилина.

Впоследствии, после поглощения в 1960 году Лаборатории Институтом научной информации АН СССР (он же — Всесоюзный институт

научной и технической информации, короче — ВИНТИ), этот отдел математической логики и математической лингвистики Лаборатории электро моделирования составил ту основу, из которой образовалось теоретическое подразделение ВИНТИ.

●► История теоретического направления в ВИНТИ и его роли в общем семиотическом движении (так и хочется сказать — брожении) в СССР заслуживает отдельного очерка. Здесь я попытаюсь обозначить лишь основные хронологические вехи административных преобразований (пока эти вехи не забылись окончательно — уже сейчас восстановить некоторые даты оказывается практически невозможным). Надо пояснить, что ВИНТИ делился на отделы, а отделы — на секторы. Перед тем, как Лаборатория электро моделирования потеряла свою самостоятельность и была влита в ВИНТИ, и для того, чтобы сделать эту процедуру более гладкой, внутри ВИНТИ был создан специальный отдел, в каковой и должна была влиться Лаборатория. Отдел этот имел красивое название, напоминающее не то об арабских сказках, не то о фантастических романах И. А. Ефремова: ОМАИР, что означало *Отдел механизации и автоматизации информационных работ*. Заведовать отделом (и одновременно, сменив Гутенмахера, — влитой в отдел Лабораторией электро моделирования) была поставлена личность весьма колоритная, — доктор технических наук Антон Михайлович Васильев [25]. Ко всему прочему, он был ещё и полковник ГБ, то есть государственной безопасности, — но, конечно, в штатском: не то в отставке, не то в запасе¹⁷. При всём том Васильев был беспартийным¹⁸. В послевоенные годы Васильев был начальником той самой шарашки, в которой в качестве зэка трудился Солженицын; это обстоятельство Антон Михайлович подтвердил в ответ на мой прямой вопрос. В знаменитом солженицынском романе «В круге первом» Васильев фигурирует под именем Антона Николаевича Яконова [26]. Как-то раз на семинар Отдела семиотики (об Отделе и его семинаре — несколькими строками ниже) на один из докладов

¹⁷ Я не слишком разбираюсь в этих военных терминах. Тем более, как мне объясняли неоднократно, в применении к госбезопасности их смысл трансформируется. Неясно, есть ли там (точнее, были ли в 1960 году) вообще такие понятия, как отставка и даже запас: вроде бы дверь в госбезопасность открывается только в одну сторону — внутрь. При Сталине Васильев какое-то время сидел. Попав в руки к ГБ, вырваться оттуда невозможно, но иногда оказывается возможным остаться там не в роли зэка, а в другом качестве; это другое качество Васильев и предпочёл.

¹⁸ А когда он умер, то к изумлению многих (и к замешательству членов партбюро) состоялось его церковное отпевание.

Ива́нова пожаловал его step-father-in-law Лев Зиновьевич Копелев, он же Лев Григорьевич Рубин из романа «В круге первом» Солженицына). Он был радостно приветствован бывшими вольняшками из шарашки, работавшими на тот момент в отделах ВИНИТИ, занимавшихся выпуском реферативного журнала по радиотехнике; их бывший начальник Васильев привёл их с собой в ВИНИТИ.

ЛЭМ растворялась в ОМАИРе постепенно, ещё несколько лет сохраняя свои собственные отдел кадров, бухгалтерию и прочие атрибуты отдельного советского учреждения (так, Г. Э. Влэдуц, о котором ещё будет сказано, был переведён из ЛЭМ в ВИНИТИ только 1 февраля 1964 года). Сперва внутри ОМАИРа был создан СТОИД — сектор теоретических основ информационного дела и я был переведён из ЛЭМ в ВИНИТИ — с должности начальника отдела математической логики и математической лингвистики на должность заведующего этим сектором (хотя многие сотрудники сектора формально ещё долго продолжали числиться в ЛЭМ). Затем, в 1965 году, в ВИНИТИ был создан отдельный от ОМАИРа Отдел семиотики, возглавленный при его создании Дмитрием Анатольевичем Бочваром, известным химиком и известным логиком [27].

Как яркое явление вспоминается (думается, что не только мною) Научный семинар Отдела семиотики. Семинар регулярно происходил в конференц-зале на шестом этаже старого здания ВИНИТИ, располагавшегося в конце Балтийской улицы (сейчас ВИНИТИ переехал в специально выстроенное для него 14-этажное здание на улице Усиевича). Семинар собирал довольно большую аудиторию. Темы были весьма разнообразные, от математики до литературоведения, поскольку границы семиотики были и есть довольно расплывчаты [28]. Состав выступающих тоже был достаточно широким. Наряду со специалистами в области научно-технической информации с докладами выступали и Ю. М. Лотман, и В. В. Ива́нов, и А. К. Жолковский [29].

Название Отдела с течением времени менялось: *Отдел семиотики* с 1965 по 1976 год; *Отдел семиотических проблем информатики* с 1976 по 1982 год; *Отдел теоретических проблем информатики* с 1982 по 1990 год; *Отдел теоретических и прикладных проблем информатики* с 1990 года. Менялся и его состав — возвращённые внутри него коллективы отпочковывались и оформлялись в качестве самостоятельных подразделений.

Менялось и руководство Отдела: Бочвара не то в 1970 году, не то в 1973 году сменил, в качестве заведующего, Георгий Эмильевич Влэдуц [30]. Но в 1974 году он подал заявление на эмиграцию и

потому, по неписаным советским правилам, уже не мог оставаться в этой должности; 20 июня 1974 года его низвергли до уровня *и. о. старшего научного сотрудника*, а заведующим отделом был поставлен Юлий Анатольевич Шрейдер, кандидат физико-математических и доктор философских наук. В 1976 году его сменил на этой должности Руджеро Сергеевич Гиляревский (при рождении он, если память мне не изменяет, носил как итальянец по отцу имя Руджéро Эттóре, а фамилию Маккí) — и одновременно впервые сменилось название Отдела (о сменах названий писано в предыдущем абзаце). ●●► При нём Отдел, претерпев различные организационные изменения, и достиг стадии естественной смерти ◀●●. (А что касается Шрейдера, то он, уступив своё место Гиляревскому, был переведён на должность заведующего сектором, входящем в состав обсуждаемого Отдела. Однако в 1984 году он был разоблачён как практикующий католик; поскольку он отказался отказаться от религии, то был исключён из правящей Коммунистической партии¹⁹ и снят с должности заведующего сектором, и, главное, значительно понижен в круге своих обязанностей: ему пришлось заниматься технической работой, а также ходить на службу ежедневно, чего до этого он мог позволить себе не делать.)

Однако вернёмся назад, к ещё не присоединённой к ВИНТИ Лаборатории электро моделирования.

Члены бывшего отдела математической логики и математической лингвистики Лаборатории электро моделирования вспоминают, как правило, о своей деятельности в ЛЭМ как о насыщенном и романтическом периоде своей биографии. Там, в частности, начал работать семинар, на котором разбирались сочинения Карнапа и других западных авторов. Этот семинар можно считать прародителем упоминавшегося выше семинара Отдела семиотики.

Лаборатория электро моделирования ютилась в одноэтажном бараке, стоявшем в одном из дворов домовладения № 18 по 2-му Бабьего-родскому переулку. Сейчас и самого переулку, и всех этих дворов и барачков нет: вместо них — новое здание Третьяковской галереи (превратившейся из галереи во всесоюзное госмузейное объединение). Для целей нового строительства барак всё время собирались сносить; Л. И. Гутенмахер упирался как мог. Наконец явился судебный исполнитель опечатывать дверь. Пока Л. И. с необычайной скрупулёзностью проверял его документы в своём кабинете, лабораторские

¹⁹ Это сейчас российские коммунисты стоят со свечами в храмах — тогда это было нельзя. Кажется, впрочем, что и сейчас российскому коммунисту негоже быть католиком — а можно (и даже нужно!) быть православным.

молодцы сняли с петель входную дверь и унесли её. Опечатывать было нечего, и Лаборатория продержалась ещё несколько лет.

Л. И. Гутенмахер был противоречивой (как сейчас модно говорить, неоднозначной) фигурой. Проекты его были, скорее всего, безумны — во всяком случае при том уровне техники, какой был в СССР в 1957 году. Предполагалось, например, что информационная машина, которую он собирался построить, будет сообщать информацию «голосом любимого артиста» (выражение Гутенмахера, стремившегося, полагаю, таким способом потрафить вкусам членов Политбюро). По-видимому, он искренне верил в свои проекты (и потому был рад быть обманутым, скажем, Владимиром Алексеевичем Артёмовым из МГПИИЯ, чрезвычайно представительным и вальяжным господином, утверждавшим, что в его фонетической лаборатории научились инструментально опознавать и синтезировать звуки речи, — чего на самом деле не было). Тем не менее именно Льву Израилевичу Гутенмахеру во многом обязана советская семиотика — она начала развиваться под его «крылом». А я благодарен ему ещё за то, что он познакомил меня с Акселем Ивановичем Бергом: в один из последних дней самостоятельного существования Лаборатории я был привезён Л. И. Гутенмахером на квартиру А. И. Берга. (Как я понимаю, с целью убедить Берга воспрепятствовать лишению Лаборатории её самостоятельности. Сам Берг утверждал, что может на несколько дней задержать любое, сколь угодно высокое, постановление.)

§ 7. А. И. Берг и Совет по кибернетике

«Серебряный век» математической лингвистики в СССР неотделим от личности Акселя Ивановича Берга (10.11.1893 по новому стилю — 2.07.1979). Берг был впечатляющей фигурой. Академик (с 1946 года) и герой (Герой Социалистического Труда, 1963 год), мореплаватель (с лета 1916 года плавает на подводных лодках, с 1919 года — в качестве штурмана, с августа 1955 года — инженер-адмирал, впоследствии — адмирал-инженер) и, если не плотник, то строитель (радиотехники, электроники и кибернетики в СССР: в частности, он создатель и первый директор Института радиотехники и электроники АН СССР, 1953—1959 годы; а с апреля 1959 года — Председатель Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР).

Всегда подтянутый, до конца дней сохранивший не только военноморскую выправку, но и военноморскую точность: назначенная им

аудиенция начиналась минута в минуту — в эту самую назначенную минуту из его кабинета выходил предыдущий посетитель. Как ему удавалось окончить предыдущую аудиенцию столь точно? Он был всегда очень демократичен — я бы сказал, аристократически демократичен. (Вспоминается старая уборщица, рассказывавшая после смерти известного автомобилестроителя, академика Е. А. Чудакова: «Евгений Алексеевич были настоящий барин: каждое утро со мною за ручку здоровались».) При всём том, помещение Совета по кибернетике было разделено пополам: одна половина — личный кабинет Берга, в другой половине ютились все остальные (кстати — думаю, что это было правильно). С 18 сентября 1953 года по май 1957 года Берг — заместитель министра обороны СССР (пребывание в должности было прекращено тяжёлой болезнью сердца, обрушившейся на него в июне 1956 года — когда он ехал в поезде, в своём персональном вагоне). Он сохранил связи «на самом верху», но всегда использовал свой авторитет только на благо. Он верил в науку, в идеалы, был энтузиастом своего дела. Энтузиаст в кресле начальника — это не могло не произвести впечатление. Производила впечатление и адмиральская форма. Когда надо, он умел ею пользоваться. (Его машинистка Зина пожаловалась ему, что её призывают в армию. По-видимому, она была военнообязанной. Я присутствовал при его звонке в военкомат: «С вами говорит академик адмирал Берг. Ко мне обратилась Зинаида Васильевна Кулакова²⁰. Ах, вы хотели с ней только побеседовать? В таком случае я сам с ней побеседую. Или вы полагаете, майор, что вы это сделаете лучше меня?». Майор не полагал.)

И вот, такой человек появился, припоздав, на заседании Бюро Отделения литературы и языка в один из вторников осени 1971 года. («Я помню вторник — аксельбантом блистал великий адмирал».) Обсуждался какой-то вопрос (не помню точно, какой) «на стыке», как теперь говорят, языкознания и кибернетики (в частности, кажется, вопрос об учреждении особого Вычислительного центра с целью создания словаря языка В. И. Ленина ³²). Вёл заседание академик-секретарь М. Б. Храпченко, опытный царедворец, девять лет занимавший практически министерский пост ещё при Сталине, весьма искушённый в понимании табели о рангах. Он с почтением уступил Бергу свой стул и с почтением же слушал его выступление. А говорил Берг примерно следующее. «Столько-то процентов взрослого мужского населения страны — зарегистрированные алкоголики ³³. На днях мы два часа сидели с Алексеем Николаевичем Косыгиным²¹

²⁰ Зинаиде Васильевне — 19 лет.

²¹ А. Н. Косыгин был на тот момент Председателем Совета Министров СССР.

и обнаружили, что ни одно постановление Совета Министров не выполняется. И поэтому мы пришли к вам, и как вы решите, так и будет. А мы заранее согласны с вашим решением»²². В перерыве ко мне подошёл испуганный член-корреспондент Р. А. Будагов и, взяв меня за пуговицу, сказал: «Мне показалось, что уважаемый Аксель Иванович не вполне точно представляет наши возможности». Мне было интересно наблюдать, как вывернется М. Б. Храпченко. Он это сделал с блеском. Отметив ценность содержащихся в выступлении А. И. Берга указаний и необходимость принять их не только к сведению, но и к руководству, он предложил создать для подготовки соответствующего решения комиссию во главе с членом-корреспондентом Викторией Николаевной Ярцевой. Насколько я знаю, комиссия своей работы не прекращала.

Именно на том заседании я познакомился с Г. В. Степановым, будущим академиком и директором Института языкознания Академии наук. Когда обсуждался отзыв на чьи-то работы, он, сидевший от меня через проход, наклонился ко мне и произнёс, сославшись при этом на кого-то из своих учителей по Ленинградскому университету: «*На* бывают доносы, отзывы бывают *о*». (Степанов был специалист по каталанскому языку. В молодости он пережил приключения в Испанскую войну, спасшись в ящике с апельсинами, который вёз самолёт, был блестящим рассказчиком и, вообще, человеком острого ума и остроумным.)

То заседание Бюро ОЛЯ запомнилось мне также примирительным выступлением В. Ю. Розенцвейга («Но чьим ораторским талантом был покорён притихший зал» **34**). В результате обсуждавшиеся лингвокибернетические вопросы (повторяю, не помню точно, какие) были решены должным образом.

До конца «серебряного века» оставалось менее пяти лет... (Сигналом этого конца было изгнание И. А. Мельчука из Института языкознания в марте 1976 года **35**.) Какие бы то ни было ссылки на работы Мельчука были запрещены — особенно после его эмиграции в Канаду в мае 1977 года. Запрет на упоминание имени Мельчука в печати делал невозможным использование его идей в научных публикациях. Тем самым по существу было закрыто (или, по крайней мере, серьёзно подорвано) перспективное научное направление, связанное с соотношением языка и действительности. (Заметим, что именно это направление в 50—60-е годы обвинялось в позитивизме и других идеалистических измах — ср. положение в генетике, где в идеализме обвинялись именно те, кто признавал ген как материальный носитель наследственности.)

²² Сохранились воспоминания и о других аспектах этого выступления А. И. Берга, см. [Иванов 1988], с. 180—181.

Надо сказать, что лингвистике с Бергом повезло. «Он владел пятью иностранными языками и активно ими пользовался», часто обращался к вопросам обучения языку [ПВБ 1988], с. 189. Может быть, поэтому всё, связанное с языкознанием, ему было особенно близко. (Впрочем, ему особенно близко было всё, чем он только ни занимался.) Лингвистике повезло и с Сусанной Степановной Масчан, филологом по образованию, в течение многих лет бывшей учёным секретарём Совета по кибернетике; она удивительным образом сочетала в себе крайнюю деликатность в обращении с деловитостью. Моё поколение питает к ней благодарность.

При создании Совета по кибернетике в его состав было включено 6 лингвистов [ПВБ 1988], с. 167. При образовании секций Совета была создана и лингвистическая секция во главе с В. В. Ив́ановым. Впоследствии этой секцией руководил В. Ю. Розенцвейг²³, затем (с 1980 года) А. П. Ершов и, после его кончины в декабре 1988 года, Ю. Н. Караулов. Сейчас секция называется секцией лингвистических проблем обработки информации. Согласно [ПВБ 1988], с. 144, при А. П. Ершове она называлась «Кибернетическая лингвистика и семиотика», но это название вызывает у меня сомнения. Впрочем, в разных документах секция называлась по-разному [36]. Помнится, одно время существовала секция семиотики во главе с А. А. Марковым (существовала ли она отдельно от секции лингвистики — сейчас не помню, но секция семиотики определённо существовала, например, 7 мая 1964 года). Подробно и информативно о роли Совета по кибернетике и А. И. Берга в развитии лингвистики и семиотики в СССР вспоминает В. В. Ив́анов [Иванов 1988].

§ 8. Симпозиум по семиотике

В только что упомянутом очерке [Иванов 1988] В. В. Ив́анов вспоминает, в частности, совместный доклад А. И. Берга, В. В. Ив́анова и В. Ю. Розенцвейга «Лингвистика, семиотика и кибернетика», представленный на происходившую в 1974 году Всесоюзную научную конференцию по теоретическим вопросам языкознания. Вспоминает он и знаменитый Симпозиум по семиотике («Симпозиум по

²³ С 1964 года, согласно [ПВБ 1988], с. 180; однако на той же странице указано, что председателем секции одно время была О. С. Кулагина, чего я не помню, а О. С. Кулагина отрицает. Что я помню точно, так это то, что в 1980 году В. Ю. Розенцвейга сменил А. П. Ершов, а В. Ю. сделался его заместителем.

структурному изучению знаковых систем», Москва, 19—26 декабря 1962 года), организованный совместно Институтом славяноведения АН СССР и Советом по кибернетике, а также негативную реакцию на отдельные моменты симпозиума [37]. Критика симпозиума должна была содержаться, в частности, в докладе «Методологические проблемы естествознания и общественных наук», с которым предполагал выступить на сессии Академии наук Л. Ф. Ильичёв — тогда уже академик и ещё секретарь ЦК КПСС. Весной 1963 года брошюра с предварительным текстом доклада была распространена, хотя и не слишком широко, для ознакомления и как бы для обсуждения [38]. На с. 75 указанной брошюры говорилось:

В декабре прошлого года в Москве проходил симпозиум по структурному изучению знаковых систем. <...> Выхолащивая идейное содержание искусства, забывая его отражательную функцию, они [докладчики] сводили всё к чисто формальным приёмам исследования. В докладе «О семиотике искусства», например, утверждается: «Произведение искусства можно рассматривать как текст, состоящий из символов, в которые каждый подставляет собственное содержание (в этом отношении искусство аналогично гаданию, религиозной проповеди и т. д.)». В программу симпозиума были включены и такие доклады, как «Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников — знаки рекламы», «Гадание на игральных картах как семиотическая система», «К описанию текста как семиотической системы», «К семиотическому анализу „тайных языков“» (автор последнего ратует за необходимость заняться изучением современного воровского жаргона [39] <...>).

Я сумел попасть на приём к вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву (что оказалось сложнее, чем попасть к Президенту АН СССР А. Н. Несмеянову в годы его президентства, то есть до 1961 года) и вручить ему в письменном виде свои несогласия с содержащейся в докладе Л. Ф. Ильичёва критикой симпозиума. «Ну что ж, я передам ваши замечания Леониду Фёдоровичу», — сказал мне Федосеев. Возможно, что это было чистое совпадение, но в окончательном тексте критика была значительно смягчена. Хочу также привести полный состав комиссии «для подготовки предложений по улучшению работы в области семиотики», о которой вспоминает В. В. Иванов на с. 178 в [ПВБ 1988]. То, что в названии комиссии был использован оборот *по улучшению работы*, а не, скажем, *по устранению идеологических ошибок*, — немалый успех лично Берга, его дипломатического таланта. Сама же комиссия была создана подписанным Президентом

М. В. Келдышем распоряжением Президиума АН СССР № 20-364 от 26 марта 1963 года. Вот текст распоряжения:

Для подготовки предложений по улучшению работы в области семиотики, проводимой секцией математической и структурной лингвистики Научного совета при АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика», образовать комиссию в составе: 1. А. И. Берг — академик, председатель; 2. В. В. Виноградов — академик; 3. Н. Д. Андреев; 4. В. А. Успенский; 5. Ю. А. Шрейдер; 6. И. М. Шептунов; 7. И. А. Горский; 8. В. В. Иванов; 9. Б. Н. Топорнин; 10. В. А.²⁴ Панфилов — учёный секретарь. Доклад и предложения комиссии представить в Президиум Академии Наук к 15 апреля с. г.

Комиссия провела четыре заседания — 10, 18, 28 апреля, а также 7 мая 1963 года (правда, на этом последнем заседании из членов комиссии было только пятеро, но зато присутствовали А. А. Марков, С. С. Масчан, В. Ю. Розенцвейг). Заседания проходили очень напряжённо. Для иллюстрации приведу высказывание В. В. Виноградова, выступившего первым (после Берга) 10 апреля (цитирую по стенограмме): «В настоящее время секторы структурной лингвистики абсолютно ничего не делают для улучшения и расширения методов, например, славянского языкознания». В. З. Панфилов в начале того же заседания: «Можно ли рассматривать произведение литературы и искусства как определённую знаковую систему? Нет, потому что это ведёт к абстракционизму».

Открывая работу комиссии, А. И. Берг сразу же предложил создать подкомиссию для выработки доклада в Президиум АН СССР и проекта постановления Президиума. Он предложил и персональный состав подкомиссии — Н. Д. Андреев (председатель), В. З. Панфилов, В. А. Успенский. Я не стал отказываться, хотя и понимал, что работать в таком составе будет более чем непросто. В результате подкомиссия создала документы, датированные 24 апреля 1963 года, где в трёх местах текст был предложен в двух вариантах — варианте большинства (Андреев, Панфилов) и варианте меньшинства (Успенский). Первое из этих мест относилось к оценке «работы по собственно семиотическим проблемам, ведущейся в секторах и группах структурной и математической лингвистики языковедческих институтов АН СССР». В варианте большинства говорилось, что она «не соответствует основным задачам этих институтов», а в варианте меньшинства

²⁴ Опечатка. Надо «В. З.». — В. У.

«часто перерастает рамки этих институтов». На заседании Комиссии 28 апреля была принята формула «выходит за рамки основных задач». Второе место косвенно касалось оценки недавно состоявшегося Симпозиума. В варианте большинства говорилось, что «за последнее время в некоторых работах по семиотике были допущены ошибки методологического характера, выразившиеся в преувеличении роли семиотики»; в варианте меньшинства этот текст отсутствовал. Комиссия, увы, приняла вариант большинства, хотя и в смягчённой форме: «...в процессе работы в области семиотики были допущены отдельные методологические ошибки, требующие исправления». (Надо сказать, что на заседании 28 апреля, фактически заключительном, предложения подкомиссии подверглись в отдельных случаях значительному редактированию.) Наконец, большинство подкомиссии предлагало создать в системе АН СССР Институт кибернетической лингвистики и семиотики, меньшинство — Институт семиотики. Комиссия 28 апреля приняла предложение меньшинства. В принятом Комиссией проекте постановления Президиума АН СССР был также пункт об издании с 1964 года журнала по проблемам семиотики.

Какие окончательные документы (и когда) ушли из комиссии в Президиум АН СССР, мне не известно. Ещё осенью 1964 (!) года ко мне поступали какие-то варианты этих документов. Никакого постановления Президиума АН СССР по результатам работы комиссии, насколько мне известно, принято не было.

§ 9. Институт семиотики Академии наук СССР

Однако организация Института семиотики АН СССР была предусмотрена ещё постановлением Президиума АН СССР от 6 мая 1960 года № 452 «О развитии структурных и математических методов исследования языка», подписанным вице-президентом А. В. Топчиевым. Пункт 7 этого постановления гласил:

Считать целесообразным создание в 1961—1962 годах в системе Академии наук СССР Института семиотики, в котором должны вестись исследования по структурной лингвистике и всему комплексу теоретических и прикладных семиотических дисциплин. Поручить Научному совету по кибернетике (акад. А. И. Берг) в двухмесячный срок представить в Президиум АН СССР предложения по организации этого Института.

История неудачных попыток создать Институт семиотики заслуживает специальных изысканий. Хочу надеяться, что таковые будут

проделаны свидетелями этих попыток. Я вижу главную причину провала в «эффекте золотой рыбки». В качестве директора Института в 1960 году предполагался Андрей Андреевич Марков — известный математик и сын ещё более известного математика (также Андрея Андреевича), член-корреспондент АН СССР, заведующий созданной в 1959 году кафедрой математической логики Московского университета. Его кандидатура возникла при обстоятельствах совершенно нереальных, свидетелями которых были Г. Э. Влэдуц, Д. Г. Лахути и я ⁴⁰. Практически всеми и мною прежде всего А. А. Марков считался едва ли не единственным достойным кандидатом на этот пост. Согласие его было получено. Была получена и полная поддержка со стороны А. А. Ляпунова и А. И. Берга. Никто не возражал. Дело было на мази.

А далее произошло вот что. Возникла довольно стандартная интрига: захватить уже функционирующий или рождающийся организм и, паразитируя на уже дарованном ему праве на существование, переделать его в угоду себе — а фактически наполнить совершенно новым содержанием. Так, сравнительно недавно была сделана попытка захвата многолетнего издания ВИНИТИ «Семиотика и информатика» одним из научных советов при Академии наук (а именно, Научным советом по проблеме «Сознание»), а тогда, в 1960 году, нашлись силы, которые захотели воспользоваться уже состоявшимся решением о создании Института семиотики и создать Институт, но не семиотики, а кибернетики! Что же касается семиотики, то предлагалось трактовать её как часть кибернетики и предусмотреть в составе будущего Института кибернетики достаточно мощный отдел (или даже отделение) семиотики. Указанным силам не составило большого труда уговорить А. А. Маркова. Быть директором Института кибернетики показалось ему более престижным, нежели директором Института семиотики.

Должен ли А. А. Марков был считать связанным себя моральными обязательствами перед теми семиотиками, которые единодушно признали его своим лидером и, так сказать, на блюде преподнесли ему директорский пост? Не знаю. Но, с прагматической точки зрения, его линия поведения не привела к успеху (а прежде всего просчитались его советчики).

Оказалось, что не только он считает пост директора Института кибернетики престижным. Оказалось, что различные научные, академические, околonaучные и околоакадемические группировки имеют весьма различные взгляды на то, как должен быть устроен Институт кибернетики. Оказалось, короче говоря, и это неудивительно, что обширная популяция советских кибернетиков гораздо менее однородна и единодушна, чем сравнительно небольшая популяция

советских семиотиков. В результате не получилось ни Института кибернетики [41], ни Института семиотики. Что и было названо выше *эффектом золотой рыбки*.

§ 10. «Комиссия по структурализму» и создание структуралистических секторов

Не у всех пунктов постановления от 6 мая 1960 года оказалась такая плачевная судьба. Например, первый пункт этого постановления в основном был выполнен. Этот пункт предписывал Отделению литературы и языка реорганизовать сектор прикладного языкознания в Институте языкознания (этот сектор был создан в апреле 1958 года²⁵ во главе с А. А. Реформатским) в сектор структурной и прикладной лингвистики с группой машинного перевода; создать сектор структурной лингвистики в Институте русского языка (и в сентябре 1960 года «Вечерняя Москва» объявила конкурс на должность заведующего этим сектором — кандидата филологических наук; имелся в виду С. К. Шаумян, который и возглавил сектор; впоследствии заведующим был В. П. Григорьев); в составе Ленинградского отделения Института языкознания организовать группу изучения языка математическими методами (не упомяну, чтобы она была организована) и группу структурно-типологического изучения языков (как я понимаю, эта группа была создана во главе с А. А. Холодовичем, ныне её возглавляет В. С. Храковский).

Отделению исторических наук предписывалось организовать подразделения структурной типологии языков в подчинённых этому Отделению Институте славяноведения и Институте востоковедения. Более точно, в Институте славяноведения было приказано создать Сектор структурной типологии славянских языков [42], а в Институте востоковедения — группу структурной типологии восточных языков.

Я не помню сейчас, как возникла идея постановления «О развитии структурных и математических методов исследования языка» от 6 мая 1960 года. Могу только сказать, что эта идея появилась никак не позже 4 февраля 1960 года. Этим днём помечено распоряжение Президиума АН СССР № 3-194, подписанное Президентом А. Н. Несмеяновым. В распоряжении говорилось:

...Для советского языкознания серьёзное значение имеет применение метода структурного анализа в лингвистических исследованиях

²⁵ При утверждении новой структуры Института языкознания в связи с выделением из него Института русского языка.

<...> Для подготовки к рассмотрению на Президиуме АН СССР вопроса о развитии данного научного направления образовать комиссию в составе: академик В. В. Виноградов (председатель комиссии); академик А. И. Берг; чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебренников; чл.-корр. АН СССР В. И. Борковский; чл.-корр. АН СССР П. С. Новиков; д-р филол. наук М. М. Гухман (Ин-т языкознания); д-р филол. наук С. Б. Бернштейн (Ин-т славяноведения); профессор А. А. Ляпунов²⁶; канд. филол. наук В. В. Иванов (Ин-т точной механики и вычислительной техники); канд. ф.-м. наук В. А. Успенский (Лаборатория электро моделирования, ВИНТИ); канд. филол. наук В. Н. Топоров (Ин-т славяноведения); канд. филол. наук С. К. Шаумян (Ин-т славяноведения); канд. филол. наук Н. Д. Андреев (ЛГУ); канд. филол. наук В. П. Григорьев (Ин-т русского языка, секретарь комиссии). Поручить комиссии в двухнедельный срок представить в Президиум АН СССР проект постановления по данному вопросу.

Заседания этой «Комиссии по структурализму» проходили с меньшей напряжённостью, чем заседания последующей комиссии по улучшению работы в области семиотики, но всё же порою достаточно остро. Я помню два заседания комиссии — 8 и 22 марта 1960 года. Берг и Новиков не были ни разу, Серебренников — только на втором заседании. В первом заседании участвовал также Л. Р. Зиндер, в обоих заседаниях — А. А. Реформатский.

Председатель комиссии, человек весьма неординарный, оказывал заметное сопротивление структурным методам (выше приводилось его высказывание в качестве члена комиссии А. И. Берга). Дело дошло до того, что на одном из заседаний я сказал ему примерно следующее: «В задачу данной комиссии не входит конкретное указание лиц, ответственных за задержку развития структурной лингвистики в СССР». Это подействовало, Виноградов перестал сопротивляться и подписал проект постановления. Он же был и докладчиком на заседании Президиума Академии наук в мае 1960 года, на котором постановление и было принято. В обсуждении приняли участие А. В. Топчиев, В. И. Борковский, А. А. Ляпунов, А. И. Берг.

Быть может, самым существенным был 8-й пункт постановления:

Считать необходимым резко улучшить подготовку специалистов-лингвистов в вузах, в связи с чем просить Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР:

²⁶ Место работы не указано; по-видимому, он работал в то время в Артиллерийской академии.

- а) об организации в университетах Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и Еревана специальных лингвистических отделений²⁷ с постановкой на них соответствующих математических курсов;
- б) о предоставлении Ленинградскому государственному университету и I Московскому государственному педагогическому институту иностранных языков права принимать контингент на отделение математической лингвистики и машинного перевода без производственного стажа, с обязательным экзаменом по математике.

§ 11. ОТИПЛ/ОСИПЛ

Как бы во исполнение этого майского постановления Президиума АН СССР с 1 сентября 1960 года начало функционировать отделение теоретической и прикладной лингвистики (впоследствии — отделение структурной и прикладной лингвистики) Филологического факультета МГУ. (Отделение факультета объединяет студентов, обучающихся по одному и тому же учебному плану и получающих одну и ту же указанную в дипломе квалификацию.) На самом же деле деятельность по созданию этого отделения началась раньше, в начале 1959 года.

Сигналом к началу такой деятельности послужил, надо думать, упоминавшийся уже в конце § 4 приказ № 1228 Министра высшего образования СССР от 28 ноября 1958 года, изданный по итогам Всесоюзной конференции по машинному переводу (Москва, май 1958 года). Из первого пункта этого приказа Филологический факультет МГУ узнал, что работа в области машинного перевода и математической лингвистики, ведущаяся в МГПИИЯ, ЛГУ и МГУ, одобряется. В этом перечне МГУ был назван последним, что, конечно, для первенствующего университета было обидно. Да ещё к тому же доценту Филологического факультета В. В. Иванову и ассистенту Механико-математического факультета В. А. Успенскому тем же приказом была объявлена благодарность — а остальные девять человек, отмеченные министерской благодарностью, к МГУ отношения не имели. Но, главное, Министр своею подписью скрепил не вполне очевидное для московских университетских филологов утверждение, что математическая лингвистика, оказывается, есть не буржуазная лженаука, а полезное дело. Над Филологическим факультетом нависла угроза оказаться в стороне от одобренных начальством устремлений.

²⁷ Хотелось бы подчеркнуть, что речь шла именно о лингвистических отделениях, а не об отделениях структурной и математической лингвистики. — В. У.

Тут выяснилось, что вся деятельность в области математической лингвистики на Филологическом факультете МГУ осуществляется на чистом энтузиазме, вне каких-либо организационных структур. (Кстати, работа из чистого энтузиазма — характерная черта «серебряного века». Всё делалось по внутренней потребности, а не в силу навязанного («спущенного») кем-то плана — и именно поэтому приносило плоды. Скажем, занятия И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна толково-комбинаторным словарём не были предусмотрены никакими планами. Никто не заставлял П. С. Кузнецова, В. В. Иванова и меня открывать семинар по математической лингвистике. Или А. А. Зализняка — заниматься со студентами санскритом. И т. д.)

Впрочем, все эти рассуждения о возможной причине внезапной вспышки активности Филологического факультета остаются спекулятивными. Документально подтверждается лишь следующее. 4 февраля 1959 года я получил по почте подписанное тогдашним деканом Филологического факультета Романом Михайловичем Самариным²⁸ приглашение «принять участие в совещании об организации Отделения прикладной лингвистики на Филологическом факультете МГУ». Приглашение было написано под копирку, с вписанным от руки именем и отчеством после машинописного «Глубокоуважаемый». Кто ещё получил такие приглашения — не помню. Знаю, что среди приглашённых был А. А. Ляпунов. Совещание, помнится, организовывал Тимофей Петрович Ломтев, который возглавлял тогда лингвистическую секцию Учёного совета Филологического факультета и потому считался как бы главой университетских лингвистов — чем-то вроде заведующего несуществующим отделением языкознания Филологического факультета²⁹. 5 февраля А. А. Ляпунов, Т. П. Ломтев и я были в Институте языкознания на докладе Н. Д. Андреева. Там Ляпунов сообщил мне и Ломтеву, что он не пойдёт на это совещание (что-то его не устраивало, не помню, что именно). Тогда я сказал Ломтеву, что без Ляпунова совещание делается бессмысленным и что потому я на него не пойду. Состоялось ли совещание, не знаю.

Следующая дата — 19 мая 1959 года, вторник. Кабинет ректора МГУ Ивана Георгиевича Петровского на 9-м этаже главного здания МГУ на Ленинских горах. То есть помещение, называемое кабинетом ректора в инвентаре помещений МГУ, фактически же — зал для совещаний (работал и принимал посетителей И. Г. в небольшой скромной комнате неподалёку). Происходит совещание, посвящённое

²⁸ Р. М. Самарин был деканом с 1956 по 1961 год.

²⁹ По состоянию на 18 апреля 1964 года Ломтев был заместителем декана.

открытию на Филологическом факультете МГУ отделения прикладной лингвистики. Я был вызван на это совещание телефонным звонком. Присутствуют начальники: ректор И. Г. Петровский, декан Филологического факультета Р. М. Самарин со свитой заместителей и других факультетских чиновников; лингвисты с Филологического факультета во главе с Т. П. Ломтевым, в том числе: Ольга Сергеевна Ахманова (пользовавшаяся особым расположением Петровского и потому имевшая на ректора некоторое влияние³⁰), Самуил Борисович Бернштейн, Рубен Александрович Будагов, Евдокия Михайловна Галкина-Федорук, Владимир Андреевич Звегинцев, Пётр Саввич Кузнецов, Виктория Николаевна Ярцева; математики с Механико-математического факультета: Андрей Николаевич Колмогоров, Андрей Андреевич Марков (в апреле ставший заведующим только что созданной кафедрой математической логики), Роланд Львович Добрушин (впоследствии — один из крупнейших в мире специалистов по теории вероятностей и теории информации³¹) и я; физики с Физического факультета: С. Н. Ржевкин (заведующий кафедрой акустики), В. А. Красильников (профессор той же кафедры), Виктор Иванович Шестаков (пионер применения аппарата математической логики к электрическим схемам).

Первым выступил Т. П. Ломтев, изложивший план создания отделения и его программу. А. Н. Колмогоров предложил создать специальность (или специализацию?), начиная со старших курсов двух факультетов: Механико-математического и Филологического, — для чего учредить смешанные группы студентов при Филологическом факультете и дать им 6 лет обучения. Я предложил создать не отделение прикладного языкознания, а отделение языкознания, с обязательным курсом математики для всех студентов-лингвистов. Последняя идея (об обязательном курсе) была энергично поддержана А. Н. Колмогоровым. Надо сказать, что не только для Колмогорова, но и для ректора Петровского было откровением, что на Филологическом факультете нет отделения языкознания. Они оба наивно полагали, что как Механико-математический факультет делится прежде всего на отделение математики и отделение механики, так и Филологический делится прежде всего на отделение языкознания и отделение литературоведения. Им показалось весьма странным, что в действительности это не так и что деление проис-

³⁰ Во время совещания Петровский пересёк зал и подсел ко мне — только для того, чтобы узнать для Ахмановой имя и отчество одного из присутствующих.

³¹ Это его имя и отчество пожелала узнать О. С. Ахманова — чтобы ответить на его выступление.

ходит по языку — а потому и лингвисты, и литературоведы получают одинаковый диплом: «специалист по такому-то языку и литературе». (Я эту странность, продолжающуюся и поныне, знал давно; но тогда ещё не понимал, что советское языкознание просто не доросло до размежевания с литературоведением и не следует его к этому принуждать.) Хитрый Самарин поспешил успокоить академиков, заявив, что создание отделения языкознания предполагается. Разумеется, он знал, что это неправда.

Твёрдо поддержал идею о создании отделения языкознания и обучении лингвистов математике П. С. Кузнецов. А. А. Марков выступил против выпадов в адрес математической лингвистики со стороны В. А. Звегинцева. Эти выпады были сделаны не на том совещании, а раньше, в феврале или марте 1959 года, в докладе, который Звегинцев сделал на Филологическом факультете и на который он пригласил Маркова и меня. Тогда Звегинцев говорил о цинковке, которую математики якобы собираются вытащить из-под лингвистики (что прежде всего было бы аморальным, так как каждый должен сидеть на своей цинковке). Марков никогда не мог простить Звегинцеву этой цинковки [43], а в прениях по докладу выступил столь резко и смело, что Н. С. Чемоданов заявил: «Мы пойдём не за Марковым, а за Марксом». Вот и 19 мая Марков высказался по поводу Звегинцева — и тут же ушёл с совещания читать лекции.

Добрушин объяснял, что нельзя отделение открывать на пустом месте, что научная работа должна предшествовать учебной, а специальные курсы — обязательным. Таким образом, Филологический факультет был как бы обвинён в том, что не занимается обсуждаемой проблематикой. На это Ахманова возразила так: «Как же можно говорить, что факультет занимается не тем, когда из него вышли Молошная, Николаева, Падучева и сам Вячеслав Всеволодович Иванов». Это заявление было тем более пикантно, что упомянутый Иванов незадолго до того был уволен с факультета за открытую поддержку травимого тогда Пастернака. Заметим в скобках, что хотя и Молошная, и Николаева, и Падучева действительно окончили Филологический факультет, ни одна из них на этом факультете не была оставлена — ни в роли сотрудника, ни в роли аспиранта. Эта печальная традиция — неоставление на Филологическом факультете наиболее способных его студентов — продолжалась и в последующие годы.

Меж тем совещание приближалось к концу. Ярцева ратовала за обучение иностранному языку, предложив (довольно разумно, на мой взгляд), если уж добавлять год обучения, то добавлять его снизу,

перед первым курсом, и потратить его на обучение языку. Физики настаивали на проведении экспериментов. Пора было принимать решение. Как известно, самое бюрократически мудрое решение — создать комиссию. Такую комиссию и предложил создать Самарин, причём создать её при той самой лингвистической секции Учёного совета Филологического факультета, которой руководил Т. П. Ломтев. Было неясно, что есть предмет рассмотрения комиссии: отделение языкознания или специализация по прикладной лингвистике. На мой тут же заданный вопрос Самарин ответил: «Комиссия по специализации». «Нет уж, пусть будет по отделению языкознания», — категорически заявил Петровский. Р. М. Самарин не возражал, более того, дал мне личное обещание, что комиссия будет рассматривать все вопросы отделения языкознания — в том числе вопросы об отделении, начиная с 1-го курса, этого отделения от литературоведов.

Было решено, что в комиссию войдёт произвольное число лингвистов; от математиков — Марков, Добрушин и я (Колмогоров отказался), от физиков — Ржевкин, Красильников и неопределённый радиофизик, для которого была оставлена вакансия.

Я запомнил данное мне Самариным обещание. Поэтому, когда я получил (по почте) извещение (подписанное учёным секретарём Филологического факультета А. Д. Калининым), что в субботу 9 июня 1959 года в 17 часов в кабинете декана факультета состоится «Совещание по вопросам прикладного (!) языкознания», я счёл себя вправе на это совещание не пойти. Известно, что на нём были только лингвисты и С. Н. Ржевкин. Следующее извещение было доставлено мне на дом уже с курьером. Текст извещения, подписанного тем же А. Д. Калининым, гласил: «В субботу, т. е. 4/VII-59 г. в кабинете декана Филологического факультета состоится заседание комиссии по отделению языкознания». Этот текст меня удовлетворил, и я был на этом заседании. Присутствовало шестеро: Р. М. Самарин, А. Д. Калинин, Т. П. Ломтев, П. С. Кузнецов, А. А. Марков и я.

Я уже не помню, что и кто говорил на этом и на последующих заседаниях, если таковые были. Да это и не так важно. Я хорошо помню общую схему развернувшихся дискуссий.

Она такова. Довольно быстро выяснилось, что делить Филологический факультет на две части, лингвистическую и литературоведческую, в обозримом будущем нереально. С точки зрения факультета (которую я не вполне понимал тогда и не вполне понимаю сейчас) раздел потребовал бы (якобы) слишком больших организационных потрясений, которых не хотели ни лингвисты, ни литературоведы. Я не понимал и не понимаю этого странного симбиоза литературы

и языка ⁴⁴. На мой взгляд, если уж объединять, то литературу с историей (включая историю культуры), а язык с математикой. (Разве что классическая и другая «древняя» филология могла бы оставаться единой, поскольку там мы извлекаем язык из литературных памятников.) Менее всего мне понятно стремление к указанному симбиозу, отчётливо наблюдаемое у многих лингвистов. (О. С. Ахманова, например, сказала однажды и притом весьма публично: «Я всегда не знала, когда мне уходить на пенсию. Теперь знаю — когда будет реализовано предложение В. А. Успенского о разделении языкознания и литературоведения».)

Поэтому речь могла идти — и она действительно шла — о создании некоего связанного с языкознанием отделения в параллель действующим структурам. То есть — оставить всё и всех (всех литературоведов и всех языковедов Филологического факультета) как есть, но прибавить ещё особое отделение языкознания. Но как раз отделением языкознания (равно как отделением языковедения или отделением лингвистики) это новое отделение и невозможно было назвать — ведь это бы означало то самое размежевание, против которого все возражали. Ломтев не слишком настойчиво предлагал вернуться к названию «отделение прикладной лингвистики». Звегинцев очень настойчиво продвигал название «отделение структурной и прикладной лингвистики» ⁴⁵. Я стоял насмерть: ведь все эти названия сужали сферу компетенции создаваемого отделения. Была ещё одна, более тонкая причина, почему выражение *кафедра структурной лингвистики* вызывало у меня отторжение. Эту причину я осознал позже. Тогда, в 1959 году я не смог бы её сформулировать. Казалось бы, что может быть плохого в названном выражении, ведь «структурная лингвистика» была написана на том знамени, под которым мои единомышленники во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х годов боролись с косностью, а то и просто с примитивным уровнем, языкознания в СССР. На самом же деле надпись на знамени была тактической уловкой: борьба шла за языкознание, оно же языковедение, оно же лингвистика, как таковое. Но в контексте названия кафедры термин *структурная лингвистика* приобретал тот смысл навязывания «единственно верного учения», каковой смысл уже был слишком хорошо знаком (и внушал отвращение) моим современникам по словосочетаниям *мичуринская биология*, *павловская физиология*, *марксистско-ленинское языкознание* ⁴⁶. Вернёмся, однако, к совещанию 9 июня 1959 года.

Вопрос о названии начинал приобретать характер камня преткновения.

И тут мне пришла в голову счастливая мысль — предложить название, по существу синонимичное названию «отделение языкознания», но не имеющее отрицательных административных коннотаций последнего. Именно, я предложил назвать новое отделение так: **отделение теоретической и прикладной лингвистики**.

Я исходил из того, что никакой другой лингвистики и не бывает и что, таким образом, формируемое отделение и будет по существу отделением просто лингвистики, сиречь языкознания, сиречь языковедения. Как ни удивительно, тогда мне удалось — ссылаясь на решение ректорского совещания от 19 мая 1959 года — победить. Но победа оказалась временной: предложенное мною название продержалось лишь первые два учебных года ⁴⁷.

И вот летом 1960 года были проведены первые экзамены (в том числе по математике) и зачислены первые девять студентов на отделение теоретической и прикладной лингвистики (ОТИПЛ). Газета «Правда» 28 августа 1960 года в статье, посвящённой новому пополнению вузов, приводила слова проректора МГУ по кадрам Кузмы Иванова: «В нынешнем году в университете открываются новые специальности. На Филологическом факультете будут готовиться специалисты в области машинного перевода литературы с иностранных языков. На Экономическом факультете создано отделение математических методов в экономических расчётах». Не знаю, как на факультете Экономическом, но при приёме на новую специальность Филологического факультета МГУ первоначально было объявлено об ограничении приёма для женщин — что свидетельствовало о серьёзном отношении властей (правда, после протеста отца одной из абитуриенток, а именно О. Ф. Крутиковой, это ограничение было отменено и среди первых девяти зачисленных оказались две студентки). Газета «Московский университет» поместила в номере от 30 сентября 1960 года статью «Отделение теоретической и прикладной лингвистики и его задачи», подписанную В. А. Звегинцевым, тогда ещё заведующим кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания.

К девяти зачисленным с 1 сентября 1960 года прибавилось ещё четверо, отобранных экзаменом по математике из шести желающих перейти на 1-й курс ОТИПЛа с других курсов и специальностей Филологического факультета (трое из этих четырёх, в том числе Б. Ю. Городецкий и А. А. Раскина, переходили на первый курс со второго курса, а один — даже с третьего!). Таким образом, на 1-м курсе оказалось 13 человек. Уместно упомянуть, что весной 1965 года только пятеро из них оканчивало это же отделение: одна отстала, двое

перешли на другие отделения того же факультета (в том числе не справившийся с математикой Г. А. Анджапаридзе, нынешний директор издательства «Художественная литература»), пятеро были отчислены. Столь большой отсев объяснялся прежде всего наличием математических предметов. Если не по объёму, то по уровню, преподавание приближалось к мехматскому. Отвечал за математику я, кроме меня преподавали Ю. А. Шиханович и А. Д. Вентцель. Экзамены проходили очень жёстко. Это резко выделяло ОТИПЛ из всего факультета — настолько резко, что студентов этого отделения, в отличие от студентов всех других отделений, не посылали на картошку (впоследствии, по мере постепенной деградации отделения, стали посылать). Не все поступившие были готовы к такому суровому обучению. Отмечу ещё, что вместе с первым набором студентов весь пятилетний курс математики, по шесть часов в неделю, прослушал А. Е. Кибрик — он начал слушать пятикурсником кафедры классической филологии, а с некоторого времени слушал уже в качестве сотрудника только что организованной кафедры структурной и прикладной лингвистики (он был едва ли не единственным сотрудником, взятым на новую вакансию: все остальные перешли с других кафедр Филологического факультета).

Математико-лингвистические специализации появились и в других университетах, а также в МГПИИЯ.

Впоследствии приказом по Министерству высшего и среднего специального образования СССР № 213 от 30 мая 1962 года при секции языкознания и секции математики, механики и астрономии Научно-технического совета Министерства была организована Координационная комиссия по математической лингвистике. Состав комиссии: А. А. Марков (председатель), В. Ю. Розенцвейг (зам. председателя), Ю. С. Мартемьянов (учёный секретарь), Н. Д. Андреев, Р. Л. Добрушин, Л. Р. Зиндер, В. В. Ив́анов, Л. А. Калужнин, А. Н. Колмогоров, П. С. Кузнецов, О. С. Кулагина, А. А. Ляпунов, И. И. Ревзин, В. А. Успенский, А. А. Холодович, И. М. Яглом. Фактически комиссией управлял В. Ю. Розенцвейг. Он руководил проводимым под эгидой комиссии отчётно-координационным совещанием по автоматическому переводу, проходившим в стенах МГПИИЯ 23—24 января 1963 года. Ему я докладывал письмом от 17 февраля 1963 года о состоявшемся 25 января под моим председательством Совещании по преподаванию математики лингвистам. В совещании приняли участие математики, преподающие математику лингвистам в следующих вузах: в Московском университете — Ю. А. Шиханович, А. Д. Вентцель и я; в Ленинградском университете — Г. С. Цейтин, С. Я. Фитиалов;

в Киевском университете — Л. А. Калужнин; в Новосибирском университете — А. В. Гладкий; в Горьковском университете — М. М. Шульц; в Харьковском университете — Л. Я. Гиршфельд; в И МГПИИЯ — О. С. Кулагина, Г. В. Дорофеев, Е. С. Голод. Совещание приняло решение, которое начиналось так:

1. Обучение лингвистов математике должно быть направлено на то, чтобы обучающиеся овладели:

- 1) точными методами исследования;
- 2) языком основных математических понятий;
- 3) минимумом математических сведений, необходимых для самостоятельного
 - а) применения этих сведений к исследованию языка;
 - б) чтения литературы по математической лингвистике;
 - в) повышения своей математической квалификации.

В апреле 1962 года **48** была создана кафедра структурной и прикладной лингвистики. Её заведующим стал В. А. Звегинцев, который затем легко добился переименования отделения в соответствии со своим желанием. 1 сентября 1962 года студенты пришли уже не на ОТИПЛ, а на ОСИПЛ — отделение структурной и прикладной лингвистики **49**.

Но дело, конечно, не в названии. Деградация отделения была предрешена отношением его руководителя В. А. Звегинцева к математике **50**. Он её не любил, был уверен, что она «тянет цинковку» (см. выше), и с нею боролся — к сожалению, безуспешно. Уверен, что если бы Звегинцев вместо борьбы с математикой заключил с нею союз, это только укрепило бы его позиции и помешало бы тёмным силам столкнуть его в апреле 1982 года с должности заведующего кафедрой структурной и прикладной лингвистики. А в июле 1982 года приказом ректора МГУ А. А. Логунова № 940 от 23.07.1982 была ликвидирована и сама кафедра, точнее, слита с кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, которой заведовал в ту пору профессор Юрий Владимирович Рождественский: ему и было поручено заведовать объединённой кафедрой. Эта кафедра получила название «кафедра общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания» (как видим, *языкознание* победило *лингвистику*, а слово *структурный* было утрачено вовсе) **51**.

Кафедра структурной и прикладной лингвистики как самостоятельная единица была ликвидирована, но студенты ОСИПЛА продолжали существовать и обучаться. На прежней кафедре в течение многих лет преподавал А. А. Зализняк, не только первый среди отечественных

лингвистов, но и блестящий лектор. Когда в начале сентября 1982 года он поинтересовался своим расписанием, то обнаружил, что в сетке часов ОСИПЛа он отсутствует. Зализняк с начала своей трудовой деятельности работал в одном и том же месте — в Институте славяноведения Академии наук. На кафедре структурной и прикладной лингвистики он был совместителем — профессором на половинной ставке. Для совместителей в МГУ порядок был такой: на каждый учебный год с ними возобновлялся контракт. Оказалось, что на 1982/83 учебный год контракта с ним нет и не будет. Весьма вероятно, что инициатива исходила от Рождественского или, по крайней мере, была с ним согласована. Рождественский, однако, приписал это неблагоприятное действие (а именно, невозобновление контракта) Б. Ю. Городецкому. Кажется, Рождественский имел на это формальное право, поскольку Городецкий временно исполнял должность заведующего кафедрой структурной и прикладной лингвистики в короткий период между увольнением Звегинцева с поста заведующего и ликвидацией самой кафедры. Ещё весной до Зализняка доходили не слишком определённые слухи о возможных сложностях с его полставкой, но они его не волновали, поскольку деньги, которые ему платили в Университете, его не интересовали. Пользуясь случаем свидетельствовать, что Зализняк никогда не преподавал ради денег, а лишь по душевной потребности. У него не было сомнений, что в предстоящем учебном году он будет, как и прежде, вести занятия на ОСИПЛе; полагаю, что, не увидев себя в расписании, он испытал шок. Полное равнодушие Рождественского к тому, что гениальный лингвист и потрясающий — *terrific*, как сказали бы американцы, — преподаватель, готовый вести занятия на его кафедре, лишён этой возможности, вызвало шок у меня. (Равнодушие — это в лучшем случае; в худшем — Рождественский это и устроил.)

Объединённая кафедра просуществовала шесть лет. В 1988 году она распалась на прежние составные части: кафедру общего и сравнительно-исторического языкознания во главе с заведующим профессором Ю. В. Рождественским и кафедру прикладного языкознания во главе с исполняющим обязанности заведующего профессором Юрием Николаевичем Марчуком [52], ●●► впоследствии действительным членом Международной академии информатизации [53] ◀●●. Однако состоявшееся восстановление кафедры — с новым названием и с новым начальником — не смогло излечить отделение от нанесённого ему в 1982 году удара.

Март и август 1990 года.

Примечания

■ [к преамбуле, с. 295]. ●► Вот названия разделов очерка [Кибрик 2001]: 1. Создание отделения и кафедры; 2. Эпоха формирования традиций и расцвета (1960—1967); 3. Эпоха зрелости и защиты завоеваний (1968—1981); 4. Тяжёлые времена (1982—1988); 5. Живая курилка (1988—1991); 6. Новейшая история (1992—2001). ◀●

■ [к § 1, с. 296]. Имя М. В. Келдыша ещё по меньшей мере один раз встречается в истории машинного перевода. В 1960 или 1961 году Президент Академии наук академик А. Н. Несмеянов собрал в своём кабинете небольшое совещание с целью выяснить, что такое машинный перевод, нужен ли он, возможен ли он. Приглашены были и мы с В. Ю. Розенцвейгом. Келдыш, тогда вице-президент, сильно запаздывал. Несмеянов спросил: «А где же Мстислав Всеволодович?». В. Ю. Розенцвейг, для которого не могло быть других Всеволодовичей, кроме Вячеслава Всеволодовича Иванова, и имея его в виду, ответил: «Он в командировке». Помню, как Несмеянов с беспокойством набирал на телефонном диске номер ОПМ, чтобы узнать, выехал ли Келдыш с Миусской площади. Наконец, Келдыш приехал и, послушав происходящее, сказал несколько брезгливо: «Ну что ж, Александр Николаевич, я готов лично разобраться в этом деле и потратить на это полный свой день. Для этого мне надо как-нибудь не приехать на это ваше заседание Президиума, всё равно ведь там будет какая-нибудь чепуха». Мне неизвестно, чтобы Келдыш когда-либо тратил свой день на машинный перевод. В 1961 году Несмеянов был смещён, Келдыш стал Президентом и уже сам стал проводить заседания Президиума АН СССР.

●► Став Президентом Академии, Келдыш продолжал унижать Несмеянова. Мне довелось быть допущенным на одно из заседаний Президиума АН СССР [54] и присутствовать при сцене, оставившей у меня неприятный осадок. Шла речь о выделении денег на что-то. Президент Келдыш сказал, что надо поручить это дело начальнику финансов Академии Шидловскому (я могу ошибиться в фамилии, но пусть для простоты будет Шидловский). Член Президиума Несмеянов встал с места и заявил, что Шидловского он хорошо знает и потому может ответственно утверждать, что тот денег не даст. Келдыш возмутился: «Как это не даст?! Он получит указание Президента!». Тут бы ему остановиться, но он продолжал: «Это Вы тут развели такие порядки, а мы будем с ними кончать».

Читатель может заметить, что о Несмеянове я пишу с симпатией. И это действительно так. Я с симпатией вспоминаю и немногочис-

ленные контакты с ним, и столь же немногочисленные рассказы о нём.

Когда Несмеянов ещё был Президентом Академии наук, мы с Г. Э. Влэдуцем записались к нему на приём — в попытке переломить ситуацию с организацией работ по автоматическому поиску химической информации. (Надо сказать, что попасть тогда, в 1960 или 1961 году, к Президенту Академии наук Несмеянову было много легче, чем в 1963 году к Федосееву — одному из вице-президентов той же Академии.) Когда в назначенный час мы пришли в приёмную, мы оказались там единственными посетителями, а сам Несмеянов в своём кабинете в тот день ещё не появлялся. Наконец он появился, и через несколько минут мы были приглашены зайти. А когда мы выходили из здания, вышел и он, сел в длинный чёрный автомобиль и укатил. Мы поняли, что он приезжал только для того, чтобы принять двух записанных к нему на приём кандидатов наук. Никто из известных нам академических начальников, включая куда более мелких, так бы не поступил.

Несмеянов стал Президентом Академии наук в 1951 году, а до того (с 1948 года) был ректором Московского университета. О нём мне тепло рассказывали многолетние (хочется сказать — многолетнейшие) ректорские секретарши Анастасия Порфирьевна Новичкова и Татьяна Владимировна Семёнова. Они служили ещё до Несмеянова и много после него — при Петровском, Хохлове и Логунове, каковым и были уволены (но мне его защищали: «Вы о нём плохо не думайте, он добрый»); с их увольнением полностью изменился благородно-старомодно-демократический дух ректорской приёмной. Так вот, они рассказывали, как ректор Несмеянов бежит по университетскому двору, чтобы поспеть на троллейбус, который повезёт его с Моховой на Большую Калужскую улицу (ныне — начало Ленинского проспекта) — домой, обедать. А ректорская машина была временно (а практически постоянно) узурпирована всеильным проректором Григорием Даниловичем Вовченко, и Несмеянов считал неудобным потребовать её для себя. ◀●

■ [к § 1, с. 297]. Как обстояло дело с атомным проектом при названных персонажах, рассказывал мне причастный к этому проекту Наум Маркович Сагалович, мой сослуживец по Лаборатории электро-моделирования Л. И. Гутенмахера. Вот его рассказ в моём пересказе. Топонимы и имя изделя названы мною произвольно, в остальном пересказ точен. Представьте себе, говорил Сагалович, что для чего-то потребовались двухтавровые балки определённого размера и формы. Органам государственной безопасности поручается выяснить, где в

данный момент имеются таковые. Выясняется, что в данный момент они имеются в таком-то вагоне такого-то грузового состава, находящегося в пути из Кривого Рога в Омск. На ближайшую узловую станцию отправляется вооружённый отряд Министерства госбезопасности. Начальнику станции приказывают отцепить вагон с балками. Он, естественно, отказывается, ссылаясь на накладные, путевые листы и прочие неубедительные аргументы. К его виску приставляется пистолет, и ему сообщается, что сейчас он будет расстрелян на месте как изменник делу Партии и Родины (девиз ВЧК—КГБ: «Верность партии³², верность Родине»). Начальник станции перестаёт отказываться, вагон отцепляется и увозится в неизвестном направлении.

4 [к § 1, с. 298]. ► С П. С. Кузнецовым я познакомился при следующих обстоятельствах. В 1955 году мой брат Борис поступил на Филологический факультет МГУ³³. Я сказал ему, что если он сдаст все экзамены своей первой экзаменационной сессии на отлично, я устрою ему встречу с Кузнецовым, с которым сам был не знаком, но слышал о нём от Колмогорова. Уже не помню, слышал ли Боря о Кузнецове только от меня или имел и другие источники весьма почтительного к нему отношения, но только он сдал зимнюю сессию на отлично (кажется, это была единственная такая сессия в его жизни). Я объяснил ситуацию Колмогоровым и попросил их организовать мне и брату встречу с Кузнецовым. Что и было исполнено. Боря и я посетили Кузнецова в его квартире в одной из четырёх угловых башен Главного здания Московского университета (а именно, в квартире 99 башни К). Беседа с Кузнецовым произвела на нас обоих большое впечатление. У моего брата хранятся теперь интереснейшие воспоминания П. С. Кузнецова, фрагменты которых были мною опубликованы в посвящённом Колмогорову мемориальном выпуске журнала «Успехи математических наук» (1988, т. 43, вып. 6, с. 197—208). ◀●

5 [к § 1, с. 298]. Мне приятно вспомнить о всех своих контактах с Петром Саввичем, включая совместное оппонирование (Татьяне Николаевне Молошной, Татьяне Михайловне Николаевой, Андрею Анатольевичу Зализняку) и его шестидесятилетний юбилей в Коммунистической аудитории Московского университета, где я приветствовал его от имени Лаборатории электро моделирования АН СССР (а академик Виктор Владимирович Виноградов произнёс следующие

³² Полагаю, что верность партии сохранилась, хотя место правящей партии оказалось занятым другой партией.

³³ Кстати, поступил он с немалыми трудностями, так как недобрал баллов на вступительных экзаменах. Теперь Борис Андреевич Успенский — известный филолог, и я упоминаю этот эпизод, связанный с его поступлением, в качестве иллюстрации к вечной теме вступительных экзаменов в вузы.

бессмертные слова: «П. С. Кузнецов является одним из выдающихся наших лингвистов, что видно хотя бы из того, что на протяжении последних пятнадцати лет мы регулярно встречаем его имя в списках кандидатов в члены-корреспонденты»). А потом я нёс его гроб на Ваганьковском кладбище и что-то говорил у открытой могилы. Андрей Николаевич и Анна Дмитриевна Колмогоровы были в числе сопровождавших гроб.

■ [к § 1, с. 299]. ●► На титульном листе этого тома сверху было написано: Harvard University. Linguistics Department. В середине страницы: Papers presented at the Seminar in Mathematical Linguistics (Linguistics 305). Spring 1955. А внизу — два имени: Lawrence G. Jones, Department of Linguistics; Anthony G. Oettinger, Computation Laboratory. Относительно же семинара в томе давался такой комментарий: «Linguistics 305 [to be repeated, as Linguistics 205, in the spring of 1956], a seminar in “Mathematical Linguistics” was held for the first time in the springtime of 1955». Таким образом, семинар в Гарварде опередил наш семинар на полтора года. ◀●

■ [к § 1, с. 299]. ●► Некоторые подробности об этом семинаре см. на с. 316, 319—321 очерка Вяч. Вс. Иванова [Иванов 1998] и на с. 802—807 воспоминаний И. И. Ревзина [Ревзин 1997]. В двух названных публикациях отражены и другие детали становления новой лингвистики в СССР, и общая атмосфера такого становления. ◀●

■ [к § 1, с. 299]. ●► «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи», — написала Ахматова в своих «Тайнах ремесла». Сказанное великим поэтом применимо не только к стихам. Вот из какого «сора» появился первый в нашей стране лекционный курс математики для филологов. Как-то после очередного семинара ко мне подошла аспирантка одной из лингвистических кафедр и поделилась проблемой, с которой она встретилась. Её руководитель поручил ей выяснить, сколько может быть комбинаций из какого-то (забыл, какого) определённого числа подряд идущих фонем при условии, что дифференциальные признаки этих фонем подчинены определённым ограничениям на сочетаемость (вроде, скажем, запрета на то, чтобы из двух стоящих рядом согласных фонем одна была звонкая, а другая глухая). Чтобы решить поставленную задачу, аспирантка стала выписывать все такие фонемные комбинации, уже выписала много тысяч и теперь хочет знать, много ли ей ещё осталось писать. Я ей сказал, что не надо было и начинать выписывать эти комбинации, а надо было применить формулы из раздела математики, называемого комбинаторикой, и сразу получить нужное число, каковое и было ей названо. Она была потрясена, я тоже. Не знаю, к чему привело её потрясе-

ние её, но моё меня — к идее ознакомить филологов с простейшими математическими понятиями и фактами. Так и возник на Филологическом факультете МГУ курс математики для всех желающих его слушать; этот необязательный курс можно считать родоначальником того обязательного курса математики, который впоследствии стал читаться студентам Отделения теоретической и прикладной лингвистики (как было создано это Отделение, рассказывается в § 11). ◀●

9 [к § 1, с. 300]. Вот как об этом вспоминает сам Ив́анов:

Пастернак получил Нобелевскую премию. На общемосковском собрании писателей, когда его исключали из их Союза и требовали выслать его из страны, критик Корнелий Зелинский настаивал на том, чтобы репрессии распространились бы и на меня. Мало того, что я защищаю Пастернака и не подал руки Зелинскому, потому что тот написал статью против Пастернака. Я ещё на стороне невозвращенца Романа Якобсона. На Филологическом факультете Московского университета, где я тогда работал, учредили комиссию, которая должна была выявить мои отклонения от советской идеологической нормы.

Среди прочего комиссия в своём заключении, требовавшем моего увольнения (что и было сделано), обвиняла меня в защите Якобсона на международных научных конгрессах <...>.

А вот что пишет об этих событиях Корней Чуковский в дневниковой записи от 4 декабря 1958 года:

...Корнелий Зелинский подал донос на Кому Иванова, где утверждается, будто дом Всеволода Иванова — это гнездо контрреволюции 55 <...>. Кома месяца три назад не подал руки Зелинскому и при этом громко сказал: вы написали подлую статью о Пастернаке. Зелинский сообщил об этом на собрании писателей, публично. И кроме того написал донос.

(Корней Чуковский. Дневники 1901—1969. — Т. 2: 1930—1969. — М.: Олма-прес, 2003. — С. 329.)

10 [к § 1, с. 300]. В заметке в «Вопросах языкознания» не объясняется, почему Вяч. Вс. Ив́анов, которого ждали на юбилейной конференции, на ней не появился. А дело было так. Утром в день конференции, когда я уже собирался выходить из дому, раздался телефонный звонок. Звонил Ив́анов, обрисовавший печальную ситуацию. Он стоит в прихожей своей квартиры, куда вышел, чтобы одеться, спуститься вниз и ехать на конференцию; автомобиль стоит у подъезда. Он не может сдвинуться с места, даже войти обратно

в комнату, потому что внезапно его искусственный тазобедренный сустав вышел из суставной сумки. Забегая вперёд, скажу, что ему пришлось отложить вылет в Америку к началу учебного года, сдать авиабилеты и провести незапланированные недели в Москве.

■ [к § 1, с. 301]. Упомянутый пятый выпуск Бюллетеня ОППМП был целиком посвящён работе семинара НПММвЯ. Вот содержание этого выпуска — так, как оно было дано на его с. 1:

1. О т р е д а к ц и	2
2. Дневник семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании»	3
3. В. В. Иванов. Языковедение и математика	5
4. В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову	11
5. Р. Л. Добрушин. Элементарная грамматическая категория	19
6. В. А. Успенский. К определению части речи в теоретико-множественной системе языка	22
7. П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии	27
8. И. И. Ревзин. По поводу определения фонемы, данного П. С. Кузнецовым	42
9. В. В. Иванов. Код и сообщение	48
10. В. В. Иванов. <i>n</i> -мерное пространство языка	51
11. В. В. Иванов. О некоторых понятиях сравнительно-исторического языкознания	53
12. В. В. Иванов. Понятие нейтрализации в морфологии и лексике	55
13. С. К. Шаумян. Понятие фонемы в свете символической логики	58

Ниже полностью воспроизводится всё то, что было напечатано на с. 2—4 пятого выпуска Бюллетеня:

О Т Р Е Д А К Ц И И

В течение 1956—1957 учебного года на Филологическом факультете Московского государственного университета им. Ломоносова происходили занятия научного семинара по математическим методам в языкознании, в котором принимали участие также члены Объединения по машинному переводу при МГППИЯ³⁴. Ввиду

³⁴ Никакого формального членства в этом Объединении не было, неформально же его членом мог считать себя любой желающий. Собственно говоря, не было и самого Объединения как структуры, образованной «в установленном порядке» (любимый термин советского бюрократического новояза). — В. У.

того, что проблематика семинара, тесно связанная с теоретическими вопросами машинного перевода, представляет значительный интерес, редакция Бюллетеня обратилась к руководителям Семинара — П. С. Кузнецову, В. В. Иванову и В. А. Успенскому — с просьбой ознакомить наших читателей с его работами.

Публикуя в настоящем выпуске несколько из любезно предоставленных нам рукописей, мы выражаем признательность их авторам и просим научных работников, ведущих исследования в области машинного перевода и в смежных областях, присылать нам для публикации свои труды, а также отзывы и информацию.

Дневник семинара «НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ЯЗЫКОЗНАНИИ»

Занятие 1 (24 сентября 1956 г.). Руководители семинара П. С. Кузнецов, В. В. Иванов и В. А. Успенский ознакомили собравшихся с проблематикой математической лингвистики. Было обращено внимание на значение для языкознания математически строгих методов, на возможности использования математической логики и теории информации. Отмечалась актуальность формального анализа языка в связи с задачами машинного перевода. Был дан краткий обзор «Papers» семинара по математической лингвистике Гарвардского университета и сообщена выборочная библиография по математической лингвистике. Участникам семинара было предложено дать строгие определения ямба и падежа. Было установлено, что занятия семинара, начиная с 8 октября 1956 г., будут происходить по понедельникам с 19 до 21 часа.

Занятие 2 (8 октября 1956 г.). И. А. Мельчук начал доклад о применении теории информации к анализу фонем и дифференциальных признаков в работах Р. Якобсона (см. Е. С. Cherry, М. Halle, R. Jakobson — «Toward the logical description of languages in their phonemic aspect», «Language», vol. XXIX, 1953; R. Jakobson and M. Halle — «Fundamentals of language», 's-Gravenhage, 1956). Докладчик подробно остановился на спектрограммах отдельных фонем. В конце занятия обсуждался вопрос о формальном определении ямба.

Занятие 3 (15 октября 1956 г.). И. А. Мельчук окончил свой доклад. В конце семинара И. А. Мельчук предложил своё решение задачи об определении падежа.

Занятие 4 (22 октября 1956 г.). В. А. Успенский сделал доклад об исчислении высказываний в математической логике.

Занятие 5 (29 октября 1956 г.). О. С. Кулагина и Т. Н. Молошная начали доклад «Некоторые теоретические вопросы, связанные с машинным переводом» (см. выпуск 2 настоящего «Бюллетеня»).

Занятие 6 (5 ноября 1956 г.). Обсуждался вопрос о формальном определении падежа. В. А. Успенский изложил определение падежа, принадлежащее А. Н. Колмогорову.

Занятие 7 (12 ноября 1956 г.). Т. Н. Молошная окончила доклад, начатый на занятии 5-м.

Занятия 8, 9 и 10 (19/XI, 26/XI и 3/XII 1956 г.). Р. Л. Добрушин сделал доклад об основных понятиях теории информации (для дискретного случая).

Занятия 11 и 12 (10/XII и 17/XII 1956 г.). С. К. Шаумян сделал доклад «Понятие фонемы в свете математической логики». Было условлено, что занятия приостановятся на время зимних каникул и начнутся 11 февраля 1957 г.

Занятие 13 (11/II 1957 г.). П. С. Кузнецов сделал доклад об основных понятиях филологии.

Занятия 14, 15, 16 и 17 (18/II, 25/II, 4/III и 25/III 1957 г.). В. А. Успенский сделал доклад «К теоретико-множественной концепции языка А. А. Ляпунова».

Занятие 18 (1/IV 1957 г.). Б. А. Успенский изложил окончание доклада В. А. Успенского.

Занятие 19 (8/IV 1957 г.). В. В. Иванов сделал доклад о работе Р. Якобсона «Shifters, verbal categories and the Russian verb». Докладчик подробно остановился на проблеме соотношения кода и сообщения.

Занятие 20 (15/IV 1957 г.). П. С. Кузнецов сделал доклад о проблеме нейтрализации (в фонологии, морфологии и в лексике). Доклад на ту же тему начал В. В. Иванов.

Занятие 21 (22/IV 1957 г.). В. В. Иванов окончил свой доклад.

Занятие 22 (29/IV 1957 г.). В. В. Иванов сделал доклад о книге С. Cherry — «On the human communication».

Занятия 23 и 24 (6/V и 13/V 1957 г.). И. И. Ревзин сделал доклад «Формальный анализ синтаксических элементов и синтаксических связей в языке».

Занятие 25 (20/V 1957 г.). В. В. Иванов сделал доклад об основных понятиях сравнительно-исторического языкознания. Было условлено, что занятия семинара возобновятся в сентябре.

12 [к § 1, с. 301]. ●► Вот эти четверо: Ольга Леонтьевна Авраменко, Александра Александровна Бряндинская, Евгений Михайлович Дмитренко, Анна Порфирьевна Савчук. ◀●

13 [к § 1, с. 301]. ●► Вот эти семеро: Нина Алексеевна Баландина, Виктор Иванович Данилов-Данильян, Татьяна Викторовна Данилова-Данильян, Татьяна Ивановна Коровина, Мария Владимировна Ломковская, Елена Петровна Москалёва, Эмилия Фёдоровна Нефёдова. ◀●

14 [к § 2, с. 303]. ●► До своей эмиграции Арон Борисович Долгопольский был заметной фигурой на мероприятиях, связанных с «новой» лингвистикой. Человек активный, он ценил своё время и не мог позволить себе иметь незаполненные его промежутки. Таких промежутков, казалось бы, не могло быть на посещаемых Долгопольским лекциях А. А. Зализняка, который читал чрезвычайно сжато, не отвлекаясь: всё, что писалось на доске или говорилось, было существенно. Однако Долгопольский и тут усмотрел пустые пробелы; таковые имели место, когда Зализняк, доведя выписанную своим отчётливым почерком меловую строку от одного края доски до другого, быстрыми шагами возвращался к исходному краю, с тем чтобы начать писать следующую строку. Вот в эти секунды Долгопольский учил чукотский язык, учебник которого он предусмотрительно держал раскрытым на коленях. ◀●

15 [к § 3, с. 305]. В 60-х годах выпускались «Предварительные публикации» сектора структурной и прикладной лингвистики Института языкознания АН СССР: там печатались Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук, Р. М. Фрумкина; однако в конце концов Институт языкознания отказался издавать эти выпуски.

16 [к § 3, с. 305]. Назовём лишь некоторые из «Предварительных публикаций» Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике:

Вып. 1 (1970). А. В. Гладкий, И. А. Мельчук. Грамматики деревьев. I.

Вып. 2 (1970). Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. Восемь словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка. (Дальнейшие словарные статьи тех же авторов помещены в выпусках 4, 29, 42, 62.)

Вып. 3 (1970). А. К. Жолковский. О глубинном и поверхностном синтаксисе.

Вып. 6/н (1970). Р. М. Фрумкина и др. Проблемы вероятностной организации речевого поведения в норме и патологии.

Вып. 7 (1970). Л. Н. Иорданская, Л. П. Крысин. Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка.

Вып. 10 (1970). Т. Д. Корельская, Е. В. Падучева. О формальном аппарате синтаксических преобразований.

Вып. 21 (1971). О. С. Кулагина, И. А. Мельчук, К. О. Эрастов. Об одной возможной системе машинного перевода.

Вып. 22 (1971) и вып. 33 (1972). А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. К описанию смысла связного текста.

Вып. 30 (1972). И. А. Мельчук. I. Уровни представления высказываний и общее строение модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»; II. Словообразование и конверсия.

Вып. 50 (1974). В. Ю. Розенцвейг. Опыт лингвистического описания лексико-семантических ошибок в речи на неродном языке.

Вып. 52 (1974). Т. В. Гамкрелидзе. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе.

Вып. 53, 54 (1974); вып. 82, 83 и 84 (1976). В. З. Санников. Алфавитный, частотный и обратный словари восточнославянских юридических текстов XI—XVI вв.

Вып. 55 (1974). И. Е. В. Падучева. ТОЖЕ и ТАКЖЕ: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей; II. И. А. Мельчук, Е. Н. Саввина. О формальной модели алкаторского языка.

Вып. 60 (1974). Ю. М. Лотман. Динамическая модель семиотической системы.

Вып. 64, 65, 66 (1975). И. А. Мельчук, Н. В. Перцов. Модель английского поверхностного синтаксиса.

Вып. 67 (1975). И. А. Мельчук. Исследования по автоматическому переводу в 1970—1974 гг.

Вып. 94, 95, 96 (1976). С. И. Гиндин. Структура стихотворной речи. Систематический указатель литературы по общему и русскому стиховедению, изданной в СССР с 1958 по 1973 г. [Продолжение, относящееся к литературе за 1974—1980 годы, и дополнения — в выпусках 146, 147, 148 за 1982 год.]

Вып. 115 (1978). И. А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, С. А. Старостин. О просодической структуре слова в дагестанских языках. II. И. А. Муравьёва. Корякская гармония гласных в сравнении с чукотской.

Вып. 126—130 (1979); вып. 140, 141 (1981). А. Е. Кибрик. Материалы к типологии эргативности.

Вып. 143 (1982). Р. М. Фрумкина и др. Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов цветообразования.

Вып. 149 (1982). В. А. Плунгян. I. Коммуникативная информация и порядок слов; II. Пресуппозиции в словообразовании прилагательных.

Вып. 156 (1983). И. Ш. Козинский. О категории «подлежащее» в русском языке.

Вып. 182 (1988). Памяти Алексея Михайловича Сухотина.

17 [к § 4, с. 308]. Показательно, что статьи о Соколянском нет даже в 3-м издании — о предыдущих изданиях нечего и говорить — «Большой Советской Энциклопедии», выходявшем с 1969 по 1978 год (но такая статья уже есть, скажем, в «Советском энциклопедическом словаре» 1979 года). Государственная премия была присуждена Соколянскому через двадцать лет после его смерти — и то, надо думать, лишь потому, что показалось всё же неудобным наградить ею его учеников, не включив его в список награждаемых. Как известно, через много лет после смерти Пастернака Союз писателей Советского Союза (или уже только России?) отменил собственное решение о его исключении из своих рядов; злые языки добавляют, что было отменено также и решение о невыдаче ему путёвки в дом творчества и таковая была посмертно выписана.

18 [к § 4, с. 308]. ●► По воспоминаниям В. В. Ив́анова, «заслуга вовлечения Соколянского в наши семиотические собрания принадлежит всё тому же В. А. Успенскому» (см. [Иванов 1998], с. 328). Признаться, я этого не помню; но если дело обстояло так, как пишет В. В. Ив́анов, могу только гордиться. ◀●

19 [к § 5, с. 311]. Самолёты в Черновцах вообще вели себя очень по-домашнему, примерно как телеги в моих довоенных деревенских воспоминаниях. Занимаясь приобретением билетов в Хотин в местной авиакассе, я заметил объявление, гласящее, что желающие могут за умеренную сумму купить полёт над Черновцами. Экскурсионный самолёт вмещал трёх пассажиров. Зализняки и я загорелись этой идеей. В условленное время мы пришли на аэродром, где нас ждал небольшой самолёт с полностью открытым верхом. Зализняк, бывший тогда увлечённым водителем своего недавно купленного голубого «Москвича», чей номер начинался с букв МОБ, сел, естественно, вперёд, рядом с водителем. Мы с Падучевой сели сзади. Когда оплаченное время истекло и самолёт стал снижаться, у меня возникло ощущение, что Зализняку хотелось бы полетать ещё. К счастью, я сидел непосредственно за пилотом. Это дало мне возможность протянуть ему вдоль борта двадцатипятирублёвую купюру, и наш полёт продолжился.

20 [к § 5, с. 311].

Ах, милая Вы Лена Падучева,
Почтенная Елена Викторовна,
Усердные поклоны кладучи Вам,
Я верю, что не хватит ликторов нам,
Чтобы пробить дорогу фасциями
В толпе, Вас встречающей овациями,
Приветствиями, делегациями.

Ведь от Москвы до Черновиц
Среди многообразья лиц
Ваш лик подарком был Господним.
В проломах крепостных бойниц
Ваш лик являлся мне сегодня³⁵
Он был в восторге озарён,
Когда Вы управляли лошадьё³⁶,
И высоко вознёсся он
Над Красной и центральной площадью³⁷.

С ним соединены навеки
Воспоминанья этих дней,
Пред ним текли быстрее реки
И вина делались красней³⁸.

В дороге долгой до Москвы
И после, в суете обычной,
На семинарах лингвистичных
Иль за бутылкою «Столичной»
До задуренья головы —
Отныне мне не безразличны,
Елена Викторовна, Вы.

Это моё приветственно стихотворение, в тот день написанное. Оглашено оно было вечером в номере Зализняка и Падучевой (мы все жили в гостинице); гостями были Вяч. Вс. Ив́анов и я. Ленина реакция на стихотворение была замечательной. Она сказала: «Не может быть!».

¶ [к § 6, с. 314]. Совещание проходило в каком-то клубе или доме культуры на этой улице. Странность названия этой улицы, видимо, в

³⁵ При посещении Хотина Лена бесстрашно, не обращая внимание на запрети-тельные надписи, свидетельствующие об угрозе для жизни, вскарабкивалась (изнутри) на стены старой полуразвалившейся башни, появляясь в проломах и бойницах на уровне примерно третьего этажа.

³⁶ В Хотине я спросил Зализняка, что́ бы такое подарить его жене на день рождения. Мы находились на базарной площади. Он указал мне на запряжён-ную телегу и сказал, что лучшим подарком для Лены была бы возможность поуправлять лошадьё. Я договорился с мужиком, Лена села на телегу, взмахнула вожжами, телега тронулась, а на Ленином лице отразилось блаженство.

³⁷ Центральная площадь в Черновцах носит название «Красная».

³⁸ Зализняком и мною в Черновцах было выпито много дешёвого красного вина. Мы пили его главным образом в уставленном бочками подвальчике, именуемом Фатовкой, закусывая белым хлебом, покупаемом в соседней булочной. Если вино кончалось раньше хлеба, мы брали ещё вина, а если раньше кончался хлеб, кто-нибудь из нас выходил на улицу за следующей булкой. Добиться того, чтобы вино и хлеб кончались одновременно, как-то не получалось.

том, что в 1939 году, когда Большой Знаменский переулок переименовывали в честь погибшего в сентябре того же года Дважды Героя Советского Союза, которого звали Сергей Иванович Грицевец, никто не готов был взять на себя ответственность за выбор между формами *переулок Грицевца* или *переулок Грицевэца* (в ранг улицы этот переулок был возведён в 1951 году). Это лишний раз показывает, сколь противоречит духу русского языка сам топоним «улица (переулок, площадь и пр.) такого-то» (а не «такая-то улица (переулок, площадь)»). Интересно бы получить ответ, когда впервые появился этот безграмотный родительный падеж после слов *улица, переулок, площадь* и т. д. ●●► По мнению моего брата Б. А. Успенского безграмотный родительный падеж начался в Петрограде, а ныне поддерживается церковью: *улица Сергея Радонежского* в Москве (вместо правильного наименования *Сергиевская улица*). ◀●●

22 [к § 6, с. 315]. Назову ещё несколько докладов, сделанных на теоретической секции:

Н. М. Ермолаева, Ю. А. Шиханович (ЛЭ АН СССР). Проблематика создания машинного языка для геометрии.

В. К. Финн (ЛЭ АН СССР). Семантические требования к информационному языку.

О. С. Кулагина (МИ АН СССР). О системе теоретико-множественных понятий для построения грамматик.

И. И. Ревзин (МГПИИЯ). Формальный анализ синтаксических элементов и синтетических связей в тексте.

Т. Н. Молошная (МИ АН СССР). Вопросы различения омонимии при переводе с английского языка на русский.

И. А. Мельчук (ИЯ АН СССР). Алгоритм для перевода с венгерского языка на русский.

23 [к § 6, с. 316]. ●●► Ситуацию пояснил мне в своём письме Г. А. Миронов. Он писал:

Гутенмахер предлагал в качестве долговременной памяти перфокарты с нанесённым металлизированным рисунком. Пробивки нарушали электрическую цепь и вместо прямого соединения возникала ёмкость (миниатюрный конденсатор), заряд которого считывался и давал одно из двоичных значений. На простых примерах всё работало, но на реальной информации возникали так называемые «паразитные ёмкости» на «обходных путях», которые давали сигнал помехи, соизмеримый с полезным. В нашей в/ч 01168 и повсеместно это исследовалось, но получить приемлемое соотношение сигнал/помеха не удавалось. ◀●●

24 [к § 6, с. 316]. ●► А ведь параллельно создавалась ещё и собственная электронная вычислительная машина под названием «ЛЭМ-1»! (В один из её вариантов неизвестно зачем намертво впаляли какой-то англо-русский словарь.) Как-то мне довелось оказаться в одном из «производственных» помещений Лаборатории, и я увидел несколько десятков девушек в ослепительно белых халатах, которые наматывали на что-то какие-то тонкие проволоки. Тогда меня впервые посетила крамольная мысль: если бы весь состав технических подразделений Лаборатории — всех этих лаборанток и всех начальствующих над ними кандидатов технических наук — за казённый счёт отправить на круглогодичный курорт, а Лаборатории перестать выписывать материалы и оборудование для их бессмысленной деятельности, то Академия наук получила бы ощутимую экономию. Однако начальство, как всегда, предпочитало экономить на теоретических подразделениях, затраты на которые ограничиваются зарплатой и канцелярскими расходами. И его, начальство, можно понять: вот, скажем, приезжает начальство этого начальства; этому высшему начальству можно показать и усердно трудящихся белоснежных лаборанток, и мигающие лампочки; а у теоретиков что показать? ◀●

25 [к § 6, с. 317]. ●► А. М. Васильев был радиотехник; по моему ощущению, он когда-то имел какое-то отношение к шуховской башне, а до назначения заведующим ОМАИРом и ЛЭМом занимался в ВИНТИ изданием реферативного журнала по радиотехнике. Ещё до того, как я с ним познакомился весной 1960 года, мне о нём рассказывал мой друг Роланд Львович Добрушин, которого тот одно время собирался взять на работу к себе в какое-то новое образование, куда именно не помню. Васильев произвёл на Добрушина впечатление. «Доктор технических наук, полковник, — говорил мне Добрушин, — занимается чем-то секретным (то есть работает в засекреченных учреждениях), но при этом собирает Рериха». Добрушин пересказал мне слова Васильева: «Я тут организую небольшую лабораторию человек на двести-триста». Не исключено, что при этом подразумевалось готовящееся его назначение заведующим Лабораторией электро-моделирования ВИНТИ (вместо Л. И. Гутенмахера); назначение состоялось в конце 1959 или начале 1960 года. Добрушин с уважением рассказывал и такую историю. Васильев выступал оппонентом на какой-то защите и упал прямо во время своего выступления: оказалось, что он совершенно пьян; защита была прервана «ввиду внезапной болезни оппонента». Впрочем, я его пьяным никогда не видел. ◀●

26 [к § 6, с. 317]. ●► Вспоминая Васильева, я не перестаю восхищаться тем, сколь точно дан его портрет в романе. Солженицын

отметил и его вельможность, и ум, и цинизм, и обаяние, и тайную религиозность. Язык Васильева был сочный, украшенный нецензурными, но всегда к месту вставленными, оборотами. При разговоре с ним возникало ощущение, что он ко всему относится с добродушной иронией. На самом деле добродушным он не был.

К деятельности подчинённого ему отдела (в котором, включая ЛЭМ, работало несколько сот человек) Васильев относился философски; однако понять его философию до конца мне не дано. Он не мог не осознавать нереальности объявленных планов (смотри об этом у Солженицына) — по крайней мере при том уровне организации работ, который имел место в рядовом (то есть не принадлежащем Министерству среднего или сходного со средним машиностроения) советском учреждении в 60-х годах. В то же время даже для него, при всей его широте взглядов, было бы, по-видимому, невыносимо тяжело руководить опытно-конструкторскими разработками исключительно на основе полного цинизма и неверия. Можно думать, что в его сознании преобладало оруэлловское двоемыслие, то есть сосуществование противоположных точек зрения. Но если вера в поставленные цели была скрыта от наблюдателя (хотя, разумеется, публично декларировалась), то желание запудрить начальству мозги (разумеется, скрываемое) проявлялось весьма ярко (опять же смотри у Солженицына). Под нереальные планы можно было получить реальные ресурсы и тем самым власть, которой он дорожил. Моя математическая ограниченность не позволяла мне соглашаться с нереальными планами, что приводило к открытым столкновениям.

Запомнился следующий случай. Мы (Васильев и я) едем на доклад к Президенту Академии наук Несмеянову, который проявлял большой интерес к построению автоматизированных систем для хранения и поиска информации в области химии³⁹ и даже создал по этому вопросу в Академии наук специальную Комиссию во главе с самим собой. Несмеянов должен был утвердить план работ, а план — служить основанием для требования различных благ. В отделе Васильева я числился руководителем направления, занимавшегося указанной тематикой, и никак не мог договориться с ним о параметрах плана: я искренне считал васильевские обещания завышенными, а он — не знаю, искренне или нет, — считал заниженными мои предложения.

³⁹ Из всех наук именно химия выделяется как колоссальным объёмом своей информации (реферативные журналы по химии — самые толстые), так и структурированностью этой информации — прежде всего в виде структурных формул химических соединений.

В результате было составлено два варианта плана, его и мой. Оба находились в секретной папке, которую вёз сопровождавший нас начальник Первого отдела ЛЭМ Егор Онисимович Мýхинов. Васильев всё продумал заранее. Докладывал Несмеянову я, но бумагу на подпись Несмеянову давал Мухинов. Он, естественно, дал вариант Васильева, который Несмеянов тут же и подписал. Но дальше произошло непредвиденное. Вместо того, чтобы смириться, я произнёс страстную речь, после которой Несмеянов задал мне единственный вопрос: «Так Вы что́, хотите, чтобы я зачеркнул свою подпись?». Я отвечал утвердительно. Несмеянов подпись зачеркнул. У меня хватило сообразительности не предлагать ему ставить подпись на другом варианте плана. Гробовое молчание, в котором мы возвращались в автомобиле от Несмеянова в ВИНТИ, до сих пор стоит у меня в ушах.

Рассорились мы с Васильевым, когда он меня обманул. Нашему сектору не хватало служебных помещений, и он твёрдо обещал мне, что освобождающаяся соседняя комната после ремонта будет нам передана. Когда она была отремонтирована и передана другим, я отправился на приём к директору ВИНТИ Александру Ивановичу Михайлову и объявил, что больше работать совместно с Васильевым не желаю (выйдя от Михайлова, я явился к Васильеву и сообщил ему о только что имевшем место разговоре с директором). Потом было бурное собрание в кабинете директора, результатом которого и явилось создание в ВИНТИ Отдела семиотики с переходом в оный теоретических подразделений ОМАИРа. На этом собрании с двусмысленной речью выступил сотрудник нашего сектора (СТОИД) доктор химических наук Август Львович Сейфер. Васильев прислал мне записку; в ней значилось: «А Ваша лошадь задела за барьер». Цитированная записка показывает, что Васильев был не чужд юмора. Он вообще был человеком многоликим⁴⁰.

Следующий эпизод выпукло демонстрирует многоликость Васильева. С 1961 года в ОМАИРе работал Александр Сергеевич Есенин-

⁴⁰ Не столь многоликим, как Васильев, но всё же не лишённым некоторой неоднозначности был и директор ВИНТИ Михайлов, в прошлом крупный советский чиновник (заместитель Министра авиационной промышленности СССР, затем Председатель Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий). «Я эту синагогу разгону», — говорил он про Отдел семиотики, процент евреев в котором был значительно выше процента в Институте в целом. Но не разгонял. Мне всегда казалось, что на самом деле Михайлов — несмотря на своё прошлое (а, может, благодаря ему) — втайне ценил коллектив Отдела, а указанная фраза имела целью смягчить недовольство бдящих структур.

Вольпин⁴¹, «отец правозащитного движения в СССР». Вот что на с. 202—203 своей известной монографии «История инакомыслия в СССР. Новейший период» (Вильнюс—М.: Весть, 1992) пишет о нём Л. М. Алексеева:

...5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве произошла первая за время существования советской власти демонстрация под правозащитными лозунгами.

<...>

...Инициатором демонстрации был Александр Есенин-Вольпин, человек во многих отношениях замечательный. Сын Сергея Есенина, математик и поэт, он дважды подвергался заключению в психиатрические больницы: в 1949 году, в 25-летнем возрасте, за «антисоветские стихи», и уже после смерти Сталина, в 1959 году, за то, что передал за границу сборник своих стихов и «Свободный философский трактат».

Александр Вольпин <...> стал пионером правового просвещения. Он разъяснял всем желающим его слушать простую, но непривычную для советских людей мысль: что законы следует понимать так, как они написаны⁴², а не так, как их трактует начальство, и требовать их буквального выполнения. Любимой идеей Вольпина была необходимость гласности процессуальных действий <...>.

Легко понять, что и до демонстрации 5 декабря у советской власти были основания относиться к Вольпину с подозрением. И вот возник вопрос об его увольнении из ВИНТИ. Как будет ясно из

⁴¹ Как учил Колмогоров, творительный падеж от слова «Вольпин» будет не «Вольпиным», а «Вольпином»: ведь его мать — Надежда Давыдовна Вольпин (а не Вольпина). Кстати, Надежда Давыдовна была выдающейся женщиной. Когда ей было за девяносто и она поила меня приготовленным ею чаем, я спросил её о здоровье. Единственным, на что она пожаловалась, было зрение. «Мне теперь требуется сильное увеличительное стекло, — сказала она, — чтобы разбирать партии в шахматном журнале, который я выписываю».

⁴² Эту простую вольпинскую мысль мне пришлось однажды использовать в качестве аргумента в споре с её автором. Есенин-Вольпин настаивал на безусловном соблюдении советской конституции (и на демонстрации 5 декабря развернул плакат с надписью «Уважайте советскую конституцию»). Я объяснил ему — и он со мной согласился, — что он ошибается, предполагая, что действующая в то время советская, так называемая *сталинская*, конституция разрешает подобные демонстрации; дело в том, что — в отличие от его первоначального понимания — гражданские свободы (свобода слова, демонстраций и т. п.) были провозглашены в тексте сталинской конституции не безоговорочно, а лишь, как там сказано, «в интересах трудящихся». — В. У.

дальнейшего, ни А. И. Михайлов, ни А. М. Васильев не были здесь инициаторами. (Надо сказать, что честностью своей позиции Вольпин произвёл сильное положительное впечатление даже на секретаря парткома ВИНТИ Юрия Николаевича Сорокина.) Я узнал о предстоящем увольнении при следующих обстоятельствах. Раскол тогда ещё не состоялся и даже не предполагался; я состоял в ОМАИРе, который размещался на улице Усиевича. Васильев завёл меня в свой кабинет и объявил, что сейчас идёт на Балтийскую улицу в главное здание ВИНТИ к директору Михайлову и несёт рапорт с предложением уволить Вольпина. Он пояснил, что он этого не хотел и не хочет, но поделаться ничего не может — такое указание он получил от Михайлова. При этом Васильев раскрыл передо мной папку «К докладу» и показал свой рапорт, лежащий там среди прочих предназначенных директорскому глазу бумаг. Положив передо мною раскрытую папку, он вышел, оставив меня одного в своём кабинете. Я пришёл в некоторое замешательство, которому, однако, не мог позволить продлиться слишком долго — я понимал, что Васильев может вернуться в любую минуту. Я вынул рапорт об увольнении Вольпина из папки и положил его к себе в карман. После чего закрыл папку. Васильев вернулся, и мы распрощались. Потом мне рассказывали, что Михайлов спросил про рапорт, а Васильев кричал и топал ногами на неповинного Михинова, который (как и в описанном выше эпизоде с Несмеяновым) нёс за Васильевым папку с документами (он и был, полагаю, одним из инициаторов рапорта). Но ведь рапорт вещь легко восстанавливаемая, и Михайлов мог потребовать его восстановления — но ведь не потребовал! И Вольпин уволен не был. Дополнительные детали о пребывании Вольпина в ВИНТИ содержатся в очерке [Финн 1999] (сборник, содержащий этот очерк, содержит и упомянутый Алексеевой «Свободный философский трактат»). ◀●

27 [к § 6, с. 318]. ●► Дмитрий Анатольевич Бочвар, родившийся в Москве 7 августа (а по старому стилю — 25 июля) 1903 года и умерший там же 9 октября 1990 года, был замечательный человек. Русский интеллигент в лучшем смысле этого слова. Доктор химических наук и профессор, специалист в области физической химии вообще⁴³ и квантовой химии в частности⁴⁴. И вместе с тем —

⁴³ Работая в ВИНТИ по совместительству, Д. А. Бочвар — до возглавления им отдела семиотики — заведовал сектором физической химии, то есть руководил соответствующим разделом реферативного журнала.

⁴⁴ В Институте элементоорганических соединений АН СССР, по основному месту работы, Д. А. Бочвар заведовал сектором квантовой химии.

слушатель лекций великого Гильберта по основаниям математики (это — в 20-х годах, в Германии), видный логик, специалист по парадоксам и многозначным логикам, опубликовавший с 1938 по 1976 год одиннадцать статей по математической логике. Наконец, художник-экспрессионист (об этом я узнал лишь в ноябре 2001 года от В. К. Финна). Некоторые дальнейшие сведения о Д. А. Бочваре и о его научной деятельности можно найти в книге «Математика в СССР за сорок лет» (М.: Физматлит, 1959), т. 2, с. 92, и в статье [Финн 1993]. ◀●

28 [к § 6, с. 318]. ●► У Михаила Леоновича Гаспарова есть небольшая статья «Семиотика: взгляд из угла», опубликованная, в частности, на с. 329—332 его замечательной книги «Записи и выписки» (М.: НЛО, 2000). Там есть такой абзац:

Когда в 1962 году готовилась первая конференция по семиотике⁴⁵, я получил приглашение в ней участвовать. Это меня смутило. Слово это я слышал часто, но понимал плохо. Случайно я встретил в библиотеке Падучеву, мы недавно были однокурсниками. Я спросил: «Что такое семиотика?». Она твёрдо ответила: «Никто не знает». Я спросил: «А ритмика трёхударного дольника — это семиотика?». Она так же твёрдо ответила: «Конечно!». Это произвело на меня впечатление. Я сдал тезисы, и их напечатали⁴⁶. ◀●

29 [к § 6, с. 318]. ●► Память услужливо подталкивает меня к тому, чтобы представить семинар Отдела семиотики ВИНТИ таким островком инакомыслия. Но разум этому сопротивляется. Всё же можно думать, что на этом семинаре можно было высказываться несколько более свободно, чем это допускалось тогдашним стандартом. Кроме того, московские учреждения филологического (и, вообще, гуманитарного) профиля не слишком охотно предоставляли трибуну нашим ораторам. Я не могу припомнить, чтобы, скажем, Юрия Михайловича Лотмана пригласили выступить перед студентами Московского университета — он выступал в ВИНТИ и в «Информэлектро»; в «Информэлектро» выступал и Лев Николаевич Гумилёв **53**.

В один прекрасный день, придя на очередное заседание семинара, я обнаружил, что на стенах конференц-зала ВИНТИ, под потолком, установлены кронштейны, а на них — телекамеры. По-видимому, эти

⁴⁵ Имеется в виду Симпозиум, о котором говорится ниже в § 8 на с. 323. — В. У.

⁴⁶ А именно — в разделе VII «Тезисов докладов» Симпозиума. Читатель может в этом убедиться, взглянув на «Содержание» этого сборника, приведённое в комментариях ко Второму посланию А. Н. Колмогорова (см. с. 230 книги 4 настоящего издания).

телекамеры дистанционно управлялись, потому что время от времени то одна, то другая начинала угрожающе поворачиваться, нацеливаясь, как дуло орудия, на то или иное место зала. ◀●

❸ [к § 6, с. 318]. ●► Георгий Эмильевич⁴⁷ Влэдуц (в английском написании — George E. Vladutz) был, на мой взгляд, выдающийся учёный, в нашей стране, увы, недооценённый; этот факт отчасти вызвал его эмиграцию. Хотя в США он получил некую премию за свою деятельность в области химической информации⁴⁸, мне кажется, что он был недостаточно оценён и там: условия его работы в США, где он был вынужден трудиться не в каком-либо университете, а в чисто коммерческой организации, ISI 57, не только не соответствовали его уровню, но и не давали возможности посвятить себя научным исследованиям (к чему он всю жизнь стремился и для чего обладал необходимым интеллектуальным потенциалом).

Г. Э. Влэдуц родился в Румынии 6 апреля 1928 года и умер в США 3 сентября 1990 года. Я успел побывать у него в гостях в его доме в пригороде Филадельфии в ноябре 1989 года и поговорить с ним по телефону в мае 1990 года.

Я познакомился с Георгием Эмильевичем весной 1957 года, на том самом совещании на улице Грицевец. Тогда он работал в ВИНИТИ, потом (с октября 1958 по февраль 1964 года) — в ЛЭМ, потом снова в ВИНИТИ. Хотя он жил и работал в СССР, он считался гражданином Румынии, а советское гражданство получил далеко не сразу.

Влэдуц начинал как чистый химик, и его кандидатская диссертация, защищённая в 1952 году в Московском химико-технологическом институте им. Менделеева, в котором он проходил аспирантуру, была по органической химии. Но вскоре его захватила задача представления химической информации в сжатом и удобном для поиска виде. В его докторской диссертации, защищённой в 1967 году в Институте элементоорганических соединений Академии наук, разрабатывались информационно-поисковые системы для органической химии.

В речи, произнесённой при получении упомянутой выше премии, Влэдуц живо вспоминает первую лекцию по органической химии, которую он слушал в Бухаресте в качестве первокурсника Политехнического института. Перед началом лекции отряд ассистентов соорудил на кафедре и на полу возле неё колонны из сотен толстен-

⁴⁷ Кажется, одно из написаний имени его отца было «Милий», потому что иногда в качестве второго инициала вместо «Э.» писалось «М.».

⁴⁸ Премия называется Patterson—Crane Award, а присуждающая организация есть Dayton and Columbus Section of the American Chemical Society.

ных томов. Эти тома составляли «Beilstein's Handbook of Organic Chemistry». После чего вошёл профессор и сказал: «Здесь лишь кратко отражён тот экспериментальный материал, который органическая химия накопила за двести лет своего существования». После чего он показал двухтомное изложение собственного курса и сказал: «Вы видите, как ничтожно мало я от вас требую. Но это вы должны знать наизусть» [58].

Химик мыслит аналогиями, потому что вещества, имеющие аналогичное строение, имеют и аналогичные свойства. Возникает естественный вопрос о формализации понятия 'аналогичное строение'. Такая формализация имеет две цели: отдалённую и ближнюю. Отдалённая цель состоит в формализации мышления химика с последующей передачей функции этого мышления от человека искусственному интеллекту. Ближняя цель, которая одновременно представляет собою начальный этап при достижении цели отдалённой, состоит в том, чтобы уметь быстро находить вещества, имеющие аналогичное строение, а говоря более точно, вещества, имеющие заданные особенности строения. Для этого необходимо понимать, что такое 'особенность строения'. Наиболее простой вид такой особенности — присутствие в структурной формуле химического соединения некоторого заданного фрагмента (подформулы). С геометрической точки зрения структурная формула представляет собой вид размеченного графа, а именно так называемый *химический граф*, то есть такой граф, вершины которого размечены именами химических элементов. Однако чистой математики здесь недостаточно: ведь только химия может указать, какие части (фрагменты) графа наиболее существенным образом влияют на химические свойства соединения в целом и тем самым наиболее важны для информационного поиска. (Отметим, что нечто подобное можно наблюдать в языке. Если представить себе слово состоящим из корня, аффикса и окончания, то можно сказать, что каждая из этих структурных частей отвечает за определённые аспекты лексического или грамматического значения слова; и если мы желаем искать слова с заданным смыслом, то поисковым признаком служит корень, а если с заданным падежом, то признаком служит окончание.)

Вот так или примерно так выглядел круг вопросов, служивший основой для наших контактов и бесед с Влэдуцем. Речь шла о том, в какой форме химическая информация должна быть представлена в информационной машине. Выбор из всех наук именно химии для наполнения памяти информационной машины Гутенмахера был вызван тремя причинами. Во-первых, химическая информация

первенствует по объёму: реферативные журналы по химии — самые толстые. Во-вторых, химическая информация, хотя бы частично, уже формализована в виде химических формул. В-третьих, покровительствующий информационной машине Президент АН СССР Несмеянов был химиком (полагаю, кстати, что в силу первых двух причин он ей и покровительствовал).

В числе обсуждавшихся вопросов был и вопрос по видимости технический, но постепенно приобретавший черты принципиальной проблемы — вопрос о линеаризации структурной формулы. Молекула вещества — это трёхмерный пространственный объект, и отражающая строение этой молекулы структурная химическая формула тоже, вообще говоря, есть трёхмерный пространственный объект. Используя некоторые молчаливо принимаемые соглашения, эту трёхмерную формулу можно нарисовать на бумаге. Но этот плоский рисунок всего равно не будет одномерным. В памяти же машины информация хранится в виде линейной (одномерной) последовательности символов. Таким образом, необходим алгоритм, преобразующий пространственные химические графы в линейные последовательности символов. Простейшими примерами таких линейных последовательностей служат так называемые «эмпирические формулы» вроде H_2O , но такие формулы дают только информацию о количественном составе молекулы, но не о её строении. (Собственно говоря, слово *вода* тоже служит примером такой последовательности.) Таким образом, вопрос стоит в нахождении таких способов преобразования химического графа в линейную последовательность символов, при которых сохранялось бы как можно больше информации о строении этого графа — в идеале вся информация. Для отдельных (но не для всех) видов веществ такие способы указывает *химическая номенклатура* — система рациональных названий химических веществ. В рамках химической номенклатуры возникают такие названия, как «бензальацетон» или «4-фенилбутен-3-он-2» (между прочим, эти два названия означают одно и то же вещество). Здесь возникает и своеобразная лингвистическая проблематика — ведь эти выражения (которые можно не только написать, но и произнести) суть слова русского языка — конечно, не бытового, разговорного, а специального химического подъязыка. Изучению этого подъязыка была посвящена диссертация М. М. Ланглебен (на степень кандидата филологических наук) «Структура номинативных сочетаний в специальном фрагменте русского химического подъязыка» (руководители — филолог В. В. Ив́анов и химик Г. Э. Влэдуц; оппоненты — филологи А. А. Зализняк и Б. А. Успенский и химик В. В. Серпинский);

диссертация была защищена 4 февраля 1971 года в Институте русского языка АН СССР; продемонстрированный таким образом союз химии и филологии представляется мне поучительным.

Хотя всё это направление, лидером в котором был Г. Э. Влэдуц, носило отчётливо выраженный прикладной характер и было нацелено на создание автоматизированных систем поиска и хранения химической информации, оно, как это часто бывает с актуальными прикладными направлениями, вызывало к жизни размышления на темы, если не прямо относящиеся к теории познания, то очень близко к этой теории расположенные. На примере химических веществ, их структурных формул и их наименований естественно возникали более общие вопросы. Как может выглядеть имя (название) вещи? Может ли оно быть пространственным, трёхмерным? Ответ на последний вопрос становится утвердительным, если признать структурную формулу именем соответствующего вещества. Как свойства вещи отражаются в её имени? Возможна ли система имён, адекватно отражающая свойства называемых вещей? Да и что такое свойство, в конце концов? Эти темы были близки Георгию Эмильевичу. Он, вообще, был человек широкого взгляда на мир вообще и на науку в частности, обладал острым умом, не лишённым иронии. Разговаривать с ним было интересно. Повторяю: он был выдающийся учёный. И исключительно трудолюбивый. Было больно видеть, как он бьётся в сетях научной (а на самом деле — околонуучной) бюрократии.

В попытке объяснить широкому читателю круг интересов и занятий Г. Э. Влэдуца я намеренно упростил картину, сведя всё к базам данных для химических веществ. (Заметим, что самого словосочетания «база данных» в те годы ещё не было, о чём свидетельствует отсутствие этого термина в словнике 3-го издания Большой Советской Энциклопедии.) Но ведь для химика не менее (а, может, и более) важно найти нужную реакцию. Задача здесь сходная: нужно уметь быстро найти в базе данных — но уже не веществ, а реакций — реакцию, аналогичную заданной. А для этого нужно и создать такую базу, и выяснить, какие реакции следует считать аналогичными друг другу — причём выяснить на формализованном уровне, без какой-либо формализации невозможно организовать информационный поиск. Ясно, что при переходе от веществ к реакциям, от задачи создания базы данных для первых к задаче создания базы данных для вторых, вся проблематика многократно усложняется. Вот этой сложнейшей проблематикой и занимался Г. Э. Влэдуц до конца своих дней. ◀●

31 [к § 7, с. 320]. Далее председателями Научного совета по кибернетике последовательно были академики Б. Н. Петров, О. М. Белоцерковский, А. П. Ершов, Е. П. Велихов, ► Б. В. Бункин, Ю. И. Журавлёв ◀.

32 [к § 7, с. 321]. Идея составить словарь языка «учителя и вождя трудящихся всего мира»⁴⁹ постоянно витала в воздухе и иногда актуализировалась. Однако все сколько-нибудь думающие люди понимали опасность этой затеи. Предполагаю, что при любом обсуждении все были «за», однако реально никто не хотел за это браться, не без основания опасаясь оказаться тем, на кого начальством и коллегами будет решено возложить ответственность за неизбежные политические ошибки, — и это при том, что само понятие политической ошибки изгибалось вместе с изгибами в генеральной линии партии, каковая линия оставалась, тем не менее, всегда прямой и незыблемой. В начале 1970-х годов мне позвонил Феликс Рябов, приятель детства моей жены, а говоря точнее, сын Натальи Фёдоровны Рябовой, приятельницы моей тётки. Историк по образованию, он работал не то в аппарате ЦК КПСС, не то в каком-то непосредственно подчинённом ЦК учреждении, скажем, в Институте марксизма-ленинизма или в Академии общественных наук. Со мной он хотел проконсультироваться по поводу начала работ по созданию словаря языка Ленина. Я намекнул ему, что вряд ли кто из квалифицированных лингвистов за это возьмётся. На что немедленно последовало убедительное возражение: «Но ведь их можно заставить».

33 [к § 7, с. 321]. Надо сказать, что Берг был страстным противником пьянства. Временами его охватывало подозрение, что сотрудники Академии наук выпивают в рабочее или предрабочее время. Рассказывали следующую историю, отчасти даже трогательную. В те годы дощатые уличные будки, из которых кружками продавали пиво, ещё составляли заметную часть московского пейзажа, и с утра около них толпились любители. Один из таких пивных ларьков действовал в районе улицы Вавилова, где находился и находится ряд академических институтов, в том числе и Совет по кибернетике. Бергу, проезжавшему мимо этого ларька, померещились в его дующих на пену завсегдатаях научные сотрудники. Он выскочил из машины и ураганом налетел на мирно пришедшую опохмелиться толпу. Он стал хватать за рукав одного, другого, требовательно задавая один и тот же вопрос:

⁴⁹ Так охарактеризован Ленин в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии (в статье «Ленин» в томе 14, вышедшем в 1973 году.).

«Вы из какого института?». Сочетание этого дикого, с точки зрения спрашиваемых, вопроса, длинного чёрного лимузина и чёрной же непривычной шинели с тремя звёздами на адмиральских погонах произвело на выпивох ошеломляющее впечатление, и они разбежались.

34 [к § 7, с. 322]. Эта цитата — из моего стихотворения, написанного по свежим следам указанного заседания и посвящённого наступившему 28 ноября 1971 года шестидесятилетию В. Ю. Розенцвейга⁵⁰. Приведу его целиком:

Когда, всклокочив рыжий волос,
Вскричит неистовый Мельчук,
Когда его взорвётся голос,
Как эпатирующий звук;
Когда, угроз и злобы полн,
Десницу занесёт Федот⁵¹,
— Кто по грядам враждебных волн
Умело масло разольёт?

Когда, грозя мещанам фигой,
В словарный воплотит контекст
Всё тот же неужёбный Игорь⁵²
Свой неперебродивший секс,
— По дерзкому сему пути
Кто Игорю не даст пойти?

Когда на поприще МП
Случится некое ЧП,
— В чьи благотельные руки,
Полны доверия, любя,
Мы судьбы предаём науки,
И институтов, и себя?
Владеет кто, хотел бы знать я,
Искусством мудрой дипломатии?

⁵⁰ ●● И. А. Мельчук оказал мне честь, приведя это стихотворение на с. 219 журнала «Вестник РГГУ» (№ 8 (88) за 2012 год) в качестве приложения к своей статье о Розенцвейге. ◀●●

⁵¹ Федот Петрович Филин (1908—1982), член КПСС с 1939 года, член-корреспондент АН СССР с 1962 года, директор Института языкознания АН СССР в 1964—1968 годах, директор Института русского языка АН СССР в 1968—1982 годах, хитрый и злобный интриган. Был крайне реакционен, к новым веяниям в лингвистике и их представителям относился враждебно **59**.

⁵² В 1971 году не было необходимости объяснять, кто такой Игорь: все и так понимали, что это Мельчук **60**.

Я помню вторник. Аксельбантом
 Блистал великий адмирал,
 Но чьим ораторским талантом
 Был покорён притихший зал?
 Кто выполнил блестяще миссию,
 Сражение увенчав викторией?
 И в результате — вот комиссия,
 Руководимая Викторией!

Любой вопрос подвластен ей:
 И вычислительные центры,
 И картотеки словарей,
 И алкоголиков проценты.
 Авторитетное бюро
 Сказало ей своё добро.

Но чьей отеческой заботе
 Обязан каждый семиотик?
 Кто там проводит семинар,
 Здесь выступление, тут лекцию,
 Руководит работой секции?
 Кто вечно юную комплекцию
 От Бога получил как дар?
 Кто ж он?

Конечно — юбиляр!

35 [к § 7, с. 322]. ●► Подробный отчёт о том, как 26 марта 1976 года на заседании Учёного совета Института языкознания шло обсуждение вопроса о переаттестации И. А. Мельчука, приведён в статье [Мельчук 1976] ◀◀.

36 [к § 7, с. 323]. Одним из таких документов является письмо, присланное мне по моей просьбе С. С. Масчан:

С П Р А В К А

10 апреля 1959 г. в Академии наук СССР был организован на общественных началах Научный совет по кибернетике — председатель академик А. И. Берг.

В числе первых 6 секций, созданных при совете, была «Лингвистическая секция» — председатель В. В. Иванов.

В октябре 1961 г. создан как самостоятельное учреждение Научный Совет по комплексной проблеме «Кибернетика», в числе 9 секций «Лингвистическая секция» — председатель В. В. Иванов.

В апреле 1962 г. секция переименована в «Математическая лингвистика и машинный перевод». Какое-то время председателем секции была О. С. Кулагина.

В феврале 1964 г. в результате реорганизации секция стала называться «Секция Семиотики» — председатель В. Ю. Розенцвейг.

В 80-е годы секция получает новое название «Лингвистические проблемы обработки информации». Председатель — А. П. Ершов.

16 июня 1987 г. А. П. Ершов снимает с себя обязанности председателя секции и назначает Ю. Н. Караулова.

1959—1964 г. — председатель секции В. В. Иванов.

1964—198? г. — председатель В. Ю. Розенцвейг.

198?—1987 г. — председатель А. П. Ершов.

1987—1992 г. — председатель Ю. Н. Караулов.

Дорогой Владимир Андреевич!

Прошу простить за такую неточную справку. Архив недоступен, поэтому выяснить всё точнее нет возможности.

С глубоким уважением и любовью

11.III.96 г.

37 [к § 8, с. 324]. Так, некий влиятельный в те времена профессор Г. П. Сердюченко писал в своих замечаниях по поводу симпозиума по семиотике: «Хорошо известно и неоспоримо, что общая теория языкознания может с успехом разрабатываться на основе марксистско-ленинской методологии. <...> Отечественные структуралисты в качестве „методологов науки“ называют в своих работах Р. Карнапа, К. Хемпла, А. Папа и других представителей современных субъективно-идеалистических направлений неопозитивизма, неокантианства и подобных течений».

38 [к § 8, с. 324]. Доклад Л. Ф. Ильичёва обсуждался на расширенном заседании Президиума АН СССР 18 октября 1963 года.

39 [к § 8, с. 324]. Как тут не вспомнить поношение, которому в своё время подверглась в прессе диссертация «Температура как фактор жизни человеческой вши» — только за название! Иначе как «вшивой» газетчики её не называли. Правда, потом пришлось извиняться — говорили, после вмешательства военного ведомства. В данном же случае необходимость изучения современного воровского жаргона должно было бы защитить милицееское ведомство, но оно этого делать не стало.

40 [к § 9, с. 327]. ●► А дело было так. Было ясно, что никакого института не может быть, пока не появится кандидатура директора. С этим было туго. Рассматривались различные варианты **61**. Одно из интенсивных обсуждений на эту тему состоялось между Д. Г. Лахути, Г. Э. Влэдучем и мною. Помнится, мы гуляли по вечерним московским улицам. И вот во время этой деловой прогулки возникла идея назначить директором Маркова. Мы тут же, из автомата, позвонили на квартиру к Алексею Андреевичу Ляпунову (содержательно — «отцу советской кибернетики», а формально — заместителю Берга по линии Научного совета по кибернетике) и напросились на немедленный визит к нему. Там мы назвали ему имя Маркова. Нереальность же, о которой было сказано, заключалась, во-первых, в том, что мы произнесли Ляпунову некую формулу (почти заклинание), и, во-вторых, в том, что эта формула-заклинание его заворожила. Формула была такова: «Состоялось заседание Совета по кибернетике, на котором была одобрена кандидатура Маркова». Разумеется, никакого заседания не было, и Ляпунов это прекрасно знал. Но идея его обрадовала: Марков был порядочным человеком и — что куда важнее в рассуждении успешного утверждения его кандидатуры властями — членом партии. Поэтому Ляпунов тут же, при нас, позвонил Бергу и, кажется, повторил ту же фразу о состоявшемся заседании Совета. ◀●

41 [к § 9, с. 328]. Института кибернетики не получилось тогда, в 1960 году; впоследствии получилось — но с совершенно иным содержанием. В 1983 году, как известно, был создан Институт проблем кибернетики АН СССР во главе с В. А. Мельниковым (а ещё раньше, в 1962 году, был создан Институт кибернетики АН УССР во главе с В. М. Глушковым).

42 [к § 10, с. 328]. Этот сектор существует с 22 августа 1960 года. Его первым заведующим был В. Н. Топорóв, затем — с весны 1963 года — В. В. Ива́нов, а с 8 января 1990 года — Т. М. Николаева.

43 [к § 11, с. 333]. ●► На каком-то банкете Марков поднял бокал и сказал: «Бывают тосты за, а бывают тосты против. Вот я поднимаю тост против профессора Звегинцева». ◀●

44 [к § 11, с. 335]. На уровне школьного образования этот симбиоз состоит в следующем. Или уже только состоял, а ныне не состоит? Признаюсь, что не слишком знаком с современными, к тому же меняющимися, школьными порядками, и ссылаюсь на порядки недавнего прошлого. А в этом недавнем прошлом (возможно, и сейчас) уроки литературы и русского языка велись в наших школах

всегда одним и тем же учителем (как правило — учительницей) и за сочинение или изложение ставилась единая отметка, учитывающая и грамотность, и так называемую «полноту раскрытия темы» (см. об этом статью «Химико-филологический конфликт» в книге 5 настоящего издания). На уровне высшей школы симбиоз заключается в том, что выпускник получает единую специальность по русскому языку и русской литературе. В защиту симбиоза обычно говорят, что изучение языка весьма полезно для целей изучения литературы, а изучение литературы весьма полезно для целей изучения языка. Это совершенно справедливо. Но ведь и юридические тексты невозможно правильно понять без привлечения сведений, иногда достаточно глубоких, из лексикологии и грамматики; в свою очередь, юридические тексты дают богатый материал для лингвистики — прежде всего, для создания формальных моделей языка. Однако никто почему-то не предлагает устроить симбиоз лингвистики и юриспруденции — наподобие существующего симбиоза лингвистики и литературоведения.

45 [к § 11, с. 335]. ●► Только потом я понял причину такой упорной настойчивости моего двойного тёзки, Владимира Андреевича Звезгинцева. Он, будучи в то время заведующим (с 1952 года) кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, организовывал новую кафедру структурной и прикладной лингвистики, на заведование которой и собирался перейти (что и произошло в 1962 году). Ясно, что одноимённость отделения и кафедры обеспечивала более высокий уровень власти — практически, подчинение отделения кафедре. ◀●

46 [к § 11, с. 335]. ●●► Когда термины *генеративная лингвистика*, а впоследствии *когнитивная лингвистика* фактически стали претендовать на то, чтобы заменить собой слово *лингвистика*, объявив себя отражающими высшую фазу прогресса, эти термины стали меня раздражать почти так же, как термин *марксистско-ленинское языкознание*. (А марксистско-ленинская гельминтология, спрашивал я, существует?) ◀●●

47 [к § 11, с. 336]. ●► Зато это название прочно осело в умах. В 1987 году **кафедра теоретической и прикладной лингвистики** создаётся в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ); кафедру возглавляет выпускник ОСИПЛа Александр Николаевич Барулин. В 1991 году на базе МГИАИ рождается РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет), и на Факультете информатики новорождённого университета возникает **отделение теоретической и прикладной лингвистики**, которое почти сразу преобразуется в факультет с тем же названием (ФТИПЛ).

В 2000 году ФТИПЛ, оставаясь внутри РГГУ, был преобразован в Институт лингвистики: теперь синонимичность словосочетания *теоретическая и прикладная лингвистика* слову *лингвистика* оказалась возможным провозгласить открыто! ◀●

48 [к § 11, с. 338]. ●► Я уже не помню, откуда я взял эту дату, которая в конце 2001 года была оспорена двумя более чем авторитетными лицами: Александром Евгеньевичем Кибриком и Владимиром Михайловичем Алпатовым. Оба они утверждали, что кафедра возникла в 1961 году. Кибрик привёл и неопровержимое доказательство: в его трудовой книжке имеется запись о том, что он зачислен на должность старшего лаборанта кафедры структурной и прикладной лингвистики с 1 сентября 1961 года. Однако он позвонил мне сегодня (24.12.2001) с тем, чтобы сообщить следующее: более тщательное изучение записи в трудовой книжке обнаруживает, что там указаны лишь должность и факультет, а наименование какой-либо кафедры отсутствует. Алпатов (не только крупный специалист по истории языкознания, но и общепризнанный носитель коллективной памяти ОСИПЛа) не мог помнить дату события непосредственно (он поступил на ОСИПЛ в 1963 году), но сослался на то, что, как он точно помнит, в 1981 году отмечалось двадцатилетие ОСИПЛа. Мне, однако, представляется чрезвычайно маловероятным, чтобы в 1981 году кто-либо из пригласивших Алпатова организаторов юбилейных торжеств мог отличить двадцатилетие отделения от двадцатилетия кафедры. Кроме того, моя дата обретает подтверждение в сборнике [ФФМУ 2001], на с. 347 которого читаем в примечании 86:

Организована 25 апреля 1962 г. для обслуживания созданного ранее (1960) отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ). ◀●

49 [к § 11, с. 338]. ●► Таким образом, наименование «отделение теоретической и прикладной лингвистики» просуществовало всего только два года. Через сорок без малого лет, в конце 2001 года, мне пришлось услышать мнение, что и двух-то годов не было и что на ОСИПЛ студенты пришли уже 1 сентября 1961 (а не 1962) года. Не доверять своей памяти — это вторая обязанность мемуариста. Первая же обязанность состоит в том, чтобы писать то, что подсказывает ему именно его, а не чья-либо ещё, память. А моя память твердит: два года! 1 сентября 1961 года! Исполняя вторую обязанность, я обратился к одному из тех, кто поступал на ОТИПЛ/ОСИПЛ в критическом для обсуждаемой проблемы 1962 году, а

именно — к Виктору Витальевичу Раскину. Привожу его ответ от 7 декабря 2001 года:

Dear Vladimir Andreevich,

My recollection is the same as yours: that the department I entered in 1961 was indeed called OTIPL. <...>

Cordially,

Victor

Victor Raskin

Professor of English and Linguistics

Coordinator, Natural Language Processing Laboratory

Charter Member, Internal Advisory Board, CERIAS

Purdue University

W. Lafayette, IN 47907-1356 U.S.A.

vraskin@purdue.edu

<http://omni.cc.purdue.edu/~vraskin/Raskin.html>

Не удовлетвовавшись свидетельством В. В. Раскина, я заглянул в ежегодно издающийся Издательством Московского университета «Справочник для поступающих в Московский университет в *** году»; каждый такой справочник подписывается в печать в начале соответствующего года. Среди прочего, в справочнике помещены сведения о факультетах, в частности — о Филологическом факультете. И вот что говорится в справочниках 1961, 1962 и 1963 годов [62]. Фраза, начинающаяся словами «На Филологическом факультете имеются:» продолжается так:

в справочнике 1961 года на с. 71: «специальности <...> классической филологии, теоретической и прикладной лингвистики»;

в справочнике 1962 года на с. 73: «специальности <...> классической филологии, теоретической и прикладной лингвистики»;

в справочнике 1963 года на с. 77: «отделения <...> классической филологии, теоретической и прикладной лингвистики».

Последний раздел справочника называется «К сведению поступающих в МГУ». Среди этих сведений в 60-х годах приводился перечень вступительных экзаменов. В частности, такой перечень приводился для поступающих на специальность (подчеркнём: не на отделение, а на специальность), которая называлась так:

в справочнике 1961 года на с. 173: «прикладная лингвистика»;

в справочнике 1962 года на с. 183: «прикладная лингвистика»;

в справочнике 1963 года на с. 191: «структурная и прикладная лингвистика».

Сам же перечень экзаменов в названные годы был таким: русский язык и литература (письменно и устно), иностранный язык (устно), математика (устно).

Названия отделений определялись внутриуниверситетскими (возможно, даже внутрифакультетскими) решениями. Иначе обстояло дело с названиями специальностей — и это понятно, ведь они указывались в дипломе общегосударственного образца. Поэтому существование той или иной специальности определялось на уровне высоких органов государственного управления. Это будет видно из приводимой ниже выписки из министерского протокола.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 52
заседания Коллегии Министерства высшего и среднего
специального образования СССР
от 27 декабря 1962 года

<...>

3. «О введении специальности „Структурная и прикладная лингвистика“».

КОЛЛЕГИЯ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Считать целесообразным включить в номенклатуру специальностей высших учебных заведений специальность «Структурная и прикладная лингвистика».

2. Одобрить в основном проект учебного плана по «Структурной и прикладной лингвистике».

3. Учебно-методическому управлению по вузам (т. Богомолов) согласовать с Госпланом СССР вопрос о включении специальности «Структурная и прикладная лингвистика» в номенклатуру специальностей высших учебных заведений.

4. О. к. <отделу кадров? — В. У.> (т. Васильеву Д. И.) рассмотреть вопрос о введении аспирантуры по специальности «Структурная и прикладная лингвистика» и о перечне кандидатских экзаменов.

5. Считать целесообразным проводить подготовку специалистов по специальности «Структурная и прикладная лингвистика» только в Московском и Ленинградском гос. университетах и 1-м Московском гос. пед. институте иностранных языков.

Председатель Коллегии Министерства
высшего и среднего специального образования В. Елютин

Когда специальность «структурная и прикладная лингвистика» была реально включена в номенклатуру вузовских специальностей, я не знаю. Подозреваю, что и такое включение не устранило некоторый разноречивый

в именовании. Из письма заместителя Министра высшего и среднего специального образования СССР М. А. Прокофьева № М-3-14/4832 от 10 апреля 1965 года на имя ректора МГУ И. Г. Петровского:

Для поступающих на отделение структурной и прикладной лингвистики установить в качестве профилирующих экзаменов: математика (письменно и устно), иностранный язык (устно), русский язык и литература (письменно).

Из инструктивного письма Министерства высшего и среднего специального образования СССР № И-14 от 23 марта 1966 года «Об организации и проведении приёма в высшие учебные заведения в 1966 году»:

При проведении вступительных экзаменов

<...>

6. Поступающие на специальность «прикладная лингвистика» вместо экзамена по истории СССР сдают вступительный экзамен по математике (письменно и устно).

Из статьи «МГУ: настоящее и будущее», опубликованной в газете «Вечерняя Москва» от 26 апреля 1966 года за подписью двух проректоров МГУ — Н. Мохова и Е. Сергеева (отвечавших, соответственно, за гуманитарные и за естественные факультеты):

Нам предстоит готовить специалистов новых направлений науки, связанных с развитием <...> математической лингвистики <...>. ◀●

50 [к § 11, с. 338]. ●► Роль Владимира Андреевича Звегинцева (31.10.1910 по новому стилю — 13.4.1988) в отношении ОСИПЛа можно уподобить роли Тараса Бульбы в отношении Андрея: «Я тебя породил, я тебя и убью». Разница в том, что Тарас убивал Андрея сознательно, Звегинцев же не хотел краха ОСИПЛа. Вместе с тем элементы сознательности в поведении Звегинцева были, поскольку та кой ОСИПЛ, каким он получился, ОСИПЛ, на котором главным учебным предметом оказалась математика, его совершенно не устраивал. Таким образом, в моём понимании роль Звегинцева в истории ОСИПЛа противоречива. Положительная составляющая этой роли заключается в том, что, как я предполагаю⁵³, ему больше, чем кому-либо другому, ОТИПЛ/ОСИПЛ обязан своим возникновением⁵⁴.

⁵³ Могу лишь предполагать, так как всех подводных ходов я не знаю, а всё, что знаю, изложил выше.

⁵⁴ Во всяком случае, именно так считают выпускники ОСИПЛа, которые «приняли решение проводить свои традиционные научные чтения в день рождения основателя отделения — 31 октября (раньше они проводились вес-

Отрицательная составляющая заключается в том, что, по моему убеждению, он же несёт и основную ответственность за гибель ОСИПЛа. Но положительная сторона всё же перевешивает, потому что если бы не было этого феникса и пепла от того огня, в котором феникс сгорел, то нечему и не из чего было бы возрождаться. ◀●

■ [к § 11, с. 338]. А. В. Прохоров любезно прислал мне три документа, относящиеся к указанному слиянию кафедр. Они приводятся ниже.

МВ и ССО СССР

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П Р И К А З

23 июля 1982 г.

г. Москва

№ 940

В целях улучшения лингвистической и математической подготовки специалистов, повышения эффективности научно-исследовательских работ по прикладной лингвистике

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Объединить кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, структурной и прикладной лингвистики филологического факультета в одну кафедру — общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания.

2. Обязанности заведующего объединённой кафедрой возложить на доктора филологических наук профессора РОЖДЕСТВЕНСКОГО Ю. В.

3. Обеспечение математической подготовки специалистов по структурной и прикладной лингвистике в соответствии с учебным планом данной специальности возложить на факультет вычислительной математики и кибернетики.

4. Декану филологического факультета профессору И. Ф. Волкову, декану факультета вычислительной математики и кибернетики академику А. Н. Тихонову, заведующему кафедрой, профессору Ю. В. Рождественскому в трёхмесячный срок разработать проект нового учебного плана по специальности 2036 «структурная и прикладная лингвистика».

5. Проректорам В. А. Садовничему, И. А. Федосову совместно с деканами факультетов И. Ф. Волковым и А. Н. Тихоновым подготовить предложения о передаче части тематики научно-исследовательских работ с филологического факультета на факультет вычислительной

ной) и присвоить им название *Звегинцевских чтений*. Первые такие чтения состоялись в 1988 году, вторые — в 1990, третьи — в 1993, четвёртые — в 1996 и пятые — в 2000 году. Последние были приурочены к 90-летию В. А. Звегинцева и 40-летию отделения» ([Кирик 2001], с. 368—369).

математики и кибернетики, соответствующих лимитов, штатного персонала, а также предложения о его размещении.

РЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

академик

А. А. Логунов

Подготовил — Садовничий В. А. 8.07.82

Федосов И. А. 9.07.82

Многоуважаемый Анатолий Алексеевич!

В пункте 3 Вашего приказа № 940 от 23 июля 1982 г. всё дело математической подготовки студентов филологического факультета, специализирующихся по структурной и прикладной лингвистике, передаётся факультету вычислительной математики и кибернетики.

Мне представляется это решение неправильным.

В течение ряда лет математическая подготовка студентов указанной специальности велась главным образом группой сотрудников механико-математического факультета, в значительной своей части, принадлежащих кафедре математической логики. Некоторые из этих сотрудников глубоко вошли в нужды языковедной науки, таковы, например, мои ученики: профессор Владимир Андреевич Успенский и старший научный сотрудник Александр Владимирович Прохоров. За ряд лет этой работы у нас были выработаны некоторые традиции, которые могут быть полезны и в будущем.

Сам я в своей научной работе соприкасался с языкознанием в нескольких различных направлениях, как в сугубо гуманитарных, так и в чисто технических.

Во всяком случае я готов принять всяческое участие в обсуждении разумных форм организации работы с будущими специалистами по структурной и прикладной лингвистике.

Готовый к услугам

А. Н. Колмогоров

23 сентября 1982 г.

Минвуз СССР

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П Р И К А З

14 декабря 1982 г.

г. Москва

№ 1331

В дополнение к приказу № 940 от 23 июля 1982 года об объединении кафедр общего и сравнительно-исторического языкознания,

структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в одну кафедру — общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания (заведующий объединённой кафедрой — профессор Ю. В. Рождественский) и учитывая, что механико-математический факультет МГУ многие годы ведёт преподавание математики по специальности 2036 «структурная и прикладная лингвистика»,

П Р И К А З Ы В А Ю:

поручить механико-математическому факультету продолжать преподавание математики по этой специальности на филологическом факультете.

Разработку программ для этой специальности поручить филологическому факультету (декан — профессор И. Ф. Волков) совместно с механико-математическим факультетом (декан — член-корреспондент АН СССР О. Б. Лупанов) и факультетом вычислительной математики и кибернетики (декан — академик А. Н. Тихонов).

РЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

академик

А. А. Логунов

Визы: В. А. Садовничий

И. А. Федосов

[52] [к § 11, с. 339]. ●●► Вот некоторые сведения о Ю. Н. Марчуке (взяты с сайта http://genhis.philol.msu.ru/printer_19.shtml, посещённого 6.11.2012). Окончил в 1955 году 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков, переводческий факультет, получил специальность переводчика с русского языка на английский и преподавателя языка. В 1960 году окончил Всесоюзный заочный Энергетический институт. 1980—1986: Директор Всесоюзного Центра переводов научно-технической литературы и документации Государственного Комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР (ВЦП); 1975—1980: заместитель директора ВЦП по научной работе; 1974—1975: начальник отдела машинного перевода ВЦП; 1955—1974: инженер, старший инженер, старший научный сотрудник научно-исследовательского института Министерства радиопромышленности СССР. ◀●●

[53] [к § 11, с. 339]. Международная академия информатизации берёт своё начало от Мосгорсправки. Мосгорсправка и МАИ имеют один и тот же фактический почтовый адрес. В состав учредителей Международной академии информатизации вошло руководство Мосгорсправки, возглавил организацию директор Мосгорсправки И. И. Юзвизин (ныне покойный). Организация подвергается резкой критике ряда представителей научного сообщества. Её обвиняют в пропаганде

лженауки. Другие исследователи обращают внимание на то, что организация занимается продажей дипломов «академиков», присвоением учёных степеней, не признаваемых официальными структурами. (Материал взят из Википедии.) См. также <http://www.kongord.ru/Index/Prison/maidosie.html>.

54 [к примеч. 2, с. 340]. ●► В 60-х — 70-х годах допущенные (официально они назывались «приглашёнными») сидели в зале и имели возможность наблюдать членов Президиума, заседающих на подиуме лицом к залу. Всё это сильно напоминало театральную постановку. В какой-то момент появлялись официантки с подносами, которые обносили чаем членов Президиума и тех счастливых, которые догадались занять места в первом ряду. ◀●

55 [к примеч. 9, с. 344]. Роясь в Интернете, набрёл на адрес http://www.hrono.info/dokum/195_dok/19590218past.html, где обнаружил документ с грифом «Совершенно секретно» из так называемой «Особой папки» ЦК КПСС, из которого приведу лишь один абзац. Вот шапка документа:

Записка Комитета госбезопасности при СМ СССР о материалах
«в отношении писателя Пастернака Б. Л.» 18 февраля 1959 г.

Особая папка
Совершенно секретно
ЦК КПСС

А вот тот примечательный абзац:

Отрицательно также влияет на Пастернака писатель Всеволод Иванов и его жена Эфрон А. С. — дочь поэтессы М. Цветаевой.

Я, как и многие, не мог отделаться от мифа о всеведении нашей славной Госбезопасности и был поражён, наткнувшись на столь вопиющую и столь элементарную её некомпетентность. Жену Всеволода Иванова звали Тамара Владимировна Иванова, она никогда не носила фамилию Эфрон и, в отличие от Ариадны Сергеевны Эфрон, не была дочерью М. Цветаевой.

56 [к примеч. 29, с. 358]. «Информэлектро» был информационным институтом Министерства электротехнической промышленности и возглавлялся удивительным директором, о немногочисленных контактах с которым я храню благодарные воспоминания. Свидетельствует Ю. Д. Апресян:

Директором «Информэлектро» был тогда Сергей Глебович Малинин. С риском для своей карьеры он упорно и мужественно собирал в «Информэлектро» всех вычищенных из академических

институтов диссидентов, подписантов и «расово неполноценных» людей, если считал их способными специалистами. Он, действительно, был снят со своей должности в 1978 году и вскоре после этого умер. Память о нём для меня свята, и я счастлив, что имею возможность публично отдать дань уважения и любви этому замечательному человеку. Его храбрости и чувству чести российская лингвистика обязана тем, что такие известные учёные, как И. М. Богуславский, А. К. Жолковский, Л. Л. Иомдин, Л. Н. Иорданская, Л. П. Крысин, В. З. Санников, Л. Л. Цинман, получили возможность в трудное для себя время работать хоть и не совсем по специальности, но всё-таки в области науки. Я назвал только тех, зачисление кого на должность было сопряжено с нарушением негласных партийных установок (с тем же нарушением было сопряжено зачисление в «Информэлектро» и самого Ю. Д. Апресяна — В. У.) и кто составил костяк будущей лаборатории теоретической и экспериментальной лингвистики «Информэлектро», которой мне посчастливилось тогда руководить и которая с конца 80-х годов известна как Лаборатория компьютерной лингвистики ИППИ РАН (до 1991 года — ИППИ АН СССР — В. У.).

Подчеркну, что в лютых условиях 70-х годов С. Г. Калинин не боялся идти в своём институте на такую концентрацию неугодных властям учёных, из которой вырастали серьёзные научные группы и целые научные направления. ([Апресян 1995], с. III—IV.)

57 [к примеч. 30, с. 359]. ISI — это расположенный в Филадельфии Институт научной информации (Institute for Scientific Information), прославившийся тем, что начал выпускать широко известный «Указатель цитирования в области науки» («Science Citation Index»). Этот указатель, придуманный Юджином Гарфилдом (Eugene Garfield), даёт возможность ранжировать учёных на основании того, сколько раз они процитированы в мировой научной литературе. Идея сомнительная, но, за неимением лучшей, именно она использовалась, скажем, при выдаче соросовских грантов российским исследователям.

58 [к примеч. 30, с. 360]. ► Эта фраза румынского профессора напомнила мне то, что в семидесятых годах мне довелось услышать от замечательного человека — историка Петра Андреевича Зайончковского (1904—1983). В конце 60-х или начале 70-х годов он вёз группу своих университетских студентов на поле Бородинского сражения и любезно предложил захватить меня с собой **63**. Я был поражён конкретностью знаний Зайончковского в области военной истории. Он знал не только диспозицию русской армии на Бородинском поле, но и примерное

местоположение едва ли не каждого офицера — а уж принадлежность этого офицера к тому или иному подразделению знал совершенно точно. Я изъяснил восхищённое изумление. «Да это очень просто, — ответил мне Зайончковский. — Было выпущено около двух тысяч военных справочников. Из них около восьмисот...». — Тут я ему подсказал с почтительным восхищением: «...Вы держали в руках!». — «Да нет, знаю наизусть», — поправил меня Зайончковский. ◀●

59 [к примеч. 34, с. 364]. Впрочем, следует признать, что Федот Филин как никто умел создать у своего собеседника или даже противника комфортную иллюзию успеха — на самом же деле переиграть этого умнейшего злодея было невозможно. Помнится, в начале 70-х годов Н. И. Толстой, В. Ю. Розенцвейг и я посетили Филина в его директорском кабинете в Институте русского языка с целью организовать докторскую защиту Ю. Д. Апресяна, в то время сотрудника названного Института и уже выдвинувшегося на одно из первых мест в отечественной лингвистике. Филин был само радушие. Для пользы дела он предложил повысить компетентность Учёного совета института, добавив в этот совет на одно, посвящённое защите, заседание авторитетных математиков и кибернетиков. Мы ушли, почти окрылённые, недооценив театральных (и актёрских, и режиссёрских) талантов Филина. Весною 1972 года Апресян не прошёл аттестацию на занимаемую им должность младшего (sic!) научного сотрудника и должен был из института уйти. Разумеется, во время нашей беседы Филин уже имел готовый план развития событий. (О борьбе Филина с инакомыслием в Институте русского языка см.: [Апресян 1995], с. II—III.)

Зловещая роль Федота Филина в истории советского языкознания ещё ждёт своего летописца. В нём было что-то дьявольское. Он и умер, как подобает злому колдуну, в день похорон Р. И. Аванесова, с которым он тайно, но упорно боролся, — весть о смерти Филина поступила на моих глазах к распорядителям похорон на Армянском кладбище Москвы.

Филин умер, но дело его живёт: не так давно, в 1987 году, Ю. Д. Апресян, уже не только выдающийся лингвист (эту истину к делу не подошьёшь) и даже не только доктор наук (что, хотя и менее значимо, но может быть подшито), но и состоящий в должности главного научного сотрудника (а это высшая научная должность в СССР) — то есть, казалось бы, *persona grata* — был отвергнут филологическими властями ВАКа в качестве предполагаемого члена создававшегося в ВИНТИ специализированного совета⁵⁵, наделённого полномочи-

⁵⁵ ●► В те годы, как и сейчас, защиты диссертаций происходили на специально созданных для этих целей советах; теперь они называются *диссертационными*, а тогда назывались *специализированными*. А до того функции

ями присуждать учёную степень доктора филологических наук по специальности «теоретические основы информатики». И даже вмешательство влиятельных академиков от информатики не помогло.

► Любители архивных разысканий отыщут в архивах соответствующую переписку, в частности: 1) письмо начальника отдела анализа информации ВАКа директору ВИНТИ от 8.01.1987 за номером 18/56-3332, в котором сообщалось о возврате представленных документов «в связи с рекомендацией экспертного совета по филологии и искусствоведению пересмотреть состав членов [специализированного] совета по филологическим наукам»; 2) письмо вице-президента Академии наук СССР и одновременно академика-секретаря её Отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации Е. П. Велихова Председателю ВАК от 2.04.1987 за номером 2-11600-6211/1340. Я поехал в ВАК с тем, чтобы, во-первых, попытаться найти там человека, реально принимающего решения, и, во-вторых, попытаться его переубедить. Первую часть задачи я выполнил. Оказавшись в роскошном — по тем временам — здании, специально выстроенном для Высшей аттестационной комиссии⁵⁶ по адресу ул. Грибоедова⁵⁷, д. 12, я с изумлением узнал, что в Экспертном совете ВАК по филологии и искусствоведению всеми вопросами, связанными со структурной, прикладной и математической лингвистикой заведует член этого совета, имя которого которого я до того никогда не слышал (наверное, надо добавить слова «к своему стыду»). Им оказался Лев Львович Нелюбин, профессор Московского областного педагогического института им. Крупской. Точнее, как мне объяснили, этими вопросами он заведует совместно с другим членом экспертного совета — Р. Г. Пиотровским, профессором Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена; но поскольку Раймонд Генрихович пребывает в Ленинграде, то находится «на хозяйстве» и решает все текущие вопросы именно Лев Львович, причём решает практически окончательно. И именно от Л. Л. Нелюбина зависит, быть или не быть Ю. Д. Апресяну в составе создаваемого диссертационного (в те годы — специализированного) совета. Мне удалось поговорить с профессором Нелюбиным, но убедить его допустить Ю. Д. Апресяна в специализированный совет не удалось. (Специ-

нынешних диссертационных советов брали на себя *учёные советы*, ныне этих функций лишённые. ◀

⁵⁶ Мне всегда казалось несколько комичным, что многоэтажное здание целиком заполнено учреждением, единственной целью которого является определять, кто какой учёной степени или учёного звания достоин. Сейчас вроде бы ВАК из этого здания переехал(а).

⁵⁷ Сейчас снова Малый Харитоньевский переулок.

ализированный совет ВИНИТИ был всё же создан, но, увы, без членства в нём Апресяна. Совет этот получил право присуждать учёную степень доктора как филологических, так и физико-математических, и технических наук. Кажется, другого совета с таким разнообразием областей науки в России нет.) ◀●

Рассказываю обо всём этом для истории. Я не вижу в нашей стране человека, более компетентного в лингвистических аспектах информатики или же информатических аспектах лингвистики, чем Ю.Д. Апресян.

60 [к примеч. 34, с. 364]. Знаменитый лингвист Игорь Мельчук был весьма экспансивен и имел пристрастие к анально-генитальному юмору. Знакомых он встречал приветственным жестом, изображающим движение руки, дёргающей за цепочку спускового бачка⁵⁸. Когда он услышал моё рифмованное юбилейное приветствие Розенцвейгу, то после слова «эпатирующий» в четвёртой строке радостно закричал «пук!» 64. Приводя примеры словарных толкований, стандартному *X увидел Y* Мельчук всегда предпочитал что-нибудь вроде *X трахнул Y*.

61 [к примеч. 40, с. 367]. ●► В частности, проталкивалась идея назначить директором Института семиотики Николая Дмитриевича Андреева. Его кандидатура устраивала власти, но совершенно не устраивала семиотическую общественность. Было составлено письмо, адресованное Президенту Академии наук и содержащее мотивированную просьбу не назначать Н. Д. Андреева. Письмо было предложено подписать ряду лиц, в том числе мне; я согласился и подписал. А через некоторое время мне позвонил Себастьян Константинович Шаумян, который был главным инициатором письма. Целью его звонка было сообщить мне, что уже после того, как я поставил свою подпись, в текст письма были внесены небольшие изменения, так что я вправе снять свою подпись. Однако это было бы чрезвычайно нежелательно, так как моя подпись расположена на одном листе с подписями более чем десятка других лиц, а просто зачеркнуть подпись нельзя, так что надо менять весь лист и снова получать подписи этих лиц, а многие разъехались, и всё это технически очень сложно, а время не терпит и т. д. Изменение же состояло в том, что к естественной просьбе не назначать директором отторгаемое обществом лицо была приписана менее уместная просьба назначить на эту должность Себастьяна Константиновича Шаумяна. Под словесным напором Шаумяна я сдался, но с той поры зарёкся подписывать коллективные письма. Тем более что странности в судьбе

⁵⁸ Это сейчас бачки располагаются непосредственно при унитазе, и чтобы спустить воду, надо вдавить кнопку (система *push*); в старые времена бачки располагались под потолком, и спуск обеспечивался дерганием за цепочку (система *pull*).

этого письма на этом не кончились. Года через три Н. Д. Андреев упрекнул меня в том, что я написал на него жалобу в ЦК КПСС. Я признал, что писать жалобы в ЦК КПСС дурно, но отрицал, что туда писал, — отрицал и был неправ. Оказалось, что Шаумян переадресовал письмо и направил его не в Президиум Академии наук, а в ЦК КПСС. Я вынужден был извиняться перед Андреевым. Шаумян мне ничего не сообщил о перемене адресата и правильно сделал, потому что уж тут я бы точно снял свою подпись. Ведь писать своему Президенту Академии наук — это одно, а писать в ЦК КПСС — это совсем другое. (Возможно, впрочем, что член КПСС Шаумян не ощущал этой разницы⁵⁹.) ◀●

62 [к примеч. 49, с. 370]. ●► Разыскать эти справочники было не просто. Скажем, справочник 1960 года я так и не нашёл. И это не удивительно. Имея большие деньги, можно достать прижизненное издание Пушкина, заказав таковое опытному букинисту. Но сомнительно, чтобы за какие угодно деньги можно было добыть школьный учебник ботаники, изданный в тридцатых годах массовым тиражом. ◀●

63 [к примеч. 58, с. 377]. ●► Одно из сильных впечатлений от этой поездки на Бородинское поле — зрелище ухоженного памятника павшим французским воинам, сочетаемое с созерцанием пустого места, оставшегося от величественного памятника славе русского оружия; в подножии памятника был в своё время захоронен Багратион. Памятник был в конце то ли тридцатых, то ли сороковых годов взорван на металлолом местными советскими властями. Так что когда я через несколько лет наблюдал по телевидению торжественное перезахоронение праха Багратиона, у меня возникали большие сомнения относительно состава той субстанции, которую под звуки марша гусиным шагом несли на экране. ◀●

64 [к примеч. 60, с. 380]. Надо же было случиться, что единственный документ, подписанный Мельчуком и мною имел хотя и не анальный, но всё же близкий уринальный характер. Дело было так. В конце 1960-х годов мы с ним стояли на Ленинградском проспекте у южного входа на станцию метро «Аэропорт» и обсуждали тему дополнительных винительных падежей в русском языке. К нам подошёл милиционер и сказал: «Пройдёмте». Я не был удивлён: в рассуждениях, допускающих возможность существования падежей, отсутствующих в школьном учебнике, было что-то непозволительно вольнодумное и потому

⁵⁹ Когда Шаумян решил эмигрировать — а эмигрировать тогда можно было только в Израиль (для чего было необходимо, хотя и не достаточно, объявить себя евреем), — его стали срамить на заседании того самого партбюро Института русского языка, членом какового партбюро он неоднократно бывал, выражая негодование по поводу того, что он порывает с Коммунистической партией. На это он возразил, что собирается вступить в Коммунистическую партию Израйля.

антисоветское. Нас привели в небольшое отделение милиции, находившееся тут же, в подъезде жилого дома. Да и сам этот подъезд был «жилым» в том смысле, что через него жильцы ходили в свои квартиры. В отделении на стуле сидел прилично одетый, но не вполне трезвый растерянный пожилой человек, задержанный за то, что помочился в этом подъезде. Мог ли он знать, что тут же находится и милиция? (Хотя мочиться в подъездах дурно, мои симпатии были на его стороне. Я спросил милиционеров, а что же ему надо было делать, коли приспичило. Ответом было «пойти в общественный туалет». Однако ближайший находился на Ленинградском рынке, в километре от подъезда; были и ближе, но они были всегда закрыты.) Нас привели в качестве понятых: несчастного отправляли в вытрезвитель, а предварительно должны были отобрать деньги, часы и прочие ценности. Мы расписались под описью этих ценностей. Когда мы встречаемся с Мельчуком, он всегда вспоминает этот эпизод как «дело об обмочении».

Литература

- [Андреев 1960] *Андреев Н. Д.* Соповещение по математической лингвистике // Вопросы языковедения. — 1960. — № 1. — С. 131—137.
- [Апресян 1995] *Апресян Ю. Д.* Предисловие ко второму изданию // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. — Т. 1: Лексическая семантика. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — С. I—VIII.
- [Ахманова и др. 1961] *Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М.* О точных методах исследования языка. — М.: МГУ, 1961.
- [Гутенмахер 1957] *Гутенмахер Л. И.* Электрическое моделирование некоторых процессов умственного труда // Вестник АН СССР. — 1957. — № 10. — С. 88—95.
- [Жолковский 1998] *Жолковский А. К.* О Мельчуке // [ОИИВР 1998], с. 351—358.
- [Зиновьев 1959] *Зиновьев А. А.* О математической лингвистике // Вопросы философии. — 1959. — № 9. — С. 132—140.
- [Иванов 1958] *Иванов В. В.* Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины // Материалы по машинному переводу. — Сб. 1. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. — С. 10—39.
- [Иванов 1958а] *Иванов В. В.* Комитет по прикладной лингвистике // Вопросы языковедения. — 1958. — № 3. — С. 136—137.
- [Иванов 1961] *Иванов В. В.* Памяти И. А. Соколянского // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — Вып. 5. — М.: МГПИИЯ, 1961. — С. 90—92.

- [Иванов 1988] *Иванов В. В.* Академик А. И. Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР // [ПВБ 1988], с. 164—186. — [С небольшими сокращениями перепечатано в [ОИИВР 1998], с. 257—273].
- [Иванов 1998] *Иванов В. В.* Из прошлого семиотики, структурной лингвистики и поэтики // [ОИИВР 1998], с. 310—340.
- [ИРМСК 1997] Из работ московского семиотического круга / Сост. и вступит. статья Т. М. Николаевой. — М.: Языки русской культуры, 1997.
- [Кибрик 2001] *Кибрик А. Е.* Кафедра и отделение структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ) // [ФФМУ 2001], с. 349—372.
- [Кулагина 1989] *Кулагина О. С.* Машинный перевод: современное состояние // Семиотика и информатика: Сб. научных статей. — Вып. 29. — М.: ВИНТИ, 1989. — С. 533.
- [Кулагина 1998] *Кулагина О. С.* А. А. Ляпунов и машинный перевод // [ОИИВР 1998], с. 341—350.
- [Ломковская 1959] *Ломковская М. В.* I Всесоюзное совещание по математической лингвистике // Успехи математических наук. — 1959. — Т. 14. — Вып. 6. — С. 213—222.
- [Мельчук 1976] *Мельчук И. А.* История одного заседания одного учёного совета // *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — С. 315—325. — [На с. 315 названной публикации указано: «Английский вариант текста — см. в журнале *Survey*, 1977—78, vol. 23, no. 2, p. 126—137»].
- [Мельчук 1998] *Мельчук И. А.* Как начиналась математическая лингвистика // [ОИИВР 1998], с. 358—370.
- [МП 1958] Машинный перевод: Сб. статей по машинному переводу. — М., 1958.
- [НТСК 1958] Научно-техническое совещание по кибернетике // Проблемы кибернетики / Под ред. А. А. Ляпунова. — Вып. 1. — М.: Физматгиз, 1958. — С. 266—268.
- [ОИИВР 1998] Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. — Новосибирск: Научно-издат. центр ОИГММ СО РАН, 1998.
- [Панов 1958] *Панов Д. Ю.* Автоматический перевод. — 2-е изд. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — [1-е изд. — 1956 год].
- [ПВБ 1988] Путь в большую науку: академик Аксель Берг. — М.: Наука, 1988.
- [Ревзин 1997] *Ревзин И. И.* Воспоминания / Публикация О. Г. Ревзиной // [ИРМСК 1997], с. 791—838.

- [Розенцвейг 1959] *Розенцвейг В. Ю.* Итоги работы теоретической секции // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — Вып. 1. — М., 1959. — С. 27—30.
- [Стеблин-Каменский 1958] *Стеблин-Каменский М. И.* Значение машинного перевода для языкознания // Материалы по машинному переводу. — Сб. 1. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. — С. 3—9.
- [Успенский 1958] *Успенский В. А.* Сопровождение по статистике речи // Вопросы языкознания. — 1958. — № 1. — С. 170—173. — [См. с. 33—39 настоящей книги. — *Примеч. ред.*].
- [Успенский 1959] *Успенский В. А.* К проблеме построения машинного языка для информационной машины // Проблемы кибернетики / Под ред. А. А. Ляпунова. — Вып. 2. — М.: Физматгиз, 1959. — С. 39—50. — [См. книгу 2 настоящего издания. — *Примеч. ред.*].
- [Успенский 1959а] *Успенский В. А.* Итоги работы секции алгоритмов машинного перевода // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — Вып. 1 (8). — М., 1959. — С. 31—62. — [См. с. 40—61 настоящей книги. — *Примеч. ред.*].
- [Успенский 1960] *Успенский В. А.* Логико-математические проблемы создания машинного языка для информационной машины // Сообщения лаборатории электро моделирования. — Вып. 1. — М.: Ин-т научной информации, 1960. — С. 3—28. — [Данная статья отличается от статьи [Успенский 1959] лишь мелкими редакционными деталями].
- [Финн 1993] *Финн В. К.* Дмитрий Анатольевич Бочвар. — (Семиотика и информатика; Вып. 33). — М.: ВИНТИ, 1993. — С. 5—12.
- [Финн 1999] *Финн В. К.* А. С. Есенин-Вольпин в ВИНТИ // *Есенин-Вольпин А. С.* Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / Сост. А. Ю. Даниэль, С. М. Лукашевский, В. К. Финн; Под общ. ред. В. К. Финна, А. Ю. Даниэля. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. — С. 425—435.
- [ФФМУ 2001] Филологический факультет Московского университета: Очерки истории / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой. — М.: Изд-во МГУ, 2001.
- [Macdonald 1954] *Macdonald M.* Language translation by machine — a report of the first successful trial // Computers and automation. — 1954. — V. 3. — No. 2. — P. 6—10. — [Статью эту я в руках не держал, и её библиографическое описание даётся согласно её реферату № 5293 в Реферативном журнале «Математика» за 1954 год, № 10, с. 75—76. Этим объясняется странная орфография фамилии автора].

Послесловие (к последнему параграфу) от декабря 2001 года

§ 1. Начало возрождения? — § 2. Два архетипа тоталитарного мышления. — § 3. Математика на ОСИПЛе/ОТИПЛе. — § 4. Психологические корни кон-фликта. — § 5. Весна тревоги нашей. — § 6. Нафнианская осень 1967 года. — § 7. Физики и лирики. — Примечания.

§ 1. Начало возрождения?

Оказалось, что пациент скорее жив, чем мёртв. Тó, что казалось наступившей летом 1982 года смертью отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛа) Филологического факультета МГУ, оказалось на деле не смертью, а всего лишь коматозным состоянием. Пациент вышел из комы и, хотя и не сразу, а постепенно, но выздоровел. Началось выздоровление весной 1992 года. А к осени 1992 года ОСИПЛ восстановил(о) и своё прежнее историческое название: он(о) снова, как тридцать лет назад, стал(о) ОТИПЛом — отделением теоретической и прикладной лингвистики.

Никто не мог предвидеть такого оптимистического сценария. Ведь для того, чтобы он реализовался, нужно было не более и не менее, чем обрушение советской власти. И она рухнула. Советская власть умирала неохотно и постепенно; её окончательный конец наступил в августе 1991 года, после агонии неудавшегося путча. Вместе с ней отходили в прошлое её наиболее одиозные фигуры и среди них — ректор МГУ Анатолий Алексеевич Логунов¹. Насколько я мог судить,

¹ Логунов сделался ректором МГУ после смерти замечательного ректора Рема Викторовича Хохлова (15.07.1926—8.08.1977), который, в свою очередь, стал ректором после смерти другого замечательного ректора Ивана Георгиевича Петровского (5(18).01.1901—15.01.1973), бывшего ректором с 1951 года. С именем Логунова связан мрачноватый период в истории Московского университета. Сам академик Логунов прославился упорной борьбой с теорией Эйнштейна. Кем-то было остроумно подмечено, что создают великие теории, меняющие лицо науки, скромный монах Мендель (сын крестьянина, постригшийся в монахи из-за материальных трудностей) и скромный сотрудник патентного бюро Эйнштейн, а вот борются с ними Т.Д. Лысенко и А.А. Логунов, которые и академики, и Герои Социалистического Труда, и лауреаты высших премий, и президенты (как Лысенко) или, в крайнем случае, вице-президенты (как Логунов) академий. Говорили, что ректором МГУ Логунов стал в результате интриги, осуществлённой тогдашним Президентом Академии наук Анатолием Петровичем Александровым, который поспешил задвинуть Логунова на эту должность, опасаясь, что в противном случае Логунов станет Президентом

кресло под Логуновым зашаталось после провала путча, в особенности же после изданного в январе 1992 года указа Ельцина, предоставившего Университету значительную самостоятельность, в частности и в первую очередь — право жить по собственному уставу. Согласно новому уставу ректор Университета должен был не назначаться министерством, как раньше, а избираться на общеуниверситетской конференции, называемой Советом Учёных Советов и имеющей около тысячи участников; всем было ясно, что шансы Логунова быть избранным равны нулю. Некоторые утверждали, что Логунов всячески затягивал свой уход; не знаю, насколько справедливы эти слухи. Кроме того, устроить выборы мешала какая-то юридическая ловушка, вроде того, что определяющий порядок выборов новый устав должна была ввести в действие конференция, сама являющаяся легитимной лишь в силу этого устава. Всё же юридические парадоксы были как-то разрешены, и 23 марта 1992 года, в 10 утра, в Актовом зале МГУ на Воробьёвых (а тогда ещё — Ленинских) горах впервые собрался Совет Учёных Советов. В повестке дня — один вопрос: выборы ректора Московского университета. В бюллетень для тайного голосования внесены четыре кандидатуры: зав. кафедрой аграрной экономики экономического факультета А. М. Емельянов (это он провозгласил 8 июня 1989 года на Съезде народных депутатов СССР мысль, до того крамольную и невозможную: народ выше Коммунистической партии, а Съезд народных депутатов выше Съезда КПСС), профессор кафедры физической химии Химического факультета В. В. Лунин (ныне декан Химического факультета), первый проректор и зав. кафедрой математического анализа Механико-математического факультета В. А. Садовничий, директор НИИ физико-химической биологии им. Белозерского В. П. Скулачёв. Специально приехавший на конференцию министр не то науки, не то высшего образования (не помню, как тогда называлось это министерство) предложил избрать Емельянова. В первом туре никто не получил абсолютного большинства: из розданных 984 бюллетеней за Емельянова

Академии наук, чего Александров допустить никак не мог. Дело в том, что Александров собирался покинуть пост Президента, а Президентом должен был стать Хохлов. Вопрос считался настолько решённым, что Хохлов на мой прямой вопрос, заданный ему весной 1977 года, правдивы ли слухи, что он, Хохлов, в следующем учебном году перестанет быть ректором Московского университета, а станет Президентом Академии наук, ответил утвердительно (но прибавил, что будет всё равно присматривать за Университетом и оставит после себя правильного ректора). Однако летом Хохлов неожиданно умер (после неудачного горного восхождения и ещё более неудачного лечения в Кремлёвской больнице), Логунов (а не тот неизвестный, которого имел в виду Хохлов) стал ректором, а Александрову пришлось оставаться Президентом до 1986 года, когда его сменил Гурий Иванович Марчук.

было 238, за Лунина 29, за Садовнического 461, за Скулачёва 244. В решающем втором туре, в который вышли Садовнический и Скулачёв, ректором был избран Виктор Антонович Садовнический (из розданных 921 бюллетеней за него было подано 537, за другого кандидата — 357).

Параллельно смене власти в стране и в Московском университете шла смена власти на Филологическом факультете этого университета и на кафедре прикладного языкознания² этого Факультета. В декабре 1991 года коллектив Филологического факультета на альтернативной основе и при двух турах голосования избрал нового декана; им стала профессор кафедры русского языка Марина Леонтьевна Ремнёва³.

Одной из первых акций нового декана было назначение выборов заведующего кафедрой прикладного языкознания. Эта кафедра заведующего не имела и с 1988 года управлялась исполняющим обязанности заведующего, каковым был Юрий Николаевич Марчук. На должность заведующего было два претендента: сам Ю.Н.Марчук и профессор той же кафедры Александр Евгеньевич Кибрик. 10 января 1992 года состоялось заседание кафедры, на котором оба кандидата изложили свои программы. Я присутствовал на этом заседании с правом совещательного голоса. Решающих голосов было 13, голосование было открытым. Можно было голосовать и за того, и за другого кандидата. За Кибрика проголосовали 9 человек (при 2 воздержавшихся и 2 не участвовавших), за Марчука — 4 (при 7 против и 2 воздержавшихся). Однако это голосование было не окончательным, а лишь дающим рекомендацию Учёному совету Факультета. Учёный совет Факультета в конце того же месяца подавляющим большинством проголосовал за Кибрика. Но и это голосование не было окончательным — оно давало рекомендацию Учёному совету Университета. Наконец, в марте 1992 года на заседании Учёного совета Университета заведующим кафедрой прикладного языкознания был избран Александр Евгеньевич Кибрик (26.03.1939—31.10.2012). Ему и предоставим слово:

Практически одновременно по представлению нового заведующего кафедра и отделение переименовываются, им возвращаются первоначальное название. Теперь это *кафедра и отделение теоретической и прикладной лингвистики* — ОТИПЛ.

² Напомним, что так стала называться кафедра после её вторичного рождения в 1988 году.

³ В 1995 году она возглавит кафедру. До М.Л.Ремнёвой деканом Филологического факультета был заведующий кафедрой истории советской литературы Иван Фёдорович Волков, который, в свою очередь, в 1980 или в 1981 году сменил на посту декана заведующего кафедрой истории зарубежной литературы Леонида Григорьевича Андреева. Обе даты даются согласно [ФФМУ 2001] (расшифровку ссылки см. в списке литературы на с. 384); дата «1980» указана там на с. 26 и 97, а дата «1981» — на с. 359.

Эти слова А. Е. Кибрика я взял со с. 365—366 только что вышедшего сборника «Филологический факультет Московского университета», выпущенного к наступившему 4 декабря 2001 года шестидесятилетию факультета⁴.

В который раз уже отметим, что более правильно было бы говорить не об отделении, а о специальности. Поэтому задача нового заведующего кафедрой состояла в том, чтобы в номенклатуре специальностей российских вузов появилась специальность «теоретическая и прикладная лингвистика»; эта задача была решена совместными усилиями А. Е. Кибрика и А. Н. Барулина (в то время — декана Факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ).

Для меня возвращение названия было радостно вдвойне, по двум причинам — субъективной и объективной. Субъективная причина состояла в том, что утвердилось то самое название, которое и предлагалось мною тридцать лет назад в качестве названия отделения; о названии кафедры я тогда не смел и думать, да и вопрос об этом не вставал. Объективная причина состояла в том, что выделение из лингвистики какой-то её части, выделяемой не по предмету исследования (как, скажем, фонетика, диалектология или сравнительно-историческое языкознание), а по методу (такова структурная лингвистика) является неправильным: метод в любой науке всегда один — здравый смысл. (Читатель заметит, что автор протаскивает свою субъективную точку зрения, пытаясь выдать её за объективную.) Наличие структурной лингвистики молчаливо предполагает существование также и лингвистики неструктурной, каковая выглядит в этом контексте довольно нелепо.

Я всегда любил ОТИПЛ/ОСИПЛ и, считая себя к нему причастным, гордился им. В частности, мне было приятно мнение, которое я неоднократно слышал от русистов, славистов и иных филологов, не подвизающихся ни в структурной, ни в прикладной лингвистике: выпускник ОСИПЛа успешнее работает в области русистики, или славистики, или другой истистики, чем выпускник русского, или славянского, или другого соответствующего отделения. Это мнение относилось к ОСИПЛу периода его расцвета; будем надеяться, что оно вновь возобладает.

Всякому, кто интересуется историей ОТИПЛа/ОСИПЛа/ОТИПЛа, настоятельно рекомендую статью А. Е. Кибрика «Кафедра и отделение структурной/теоретической и прикладной лингвистики (ОСИПЛ/ОТИПЛ)», помещённую на с. 349—372 упомянутого юбилейного сборника к 60-летию Филологического факультета. Статья сильна и

⁴ «Подписано в печать 19.11.2001». Полное библиографическое описание этого сборника [ФФМУ 2001] дано выше на с. 384.

фактической, и эмоциональной сторонами. В частности, там отмечена негативная роль ректора Логунова в судьбе как кафедры структурной и прикладной лингвистики (на с. 363), так и Филологического факультета в целом (на с. 359).

В статье А. Е. Кибрика, среди прочих тем, присутствуют следующие две. Первая — это политические гонения, которым подвергались отделение и кафедра (и которые, на мой взгляд, послужили главной причиной ликвидации кафедры в 1982 году). Вторую тему характеризует следующая цитата со с. 358 названной статьи:

...Кафедра была существенно ослаблена разногласиями — возникшими на почве выделяемого объёма часов на преподавание математики в учебном плане — между двумя тѣзками, Владимиром Андреевичем Звегинцевым и Владимиром Андреевичем Успенским. У каждого из них были все основания считать правым себя, но плохо то, что разногласия эти переросли в открытый конфликт, сильно повредивший делу.

Обе эти темы я хотел бы прокомментировать.

§ 2. Два архетипа тоталитарного мышления

В статье А. Е. Кибрика едва ли не главным фактором, определившим отношение к кафедре и отделению структурной и прикладной лингвистики как к политически неблагонадѣжным образованиям, была эмиграция в Израиль их бывших выпускников и сотрудников:

В 1973 году кафедра скомпрометировала себя тем, что её бывший сотрудник Виктор Витальевич Раскин эмигрировал в Израиль (за полгода до этого он тихо и необъяснимо для всех уволился⁵), а некоторые из членов кафедры пошли с ним проститься. Двух из них, имевших отношение к преподаванию⁶ на ОСИПЛе (А. Е. Кибрика и Б. Ю. Городецкого), от этой деятельности отстранили, и «хвост» неблагонадѣжности тянулся за ними (и за кафедрой) пятнадцать лет⁷. ([ФФМУ 2001], с. 358.)

⁵ В. В. Раскин работал на кафедре в должности младшего научного сотрудника. — В. У.

⁶ Остальные числились на так называемых хоздоговорных ставках; внятное объяснение, что это такое, заняло бы слишком много места. — В. У.

⁷ По свидетельству очевидцев, в той толчее, в которой стоя (потому что мебели в квартире уже не было) пребывали человек 30—40 пришедших на отвальную, никому толком поговорить с отъезжающим не удалось; так что единственным реальным результатом присутствия было засвечивание с последующим доносом в партком МГУ. — В. У.

[Ренат Григорьевич] Котов ■ вменял кафедре в вину патриотизм её студентов (дескать, они считают, что их отделение лучше других на факультете⁸) и, мягко говоря, намекал (с указанием фамилий), какие из её сотрудников по достоверным сведениям вот-вот предадут Родину в направлении Израиля.

([ФФМУ 2001], с. 360.)

Но дело в том, что указанный фактор не сработал бы с такой силой, если бы он не упал на хорошо психологически подготовленную (так и хочется сказать: *унавоженную*) почву ■. Более того, вся эта проблема еврейской эмиграции была скорее предлогом для нападок на кафедру, нежели подлинной причиной.

Подлинной же причиной было то, что кафедра и отделение вызывали раздражение и у университетских партийных властей⁹, и у университетской филологической элиты (в нынешнем понимании слова *элита* ■). О. С. Ахманова, например, вместо *ОСИП* любила произносить *охрил*. Можно, далее, поставить вопрос об источниках этого раздражения. Одним из источников, несомненно, был безапелляционный стиль общения и неуживчивый характер заведующего кафедрой В. А. Звегинцева. Этот личностный аспект проблемы получает должное (и вместе с тем тактичное) освещение в очерке А. Е. Кибрика; сохраняя к Звегинцеву полное уважение, автор очерка указывает, например, на с. 363, что «в этой затяжной борьбе вновь проявилась его человеческая слабость: не дорожить своими сторонниками ■ и умножать число противников». Однако этот источник не был единственным; более того, он не был главным.

Обнаружить главный источник событий можно, лишь обратившись к социальной психологии советского общества, а именно совершив погружение в разлитое в этом обществе коллективное бессознательное. И тогда становится понятным, что главным источником, питавшим неприязненное отношение к кафедре и отделению структурной и прикладной лингвистики были глубоко укоренённые в подсознании архетипы тоталитарного мышления.

Сейчас я объясню, какие архетипы имеются в виду. (При этом я заранее прошу прощения у того элитарного читателя, который укажет, что термин «архетип» употреблён здесь не к месту.) В данном конкретном случае имеются в виду две архетипические идеи: идея

⁸ Я тоже так считал. — В. У.

⁹ Власть партайгеноссе (слово употреблено в множественном числе) была сильна в Университете, как нигде: Университет считался идеологическим учреждением, отвечающим за воспитание молодого поколения.

эгалитарности, или всеобщего равенства (провозглашённая в составе знаменитой триады «либерте, эгалите и фратерните»), и идея идеологической агрессии; последняя состоит в насильственном навязывании господствующей точки зрения, причём слово *господствующий* означает здесь не 'наиболее распространённый', а 'присущий тому, кто в данный момент является господином положения'. Обе эти идеи характерны для обеих революций, носящих (возможно, именно в силу доминирования этих идей) титул «Великая», то есть для Великой французской и Великой Октябрьской социалистической, а также для возникших в результате этих революций репрессивных режимов.

Кафедра структурной и прикладной лингвистики и одноимённое отделение резко выделялись среди других кафедр и отделений Филологического факультета и потому вызывали раздражение — в силу противоречия с идеей всеобщего равенства. Чтобы быть правильно понятым, хочу подчеркнуть, что в данном контексте я трактую эту идею именно как архетипическую, то есть как такую, которая, во-первых, является общей и неконкретной (а конкретизируется только в конкретных ситуациях) и, во-вторых, спрятана в глубинах подсознания. Это та же идея, тот же мотив, который — в моём детстве — приводил к выкрику *Шляпу надела! Губы накрasila!* во время трамвайной перебранки (такие были нередки в переполненном вагоне). Это тот же мотив, который руководил Станиславом Говорухиным, сценаристом и режиссёром известного фильма «Ворошиловский стрелок» при выборе социальных позиций для своих отрицательных героев: из трёх мерзавцев, изнасиловавших девочку Настю, один был сын милицейского начальника, другой — хозяин ларьков, а третий — студент, изучающий структурную лингвистику. Говорухин очень точно выразил разлитую в так называемом народе (и, надо полагать, разделяемую им) ненависть к трём категориям, для обозначения которых мы, в целях наглядности, употребим презрительную лексику: к **начальничкам**, к **торгашам**, к **умникам** [5]. Мы видим, что идея эгалитарности — причём не равенства потенциальных возможностей, а уравнивания достигнутого — приводит к отторжению, а затем и к прямой ненависти по отношению ко всему, что выбивается из общего ряда. Кафедра и отделение структурной и прикладной лингвистики из общего ряда выбивались.

Теперь — об идее идеологической агрессии, о навязывании нужных (а, значит, почти всегда — ложных) взглядов посредством применения насилия. Вспомним вторую главу третьей части оруэлловского романа «1984», а именно диалог, происходящий в пыточной камере между

руководящим пытками партийным боссом О'Брайеном и заключённым Уинстоном Смитом:

— Сколько я показываю пальцев, Уинстон?

— Четыре.

— А если партия говорит, что их не четыре, а пять — тогда сколько?

— Четыре.

На последнем слогe он охнул от боли.

Вот этот диалог и есть наиболее концентрированное выражение той архетипической идеи, о которой сейчас идёт речь, — нет, не выражение, а проявление, поскольку подсознательные идеи не могут иметь выражений, а могут лишь проявляться в действиях, скрытыми мотивами коих они служат. Какое влияние оказала эта идея на отношение партийных властей к кафедре и отделению структурной и прикладной лингвистики — это мы попытаемся объяснить позже. Но сперва продолжим обсуждение её проявлений.

Я долго не мог понять подлинную причину разгрома генетики, состоявшегося в СССР в августе 1948 года. Я ещё как-то мог понять борьбу Коммунистической партии с поэзией Ахматовой или с абстракционизмом в живописи — понять, став на точку зрения этой самой партии. Как-никак, литература и искусство суть — с точки зрения компартии — явления идеологические и потому требующие вмешательства партийных идеологов. Кроме того, картина, на взгляд указанных идеологов, есть предмет потребительский, она должна потрафлять вкусам зрителя, а потому её качество тем выше, чем она ближе к цветной фотографии. А поэзия должна звать в бой за победу коммунизма (а то и объявлять, что эта победа уже наступила). Всё это было понятно и объяснимо. Непонятно было, чем им помешала хромосомная теория наследственности.

Одно простое объяснение лежало на поверхности: главный враг хромосомной теории Трофим Денисович Лысенко, в советской прессе любовно называемый *народным академиком*, сумел снискать благоволение диктатора — сперва Сталина, а затем Хрущёва. Личные качества Лысенки, конечно, сыграли свою роль, но приписать всё только им — это было бы слишком примитивно.

Более глубокая причина крылась в том, что советскую власть никак не могло устроить такое положение вещей, при котором вся наследственность якобы была упрятана в гены, и, тем самым, приобретённые признаки не наследовались. В самом деле, ведь общеизвестно, что расовые признаки по наследству передаются, а в советском обществе

формировалась новая раса под названием «советский человек». Следовательно, и признаки советского человека должны были передаваться по наследству **6**.

И вот тут мы подошли к самому главному. Казалось бы, если власть так сильно заинтересована в том, чтобы наследственность не была сосредоточена в хромосомах и чтобы происходило наследование приобретённых признаков, то надо развернуть научно-исследовательскую работу в этом направлении, с тем чтобы добиться изменения природы наследственности. Но нет! Власть идёт по другому пути, она не старается переделать мир в удобную ей сторону, ей это не нужно — не нужно потому, что, как она провозглашает, мир уже устроен так, как ей угодно. Её, советскую власть, устраивает безумное учение Лысенко, утверждавшего, что кукушка не откладывает яиц (а кукушата вылупляются из яиц других птиц) и что сорняк овсюг потому трудно искореним, что возникает посредством перерождения в него полезных злаков. Лысенко ведь не собирается учить кукушку рождаться из яйца птицы другого вида или заставлять рожь превращаться в овсюг — он утверждает, что всё это так и есть. Если партия называет четыре пальца пятью, то, значит, так оно и есть. Подчеркнём: так оно есть на самом деле, а не только так следует говорить. Диалог О'Брайена со Смитом имел ведь продолжение:

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Четыре! Перестаньте, перестаньте! Как вы можете? Четыре! Четыре!

— Сколько пальцев, Уинстон?

— Пять! Пять! Пять!

— Нет, напрасно, Уинстон. Вы лжёте. Вы всё равно думаете, что их четыре.

Когда Лысенко ещё в довоенное время выступал на каком-то форуме, то кто-то осмелился ему возразить (до августа 1948 года это было можно), указав, что его идеи противоречат основным положениям физики и химии. На что Лысенко заявил что-то вроде: «А колхозная практика отменяет и пересматривает догмы физики и химии, она выше их». В ложе раздали аплодисменты: это аплодировал товарищ Сталин.

Где-то я читал, что зубы, помимо очевидных, имеют и такую функцию: противостоять чрезмерному росту зубов противоположной челюсти. Если в детстве исчезает зуб, то противостоящий ему зуб начинает прорастать в образовавшуюся пустоту. Не знаю, насколько это соответствует истине, но это даёт удобную аналогию. Не встречающая сопротивления власть начинает осуществлять экспансию в

самые неожиданные стороны, в частности, она начинает вмешиваться в устройство физического мира. Это — одно из проявлений архетипической идеи идеологической агрессии. Твардовский приписывает Сталину космологические намерения: «Канала только не хватало, чтоб с Марса был бы виден он». (В качестве косвенной, но полезной иллюстрации к сказанному, уместно вспомнить правительственный некролог по случаю смерти члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, наступившей 31 августа 1948 года. Читаем: «Верный ученик и соратник великого Сталина <...>». Среди 18 подписей под некрологом обнаруживаем и подпись Сталина.)

Это всё идёт издавна, со времён обожествления фараонов и богдыханов. Кажется, китайские императоры были уполномочены небом повелевать силами природы. А вот какую историю я услышал по радио «Свобода» (или это было ВВС?) 13 декабря 2001 года. Пожизненный президент Туркмении туркменбаши (отец туркменов) Сапармурат Ниязов, приехав в колхоз, настоятельно рекомендует как можно скорее убрать хлопчатник и мотивирует свою рекомендацию тем, что он уже устал удерживать дождь и больше восьми дней не выдержит. Полагаю, что это не пустые слова и что Ниязов, хотя бы отчасти, сам верит в сказанное им.

Лучше всего было бы изменить таблицу умножения. Ясно ведь, что если пятью пять — двадцать пять, а шестью шесть — тридцать шесть, то семью семь должно быть сорок семь. Но это почему-то встречает затруднения. Хорошо было бы изменить ход небесных светил и времена года; это тоже встречает затруднения, поэтому Французская революция всего лишь меняет начало года, меняет начала всех месяцев, меняет длительность большинства из них и даёт им новые названия. Революция в России, оказавшись не в состоянии переместить города на новое место, вынуждена ограничиться сменой их названий.

А вот памятник, в отличие от города, переместить можно, и потому в 1950 году — только потому, что можно, других разумных причин нет — опекушинский памятник Пушкину был перемещён с Тверского бульвара, на котором он благополучно простоял 70 лет, на Пушкинскую площадь. К тому же ряду явлений принадлежат и снос Сухаревой башни в Москве; и разрушение возведённого в той же Москве на народные пожертвования храма Христа Спасителя с заменой его сперва на так и не построенный Дворец Советов (оставшийся в памяти москвичей только в виде прежнего названия той станции метро, которая с 20 марта 1957 года стала называться Кропоткинской), а затем на бассейн «Москва»; и недавнее уничтожение талибами в Афганистане тысячелетних статуй Будды,

ответственность за каковое уничтожение несёт не ислам (ведь ислам был основной религией в Афганистане и ранее, но на статуи не посягал **■**), а именно утвердившийся в Афганистане тоталитарный режим (разрушение этих двух статуй было провозвестником последующего вскоре разрушения теми же злыми силами двух башен Торгового центра в Нью-Йорке; если бы так называемый цивилизованный мир отреагировал на разрушение статуй Будды с адекватной жёсткостью, то, возможно, не состоялось бы и разрушение башен).

Каждый тоталитарный режим мистичен в своей основе и подспудно исповедует идеалистическую философию. Если же этот режим провозглашает в качестве официальной религии материализм (как это было в СССР), то это имеет столь же малое отношение к истинному положению вещей, как и лозунг свободы (либерте); как известно, в главной советской песне пелось: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Идеалистическая же основа подлинной, а не провозглашаемой идеологии доказывается следующим рассуждением: тоталитарная власть, стремящаяся к устроению материальной реальности (будь то механизм наследственности или количество показываемых пальцев) по своему усмотрению, считает свою цель достигнутой в тот момент, когда ей удалось заставить своих подданных думать, что реальность устроена так, как угодно власти. Так что продержись сталинский режим подольше, ещё, может быть, и учили бы, что семью семь — сорок семь.

Тут я предвижу три возражения от равнодушного читателя (равнодушный скользнёт взглядом и пойдёт дальше или же вовсе зевнёт и закроет книгу).

Возражение первое. Про семью семь — это уж автор явно перегнул. Ведь про количество показываемых О'Брайеном Смиту пальцев — это всего лишь художественный вымысел Оруэлла, а внедрение лысенкоизма, как признано выше, имело политическую вполне прагматическую мотивацию. При чём же здесь надуманное обсуждение возможного изменения таблицы умножения, если таковое никак не мотивировано и не приносит режиму никакой очевидной пользы? Мой ответ таков. Прагматический мотив лишь сделал биологическую дискуссию более острой, а её результаты — более чудовищными. Прагматическая мотивация совершенно не обязательна, что доказывает ряд примеров. Из таких примеров напомним два идеологических «разоблачения», оба относящихся к последнему пятилетию правления Сталина. В 1947 году в русском переводе вышла книга: Л. Паулинг, «Природа химической связи»; в ней, в частности, излагалась предложенная её автором на рубеже 20-х и 30-х годов так

называемая теория резонанса (в 1954 году Паулинг получил Нобелевскую премию по химии). В следующем, 1948-м, году вышла другая переводная книга: Д. Уэланд, «Теория резонанса и её применение в органической химии». А вслед за тем началась крикливая кампания по разоблачению теории резонанса как буржуазной, идеалистической, антимарксистской и т. д. Усмотреть здесь какую-либо разумную цель трудно: с тем же успехом теорию резонанса можно было провозгласить материалистической и марксистской. С конца 50-х годов Лайнус Паулинг (Pauling) включился в борьбу за мир (Нобелевская премия мира 1962 года); по сему случаю он был переименован в Полинга, и статья Полинга «Теория резонанса в химии» была опубликована в советском журнале в 1962 году.

Второе разоблачение — это разоблачение кибернетики как буржуазной лженауки. Смысла в объявлении кибернетики лженаукой не было никакого, это лишь затормозило развитие вычислительной техники и оборонной промышленности. Что касается идеологии, то кибернетика (как и хромосомная теория, и теория резонанса) прекрасно могла быть совмещена с марксизмом, диалектическим материализмом, научным коммунизмом и прочими хорошими, с точки зрения советской власти, измами (я перечислил некоторые из тех, которые преподавались в советских вузах). Так что прагматика тут не при чём, тут чистая патология, приближающаяся к стремлению изменить таблицу умножения.

Рассказывали, что была попытка начать кампанию борьбы с «новой» физикой — с теорией относительности и с квантовой механикой [3]. Говорили, что Курчатов якобы доложил высшему начальству, что запретить эти лжеучения, конечно, можно, но что тогда не будет ни атомной, ни тем более водородной бомбы. И начальство отступило. Возможно, что здесь (со стороны начальства) проявился открытый Оруэллом феномен двоемыслия, под которым понимается одновременное существование в мозгу двух противоположных убеждений. Аналогичным образом, государственный антисемитизм сосуществовал с тем, что академики-физики Яков Борисович Зельдович и Юлий Борисович Харитон были и лауреатами Ленинской и иных премий, и Трижды Героями Социалистического Труда.

Возражение второе. И хромосомная генетика, и кибернетика, и теория резонанса — всё это было разрешено после смерти Сталина. Режим изменился и перестал посягать на таблицу умножения. Наука получила возможность развиваться свободно. Мой ответ таков. Возражение справедливо лишь частично. Вмешательство туда, куда не надо, прекратилось не сразу. Так, генетика подвергалась гонениям вплоть до состоявшегося 14 октября 1964 года отстранения от власти Хрущёва, который — при всём его антисталинизме — продолжал

поддерживать Лысенко и даже собирався закрыть Академию наук в отместку за то, что она (с подачи А. Д. Сахарова) отказалась избрать в свой состав наиболее одиозного лысенковского ставленника. Но главное не в этом. Главное в том, что надолго остался живучим обсуждаемый архетип тоталитарного мышления — агрессивное желание навязать силой свою точку зрения (как правило, ложную — потому что истину нет нужды навязывать силой). Не следует утешать себя мыслью, что архетипические (то есть обосновавшиеся в глубинах подсознания) идеи были различными у власти и у подчинённого ей народа. Власть и народ были во многом едины — отчасти (но только отчасти) потому, конечно, что народ был этой властью уже воспитан, а не поддававшиеся воспитанию были уничтожены. Психологическое единство власти и населения было выше, чем это хотелось бы признавать (гораздо выше, чем в сегодняшней России).

Возражение третье. Все эти рассуждения об архетипической идее идеологической агрессии не имеют никакого отношения к нападкам на кафедру и отделение структурной и прикладной лингвистики. Мой ответ таков. Нападки на кафедру в значительной степени являются проявлением именно этой архетипической идеи. Надо только вдуматься в смысл словосочетания *архетипическая идея*. Это есть идея неявная, скрытая даже от её носителя, то есть им, носителем идеи, не осознаваемая. Это нечто вроде гормонов, присутствие которых ведь тоже не осознаётся человеком напрямую, но которые, тем не менее, в состоянии управлять и настроением, и поведением. Конечно, нельзя представлять себе дело таким образом, что кто-то говорит себе: «Мною овладела идея идеологической агрессии, и потому я сейчас пойду и притесню структурную и прикладную лингвистику». Всё происходит на уровне подсознания — едва ли не самом могущественном из уровней человеческой психологии.

На уровне деклараций горячо приветствовалось развитие прикладной лингвистики и — с большей осторожностью — развитие лингвистики структурной. На самом деле и то, и то было отчасти пугающим. Пугающим, потому что новым и непривычным.

Традиция относилась лингвистику к наукам гуманитарным и потому неточным. Попытка распространения на лингвистику точных методов встречала поэтому сопротивление, психологически совершенно понятное. Традиционные лингвисты боялись растворения лингвистики в математике (разумеется, никто всерьёз не думал, что лингвистика станет разделом математики, это я утрирую, обозначая направление опасений). Поэтому они, шарахаясь от математики, цеплялись за литературоведение, не желая с ним развода.

Правящая догма относилась лингвистику к наукам общественным и потому идеологическим. Вот передо мной брошюра, разрешённая к печати уполномоченным Главлита 30 октября 1974 года. Авторы — В. Н. Ярцева, Г. В. Колшанский и др. Брошюра называется «Основные проблемы марксистского языкознания (Доклад на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания)». Можно ли себе представить доклад «Основные проблемы марксистской гельминтологии», представленный на конференцию по теоретическим вопросам гельминтологии? Структурная же лингвистика не то чтобы прямо противоречила марксистскому языкознанию, но как-то неприятно это языкознание игнорировала. «Больно тема какая-то склизкая. Не марксистская, ох, не марксистская», — как выразился по сходному поводу Галич.

Таким образом, у университетских лингвистов 70-х годов — по причине ли их традиционности или же марксистской зашоренности — не было оснований любить структурную лингвистику. Напротив, были все основания относиться к ней с подозрением. А подсознательная архетипическая идея интеллектуальной агрессии преобразовывала это неприязненное отношение в прямые действия, а именно в нападки на кафедру структурной и прикладной лингвистики, нападки, приведшие в 1982 году к ликвидации кафедры.

§ 3. Математика на ОСИПЛе/ОТИПЛе

Теперь я перехожу к обещанному в последнем абзаце § 1 обсуждению тех разногласий, которые имели место между мной и В. А. Звегинцевым. Как указывает А. Е. Кибрик в приведённой в указанном абзаце цитате, эти разногласия существенно ослабили кафедру структурной и прикладной лингвистики. А потому здесь есть и моя вина, и я хотел бы изложить моё видение ситуации, отнявшей в своё время у меня непомерное количество и времени, и нервов — то есть ощутимую часть жизни. Правильно ли я делаю, что обращаюсь к этой теме? Не знаю. Некоторые уважаемые мною люди советовали мне ничего на эту тему не писать.

Основной довод против состоит в том, что моего двойного тёзки Владимира Андреевича Звегинцева уже нет в живых, и он не может мне возразить. Этот довод справедлив, однако следование ему закрыло бы мемуаристику как жанр. Что, может быть, было бы и к лучшему. В письме ко мне от 24 октября 1998 года, опубликованном на с. 89 в № 3 (5) журнала «Неприкосновенный запас» за 1999 год, Наталья Леонидовна Трауберг писала:

Письмо это гораздо проще и гораздо печальнее. Пора поговорить о мемуарах. Мы с Вами столько видели, что простодушные люди спрашивают, почему мы их не пишем. Не знаю, почему не пишете Вы¹⁰, а своими сомнениями поделюсь.

Начнём с того, что память очень подводит. <...>

<...>

<...> Именно он, автор [мемуаров], наводит всюду порядок, спасает любую ситуацию, а потом другие персонажи тех же мемуаров говорят для верности, какой он замечательный. Что уж там, и это трогательно, не от хорошей жизни делается; правда, тогда надо жалеть любого, самого патологического эгоиста — и ведь надо, но нелегко.

Однако и это чепуха, пока автор занят собой. Здесь мы подходим к самому опасному. Как в жизни недолюбленный человек легко превращается в крошку Цахеса, так и в мемуарах может всех перекусать.

<...>

Если же обойти смешные стороны и слабости, получится грузинский тост, что хорошо для семейных мемуаров, но всё же фантастично.

Цитированное письмо Н. Л. Трауберг сопровождалось моим послесловием, опубликованным на следующей, 90-й странице. В нём я писал:

В своём письме Н. Трауберг выдвигает два аргумента против писания мемуаров: 1) практически неизбежные aberrации памяти мемуариста <...> и 2) его почти неизбежная необъективность, часто приводящая либо к самовосхвалению и охаиванию других, либо же к стилю грузинского тоста. Но есть и третий, быть может самый замечательный аргумент. Его указала мне Мария Степановна Волошина. Вот этот аргумент.

В 50-е годы, в Коктебеле, посетив волошинский дом и послушав захватывающие рассказы Марии Степановны о людях, бывавших в этом доме в 20-е годы, я спросил её, отчего же она эти свои рассказы не запишет. Её ответ поразил меня своей неожиданностью. «Как же это можно! — сказала она. — Человек находился в гостях в моём доме, чувствовал себя совершенно свободно и позволял себе говорить откровенно. Кем же я буду, если я его слова запишу и опубликую!».

¹⁰ Это утверждение меня удивило. Я как раз считал, что мемуары пишу, о чём свидетельствуют некоторые из ранее опубликованных текстов, хорошо известных автору письма и перепечатываемых в книге 5 «Воспоминания и наблюдения» настоящего издания. Выяснилось, что Наталья Леонидовна считает эти публикации не мемуарами, а чем-то другим; спасибо ей за это. — В. У.

Итак, вопрос о том, почему не нужно публиковать воспоминания, можно считать достаточно прояснённым, и можно теперь обратиться уже к самим воспоминаниям о моих разногласиях со Звегинцевым. А. Е. Кибрик видит корень разногласий в объёме часов, выделяемых на преподавание математики. Это правда, но не вся правда, поскольку дискуссия о количестве часов накладывалась на некий психологический фон, о коем ниже будет сказано. В затекстовом примечании 16 на с. 371 своей статьи А. Е. Кибрик сообщает, что «первый [В. А. Звегинцев] настаивал на уменьшении числа часов с целью расширения состава лингвистических дисциплин, второй [В. А. Успенский] против этого уменьшения категорически возражал». Это тоже не вся правда, потому что существен был не только факт уменьшения, но и тот организационный принцип, на основе которого это уменьшение должно было проводиться в жизнь. Если считать вопрос о составе преподаваемых дисциплин и их объёме вопросом научным, то можно сказать, что мой конфликт со Звегинцевым имел три составляющих: научную, психологическую и организационную¹¹.

Начну с организационного аспекта. Он относился к тому способу, которым, при замене одного учебного плана на другой, должно осуществляться проведение в жизнь нового учебного плана, то есть к тому способу, посредством которого происходит переход обучения студентов по старому учебному плану на обучение по учебному плану новому. Казалось бы, это вопрос совершенно технический, но, как известно, дьявол прячется именно в деталях.

Учебный план представляет собой таблицу, напечатанную на листе бумаги большого размера; поэтому имеющие дело с этой таблицей люди обычно называют её «простыней». Таблица имеет два входа: учебные дисциплины и семестры. Дисциплины пишутся одна под другой по вертикали, так что каждой из них соответствует горизонтальная строка. Семестры пишутся друг за другом по горизонтали, так что каждому из них соответствует вертикальный столбец. На пересечении строки и столбца сообщается необходимая информация, относящаяся к преподаванию данной дисциплины в данном семестре, а именно: количество учебных часов (отдельно для лекций и для семинарских занятий) и форма итогового контроля (зачёт или экзамен). Составление учебного плана — процесс весьма непростой, поскольку требуется учитывать множество трудно совместимых ограничений [9]. Самым очевидным из них было ограничение на общее количество учебных занятий в неделю

¹¹ В выделении этих трёх сторон конфликта я следую классификации проблем, ставшей мне известной от Алексея Львовича Семёнова: проблемы бывают научные, организационные и психологические.

и на количество экзаменов в экзаменационную сессию. Кроме того, были «священные коровы», которых нельзя было трогать, — это так называемые *дисциплины общественно-политического и социально-экономического цикла* ¹⁰. В силу сказанного ясно, что перемен в учебном плане следует по возможности избегать. Ясно также, что полностью избежать изменений невозможно: учебные планы устаревают, и время от времени их приходится менять. Вот и В. А. Звегинцев предложил принять новый учебный план ОТИПЛа, в котором количество часов на математику было значительно сокращено. Против этого я возражал, однако главное моё возражение состояло в другом.

Мне представлялось и представляется очевидным, что при замене одного учебного плана другим, новый план начинает действовать, начиная с нового набора студентов. Иначе говоря, ни для какого студента никакого изменения учебного плана не происходит: по какому плану он начал заниматься, по такому он и будет продолжать до конца. А иначе ведь может получиться, что из дисциплин, присутствующих в обоих планах, некоторые он не будет проходить вообще, а некоторые пройдёт дважды¹²; первое может произойти, если дисциплина переместилась со старшего курса на младший, второе — при противоположном перемещении.

Математика на ОСИПЛе имела свой «внутренний учебный план», и синхронное сокращение её объёма на всех курсах одновременно приводило к серьёзным диспропорциям. Именно это неправильное и даже возмутительное, с моей точки зрения, организационное решение послужило одной из главных причин того, что я отказался впредь отвечать за преподавание математики на ОСИПЛе; отказ вступил в силу, начиная с 1967/68 учебного года. Должен прибавить, что здесь В. А. Звегинцев разделяет ответственность с руководством Филологического факультета, и даже не разделяет, а уступает большую часть этой ответственности. Идея уменьшения объёма математики — эта идея всецело принадлежала Звегинцеву. Идея перехода на новый учебный план одновременно и сразу на всех курсах ОСИПЛа, возможно, тоже принадлежала ему. Но на пути осуществления этой дурной организационной идеи должен был встать деканат, который, однако же, этого не сделал. Поэтому свою долю ответственности за неправильную процедуру перехода обучения на новый учебный план несёт тогдашний декан Алексей Георгиевич Соколов¹³. Требовать от

¹² «А детей отправили к Фединым, и там они по ошибке два раза ели суп», — это Алексей Толстой, в изображении Ираклия Андроникова, рассказывает о визите к нему Герберта Уэллса.

¹³ А. Г. Соколов был деканом Филологического факультета МГУ с 1961 года, сменив на этом посту Романа Михайловича Самарина (который ещё оставался

него ясного понимания роли математики в далёкой от его литературоведческих интересов области структурной и прикладной лингвистики было бы несправедливо, но справедливо требовать ясного понимания организационных процедур. В защиту А. Г. Соколова можно сказать, что, как я полагаю, и В. А. Звегинцев, и я изрядно утомили его в те годы своими взаимными претензиями и непримиримыми позициями.

Теперь от организационной стороны конфликта перейду к той его стороне, которую с известной долей условности можно назвать научной. Здесь спор идёт о месте математики в обучении лингвистов. Это, конечно, вопрос менее очевидный. Хотелось бы иметь по этому поводу высказывания лингвистов в защиту математики, но таковые высказывания что-то не очень слышны. Более того, некоторые из выдающихся выпускников ОСИПЛа в частных беседах выражают сомнение в необходимости математики; это мне так кажется, что они стали замечательными лингвистами в том числе и благодаря математике, — они же, возможно, полагают, что не благодаря, а вопреки. Позиция математика, защищающего математику, — как и всякого, кто защищает свою науку, — априори уязвима и даже несколько смешна. Ничего не поделаешь, приходится занять эту уязвимую и смешную позицию.

Мне неоднократно доводилось высказываться о целях преподавания математики студентам-языковедам — но высказываться в рамках достаточно формального контекста (см. например, тезисы доклада на названную тему, опубликованные на с. 62—63 настоящей книги). Здесь, в данном Послесловии, я попытаюсь сказать нечто менее формальное.

Я совершенно согласен с теми, кто не устаёт напоминать об ограниченности математических моделей. Под ограниченностью понимается обычно их неспособность охватить описываемое ими лингвистическое явление во всей его полноте. Я не согласен с теми, кто в этой ограниченности видит их слабость. Скорее, в этом их сила. Математическая модель должна быть проста, а потому огрублённа. Проиллюстрирую сказанное таким примером. Все знают, что Земля — шар. Те, кто получил некоторое образование, знают, что Земля — эллипсоид вращения, сжатый у полюсов. Геодезисты знают, что Земля — геоид; геоид есть геометрическая фигура,

деканом, когда в сентябре 1960 года начались занятия на ОТИПЛе; при нём осуществлялись и набор, и «добор» на первый курс), и по 1974 год, когда деканом стал Л. Г. Андреев. Вместе с М. Л. Ремнёвой А. Г. Соколов является автором вступительной статьи «История организации Филологического факультета Московского университета и становление его структуры» в сборнике [ФФМУ 2001] (см. с. 5—26).

поверхность которой совпадает с поверхностью Земли без учёта таких мелких деталей, как горы и т. п. (более точно, совпадает с той поверхностью, которую образовывал бы Мировой океан, если бы все материки и острова погрузились под воду или, ещё более точно, были бы срезаны по уровню этого океана¹⁴). Мы имеем здесь три математические модели, с возрастающей точностью описывающие моделируемый ими объект — форму планеты Земля. Самая важная из этих моделей — самая первая, она же самая неточная. Хотя для прокладки авиамаршрутов нужна, возможно, и вторая, а для запуска баллистических ракет даже третья.

Роль математической модели для лингвиста можно сравнить с ролью скелета для художника, рисующего человека. Художник не изображает скелет, скелет скрыт и от него, и от зрителя картины, но чтобы грамотно изобразить человеческую фигуру, полезно представить её себе в виде скелетного каркаса, обросшего плотью. Так, гениальный математик Колмогоров очертил скелет понятия падежа, указав, в частности, основные исходные представления, необходимые для образования этого понятия (представления о синтаксически правильной фразе, о состоянии предмета, о выражении состояний предмета контекстами и т. п.). Гениальный лингвист Зализняк обратил этот скелет лингвистической плотию в своём известном трактате «Русское именное словоизменение».

Часто думают, что главная цель обучения лингвистов математике состоит в обучении их математическим моделям языка или хотя бы в создании фундамента для такого обучения. Однако это не так.

Главная цель обучения лингвистов математике — психологическая. Эта цель состоит не столько в сообщении знаний и даже не столько в обучении методу, сколько в изменении психологии обучающегося (кто знает, может быть, это и плохо), в привитии ему строгой дисциплины мышления («дисциплина» означает здесь, разумеется, приверженность к порядку, а не отрасль науки). Роль математики в подготовке лингвистов можно сравнить с ролью строевой подготовки в обучении воина. Все эти ружейные артикулы, повороты и иные движения, которым обучают молодого бойца на занятиях по строевой подготовке, вряд ли находят применение в реальном бою. Но они рассматриваются как

¹⁴ Согласно 3-му изданию Большой Советской Энциклопедии, геоид есть «фигура, к-рую образовала бы поверхность Мирового ок. и сообщающихся с ним морей при нек-ром среднем уровне воды, свободной от возмущений приливами, течениями, разностями атмосферного давления и т. д. <...> Эта поверхность, мысленно продолженная под материками, образует замкнутую фигуру, которую принимают за сглаженную фигуру Земли».

необходимая основа всякого военного обучения, поскольку тренируют дисциплину — только не дисциплину мышления, как математика, а дисциплину действий. Более отдалённая аналогия — тренировка моряков на парусных судах. Не знаю, как сейчас, но во времена моей молодости всякий, кто обучался в гражданских мореходных вузах, проходил плавание на парусных судах — при том, что потом эти парусные навыки ему вроде бы применять не приходилось.

К воспитываемой на уроках математики дисциплине мышления относится осознание отчётливого различия между истиной и ложью: ведь это различие нигде не проявляется с такой чёткостью, как в математике. Казалось бы, что может быть важнее и первичнее, чем умение отличать истинные утверждения от утверждений ложных. Однако ещё более важным, ещё более первичным является умение отличать осмысленные утверждения от бессмысленных. Сейчас мне кажется, что в шестидесятых годах редко какой отечественной статье по языкознанию удавалось избежать ложных или бессмысленных утверждений. Помню, что я даже бывал удовлетворён, когда некоторое утверждение можно было квалифицировать как всего лишь ложное, — потому удовлетворён, что ложность утверждения свидетельствовала о его осмысленности.

А ещё на уроках математики воспитывался демократизм. Математическая истина не зависит от того, кто её произносит, академик или школьник; при этом академик может оказаться не прав, а школьник прав. Чем наука дальше от математики, чем она, так сказать, гуманитарнее, тем сильнее убедительность того или иного высказывания начинает зависеть от авторитета высказывающего лица. На Филологическом факультете подобная персонализация истины ощущалась довольно сильно.

Нет в математике и «царского пути». Здесь я ссылаюсь на историю, то ли подлинную, то ли вымышленную, которую одни рассказывают про великого математика Архимеда и сиракузского царя Гиерона, другие про великого математика Евклида и египетского царя Птолемея. Царь выразил желание изучить геометрию и обратился с этой целью к математику. Математик начал его обучать. Царь выразил недовольство тем, что его учат совершенно так же, в той же последовательности, как и всех других, не принимая во внимание его царский статус, каковой особый статус, по мнению царя, предполагал и особый способ обучения. На что математик, по преданию, ответил: «Нет царского пути в геометрии».

Когда осенью 1960 года началось обязательное преподавание математики на Филологическом факультете МГУ¹⁵, это не могло не

¹⁵ Не на всём факультете, конечно, а лишь на одном из его отделений — на ОТИПЛе.

всколыхнуть филологическую общественность. Из Института востоковедения Академии наук¹⁶ ко мне обратились с просьбой организовать обучение математике аспирантов-лингвистов этого института. Зачем им (не аспирантам, а администрации Института) это было нужно — не знаю. По-видимому, чтобы не отстать от прогресса. Мне показалось своевременным произвести наглядную демонстрацию отсутствия царского пути, и я направил для преподавания студентку первого курса ОТИПЛа Сашу Раскину. Институтскому начальству это не понравилось, но я объявил, что другого преподавателя у меня для них нет и не будет. Нехотя они согласились. Количество подлежащих обучению аспирантов к тому времени сократилось до одного. Я настоял, чтобы это была оплачиваемая работа (Саша была готова учить и без оплаты, но я ей не разрешил) и чтобы с ней был заключён письменный договор. Такой договор и был подписан; в нём было сказано, что студентка I курса Филологического факультета МГУ Александра Александровна Раскина нанимается Институтом для обучения математике аспиранта Александра (отчества не помню) Ларина. Саша со своей работой справилась блестяще. Ларин сдавал экзамен комиссии, состоящей из меня и Шихановича, и получил пятёрку. Если на меня ещё могла бы пасть тень подозрения в том, что я поставил пятёрку лицу, обучавшемуся у рекомендованного мною преподавателя, то Юрия Александровича Шихановича ни в чём таком заподозрить невозможно: любой осипловец подтвердит, что Шиханович славился своей бескомпромиссностью.

Надо сказать, что преподавание математики на ОСИПЛе, уступая, разумеется, Механико-математическому факультету в объёме, не уступало, а иногда и превосходило обязательные курсы Мехмата по логической глубине. На достаточно серьёзном уровне проводились и вступительные экзамены. ОСИПЛ справедливо гордился тем, что однажды его письменный экзамен был признан Мехматом. Поясню сказанное. Программа вступительных экзаменов по какому-либо предмету была едина для всех вузов СССР. Но все понимали, что требования к сочинению для поступающих на Филологический факультет выше аналогичных требований для поступающих на другие факультеты. Поэтому абитуриент, получивший пятёрку по сочинению при поступлении, скажем на Географический факультет МГУ, не мог претендовать на то, чтобы эта самая пятёрка была ему засчитана при поступлении на Филологический факультет, — ему потребовалось бы писать сочинение заново. Точно так же задачи, предлагаемые

¹⁶ Не исключено, что он назывался тогда по-другому, например: Институт народов Азии.

на вступительных экзаменах по математике, сильно различаются по трудности для разных факультетов, и приёмная комиссия Мехмата не признаёт отметок по математике, полученных при поступлении на другие факультеты (а отметку по сочинению как раз скорее всего признаёт). Единственное известное мне исключение касалось пятёрки, полученной некой абитуриенткой на письменном экзамене по математике при неудавшейся попытке поступить на ОСИПЛ; на основании этой пятёрки она была принята на Мехмат (правда, на заочное отделение, так как зачисление на дневное обучение к этому времени уже закончилось; сумела ли бы она поступить с этой пятёркой на дневное отделение Мехмата, остаётся неясным). Таким образом, Филологический факультет оказался единственным факультетом, который Мехмат признал, причём в отношении именно математики, отчасти равным себе.

Я хотел бы вернуть читателя к глаголу *всколыхнуть*, уже использованному двумя абзацами выше. Не уверен, что он наиболее точно отражает ситуацию, но дело в том, что резонанс от появления математики в расписании обязательных учебных предметов Филологического факультета МГУ был большим, чем ему следовало бы быть в нормальной стране. Но советская страна никогда не была нормальной. Не была она нормальной во времена сталинского всеобщего зажима, не была нормальной и во время хрущёвской оттепели III, которая сама была возможна лишь потому, что перед ней имело место сталинское оледенение, в качестве реакции на которое и возникла сама эта оттепель. В частности, в эпоху оттепели с повышенным вниманием воспринимались все те события и явления, которые ещё совсем недавно, в эпоху Сталина, были невозможны. Всем было очевидно, что во времена, когда кибернетика и реальная (а не фантастическая лысенковская) генетика считались буржуазными лженауками, никакой математики в языкознании быть не могло. Преподавание математики на Филфаке виделось поэтому как одна из ласточек преобразования общества в сторону плюрализма и интеллектуальной свободы. А потому в первые годы на лекции для студентов ОТИПЛа приходило много людей со стороны, аудитория с трудом вмещала желающих. Звегинцеву это не нравилось, и он написал жалобу в деканат. Мне было передано его письмо с грозной резолюцией декана А. Г. Соколова, требующей от меня принять меры и устранить допуск посторонних на занятия. (Но к тому времени я уже понимал, что для начальства главное — это наложить резолюцию; добиваться же исполнения резолюции и скучно, и утомительно.) Жалоба Звегинцева написана в конце сентября 1965 года; это зна-

чит, что наплыв слушателей со стороны на занятия по математике продолжался по крайней мере до этого времени. Письмо Звегинцева у меня сохранилось, привожу его целиком.

Декану Филологического факультета МГУ
доценту Соколову А. Г.

от зав. кафедрой структурной и прикладной
лингвистики профессора Звегинцева В. А.

РАПОРТ

Ставлю Вас в известность, что на занятиях по математике группа студентов I курса излишне гипертрофирована (более 2/3 присутствующих не являются студентами Отделения).

Считаю такое положение недопустимым, прошу принять меры.

29.IX.65 г.

[подпись]

А вот резолюция Соколова, наложенная в тот же день 29 сентября:

В. А. Успенскому. Присутствие на занятиях по математике вольнослушателей категорически запрещаю. Прошу этот приказ выполнить. Исключение м. б. только с разрешения декана или зам. декана для студентов-филологов старших курсов. О выполнении прошу доложить.

С административной точки зрения Звегинцев и Соколов были, конечно, совершенно правы. Принятая в Московском университете практика проведения занятий со студентами не предполагала присутствия на них посторонних лиц (впрочем, скорее всего и прямого запрета на это не было тоже). Однако письмо Звегинцева декану меня тогда разозлило. Почему-то особенно неприятным мне показалось само наименование бумаги — *рапорт*. Звегинцев подал свой рапорт, не поговорив предварительно со мной. А я бы ему объяснил, что тот факт, что занятия по математике собирают много людей, посещающих их не по обязанности, а из чистого интереса, не только не мешает студентам, но как раз напротив, психологически им помогает, поскольку создаёт у них ощущение значительности происходящего; к тому же эти посторонние лица претендовали только на стулья, но не на время ведущего занятия: диалог происходил только со студентами. Мне казалось, что главное чувство, которое движет Звегинцевым, — это ревность.

Пишу всё это отнюдь не с целью объяснить читателю, насколько прав был я и насколько неправ Звегинцев; более того, со временем у меня убывает ощущение собственной правоты и приходит большее

понимание позиции моего оппонента. К тому же, когда я уже сравнительно недавно показал сохранившийся у меня рапорт Звегинцева некоторым моим друзьям, ища у них сочувствия своей позиции, я требуемого сочувствия не получил. Напротив, мне было сказано, что Звегинцев как заведующий кафедрой просто обязан был принять меры к наведению порядка на занятиях. И даже слово *рапорт* не вызвало у моих друзей протеста. Пишу же я всё это для того, чтобы восстановить психологическую составляющую моего конфликта со Звегинцевым, каковая будет обсуждена в следующем параграфе.

§ 4. Психологические корни конфликта

Читателю (Владимиру Андреевичу У.)

Издатель (Владимир Андреевич З.)

4 марта 1959 г.

Такую надпись я читаю на подаренном мне Звегинцевым русском издании книги Лионелло Вентури «От Мане до Лотрека». Перевод был выпущен в 1958 году московским Издательством иностранной литературы. Звегинцев с полным правом назвал себя издателем: в названном Издательстве он возглавлял Редакцию литературы по вопросам филологии и искусства. Его деятельность на этом посту достойна уважения и благодарности.

В те годы издать подобную книгу было почти подвигом. Отношение советского официоза к импрессионистам, их непосредственным предшественникам (как Мане) и ближайшим последователям (как Тулуз-Лотрек) было крайне негативным (а о всяких там кубистах нечего и говорить). После ликвидации в 1948 году уникального московского Музея нового западного искусства (вероятно, лучшего из всех тогдашних художественных музеев СССР) на всё, что было там представлено, был навешен ярлык чуть ли не антисоветчины. Это там у них импрессионизм уже давно считался старым искусством, у нас он был всё ещё новым и запретным. Сегодня в это трудно поверить, но так было. Поэтому надо было обладать немалой смелостью и немалой настойчивостью, чтобы осуществить издание книги Вентури. Звегинцев издавал и другие хорошие книги по искусству. Вскоре, однако филология и искусство были разделены, и под управлением Звегинцева осталась только филология.

В качестве заведующего Редакцией литературы по вопросам филологии Звегинцев в 1960 году создал замечательную неперIODическую серию «Новое в лингвистике»; на книгах этой серии учились поколе-

ния советских языковедов. В. А. Звегинцев был и непосредственным составителем первых четырёх томов серии, последний из которых вышел в 1965 году. Не знаю, сколько времени Звегинцев управлял изданием этой серии, которая, начиная с восьмого тома, вышедшего в 1978 году, поменяла название и стала называться «Новое в зарубежной лингвистике»¹⁷.

Очевидны заслуги Звегинцева и в создании ОТИПЛа/ОСИПЛа; оглядываясь назад, я, не без некоторого удивления, не увидел другой реальной фигуры, которая могла бы создать это отделение в 1960 году.

Приведённая в начале параграфа дарственная надпись была сделана Звегинцевым после того его доклада в феврале или марте 1959 года, который был упомянут выше на с. 333 и сопровождала собой устно выраженную благодарность за то, что я пришёл на названный доклад и привёл с собой А. А. Маркова (и это несмотря на то, что Марков выступил там против взглядов Звегинцева). Надпись показывает, что наши отношения были вначале корректные, почти дружественные. Но со временем обстановка стала меняться. Если назвать вещи своими именами и при том коротко, то вот описание ситуации, увы, довольно стандартной: *двум медведям стало тесно в одной берлоге*. При этом Звегинцев не без основания считал берлогу своей, а меня пришельцем. Я же, с куда меньшими основаниями, полагал, что тоже имею некие права на ту же берлогу, а, главное, лучше Звегинцева знаю, как её обустроить.

Надо сказать, что сам Звегинцев немало способствовал тому, чтобы у меня появились завышенные претензии. Он держался барственно¹⁸ и лениво, не снисходя до рутины. Я же этой рутины не гнушался. Не следует забывать, что я был младше Звегинцева на двадцать лет. (Думаю, кстати, что эта разница в возрасте подпитывала то раздражение, которое я у него вызывал.)

Как ни странно, но даже к составлению учебного плана Звегинцев относился до поры до времени (пока он не решил бороться с засильем математики) как к недостойной его рутине. Иначе я не могу объяснить, почему это составление осуществлялось рабочей группой в составе А. Е. Кибрика, Б. Ю. Городецкого и меня. Я не могу вспомнить, когда это было (скорее всего — осенью 1965 года,

¹⁷ Менялось и название выпускающей серии редакции, да и название самого издательства: начиная с тома IV (1965 год) серия выпускается издательством «Прогресс».

¹⁸ В частности, Звегинцев не затруднял себя выучиванием имён и отчеств членов собственной кафедры; нормальным для него обращением было *товарищ имярек*.

когда Городецкий только что окончил ОСИПЛ и стал аспирантом Звегинцева), однако хорошо помню, как мы трое занимаемся учебным планом в подвале старого здания университета, расположенном под тем помещением, где теперь находится восстановленная университетская церковь, а тогда находился клуб МГУ (до переезда на Воробьёвы, тогда ещё Ленинские, горы в этом подвале размещалась кафедра структурной и прикладной лингвистики). До этого существовал какой-то временный и рыхлый план, который рос вместе с ростом количества наполненных студентами курсов отделения (слово «курс» означает здесь не лекционный курс, а год обучения). Тогда нами и было выработано деление учебных дисциплин ОСИПЛа на основные циклы: языкознание; русский язык; иностранные языки; математика. Именно математика виделась мне тем стержнем, на котором должно держаться обучение. В самом деле, думал я, остальным, гуманитарным, предметам и стены Филологического факультета помогают; математика же выполняет в этих стенах важную цивилизационную миссию. Уверен, что если бы отделение математической лингвистики открылось на Механико-математическом факультете (что, скорее всего, получило бы поддержку Колмогорова), я считал бы стержнем языкознание или русский язык.

Многое рождалось в моих беседах с А. А. Зализняком. В частности, мы с ним пришли к единому мнению, что и латынь, и старославянский следует преподавать как иностранные языки, то есть в синхроническом срезе, а не так, как часто преподаётся старославянский — как некий сакральный фон, сопровождающий развитие русского языка и к тому же сам диахронически превращающийся в современный церковнославянский. (Тогда же мне открылась парадоксальная дефиниция старославянского: старославянский язык есть язык древних письменных памятников, ни один из которых не дошёл в первоначальном виде до нашего времени.)

Формально моё положение было таково. В 1961 году я был доцентом кафедры математической логики Механико-математического факультета Московского университета, и в мою педагогическую нагрузку, наряду с преподаванием на Мехмате, входило также преподавание математики на Филологическом факультете. В этом не было ничего необычного: другие сотрудники Мехмата направлялись с аналогичными целями на другие факультеты. Кажется, только Физический факультет, с какого-то времени Экономический факультет и возникший лишь в 1970 году Факультет вычислительной математики и кибернетики обеспечивали преподавание математики своими силами. Впрочем, с открытием ОТИПЛа Филологический факультет обзавёлся

и собственным преподавателем математики в качестве своего постоянного сотрудника; таковым стал Юрий Александрович Шиханович [2].

Для каждого факультета, обслуживаемого Мехматом, Мехмат назначал ответственного за преподавание там математики. Мне было поручено отвечать за преподавание математики на Филфаке. В мои функции входил и подбор преподавателей. (В частности, когда наступила пора учить студентов теории вероятностей, я не доверил это себе¹⁹, а пригласил специалиста — Александра Дмитриевича Вентцеля.) Таким образом, формальный мой статус был довольно скромным. Однако ОСИПЛ, а особенно ОТИПЛ первых двух лет занимал одно из центральных мест в моей эмоциональной сфере, и это эфемерное обстоятельство каким-то трансцендентным образом привело к повышению моего неформального статуса.

Через какое-то время я обнаружил, что перед началом экзаменационной сессии учебная часть Филологического факультета обращается почему-то именно ко мне с требованием представить расписание экзаменов на ОСИПЛе — причём отнюдь не только по математике, а по всем предметам. Постепенно, без усилий с моей стороны, у учебной части сложилась привычка обращаться ко мне по разнообразным (а не только математическим) студенческим делам, связанным с ОСИПЛом, — по-видимому, просто потому, что я готов был этими делами заниматься²⁰. Декан А. Г. Соколов стал поручать именно мне проведение первой встречи с первокурсниками ОСИПЛа нового набора. Сперва всё это меня удивляло, потом перестало удивлять. Когда перестало удивлять, тут-то, надо думать, освободившееся место удивления и начало заполняться теми завышенными претензиями, которые были упомянуты выше.

Посильное участие принимал я и в решении вопросов о дополнительном зачислении на ОСИПЛ — иногда такое оказывалось возможным. Вот, например, выдержка из моего письма декану Соколову от 3 сентября 1965 года:

Многоуважаемый Алексей Георгиевич!

Разрешите мне высказать свои соображения о заполнении одного места на отделении структурной и прикладной лингвистики, оставшегося от брони национальных республик.

¹⁹ При том, что мой собственный опыт преподавания на Мехмате начался именно с теории вероятностей: ещё будучи аспирантом я, по поручению Колмогорова, вёл в течение двух семестров обязательные семинарские занятия (на Мехмате они назывались *упражнения*) именно по теории вероятностей.

²⁰ Как сказал мне когда-то мой покойный друг Роланд Львович Добрушин, *делает тот, у кого не хватает моральных сил не делать*.

<...>

...В качестве кандидатов могут быть рассмотрены следующие лица:

1. Барулин А. Н. — окончивший нахимовское училище.
2. Бугас Э. И. — участница кружков и олимпиад; медалистка (серебряная).
3. Крючкова Т. Б. — медалистка (золотая).

Все остальные (из числа поступавших) являлись бы нежелательными.

В результате был зачислен Барулин. В 1991 году он основал и возглавил кафедру и отделение теоретической и прикладной лингвистики на Факультете информатики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), а в 1992 году основал в РГГУ отдельный Факультет теоретической и прикладной лингвистики, деканом которого был с 1992 по 1999 год. Ныне Александр Николаевич Барулин — доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Филологического факультета МГУ. Что случилось с Э.И. Бугас, я не помню, а Татьяна Борисовна Крючкова поступила на ОСИПЛ лишь в следующем, 1966 году. Ныне она ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН и ответственный секретарь редколлегии журнала «Вопросы филологии»; это ей выражена благодарность на с. 509 в книге 4 настоящего издания.

Как правило, со мною согласовывались и вопросы о зачислении на ОСИПЛ вольнослушателей, то есть тех, кто не прошёл по конкурсу, но кому было разрешено посещать занятия и даже сдавать зачёты и экзамены. В 60-х годах это была принятая практика — по крайней мере на ОСИПЛе; в аудитории, где проводились занятия для студентов младших курсов, обычно присутствовало несколько таких вольнослушателей. К середине второго курса они либо становились полноправными студентами, либо рассасывались. Вольнослушатели эти по большей части числились студентами вечернего или заочного обучения, так что формально речь шла о переводе их на дневное обучение. (Для ясности укажу, что сам ОСИПЛ не имел заочных или вечерних студентов, так что речь могла идти лишь о студентах других специальностей.) Один эпизод, связанный с переводом студентов с заочного обучения на дневное, врезался мне в память.

Среди поступавших на ОСИПЛ в 1963 году, но не поступивших, а попавших на заочное отделение по специальности «русский язык и литература» и допущенных к занятиям на ОСИПЛе в качестве вольнослушателей, были Витя Живов и Лена Колибаба. Первый успешно сдавал зачёты и экзамены, имел хорошие отзывы препода-

давателей и вообще производил впечатление способного человека; тем не менее ему упорно отказывали в переводе на очное обучение. Вторая была тихой девочкой, зачёты и экзамены сдавала с трудом и к началу 3-го семестра имела хвосты по математике и по английскому за 2-й семестр; в 1-м же семестре оба названные предмета сдала не с первого раза, и то на тройку. И вот в октябре 1964 года вызывает меня к себе правящий замдекана по учебной работе Михаил Никитич Зозуля (а как мне сообщил тогдашний декан А. Г. Соколов, ему в своё время студенческий билет выдавал замдекана Зозуля) и показывает письмо на имя ректора. Письмо — на впечатляющем бланке предприятия «Почтовый ящик 89», а подписал его Герой Социалистического Труда генеральный конструктор член-корреспондент АН СССР генерал-лейтенант Г. В. Кисунько. В письме говорилось, что полковник Колибаба ведёт чрезвычайно ответственную работу, очень важную для нашего государства, и потому его дочь Елену Ивановну Колибаба, успешно сдавшую все экзамены за 1-й курс ОСИПЛА и показавшую хорошие знания по всем предметам, надлежит перевести на дневное обучение, а именно на ОСИПЛ, о чём подписавший письмо и просит ректора. Письмо поступило на Факультет с достаточно нейтральной резолюцией ректора Петровского, что-нибудь вроде «На заключение». А Факультет в лице Зозули передал его на заключение мне. Я понял, что это мой единственный шанс спасти Живова. Придя домой, я вложил письмо в пишущую машинку и 31 октября 1964 года напечатал на обороте письма своё мнение (а на лицевой стороне сослался на этот оборот, чтобы текст на обороте никак не мог остаться незамеченным). Мнение же, которое я напечатал, состояло в том, что Колибаба зачислять не надо, поскольку данная ей в письме характеристика не соответствует действительности, а надо зачислить Живова. Таким образом, это моё мнение оказалось как бы освящённым резолюцией ректора, грозным бланком и торжественными титулами автора письма. Когда через пару дней я вернул письмо Зозуле, он — надо отдать ему должное — как опытейший бюрократ сразу всё понял. Взглянув на письмо, осквернённое моей машинописной надписью, он произнёс только одну фразу: «Ах, Вы даже т а к решили поступить». Ему сразу стало ясно, что деваться некуда и что Живов может считать себя студентом. И действительно, приказ о зачислении Живова вскоре последовал. Объяснение, полагаю, просто. Все (и всех) предыдущие просьбы о Живове гасились на уровне Факультета. Бумага же с моей резолюцией — не в силу весомости этой резолюции, а в силу весомости бумаги — была рассмотрена на

высшем уровне. Ныне Виктор Маркович Живов — важное лицо: он профессор университетов в Москве и в Беркли, член редколлегии журнала «Вопросы языкознания», заместитель директора Института русского языка Российской академии наук.

Конечно, согласование со мною различных аспектов осипловской жизни происходило не от любви деканата ко мне. Скорее от страха — не передо мной, а за успеваемость. Дело в том, что математика на Филологическом факультете была едва ли не единственным абсолютно «несгибаемым» предметом: не выучив, сдать её было невозможно ни с какого захода. Неспособных приходилось либо переводить на другие отделения, либо вообще отчислять. Ни то, ни другое деканату не нравилось. Почтительность (хотя и не слишком дружелюбная), проявляемая деканатом по отношению к математике выражалась, в частности, в том, что студентов ОСИПЛа, единственных из всех студентов Филфака (а, может, и всего МГУ), не посылали на картошку.

Постараюсь взглянуть на сложившуюся ситуацию глазами Звегинцева: математики стало слишком много, она тихой сапой сделалась едва ли не главным предметом — и даже если не главным, то уж во всяком случае создающим наибольшие проблемы. Именно из-за математики процент успеваемости на отделении был самым низким, а процент отсева самым высоким на Факультете. А тут ещё и сами математики как-то распоясались. Всё это не могло не вызвать раздражения и желания изменить ситуацию. С моей же точки зрения, специальностью Звегинцева была философия языкознания и его история, непосредственно же к прикладной и даже к структурной лингвистике он имел слабое отношение. Теперешние мои взгляды уже не столь резки, но не могу не отметить, что Звегинцев уклонялся от сотрудничества с многими из тех немногих московских лингвистов, кто реально работал в те годы в структурной и в прикладной лингвистике. Вместе с тем некоторые из тех лиц, которыми он окружил себя на кафедре, вызывали, мягко говоря, недоумение.

И тут, для контраста, уместно вспомнить эпизод, демонстрирующий наличие у Звегинцева определённого величия. В разгар конфликта я попросил у него приватной, без свидетелей, аудиенции и тут же таковую получил. Мы уединились. Я напрямую объявил ему, что не могу понять, как он может терпеть рядом с собой в качестве доверенной сотрудницы некую М. В ответ Звегинцев перечислил мне ряд малоприятных, но совершенно необходимых дел, которыми кто-то на кафедре должен заниматься. «Вот Вы, — спросил меня Звегинцев, — были бы готовы всё это делать?». Я честно

отвечал, что не готов. «Вот видите, — сказал Звегинцев, — а она готова и делает». Я удалился посрамлённым. В этой готовности и способности стать выше конфликта и встретиться для откровенного неформального разговора проявилось определённое величие Звегинцева. По крайней мере одно такое проявления я наблюдал и раньше. На рубеже 1958 и 1959 годов, когда Вячеслава Всеволодовича Ив́анова²¹ уволили из Университета за открытую поддержку Пастернака, только что получившего Нобелевскую премию, и «антисоветчика и невозвращенца» Романа Якобсона, я поехал к Звегинцеву на дом и попросил его рассказать подробности. Он был членом той комиссии, которая была создана на Факультете по «делу Ив́анова» и единогласно рекомендовала увольнение. Звегинцев рассказал мне о ходе дела довольно подробно, не затушёвывая и не приукрашая своей роли.

В моём психологическом неприятии Звегинцева наибольшую, пожалуй, роль сыграл один разговор между мной и Сашей Раскиной, тогда студенткой ОСИПЛа; разговор этот предположительно имел место осенью 1964 года. Ввиду важности для меня этого разговора я решил подкрепить собственную память памятью Саши. Поэтому 12 декабря 2001 года я обратился к Саше с просьбой вспомнить указанный разговор; она ответила мне немедленно:

Dear V. A.!

Вот что я помню по этому поводу. На каком курсе — не помню, мы (как минимум Оля, Боря и я, а как максимум все пятеро²²) обратились к Звегинцеву с просьбой, чтобы Зализняк — не помню в точности, что: или читал у нас больше курсов, или он тогда вёл только какой-то семинар, что-то необязательное (и, может, даже не на нашем курсе), а мы хотели, чтоб он был, что называется, *regular staff*; в общем, мы хотели «больше Зализняка». На что Звегинцев сказал примерно следующее: «Да бросьте вы: что вам дался этот Зализняк?! МИЛЫЙ МАЛЬЧИК (вот это — 100%! — А. Р.), я не спорю, но не более». Когда я Вам это рассказала, Вы этого «милого мальчика» повторили с таким выражением голоса и

²¹ Никто другой после начала травли Пастернака открыто не высказался против этой травли.

²² «Все пятеро» — это те из студентов ОСИПЛа первого набора (1960 год), которые удержались на этом отделении и составили выпуск 1965 года; вот их имена: Ольга Крутикова (ныне Кривнова), Борис Городецкий, Александра Раскина, Ольга Шуметова, Евгений Лобов. «Оля, Боря и я» — это Крутикова, Городецкий и Раскина. — В. У.

лица, что в Верочкином детективе²³ Вы бы своего тёзку и убили. Но что я ещё помню — что потом²⁴ <...> Вы мне сказали: <...> что Вы твёрдо решили, что Зализняк должен сразу докторскую защищать, в тот момент, когда слышали про «милого мальчика». А Вы это помните?

<...>

Далее между нами произошёл следующий обмен сообщениями. Я — Саше Раскиной:

12.12.01 21:27:13

Дорогая Саша!

<...>

Вы упоминаете два наших разговора, разделённых защитой Зализняка²⁵. Из них я помню только первый, и то неточно. А именно, я помню общий смысл ответа Звегинцева, но не буквально. Более того, в изданной Ширяевым книге «Колмогоров в воспоминаниях» я на с. 354²⁶ привожу эпизод с обращением студентов (без называния их по имени) к Звегинцеву и ответ Звегинцева в следующей форме: «Зализняк — это несерьёзно». Таким образом, слов «Милый мальчик» — не помню.

Саша Раскина — мне:

Насчёт Звегинцевского «несерьёзно» — похоже, но в точности не помню; но «милый мальчик» — на 100%.

Саша Раскина вспоминает о моей реакции на пересказанные мне ею слова Звегинцева. И действительно, эти слова причинили мне боль, и я остро ощутил нравственный императив — свою обязанность

²³ Под «Верочкиным детективом» подразумевается эвентуальный детективный роман, написанный моей снохой Верой Михайловной Белоусовой. Московские издательства выпустили в свет уже три её детектива. Я нахожу их интересными и потому позволю себе рекомендовать их читателю, особенно роман «По субботам не стреляю» — несмотря на неудачное, на мой взгляд, название (я предпочёл бы «Меня обвиняют в убийстве») и неквалифицированное вмешательство в текст издательского редактора. — В. У.

²⁴ Через несколько месяцев, летом или осенью 1965 года. — В. У.

²⁵ Имеется в виду состоявшаяся 26 мая 1965 года защита А. А. Зализняком диссертации, представленной им на соискание учёной степени кандидата филологических наук, но признанной диссертационным советом достойной докторской степени. Степень доктора филологических наук была присуждена Зализняку решением Высшей аттестационной комиссии от 19 июня 1965 года.

²⁶ См. кингу 1 настоящего издания. — *Примеч. ред.*

устранить препятствия, мешающие встрече в аудитории Зализняка с желающими обучаться у него студентами. Уже тогда мне было ясно, что дистанция между научным и педагогическим уровнем Звегинцева (профессора, доктора наук, заведующего кафедрой) и научным и педагогическим уровнем Зализняка (на тот момент — младшего научного сотрудника без учёной степени) огромна, но только если говорить о направлении этой дистанции, то она совсем не в ту сторону, как это думалось Звегинцеву. Сегодня я могу сравнить уровень Зализняка в лингвистике только с уровнем Колмогорова в математике. А что касается слов «Зализняк — это несерьёзно», то уже после переписки с Сашей Раскиной я нашёл в своих записях 60-х годов подтверждение тому, что именно эти слова были произнесены Звегинцевым (точнее, были пересказаны в качестве Звегинцевских Сашей во время нашего давнего с нею разговора).

§ 5. Весна тревоги нашей

Поначалу, как я уже отмечал, моя деятельность на ОСИПЛе шла в контакте со Звегинцевым. Но это продолжалось недолго. Вскоре началась борьба. Борьба шла по трём направлениям.

Во-первых, как ни странно, велась борьба за лингвистику, а именно, за наполнение лингвистического цикла разумными, с моей точки зрения, дисциплинами. Мне казалось, что упор должен делаться не на такие выдвигаемые Звегинцевым на первый план курсы историко-методологического жанра, как «история языкознания» или «теория языкознания» (не «теория языка», а именно «теория языкознания»), а на структурное (читай: разумное) описание конкретных языковых явлений.

Как известно, слово «язык» — в языковедческом, а не анатомическом его смысле — имеет два значения, общее и частное. Лучше сказать, что имеются два разных понятия, обозначаемые этим словом; чтобы не запутаться, будем первое из них писать с прописной буквы. Понятие 'Язык' означает язык вообще как используемый человечеством класс знаковых систем. В этом смысле можно сказать, что у человека есть Язык, а, скажем, у растений его нет. Понятие 'язык' имеется в виду, когда говорят о русском, китайском, английском или ином конкретном языке. Сообразно этим двум понятиям имеются и две лингвистики — общая и частная. Общая занимается Языком и тем общим, что есть у различных языков. Частная занимается отдельными языками в их конкретности. (Мне скажут, что есть много частных лингвистик: русистика, китаистика,

англистика и т. д. Но я предпочитаю трактовать все эти истики как репрезентации некоей идеальной частной лингвистики.) Одним из корней моих разногласий со Звегинцевым была — как это часто случается — различная расстановка приоритетов: для него на первом месте находилась общая лингвистика, для меня — частная. С точки же зрения Звегинцева я вообще не имел право иметь мнение по этому вопросу, а то, что я его всё же имел, не могло Звегинцева не раздражать (и его можно понять). Создавались какие-то комиссии для уточнения перечня лингвистических дисциплин, которые ни к чему, кроме дальнейшей порчи отношений, не приводили.

Во-вторых, велась борьба за математику — против намерения Звегинцева уменьшить её объём. Это намерение реализовалось в предложениях изменить учебный план, а также в попытках изменить его явочным порядком. То, что я назвал «явочным порядком», заключалось в следующем. Для того, чтобы проводить занятия, нужно, чтобы оно фигурировало в расписании. Расписание составляет специальный сотрудник факультета, называемый диспетчером. Диспетчеру Филологического факультета Анне Владимировне Андриевской перед началом каждого семестра от кафедры структурной и прикладной лингвистики поступала соответствующая заявка. И каждый раз количество занятий по математике указывалось меньше, чем это было предусмотрено учебным планом. Каждый раз я это обнаруживал и пресекал, но каждый раз это стоило мне больших нервов.

Наконец, в-третьих, велась борьба против дискредитации (как преподавателя) и увольнения Ю. А. Шихановича. Первую попытку уволить Шихановича мне удалось предотвратить путём обращения к Петровскому [3]. Ю. А. Шиханович «был в 1968 году уволен в одну из первых волн борьбы с „подписантами“ (Ю. А. Шиханович участвовал в письме в защиту А. С. Есенина-Вольпина). <...> Ректор И. Г. Петровский лично был против увольнения Ю. А. Шихановича, но под давлением решения Учёного совета Филфака вынужден был приказ подписать» ([ФФМУ 2001], с. 358).

Готовя этот текст, я достал с антресолей толстую папку, наполненную бумагами, относящимися к моей осипловской деятельности в 60-х годах. Перебирая эти бумаги, я в очередной раз ужаснулся глубине взаимонепонимания, имевшего место между мною и моим двойным тезкой. Сколько времени и сколько нервов было потрачено мною (а может быть, и им) из-за этого непонимания! В июне 1965 года на Учёном совете Филологического факультета происходило обсуждение учебного плана ОСИПЛа. А я как раз в это время должен был быть в новосибирском академгородке — причём

по делам, имеющим касательство к лингвистике. А именно, я должен был оппонировать Алексею Всеволодовичу Гладкому, защищавшему в Институте математики Сибирского отделения Академии наук диссертацию «Исследования по теории порождающих грамматик» — первую в нашей стране докторскую диссертацию по математической лингвистике, понимаемой как раздел математики **14**. Поэтому я написал в Учёный совет письмо. Привожу, с купюрами, это письмо, потому что оно даёт представление и о сущности имевшихся разногласий, и о той обстановке холодной войны, которая сопровождала эти разногласия:

В Учёный совет Филологического факультета МГУ

Глубокоуважаемые коллеги!

Неотложная командировка лишает меня возможности быть 11 июня на заседании Учёного совета с целью доложить вам о тех решительных возражениях, которые вызывает у меня представленный на ваше суждение учебный план специальности «структурная и прикладная лингвистика». Поэтому я позволю себе сообщить свои возражения в виде настоящего письма. Я буду говорить только о математике, хотя и языковедческая часть плана порождает ряд недоумений. Вот эти возражения:

1. Прежде всего представляется совершенно недопустимым снижение общего объёма математики. В самом первом варианте учебного плана, составленном при образовании отделения прикладной лингвистики²⁷, объём математики был установлен в 1030 часов. Во втором варианте, представленном Учёному совету 21 февраля 1964 года, математика была сокращена до 852 часов; уже это резкое сокращение вызвало сильные возражения (и не только мои); план, как известно, не был утверждён. В представленном сейчас, третьем варианте объём математических дисциплин сокращён ещё на 64 часа.

Мне представляется бесспорным, что названное отделение должно готовить лингвистов (именно лингвистов, а не математиков), но с хорошей математической подготовкой — такой, которое обеспечивало бы выпускникам этого отделения известную независимость от математиков²⁸ и способность по-настоящему

²⁷ Внимательный читатель заметит, что в этом письме слово *структурная* присутствует в названии специальности и в названии кафедры, но отсутствует в названии отделения. Почему это происходит, объяснить не берусь. — В. У.

²⁸ Независимость от математиков — очень важная цель! — В. У.

разбираться в современной литературе. Отделение прикладной лингвистики без должной постановки математических предметов было бы бесполезным и даже вредным (поскольку приводило бы лишь к обману студентов и научной общественности). Я не думаю, что Филологический факультет МГУ согласится с тем, чтобы его отделение прикладной лингвистики давало худшую подготовку, чем подобные же отделения в Ленинградском и Новосибирском университетах.

<...>

3. Произвольность и непродуманность, с которой составлен проект плана, видна на следующем примере. Математики просят, чтобы зачёт по математике был в каждом семестре. В предлагаемом варианте математикам отказано в этой просьбе в применении к 5-му, 7-му и 9-му семестрам. Может быть, эти семестры перегружены зачётами? Нет, в 5-м семестре предусмотрено три зачёта, в 7-м — два, в 9-м — один. То же относится и к экзаменам.

4. Меня весьма удивляет та процедура, посредством которой кафедра структурной и прикладной лингвистики вносит изменения в учебный план. При том, что мне поручено отвечать за преподавание математики на Филологическом факультете, изменения в учебном плане (хотя бы в его математической части) не только со мной не согласованы, но я даже не был о них уведомлён — несмотря на моё письменное обращение 22 октября 1964 года к заведующему кафедрой проф. В.А. Звегинцеву с просьбой согласовывать со мной изменения в математической части учебного плана или, по крайней мере, уведомлять меня о них.

5. Меня весьма удивляет также, что кафедра структурной и прикладной лингвистики не только не является посредником между математиками и Филологическим факультетом, не только не является пропагандистом математических методов в языковедении, но вынуждает математиков апеллировать к учёным Филологического факультета (как лингвистам, так и литературоведам), стоящим гораздо дальше от математики, чем должна была бы стоять кафедра структурной и прикладной лингвистики.

<...>

С уважением

доктор физико-математических наук В. Успенский,
ответственный за преподавание математики
на Филологическом факультете МГУ

9 июня 1965 г.

Подействовало это письмо или нет, но только учебный план не был принят, а был возвращён для доработки. В конце июня декан А. Г. Соколов провёл заседание Президиума Учёного совета, на котором новый план был принят с некоторыми поправками, относящимися к первому курсу. В частности, число еженедельных часов на математику было увеличено с заявленных в проекте четырёх до шести. Разумеется, это не могло понравиться Звегинцеву. Новый план был введён в действие с 1 сентября 1965 года, причём в 1965/66 учебном году по нему обучался только первый курс — остальные курсы, как и положено, обучались по старому плану.

Взрыв произошёл весной 1967 года. К этому времени объём математики на ОСИПЛе стабилизировался на уровне 856 часов. В марте 1967 года по инициативе А. Е. Кибрика, рабочая группа в составе самого А. Е. Кибрика, Б. Ю. Городецкого, В. В. Раскина и меня составила, при консультации А. Д. Вентцеля, проект нового учебного плана. Надо сказать, что с молодыми сотрудниками кафедры — Кибриком, Городецким, Раскиным, — у меня практически не было разногласий, и мы легко приходили к общему мнению. Но окончательное слово, разумеется, оставалось не за ними, а за Звегинцевым.

Составленный проект учебного плана был окончательно отредактирован мною, и его повезли Звегинцеву. Звегинцев сократил математику с 856 часов до 752. Последнюю цифру он ультимативно объявил мне в начале апреля на заседании своей кафедры, на какое-то я был специально приглашён; от какого бы то ни было обсуждения Звегинцев уклонился. А я считал, что меня пригласили для обсуждения. Мне бы смириться и проглотить обиду, и всё дальнейшее пошло бы по-иному — но я, увы, не смирился, не проглотил, а разозлился.

7 апреля на Учёном совете Филологического факультета Звегинцев изложил свой проект учебного плана — точнее, не сам план, а его принципы, одним из которых было уменьшение объёма математики. Проект Звегинцева вызвал у членов Совета ряд возражений, из которых самым энергичным было моё ¹³. Вообще, я говорил очень резко, что, возможно, было с моей стороны ошибкой. В частности, я упрекнул Звегинцева в искажении фактов (он называл неверные цифры действующего плана, а также ссылался на решение Учёного совета относительно математики, какового решения на самом деле не было). Я также имел неосторожность сказать то, чего говорить совершенно не следовало (хотя это и было верно), что разногласия происходят не между кафедрой и математиками, как о том заявляет Звегинцев, а между Звегинцевым и математиками. В итоге проект

Звегинцева не был принят, и ему было предложено представить новый, окончательный вариант учебного плана. Тут уже, надо полагать, разозлился Звегинцев. (В излагаемом сюжете вообще очень много эмоций.)

В апреле работа над планом группы Городецкого—Кибрика—Раскина—Успенского продолжалась. На этот раз в качестве консультанта был привлечён А. А. Зализняк (как уже отмечалось в предыдущем параграфе, и до того многие решения явились следствием моего с ним общения). У меня сохранился разграфлённый листок бумаги, где 9 строк означают первые 9 семестров, а 10 столбцов соответствуют 10 группам, в которые объединяются предполагаемые учебные дисциплины; некоторые из групп состоят всего из одной дисциплины. Эти группы было бы уместно называть «малыми» циклами, чтобы отличать от четырёх «больших» циклов, упомянутых в предыдущем параграфе. Наименования малых циклов надписаны рукой Зализняка. В клетках таблицы стоят, вписанные уже чьей-то другой рукой, наименования дисциплин и количества часов в неделю. Все эти наименования представляют некоторый исторический интерес, поэтому я их сейчас приведу. Итак, вот наименования десяти малых циклов, по которым классифицировались в таблице учебные предметы (наименования этих предметов, коль скоро они присутствовали в таблице, даются в круглых скобках; слова в квадратных скобках добавлены для ясности):

основное языкознание (введение; фонетика и фонология; морфология; синтаксис; семантика);

параллельное языкознание (типология; история языкознания; теория языкознания);

методы (сравнительный метод; автоматическая обработка [текста]; математические методы);

русский язык (русская синхрония; русская диахрония);

латынь;

старославянский;

1-й [иностранн^{ый}] язык;

2-й [иностранн^{ый}] язык;

математика;

спецкурсы.

Новое обсуждение учебного плана ОСИПЛа на Совете Факультета было назначено на пятницу 26 мая 1967 года. Звегинцев решил проучить наглеца (меня) и представил план, в котором число часов по математике было уменьшено с им же предложенных 752 до 684;

я усмотрел в этом (и усматриваю сейчас) нарочитое оскорбление и акт агрессии. В остальном план Звегинцева почти совпадал с тем первоначальным планом, который (в моей редакции) был представлен ему в марте. Единственное расхождение — помимо, разумеется, математики — состояло в том, что в плане Звегинцева история русского языка и старославянский объединялись в один предмет (такое объединение я считал и считаю неправильным; в этом частном вопросе отражалось существенное различие наших идеологий). Мною были составлены поправки к Звегинцевскому проекту, увеличившие объём математики до 784 часов — так что от 856 часов я уже отступил. Свои поправки я наивно размножил по числу 38 членов Совета (а ведь ксероксов тогда ещё не было, и всё это я печатал на пишущей машинке в несколько закладок). Наивность же моя состояла в предположении, что члены Совета будут этими поправками интересоваться. Из лиц, связанных с ОСИПЛОм, в состав Совета входили В. А. Звегинцев, П. С. Кузнецов и я.

В кратком разговоре я сообщил декану Филологического факультета А. Г. Соколову, что не могу согласиться с учебным планом в версии Звегинцева. В ответ Соколов назначил мне аудиенцию на 14 часов 26 мая, то есть за час до заседания Совета.

К этому времени я уже сильно устал от борьбы за совершенно правое, как мне тогда казалось (да и сейчас кажется), дело. И я принял драматическое решение: если мои поправки не будут приняты, я прекращаю свою деятельность на Филологическом факультете. Решение далось мне не сразу и непросто: ведь так много времени, усилий и эмоций было вложено в этот Факультет, пожалуй, даже больше, чем в родной Механико-математический (а если говорить об эмоциях, то уж точно больше). С другой стороны, было очевидно, что моё отступление не может продолжаться вечно, и следует обозначить последний рубеж, далее которого отступать и уступать уже невозможно. Таким последним рубежом я назначил свой вариант учебного плана. Несколько дней я пребывал в мучительных колебаниях. Из них меня вывела моя жена Светлана. Все последние годы она была свидетельницей моих страданий, которые на её глазах только возрастали с течением времени. Мою эмоциональную реакцию на происходящее она считала неадекватной, но не была в силах эту реакцию изменить. Поэтому она хотела устранить причину реакции. Она решительно поддержала идею моего ухода с Филологического факультета в случае отклонений моих предложений. Весь день 25 мая и ночь на 26-е мы обсуждали с ней, что надлежит сказать декану Соколову в 14 часов 28 мая. В результате появился

написанный Светланиной рукой текст, содержащий шесть пунктов. Этот текст сейчас перед мной. Вот он:

1. После разговора с Вами готовился весь день и всю ночь и продумал всё доскональнейше.

2. Трачу время и силы со дня создания отделения, как никто (вступительные экзамены, олимпиады, чтение курсов, подбор преподавателей etc.).

3. Всё время приходится преодолевать огромное сопротивление и вести борьбу.

4. А между тем я: 1) профессор кафедры матлогики и читаю там курсы, 2) зав. сектором в ак[адемическом] институте, 3) пишу статьи — нагрузка огромная, но на Филфак уходит времени и душевных сил больше, чем на что-либо.

5. Если работать в таких условиях, то зачем мне это?

6. Если тот учебный план, который мною тщательно продуман и уже копромиссен, принят не будет, я решил устранился от Филфака, несмотря на все душевные муки, с этим связанные (отказ, как от своего дитя).

В четырнадцать часов 26 мая декан Соколов меня принять не смог: он был занят и принял меня лишь в четырнадцать сорок. Уже одно это оказало на меня деморализующее воздействие. Наш разговор состоялся не за час, как планировалось, а лишь за двадцать минут до заседания Совета, и потому был скомкан. К тому же я провёл бессонную ночь. (Не берусь гадать, как развивались бы события, прими меня Соколов вовремя и будь я бодр.) Но я всё же довёл до его сведения, что уйду, если мои поправки не будут приняты. (Думаю, любой декан слышит много подобных заявлений; к тому же то, что для меня было на тот момент главным делом жизни, было для него всего лишь одним из многих пунктов повестки дня.) Соколов сказал, что сам доложит Совету факультета о моих поправках. Я ему поверил — как оказалось, зря.

На заседании Совета 26 мая вопрос об учебном плане ОСИПЛа стоял последним²⁹. Все устали. Абсолютному большинству (в частности, всем литературоведам) вопрос глубоко неинтересен. Звегинцев излагает свой план. Я жду, что скажет декан. А декан предлагает принять этот план.

²⁹ Вот полный текст повестки дня этого заседания:

1. Конкурсные дела.

2. Об идейно-воспитательном значении лекционного курса и семинарских занятий по научному коммунизму.

3. Утверждение учебного плана отделения структурной и прикладной лингвистики.

Свою поддержку на заседании Учёного совета обещал мне Себастьян Константинович Шаумян, который к этому времени состоял на кафедре структурной и прикладной лингвистики профессором по совместительству. Шаумян действительно пришёл на заседание и выступил на нём — но только в пользу не увеличения и даже не сохранения объёма математики, а уменьшения этого объёма. Как благородный человек, он счёл нужным со мной после этого объясниться. Как честный человек, он не отрицал, что обещал мне сказать прямо обратное тому, что им было заявлено на заседании Совета, но объяснил своё поведение тем, что всякий человек имеет право передумать. Он сообщил мне также, что хотел меня предупредить, что передумал, но не осуществил этого своего намерения лишь потому, что не смог до меня дозвониться. Самой же замечательной оказалась причина, по которой он не смог предупредить меня непосредственно перед началом заседания: в зале было слишком много стульев, которые помешали ему подойти ко мне. (Впрочем, я должен быть благодарен Шаумяну за то, что он раз и навсегда отучил меня подписывать коллективные письма: см. примечание 61 на с. 380—381.)

Я выступил с предложением принять план за основу, но учесть мои поправки (которые я, разумеется, не стал детально излагать). Я говорил не столь резко, как на заседании 7 апреля. За это впоследствии меня упрекнул и Шаумян, и декан — по их мнению, а точнее, по их высказанным мне словам, если бы я говорил более резко, последующие события разворачивались бы в большем соответствии с моими пожеланиями.

В результате всего этого обсуждения план был принят за основу и была создана комиссия для его доработки, состоящая из меня, Шаумяна и Отряшенкова ¹⁶. Комиссия собралась у меня на дому, но ни к чему не пришла. Моя попытка мягкого обращения к Звегинцеву тоже ни к чему не привела.

И я сообщил декану А. Г. Соколову, что мой уход с его Факультета состоялся.

§ 6. Нафнианская осень 1967 года

Осенний семестр 1967 года я вспоминаю как кошмар. У меня не хватает литературной силы, чтобы описать мои переживания. Сами события могут показаться читателю мелкими и незначительными, каковыми они скорее всего и были. Но ведь я говорю здесь не о

самих событиях, а о том, как они отражались в моей психике. Если же излагать объективные события, то, чтобы изложение получилось увлекательным, нужен талант автора «Иванькиады» — эпоса, описывающего баталии на бюрократическом поле боя. Если излагать субъективное переживание этих событий одним из участников, затянутых в их омут, а именно мною, то нужен гений автора «Процесса». Но у меня нет ни таланта Войновича, ни тем более гения Кафки. Придётся поэтому описать всё и суше, и короче, чем хотелось бы.

Итак, весной 1967 года произошёл мой разрыв с Филологическим факультетом, о чём я и объявил его декану А. Г. Соколову. В начале сентября мне стало известно, что Соколов неоднократно публично выражал свою на меня обиду. Я посетил его и получил заверения в неимении личных претензий. Были некоторые недоразумения, связанные с началом учебного года. Например, преподавателей с Мехмата, назначенных мною, сперва прогнали с Филфака, заявив, что их нет в расписании, а затем их же обвинили в срыве занятий — но это не выходило за рамки обычной манеры поведения советского чиновничества. Возможно — и это было уже более крупной неприятностью, — что некоторые из занятий по математике оказались не обеспеченными преподавателями. Но всё это меня уже не касалось. Прошедшее лето способствовало тому, что я начал постепенно приходить в себя и переставать удивляться отсутствию в моей жизни осипловских забот, заполнявших ранее значительную её часть. Связанные с ОСИПЛом многочисленные бумаги: бессчётные варианты учебных планов, копии моих утерявших теперь значение (а на самом деле никогда его и не имевших) писем Соколову, Звегинцеву и Учёному совету, различные намётки и наброски и т. д. — всё это было уложено в очень толстую, с клапанами и завязочками по торцам, папку и отправлено на антресоли. (Именно эту заслуженную папку я упомянул в предыдущем параграфе.) Короче, я был готов к новой жизни.

Как вдруг в последней декаде сентября я получаю сообщение, что ректор Петровский велит мне ему позвонить. В субботу 23 сентября я дозваниваюсь до него в перерыве внутри лекции Зализняка³⁰. «Забастовки запрещены», — говорит мне Петровский. «Дело не только в количестве часов, — отвечаю я ему. — Это большой разговор. Но нужен ли он?». — «Нужен. Приезжайте немедленно», — приказыва-

³⁰ Это теперь лекция на Филологическом факультете занимает 80 минут без перерыва; ●● с какого-то времени уже не 80, а 90 ◀●●. Тогда, в старом здании на Моховой, занятие делилось на две части по 45 минут каждая с перерывом между ними — так, как ещё и сейчас на Мехмате. Уже не помню, о чём были эти лекции Зализняка, которые я тогда посещал; возможно, о древнеиндийском языке.

вает Петровский. Не дослушав лекции, я мчусь с Моховой улицы³¹ домой (к метро «Аэропорт», на Красноармейскую улицу) на такси, извлекаю папку из антресолей, а из неё — необходимые материалы и на том же такси, которое меня ждало, мчусь на Ленинские горы. Это была первая в цепи многочисленных ошибок, совершённых мною той осенью: надо было сразу ехать на Ленинские горы, хотя бы и без нужных бумаг. Потому что когда я вбежал в приёмную ректора, мне оставалось только отметить у его помощника Нины Иосифовны Прихóдько — самого Петровского в его кабинете уже не было: он уехал на встречу с приехавшим в Москву премьером Турции Сулейманом Демирелем. Но папка уже была открыта — как ящик Пандоры. 17

4 октября я был снова вызван к Петровскому. Явившись в его кабинет в назначенный час, я встретил там Звегинцева. Произошла тройственная беседа, во время которой Звегинцев заявил, что уйдёт с заведования кафедрой, если объём математики будет увеличен по сравнению с его планом. (Думаю, что на его месте я заявил бы то же самое.) Тем не менее Петровский звонит декану и даёт указание прибавить к Звегинцевскому плану 90 часов математики (что на целых 4 часа больше компромиссной половины от разности между 856 и 684 часами). Звегинцев просит Петровского выдать хоть какие-нибудь указания в письменной форме, но Петровский отказывается. На мой взгляд, это желание моего оппонента Звегинцева было совершенно справедливым, а любимый мною Петровский повёл себя в данном случае, как инструктор ЦК КПСС: из ЦК КПСС, как известно, указания поступали в большинстве случаев в виде не оставляющих следов телефонных звонков. Мне следовало бы тогда обратить внимание на эту деталь, дающую ключ к последующему вязкому ходу событий. Но я не обратил, а точнее было бы сказать — не пожелал обратить. Подсознательно я уцепился за предоставившуюся мне, как мне тогда ошибочно казалось, возможность вернуться на Филологический факультет. Поведение человека, откуда-то, от чего-то или от кого-то ушедшего (неважно, вытолкнутого или вырвавшегося) и обратно туда же засасываемого, представляет собой довольно стандартную тему художественной литературы; в литературе то, что покидает герой, чаще всего бывает объятиями любимой женщины, опостылевшей жены или приворожившей героя ведьмы. Во всех случаях поведение это достаточно однообразно и заслуживает иногда жалости, а иногда и презрения. Моё поведение, начиная с

³¹ Ведь Филологический факультет переедет на Ленинские (ныне Воробьёвы) горы только через три года, в 1970 году.

23 сентября, не выделялось из общего поведенческого ряда. И когда 4 октября Звегинцев покинул кабинет Петровского, я в нём остался (чего, возможно, не следовало делать — хотя бы из этических, по отношению к Звегинцеву, соображений). Более того, я не удержался и продемонстрировал Петровскому приведённый выше в § 3 рапорт Звегинцева от 29.IX.65, каковой я захватил с собою в числе других бумаг, извлечённых из антресольной папки Пандоры. Мне показалось, что реакция Петровского на этот рапорт была близка к моей. Во всяком случае, он стал хвататься за телефонную трубку (по-видимому, чтобы звонить декану Соколову), но я его удержал. Удержал потому, что не хотел быть мелким кляузником, — а честнее было бы сказать, что не хотел выглядеть таковым, потому что не быть им я уже не мог: как только я показал Петровскому Звегинцевский рапорт, я уже сделался тем самым кляузником. Но главное — я не без оснований опасался, что, позвонив, Петровский выпустит пар и его звонком всё и ограничится. В конце концов, присутствие или отсутствие посторонних на занятиях по математике было важно не само по себе, а потому, что вопрос этот был той лакмусовой бумажкой, которая наглядно регистрировала принципиальное различие в подходах к тому, как должно функционировать отделение структурной и прикладной лингвистики.

Я попытался — но, надо сказать, чрезвычайно неудачно — разъяснить Петровскому общую обстановку на кафедре и отделении, то есть опять-таки осуществить некую стандартную литературную функцию: «раскрыть начальству глаза» или «сказать царю горькую правду». А закончил я тем, что предложил Петровскому назначить заведующим кафедрой Николая Ивановича Жинкина ¹³ или Юрия Дерениковича Апресяна. (Со стороны Петровского был достаточно ясный намёк на возможность смены руководства кафедры.)

Своим разговором с Петровским я остался весьма неудовлетворён. Рана только разбередилась, а лечения не последовало. На самом деле надо было ограничиться тем, что довести до сведения Петровского ровно одну простую идею: наша со Звегинцевым психологическая несовместимость настолько велика, что никакая сколько-нибудь разумная форма совместной работы невозможна. Но это я понял позже. А тогда мною овладело следующее дурацкое (но достаточно стандартное) чувство: я виноват лишь в том, что плохо объяснил Петровскому ситуацию, а если ему всё правильно объяснить, то он примет правильные решения, и всё будет хорошо. (Здесь — сочетание двух психопатологических синдромов: синдрома «доброго царя» и ещё одного, которому затрудняюсь дать имя. Этот второй,

довольно распространённый синдром заключается в убеждении, что все беды проистекают от плохого объяснения и что если только правильно объяснить, то все всё правильно поймут, умилённо прослезятся и немедленно начнут правильно поступать [9.] Несколько раз я пытался зайти к Петровскому, но его не заставал. В пятницу 20 октября, не застав его в очередной раз, я прямо в приёмной написал и оставил ему письмо следующего содержания:

Глубокоуважаемый Иван Георгиевич,

я глубоко взволнован нашим разговором 4 октября. Я несколько раз заходил к Вам, но Вы были заняты (то на сессии Верховного совета, а сегодня встречей Куранта³²). Прошу Вас вызвать меня.

С глубоким уважением В. Успенский

На этот раз я решил более тщательно подготовиться к предстоящему разговору и потому на вырванном листке из тетради в косую линейку напечатал на машинке то, что я должен сказать Петровскому. Этот листок я сейчас извлёк всё из той же антресольной папки (которая 23 сентября 1967 года оказалась папкой Пандоры). Он так и озаглавлен: «Что я должен сказать И. Г. Петровскому». Разумеется, листок заключал в себе не текст, который я должен был зачитать Петровскому буквально, а — как и в случае аналогичного листа бумаги, подготовленного Светланой для моего весеннего разговора с А. Г. Соколовым (см. предыдущий параграф) — список основных тезисов. Перечитывая сейчас эти тезисы, я вижу, что они довольно чётко делятся на две части.

Первая часть не содержит ничего, кроме эмоций (впрочем, вполне искренних), и потому довольно бессмысленна. В ней я сообщаю, что «взволнован потому, что уже мысленно расстался навсегда (хотя вложил в это лучшие годы и душу). Расставание было болезненным, но я его уже пережил». Далее я перечисляю, в жанре ламентаций, за что приходилось бороться все эти годы. (Бороться, действительно, приходилось за много чего, но напрашивается вопрос: «А кто тебя просил?». И действительно, многие предметы борьбы далеко выходили за круг обязанностей ответственного за преподавание математики.) Далее я называю многочисленные причины, по которым я не могу продолжать работать на ОТИПЛе. Единственным

³² Рихард Курант (1888—1972) — знаменитый математик, в то время американский, за год до того избранный иностранным членом Академии наук СССР.

содержательным в первой части было утверждение, что студенты не понимают то, что им преподают Шаумян, Отряшенков и Звегинцев³³. Эти сведения я почерпнул из личных бесед со студентами. Я не допускаю мысли, что я проводил какую-то селекцию и специально отобрал для беседы непонимающих. Но предполагаю, что было бы честнее прибавить к плохо понимаемым дисциплинам и математику. Создаётся впечатление, что вину за непонимание математики я склонен был возлагать на студентов, тогда как вину за непонимание других дисциплин — на лиц, эти дисциплины излагающих.

Вторая часть тезисов содержала мои предложения (по-видимому, с самого начала бывшие нереалистичными, но я тогда этого не понимал). Они сводились к изменениям в персональном составе кафедры. Я предлагал немедленно назначить временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой структурной и прикладной лингвистики одного из двух профессоров кафедры, П. С. Кузнецова или Н. И. Жинкина. Последние две фразы моих тезисов были таковы: «Приглашаются Апресян, Мельчук, Зализняк и нек. др. — которых в мире считают первыми. Есть все возможности сделать на уровне мира». (Последняя фраза не слишком грамотна, но, надеюсь, понятна.)

Однако Петровский меня не вызвал, а вместо этого позвонил мне домой в понедельник 23 октября и поинтересовался, почему я не включился в работу на Филологическом факультете. «Ничего же не сделано», — возразил я ему. «Я могу издать приказ», — сказал Петровский. (Забегая вперёд: но не издал. Вообще, всё постоянно говорится в будущем времени, которое, как известно, в одном из австралийских языков отсутствует как не имеющее смысла³⁴.) Я прямо заявил Петровскому, что не хочу работать со Звегинцевым и прошу избавить меня от бессмысленных мучений. В ответ мне было обещано избавить меня от бессмысленных мучений в течение учебного года. Тут неожиданно для меня оказалось, что рядом с Петровским находится декан Соколов, с которым Петровский велит мне встретиться и которому он передаёт трубку с тем, чтобы мы договорились о встрече. Встреча назначается на следующий день, 24 октября.

³³ ●●► Следует признать, что это суждение о лекциях Звегинцева, тогда мною услышанное, не нашло подтверждения в моих разговорах с выпускниками ОСИПЛа, состоявшихся много лет спустя. ◀●●

³⁴ Можно желать, чтобы что-то произошло, надеяться, что что-то произойдёт, опасаться, что что-то произойдёт, и т. п., ибо все эти чувства относятся к настоящему времени. Но утверждение, что что-то произойдёт, как бы не имеет физического смысла. В каких именно австралийских языках отсутствует будущее время, я забыл; но вот недавно мне сообщили, что оно отсутствует в языке rŋeo-maohi, на котором говорят на острове Raiatea близ Таити.

Вот начиная с этого места повествование и следовало бы передать Кафке или Войновичу. Как бывают романы в письмах, так роман, который мог бы быть написан, имел бы такое жанровое обозначение: роман в резолюциях, докладных, служебных и пояснительных записках, учебных планах, телефонных и иных переговорах и визитах к начальству. Я участвовал в этой круговерти с утасующим энтузиазмом и возрастающим пониманием её бессмысленности, но не мог не выполнять прямых распоряжений ректора, которого искренне уважал и который, в свою очередь, не менее искренне хотел, чтобы всё было хорошо. В то же время Петровский не сделал ни одного шага, который можно было бы назвать решительным. Всё, что он говорил, говорилось им в будущем времени, в модальности возможности. Я далёк от мысли упрекать Петровского. Наверное, то, что он делал, было правильным. Наверное, ректор и не должен вмешиваться слишком детально в дела факультета, подменяя собой декана, а должен ждать инициативы снизу. Как бы то ни было, и Петровский оказался одним из действующих лиц кафкианского романа.

Вот я, по указанию Петровского, беседую 24 октября с Соколовым в кабинете последнего. Разговор чрезвычайно благожелательный. Соколов поручает мне представить свои предложения в письменном виде, что я и делаю 30 октября. Соколов вносит незначительные поправки, но в целом мой проект учебного плана встречает благосклонное отношение. 1 ноября я передаю в приёмную Петровского копию бумаг, переданных Соколову двумя днями раньше, с моим сопроводительным письмом; в тот же день Петровский начерчивает на моём письме «Согласен». Я очень доволен. (Поскольку резолюция Петровского мне нравится, я склонен отвлечься от тех справедливых сомнений в действительности резолюций, о которых я писал в конце § 3 в связи с резолюцией Соколова на рапорте Звегинцева.) Однако ничего не происходит.

27 ноября, в день моего тридцатисемилетия, ко мне домой, к полной для меня неожиданности, просто позвонив в дверь, являются под вечер пятеро из 25 студентов ОСИПЛа набора 1965 года³⁵. Этому набору я преподавал математику на первых двух курсах, теперь они третьекурсники. Пришедшие не видели меня с начала учебного года и пришли выразить своё сожаление, что я ушёл с их факультета, и пожелание, чтобы я вернулся, а также поздравить с днём рождения и передать в подарок розового слона (понятие 'розовый слон' каким-то образом фигурировало на наших занятиях). И то, и другое, и третье,

³⁵ Вот они по алфавиту: Валерий Игоревич Ауссем, Николай Александрович Глотов, Мария Александровна Иващенко, Лейла Гасёмовна Лахути, Борис Леонидович Храмов.

и четвертое трогательно, но ни я, ни Светлана не очень знаем, что делать с неожиданными гостями. И тут около семи вечера мне звонит Петровский. У читателя не должно сложиться впечатление, что ректор регулярно звонил мне домой: такой звонок был большой редкостью. Студентов звонок Петровского не удивляет. Им очевидно, что он звонит меня поздравить. (Это очень детская интерпретация наблюдаемого. Вот ещё более характерный пример. С 1992 года Н. Л. Трауберг со своей дочерью и с детьми дочери жила в доме 6 по Чистому переулку, прямо напротив находящегося на другой стороне офиса Московской патриархии. Её внуки смотрели из окон и с балкона во двор офиса. Они говорили: «Сегодня мы насчитали 23 патриарха».) Разумеется, Петровский и не знает, что у меня день рождения. Он опять произносит слово «забастовка» и умоляющим голосом просит пожалеть студентов³⁶. (Надо ли напоминать читателю, что никакого реального развития событий помимо бумаг и резолюций не произошло.) Я не успеваю ничего ответить, потому что в этот самый момент мой разговор с Петровским прерывается междугородним звонком — это мне звонит заведующий кафедрой алгебры и математической логики Киевского госуниверситета Лев Аркадьевич Калужнин (тоже не частый звонитель). Пока я разговариваю с Калужниным, Петровский созванивается с Соколовым, и Соколов предлагает назначить на 30 ноября четырёхстороннюю встречу: Петровский, Соколов, Звегинцев и Успенский. Об этом мне сообщает Петровский, когда наш с ним разговор возобновляется. «Вас ещё известят», — говорит мне Петровский. Если я правильно расставил акценты в своём повествовании, то читатель просто обязан догадаться, что намеченная встреча так и не состоялась. Но это я сейчас расставляю акценты, тогда они, к сожалению, были смещены в моём восприятии, и я не подозревал, что предложенной Соколовым встречи не будет. Хотя один только умоляющий тон Петровского должен был явиться сигналом того, что всё засасывается в какую-то аморфную трясину. Или уходит в песок.

Тем временем в том кафкианском романе, сухой и несовершенный эскиз которого я пытаюсь сейчас набросать, появляются новые действующие лица, помимо только что названных четырёх. Это, в порядке их выхода на сцену: заведующий той кафедрой математической логики Механико-математического факультета, профессор которой я состою, член-корреспондент Андрей Андреевич Марков (22.09.1903 нового стиля — 11.10.1979), заведующая кафед-

³⁶ Очень характерная для Петровского просьба. Дело в том, что он сам себя ощущал прежде всего ректором студентов. Такая расстановка приоритетов, на мой взгляд, его украшала.

рой английского языка Филологического факультета профессор Ольга Сергеевна Ахманова (2.06.1908 старого стиля — 8.11.1991) и заведующий отделением математики Мехмата (в состав этого отделения входит, в частности, кафедра математической логики) академик Павел Сергеевич Александров (7.05.1896 нового стиля — 16.11.1982).

Об интересе А. А. Маркова к математической лингвистике уже говорилось в первом и последнем разделах той статьи «Серебряный век...», к которой пишется настоящее послесловие. Теперь Марков недоволен тем, что происходит на Филологическом факультете, и назначает на 24 ноября разговор о судьбах математической лингвистики со мной и М. В. Ломковской (сотрудницей кафедры математической логики, работавшей по теме «математическая лингвистика»). Во время этого разговора Марков предлагает открыть на Механико-математическом факультете отделение и кафедру математической лингвистики; мы с Ломковской с трудом отговариваем его от этой идеи; вредность же этой идеи заключалась в том, что возникновение лингвистического просвещения студентов Мехмата явилось бы сильным аргументом в руках тех, кто не желал математического просвещения студентов Филологического факультета. В таком случае, заявляет Марков, надо идти к ректору. И он договаривается с Петровским о том, что 29 ноября в 14 часов тот примет Маркова и меня. Марков хочет, в частности, выразить Петровскому своё возмущение статьёй Звегинцева в журнале «Вестник высшей школы», № 8 за 1967 год (в этой статье Маркову не понравились недостаточно, с его точки зрения, уважительные высказывания её автора о математике и математической лингвистике [20]), книжкой Г. П. Мельникова «Азбука математической логики» и тем, что автор этой книжки читает на Филологическом факультете лекции по математической логике.

Тема Г. П. Мельникова, которая будет поднята в разговоре Маркова с Петровским и лишь внесёт в дело дополнительную путаницу, требует некоторого комментария. В те годы на математическую логику был широкий спрос, а нужной литературы не было. Впрочем, нет её и сейчас. Имевшиеся тогда немногочисленные руководства (да и имеющиеся сейчас) были написаны математиками для математиков и нематематикам были малопонятны. А понятных текстов математики не писали. Возникшую нишу заполнили книжки, написанные сомнительными авторами. Одной из таких книжек и была только что названная «Азбука...», выпущенная издательством «Знание». Книжка была довольно странной и уж никак не соответствовала своему названию. Вместо изложения азбучных истин математической логики её автор, кандидат технических наук Геннадий Прокопьевич

Мельников, изложил в ней свои оригинальные философские взгляды на математическую логику. К сожалению, для Звегинцева было естественным пригласить Г. П. Мельникова прочитать курс математической логики. Маркова это глубоко (и, надо сказать, справедливо) возмущало. Какие-то математические курсы был приглашён вести и Д. Ю. Панов (один из пионеров машинного перевода в СССР, но не математик) и инженеры его учреждения.

На среду 29 ноября мы с Марковым назначили друг другу встречу в приёмной Петровского. Я прихожу первым, и Петровский привлекает меня в свой кабинет³⁷. Я пытаюсь объяснить ему, что у меня не забастовка, а простое и ясное нежелание работать на Филологическом факультете. Входит Марков. Он говорит о важности математики и о том, что на Филологическом факультете её теснят; не забыта была и Звегинцевская «циновка» (о ней было сказано в § 11 статьи «Серебряный век...»). «Где не уважают математику (как это было в биологии), — говорит Марков, — там всегда плохо». Наконец, Марков упрекает Звегинцевскую кафедру в низком научном уровне и провинциализме. «Правильно ли, что Г. П. Мельников и Д. Ю. Панов определяют уровень математики в МГУ?» — риторически вопрошает Марков Петровского. Петровский любит всё решать немедленно и потому тут же звонит Соколову. Соколов же отвечает, что не знает никакого Мельникова. На фоне проблемы Мельникова все другие проблемы как-то тускнеют. Петровский говорит Соколову, что надо создать комиссию по рассмотрению деятельности ОСИПЛа в таком составе: О. С. Ахманова (председатель), А. А. Марков, И. А. Мельчук, А. А. Зализняк, В. Ю. Розенцвейг, В. В. Шеворошкин [2], А. В. Гладкий; Соколов решительно отводит Мельчука и предлагает вместо него Р. А. Будагова (заведующего кафедрой романского языкознания Филфака). Не могу вспомнить, откуда взялся этот перечень имён; однако именно в этот момент в список действующих лиц оказывается включённой Ахманова. (В тот же или на следующий день Ахмановой звонят, чтобы сообщить о комиссии, и Петровский, и Соколов. Тем не менее комиссия семи так и осталась даже не на бумаге, а лишь в электрических сигналах телефонных переговоров.) «Так раньше Вы соглашались работать при условии прибавки часов на математику,

³⁷ У Петровского была такая манера: он выходил из своего кабинета и сам отбирал из сидевших на диванах в приёмной того, с кем хотел разговаривать в своём кабинете. Так же продолжалось и при Хохлове, попасть к которому было довольно просто. С приходом к власти Логунова всё изменилось и был введён нормальный бюрократический порядок: запись на приём с объяснением причины, побуждающей записаться на оный, и с фильтрацией, осуществляемой помощниками.

а теперь вообще не хотите?» — недовольно спрашивает меня Петровский. И тут я совершаю непоправимую ошибку, о которой сожалею до сих пор: я проявляю малодушие и соглашаюсь. Получив моё согласие, Петровский снова звонит Соколову и приказывает ему дать в учебном плане 838 часов на математику (в моей папке Пандоры сохранилась бумажка с крупно написанными цифрами часов, которую я успел соорудить и показать Петровскому во время этого телефонного разговора). «Пусть теперь они меня позовут», — говорю я Петровскому. «Нет, Вы идите и сообщите мне при малейших шероховатостях», — не соглашается он. «Я могу работать при двух условиях, — заявляю я ему. — Это, во-первых, Ваша поддержка. А во-вторых, выполнение Ваших приказов; вот увидите, что этот Ваш приказ не будет выполнен». Петровский обещает поддержку и выражает готовность издать приказ в письменной форме; как и прежде, эта готовность так и осталась благим намерением.

Вечером того же дня я звоню Соколову. Уже одно только это моё действие было глубоко ошибочным. Несмотря на прямое указание ректора, мне не следовало проявлять инициативу, а надо было дожидаться приглашения от Филологического факультета. Соколов говорит: «Я получил приказ о 838 часах. Приходите в пятницу 1 декабря, будем его выполнять».

С этого момента я начал совершать одну ошибку за другой. От усталости я утерял лучшие интеллектуальные качества австралийских аборигенов и поверил в реальность будущего времени. Слова «будем выполнять» я воспринял слишком буквально. Тут сказались и моё подсознательное желание так их воспринять, и моя математическая ограниченность. Математики буквально понимают смысл своих формул и склонны распространять этот буквализм на естественный язык. Филологи же (в особенности же литературоведы, к которым принадлежал и А. Г. Соколов) привыкли воспринимать речения во всей прелести их многозначности. «Будем выполнять» Соколова могло значить для него: 'посмотрим, что можно сделать с учётом новых пожеланий нашего ректора'. Однажды, во время моего довольно напряжённого обсуждения с Соколовым проблем ОСИПЛа и роли математики на этом отделении, он мне сказал примерно следующее: «А вообще неизвестно, сохранится ли это отделение. Вот в Ленинграде отделение математической лингвистики уже закрыли». Я испытал шок от этой неожиданной и неприятной новости и был деморализован. Выйдя от Соколова, я стал соображать, кому бы позвонить в Ленинград, чтобы получить наиболее компетентную информацию о причинах ликвидации отделения. Когда, наконец, я дозволился в Ленинград, оказалось, что нет даже намёка на сообщённое мне

Соколовым событие. Не думаю, чтобы он меня сознательно обманывал. Просто он имел более широкое, нежели я, более гуманитарное видение действительности. Мне бы вспомнить этот эпизод и принять его во внимание. Но я не вспомнил и не принял.

Когда 1 декабря я явился к Соколову, мне следовало бы попросить его выдать мне утверждённый им учебный план. Вместо этого я стал настаивать, чтобы учебный план был утверждён ректором. Меня можно было понять: я хотел, чтобы бумага, по словам профессора Филиппа Филипповича Преображенского, была *окончательной* и *фактической*, — но моё требование сразу обидело Соколова. Наверное, надо было ничего не требовать и даже не просить, а послушать, что скажет декан, и потом доложить ректору. Но я уже безумно устал от этого бессмысленного качания маятника. К тому же весь разговор мне сразу стал не нравиться. Оказалось, что пресловутые 838 часов Соколовым как бы забыты, и мне стали называться другие, меньшие цифры, которые, постепенно возрастая в ходе разговора, дошли до цифры в 784 часа (то есть до той цифры, которую я предлагал весной в своих поправках к учебному плану, представленному Звигинцевым на заседание Учёного совета 26 мая). Окончательно же я потерял равновесие, когда понял, что эта последняя цифра выдаётся за тот объём, в котором происходит преподавание математики на момент разговора; на самом же деле реальный объём был значительно меньше, так как его сокращение произошло сразу для всех годов обучения (что, как я уже отмечал в § 3, было недопустимо с организационной точки зрения). Мало по малу тон нашего разговора становился всё более резким (за что я себя виню). Масло в огонь подлил мой категорический отказ принимать в зимнюю сессию зачёты и экзамены у тех, кто был провален Шихановичем. Я сообщил Соколову, что обо всём доложу ректору (вспомним его напутствие мне за два дня до того), и тщательно согласовал с Соколовым, что именно я доложу. К концу нашего разговора в кабинет вошла О. С. Ахманова, которая потом сообщила мне, что после моего ухода Соколов сидел молча бледный, а потом прервал молчание и проговорил: «Что, он издеваться надо мной приходил?». На следующий день он написал на официальном бланке Факультета злую бумагу на имя ректора, каковую бумагу отнёс ректору, показал ему, но не оставил.

Я решил посоветоваться со своим приятелем Владимиром Георгиевичем Кармановым, административную опытность которого ценил чрезвычайно высоко. Формально Карманов числился доцентом Мехмата и заместителем заведующего отделением математики, но эти скромные должности не отражали его подлинного величия. В августе

1966 года в Москве проходил очередной Международный конгресс математиков (такие конгрессы происходят раз в четыре года); Петровский был председателем Оргкомитета Конгресса, а Карманов — его генеральным секретарём, и именно на нём лежала вся организационная работа по проведению Конгресса. Карманов дал мне разумный совет. По его мнению, параметры математической части учебного плана ОСИПЛа должны исходить не от меня, а от наиболее компетентного в области математики подразделения МГУ — отделения математики Механико-математического факультета. И вечером 6 декабря мы с Кармановым сидели в приёмной заведующего отделением математики академика П. С. Александрова. Художественная деталь. Пока мы с Кармановым ждём приёма, прибегает — именно прибегает, а не приходит, — лаборантка кафедры математической логики и вручает мне конверт, на котором надписано: «Лично Владимиру Андреевичу Успенскому от И. Г. Петровского». Я холодею — но внутри конверта всего лишь просьба прочесть несколько лекций для студентов гуманитарных факультетов (на Мехмате аналогичные конверты получили А. Н. Колмогоров, П. С. Александров и Б. В. Гнеденко).

Я вышел от Александрова, унося с собой подписанный им документ № 21-185 от 6 декабря 1967 года, напечатанный на официальном бланке Механико-математического факультета. Привожу его с купюрами, которым, чтобы не утомлять читателя, я подверг аннотации всех перечисленных в документе дисциплин, кроме первой:

РЕКОМЕНДАЦИИ

отделения математики механико-математического факультета МГУ
относительно математических дисциплин, преподаваемых студентам
отделения структурной и прикладной лингвистики
филологического факультета МГУ

Отделение математики рекомендует включить, в качестве отдельных дисциплин, в учебный план отделения структурной и прикладной лингвистики следующие дисциплины:

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ

Введение в математический язык (уточнение логических союзов, употребление переменных, основные знаки), понятие о множестве, комбинаторика, метод координат, графики функций. (5 часов в неделю в 1-м семестре.)

ЭЛЕМЕНТЫ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

<...>

(6 часов в неделю во 2-м семестре и 6 часов в неделю в 3-м семестре.)

ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ (С МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКОЙ И ТЕОРИЕЙ ИНФОРМАЦИИ)

<...>

(5 часов в неделю в 4-м семестре и 6 часов в неделю в 5-м семестре.)

ВВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННУЮ АЛГЕБРУ

<...>

(5 часов в неделю в 6-м семестре.)

ТЕОРИЯ АЛГОРИФМОВ

<...>

(6 часов в неделю в 7-м семестре.)

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

<...>

(6 часов в неделю в 8-м семестре и 4 часа в неделю в 9-м семестре.)

В конце каждого семестра целесообразно проводить как зачёт, так и экзамен по соответствующей математической дисциплине.

Заведующий отделением математики
академик

(П. С. Александров)

Вот с этими авторитетными рекомендациями я на следующий день, 7 декабря, отправился к Петровскому. В его кабинете уже находился Александров, пришедший по своим делам, но оказавший мне во время аудиенции моральную поддержку. Петровский встретил меня сурово. Он объявил мне, что я поставил его в тяжёлое положение, так как обидел Соколова. Кровь ударила мне в голову. Мне показалось, что Петровский меня предал. Разве не он послал меня к Соколову с чрезвычайными (так мне казалось) полномочиями? Разве не он не пожелал внять моим предупреждениям, что его указания Соколову не будут выполнены? То, как глупо я вёл себя 1 декабря в кабинете Соколова, было мною начисто забыто. И я стал чуть ли не кричать на Петровского. Александров меня успокаивал. Зашедший в кабинет

могущественный проректор по общим вопросам Унанян, отвечавший за хозяйственную и финансовую работу, ретировался, увидев столь нестандартную сцену. Как она, эта сцена выглядела со стороны, было потом описано Александровым. «Маленький ректор (а Петровский был невысокого роста — В. У.) вжался в большое кожаное кресло, а Успенский наступал на него, бессвязно что-то выкрикивая». Этот эпизод я не могу вспоминать без стыда. (Может быть, если я сейчас выговорюсь, то, как учит психоанализ, буду вспоминать его с меньшим мучением.)

В тот день моё безумие продолжалось ещё несколько часов. Петровский ушёл по своим ректорским делам на Биолого-почвенный факультет, а я метался, то оставляя в кабинете Петровского какие-то бумаги, то их же оттуда забирая. Около 8 вечера Петровский вернулся. Он принял нескольких человек, а затем, по моей настоятельной просьбе, меня. К этому времени я уже проглотил три таблетки срочно купленного в университетской аптеке адалина (сегодня упоминание об этом успокоительном можно найти только в старых фармацевтических справочниках). Я извинился перед ним и сказал, что готов, если будет на то воля Петровского, извиниться перед Соколовым. Однако этим я не ограничился. Я объявил, что считаю себя наказанным за то, что поверил ему, Петровскому. Что не могу согласиться с тем, что одного только визита декана к ректору оказалось достаточным, чтобы он, ректор, поменял своё мнение. Что умею работать только в условиях жёсткого регламента, а не того хаоса, который имеет место на Филологическом факультете. Что то, что происходит, это маленький участок борьбы за правду (сегодня, через 34 года, усматриваю в этом своём заявлении элементы демагогии). И что я и так уже пошёл на компромисс и дальнейшие уступки с моей стороны невозможны. И много чего ещё я говорил — возможно, впервые столь отчётливо. Кончилось всё тем, что Петровский позвонил Соколову и велел ему и мне явиться к нему в субботу 9 декабря в 11 часов 30 минут.

И вот настает суббота. В половине двенадцатого мы с деканом Соколовым сидим в приёмной ректора МГУ и ведём вежливый разговор о погоде. В полдень Петровский нас принимает. В присутствии Петровского я извиняюсь перед Соколовым. Петровский берёт в руки «Рекомендации» отделения математики и пишет на них три резолюции, снабжая каждую из них датой и своей подписью. Примерные тексты этих резолюций таковы:

«А. Г. Соколову. К 5.I.68 представить уточнённый план ОСИПЛа, предусмотрев не менее 800 ч. математики».

«Для составления плана создать комиссию в составе: Ахманова, Звегинцев, Зализняк». (Мне было предложено войти в состав комиссии, но я отказался.)

«С рекомендациями отделения математики в основном согласен».

Соколов говорит, что план будет готов к последнему в текущем году заседанию Совета Филологического факультета, каковое назначено на 22 декабря, и приглашает меня принять участие в этом заседании. Я отказываюсь весьма решительно. И даже Петровский, к которому Соколов обращается за помощью, не может меня переубедить. «Вы ведёте себя, как женщина», — в сердцах говорит мне Петровский. Аудиенция окончена. Документ со своими резолюциями Петровский вручает Соколову, а тот (очень грамотно!) немедленно передаёт его референту ректора Анастасии Порфирьевне Новичковой и просит, чтобы документ был направлен ему официально. Анастасия Порфирьевна при мне списывает в специальную книгу резолюции Петровского. Выйдя из приёмной, мы с Соколовым ещё около часа довольно дружелюбно разговариваем в коридоре. Тут я впервые узнаю о существовании его письма Петровскому от 2 декабря с жалобой на меня. А мне Соколов жалуется на Шихановича. А также говорит, что теперь вся ответственность ляжет на только что созданную комиссию трёх.

14 декабря я по другим делам кратко вижусь с Петровским, он спрашивает, как дела, я отвечаю: «Надеюсь, что всё в порядке». Как оказалось, мой ответ был поспешным.

Все документы поступили к Ахмановой как к главе комиссии. К ней поступили все варианты учебных планов, вся моя переписка с ректором, рекомендации отделения математики с ректорскими резолюциями. Кроме того, к ней поступили документы, которых я ранее не видел: подлинник письма Соколова ректору от 2 декабря с жалобой на меня; письмо Звегинцева Соколову с возражениями на мой проект учебного плана, с замечанием (отчасти, подозреваю, справедливый), что я присваиваю себе функции руководителя отделения, и с заключением, что контакт его кафедры со мною невозможен; письмо Соколова Ахмановой, Звегинцеву и Зализняку с сообщением о всех трёх резолюциях ректора. Всё это я узнаю от Ахмановой.

С Ольгой Сергеевной Ахмановой я был знаком через своего брата Бориса Андреевича Успенского, чьим научным руководителем по аспирантуре она была. Она была яркой личностью. Кафедру английского языка, которой она заведовала 36 лет (с 1946 по 1982 год), она держала железной рукой. В 1954 года в издательстве Московского университета вышло её «пособие для филологических

факультетов» под названием «Английский язык» и под титульной редакцией В. А. Звегинцева; эта содержательная книга, снабжённая примерами, упражнениями и «основным словарём первого концентра», замечательна малостью своего объёма — 119 страниц, из коих собственно грамматика занимает страницы с 63 по 79 (правда, с вклеенной таблицей спряжения). Её «Словарь лингвистических терминов» (М.: Советская энциклопедия, 1966) я нахожу чрезвычайно полезным (и к тому же хорошо организованным). Устоявшаяся точка зрения на её английский, причём со ссылкой на природных англичан, состояла в том, что лучше неё говорит по-английски лишь королева. Она дружила с послом Её Величества, ходила с ним на ипподром и принимала его в своей коммунальной квартире в многоквартирном доме 16 по улице Чайковского (ныне Новинский бульвар), что тогда воспринималось как нечто невероятное. На ежегодно снимаемой ею на лето даче в деревне Екатериновка (на Рублёвском шоссе, но ещё в черте Москвы) я встречался с Романом Якобсоном. В начавшейся впоследствии войне влиятельных факультетских лингвистов со Звегинцевым³⁸ (в которой я сочувствовал Звегинцеву) поведение Ахмановой было непристойным — близким к поведению партийной фурии. В 1967 году общелингвистические и политические взгляды Ахмановой были мне ещё неизвестны. Было видно лишь, что Звегинцева она недолюбливает. Вскоре выяснилось, однако, что она недолюбливает и тех представителей «нового» языкознания, которых я надеялся увидеть привлечёнными к работе кафедры структурной и прикладной лингвистики.

Выяснилось также, что Ахманова хочет кардинально изменить учебный план в его лингвистической части, а эта лингвистическая часть мне в целом нравилась. Первоначальный её вариант был составлен при моём участии; изменения же, внесённые в этот первоначальный вариант Звегинцевым, хотя и вызывали у меня возражения, были сравнительно немногочисленны и не меняли общей картины. Лингвистическая часть учебного плана была мне не менее — а, может, даже и более — дорога, чем часть математическая. Поэтому позиция, занятая Ахмановой как по кадровым вопросам, так и по вопросам учебного плана, начинала меня пугать. Меня Ахманова упрекала в отсутствии чувства юмора в отношении скла-

³⁸ Война началась после того, как в 1973 году вышла книга Звегинцева «Язык и лингвистическая теория», в которой, по словам А. Е. Кибрика, «автор мимоходом, но в довольно свободной форме высказывался о том, что он думает по поводу научных достижений некоторых своих коллег» ([ФФМУ 2001], с. 359).

дывающейся ситуации и убеждала не относиться ко всему слишком серьезно; чувствуя её правоту в данном вопросе, я, однако же, не находил в себе сил последовать её советам. Но через несколько дней (19 декабря) Ахманова произнесла пророческие слова: «Я предвижу, что всё останется по-старому». А вечером 22-го она позвонила мне домой, но, не застав, передала просьбу ей позвонить.

И вот, в субботу утром 23 декабря я позвонил Ахмановой чтобы, услышать от неё следующее: «Вы будете смеяться, но Саррочка тоже умерла. Алёша Соколов сказал мне в пятницу, держась за животик: „Мне позвонил Петровский и сказал: «Алексей Георгиевич, зачем эти комиссии?»“».

28 декабря я позвонил Соколову, и он объявил мне, что Петровский отменил комиссию. На мой вопрос, отменяется ли всё другое, Соколов отвечал: «По-видимому». — «Должен ли я организовывать преподавание в весеннем семестре?». — «Нет».

На следующий день, 29 декабря, я зашёл к Соколову с целью посмотреть его письменную жалобу на меня. Соколов показал мне этот документ — интересное почти две страницы письмо декана Соколова ректору Петровскому на официальном бланке Филологического факультета с датой 2 декабря. Однако списать письмо Соколов мне не дал, а дал только прочесть. Через несколько дней я составил по памяти краткое изложение письма:

Вы отдали мне распоряжение увеличить число часов по математике (Но не говорится, до какого объёма! Цифра «838» в письме отсутствует! — В. У.), чтобы проф. Успенский мог вернуться на факультет. Проф. Успенский разговаривал в ультимативном тоне, требовал утверждённый Вами план, не соглашался на им же предложенные 784 часа; сказал, что не знает, что сейчас преподают, и потому не может принимать зачёты; не входил в положение факультета и отказывался помочь. Поэтому сотрудничество деканата с проф. Успенским невозможно; последствия этого на совести проф. Успенского; прошу передать преподавание математики на экономический факультет.

Вот так бесславно и бессмысленно закончилась для меня эта эпопея. В весеннем семестре 1967 года я проиграл бой на ясно обозначенном ринге; что же касается осеннего семестра того же года, то у меня возникло ощущение, что всё это время я просто махал руками и в результате проиграл бой с тенью. Мне было грустно, что даже мой любимый ректор, при всём авторитете, которым он пользовался в Университете, даже он не смог ничего сделать. Где-то я читал, что

военный начальник отличается от гражданского тем, что должен добиваться исполнения своих распоряжений даже тогда, когда он уже сам осознал их неразумность. Петровский в моём ненаписанном романе уж точно не действовал по-военному. Мне было жалко потерянного времени и обидно, что я потерпел поражение в борьбе за правое, как мне казалось, дело. Но было ли моё дело правым? Ведь каждый склонен считать правым то дело, за которое он борется. И есть ли объективный критерий, отличающий правые дела от неправых? «Самих себя мы судим по нашим намерениям, а других по их действиям», — сказал американский юрист и дипломат Дуайт Мόроу³⁹.

●● В своей рецензии на мои «Труды по нематематике», опубликованной в 4-м номере журнала «Вопросы языкознания» за 2004 год, В. М. Алпатов высказывает такое суждение (см. с. 166—167):

В ходе разработки новых учебных планов коллективом отделения и созданной к тому времени кафедры структурной и прикладной лингвистики были предложены две идеи. Одна из них предусматривала расширение на отделении лингвистических курсов, другая — сокращение в связи с этим математики — «венценосного предмета», как его называл тогдашний заместитель декана факультета. В. А. Успенский, соглашаясь с первым, резко возражал против второго. Возглавлявший отделение и кафедру В. А. Звегинцев отстаивал уменьшение часов на математику. Разгорелся спор, очень подробно описанный в рецензируемой книге. В него, как обычно бывает в таких случаях, вмешались самые различные силы вне кафедры и отделения. Автор воспоминаний ни в чём не отступает от своей тогдашней позиции и считает её единственно правильной. Однако возможны и другие точки зрения. В целом программа стала более продуманной и систематичной, уровень лингвистической подготовки после 1967 года возрос, а математика, как нам представляется (в том числе исходя из собственных воспоминаний тех лет), заняла подобающее ей место. Автор книги, тогда потерпевший поражение и временно отошедший от отделения, до сих пор, как видно из его повествования, болезненно переживает ту ситуацию. Поэтому он весьма критически оценивает действия своего оппонента В. А. Звегинцева и даёт ему в целом негативную характеристику, с которой мы не можем согласиться. Для понимания подобной ситуации надо знать позиции обеих сторон. Но, к сожалению, другой Владимир Андреевич скончался, не оставив воспоминаний. ◀●●

³⁹ Dwight Morrow (1873—1931): “We judge ourselves by our motives and others by their actions”.

Утром 14 февраля 1968 года Александр Сергеевич Есенин-Вольпин был насильственно увезён из своей квартиры в психиатрическую больницу (он находился на принудительном лечении почти три месяца и был выписан 12 мая 1968 года, в день своего 44-летия). Письмо с протестом, адресованное Министру здравоохранения СССР и Генеральному прокурору СССР и датированное 9 марта 1968 года, подписали девяносто шесть человек (по ряду причин это письмо часто называют «письмом девяноста девяти»). На подписантов (так в то время именовали лиц, подписывавших коллективные протестные письма) обрушились репрессии. В частности, на Филологическом факультете началась кампания за увольнение Ю. А. Шихановича, бывшего в числе девяноста шести; эта кампания завершилась его увольнением в конце июня 1968 года с формулировкой «по профессиональной непригодности». Увольнение Шихановича привело к дальнейшему ослаблению роли математики на ОСИПЛе. Репрессии обрушились не только на каждого подписанта в отдельности, но и на Механико-математический факультет в целом⁴⁰. Неприятности начались и у ректора, допустившего крамолу во вверенном ему партией и правительством Университете («партия и правительство» — ритуальная формула тех времён). И для Петровского, и для декана Механико-математического факультета Н. В. Ефимова, всё это время демонстрировавшего мне свою поддержку, вопрос о математике на Филологическом факультете отошёл на третий, а то и на четвёртый план.

А в декабре 1969 года беспартийный и либеральный Николай Владимирович Ефимов (18(31).05.1910—14.08.1982), хороший декан и порядочный человек, был смещён с поста декана и его место занял Пётр Матвеевич Огибалов. Про Огибалова говорили, что он обладает погонами генерала КГБ; проверить это невозможно, но известно, что до войны он занимал должность начальника Первого (то есть осуществляющего связь с госбезопасностью) отдела МГУ. Огибалов был знаменит, в частности, своим заявлением, что национальный состав студентов Мехмата должен отражать в процентном отношении национальный состав населения СССР; на практике это

⁴⁰ Причину этого обычно видят в том, что большинство подписантов были математиками, а из этого большинства многие (полагаю, что не более тридцати) были сотрудниками Мехмата. На мой же взгляд, главная причина заключалась в последнем абзаце письма:

Ответ просим присылать по адресу: Москва-234, Ленинские горы, Московский государственный университет имени Ломоносова, Механико-математический факультет, на имя любого из числа подписавших это письмо.

означало процентную норму для евреев, так как не было замечено, чтобы Огигалов добивался должного (то есть достаточно высокого) представительства, скажем, украинцев или узбеков.

§ 7. Физики и лирики

Что-то физики в почёте,
 Что-то лирики в загоне.
 Дело не в сухом расчёте,
 Дело в мировом законе

— написал Борис Слуцкий в 1959 году в своём культовом⁴¹ стихотворении «Физики и лирики». В печати шестидесятых годов возникла дискуссия, кто главнее, физики или лирики; мир как бы разделился на физиков и лириков. Разумеется, и слово *лирики*, и слово *физики* понимались в обобщённом смысле — для обозначения, соответственно, гуманитариев и негуманитариев, так что, скажем химики, биологи и математики были физиками, а литературоведы, историки и философы — лириками. («В соседнем подъезде живёт один мальчик, он тоже химик», — сказала мне, второкурснику отделения математики Механико-математического факультета, первокурсница классического отделения Филологического факультета в октябре 1948 года.)

Возможно, что мой описанный выше конфликт со Звегинцевым следует рассматривать в более широком контексте конфликта цивилизаций — цивилизации физиков с цивилизацией лириков. Мои действия в этом конфликте можно охарактеризовать как неуклюжую попытку перетащить лингвистику из стана лириков в стан физиков или, ещё точнее, как ещё более неуклюжую попытку объяснить лингвистам, что хотя они родились внутри нации лириков и потому, естественно, считают себя лириками, на самом деле, онтологически, они суть физики.

Но даже если бы не было этих неуклюжей и ещё более неуклюжей попыток, то сам по себе контакт математиков и филологов сопровождается если не конфликтом, то определённой дозой взаимонепонимания. И это совершенно естественно: ведь они говорят на разных языках, с иной семантикой и прагматикой. Единство плана выражения этих двух языков только усугубляет указанное взаимонепонимание.

⁴¹ Слово *культовый* употреблено здесь в значении, широко распространённом среди литературоведов и культурологов, но не обнаруженном мною в имеющихся под рукой словарях. Вот какое толкование этого значения предложил Владимир Иванович Новиков: 'являющийся одновременно и знаковым для определённой среды, и известным'.

В предыдущем параграфе я уже отмечал более широкое, чем у меня, более гуманитарное видение действительности филологом А. Г. Соколовым. К сказанному там стоит прибавить, что для математиков (которые в восприятии лириков являли собою, возможно, высшую степень физиков) характерно одномерное различие истины и лжи; они, математики, верят, что каждое осмысленное утверждение непременно является либо истинным, либо ложным. Математические суждения, действительно, очень чётко делятся на истинные и ложные, при том, что в процессах обычной человеческой коммуникации подобное деление часто размазывается. Эту бескомпромиссность своих профессиональных суждений математики непроизвольно переносят и на суждения иной природы. А потому для них граница между истиной и ложью проходит с резкостью лунного терминатора. В этом смысле можно сказать, что математики свалились с Луны. Таким образом, на риторический вопрос «Ты что, с Луны свалился?» математик должен, стыдливо потупясь, отвечать утвердительно.

Математики всё это понимают, отчасти своей лунностью гордятся и любят рассказывать такой анекдот про себя самих. Этот анекдот я узнал от В. А. Садовниченко: он рассказал его на некоем публичном мероприятии. Летящие на воздушном шаре попали в бурю, потеряли ориентацию и находятся в бедственном положении. Им важно понять, где они находятся, чтобы решить, совершить ли немедленное приземление или, напротив, лететь дальше в надежде на лучшее. Они летят низко над землёй и замечают внизу людей. «Где мы?» — кричат они вниз. И получают ответ: «Вы на воздушном шаре». Порыв ветра уносит их дальше. «Мы не узнали, где мы, зато узнали профессию этих людей, — утешают они себя. — Это математики». — «Но почему?». — «Потому что их ответ был совершенно точным и совершенно бессмысленным».

Чужие, непохожие цивилизации всегда притягивали путешественников. Таким путешественником ощущал себя и я, переходя в конце сороковых годов улицу Герцена (ныне это Большая Никитская) и попадая с Механико-математического факультета (Моховая, 9), где я был студентом, на Филологический факультет (Моховая, 11), на искусствоведческом отделении которого учились мои друзья. Один только узкий и неоднократно перелаamyвающийся коридор Филфака, столь резко отличающийся от широких коридоров Мехмата, создавал особую атмосферу. По крайней мере на одном из изломов в филфаковском коридоре возникал, выражаясь медицинским языком, дивертикул, образующий как бы проходную аудиторию, не отделённую от коридора стеной, а потому и дверью; впоследствии, в начале 60-х

годов, в этом дивертикуле происходили занятия А. А. Зализняка по русской морфологии. Производила впечатление и факультетская стенная газета «Комсомолия», длина которой не позволяла ей ограничиться лишь одним коленом коридора и принуждала её переламываться вместе с последним. При такой форме газеты воспринималось как нечто естественное сопутствующее объявление, гласящее (с точностью до дней недели): «Очередной литературный вторник „Комсомолии“ переносится с четверга на пятницу».

Некая присущая коридору загадочность, сочетаемая с его же многолюдностью, устраняла сомнения в достоверности предания о пари на сдачу экзамена по неизвестному предмету. Суть пари была такова. Участника пари вели с завязанными глазами по коридору и внезапно, сняв повязку, вталкивали в аудиторию, в которой шёл экзамен по предмету, название которого не было заранее известно втолкнутому. Он должен был, сориентировавшись на месте, сдать этот предмет на положительную оценку. Само собой, на Мехмате такое было бы совершенно невозможно; максимум, что могли позволить себе мехматяне (не от трусости, а просто с учётом реальности) — это конкурс на то, кто громче выкрикнет слово *жопы* на занятии по военному делу. Поэтому условия филологического пари не могли не вызвать у мехматян почтительного восхищения. Впоследствии злые языки, развивая эту тему, предлагали открыть на гуманитарных факультетах аспирантуру по специальности «оппонирование»: соискание учёной степени по этой специальности должно было состоять в том, что соискателю предлагается выступить оппонентом по диссертации, которую он не только не читал, но и не знает, о чём она, и название которой ему сообщают лишь в момент оппонирования — а, может быть, даже и вовсе не сообщают.

Почтительное восхищение вызывало у меня — в тех же сороковых годах — и объявление следующего содержания: «Лица, желающие слушать пропедевтический курс санскрита, благоволят поставить свои имена ниже». И подпись: «профессор М. Н. Петерсон». И так мало поставивших свои имена! (Кажется, среди них были Т. В. Булыгина, Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов.) Объявление было написано от руки на небольшом листке бумаги: автор объявления как бы и не предполагал, что понадобится много места для записавшихся.

В 1950 году отделение искусствоведения было передано на Исторический факультет и я перестал бывать на Филологическом факультете.

Ныне меня занимает вопрос, сам ли Михаил Николаевич Петерсон вывешивал своё объявление, или же это делала кафедральная лаборантка. Дело в том, что когда я вернулся на Филологический

факультет уже не в качестве праздного визитёра, а в качестве действующего лица — сперва осенью 1956 года как один из руководителей семинара по математической лингвистике, а затем осенью 1960 года как один из преподавателей ОТИПЛа — я заметил, что профессора не вывешивают объявлений сами. Для профессора филологии неуместно самому, запасшись кнопками (да и где их держать? в кармане? в кулаке?), идти к доске объявлений и прикрепить к ней бумажку. Не царское это дело. В математике же, как отмечалось в § 3, «царского пути» нет, и там всё демократичнее. Там профессор не гнушался вывесить объявление сам. Когда Самуил Борисович Бернштейн ²² шёл по коридору Филфака в бобрах и в почти боярской шапке ²³, сразу было видно, что он профессор. На Мехмате таких величественных профессоров не было ²⁴. Вообще на шкале профессорства филологические профессора находились где-то между математическими и медицинскими. Тому из побывавших в клинике читателей, кому повезло увидеть там профессора, известно, что профессора сопровождает свита, а особо доверенная медсестра несёт на растопыренных руках накрахмаленное полотенце.

Этими мелкими штрихами я хочу подвести читателю к пониманию того, что физик, приходящий к лирикам, испытывает культурный шок. Основу всякого культурного шока составляет, как известно, нарушение презумпций. Если бы я вовремя понял, что я навязываю филологам презумпции, образовавшиеся у меня вследствие пребывания в математической среде, всем было бы легче. К числу таких навязываемых презумпций принадлежали не только такие фундаментальные эпистемологические парадигмы, как отличие осмысленного от бессмысленного, истинного от ложного и т. п., но и некоторые чисто организационные представления. Ну, например, что занятия должны идти согласно имеющемуся учебному плану, что учебный план должен быть относительно стабилен, что при введении нового учебного плана этот новый план должен действовать лишь начиная с нового набора студентов и т. п. Если бы я осознал, что все эти организационные представления, казавшиеся мне очевидными (а презумпции и обязаны казаться очевидными), на самом деле суть всего лишь продукт моего воспитания, если бы я вовремя это осознал... Ну, и что бы тогда было? Не знаю.

Вот ещё один пример небольшого культурного шока. Как-то в шестидесятых годах я волею случая оказался на заседании одной из языковедческих кафедр Филологического факультета. Обсуждалась кандидатская диссертация одного из аспирантов. Обсуждение шло доброжелательно, и рекомендация к защите вот-вот должна была

быть принята. И вдруг кто-то из коллег кандидата в кандидаты наук задал вопрос — не из вредности, а от простодушия: «Я только не пойму, какая у тебя диссертация, лексическая или грамматическая?». Эффект от этого невинного, казалось бы, вопроса был оглушительный. Оказалось, что без ответа на этот вопрос, на каковой автор диссертации затруднился ответить, не может быть и речи о рекомендации диссертации к защите. (Вот тут и был культурный шок: для «физика» совершенно другие факторы могли бы служить препятствием к защите: ошибка; недостаточная убедительность; слабость результатов; плагиат, наконец — но ничего этого здесь не было.) В комнате воцарилась тягостная атмосфера: все искренне сочувствовали молодому человеку и сопереживали постигшее его несчастье. Как вдруг кто-то из присутствующих радостно воскликнул: «Так она же лексико-грамматическая!». Все испытали ощущение миновавшей беды и заулыбались. Диссертация была немедленно рекомендована к защите.

Разумеется, культурный шок испытывает и лирик, приходя к физикам. На рубеже 60-х и 70-х годов я вёл на Мехмате семинар по теории вычислимых функций. Как-то в нашу аудиторию заглянула студентка Философского факультета, получившая двойку по математике и пришедшая на Мехмат с целью попытаться повторно сдать экзамен. Мне вспоминается её раскрытый от удивления рот. «Что́ это, — прошептала она, — почему только мальчики?»⁴². В систему презумпций этой студентки входило выработанное ею за время пребывания на Философском факультете представление о преобладании женского пола на любом занятии.

Если ограничиться науками (и к тому же считать философию наукой), то философы, вне сомнения, представляют собою крайнюю степень лириков (подобно тому, как математики — крайнюю степень физиков). В 1954 году Московское математическое общество удостоило меня избрания в свои члены. Об этом я был извещён официальным письмом, напечатанным на бланке Общества; письмо было составлено в изысканных выражениях и подписано Президентом Общества П. С. Александровым. У меня возникла презумпция, что так всегда и бывает. В конце 50-х годов А. Р. Лурия⁴³ предложил

⁴² *Страх ради иудейска, читай феминистска*, заявляю: отсутствие девочек на моём семинаре надлежит объяснять не тем, что предмет превосходил их возможности, а тем, что он был недостоин их интереса.

⁴³ Александр Романович Лурия (1902—1977) — психолог, один из основателей нейропсихологии, профессор Философского факультета МГУ с 1945 года. Впоследствии — заведующий кафедрой нейропсихологии Психологического факультета МГУ (с 1967 года), иностранный член Национальной академии наук США (с 1968 года).

мне вступить в члены Московского психологического общества. Это предложение было сделано мне в стенах Философского факультета, потому что до создания в 1966 году отдельного Факультета психологии все университетские психологи состояли на Философском факультете; психология считалась как бы частью философии (с вытекающими из такой точки зрения последствиями). Я с благодарностью согласился и написал под диктовку Александра Романовича соответствующее прошение, которое ему и передал. В силу присутствия у меня вышеуказанной презумпции я ожидал официального извещения о моём новом статусе. Ничего не получив, я решил, что дело заглохло. Однако через несколько лет мне было прислано уведомление о наличии у меня многолетней задолженности по членским взносам. Потом эти уведомления повторялись. Последний раз, чуть ли не через десять лет после моего прошения, я получил грозное предупреждение, что если я немедленно не погашу задолженность, то буду лишён права избирать и быть избранным на Всесоюзный съезд психологов. По-видимому, все эти годы я был членом Московского психологического общества. Впрочем, о своём исключении из него я тоже не получил уведомления.

Однако, отмечая культурные (или культурологические, то есть с удовлетворением фиксируемые культурологией) различия между физиками и лириками вообще и математиками и филологами в частности, не упустим и замечательных примеров их плодотворного единения, а точнее — личной унии. Мы приведём три такие примера, два из XVIII века и один из наших дней.

ПРИМЕР ПЕРВЫЙ: АДАДУРОВ

Откроем на с. 660 «Математический энциклопедический словарь» (М.: Советская энциклопедия, 1988). Читаем:

АДАДУРОВ, Адодуров Василий Евдокимович [15(26).3. 1709, Новгород — 5(16).11.1780, Петербург] — русский математик, почётный чл. Петербургской АН (1778), первый русский учёный, избранный адъюнктом АН (1733—41)⁴⁴ Был попечителем Московского ун-та. Занимался вопросами преподавания математич. наук. Перевёл (СПб, 1740) на русский язык 1-ю часть «Арифметики» Л. Эйлера. Издал первые правила русской орфографии.

• Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года, М., 1968.

Там же — силуэт Ададунова работы неизвестного художника.

⁴⁴ «В 1733 г. А. первый из русских был признан адъюнктом математики», указывает «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона (т. 1, стлб. 414). — В. У.

Итак, заслуги Ададурова перед математикой достаточны для того, чтобы ему была посвящена статья в биографическом разделе «Математического энциклопедического словаря». Однако заслуги Ададурова перед отечественным языкознанием никак не меньше, чем перед отечественной математикой. Могут возразить, что факт издания Ададуровым правил орфографии нельзя считать доказанным. «Но независимо от того, было ли издано сочинение Адодурова о правилах российской орфографии, самый факт написания им подобного сочинения <...> не подлежит сомнению. Соотнося показания Адодурова и [Н. И.] Новикова, мы можем заключить, что это сочинение было закончено в 1740 или в 1741 г., но начато было до этого» ([Б.У.]⁴⁵, с. 30—31).

В приведённой статье из «Математического энциклопедического словаря» сказано, хотя и весьма сжато, о роли Ададурова (Адодурова) в преподавании математики. О его преподавательской роли в языкознании читаем в [Б.У.] на с. 45—46:

По сенатскому указу в июле 1737 г. Адодурову было поручено дважды в неделю обучать при сенате сенатских и коллежских юнкеров «грамматики славянской и латыни читать»; можно полагать, однако, что речь шла в действительности об обучении русскому языку, так как в академическом реестре на 1737 г. (от 31 декабря 1737 г.) указывается, что адъюнкт Адодуров «обретающихся при правительствующем сенате юнкеров обучает по дважды в неделю в чтении и писании русского диалекта». Уже в следующем 1738 г. Адодуров должен «русскому языку учить» в публичных лекциях, возобновляемых с 1 июня 1738 г. в так называемом академическом университете, причём, по свидетельству самого Адодурова, он принуждён «всё, что до того надлежит, сам вновь сочинять».

И там же в сноске на с. 45:

Достаточно знаменательно, наконец, и то, что именно Адодурову было поручено в 1744 г. преподавать русский язык невесте наследника престола — будущей императрице Екатерине II. <...> Екатерина сообщает между прочим, что она по ночам «заучивала наизусть тетради», которые оставлял ей Адодуров.

⁴⁵ Здесь и в дальнейшем так обозначается книга: Б. А. Успенский. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики). — М.: Наука, 1975. — 232 с. Это лучшая из читанных мною книг моего брата, недостаточно, на мой взгляд, оценённая.

Обратимся теперь к статье «Ададу́ровы (в старину Ододу́ровы)» в 1-м томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. Мы узнаём про Василия Евдокимовича, что

он <...> обратил на себя внимание знаменитого Бернулли⁴⁶, сделан был адъюнктом по кафедре математики и переводчиком при Академии. <...> Кроме математических исследований, А. издал немало полезнейших переводов с иностранных языков и составил русскую грамматику.

Под русской грамматикой, упоминаемой в этой цитате из словаря Брокгауза—Ефрона, подразумевается, надо полагать, «краткая грамматика В. Е. Адоду́рова, изданная (<...> без указания автора) в качестве приложения к лексикону Вейсмanna 1731 г. — на немецком языке» ([Б.У.], с. 8). Лишь много лет спустя было обнаружено, что Ададу́ров является также автором первой русской грамматики на русском же языке. Эту грамматику Ададу́ров начал писать в 1738 году и закончил не позже первой половины 1741 года ([Б.У.], с. 49). Затем она была переведена Михаилом Грёнингом (Michael Groening) на шведский язык и издана в 1750 году в Стокгольме под его именем, отчего и была известна в течение более двухсот лет как *грамматика Грёнинга*. То, что подлинным автором грамматики Грёнинга является Ададу́ров, — это замечательное открытие принадлежит Борису Андреевичу Успенскому, обнаружившему в Библиотеке Академии наук СССР написанную разными почерками рукопись, содержащую фрагменты ададу́ровского текста. Своё открытие его автор подробно обосновывает в монографии [Б.У.]:

Настоящая работа посвящена доказательству того, что первая грамматика русского языка, предназначенная непосредственно для

⁴⁶ Имеется в виду Даниил Бернулли (1700—1782), автор основного уравнения гидродинамики (называемого *уравнением Бернулли*), работавший в 1725—1733 годах в Петербургской академии наук (сначала на кафедре физиологии, а затем на кафедре механики). По его инициативе Ададу́ров и был сделан адъюнктом кафедры математики. Математический результат Ададу́рова упоминается в письме Д. Бернулли к Х. Гольдбаху от 28 мая 1728 года; это упоминание приведено на с. 261 второго тома двухтомника «Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII-ème siècle», изданного в 1843 году в Санкт-Петербурге Паулем (он же Павел Николаевич) Фуссом (Paul Heinrich von Fuss). (Полное название этого замечательного двухтомника таково: «Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres du XVIII-ème siècle précédé d'une notice sur les travaux de Léonard Euler tant imprimés qu'inédits et publiée sous les auspices de l'Académie impériale des sciences de Saint Pétersburg par P.-H. Fuss».) — В. У.

самого его носителя, была написана не Ломоносовым⁴⁷ — как это считалось до последнего времени — но ещё в 30-е годы XVIII в.

<...>

Понятно, что данный вопрос имеет принципиальное значение: появление грамматики на родном языке знаменует кодификацию норм живой речи и представляет собой тем самым кардинальный этап в истории литературного языка. ([Б.У.], с. 4 и 11.)

Прибавлю ещё, что проведённое в [Б.У.] доказательство является одновременно и убедительным, и увлекательным.

ПРИМЕР ВТОРОЙ: БАРСОВ

Если Василий Ададулов определяется в энциклопедической статье как математик, то Антон Барсов, напротив, как лингвист. Читаем в 3-м томе 3-го издания «Большой Советской Энциклопедии»:

БА́РСОВ Антон Алексеевич (1730, Москва — 21.1.1791, там же)⁴⁸, русский учёный-лингвист и общественный деятель. Акад. Росс. АН (1783), проф. Моск. ун-та (1755). <...> Его гл. труд — «Краткие правила российской грамматики» (1 изд. 1771) в течение нескольких десятилетий служил осн. учебником рус. яз. <...> Б. принадлежит «Обстоятельная российская грамматика» (1783—88, неопубл.⁴⁹). <...>

«XVIII в. в истории Московского университета осенён именами великих филологов М. В. Ломоносова и А. А. Барсова», — читаем мы во вступительной статье М. Л. Ремнёвой и А. Г. Соколова к неоднократно цитировавшемуся уже в настоящем Послесловии сборнику [ФФМУ 2001]. В этой же статье упоминается, что именно магистр Антон Барсов произнёс первую, после молебна, речь на состоявшемся 26 апреля (7 мая) 1755 года торжественном открытии Московского университета, причём сказал её на русском языке (последующие три оратора говорили соответственно на латинском, французском и немецком языках).

⁴⁷ Как указывается в [Б.У.] на с. 11, «грамматика Ломоносова, хотя и обозначена на титульном листе 1755 годом, вышла первым изданием в январе 1757 г. Рукописный экземпляр этой грамматики был поднесён великому князю Павлу Петровичу 20 сентября 1755 г.». — В. У.

⁴⁸ Даты даются по старому стилю. — В. У.

⁴⁹ Ныне опубликована под названием «Российская грамматика», см. ниже. — В. У.

Однако Барсов славен не только как филолог и оратор. С Барсова началось преподавание математики в Московском университете. Говоря современным языком, Барсов был первым заведующим кафедрой математики Московского университета. Читаем в 5-м полутоме «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона:

Барсов (Антон Алексеевич) — ординарный профессор красноречия Московского университета, действительный член Академии наук <...> получил под руководством отца своего основательное классическое образование; учился сначала в Славяно-греко-латинской академии, а с 1748 г. в С.-Петербургской академии наук. Получив степень магистра философии и свободных наук, Б. преподавал некоторое время математику в академической гимназии и был корректором «Ведомостей», издаваемых Академиею; в 1755 г. занял, во вновь основанном Московском университете, кафедру математики, а в 1761 г. определён профессором красноречия. <...>

И снова возвращаемся к статье М. Л. Ремнёвой и А. Г. Соколова:

Антон Алексеевич Барсов — учёный энциклопедической образованности: прежде чем стать профессором по кафедре красноречия, он читал математику, сначала в Академии наук в Санкт-Петербурге, затем в Москве, при этом его уход из Петербургской Академии наук был воспринят как бедствие — в математике его нечем было заменить. С другой стороны, полученное в Славяно-греко-латинской академии образование обеспечило ему глубокую филологическую подготовку. Один из первых русских математиков, он оказался талантливым и тончайшим филологом, способным педагогом, переводчиком, редактором. Он создал капитальный труд — «Российскую грамматику», которая, к сожалению, не была опубликована при жизни учёного и увидела свет лишь в наши дни⁵⁰. Эта работа свидетельствует о том, что, будучи последователем Ломоносова, Барсов пошёл дальше своего учителя в осознании и описании специфики норм русского литературного языка в их противопоставленности нормам как церковно-славянского языка, так и русского предшествующей поры.

⁵⁰ Вот описание этого издания: А. А. Барсов. Российская грамматика / Подготовка текста и текстологич. комментарий М. П. Тоболовой; Под ред. и с предисловием Б. А. Успенского. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. — 776 с. — В. У.

ПРИМЕР ТРЕТИЙ: ЧЕТЫРЕ ПАРЫ

Браки, как известно, заключаются на небесах. Если принять эту парадигму, то можно сказать, что само Небо благословило союз лингвистики и математики. Поясню сказанное.

Не без моего участия, Механико-математический факультет МГУ ежегодно направлял и направляет своих сотрудников и аспирантов на Филологический факультет для преподавания на ОСИПЛе/ОТИПЛе. В результате счастливым образом сложились четыре супружеские пары, в каждой из коих жена — выпускница ОСИПЛа/ОТИПЛа, муж которой в её студенческие годы преподавал ей математику. Вот эти пары:

Александра Александровна Раскина (выпуск 1965 года) и Александр Дмитриевич Вентцель (выпуск Мехмата 1958 года);

Марина Игоревна Воронцова (выпуск 1980 года) и Валентин Борисович Шехтман (выпуск Математического факультета Московского госпединститута им. Ленина 1975 года);

Елена Игоревна Булин-Соколова (выпуск 1985 года) и Алексей Львович Семёнов (выпуск Мехмата 1972 года);

Ксения Алексеевна Гилярова (выпуск 1998 года) и Лев Дмитриевич Беклемишев (выпуск Мехмата 1989 года).

Все названные мужья стали учёными мужами, известными математиками, докторами физико-математических наук.

Примечания

■ [к § 2, с. 390]. Р. Г. Котов был вообще довольно гнусной личностью. Он сыграл немалую роль в изгнании Мельчука. ●●► Указывая мне на отсутствие Котова в Указателе первого издания, Г. А. Миронов писал:

В именном указателе нет фамилии Котов Р. Г., хотя в тексте он где-то есть. Наверное, правильно по отношению к такой маразматической личности. Кстати, недавно в районной газете видел его интервью, полное самовосхвалений. Кроме того, что он участник войны (о том, что это участие было весьма специфическим — в качестве подсадной утки в лагерях военнопленных, конечно, не говорится), говорится, что Котов якобы руководил многотысячными коллективами, и только болезнь помешала его дальнейшей работе. Как раз тогда он был в в/ч 01168 рядовым старшим научным сотрудником (но зато главным интриганом).

◀●●

2 [к § 2, с. 390]. Эта же проблема возможной эмиграции в Израиль и сопутствующие ей лжепатриотическая демагогия служила прикрытием и для вульгарного антисемитизма, наличие которого в СССР предпочиталось всё же стыдливо замалчивать, хотя все о нём знали. Впрочем, нередко он проявлялся и достаточно открыто. Предполагалось, в частности, что объявить кого-либо евреем было достаточно, чтобы тем самым раскрыть его гнусную антинародную сущность. Партийные пропагандисты сообщали доверительно, что Солженицын на самом деле *Солженицер*, а Борис Ельцин — *Борух Эльцин*.

3 [к § 2, с. 390]. Нынешнее понимание слова *элита*, кажется, ещё не нашло отражения в словарях. Например, «Толковый словарь иностранных слов» Л. П. Крысина (М.: Русский язык, 2000) так толкует это слово: «Лучшие представители общества или какой-н. его части». Элементарный анализ повсеместного употребления слова *элита* в средствах массовой информации приводит к необходимости заменить в указанном толковании слово *лучшие* словосочетанием *наиболее влиятельные*.

4 [к § 2, с. 390]. К числу таких разошедшихся со Звегинцевым сторонников принадлежал и Виктор Владимирович Виноградов. На с. 326 в [ФФМУ 2001] говорится:

В 1952 году заведующим кафедрой общего языкознания стал Владимир Андреевич Звегинцев (1910—1988), переехавший в Москву из Ташкента. <...> В 1956 году он защитил на Филологическом факультете МГУ докторскую диссертацию <...>

Столь нестандартным взлётом своей карьеры Звегинцев был обязан Виноградову, который после отмены марризма стал главой советского языкознания и нуждался в новых, немарристских кадрах. Как известно, так называемое «новое учение о языке» Н. Я. Марра безраздельно царило в советском языкознании (наподобие того, как лысенкоизм царил в советской биологии). Оно пошатнулось 9 мая 1950 года, когда газета «Правда» открыла на своих страницах дискуссию по вопросам языкознания, и окончательно пало 20 июня того же года, когда дискуссия завершилась появлением в «Правде» статьи Сталина с критикой марризма. Естественно, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Н. С. Чемоданов, выступивший в дискуссии в поддержку «нового учения о языке», был немедленно отстранён от заведования кафедрой.

После отстранения от руководства проф. Н. С. Чемоданова кафедру общего и сравнительно-исторического языкознания курировала проф. О. С. Ахманова, заведовавшая кафедрой английского языка.

([ФФМУ 2001], с. 326.)

Внимательный читатель заметит, что в двух приведённых цитатах, взятых со с. 326 сборника [ФФМУ 2001], одна и та же кафедра названа по-разному (то же происходит во втором снизу абзаце на с. 330). Как бы ни называлась кафедра, она не могла обходиться без заведующего, и В. В. Виноградов добился перевода Звегинцева из Ташкента в Москву. Однако вскоре Виноградов счёл Звегинцева неблагодарным (на мой взгляд, не без оснований). Отзыв Виноградова о Звегинцеве в телефонном разговоре со мной весной 1965 года был выдержан в оскорбительных выражениях.

■ [к § 2, с. 391]. Идея эгалитарности тесно связана с другой основополагающей идеей: каждый человек это всего лишь винтик в гигантском механизме, отождествляемым со страной или государством, а в тоталитарном мышлении страна неотличима от государства. Слово «винтик» в этом значении употребил, как известно, товарищ Сталин в своём знаменитом тосте 25 июня 1945 года на приёме по случаю состоявшегося накануне Парада Победы⁵¹. В качестве хорошей иллюстрации мне вспоминается также цитата из советской инструкции в стихах по технике безопасности при проведении сварочных работ: «Твои глаза стране нужны». ●●► Цитату эту я помнил всегда, но в начале 2008 года огромный настенный плакат, обнаруженный мною на лестнице, ведущей от входа на станцию «Чистые Пруды» московского метро к эскалаторам, показал, что отражённая в цитате социальная парадигма возрождается (а может, никогда и не умирала). Плакат изображал женщину, держащую тройню, а надпись гласила: СТРАНЕ НУЖНЫ ТВОИ РЕКОРДЫ. Как-то сомнительно, что кто-либо бросится рожать, увидев этот плакат. Совок вернулся. Или и не уходил? ◀●●

■ [к § 2, с. 393]. Как ни грустно признать, это почти верно. Дело в том, что в СССР на протяжении десятков лет происходил отрицательный естественный отбор, результатом которого стало катастрофическое ухудшение генофонда нации. Наиболее нравственно здоровых, активных, предприимчивых и самостоятельно мыслящих ссылали, сажали и убивали (вспомним хотя бы раскулачивание — но это только один из примеров, наиболее массовый). В результате пропорция швондеров и шариковых (скорее шариковых, чем швондеров, потому что швондеры потом начали уничтожать друг друга) и их гене-

⁵¹ «Некогда И. В. Сталин ласково называл всех нас „винтиками“, — с умилением вспоминает И. Р. Шафаревич в написанной в декабре 1971 года статье «Есть ли у России будущее?» — см., например, <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/11.html> или <http://www.mmonline.ru/articles.php?mid=1912>.

тических потомков непомерно возросла. Этим во многом определяется сегодняшнее печальное состояние российского общества. А то, что об этом почти не говорят, объясняется защитной реакцией: тема слишком ужасна, чтобы о ней говорить. В России куда комфортабельнее говорить об истреблении Томасом Торквемадой генофонда Испании в XV веке, что явилось началом конца Испании в качестве великой державы [25]. Возвращаясь к России: многим кажется, что у неё нет будущего. Мне приходилось слышать, впрочем, и такой оптимистический в кавычках прогноз: когда часть населения вымрет от пьянства, наркомании и СПИДа, вот тогда Россия возродится. Автору этого прогноза возражал пессимист, утверждавший, что после указанной части останется олигофренное потомство. Слушать эту дискуссию было и страшно, и омерзительно, но контраргументов я не нашёл.

Где-то я слышал такое суждение, не претендующее, конечно, на демографическую точность, но дающую в целом правильное представление о последствиях сталинизма: *зеки не оставляли потомства, но потомство оставляли те, кто их сажал и охранял*. Советское общество было воспитано на насилии и продолжает объединяться идеей победоносной войны, будь-то с немцами или с поляками; это отмечено в датах главных государственных праздников 9 мая и 4 ноября. Я предпочёл бы, чтобы главными праздниками были день рождения Пушкина и день отмены крепостного права. Но, увы, идея *святой ненависти*, взращённая Сталиным, пронизывает российское общество до сих пор.

●● Газета «Комсомольская правда» в своём номере от 19 октября 2007 года дала следующее сообщение в разделе «Политика» (см. <http://www.kp.ru/daily/23987/75795>):

Невозможно «перепрограммировать» генетический код России и заложить в него демократию. Демократия — это не то качество, которое заложено в крови России.

(Президент США Джордж Буш — вчера, отвечая на вопросы журналистов в Белом доме.)

Взгляд, конечно, очень варварский (то бишь неpolitкорректный), но верный. Весьма правдоподобно существование гена, вызывающего стремление подчиниться. Преобладание этого гена в геноме российского населения вовсе не обязательно объяснять изменением генома под воздействием среды (возможность такого изменения признаётся, кажется, отнюдь не всеми). Это преобладание объясняется отбором: носители противоположного гена безжалостно истреблялись, прежде всего и особенно целенаправленно — сталинскими репрессиями. (Неясно, можно ли такой отбор назвать естественным; с чисто

биологической точки зрения, вероятно, можно. Заметим ещё, что за всю историю России в ней никогда не было демократии — были лишь недолгие периоды анархии, воспринимавшейся как демократия.)

А вот что пишет Сергей Адамович Ковалёв в «Новой газете» № 75 от 15 июля 2009 года:

И. В. Сталин вёл свой отбор на страх, раболепие, подлость вполне сознательно, хотя не думал, конечно, о понятиях сельскохозяйственной селекции. Селекционной делянкой, ясно, были лагеря, раскулачивание и коллективизация, но не только. Чистки, проработки, верноподданные митинги и демонстрации, гражданский долг доноительства, уроки ненависти на политучёбе, просто учёба с её промывкой мозгов и проч. Мне возразят, что уж это не отбор, а воспитание. Это так: воспитание ещё важнее в направляемой народной эволюции. Однако в перечисленном есть и опосредованный селекционный момент.

Как бы то ни было, расу *советский человек* можно считать сформировавшейся и достаточно устойчивой. Исторический эксперимент показал, что политические потрясения не меняют её антропологической сущности. Под историческим экспериментом в данном случае понимается смена политического и государственного строя в августе 1991 года с последующей ликвидацией Советского Союза в декабре того же года. Оказалось, что и после этих драматических событий основная часть населения (из каковой не исключает себя и автор этих строк) продолжает состоять из советских людей, то есть представителей названной расы, с их двоемыслием и признанием, сознательным или бессознательным, права властей ими помыкать.

О генетических последствиях советского периода в истории России пишет и Николай Сванидзе в интернетском «Ежедневном журнале» от 1 февраля 2011 года <http://ej.ru/?a=note&id=10772>:

70 лет разнообразного, последовательного и безжалостного негативного отбора принесли плоды не только демографические, но и генетические. В результате блестящего социального эксперимента удалось создать нового человека. Человека, который не хочет трудиться, свято верит в золотую рыбку, ненавидит тех, кто предлагает смастерить удочку и испытывает одно, но пламенное желание — забраться как можно выше, так высоко, чтобы весь мир видел его задницу, и оттуда, с этой дивной, немыслимой выси на всех насрать. Этот итог следует признать высшим достижением Советской власти и лично т. Сталина как наиболее яркого её выразителя.

■ [к § 2, с. 395]. ●●► Впрочем, ислам также имеет свою тоталитарную специфику. Я не собираюсь говорить здесь о взрывах. Во-первых, всё это хорошо известно. Во-вторых, политкорректность предписывает заявить, что террористы лишь прикрываются исламом, а истинный ислам террор осуждает. В-третьих, более любопытен тоталитаризм не столь явный и оттого, возможно, даже более опасный. В качестве примера такового поделюсь тем, что сегодня, 16 декабря 2006 года, я услышал по радио «Свобода». А услышал я вот что. В Турции в программу школьного образования включены некоторые великие произведения мировой литературы. Однако многие из них препарированы так, что их герои оказываются представителями мусульманской культуры. Так, Золушка и Том Сойер носят турецкую обувь, пять раз в день совершают намаз и прилежно трудятся: одна на кухне, а другой в огороде, причём Золушка готовит восточные кушанья, а Том выращивает распространённые в Турции овощи. Услышанное произвело на меня большое впечатление. Это ведь не Саудовская Аравия и не Иран, а Турция, чуть ли не наиболее либеральная среди мусульманских стран. Турция славится светскостью своего режима, её власти противятся исламскому фундаментализму, и вообще эта страна претендует на то, чтобы войти в Европейский Союз. И вот с такими представлениями они собираются войти в европейское культурное пространство. Не без гордости я подумал о западной цивилизации. Ведь за века до возникновения понятия 'политкорректность' никому бы и в голову не пришло переделывать восточные повествования на западный лад — напротив, при переводе всегда старались сохранить как можно больше реалий и колорита подлинного быта. (А, может быть, моя гордость вызвана не чем иным, как моей европоцентристской узостью взгляда? А при более широком взгляде надо с ещё большей гордостью за человечество воскликнуть: «Молодцы, турки! Так держать!». Непонятно только, зачем им тогда в Европу. Разве что с целью её поглотить.) ◀●●

■ [к § 2, с. 396]. В связи со сказанным вспоминаю брошюру о партийно-идеологической работе с интеллигенцией. Там указывалось, в частности, что при правильно поставленном подходе и интеллигенцию можно перевоспитать. Так, рассказывалось в брошюре, член-корреспондент Марков опубликовал статью «О природе физического знания» (возможна неточность: пишу название по памяти), осуждённую как идеологически порочную; однако после проведённой с ним работы автор исправился и написал положительно встреченную советской общественностью статью «Логика математическая». Комизм ситуации заключался в том, что авторами названных статей

были разные члены-корреспонденты Марковы: первую статью написал физик Моисей Александрович Марков (впоследствии академик), а вторую — математик Андрей Андреевич Марков младший.

9 [к § 3, с. 400]. Это есть процесс той же природы, что и составление расписаний — например, авиарасписаний. От хорошо осведомлённого лица я слышал такую историю. В 70-х, примерно, годах в авиационном ведомстве работал уникальный человек, составлявший расписания для московских аэропортов. Уникальность его состояла в том, что он все сведения держал в своей голове. Региональные руководители (то есть первые секретари обкомов и республиканских ЦК) оказывали ему неслыханные знаки внимания. Дело в том, что каждому из них надо было прилететь в Москву утром, чтобы не позже, скажем, десяти попасть в ЦК КПСС на важное заседание. Для этого нужно было иметь в расписании соответствующий рейс. Но все московские аэропорты в совокупности могли принять ограниченное количество утренних рейсов. Поэтому конкуренция на благосклонность составителя расписаний была велика.

10 [к § 3, с. 401]. К ним относились история КПСС, диалектический материализм, исторический материализм, политэкономия капитализма, политэкономия социализма, научный коммунизм, научный атеизм. Эти предметы, частично лживые, а частично бессмысленные, отнимали у студентов массу времени; их посещение и составление конспектов прочитанной литературы строго контролировалось. Без ясного понимания места перечисленных дисциплин в структуре советского высшего образования нельзя получить должного представления об устройстве советского общества 26. Теперь, когда объявлена демократия, эти общеобязательные дисциплины заменили другими (вроде таких, как «Основные концепции современного естествознания» или «Политические учения»), преподающимися в большинстве случаев на чрезвычайно низком уровне, но, кажется, почти столь же общеобязательными; утешаться можно тем, что посещение и конспектирование этих субституты марксистско-ленинского учения контролируется уже не так строго.

11 [к § 3, с. 406]. Начало единовластия Хрущёва следует отнести к лету 1957 года, когда он (с помощью Г. К. Жукова, которого потом уволил, испугавшись его могущества) победил и изгнал из руководства партии пытавшуюся его свергнуть «антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова». А конец эпохи Хрущёва наступил 14 октября 1964 года, когда он был снят со всех своих постов «в связи с внезапно наступившей старостью», как шутили тогда. В тот день я находился на работе в

ВИНИТИ (то есть во Всесоюзном институте научной и технической информации). Нас собрали в конференц-зале Института; секретарь институтского парткома Игорь Онуфриевич Куликов, только что вернувшийся из райкома партии, сообщил нам о смещении Хрущёва и ритуально спросил: «Есть ли вопросы?». Последовал неожиданный вопрос: «Что делать с портретами?». Портреты Хрущёва, естественно, висели во многих кабинетах. Вопрос застал Куликова врасплох. Было ясно, что в райкоме никаких инструкций на этот счёт дано не было. Надо отдать должное Куликову — его замешательство длилось недолго, а ответ был и вовсе замечательным. «При решении вопроса о портретах, — сказал Куликов, — следует исходить из того, что товарищ Хрущёв Никита Сергеевич был и остаётся... (здесь была секундная пауза) гражданином Союза Советских Социалистических Республик».

[2] [к § 4, с. 411]. Ю. А. Шиханович окончил Механико-математический факультет МГУ в 1955 году, а с октября 1957 по октябрь 1960 года обучался в аспирантуре того же факультета под руководством профессора С. А. Яновской. После окончания аспирантуры он был зачислен (по распределению) младшим научным сотрудником кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Филологического факультета МГУ. В этой должности он пребывал до 28 сентября 1963 года, когда через почти полтора года после образования кафедры структурной и прикладной лингвистики был переведён на должность преподавателя названной кафедры («в счёт единицы доцента кафедры языков западных и южных славян», как сказано в приказе ректора МГУ № 1113-гф от 7.10.1963). Ю. А. Шиханович преподавал математику на ОТИПЛе и ОСИПЛе с сентября 1960 года по июнь 1968 года. На основе опыта своего преподавания на ОТИПЛе и ОСИПЛе он создал книгу: Ю. А. Шиханович. Введение в современную математику (Начальные понятия). — М.: Физматлит, 1965. — 376 с., «ставшую, — по словам А. Е. Кибрика (см. **[ФФМУ 2001]**, с. 358), — незаменимым учебным пособием для осипловцев и оставшуюся таковым по сей день». Моё предисловие к этой книге приводится в книге 2 настоящего издания. 19 сентября 1966 года Ю. А. Шихановичу была присуждена за его книгу учёная степень кандидата педагогических наук.

[3] [к § 5, с. 418]. Как мне вспоминается, я произнёс в кабинете Петровского взволнованную речь. Помню также, как в названном кабинете появился проректор по гуманитарным факультетам Н. Мохов, который намекнул, что Шиханович подозревается в еврейском национализме (что-то вроде того, что он, де, окружает себя студентами определённой национальности). На это Петровский в чрезвычайно резком тоне заявил, что не желает этого слышать.

14 [к § 5, с. 419]. Вторая диссертация на степень доктора физико-математических наук по математической лингвистике была защищена лишь осенью 2000 года — её защитил на Механико-математическом факультете МГУ Мати Рейнович Пентус.

15 [к § 5, с. 421]. А мне, к моему изумлению, ещё в 1965 году было предложено деканом А. Г. Соколовым войти в состав Учёного совета Филологического факультета. И 8 декабря 1965 года воспоследовал приказ Министра высшего и среднего специального образования № 547-в «О введении в состав совета филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова доктора физико-математических наук, доцента Успенского В. А.». (В те годы не было деления советов на административные и диссертационные, как теперь. Поэтому на Совете Филологического факультета защищались докторские диссертации, а также утверждались диссертации кандидатские, защищавшиеся на секциях факультетского Совета. Некоторые защиты, например защита П. Ф. Юшиным докторской диссертации о Есенине, достойны того, чтобы о них написать.)

16 [к § 5, с. 425]. Кандидат технических наук Юрий Михайлович Остряшков, ныне уже покойный, был специалистом по антеннам и потому был приглашён Звегинцевым на свою кафедру представлять на оной теорию речевых сигналов. В качестве доцента он обучал студентов осциллографам и прочим техническим средствам исследования звуков. По моим ощущениям, он был человек неплохой, а одно его хобби было и вовсе замечательным: он изготавливал игрушечные парашюты, которые могли запускаться, например, с помощью рогатки. (Говорят также, что он интересовался теорией пения, и вскоре ушёл с кафедры и перешёл на работу в Гнесинское училище.) Для Звегинцева было естественно поручить именно ему определять, какая математика и в каком объёме нужна лингвистам.

17 [к § 6, с. 427]. Отступление о Петровском. Иван Георгиевич Петровский (18.01.1901 нового стиля — 15.01.1973) был очень крупный математик и очень хороший человек. Я относился к нему с уважением и почти с любовью. Он был ректором Московского университета в течение 22 лет, и мне кажется, что никто не был университетским ректором дольше (Лобачевский был ректором Казанского университета 19 лет, с 1827 по 1846 год). Быть ректором большого университета всегда непросто, а в советское время — в особенности, потому что над ректором стоял партийный комитет университета: партийная организация любого учебного заведения обладала правом контроля деятельности администрации **27**.

Ректорство было для Петровского не службой, а служением. Имея и другие обязанности (член двух Президиумов — Академии наук с 1953 года и Верховного Совета СССР с 1966 года **23**, заведующий кафедрой дифференциальных уравнений МГУ и т. д., не говоря уже об обязанностях исследователя), он находился в своём ректорском кабинете с раннего утра до позднего вечера. Ощутимая часть его времени уходила на переговоры по телефону, в том числе по телефону правительственной связи. По моим понятиям, он ежедневно приносил себя в жертву во имя блага Университета. Вопрос об оправданности такой жертвы, как всегда, остаётся открытым. Безусловно, ему, беспартийному интеллигенту, приходилось идти на компромиссы и подлаживаться к советской власти. По моему убеждению, вынесенному из анализа самого себя, такое приспособленческое поведение, сколь бы вынужденным оно ни было, не может не отразиться отрицательно на внутреннем мире человека. Однако даже в этой малоприятной сфере Петровский вёл себя нестандартно. Помню собрание выпускников МГУ 1952 года⁵², на котором мне был вручён диплом об окончании Университета. «Давайте пошлём письмо товарищу Сталину», — сказал ректор Петровский; эта безупречная, с грамматической точки зрения, форма повелительного наклонения первого лица множественного числа глагола запомнилась мне своей необычностью — принято было произносить в таких случаях ритуальную формулу: «Поступило предложение послать письмо...». Как сейчас вижу Петровского, несколько опасливо идущего по фойе Главного здания на Ленинских горах и первым здоровающегося чуть ли не с каждым встречным (это чтобы его не заподозрили в надменности, надо полагать). В моём конфликте с Филологическим факультетом — теперь, начиная с сентября 1967 года, уже не со Звегинцевым, а с Факультетом — он как математик не мог не поддерживать математику и он же как математик боялся быть обвинённым в великоматематическом шовинизме, то есть в том, что математик возобладал в нём над ректором. Он, конечно, понимал, что по существу я прав (или, если плюралистически допустить возможность моей неправоты, он заблуждался, считая меня правым), но должен был блюсти дипломатический баланс собственных взаимоотношений с Филологическим факультетом. Полагаю, что моя бескомпромиссность, если даже

⁵² Оно происходило ещё в старом актовом зале на Моховой: Главное здание МГУ на Воробьёвых (тогда Ленинских) горах было торжественно открыто кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко (бывшим тогда министром культуры, которому подчинялось всё высшее образование) лишь 1 сентября 1953 года.

была ему понятна, выглядела в его глазах мальчишеской, тактически вредной и к тому же создающей лично ему досадную помеху в многотрудном деле управления Московским университетом.

18 [к § 6, с. 428]. Психолог Н. И. Жинкин (1893—1979) состоял профессором кафедры структурной и прикладной лингвистики. Он был специалист по системам коммуникации и, в частности, по звуковым сигналам обезьян (некогда работал в знаменитом Сухумском обезьяньем питомнике). Некоторые из современных психолингвистов видят в нём классика науки. В письме ко мне от 29 декабря 1964 года А. Н. Колмогоров одобрительно отозвался о статье Жинкина «О кодовых переходах во внутренней речи» (см. с. 245 книги 4 настоящего издания).

19 [к § 6, с. 429]. В моём тогдашнем умонастроении было что-то общее с умонастроением некоего мужика, сидевшего в камере, соседней с той, в которую был заключён В. Г. Короленко. О нём Короленко упоминает в своих воспоминаниях, которые я сейчас пересказываю по памяти и потому прошу прощения за возможные неточности. Мужик, о котором вспоминал Короленко, был посажен за распространение им крамолы. Крамола же состояла в том, что, как заявлял мужик, имелась государева грамота, в которой собственной рукой царя написано *Быть по тому и быть по сему*, а больше уже ничего и не написано; и вот эту-то государеву грамоту злодеи-министры скрывают от народа. Здесь всё замечательно: и текст грамоты, и мужиково убеждение, что будь она опубликована, мир немедленно изменился бы к лучшему, и то, что власти за это убеждение держали его в тюрьме.

20 [к § 6, с. 433]. Автор статьи заявлял, в частности, что «возможности математики в лингвистике явно преувеличены» и — говоря об учебном плане ОСИПЛа — что «на первых порах <...> чрезмерно много времени было отведено математике». Возможности математики в лингвистике действительно ограничены, с этим я согласен, но не знаю, кто их преувеличивал. Что касается места математики в учебном плане, то об этом уже достаточно было сказано в настоящем Послесловии. С остальными же положениями статьи Звегинцева — в частности, с разграничением понятий ‘прикладная лингвистика’ и ‘математическая лингвистика’ — я был готов согласиться, и вообще находил эту статью довольно умеренной. Марков же был настроен куда более непримиримо. Для Звегинцева на первом плане стояла прикладная лингвистика, для Маркова же — математическая лингвистика. Марков был выдающийся математик и порядочный человек, но славился своим неуживчивым характером и агрессивной радикально-

стью своих научных взглядов. (Вот характерное для него заявление: «Я готов к компромиссу с Павлом Сергеевичем [Александровым]. Компромисс должен состоять в том, что Павел Сергеевич примет мою точку зрения».) И хотя в моём споре со Звегинцевым Марков решительно поддерживал меня, от его вмешательства в конфликт я ничего хорошего не ждал.

21 [к § 6, с. 434]. Виталий Викторович Шеворошкин (р. 1932) имел в то время славу человека, расшифровавшего один из древних языков Малой Азии, представленный небольшим числом коротких надписей. Мне вспоминается какое-то относительно многочисленное собрание студентов Филологического факультета, перед которым Шеворошкин выступил со своим сообщением. А после него с комментарием выступил Самуил Борисович Бернштейн. «Вот Шеворошкин расшифровал карийский язык, — сказал Бернштейн. — А, спрашивается, зачем? Надписи, которые он прочёл, оказались совершенно неинтересными. Вот если бы он указал место карийского в системе хетто-лувийских языков...». Теперь В. В. Шеворошкин работает в University of Michigan, Ann Arbor, где я его и видел осенью 1989 года.

22 [к § 7, с. 448]. С целью отличить слависта Самуила Борисовича Бернштейна (21.12.1910(3.01.1911)—6.10.1997) от Сергея Игнатьевича Бернштейна (2(14).01.1892—28.10.1970), автора замечательной статьи «Фонема» во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии, первый именовался в филологических кулуарах *Бернштейн красивый*, а второй — *Бернштейн умный*.

23 [к § 7, с. 448]. ●●► Прочитав это место в 1-м издании, мой брат Б. А. Успенский меня пристыдил. Он сказал, что Самуил Борисович мог позволить себе находиться в помещении в шубе, но никак не в шапке. Каюсь: возможно, шапку Самуил Борисович нёс в руке; допускаю, что в «боярской» шапке на голове я встречал его лишь на лестнице или на улице. ◀●●

24 [к § 7, с. 448]. Разве что Александр Геннадиевич Курош (6(19).01.1908—18.05.1971) выделялся величием осанки и внушающим уважение оглушительным сморканием в пространный носовой платок во время своих лекций (кстати сказать, блестящих). А, скажем, Андрей Николаевич Колмогоров никак не тянул на академика и, кажется, был этим обстоятельством весьма доволен. Во всяком случае, он с удовольствием рассказывал две истории про самого себя. Первая — о том, как в сороковых годах, когда он с рюкзачком шёл через лес со станции Тарасовка к себе в Комаровку, его ограбили (в частности, сняли с него часы — надо думать, единственный сравнительно ценный предмет, который при нём был). Грабители вскоре

были изловлены местной милицией; они долго не могли поверить, что ограбили академика, а поверив, заявили очень искренне, что если бы они только могли себе представить, что встреченный ими путник является академиком, то, конечно же, остереглись бы его грабить. Вторая история была о том, как в столовой какого-то южного санатория Колмогоров сидел за одним столом с неким майором. Железнодорожные билеты для выезда с курорта были в дефиците. Майор объявил, что он — как лицо, состоящее в майорском чине, — билет несомненно получит, а вот его соседу по столу билета, скорее всего, не достанется. Майор был изумлён, когда всё произошло в точности наоборот.

25 [к примеч. 6, с. 458]. Вспомним, что в том же XV веке Торквемаде предшествовало изгнание евреев (в СССР события шли в обратном порядке). Изгнание евреев и уничтожение генофонда титульной нации привело к тому, что Испания потеряла статус великой державы и, в частности, не сумела удержать Северную Америку, ею открытую. Поражение и последующая гибель Непобедимой Армады в следующем, XVI веке была запрограммирована уже в веке предыдущем.

26 [к примеч. 10, с. 461]. ●●► По моей просьбе в октябре 2012 года Альпиний Сергеевич Арутюнов записал историю о том, как он весной 1954 года в качестве первокурсника одного из московских технических вузов сдавал экзамен по одной из общественных дисциплин.

История сдачи первокурсником экзамена по марксизму-ленинизму

В прошлое лето состоялась очередная встреча моих однокурсников. Если в былые времена собирались 40—50 человек на площади, как мы непочтительно называли «У Карламарлы», то в этот раз нас было 6 или 7 седых, но по-прежнему весёлых пенсионеров. Как водится, вспоминали друзей, различные забавные эпизоды студенческой жизни... Возникла тема об экзаменах. Вспоминали строгих и либеральных преподавателей, выясняли, у кого легче было списать, а кто таял от прикосновения девичьей коленки. Большинство сошлось во мнении, что легче всего было сдавать экзамен по марксизму-ленинизму преподавателю Федосееву.

На ответ уходило 4—5 минут. Достаточно было сказать несколько первых предложений: «В своей работе „...“ Владимир Ильич Ленин в 19... году написал ...», далее следовало предложение перейти ко второму вопросу и после аналогичного ответа выставлялась оценка

«Отл» или «Хор». С такой оценкой сдачи на экзамене я категорически не согласился. Мои воспоминания носили совсем не такой благодатный оттенок, а напротив, чувство катастрофического страха и отчаяния с одной стороны и чувство стыда и позора, с другой. Многие товарищи об этой истории позабыли или вовсе не знали, так как я, по понятным причинам, тогда старался её не афишировать.

Итак, по порядку.

Подготовка к экзамену проходила по облегчённому варианту, рекомендованному нам старшекурсниками. Открывался учебник «Краткий курс истории ВКП(б)», в нём находили «краткие выводы» после каждой главы, быстренько их прочитывали, и студент готов к сдаче экзамена.

Мои родители — мать, филолог и отец, историк, который до войны был директором исторической публичной библиотеки, — привили мне любовь к чтению и к истории. Поэтому я не ограничивался краткими выводами, а прочитывал содержание глав. Но, несмотря на юный возраст, подспудно испытывал неприятие материала учебника.

На экзамене я довольно бодро начал отвечать на вопросы экзаменационного билета. Но, вопреки ожиданию, преподаватель меня не останавливал. Затем задал несколько дополнительных вопросов и, не дожидаясь ответа, стал меня разносить — слабо владею материалом, не посещал лекции, невнятно излагаю и т. д. Поставил «Неуд» и предложил придти более подготовленным на пересдачу. Было неприятно, но не смертельно, ну не повезло. Пришлось сесть за учебник более обстоятельно.

На втором «заходе» повторилась та же картина, по тому же сценарию. Положение становилось критичным, стало маячить исключение. Вспомнилась история с нашим товарищем Эпштейном, глубоко изучавшего труды как античных, так и современных философов и историков, что не уберегло его от досрочного прерывания обучения из-за «марксизма».

Бывалые друзья-старшекурсники посоветовали словчить. Я попросил симпатичную девушку из соседней группы ухитриться взять два билета на экзамене, при этом строя глазки преподавателю. Получив билеты, я засел в читальном зале за учебник и обстоятельно подготовился, даже вызубрил подходящие цитаты из трудов Ленина, Сталина. С твёрдой уверенностью, скорее с юношеской самоуверенностью — попробуй завали меня, — явился на экзамен. Но, как оказалось, препод был мастером экзаменационной интриги. Дал мне полностью высказаться по билету, затем задал мне дополнительный вопрос. За давностью не помню содержание, но начало звучало при-

мерно так: «Какие четыре признака ...?». Я бодро перечислил три, слегка задумался и собрался назвать четвёртый, но он не дал мне говорить. Повторил поток шаблонных обвинений о слабом знании материала, непосещении лекций и пр. Я про себя предположил, что он собирается мне поставить «Удов», чтобы лишить меня стипендии. Действительность меня шокировала. Всё повторилось по предыдущим сценариям. В трансе я выскочил из аудитории, не забыв сбросить вместе тезисами лишний билет, дабы не подставлять товарищей. В коридоре меня бледного обступили друзья. Среди них оказался мой друг-старшекурсник, он попросил не волноваться — всё будет в порядке — и с моей зачётной книжкой вошёл в аудиторию. Спустя несколько минут вышел со словами уверения, что хотя ведомость заполнена, завтра будет полный порядок, но придётся выставиться на ресторан. Можно представить в каком состоянии прошла у меня ночь.

На следующий день я в волнении вошёл в аудиторию, поздравовался, протянул зачётную книжку. Препод с мягкой, почти с ласковой улыбкой отложил зачётку, предложил сесть — расскажи о себе, откуда ты родом, кто родители? Я начал рассказывать, что я родился и окончил школу в Тбилиси. Он мечтательно прервал меня со словами: «В Тбилиси хорошо, тепло, пальмы, шашлыки, вино». Поняв намёк, я ответил, что и в Москве много достойных мест, где можно найти и хорошее вино, и приличные шашлыки. Он со мной согласился. Да, есть хорошая шашлычная на Пушкинской площади, на углу бульвара и улицы Горького. Предложил встретиться завтра у памятника Пушкину в 6 часов. Закончил встречу полностью раскрывающего его сущность ключевой фразой: «Оказывается ты хороший парень, а я думал — еврей. Честно — не люблю евреев».

В назначенное время я, вместе с ещё одним товарищем по несчастью, которому он обеспечил экзамен по политэкономии, явились к памятнику Пушкину. В шашлычной наш герой продолжал нас удивлять. Открыл карту грузинских вин, надо заметить в то время (1954 год) в неё входил достаточно длинный список вин, начиная с ординарных столовых № 5, № 8 до элитных «Киндзмараули», «Хванчкара» и др.

Так вот, наш гость-вымогатель стал тыкать в карту по возрастанию номеров (хорошо, что не в каждую строку). В итоге на столе появилась дюжина бутылок. Наш визави, обстоятельно дегустируя и закусывая, наконец удовлетворено откинулся на спинку кресла. С каким-то невероятно фальшивым выражением лица пощёлкиванием пальцев (видимо воображал себя крутым мэном) подозревал

официанта и велел принести газет. Ему было сказано, что есть только вчерашняя «Вечёрка». Тащи, командовал препод. К нашему изумлению он стал сливать из початых бутылок руководствуясь цветом вина, красное к красному, белое к белому, не обращая внимания, что смешивает сухое вино с полусладким. Наполнив бутылки, стал затыкать их хвостатыми газетными пробками, после чего дал знак нам забрать их. И мы с товарищем, под удивлённые взгляды посетителей и сгорая от жгучего стыда, прижав к груди бутылки с торчащими бумажными пробками, поплелись за ним следом. Благо нести было недалеко, до улицы Чехова.

Вот таким образом за два дня этот, так называемый «марксист» заставил пережить такую негативную гамму чувств, от ужаса быть отчисленным, до чувства стыла и позора, при воспоминании которых меня даже теперь, более полвека спустя, бросает в краску.

А вы говорите, самый лёгкий экзамен.

[27] [к примеч. 17, с. 463]. Так было не всегда. Зимой 1951/52 учебного года Пётр Вениаминович Мясников, заместитель по научной работе декана Механико-математического факультета МГУ, разъяснял мне, четверокурснику и председателю Совета Научного студенческого общества факультета, основы субординации. «Вот сейчас будет заседание партбюро⁵³, — сказал мне Мясников, — и беспартийный декан⁵⁴ будет ставить задачи перед партийной организацией факультета». В те годы право контролировать деятельность администрации имели парторганизации заводов и фабрик, колхозов и совхозов, но не учебных заведений. Потом — когда, точно не помню, предполагаю, что в эпоху Брежнева — это право было распространено и на многие другие парторганизации, в том числе на парторганизации вузов. Парторганизация университета стала управлять жизнью университета и деятельностью его ректората, парторганизации факультетов — жизнью факультетов и деятельностью их деканатов, парторганизации кафедр — жизнедеятельностью кафедр. Атмосфера в Московском университете сразу же стала заметно более душной. («Сугубо профессиональные текущие дела кафедры решались не заведующим и не профессиональным преподавательским коллективом, а безликим партийно-цеховым большинством, никакого отношения к делу не имеющим, за его успех не болеющим и за результаты своих решений не отвечающим», — пишет А. Е. Кибрик на с. 360 своей уже

⁵³ Тогда на Мехмате было ещё партбюро, это потом число партийцев увеличилось настолько, что факультетское партбюро преобразовалось в партком. — В. У.

⁵⁴ Владимир Васильевич Голубев. — В. У.

цитированной статьи в сборнике [ФФМУ 2001].) С чисто юридической точки зрения любопытно, что указанное распространение права контроля произошло не путём изменения законодательства, а путём изменения в уставе партии (то есть путём дальнейшей узурпации власти).

28 [к примеч. 17, с. 464]. Президиум Верховного Совета СССР был, по выражению Сталина, «коллективным президентом» Советского Союза; именно этот орган издавал указы того же сорта, которые после введения в марте 1990 года поста Президента СССР начал издавать Горбачёв. Указы Президиума ВС подписывались двумя лицами — Председателем и Секретарём Президиума. (Михаил Иванович Калинин, незадолго до того, как в марте 1946 года он покинул пост Председателя ПВС, явился мне во сне и сообщил, что о подписанных им указах он узнаёт из газет.) Реальная процедура принятия решений Президиумом ВС СССР, насчитывающим почти сорок членов (37 до октября 1977 года, а затем на 2 больше), никогда публично не раскрывалась. Кое-что я узнал от Петровского. Как-то, когда я находился в его кабинете, ему позвонили и у него произошёл короткий разговор по телефону, после которого он счёл нужным поделиться со мной его содержанием. Оказалось, что ему звонили из аппарата ПВС и согласовывали очередной указ, — правильнее было бы сказать, что испрашивали его согласие. Я позволил себе задать несколько вопросов, после которых вырисовалась такая технология принятия указов. Заседания Президиума ВС происходили с некоторой периодичностью, но на этих заседаниях обсуждались не все указы, а только проблемные. Обычно же Петровскому (как и каждому, надо думать, члену ПВС) звонили, кратко излагали суть предлагаемого указа и спрашивали, есть ли у него какие-нибудь замечания. Как правило, у него замечаний не было и он изъявлял согласие на издание указа. Но он мог и затребовать полный текст указа. Он мог также проявить к этому указу повышенный интерес в той или иной форме (в частности, заявить, что у него есть возражения); в этом случае принятие указа задерживалось и вопрос выносился для обсуждения на заседание ПВС. В тот день речь шла о дополнительных льготах для работников Крайнего Севера. (В СССР были, а в современной России есть как *районы Крайнего Севера*, так и *местности, приравненные к районам Крайнего Севера*. Не знаю, как сейчас в России, но в СССР некоторые из льгот, действующих для жителей районов Крайнего Севера, не действовали для жителей местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. Это к вопросу о семантике слова *приравненный*.)

Невто́н — Ньюто́н — Нью́тон, или Сколько сторон имеет языковой знак?

...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

М. В. Ломоносов. Ода на день восшествия...

...де Соссюр и Леви-Строс!

Тимур Кибиров.

[Послание] Л. С. Рубинштейну. Песнь 19

§ 1

Прежде всего автор хотел бы сделать три метазаявления:

1) он считает честью для себя участвовать в сборнике в честь Андрея Анатольевича Зализняка, в котором видит одного из крупнейших лингвистов мира;

2) при написании этого очерка он пользовался консультациями Ольги Фёдоровны Кривновой и Владимира Александровича Плунгяна, коим приносит искреннюю признательность;

3) он даже слабо знаком с лингвистической литературой. Однако он успел заметить, что лингвистика не удовлетворяет «условию минимальности», то есть обладает следующей замечательной особенностью: кто бы что ни сказал, обычно оказывается, что кто-нибудь высказал эту же идею или сделал это же наблюдение ещё раньше. (Панини, говорят, является здесь исключением! ●●► Да и он, как указал мне В. М. Алпатов, постоянно ссылается на предшественников, чьи сочинения, однако, до нас не дошли. ◀●●) Поэтому скорее всего всё, что написано в этой заметке, окажется хорошо известным.

§ 2

Одной из целей данного очерка является попытка ответить на вопрос, применимо ли понятие перевода также и к собственным именам, а заодно подвергнуть сомнению традиционное представление о (не более чем) двусторонности языкового знака. Побудительным стимулом было сравнение трёх русских написаний и произнесений

Опубликовано в сборнике: Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. — М.: Индрик, 1996. — С. 598—659.

имени великого английского физика, математика и теолога, вынесенных в заглавие, с целью определить, какое из них следует считать более правильным. А в качестве побочного продукта мы обсудим, сколько букв в русском алфавите, существуют ли прописные ер и ерь, строчной или прописной является буква а. Прикоснёмся и к другим темам: так, в последних параграфах поговорим об иероглифах в современном английском (и даже русском) языке.

Чтобы ответить на поставленный в начале параграфа вопрос, кажется естественным прежде всего заглянуть за толкованием термина «перевод» в ЛЭС, то есть в Лингвистический Энциклопедический Словарь [ЛЭС], — но, как тотчас же выясняется, лишь для того, чтобы убедиться, что в этом словаре статья «Перевод» отсутствует. (Удивительность этого отсутствия усугубляется следующим высказыванием Романа Якобсона, сделанным им в сентябре 1958 года в Москве на организованной в МГПИИЯ¹ встрече: «Для меня <...> понятия лингвистики и теории перевода сливаются»; см. [Усп 92], с. 127².) Напротив, статья «Знак языковой» присутствует в ЛЭС на с. 167, и там однозначно сообщается, что это есть двусторонняя единица языка.

§ 3

Как известно, знаменитый писатель Хаксли (1894—1963) приходится внуком знаменитому биологу Гексли (1825—1895). Разумеется, по-английски их фамилии пишутся одинаково, и потому подобный сюжет с удовольствием приводят в качестве примера антропонимического парадокса, если не анекдота. Однако парадоксальной изложенную ситуацию следует воспринимать только в том случае, если видеть в русском написании всего лишь результат некоторой трансформации написания (или произнесения) английского. Тогда действительно кажется странным, а в презумпции однозначности трансформации даже противоречивым, что, подавая на вход одно и то же английское слово, получаем два различных русских слова на выходе. Ситуация перестаёт быть парадоксальной, если посмотреть на неё под другим углом: имеются два предмета, и один из них называется в русском языке «Гексли», а другой «Хаксли». Этот другой угол в свою очередь может показаться странным — но лишь потому, что мы отягощены некоторым знанием. Отягощающее знание состоит

¹ МГПИИЯ — Московский государственный педагогический институт иностранных языков.

² В настоящей книге с. 303. — *Примеч. ред.*

в том, что оба предмета относятся к английской действительности; а потому у нас возникает убеждение, что именно там, в английской культуре, они имеют свои истинные (совпадающие в нашем случае) имена. Если избавиться от этого знания и от этого убеждения, то всё становится на свои места.

И тогда мы готовы не удивляться тому, что ветхозаветный Иаков именуется по-английски «Jacob», а новозаветный Иаков — «James». Ведь мы же свыклись с присутствием в русском языке как нарицательного существительного *ватт*, означающего единицу измерения мощности, так и собственного существительного *Уатт*, служащего фамилией изобретателя парового двигателя, — при том, что эта единица названа так именно в честь этого изобретателя.

Вообще, предметы, имеющие своим истоком иностранную культуру, но прижившиеся в русской, то есть охваченной русским языком, действительности, имеют названия, или имена, в русском языке. Эту совершенно банальную истину, а точнее её проявления в конкретных случаях, нередко воспринимают с трудом. В 1983 году «Литературная газета» не менее трёх раз (12.I, 20.IV, 7.XII) возвращалась к этой теме в рубрике «Язык и время». Вот характерное возмущённое письмо читателя в номере от 12 января: «А реки Гудзон нет. <Эта фраза письма была вынесена газетой в заголовок публикации. — В. У.> <...> Ибо Нью-Йорк стоит на реке Хадсон...». Письмо подписано: «В. Игнатченко, доктор физико-математических наук». Позволю себе не согласиться с коллегой. Нью-Йорк стоит на реке Гудзѳн совершенно так же, как Кѳльн — на реке Рейн (а не на реке Райн!). И Гудзон, и Рейн — слова (имена существительные собственные) русского языка. А вот домоправительницу известной квартиры 221В по Бейкер-стрит действительно зовут (по-русски!) миссис Хадсон. При этом, разумеется, и имя этой дамы, и название реки по-английски пишутся и произносятся одинаково: *Hudson*. Заставлять же россиян называть реку «Хадсон» — это всё равно, что заставлять американцев писать «Maskva» или хотя бы «Moscvа» вместо «Moscow».

§ 4

Наиболее часто удивление вызывает тот факт, что латинские буквы имеют названия в русском языке. На самом деле тут нет ничего удивительного. Эти буквы широко распространены в русской действительности, хотя бы в школьной алгебре, которую все обязаны знать с некоторого возраста.

Вот русские имена латинских букв (сверху буква, снизу имя, а под именем подписан вариант имени в случае, если таковой имеется):

A	B	C	D	E	F	G	H	I
a	бэ бе	цэ це	дэ де	е	эф	жэ же	аш	и
J	K	L	M	N	O	P	Q	R
йот	ка	эль	эм	эн	о	пэ пе	ку	эр
S	T	U	V	W	X	Y	Z	
эс	тэ те	у	вэ ве	дубль-вэ дубль-ве	икс	йгрек	зэт зет	

Мы привели эту таблицу, поскольку, как кажется, в таком виде она ранее не публиковалась. Нам возразят, что латинский алфавит с русскими названиями его букв публикуется в школьных учебниках математики (иногда), а также в различных справочниках. Однако таблицы из справочников и математических учебников имеют, как правило, два отличия от нашей таблицы.

Во-первых, там часто для *жэ* даётся также и вариант *гэ*, для *аш* — вариант *ха*, для *йот* — вариант *жи*. Мы решительно отвергаем эти варианты. Шахматисты засмеют нас, если мы обозначим поле шахматной доски выражением *гэ пять*, а химики — если мы скажем *ха два о*. Что касается выбора между словами *йот* и *жи*, то здесь мы опираемся на лингвистическую традицию: ср. *йотация*, *йотирование*.

Во-вторых, в тех таблицах не приводятся варианты типа *бэ/бе*; учебники и справочники дают лишь одно написание, обычно через э оборотное. В то же время словари Ушакова [Уш] и Зализняка [Зал 77] приводят лишь написание *зет*, но не *зэт*. Для названий букв — правда, русских, а не латинских — *бе*, *ве*, *гэ* словарь Ушакова даёт, соответственно, такие толкования: «То же, что бэ» (т. 1, стлб. 99); «То же, что „вэ“» (т. 1, стлб. 238); «То же, что ге» (т. 1, стлб. 642). [ЛЭС] на с. 429 даёт (опять-таки для названий букв русского алфавита) написание *жэ* и *цэ*, а словарь Ушакова только *же* и только *це* (т. 1, стлб. 850 и 882; т. 4, стлб. 1206 и 1230). Всё это позволяет заключить, что оба варианта написания: через е и через э оборотное — являются одинаково допустимыми. Разумеется, речь идёт лишь о вариантах написания, а произносятся оба варианта одинаково. (См. обсуждение этой проблемы на с. 60—62 в [Ив 76].)

Почувительно взглянуть на названия букв латинского алфавита, приведённого на с. 522 хорошей «Справочной книги корректора»

[БылЖил]. Там предлагаются только варианты *аш*, *йот*, что правильно, только вариант *гэ*, что неправильно, и только варианты *бе*, *де*, *пэ*, *тэ*, что непоследовательно.

По-видимому, первым, кто осознал необходимость дать латинским буквам русские названия, был, в конце тридцатых годов, Николай Владимирович Юшманов³. Предложенная им система имён в трёх случаях существенно отличается от приведённой нами выше: Юшманов даёт «э» для Е, «гэ» для G, «игрэк» для Y. Его статья [Юш 40] начинается с интересного обзора названий букв в древних и современных языках, а завершается русскими названиями, по поводу коих он справедливо замечает: «Приведённый отбор названий не принадлежит какому-либо одному языку». Очевидно, под словом «язык» Юшманов понимает здесь язык иностранный.

Названия букв не следует смешивать с названиями обозначенных буквами музыкальных нотных звуков. Как известно, для обозначения звуков используются первые восемь прописных латинских букв: А для ля, В для си-бемоль, С для до, D для ре, Е для ми (Es для ми-бемоль), F для фа, G для соль, H для си. (Это дало возможность Римскому-Корсакову, Лядову, Бородину и Глазунову почтить в 1886 году известного нотоиздателя и мецената Митрофана Беляева «Квартетом на тему B-la-F»⁴.) В русской традиции при произнесении буквенных названий звуков применяются не русские, а латинские наименования соответствующих букв, так что G произносится как *гэ*, а H как *ха*. Исключение составляет название E, которое в России обычно произносится как *е* (то есть как *йэ*), а не как *э*, — следуя, таким образом, русскому, а не латинскому названию этой латинской буквы.

► Впрочем, как мне недавно сказали, из гитаристов лишь продвинутые произносят G как *гэ* и H как *ха*; гитаристы начинающие не вдаются в различие между латинскими буквами как таковыми и буквами как нотными обозначениями и потому произносят G как *жэ* и H как *аш*. ◀

³ Автор блестящей «Грамматики иностранных слов» [Юш 33], а также первого отечественного определителя языков [Юш 41a].

⁴ Интересно, была ли сходным образом обыграна фамилия Лядова. Более тонкое использование (недоступное автору этих строк ввиду отсутствия у него музыкального слуха) буквенных обозначений нот состоит в непосредственном кодировании букв посредством звуков в музыкальных произведениях. Считается, например, что уже у Баха встречаются темы, где ноты могут складываться в слова, в частности, в его фамилию BACH (си-бемоль-ля-до-си), а в Камерном концерте Альбана Берга, написанном в 1924 году к 50-летию Арнольда Шёнберга, имя Arnold SCHoenBerG зашифровано в теме A-D-Es-C-H-B-G.

§ 5

Несколько замечаний к сказанному в § 4.

5.1. В подавляющем большинстве случаев русские названия латинских букв совпадают — на уровне устной речи и с точностью до неизбежных фонетических модификаций — с названиями тех же букв в алфавитах языков немецкого и французского. (Модификации неизбежны: скажем, отвергнутое нами название «жи» для буквы J нельзя произнести по-русски с характерным для французского мягким согласным.) С немецкими названиями совпадают русские названия для букв A, B, C, D, F, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, X; с французскими — для букв A, B, D, F, G, H, I, K, L, M, N, O, P, R, S, T, V, W, X.

З а м е ч а н и е. Узнать названия немецких букв довольно легко. Достаточно заглянуть в какой-нибудь немецко-русский словарь, или учебник немецкого языка, или тому подобное — и если не с первой, то со второй попытки мы скорее всего получим требуемую информацию. Дело в том, что те имевшиеся у меня под рукой русские издания, которые публикуют немецкий алфавит, дают, как правило, и названия букв — либо непосредственно на немецком языке, либо же в русской транскрипции. Не так обстоит дело с алфавитом французским. Мне так и не удалось увидеть словарь или учебник, изданные для русскоязычного читателя, в которых были бы приведены названия букв французского алфавита. Не без некоторого труда мне удалось узнать эти названия. Дабы избавить читателя от повторения этого труда, приведу их здесь на французском языке и в той последовательности, в какой расположены буквы в алфавите. Итак, вот перечень французских названий:

A	B	C	D	E	F	G	H	I
a	bé	cé	dé	eu	éf	jé	ache	i
J	K	L	M	N	O	P	Q	R
ji	ka	èl	èm	èn	o	pé	ku	èrre
S	T	U	V	W	X	Y	Z	
èss	té	u	vé	double vé	iks	i grec	zède	

Русское название «зэт» для Z совпадает с названием «zet» в польском; впрочем, здесь можно принять, что русское название совпадает и с французским «zède», а финальное оглушение отнести к числу «неизбежных фонетических модификаций». Русское название

«йгрек» для У совпадает с польским названием «igrek» этой буквы латинского алфавита (термин «латинский алфавит» будет разъяснён ниже) — но не с названием такой же буквы алфавита польского языка, которая называется по-польски «у» (произносится [ы]). Стоит особо подчеркнуть (поскольку в этом часто не отдают себе отчёта), что русское название для У нельзя считать совпадающим с названием такой же буквы алфавита французского языка, где она называется «i грес» с ударением, естественно, на последнем слоге *gres*. Если перенос ударения с последнего слога ещё можно причислить к неизбежным модификациям при переходе от французского к польскому, то переход от французского к русскому никак не может служить основанием такого переноса. Йотированное наименование «е» для латинской буквы Е — специфически русское, подобным образом эта буква вроде бы не называется ни в одном из языков с латинской формой письменности.

5.2. Термин «латинский алфавит» может пониматься в трёх смыслах — в узком, в среднем и в широком. Есть три последовательно расширяющихся списка букв, и каждый из них называется латинским алфавитом в своём кругу широко распространённых (совокупные тиражи достигают сотен тысяч) изданий. Первый алфавит можно было бы назвать Алфавитом Высокой Науки, второй — Алфавитом Учебников и Словарей, третий — Алфавитом Повседневного Употребления. В первом 23 буквы, во втором 25, в третьем 26.

Л а т и н с к и й а л ф а в и т в у з к о м с м ы с л е — Алфавит Высокой Науки — это есть алфавит древнего латинского языка. Даже в этом узком смысле термин «латинский алфавит», строго говоря, неоднозначен, поскольку древний латинский язык был разным в разные эпохи. С развитием языка развивался и его алфавит, от 20 букв (А, В, С, D, Е, F, Н, I, К, L, М, N, О, Р, Q, R, S, T, V, X) чуть ли не с VII века до н. э. до 23 букв в I веке до н. э. (добавляются G, Y, Z); именно этот 23-буквенный алфавит, не содержащий букв J, U, W и называется латинским алфавитом в БСЭ-3, то есть в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии (см. [Жур]).

Как известно, латинский язык продолжал развиваться в средние века, и в XVI веке его алфавит пополнился буквами J и U. Издаваемые в России учебники и словари латинского языка приводят обычно в качестве латинского алфавита 25-буквенный алфавит, содержащий J и U, но не W. Именно этот список назван латинским алфавитом в ЛЭС (см. рис. 5 на с. 255). Это и есть л а т и н с к и й а л ф а в и т в с р е д н е м с м ы с л е — Алфавит Учебников и Словарей.

Латинский алфавит в широком смысле — Алфавит Повседневного Употребления — есть всем известный 26-членный набор букв, называемых латинскими. Это тот набор, который обязателен для любой пишущей машинки с латинским шрифтом, тот набор, который мы видим на клавиатуре компьютера и т. п. Именно этот список букв приводится в качестве латинского алфавита в учебниках математики и в справочниках для работников издательств. Мы видели этот список в нашем § 4. Проще всего определить латинский алфавит в указанном широком смысле как алфавит английского языка; английский выбран потому, что попытки объяснить, что есть, скажем, алфавит немецкого языка или алфавит французского языка, наталкиваются на очевидные (хотя не всегда осознаваемые) трудности, связанные с наличием диакритических знаков и лигатур (см. ниже § 20).

В нашей заметке выражение «латинский алфавит» понимается исключительно в широком, двадцатишестибуквенном смысле (так что «буква латинского алфавита» есть синоним термина «латинская буква»). Другие смыслы мы выражаем, говоря «алфавит латинского языка».

5.3. Латинский алфавит отличается от алфавита латинского языка не только наличием буквы W, но и названиями своих букв. Так, Y и Z называются «йпсилон» и «зэта» как буквы алфавита латинского языка, но «йгрек» и «зет» как буквы латинского алфавита. Сам факт, что знаки, внешне совпадающие, но включённые в разные знаковые системы, могут рассматриваться как различающиеся объекты и потому могут иметь различные имена, не должен вызывать удивления: ср. имена второй прописной буквы латинского алфавита и третьей прописной буквы русского алфавита. Аналогично — латинская буква пэ и русская буква эр. Или латинский икс и русское ха.

5.4. Более сложен вопрос о критериях, по которым названия букв алфавита какого-либо иностранного языка включаются или должны включаться в состав русского языка. Вряд ли, скажем, названия букв алфавита английского языка вроде «уай» следует относить к числу русских слов. (Хотя школьник, если ему показать букву q и спросить, как она называется, с высокой вероятностью скажет «кью» или «кю» в зависимости от того, английский или французский язык преподаётся в его школе.) Что же касается алфавита латинского языка, то в основных русских словарях присутствует слово «ипсилон», но

отсутствует слово «зета». Нам неясно, есть ли в русском языке слово «зета». Если ответить на этот вопрос отрицательно, то написание «зета» в графе «Названия» в таблицах, приведённых в ЛЭС на с. 255 и в БСЭ-3, т. 14, в стлб. 624, надлежит признать не более чем попыткой передать средствами русской графики соответствующее латинское слово.

Забавно, что БСЭ-3 даёт названия латинских букв в русском написании, а названия греческих букв — лишь в греческом написании (т. 7, стлб. 940); первое даётся в статье «Латинский алфавит», а второе — в статье «Греческое письмо», статьи же «Греческий алфавит» и «Латинское письмо» в БСЭ-3 отсутствуют. Вместе с тем единственный иностранный язык, помимо латинского, для которого названия всех букв его алфавита должны, как нам кажется, безоговорочно считаться словами русского языка, — это язык греческий. Словари, надо сказать, ведут себя здесь непоследовательно. Так, в словаре Зализняка [Зал 77] есть слово «омикрон» (по-видимому, для демонстрации его отличия от слова «амикрон»), но нет слова «дзета», есть «ипсилон», но отсутствует «эпсилон»⁵. В 17-томном Словаре современного русского литературного языка [СлСРЛЯ] не представлен «ипсилон», зато есть «дзета». В его начатом 20-томном переиздании [СлСРЛЯ-2] отсутствует уже и «дзета».

5.5. А для каких ещё нерусских букв русский язык содержит их имена? Прежде всего, это буква *ℵ* из еврейского алфавита, называемая «алеф». Далее, две искусственно (вроде бы) созданные буквы: хорошо известная математикам буква *∇*, называемая «на́бла» (см. БСЭ-3, т. 9, с. 549 и т. 17, с. 185), а также хорошо известная лингвистам буква шва. Несмотря на достаточную распространённость слов *алеф*, *набла* и *шва*, они отсутствуют в русских словарях. Слово «шва» присутствует в ЛЭС, но лишь как предмет ларингальной теории, что, конечно, более возвышенно, чем быть просто названием какой-то закорючки, имеющей начертание *ə*.

В России вряд ли отыщется лингвист, который не употреблял бы слово «крышка» в качестве названия одного из знаков фонетической транскрипции; однако российские лингвисты упорно отказывают этому значению слова «крышка» в праве войти в состав издаваемых ими же словарей. Не удаётся найти в словарях русского языка и названия основных диакритических знаков, такие как *акúт*, *гра́вис*,

⁵ Из уважения к словарю Зализняка перечислим входящие в него названия греческих букв: *альфа*, *бета*, *гамма*, *дельта*, *йота*, *омикрон*, *ипсилон*, *омега*.

циркумфлекс, *гачек* и *умляут* (кажется, лишь *акут* встречается в [СлСРЛЯ]); а ведь все они входят в русский язык и должны быть представлены в словарях. (Приятно видеть перечень диакритических знаков на с. 32 в [Юш 41]; гачек называется там *птичкой*, а циркумфлекс *крышей*). Могут возразить, что это специальная терминология; но нет, она необходима всякому, пользующемуся письменной формой речи.

Удивляться этой демонстративной неполноте словарей не приходится. Здесь проявляется традиционное для лингвистики неуважение к графической, визуальной форме языка. «Не включены в Словарь <...> современные названия русских букв» — эта фраза звучит с 11-й страницы [ОбрС] с той же гордостью, с какой продавщица в магазине говорит: «У нас этого не бывает».

5.6. Всё же некоторым названиям греческих букв, а также некоторым старым названиям русских букв повезло больше, чем другим. Пришедшие из синодального перевода Нового Завета выражения *альфа и омега* (Апок, 1:8) и *ни на йоту* (буквально *ни одна йота*, Матф, 5:17) вошли в речевой обиход. Старые названия русских букв входят в состав слова *словоер* и таких оборотов, как *здание построено* (или *стола составлены*) *глаголем* (или *покоем*); *ноги ижицей*; *прописать ижицу* (школьно-семинаристский жаргон таким способом отражал сходство с ижицей следов порки); *выделявать мыслете* (ср. *il fait des esses*, где французское слово женского рода *esse* имеет значение ‘предмет в форме буквы S’); *перечеркнуть хером*.

§ 6

Казалось бы, уж современные названия русских-то букв непременно будут включены в русские толковые словари. Оказывается, что нет, вовсе не непременно. Оказывается, что наличие в словаре этих названий может в известной мере служить критерием качества словаря. Действительно, они присутствуют в лучшем из толковых словарей русского языка XX века — словаре Ушакова [Уш]⁶ — и отсутствуют в [СлСРЛЯ], у которого одним из составителей, а с 6-го тома и председателем редколлегии был

⁶ Я с удовольствием узнал, что он только что переиздан издательством «Русские словари».

незабвенный Федот Филин, этот злой гений отечественного языкознания⁷.

Вызывает уважение, что словарь Ушакова не боится случаев, когда имя буквы графически совпадает с самой буквой и не только определяет **БЭ** как „название буквы «б»“ (т. 1, стлб. 214), но и **А** как «название буквы а» (т. 1, стлб. 1), **Е** как „название буквы «е»“ (т. 1, с. 823) и т. д. (кавычки-ёлочки вокруг называемой буквы появляются в [Уш] начиная с буквы «б»). Словарь [СлРЯ] более робок в этом отношении и потому менее последователен. Для **БЕ** и **ЭФ**, скажем, он даёт такие толкования: «Название буквы „б“» (т. 1, с. 66); «Название буквы „ф“» (т. 4, с. 771). Но для **А** и **Я** — такие: «Название первой буквы русского алфавита» (т. 1, с. 17); «Название тридцать третьей буквы русского алфавита» (т. 4, с. 776). За эту непоследовательность [СлРЯ] сам себя наказывает, впадая в прямую ошибку, и эту ошибку мы сейчас выведем, как сказал бы Достоевский, арифметически. В самом деле, в 4-м томе на с. 441 буква **У** определяется как двадцатая буква русского алфавита, а на с. 745 буква **Э** определяется как тридцать первая буква. Отсюда следует, что между указанными буквами должно содержаться десять других букв, тогда как их всего девять. Эта ошибка чрезвычайно поучительна, её причина будет раскрыта ниже.

Что касается правописания названий букв, то, как отмечалось выше в § 4, написания через *е* и через *э* следует считать равно допустимыми.

Менее ясен вопрос, должны ли включаться в состав словаря сами буквы. Ведь в толковом словаре, вообще говоря, представлены лексемы, а не сущности, обозначаемые этими лексемами. С другой стороны, буквы можно рассматривать как автонимные (см. [Чёрч], § 08) имена самих себя и тогда именно в этом именном качестве включать в словарь. Тогда окажется, что для каждой буквы язык содержит два имени: основное (*а, бэ, ..., эль, ..., ха, ..., я*) и автонимное (*а, б, ..., л, ..., х, ..., я*), причём для гласных букв русского языка автонимное название совпадает

⁷ ●● Здесь меня поправил В. М. Алпатов, который сообщил мне следующий свой комментарий:

Я тоже — не поклонник Филина, но не надо всё-таки приписывать его «злому гению» и то, в чём, скорее всего, виноват не он. Правила включения или невключения слова в словарь разрабатывались не им, а, прежде всего, первым его ответственным редактором В. И. Чернышёвым (1867—1949), человеком в то время очень старым и очень старомодным. Федот пришёл уже на готовое. ◀●●

с основным⁸. Говоря об автонимном имени буквы, мы, разумеется, имеем в виду лишь графическое представление этого имени: в устном языке букв не бывает, и здесь можно было бы говорить лишь об автонимном имени звука или звукосочетания.

Русские толковые словари демонстрируют три из четырёх мыслимых возможностей касательно включения в свой состав основного и автонимного названия буквы: 1) не включается ни одно — [Ож]; 2) включаются оба — [Уш] и [СлРЯ]; 3) включается только автонимное — [СлСРЛЯ] и [СлСРЛЯ-2]. Впрочем, словарь [СлРЯ] содержит словарные статьи лишь для двадцати девяти русских букв из имеющих тридцати трёх — а именно, для всех, кроме ё (как отдельной от е буквы), ъ, ы и ь; тем самым он лишает эти буквы не только автонимных, но и основных названий (поскольку названия *ер*, *еры*, *ерь* этим же словарём признаются устарелыми: см. т. 1, с. 466 и 467). Отсутствие статьи для буквы ё объясняется, надо полагать, традиционным (и незаслуженным) неуважением к этой букве. Что же касается букв ъ, ы, ь, то здесь правдоподобным кажется такое объяснение. Заглавия словарных статей набираются в [СлРЯ] прописными буквами. Но наличие прописных ера, еры и еря отрицается этим словарём (что следует из публикуемых на с. 16 первого тома и на с. 7 остальных томов списков букв русского алфавита: в каждом из этих тождественных между собой списков каждая буква, кроме указанных трёх, присутствует как в строчном, так и в прописном вариантах, а эти три — только в строчном; ср. ниже п. 21.2). Поэтому дать словарные статьи на эти три буквы оказывается невозможным.

В словаре Ушакова раздел на ту или иную букву начинается со словарной статьи, посвящённой самой этой букве. Когда буква гласная, она толкуется как название самой себя. В остальных случаях словарь, помещая букву, не приводит толкования, а даёт лишь отсылку к основному названию: «Х [произн. х или ха]. См. ха» (т. 4, стлб. 1129). Для букв ша и ща автонимное и основное названия описываются в пределах одной статьи: «Щ и ЩА, *нескл.*, *ср.* Название буквы „щ“, название соответствующего звука и др. знач. <...>» (т. 4, стлб. 1379). Из общей логической схемы выпадает лишь словарная статья, посвящённая букве Ё (см. т. 1, стлб. 1271). Если не считать этого маленького недоразумения, то можно отметить достаточно высокую семиотическую культуру словаря Ушакова, чего не скажешь о наших многотомных словарях.

⁸ Не исключено, что основное и автонимное название гласной буквы следует трактовать как два различных слова, являющихся одновременно синонимами и омонимами.

Для иллюстрации приведѣм выдержки из [СлСРЛЯ] и [СлСРЛЯ-2] относительно Буквы Д.

Д. 1. Пятая буква русской азбуки (произносится дѣ), обозначающая согласный звук д. <...> Название буквы д употребляется как существительное среднего рода. *Прописное д.*

([СлСРЛЯ], т. 3, стлб. 509.)

Д. Буква русского алфавита. *Прописная Д. Строчная д.* <...>

([СлСРЛЯ-2], т. 4, с. 7.)

Из приведѣнных цитат, в частности, видно, что при переходе от 1-го издания ко 2-му буквы поменяли свой род со среднего на женский. Словарь [СлРЯ], кстати, указывает про все названия букв, что они суть несклоняемые существительные среднего рода.

З а м е ч а н и е. Грамматическая категория рода у имѣн латинских и греческих букв, особенно при их употреблении математиками, может приобретать некоторые особенности, как это отмечено в подстрочном примечании к переводу одной из книг трактата Н. Бурбаки: см. [Бурб], с. 53. Именно, при чтении букв в составе формул проявляется тенденция к замещению у них граммем женского или мужского рода граммемой среднего рода.

Теперь относительно причины, по которой в [СлРЯ] была допущена ошибка в вычислении порядкового номера буквы в алфавите. Причина эта одновременно стандартна и печальна, она состоит в традиционном неразличении букв е и ѣ.

Какие бы доводы ни приводились в пользу такого неразличения, они не перевешивают главного: эти две буквы имеют и различающиеся начертания, и различающиеся чтения, а потому умянут, то есть горизонтальное двоеточие над буквой, никак нельзя признать здесь факультативным. Казалось бы, более честно поступает словарь Ушакова [Уш], публикуя в конце вступительной статьи к 1-му тому (см. стлб. LXXV—LXXVI) тридцатидвухбуквенный алфавит, не содержащий ѣ; но тогда непонятно, откуда возникает эта буква в § 31 в стлб. XXXVII той же статьи и далее в записи некоторых словарных слов. Дозволяя употребление буквы ѣ в заглавных словарных словах, словарь Ушакова делает возможным различение страдательного причастия *униженный* с ударением на втором слоге и прилагательного *унижѣнный* с ударением на третьем слоге; эти слова различаются не только по грамматической форме, но и по смыслу. Вместе с тем, не позволяя употреблять ѣ в толкованиях, словарь (т. 4, стлб. 952) вынужден использовать графическую форму *униженно* (без умянута!)

в качестве иллюстрации к толкованию прилагательного *унижѣнный*. (Интересно, кстати, как в наших школах учат наших детей произносить название известного романа Достоевского.) Аналогичная ситуация возникает с причастием *одаренный* и прилагательным *одарѣнный*; любознательный и настойчивый читатель сумеет, вероятно, придумать такой контекст, в котором было бы уместно любое из этих слов (возможно, в кратких формах), так что письменная запись без использования умляута не позволяет понять, какой из двух смыслов имеется в виду.

Так как же неразличение *е* и *ѣ* влияет на арифметическую ошибку в [СлРЯ]?

Алфавит, публикуемый в каждом из четырёх томов [СлРЯ], тридцатитрёхбуквен и содержит *ѣ*, однако *е* и *ѣ* не различаются в отношении порядка расположения словарных слов, а словарная статья, посвящённая букве *ѣ*, как уже отмечалось, вообще отсутствует. Так вот, в [СлРЯ] до буквы *у* включительно счёт букв идёт таким образом, как если бы отдельной буквы *ѣ* не существовало, и потому *у* оказывается двадцатой (а, скажем, *й* — десятой: см. т. 1, с. 696). Что же касается буквы *э*, то при исчислении её порядкового номера *ѣ* учитывается, и потому она оказывается не тридцатой, а тридцать первой. Ведь если объявить букву *э* тридцатой, то пришлось бы объявить букву *ю* тридцать первой, а букву *я* тридцать второй; но это противоречило бы общепринятому мнению, что в русском алфавите 33 буквы.

Завершим параграф следующей декларацией (которую *mutatis mutandis* мы считаем справедливой не только для русского языка):

Все буквы русского алфавита, все буквы латинского алфавита (не алфавита латинского языка!), все буквы греческого алфавита, а также некоторые другие отдельные буквы и знаки суть элементы той повседневной действительности, которая окружает пользующегося русским языком и живущего в окружении таких же пользователей человека. Поэтому названия этих букв и знаков являются именами существительными русского языка и обязаны быть представлены в толковых словарях.

§ 7

Однако нас отнесло слишком далеко от проблем антропонимики. Пора к ним вернуться. Третий том БСЭ-3 даёт статью о двух англичанах — о Р. Блейке в стлб. 1236 и о Р. Блэке в стлб. 1281—1282. Блейк дефинируется как «английский адмирал», Блэк — как «деятель Английской революции 17 в., адмирал». Первому посвящено 17 строк, второму — 11. БСЭ-3 всегда старается указать не только

даты рождения и смерти, но и места, где произошли эти события. Эти места указаны лишь для Блейка; следует полагать, что для Блэка они неизвестны. Сообщается, что Блейк родился в семье купца. В чьей семье родился Блэк, оставлено без разъяснения. Детально, с указанием времени и места, освещены военные подвиги Блейка. Адмиральская деятельность Блэка отражена в общих терминах, зато сообщено, что он был сподвижник Кромвеля. Чьим сподвижником был Блейк, не сказано, зато сказано, что он был «депутат парламента в 1640 и 1645». Блэк, в своём качестве революционного деятеля, был «активный участник гражданской войны против короля» и «один из руководителей флота английской республики». Термины «король» и «республика» отсутствуют в статье про Блейка.

Тожество личных имён обоих персонажей (оба — Роберты) и написаний их подлинных фамилий (у обоих — Blake), а также сходство биографий вплоть до почти полного совпадения дат их жизни приводит к убеждению, что в данном случае у имён «Блейк» и «Блэк» один и тот же референт. Впрочем, если верить БСЭ-3, оба деятеля родились в один год (1599, более точных дат не указывается), но умерли с разницей в десять дней: Блейк умер 17.8.1657, а Блэк — 7.8.1657.

●●► После выхода в свет первого издания «Трудов по нематематике» их автору пришло электронное письмо, в котором даётся остроумное объяснение десятидневного расхождения в днях смерти Блейка и Блэка. Ниже — выдержки из этого письма.

Date: Fri, 7 Feb 2003 16:42:53 +0600

Subject: book — opinions

Уважаемый Владимир Андреевич!

Не будучи с Вами знакомым, должен вначале представиться. Я — Ершов Александр Петрович (не родственник, а однофамилец известных Вам А. П. и Ю. Л. Ершовых), сотрудник Института гидродинамики СО РАН, по совместительству преподаю в Новосибирском университете, точнее в ФМШ при НГУ. Обращаюсь к Вам по поводу Вашей книги «Труды по НЕматематике». Из самоумаления (см. «К проблеме линейности языка...»⁹, п. 15) воздержусь от подробных сведений о себе¹⁰.

⁹ Так статья называлась в 1-м издании, где она входила в состав части «Языкознание». В настоящем издании она называется «Опыт применения математики к филологии...» и печатается в книге 4 «Филология», с. 491—509. — В. У.

¹⁰ В Институте гидродинамики доктор физико-математических наук Александр Петрович Ершов заведует Лабораторией физики взрыва. — В. У.

<...>

Блейк и Блэк. Даты смерти отличаются на 10 дней (17.8.1657 и 7.8.1657). Соображение в поддержку того, что это одна персона: даты могут быть верными обе, но по разным календарям. С 1500 по 1700 разница была именно 10 дней. Великобритания на григорианский календарь перешла в 1752 г. (последний юлианский день 2 сентября, первый григорианский 14 сентября; см.: *Е. И. Пальчиков*. Введение в технику физического эксперимента. Измерение длины, времени и частоты. — Новосибирск: НГУ, 2001. — С. 96). Видимо, для Блейка дату догадались исправить, а для Блэка нет; кстати, он и переведён более старомодным способом. ◀●●

Самое простое — рассматривать изложенную историю как предмет для потехи. Но, как и в ситуации с Гексли и Хаксли, здесь можно увидеть семиотическое содержание. Там двум различным именам отвечали два различных референта; соответствующие семиотические треугольники (см. [Лай], п. 9.2.2) были полностью отличны один от другого, различаясь всеми своими вершинами. Здесь двум различным именам отвечают различные смыслы: военный деятель в первом случае и деятель революции во втором. Семиотические треугольники здесь имеют одну общую, а именно референтную, вершину, различаясь как своими именными, так и своими смысловыми, или сигнификатными, вершинами.

§ 8

То, что точка зрения на личность влияет на выбор имени, хорошо известно. Противопоставление имён *Наполеон*, *Бонапарт*, *Бонапарте* и даже *Буонапарте* много раз обыгрывалось в литературе. Дабы унизить Хемингуэя, хотя бы и покойного, Набоков в датированном 7 ноября 1965 года «Постскриптуме к русскому изданию» своей «Лолиты» обзывает его *Гемингвеем*: «Кстати, не знаю, кого сейчас особенно чтят в России — кажется, Гемингвея, современного заместителя Майн-Рида <...>»; напротив, наиболее усердные из российских почитателей Хемингуэя — те, кто выставляют его фото-портрет в квази-майн-ридовском обличье (свитер, трубка), — называют его фамильярно-почтительно «Хэм». Приведём ещё несколько наблюдений на сходную тему.

8.1. Имена «Анри», «Луи», «Чарльз» и «Джеймс» уместны для писателей Ренье, Буссенара, Диккенса и Джойса, но не для королей

Генриха IV, Людовика XIV, Карла I и Якова II. Когда современный принц Уэльский, наследник британской королевы Елизаветы II, да продлятся годы её счастливого царствования, сделается королём, станет ли он Карлом III или так и останется Чарльзом?

8.2. Порядковый номер правителя, будь то светского или духовного, входит в состав его имени.

Как указывает корректорский справочник, наращение, то есть падежное окончание, при арабских цифрах ставится часто, при цифрах же римских — никогда (см. [БылЖил], с. 186—187). Пишут *Карл II*, но не *Карл II-й*. Поэтому имя патриарха Алексия II в составе надписи на памятной доске при входе во вновь отстроенный Казанский собор (на Красной площади в Москве) о том, что храм восстановлен «с благословения Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II-го», читается как *Алексі́я Одиннадцатого*. Но это так, к слову.

В русской истории Иваны имеют сплошную нумерацию от князя Московского Ивана I Даниловича Калиты до императора Ивана VI Антоновича, а цари Фёдор Иванович, Фёдор Борисович и Фёдор Алексеевич не нумеруются. Почему? Не потому ли, что объявление Фёдора Алексеевича Третьим означало бы признание Фёдора Борисовича полноценным царём, а на это не хватило смелости? Или же потому, что сама идея нумерации одноимённых правителей возникла в России только с учреждением империи (на что указал мне Андрей Леонидович Зорин¹¹), когда Пётр объявил себя Первым. Если последнее объяснение верно, то приходится признать следующее: во-первых, нумерация Иванов обязана своим существованием несчастному Ивану VI и, во-вторых, носи один из императоров имя Фёдор, он должен был бы быть объявлен Фёдором Четвёртым, а предшествующие три Фёдора — получить свои номера задним числом. ●●► Вот что написал мне по этому поводу В. М. Алпатов:

Сплошная нумерация Иванов — в энциклопедиях действительно так, но на практике по номеру почему-то называют одного Ивана Третьего (видимо, потому, что у него нет стандартного прозвища, а Иванов Васильевичей было двое). Остальные обычно идут как Иван Калита, Иван Красный, Иван Грозный, Иван Алексеевич (или, чаще, просто Иван) и Иван Антонович. ◄●●

Кардиналу Ронкалли в 1958 году также потребовалась известная смелость, чтобы по избрании его папой принять имя Иоанна XXIII.

¹¹ ●●► К мнению Зорина присоединился В. М. Алпатов. ◄●●

«**Иоанн** — имя двадцати двух пап» указывает на с. 675 своего 26-го полутoma (вышедшего в 1894 году) Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и далее перечисляет этих пап. Казалось бы, приведённая цитата лишь подтверждает право новоизбранного (в 1958 году) папы на тот выбор имени, который он сделал. Однако имя *Иоанн XXIII* у же встречается в указанном перечислении 22 пап. Несоответствие порядкового номера XXIII количеству 22 не может не смутить. Объяснение в том, что в указанном перечислении не было фигуры — ни среди пап, ни среди антипап — носившей имя *Иоанн XX*. Произошёл «прыжок» от Иоанна XIX сразу к Иоанну XXI. (Дело в том, что вступивший на престол в 1276 году папа Иоанн XXI должен был бы числиться Иоанном XX. Ошибка в счёте была частично вызвана легендой о папессе Иоанне, которая считалась Иоанном VIII, частично путаницей вследствие наличия антипап; об обеих причинах будет ещё сказано ниже.) Этот первый Иоанн XXIII хотя и охарактеризован в словарной статье как «один из наиболее развращённых пап эпохи упадка», но всё же охарактеризован именно как папа, и с годами своего понтификата (1410—1415). В 1415 году он отрёкся от папского престола и умер в 1419 году во Флоренции простым кардиналом¹². Объявляя себя Иоанном XXIII, избранный в 1958 году папа принимал тем самым следующие ответственные и отчасти разнонаправленные решения: 1) он отвергал предыдущего Иоанна XXIII, поскольку тот был антипапой; 2) он, однако же, принимал в расчёт среди предшествующих себе Иоаннов Иоанна XVI, хотя тот также был антипапой; 3) он соглашался с прыжком от Иоанна XIX к Иоанну XXI. Таким образом, Иоанну XXIII предшествовало всего лишь 20 канонически признанных Иоаннов, так что в известном смысле, о котором не нам судить, он является Иоанном XXI.

¹² Надо полагать, под именем *Балтазар Косса*, каковое он носил до избрания его папой. Однако его надгробие в баптистерии при Кафедральном соборе Флоренции, изваянное Донателло в 1425—1427 годах, названо в 1297-м столбце 8-го тома БСЭ-3 (1972 год) «надгробием папы Иоанна XXIII». Мне выпало видеть это надгробие и прочесть высеченные на нём друг под другом следующие четыре строки:

I O A N Ë S Q V O D A M P A P A
X X I I I • O B I T F L O R E N T I E A
N Ò D Ñ I M C C C C X V I I I X I
K A L E N D A S I A N V A R I I

[Над 5-м знаком 2-й строки (то есть над последним I в XXIII) стоит значок в форме запятой или, скорее, арабской девятки, причём хвостик значка касается вершины знака I.] Перевод: *Иоанн, некогда папа XXIII. Скончался во Флоренции в лето Господне 1419, в 11-е календы января.*

Путаница в нумерации пап не столь редка. Во-первых, были так называемые антипапы, то есть лица, считавшие себя папами и многими (а в отдельных случаях и большинством) признаваемые таковыми, но рано или поздно (иногда поздно!) дезавуированные официальной католической церковью. При этом их номер как папы в общем официальном счёте пап с данным именем в одних случаях сохраняется (так произошло с антипапой Бонифацием VII), в других — не сохраняется. Во-вторых, были мифические личности, существование которых или отрицается вовсе, или стоит под большим вопросом. Так, после смерти в 985 году только что упомянутого Бонифация VII, папский престол «унаследовал» Иоанн, ныне официально признаваемый в качестве Иоанна XV. Однако в XI и XII веках некоторые авторитетные хронисты указывали, что между названными Бонифацием и Иоанном в течение четырёх месяцев папой был другой Иоанн, само существование коего ныне отрицается; естественно, хронисты именовали Иоанном XV этого мифического Иоанна, истинный же Иоанн XV именовался ими Иоанном XVI. Мифической личностью признаётся и папесса Иоанна, занимавшая папский престол в IX веке (предположительно с 844 года) под именем Иоанна VIII. Этой личности противостоит официальный Иоанн VIII, правивший с 872 по 882 год. Что же касается «неофициального» Иоанна VIII, то в некоторых источниках, даже без какого-либо упоминания о его возможной женской природе, его называют антипапой; однако известная «Католическая энциклопедия» (*The Catholic Encyclopedia*, <http://www.newadvent.org/cathen/>) не числит его в своём списке антипап, тем самым косвенно объявляя эту личность вовсе не существовавшей.

Оставим без комментариев следующее сообщение, напечатанное на первой странице газеты «Известия» от 8 апреля 1995 года (мы приводим его полностью): «Католикос Гарегин Второй, избранный 131-м верховным патриархом, католикосом всех армян, принял имя Гарегина Первого. Об этом стало известно здесь из первопрестола армянской апостольской церкви в святом Эчмиадзине, передал из Еревана ИТАР-ТАСС».

●●► Читаем в Википедии 2 марта 2012 года:

Как источник по древней истории Швеции труд Магнуса¹³ был разоблачён давно, однако один его вымысел до сих пор имеет серьёзные последствия. Дополнив список королей Швеции при помощи

¹³ Имеется в виду книга *Johannes Magnus. Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus* [История всех королей готов и шведов]. — Roma, 1554. — В. У.

фантазии, Иоанн Магнус придумал 5 Эриков до Эрика Победоносного и 6 Карлов до Карла Сверкерссона. В результате сыновья Густава Вазы (в честь которых, по-видимому, эти правители, характеризуемые исключительно положительно, и были изобретены) царствовали под номерами Эрик XIV и Карл IX. Нумерации второго из них последовали все последующие Карлы. Так, Карл XII — на самом деле только шестой король Швеции с таким именем, а ныне царствующий Карл XVI — только десятый. ◀●●

8.3. Как и в случае с царями Фёдорами, так и в случае с папами Иоаннами мы замечаем, что имя личности может определяться коннотациями, связанными с другой личностью. Причём эта другая личность может быть и не существующей реально. Мы только что видели это на примере папессы Иоанны. Другой пример: имя российского императора *Павел Первый* подразумевает ссылку на будущих Павлов в династии.

8.4. Специфические примеры политической окраски имени давал тот период нашей истории, когда общество было пронизано идеологией. Лингвист Хомский (Chomsky) в качестве представителя позитивизма или какого-то другого изма в языкознании был плохим, а он же как борец за мир Чомский — хорошим. Потом Хомский был допущен в науку и сделался сравнительно приемлемым, а плохим стал, как помнят многие, Чомский. Американец Pauling был сперва известен как Паулинг и в качестве Паулинга был автором идеалистической резонансной теории (в химии), получившим в 1954 году Нобелевскую премию по химии — само собой, из рук реакционеров от науки. Затем он стал борцом за мир, инициатором Пагуошских конференций и, соответственно, Полингом; благородная общественная деятельность Полинга была отмечена в 1962 году Нобелевской премией мира — разумеется, справедливо. ●●► Как всегда бывает, реальность оказывается менее стройной и увлекательной, чем её импрессионистическое отображение. Ситуацию с Хомским уточнил в письме ко мне В. М. Алпатов:

В отношении Полинга всё так, а с Хомским сложнее. Так он у нас именовался с самого начала. Когда я недавно просматривал для написания обзора «Вопросы языкознания» за 50 лет, я обнаружил первое его упоминание (именно в такой форме) ещё в начале 1957 года в обзоре Ревзина (не знаю, первое ли это упоминание его фамилии у нас вообще). В начале 1959 года там же появилась положительная рецензия Падучевой на «Синтаксические струк-

туры» Хомского. Впервые я услышал эту фамилию в курсе Ариадны Ивановны [Кузнецовой] осенью 1964 года. В те годы его ещё никто не считал «плохим»: его либо хвалили (между прочим, Серебренников), либо упоминали безоценочно, либо не обращали на него внимания (и никогда не называли Чомским, хотя Ариадна Ивановна нам разъясняла, что его называют так и так). Ругань началась на моей памяти в 1965 году. Некоторая одиозность фамилии Хомский (в таком варианте) создавалась позже в связи с тем, что среди лингвистов ругали его многие (между прочим, и будущий эмигрант Либерман), а хвалили исключительно редко (по разным причинам). Грань проходила не в связи с оценками, а с тем, что Хомским его именовали как лингвиста, а Чомским — как социолога и политолога. Помню такую историю. В 1983 году мать показывала мне докладную записку в высокие инстанции одного сотрудника её Института всеобщей истории (ныне давно покойного), в прошлом работника ЦК. Там он предлагал порвать все связи с европейскими компартиями, погрязшими в ревизионизме, а вместо этого установить контакты с более близкими к нам западными левыми деятелями. Там наряду с последователями уже покойного Маркузе и др. фигурировал Чомский. ◀●●

Мой друг Добрушин рассказал мне такую историю. Весной 1982 года состоялась советская экспедиция на Эверест с целью восхождения на него. Готовить её начали за годы до этого. Нужно было решать многочисленные проблемы — человеческие, спортивные, экономические, юридические, дипломатические. И вот чуть ли не накануне отправки экспедиции из «директивных органов» (так тогда называли ЦК Коммунистической партии) поступает категорическое указание сменить название. Сменить название уже невозможно: экспедиция на Эверест объявлена и согласована на международном уровне. Тогда, говорят директивные органы, экспедиция отменяется. Потому что Советский Союз не может поддержать мероприятие, прославляющее английского колонизатора Джорджа Эвереста, в честь которого названа гора (сэр Джордж был руководителем геодезической службы Британской Индии в 1830—1843 годах). Экспедицию следовало бы назвать экспедицией на *Джомолунгму*, и тогда всё было бы в порядке. Ситуация катастрофическая. На экспедицию уже затрачены колоссальные деньги. Спасение приходит от В. И. Ленина: кто-то находит в его сочинениях фразу «У каждого человека должен быть свой Эверест». Директивные органы сменяют гнев на милость, и экспедиция успешно происходит.

8.5. Влияние политической точки зрения на выбор имени прослеживается в отношении не только отдельных личностей, но и географических образований. Мы предлагаем ввести в обиход термин *политическая топонимика*. К политической топонимике относятся, например, все осуществлённые после Октябрьского Переворота переименования улиц и городов России в честь коммунистических правителей и других символов советской власти и их обратные переименования после крушения названной власти. А также некоторые послевоенные переименования, прежде всего касающиеся Восточной Пруссии, отошедшей к СССР и ставшей Калининградской областью, и Крыма после выселения оттуда Сталиным татар. Название Калининградская область возникло после переименования основанного в XIII веке города Кёнигсберг, бывшего центром Восточной Пруссии, в город Калининград в честь никакого отношения к этому месту не имеющего Михаила Ивановича Калинина. (Впрочем, известную логику, при желании, здесь можно усмотреть. Ведь *Königsberg*, а по латыни *Regiomontum*, означает 'королевская гора'; Калинин же с 17 января 1938 года по 19 марта 1946 года был председателем Президиума Верховного Совета СССР, то есть номинально первым лицом страны, как бы русским царём — вроде Симеона Бекбулатовича при Иване Грозном.) В Крыму ласкающие слух татарские названия населённых пунктов были переименованы в бездарные *Приветное, Изобильное, Генеральское*.

Назвать острова Фолклендскими или Мальвинскими означает признать над ними суверенитет Великобритании или, соответственно, Аргентины. ●► Точно так же использовать в качестве наименования города «Цхинвали» или «Цхинвал» означает, соответственно, признать его входящим в состав Грузии или в состав отделившейся от Грузии и провозгласившей свою независимость Южной Осетии¹⁴. (Заметим, для ясности, что противопоставление Тбилиси — Тифлис имеет совершенно другой характер: здесь нет противопоставления государственных суверенитетов. В самом деле, Тифлис был переименован в Тбилиси в 1936 году, оставаясь и до, и после переименования столицей Грузинской советской социалистической республики.) Владимир Григорьевич Бондаренко высказывает в своей газете «День литературы», в передовой статье номера 9 (133) за сентябрь 2007 года, такое мнение: «Даже такие опытные имперские политики, как англичане, и те прокололись, назвав Северной

¹⁴ На начало 2012 года независимость Южной Осетии признали следующие государства из числа членов ООН: Россия, Никарагуа, Венесуэла, Науру, Тувалу.

Ирландией отрезанную от единого острова так называемую англо-ирландскую часть. Могли бы назвать Английским Ольстером или ещё как-нибудь. Ясно, что Северная Ирландия, являясь частью Ирландии, когда-нибудь обязательно воссоединится с ней. Игры с языком очень опасны». Не разделяя мнения автора цитаты о неотвратимости воссоединения, мысль в целом нахожу вполне здоровой. Во время российско-грузинской войны августа 2008 года функцию миротворца взял на себя французский президент Николя Саркози, прилетевший с этой целью в Москву и подписавший с российским президентом Медведевым совместный меморандум, на условиях которого военные действия и были закончены. В условия входил отвод Российских войск за пределы Грузии. Через год после окончания войны европейские структуры стали проявлять озабоченность в связи с невыполнением, по их мнению, Россией указанного обязательства. Россия же заявила, что отвод давно состоялся. Причина разногласий — в различном понимании того, что есть «Грузия». По мнению Запада, Грузия существует в границах, существовавших до войны, и потому содержание понятия «Грузия» включает в себя Абхазию и Южную Осетию. Россия же считает, что поскольку Абхазия и Южная Осетия провозгласили свою независимость (признанную Россией, но не признанную Западом), то они в Грузию не входят, и присутствие в них российских войск не является нарушением подписанных соглашений. ◀●●

Вспомним споры относительно права одной из социалистических республик, входивших в состав Югославии и называвшихся в этом своём качестве Македонией, сохранить своё название и после обретения ею независимости. В 1992 году Россия признала новое государство с наименованием «Республика Македония». Однако 8 апреля 1993 года это государство было принято в ООН с названием «The former Yugoslav Republic of Macedonia»; поэтому в английском алфавитном списке членов ООН Македония идёт сразу после Таиланда (Thailand). Таким образом, надо полагать, что Россия в своих двусторонних отношениях с Македонией именует её *Республика Македония*, а, общаясь с ООН, называет ту же страну *Бывшая югославская республика Македония*. На церемонии открытия Олимпийских игр спортивные делегации разных стран проходят торжественным шествием в алфавитном порядке английских названий своих стран. Делегация Македонии проходит на букву F. Дело в том, что олимпийские власти проявляют либерализм и отбрасывают артикль. На табличке, которую несут перед македонскими спортсменами, написано *Former Yugoslav Republic of Macedonia*.

Заметим, что название *Федеративная Республика Германия* для государства с самоназванием *Bundesrepublik Deutschland* появилось на официальном уровне лишь во времена горбачёвской перестройки и окончательно закрепилось после падения советской власти. До того писали: *Федеративная Республика Нигерия*, *Федеративная Республика Бразилия*. Но: *Федеративная Республика Германии* — см., например, словарь-справочник [Назв]. Родительный падеж (*Германии*, а не *Германия*) отражал официальную советскую точку зрения о территории (в прошлом — государства), называемой «Германия», на каковой сосуществуют два государства, никакое из которых не может претендовать на имя «Германия». (Какое русское слово, *воссоединение* или *присоединение*, более адекватно выражает акт ликвидации указанной раздвоенности, — этот небезынтересный вопрос из области политической лексикологии мы оставим здесь без обсуждения.) Интересно было бы выяснить, как до объединения Германии в официальных русскоязычных документах ООН и ФРГ на русский язык переводился топоним *Deutschland Bundesrepublik*? В каком падеже там стояло слово *Германия*?

Отметим, кстати, что политический окрас имени возможен отнюдь не только в отношении имён собственных, его не избежали и имена нарицательные. От того, с точки зрения какой из противоборствующих политических систем смотреть на деятельность Штирлица, зависит, как его следует называть — шпионом или разведчиком. Если политический деятель высокого ранга отправлялся в зарубежную поездку, советские газеты квалифицировали эту поездку как визит, если деятеля следовало чтить, и как вояж, если его следовало поносить. О массовой забастовке 17 июня 1953 года в Восточном Берлине советские газеты писали «имела место волынка на отдельных предприятиях». Слово *забастовка* в применении к соцлагерю было невозможным.

Наиболее наглядным образом отмеченное лексическое явление сформулировано в известном двустишии:

Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе.

А тот факт, что это двустишие представляет собой перевод английского двустишия, сочинённого не позже начала XVII века, показывает, что описанное явление характерно отнюдь не только для русского языка и существует по меньшей мере четыреста лет. Исходный английский текст (говорящий, впрочем, не о мятеже, а о государственной измене) звучит так:

Treason doth never prosper: what's the reason?
For if it prosper, none dare call it treason.

(*Sir John Harrington*, 1561—1612.)

Даже акцентуация может иметь политический смысл. «Поджигатели войны номер один и два, Черчйллль и Бевй́н...» — говорила партийная дама, присланная на Мехмат читать нам, студентам, обязательную для нас лекцию о международном положении. Ударениями на втором слогe она демонстрировала своё правильное, пролетарское происхождение, свою органическую верность линии партии. Говорит представитель органов в песне Галича: «Ты же будешь в Израйле / Жрать, подлец, свою мацу! <...> Нет, не зря ты стал евреем! / А затем ты стал евреем, / Чтобы смыться в Израйль!». Председательствуя на публичной лекции Колмогорова, Б. В. Гнеденко зачитал поступивший в письменном виде вопрос «Можно ли после окончания Мехмата попасть в Кемб́ридж?» с демонстративно неправильным ударением в имени города; это было свидетельством лояльности. ●●► Когда наши прокуроры говорят, что дела возбуждены и подсудимые осуждены, всем ясно, что дела возбуждены против тех, про которых заранее решено, что они будут осуждены. ◀●●

Согласно [Под], с. 145, слово *хорóним* означает собственное имя любой территории. Административные хоронимы («Куба» как название государства) следует отличать от одноимённых природных хоронимов («Куба» как название острова). В языке это отличие проявляется в синтаксисе: хотя часто и говорят *посол на Кубе*, правильнее было бы *посол в Кубе*. Впрочем, кажется, Куба не делает из этого проблем — в отличие от Украины. По слухам, у дикторов украинского вещания на русском языке бывают большие неприятности, если они позволяют себе говорить *на Украине*, как бы отрицая тем самым государственный статус Украины, каковой требует оборота *в Украине*.

В СССР области, автономные области и автономные республики управлялись обкомами КПСС. У Воронежской области был Воронежский обком, у Адыгейской автономной области — Адыгейский обком, у Коми Автономной ССР — Коми обком. Но у Еврейской автономной области не было Еврейского обкома КПСС, а был *Обком КПСС Еврейской автономной области*. По-видимому, причину этой аномалии следует искать в том, что у значимой части носителей языка выражение *Еврейский обком* могло бы вызвать нежелательные коннотации (скажем, фраза «Какой-то обком тут у тебя еврейский», произнесённая высоким партийным начальником, явно звучала бы в неодобрительном смысле и отнюдь не предполагала бы наличие хотя бы одного еврея в составе областного комитета¹⁵). Продолжая эту

¹⁵ Слово «еврей» вообще почиталось в русском языке советского периода не вполне приличным. Вот диалог из известной повести Владимира Войновича

тому, приходим к следующему наблюдению. При превращении России из союзной республики в составе СССР в отдельное государство её автономные области стали республиками (Республика Адыгея, Республика Алтай, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Хакасия). В статусе автономной области осталась лишь Еврейская. Для неё оказалось невозможным изобрести название, имеющее в своём составе слово «республика», — не *Еврейская же республика*, в самом деле. Таким образом, ономастические соображения могут влиять даже на государственный статус.

► С темой Еврейской автономной области отчасти перекликается заметка Л. Тетюхиной, опубликованная на с. 13 газеты «Россия» от 20 июня 2001 года. Заметка называется «„Рыба-еврей“ отменяется». Приведём из неё выдержки:

Испокон веков воды Флориды бороздит «джуфиш» (букв. — «рыба-еврей»). Ныне это имя назвали некорректным и заменили на новое. Ныне «рыба-еврей» станет именоваться «голиафом». <...> «Взять и отменить» привычное имя постановил Комитет по названиям рыб. ◀

Труднее понять соображения, определяющие именование таких географических объектов, как пересадочные станции Московского метрополитена, и мы приглашаем пытливого исследователя помочь разобраться в проблеме. Вот, скажем, две соединённые переходом

«Путём взаимной переписки», вышедшей в 1973 году:

— Что такое маланец? — Еврей. — А почему ж маланец? — Ну, сказать человеку «еврей» неудобно.

Этот, как и многие другие, примечательный привкус советского быта находит отражение в строках Тимура Кибирова, опубликованных в 1989 году: «Я-то хоть чучмек обычный, / ты же, извини, еврей!» (послание «Л. С. Рубинштейну», песнь 15-я). Другой пример — рассказ Константина Михайловича Поливанова, в 1952—1971 годах заведующего кафедрой теоретической электротехники Московского энергетического института. Ему понадобилось взять в лабораторию нового сотрудника, этнического итальянца, что по тем временам могло вызвать проблемы (вспомним, что в советских анкетах 5-м пунктом значилась национальность, что подразумевало национальность этническую, расовую). Поливанов отправился на переговоры с начальником отдела кадров. Тот задумался. «Категорического запрета, вообще-то, нет, — сказал он, — хотя оно, конечно... А он вам очень нужен?». — «Конечно, нужен, иначе я бы к вам и не пришёл». — «А много у вас этих итальянцев на кафедре?». — «Да ни одного нет». — «То есть как это нет?». И тут до него дошло: «Так он что, настоящий итальянец? А я-то думал, что он *такой* „итальянец“... Да берите, если хотите, какие проблемы, зачем вы вообще ко мне пришли!».

станции разных линий и по-разному называемые: одна из них — Серпуховская, а другая — Добрынинская (причём как раз она раньше называлась Серпуховской). Станция Добрынинская расположена на Кольцевой линии между двумя станциями — Октябрьской и Павелецкой; с каждой из этих станций имеется переход на станцию другой линии и притом в этих случаях, в отличие от случая предыдущего, станцию одноимённую исходной, то есть другую Октябрьскую и другую Павелецкую. Бывает, что вместе сходятся три линии метро. Тогда реализуются все мыслимые варианты именования трёх пересадочных станций: 1) все они имеют разные названия (таковы, например, станции Тверская, Пушкинская и Чеховская); 2) все они имеют одно и то же название (три станции с названием «Киевская»); 3) две имеют общее название, а третья — другое (две Таганских и одна Марксистская). В одном случае целых четыре станции метро соединены пешеходными переходами; одна из них — станция Арбатская Арбатско-Покровской линии. Но есть и другая станция Арбатская, она с первой переходом не соединена, и чтобы попасть с первой на вторую, надо сделать переход с первой Арбатской на станцию Александровский Сад, а затем проехать одну остановку до второй Арбатской. Не соединены переходом и две станции с общим названием «Смоленская». Ещё загадочнее — перемещения названий. Возьмём, к примеру, Рижский радиус Калужско-Рижской линии. Когда-то теперешняя станция Алексеевская называлась «Мир», а теперешняя станция Проспект Мира называлась «Ботанический сад» (по причине близости к старейшему ботаническому саду Москвы — Ботаническому саду Московского университета). Затем станция «Ботанический Сад» была переименована в «Проспект Мира», но само название «Ботанический Сад» при этом не уничтожилось, а лишь значительно сдвинулось в сторону пригородов, став названием новой станции того же радиуса, расположенной вблизи Ботанического сада Академии наук. Станция Октябрьская кольцевой линии в прошлом называлась Калужской; теперь это название носит одна из удалённых от центра станций Калужско-Рижской линии. О перемещении названия «Серпуховская» мы уже говорили.

●●► В. М. Алпатов, в письме к автору этих строк от декабря 2002 года, даёт объяснение этим переименованиям:

Станция «Алексеевская» <...> переименовывалась несколько раз: во время строительства она была «Алексеевской», но к моменту открытия уже была «Щербаковской», а вскоре получила название «Мир» (в те годы она находилась на территории Щербаковского района Москвы, но затем Хрущёв, не любивший Щербакова, распорядился переименовать район и станцию). После падения Хру-

щёва она вновь стала «Щербаковской», а в годы перестройки — вторично «Алексеевской». Круг замкнулся! Переименование станции «Ботанический Сад» объяснялось тем, что многие москвичи из-за её наименования ездили через неё в Ботанический сад, но возле неё располагается старый, маленький сад¹⁶ <...>. Появившийся же в 1945 году большой сад [Академии наук] находится оттуда далеко. Станции «Ботанический Сад» в Москве некоторое время не было, а потом так называли станцию поблизости от большого сада. Была ещё и прямая рокировка: станции «Измайловская» и «Измайловский Парк» поменяли местами, поскольку развлекательная часть парка с кафе и аттракционами находится возле той станции, которую первоначально называли «Измайловская».

Логике тех, кто даёт название станциям Московского метрополитена, подчас понять невозможно. Приведём простой пример. На протяжении всей Тверской улицы под ней проходит Замоскворецкая линия метро, в то время как две другие линии, Серпуховско-Тимирязевская и Таганско-Краснопресненская — то есть, конечно, не сами линии, а их проекции на поверхность земли — пересекают эту улицу в районе Пушкинской площади. В этом месте на каждой из линий устроена пересадочная станция. Теперь вопрос к читателю: какую из этих станций он назвал бы «Тверской»? Здравый смысл подсказывает, что это название должна получить станция одной из тех линий, которые в этом месте пересекают Тверскую улицу, а не станция той линии, которая, с точностью до глубины, совпадает с этой улицей. Не тут-то было! Как раз станция, расположенная на Замоскворецкой линии, получила название «Тверская».

8.6. Советско-японский, а ныне российско-японский спор по поводу Курильских островов хорошо известен. Речь идёт о четырёх островах: Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (Хабомаи, собственно, не остров, а группа небольших необитаемых островов; те, кто желает подчеркнуть курильскость этой группы, объединяют её с Шикотаном под названием *Малой Курильской гряды*). Здесь опять царит политическая топонимика. Россия называет их *Южными*

¹⁶ Этот Ботанический сад, как уже отмечалось, принадлежал Московскому университету. В конце 1940-х — начале 1950-х годов, когда я был его студентом, мне доставляло удовольствие проникать в него не оплачивая вход, а предъявляя студенческий билет. Сейчас основной ботанический сад Университета располагается на Воробьёвых горах, а сад на проспекте Мира является его филиалом. — В. У.

Курилами, считает своими и фактически управляет ими как частью Сахалинской области. Япония называет их *Северными территориями Японии* и считает пребывающими под незаконной российской оккупацией. Выбор имени является в этом споре решающим. Точнее, решающим является ответ на вопрос, входят или нет спорные острова в состав Курильских остров. А ещё более точно — ответ на вопрос о значении топонима *Курильские острова*.

Дело в том, что по Сан-Францисскому мирному договору 1951 года Япония отказалась от каких-либо прав на Курильские острова. Однако значение топонима в договоре уточнено не было, что дало возможность Японии заявить впоследствии, что четыре спорные территории не имелись ею (и другими участниками договора, среди которых СССР не было) в виду, поскольку они, по мнению Японии, к числу Курильских островов не относились и не относятся.

В связи с этим любопытно посмотреть, что говорят о составе Курильских островов наиболее авторитетные энциклопедии мира — причём такие, которые трудно заподозрить в политических пристрастиях. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 17, полутом 33 (датирован 1896 годом), с. 75—76, статья «Курильские острова»: «Наибольшие из них с С. на Ю.: <...> Итуруп, самый большой из К. о-вов — 6725 кв. км., Кунашир — 1548 кв. км. и Чикотан или Сикотан — 391 кв. км.». Ещё (здесь и далее в переводе на русский): «Encyclopaedia Britannica», London e. a., 1964, v. 13, p. 523, статья «Kuril Islands»: «Имена 8 главных островов, считая с юга, суть Кунашир, Шикотан, Итуруп, <...>». Ещё. «The Encyclopedia Americana», New York—Chicago, 1951, v. 16, p. 559, статья «Kuril Islands»: «От севера к югу, наибольшие острова суть <...> Итуруп, Шикотан и Кунашир». Ещё. «Enciclopedia Italiana», Roma, 1949, v. 12, p. 162, статья «Curili»; в числе островов упоминаются Кунашир и Итуруп. Ещё. «Nouveau Larousse illustré», Paris, 1907—1908, v. 5, p. 500, статья «Kouriles»; сообщается, сколько из общей площади островов приходится на Итуруп. Наконец, «Meyers Konversations-Lexicon», 5te Auflage, Leipzig und Wien, 1897, Bd. 10, S. 875, статья «Kurilen»; приводятся площади Итурупа, Шикотана, Кунашира.

Мне не хотелось бы присоединяться к псевдопатриотическому хору, провозглашающему, что Южные Курилы ни в коем случае нельзя отдавать Японии. Более того, я склоняюсь к тому, что их следовало бы Японии отдать¹⁷. Польза от такого решения для рос-

¹⁷ ► Мне было приятно обнаружить, что в этом щекотливом вопросе у меня есть авторитетный единомышленник в России. Известный полити-

сийско-японских отношений, от улучшения которых Россия могла бы получить большую выгоду, очевидна. Да и жители Южных Курил не прогадали бы. Сказанное не мешает мне полагать, что юридического права на Южные Курилы у Японии нет.

Но для меня удивительно, что ни в одной из публикаций на эту тему я не встретил аргументации, основанной на лингвистическом анализе объёма энциклопедических определений — анализе, подкрепляющем официальную позицию российской стороны.

8.7. Согласно одному из распространённых мнений (см. [Под], с. 153), этнонимы относятся к ономастике, поэтому мы не выйдем за её пределы, занявшись обсуждением, скажем, слова *русский*. Сейчас много говорят и пишут о том, что есть русские, в чём состоят их национальные интересы, какова их естественная территория и т. п. Кажется полезным в этой связи обратиться к написанным в конце прошлого века энциклопедическим статьям знаменитых авторов: антрополога, археолога, географа, этнографа Д. Н. Анучина и языковеда, этнографа, историка А. А. Шахматова. Энциклопедические статьи претендуют на объективность, а если к тому же опубликованы в энциклопедии уважаемой, то по большей части таковыми и являются. Это даёт нам право понимать статьи Анучина и Шахматова не узко, как выражающие их личное мнение (что, впрочем, тоже заслуживало бы внимания), а широко, как отражающие точку зрения, общепринятую в России XIX века.

ческий обозреватель Александр Евгеньевич Бовин ●● (9.08.1930—29.04.2004) ◀●● (в прошлом — советский и российский посол в Израиле) поместил в газете «Известия» от 12 ноября 1998 года статью «Проблему Курил решат терпеливые», в которой написал: «Мне представляется, что Россия, учитывая: а) <...>; б) <...>; в) <...> — могла бы сделать жест доброй воли и передать Японии южные Курильские острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу Хабомай)». ◀●● А в 2009 году я узнал, что такого же мнения придерживался и А. И. Солженицын. В связи с имевшей место 3 августа названного года годовщиной со дня его смерти журнал «Итоги» на с. 44—46 своего номера 32 (686) за 3 августа 2009 года поместил интервью с Н. Д. Солженицыной (под заголовком «Перечитывая Солженицына»). Её рассказ о сорокаминутной телефонной беседе Солженицына с президентом Ельциным, когда последний позвонил тому в Вермонт в 1992 году, был прерван вопросом интервьюера: «Тогда Александр Исаевич и посоветовал президенту отдать Курилы Японии?». Отвечая на этот вопрос, Наталья Дмитриевна сообщила: «Да, он считал, что рано или поздно придётся возвращать. Но задорого. Назначить хорошую цену, заключить мирный договор. Ельцин, помню, тогда сильно удивился: патриот России, и вдруг такое неожиданное заявление...». ◀●●

Сперва послушаем Шахматова: «Язык — это один из наиболее существенных признаков, характеризующих народность в смысле культурного облика того или другого племени» ([Шах], с. 564). И там же: «Русский язык — термин, употребляемый в двух значениях. Он обозначает: I) совокупность наречий великорусских, белорусских и малорусских; II) современный литературный язык России, представляющийся в своём основании одним из великорусских наречий».

А вот что писал Анучин. «Русский язык делится на три главных наречия: а) *великорусское*¹⁸, б) *малорусское* и в) *белорусское*» ([Ану 99], с. 142). «Малороссы <...> — одна из трёх русских народностей <...>» ([Ану 96], с. 484). В советское время слово *малоросс* приказано было считать шовинистическим (см. [Уш], т. 2, стлб. 130), а *великорус* — великодержавным (см. [Уш], т. 1, стлб. 244). Вероятно, и сегодня кто-нибудь считает их наполненными идеологизированным содержанием. Но ведь ни Анучин, ни Шахматов не были ни великодержавниками, ни шовинистами. Да и *Малая Азия* и *Малый театр* никем не воспринимаются в обидном смысле. И не имеют оттенка заносчивости ни *Великобритания*, ни *Великие Луки*, ни *Великий Устюг*.

И снова Шахматов: «Деление русских говоров на великорусское, белорусское и малорусское наречие не может быть признано древним. Образование этих наречий стоит в тесной связи с образованием трёх великих народностей, на которые распалось русское племя» ([Шах], с. 565).

8.8. Этнонимы, служащие для обозначения этносов, следует отличать от омонимичных с ними хоронимных слов, обозначающих принадлежность к той или иной стране; эти последние можно было назвать хоронимными групповыми антропонимами. (Согласно [Под], с. 146, *хорони́мный* есть прилагательное к слову *хоро́ним*.) Например, английское существительное *Russian* должно переводиться на русский язык в одних случаях как существительное *русский*, в других — как *россиянин*; а английское прилагательное *Russian* в одних случаях — как прилагательное *русский*, в других — как *российский*. Аналогично, *Latvian* — в одном смысле как *латвиец*, *латвийский* или же, в другом смысле, как *латыш*, *латышский*. Смешение смыслов, путаница в переводах может оказывать негативное влияние на политическую ситуацию. Чёткое различение этнонимов от хоронимных групповых антропонимов полезно. Однако русский язык лишь в редких случаях обладает нужным хоронимным термином — таким, как *россиянин* или *латвиец*; скажем, для жителей соседних с

¹⁸ Вспомним и название словаря Даля: *Толковый словарь живого великорусского языка*. — В. У.

Латвией Эстонии и Литвы соответствующих слов нет. Можно сказать *финляндский* и *финляндец*, противопоставляя эти слова словам *финский* и *финн*. Аналогично, на страницах прессы можно встретить *казахстанский*, *татарстанский* и *казахстанец*, *татарстанец*.

Да и само английское слово *nationality* едва ли не большинством россиян ошибочно воспринимается в смысле 'национальность', то есть 'этническая принадлежность'. Такое значение действительно имеется, но оно не только не единственное и даже не главное, а всё более у этого слова исчезающее; его присутствие можно ещё увидеть в словарях, но почти никогда в реальном употреблении. Для выражения этого значения употребляется другой термин — *ethnic origin*. Главное же значение слова *nationality* — это 'гражданство', то есть 'принадлежность к тому или иному государству'. Просвещённый читатель этих строк, конечно же, прекрасно осведомлён о смысле слова *nationality*; здесь ему напоминают лишь о заблуждениях его менее просвещённых сограждан.

Впрочем, в похожие (то есть основанные на ложном толковании слов) заблуждения попадали и президенты США. Помнится, в самом начале 90-х годов, после принятия 12 июня 1990 года Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, но до распада СССР, президенту США Бушу (разумеется, старшему) доложили, что Россия (разумеется, ему сказали «Russia») с чем-то согласилась или к чему-то присоединилась. Сообщение это показалось ему важным. К разочарованию президента, оказалось, что имелась в виду именно Россия, а не Советский Союз.

●► Осенью 2000 года в США мне рассказали о выступлении индианки на каком-то американском форуме. Она начала своё выступление с заявления о том, что она не американка и не индианка, поскольку слова «America» и «Indians» искусственно созданы чужаками для обозначения той части света, в которой она живёт, и тех автохтонных этносов, которые эту часть света населяют; далее она произнесла имя некоего индейского племени, представителем которого себя и объявила. ◀●

8.9. И уж конечно, этнонимы следует отличать от терминов, означающих религиозную принадлежность. Иногда их смешивают, ошибочно считая синонимами. Так, например, слово *еврей*, означающее принадлежность к этносу, нередко употребляют в значении слова *иудей*, означающего принадлежность к конфессии; столь же часто наблюдается и обратное употребление¹⁹. В конце 80-х годов, в усло-

¹⁹ Ср. противопоставление слов *индиец* и *индус*, которое нормативно принято различать, но всё равно жителей Индии постоянно называют индусами.

виях начинавшейся религиозной свободы, мне довелось побывать во Львове. Я спросил, встречаются ли украинцы среди прихожан католических храмов, причём не греко-католических (то есть католических с византийским обрядом), а обычных, римско-католических (то есть католических с латинским обрядом). Ответ был замечателен: «Да, встречаются, но тогда они поляки». ●► Вот характерный пример смешения понятий. Газета «Новые Известия» от 6 июля 2001 года, с. 3, корреспонденция Юрия Коваленко «Шарона впустили в Европу»: «арабов резали ливанские фалангисты-христиане»; однако противопоставление арабов так называемым «ливанским фалангистам-христианам» трудно признать осмысленным, поскольку последние в своём абсолютном большинстве (если не все) являются арабами. ◀●

8.10. Если уж относить к ономастике этнонимы, то есть названия язы́ков, то отчего бы не отнести к ней и названия тех языко́в, на которых говорят эти язы́ки? Здесь хватает своих проблем, причём не столько лингвистических, сколько политических. Действительно ли существует отдельный от румынского молдавский язык, как это провозглашает [ЛЭС]? Существует ли отдельный от сербского хорватский язык? Многие хорваты так и считают, но [ЛЭС] указывает лишь один сербскохорватский язык, одновременно и политкорректно называя его также и хорваткосербским. ●► Вот что написал мне В. М. Алпатов в декабре 2002 года:

Данные ЛЭС отражают официальную точку зрения времени его выхода, когда была единая Югославия. Теперь отдельность сербского, хорватского и боснийского языков — не мнение, а официальный тезис, закреплённый в законодательстве каждой из стран. Лет пять назад мне приходилось видеть изданный в США «Боснийско-английский словарь». Что касается румынского и молдавского, то сейчас в Румынии считается, что язык один, в Приднестровье — что языков два²⁰, а в Бессарабии борются обе точки зрения. ◀●●

В советское время в ряде учреждений платили надбавку к зарплате за знание каждого иностранного языка. Рассказывают, что некоторые получали отдельные надбавки и за знание сербского, и за знание

Помню песню, где были слова Матусовского: «Румын и индус, поляк и француз — в каждом сердце мечта о мире». Однако затем текст было велено переделать: «Румын и поляк, ... (не помню) и горняк — в каждом сердце мечта о мире». (Сообщение В. М. Алпатова.)

²⁰ В советское время имел хождение злой анекдот о процветании одной из секций Союза писателей Молдавской СССР. Это была Секция переводчиков с румынского на молдавский. — В. У.

хорватского. А когда их разоблачили, то пострадали те, кто знал чешский и словацкий, — им объяснили, что за знание чехословацкого языка (как и за знание югославского) положена лишь одна надбавка.

8.11. До сих пор мы касались лишь ономастики. Но — возвращаясь к первой фразе настоящего параграфа (см. с. 487) — точка зрения на личность может влиять и на выбор нарицательного имени. О чём свидетельствует следующий анекдот. Некто считающий себя гомосексуалистом и желающий перестать быть таковым, обращается с этой целью к врачу. Выслушав его, врач спрашивает: «Вы, наверное, артист?». — «Нет». — «Или танцовщик балета?». — «Нет». — «Художник, писатель?». — «Нет». — «Композитор, музыкант?». — «Нет. Я вообще не имею отношения к искусству. Я инженер». — «Так какой же ты гомосексуалист! Ты пидор».

§ 9

Сегодняшнее время, когда идеалом провозглашена всеобщая духовность, даёт дальнейшие поучительные примеры. В массовом сознании понятие 'духовность' неразрывно связано с понятием духовного лица. Сообщения из жизни духовенства появляются в средствах массовой информации ежедневно. Обычно они выглядят так: «Обряд освящения, крещения и т. п. совершил настоятель храма отец Александр». Фамилия священнослужителя не указывается практически никогда, а в тех немногочисленных случаях, когда указывается, то — за исключениями уже совершенно редчайшими — берётся в скобки: «отец Александр (Смирнов)». В подавляющем большинстве случаев отец Александр не является монахом. А ведь тогда приведённый текст имеет такую же стилистическую окраску, как и такой: «С докладом выступил начальник цеха Пётр Петрович» или — в случае скобок — «Операцию проводил хирург Иван Степанович (Козлов)».

Как несомненно известно читателю, при принятии монашества приобретается новое, монашеское — в отличие от старого, мирского — имя. Это новое, монашеское имя не может сочетаться ни с отчеством, ни с фамилией. Если всё же необходимо, в целях идентификации носителя имени и отличия его от других монахов с тем же монашеским именем, указать фамилию, то таковая даётся после монашеского имени непременно в скобках; скобки символизируют тот факт, что фамилия, строго говоря, не может употребляться с данным именем, а должна употребляться с другим, мирским. При

мирских же именах — в частности при именах священников, не являющихся монахами — фамилия должна приводиться без скобок. Обо всех этих очевидных вещах не стоило бы упоминать, если бы не вот такая странность. Почему церковь ни разу не выступила против повседневной безграмотности, состоящей в употреблении мирских имён священнослужителей таким способом, как если бы эти имена были монашескими? Думается, что причина состоит в престижности монашества (в частности, все православные епископы непременно монахи), а потому немонахи предпочитают выглядеть монахами в глазах публики.

Складывающаяся на глазах традиция употребления имён священнослужителей, не являющихся монахами, без фамилий, уже привела к тому, что в сочетании *поп Гапон* слово *Гапон* многими воспринимается как имя, а не как фамилия. На самом же деле вполне допустимо обращение к священнику только по фамилии. Вот что сказал 27 ноября 1825 года (по старому стилю) великий князь Николай Павлович, собираясь принести присягу своему брату Константину: «Отец Криницкий, поставьте налож и положите на него Евангелие» (см. [Шиль], с. 186).

Рассказывают, что когда Корнею Ивановичу Чуковскому, боровшемуся за правильность русской речи, указывали на безнадёжность его борьбы, он отвечал примерно следующее: «Я понимаю, что всё равно будут говорить *шѣфѣр* и *квѣртал*, но партия учит нас, что новое должно рождаться в борьбе со старым. Так вот я и есть это старое».

●●► В упомянутом выше в § 7 письме Александра Петровича Ершова его автор, высказав ряд ценных соображений, также доброжелательно критиковал данный параграф. Он писал:

Насчѣт обозначений белого духовенства. Может быть, всякие «отцы Александры» — это не так страшно. Вы же сами отмечаете такой фактор, как почтение прихожан, в заметке о попе Гапоне²¹. Форму уважительного обращения и копируют газеты, частично по непониманию, частично улавливая и воспринимая это уважение. Ведь священник это не то, что какой-нибудь министр или полковник, он представитель высших сил, которым фамилии не так важны. Мы всегда к вышестоящему обращаемся по имени-отчеству, не говорит же публика, встречая президента, «Здравствуйте, Путин». А для обращения к представителям древней,

²¹ Имеется в виду заметка «„Поп Гапон“ — фамилия или имя?», опубликованная в настоящей книге на с. 594—597. — В. У.

уважаемой корпорации допустима и критикуемая Вами форма. Пускай Николай Павлович называл священника по фамилии, это вряд ли хороший пример, ведь не каждый из нас — будущий император. Вот у Лескова («Железная воля») священник именуется не иначе как отец Флавиан, у него же («Соборяне») фигурируют отец Бенефактов и отец Туберозов, но примерно с той же частотой они отец Захария и отец Савелий. Но правда и то, что нигде нет формы «отец Савелий (Туберозов)». Вот здесь — явное нарушение традиции, и если возражать, то именно против фамилии в скобках. Однако это не единственное нововведение последних лет, да и самих представителей духовенства оно как будто беспокоит мало.

Я склонен придерживаться мнения, что читатель всегда прав. Ниже приводится фрагмент из моего ответа. Как это принято в электронной переписке, знак > слева от строки указывает на цитату из полученного письма.

Date: Thu, 13 Feb 2003 08:08:00 +0300

Уважаемый Александр Петрович!

Благодарю за Ваше письмо.

<...>

> Может быть, мнение читателя из такой категории представит
> некоторый интерес для автора.

Безусловно, представит.

<...>

> П.9, насчёт обозначений белого духовенства.

По-видимому, я плохо изложил. Следует различать обращение и упоминание в третьем лице. «Отец Александр» при обращении к священнику — всё равно, что «Александр Петрович» при обращении к Вам. Другое дело — упоминание в третьем лице. Разумеется, прихожане своего священника называют и в третьем лице «отец Александр», совершенно так же как и Вас Ваши ученики из ФМШ называют в третьем лице «Александр Петрович». Но если он или Вы выступаете по телевидению, то «отец Александр» и «Александр Петрович» без фамилии, будь то в титрах или в объявлении ведущего, одинаково недопустимы. Вот представьте себе: Вы прочли публичную лекцию, а потом в средствах массовой информации появляется сообщение «Замечательную лекцию прочитал Александр Петрович», а фамилия Ваша в этом сообщении не упоминается вовсе.

> Может быть, всякие «отцы Александры» — это не так страшно. Не страшно, но (в неуместных контекстах) противно.

> Ведь священник это не то, что какой-нибудь министр или полковник, он представитель высших сил, которым фамилии не так важны.

Чьим представителем он является, это вопрос спорный (бывает, что сил и самых низших), но бесспорно, что до революции, когда была православная культура (сейчас её и близко нет), фамилии священникам были нужны и важны.

> не говорит же публика, встречая президента, «Здравствуйте, Путин».

Разумеется, не говорит. Так это же обращение. А в третьем лице как раз возможно сказать «Путин».

<...>

> Николай Павлович называл священника по фамилии, это вряд ли хороший пример, ведь не каждый из нас — будущий император.

Сказать священнику «отец Криницкий» — всё равно, что сказать Вам «господин Ершов».

> да и самих представителей духовенства оно как будто беспокоит мало.

Вот это-то мне и не нравится, что их не беспокоит: они хотят уподобиться императорам, президентам и митрополитам. ◀●●

§ 10

Среди смыслов слова *имя* нас будут интересовать прежде всего два, узкий и широкий. В узком смысле — это личное имя в том понимании, какое даёт этому термину ономастический словарь [Под]. В широком смысле — это синоним слов «название», «обозначение» и т. п. При узком понимании фамилия, например, не является именем, при широком — является. В нашем § 9 «имя» понималось в узком смысле, а в § 7 — в широком. Мы надеемся, что из контекста всегда ясно, что имеется в виду. В дальнейшем будет подразумеваться широкий смысл слова «имя». (Как видно из сказанного мы игнорируем здесь использование слова «имя» в грамматической терминологии: *имя прилагательное, словоизменение русских имён.*)

Имя в широком смысле выступает в качестве одной из вершин семиотического треугольника, другой вершиной которого служит

сигнификат, а третьей — референт, или денотат (см. [Сте]; [Лай], п. 9.2.2; [БуКр С]; [БуКр Р]; [БуКр Д]). В данном контексте мы используем распространённое терминопотребление, не делающее различия между денотатом и референтом (см. [БуКр Д], абзацы 1 и 6, и [БуКр Р], последний абзац); оба понятия сливаются здесь в одно — исключительно для простоты!²² Сигнификат называют также смыслом имени или концептом денотата; считается, что он полностью определяет соответствующий ему денотат: см. [Чёрч], § 01. Денотат и сигнификат вместе образуют семантическую сторону семиотического треугольника. Разумеется, все эти рассуждения происходят в рамках некоторой идеализации, а, стало быть, в рамках неизбежного огрубления реальных, наблюдаемых ситуаций.

З а м е ч а н и е. Огрубление на самом деле довольно значительно. Мы признаём осмысленной отдельную, вырванную из какого бы то ни было контекста фразу *Чашка стоит на столе* (пример из [Усп 77], п. 2.А.1) и готовы искать её переводы на другие языки. Однако ответить с полной определённойостью на вопрос, каковы здесь денотаты и/или референты слов *чашка* и *стол* оказывается не таким простым делом.

В пределах одного языка возможен случай, когда семантические стороны у двух семиотических треугольников совпадают, а именные вершины различаются. Такое явление называется синонимией.

С учётом сказанного выше об идеализации и огрублении можно считать, что семантическая сторона треугольника не зависит от языка. На самом деле, конечно, это не так. Денотат (противопоставленный референту) и уж тем более сигнификат от языка зависят. Однако мы считаем допустимым сознательно идти на огрубление ситуации.

Если у двух семиотических треугольников, принадлежащих разным языкам, совпадают семантические стороны, то мы имеем дело с переводом: имя, принадлежащее одному языку, переводится с этого языка на другой.

Как мы видели выше, в процесс перевода могут включаться и собственные имена личностей. Английское «Nuxley» переводится на русский язык как «Гексли» или как «Хаксли» в зависимости от ситуации, то есть в зависимости от того, какой денотат имеется в виду. И в этом нет ничего удивительного: английское «bow» тоже

²² Впрочем, неясно, не приводит ли иногда стремление к простоте к усложнению. Известный астрофизик И. С. Шкловский приводит в своих записках рассказ известного математика С. В. Фомина о некоем чиновнике, неуклонно продвигавшемся по службе вследствие своего умения ограничиваться на ответственных совещаниях произнесением одной из двух фраз: «Не надо усложнять!» и «Не будем упрощать!» (см. [Шкл], с. 90).

переводится, в зависимости от ситуации, то как «смычок», то как «радуга», а английское «Indian» — то как «индеец», то как «индеец». А русское «Иаков» должно переводиться на английский язык в одних случаях как «Jacob», в других — как «James». И это тоже не удивительно, потому что, скажем, русское «лук» переводится в одних случаях как «opion», в других — как «bow». (Кстати, фамилия автора этого очерка переводится на английский как *Uspensky*, а фамилия его сына — либо как *Uspenskij*, либо как *Uspenskiy*.)

В таком случае и «Нев́тон», и «Нью́тон», и «Нью́тон» должны считаться переводами английского «Newton». Но какой же из этих трёх переводов предпочтительнее? Ответ зависит от той стадии развития русского языка, которую мы желаем рассматривать. В прошлом переводом служило слово «Нев́тон», сегодня — «Нью́тон», завтра — «Нью́тон». Нам возражат, что БСЭ-3, т. 18, с. 164, даёт в слове «Нью́тон» ударение на первом слоге. Однако словарь ударений [СЛУ] даёт на с. 358 ударение на втором слоге, и это ударение кажется более честным. Все говорят «бином Нью́тона», и никто — «бином Нью́тона»²³. (Подтверждением тому служит, например, строка из поэмы Евгения Рейна «Алмазы навсегда»: *Подумаешь, бином Нью́тона тоже!*)

Вместе с тем ударение на первом слоге в слове «Нью́тон» — а БСЭ-3 даёт даже «Нью́тона бино́м» — отражает некоторую тенденцию. Она состоит в том, что перевод собственных имён на русский язык претерпевает движение от транслитерации к транскрипции (о различии между этими нередко смешиваемыми понятиями будет сказано в § 11). Сейчас говорят и пишут «Айвенго», а прежде ведь говорили и писали «Иванхое». Точно так же, упоминавшаяся уже в конце § 3 миссис Хадсон ранее именовалась миссис Гудзон²⁴.

²³ А ведь и в русской, и в английской культуре бином Ньютона играет важную роль, обозначая высшую ступень учёной премудрости. Вспомним восклицание Коровьева «Подумаешь, бином Ньютона!», а также тот факт, что профессору Мориарти европейскую известность принёс именно его трактат о биоме Ньютона.

²⁴ Сравним, например, два русских перевода рассказа «The Adventure of the Dying Detective» (из цикла «His Last Bow»). Первый, под названием «Приключения умирающего сыщика», был опубликован в 1914 году во 2-й книге ежемесячного сборника «Мир приключений» (издание П. П. Сойкина); второй, под названием «Шерлок Холмс при смерти», — в 1966 году в 3-м томе Собрания сочинений Конан Дойля (издательство «Правда»). Первая фраза рассказа «Mrs. Hudson, the landlady of Sherlock Holmes, was a long-suffering woman» в 1914 году переводилась как «Миссис Гудзон, квартирная хозяйка Шерлока Холмса, постоянно и много страдала», а в 1966 году как «Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей».

О знаменитом в России американском пианисте советские газеты писали так: «Ван Клиберн, которого американцы называют Вэном Клайберном». Перенос ударения — от *Ньюто́н* к *Нью́тон*, от *Флори́да* к *Фло́рида*, от *Пика́ссо* (по неграмотности) к *Пикасsó* (как во французском) и снова к *Пика́ссо* (как в испанском) — есть движение в том же направлении, поскольку знак ударения может служить одним из элементов транскрипции. Мы вернёмся к этой теме в § 14.

§ 11

Термины «транскрипция», «транслитерация» и «перевод» обозначают, как это часто бывает, и процессы, и результаты этих процессов. «При переводе возникли проблемы» — здесь процесс; «Переводом этого русского слова на английский служит...» — здесь результат.

Говоря о транскрипции мы всюду, если только не оговорено противное, имеем в виду п р а к т и ч е с к у ю т р а н с к р и п ц и ю, то есть запись произношения не с помощью специальных фонетических значков, а средствами сложившейся орфографической системы рассматриваемого естественного языка.

Тогда три названные процесса осуществляются в следующей, общей для них всех, обстановке. Имеются два языка — я з ы к - и с т о ч н и к и я з ы к - в о с п р и е м н и к²⁵. Требуется передать текст языка-источника средствами языка-восприемника. Но что значит 'передать текст'? Если требуется передать смысл — это п е р е в о д, если звучание — это т р а н с к р и п ц и я, если начертание (написание) — это т р а н с л и т е р а ц и я. Так, если язык-источник — русский, а язык-восприемник — английский, то переводом слова *Москва* является *Moscow*, транскрипцией — *Muskva*, транслитерацией — *Moskva*. А в случае французского языка-восприемника транскрипцией могли бы быть и *Moskoua* и *Mosquoi*. Английской транскрипцией имени *Ельцин* служит *Yeltsin*, немецкой — *Jeltzin*, французской — *Ieltcine*; транслитерацией же на любой из этих языков — в рамках предлагаемой ниже, в § 26, системы — является слово *Eljcin*.

Вот ещё несколько примеров из [Усп 67] (язык-источник всюду русский):

транскрипцией слова *чушь* служит во французском *tchouche*, в немецком — *Tschusch*, в английском — *choosh*, в итальянском —

²⁵ В стиле Н. Бурбаки (см. [Бурб], гл. II, § 3, п. 1) можно было бы назвать их языком отправления и языком прибытия.

ciusci, в польском — *czusz*, в шведском — *tjosj*, в венгерском — *csus*, в чешском — *čuš*;

французскими транскрипциями выражений *отряд*, *союз*, *Париж* и *Людовик XVII* служат, соответственно, *atriète*, *saïousse*, *Pariche* и *Ludovique Cimenatsatille*; а французскими переводами тех же выражений служат, соответственно, *détachement*, *alliance*, *Paris* и *Louis XVII*.

Можно считать, что процесс транскрипции состоит из трёх этапов. На первом этапе для звучащего выражения языка-источника создаётся его фонетический образ в языке-восприемнике; происходит — и возникает как результат — т р а н с ф о н е т и з а ц и я исходного выражения. На втором — этот фонетический образ преобразуется в фонематический; происходит и возникает т р а н с ф о н е м и з а ц и я исходного выражения. На третьем — фонематический образ оформляется графически, это и есть т р а н с к р и п ц и я исходного выражения языка-источника.

В сентябре 1992 года я шёл по окраине южнокорейского города Тэджона (он же Тэчжон), а за мною бежали мальчишки, привлечённые моим обликом иностранца (я был единственным европейцем, замеченным мною в этом городе). На мой русский слух, они кричали мне: «Ватамизй!». Только много спустя, уже в России, я осознал, что́ они кричали. Они задавали вопрос, поскольку любой мой ответ послужил бы для них развлечением. Корейская интонация непривычна для русского уха, и вопросительности я уловить тогда не смог. А они кричали мне: «What time is it?». Желаящие могут обсудить, из каких этапов состоит преобразование, ведущее от написанного только что текста на латинице, через английское, корейское и русское звучания, к кириллическому «ватамизи». (Более простой пример того же явления содержится в известном анекдоте того периода истории нашей страны, который принято называть периодом застоя. Якобы когда наш генсек Л. И. Брежнев упоминал выражение «социалистические страны», в его речи ясно слышалось «сосиски сраные». Пример мы потому назвали более простым, что — в отличие от корейского эпизода — язык-источник и язык-восприемник в данном случае одинаковы.) ●●► В. М. Алпатов дополнил моё наблюдение следующим сообщением:

Помню два примера, которые нам рассказывал на занятиях наш преподаватель японского языка Владимир Сергеевич Гривнин. Во время войны он допрашивал японца, задержанного при переходе границы. Он повторял одну фразу: *Бэдзабидза хагири*. Она не поддавалась интерпретации в рамках японского языка. Потом

как-то выяснилось, что его кто-то научил русской фразе *Без визы ходили*. В его студенческие годы известная в Москве преподавательница японского языка Ясу Катаяма²⁶ обратилась к одной из студенток со словами *Муси каку*. Та долго не могла понять, о чём речь: по-японски это значит что-то вроде *Насекомое скребёт*. Оказалось, что у студентки болел муж, и Катаяма хотела спросить: *Муж как?* ◀●●

З а м е ч а н и е 1. Такой вид практической транскрипции, когда с исходным выражением соотносится его реальное произношение в языке-источнике, был назван в [Усп 67] реальной практической транскрипцией — в отличие от другого вида, идеализированной практической транскрипции, когда с буквами языка-источника соотносятся их идеализированные «основные чтения». Идеализированными практическими транскрипциями русских слов *отряд*, *союз*, *Париж* на французский язык будут, соответственно, *otriade*, *soïouze*, *Parige*. Можно полагать, что процессы реальной и идеализированной транскрипции различаются своими вторыми этапами, а именно: в транскрипции реальной фонема понимается в смысле ленинградской школы (и заключительными фонемами приведённых трёх русских слов будут /т/, /с/, /ш/), в транскрипции же идеализированной — в смысле московской школы (и заключительными фонемами будут /д/, /з/, /ж/)²⁷.

Мы с умыслом включили в наши примеры собственные имена, дабы ещё раз подчеркнуть, что и они подвержены операции перевода и что, скажем, *Людовик* и *Париж* суть слова русского языка (короче — русские слова), служащие переводами соответствующих французских слов.

З а м е ч а н и е 2. К сожалению, бытует мнение, что «для собственных имён перевод в большинстве случаев недопустим», а немногочисленные исключения возможны лишь при художественном переводе вымышленных имён, когда, например, Lord Chatterino

²⁶ Здесь «Ясу» — имя, «Катаяма» — фамилия. Хотя в японском языке фамилия пишется перед именем, в бытовом русском употреблении (в художественной литературе, мемуарах, газетах и т. п.) этот порядок обычно переворачивается. Тем более что имя отца Ясу, в таком же «русском» порядке слов, было на слуху в Советской России, в которой он жил с 1918 года до своей смерти в 1933 году, а его прах захоронен в Кремлёвской стене. Это видный деятель Коминтерна Сэн Катаяма. — В. У.

²⁷ Различие между ленинградской и московской фонемами прекрасно изложено в одном из лучших сочинений по фонологии, написанных на русском языке, — в энциклопедической статье С. И. Бернштейна [Бер]. (Статья воспроизведена на с. 113—122 настоящей книги. — Примеч. ред.)

передаётся как «лорд Балаболо» или же *island of Leap-high* как «остров Высокопрыгия» (см. [Ст], с. 17). В своём очерке «Перевод — искусство» Н. М. Любимов подробно разъясняет, почему для перевода прозвища одного из каторжников, повстречавшихся Дон Кихоту в гл. XXII первой части, он избирает «Ограбилью» вместо традиционного «Парапилья» (см. [Люб], с. 71—72). Разумеется, и «лорд Чатерино», и «остров Лип-хай», и «Парапилья» также являются допустимыми переводами: то, что у одного и того же слова могут быть различные переводы, далеко не новость. Мы наблюдаем перевод иностранного слова на русский язык всякий раз, когда иностранное слово замещается русским в той же функции и в том же контексте; просвещённому читателю вряд ли надо разъяснять, что понятие 'тот же' употреблено здесь с определённой долей условности²⁸. (Конечно, какие-то коннотации при этом теряются, какие-то приобретаются — но так всегда бывает при переводе.) И потому «Париж», «Стамбул» и «Токио» суть именно переводы с французского, турецкого и японского, а не результаты некоего «четвёртого способа» передачи, о котором говорится на с. 43 в [Ст]. Само существование этого «четвёртого способа» подлежит отсечению при помощи бритвы Оккама. Сказанное не отрицает права интересоваться этимологией того или иного перевода. В частности, в качестве перевода могут использоваться как транскрипция, так и транслитерация.

Разницу между транслитерацией собственных имён и их переводом можно углядеть, например, в «Правилах передачи эстонских имён собственных русскими буквами», утверждённых в 1959 году Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР и в 1971 году изменённых тем же органом (см. [РТЭИС]). После обстоятельных указаний, как посредством русских букв передавать эстонские буквы и буквосочетания, в п. 11 говорится: «Исключение из правил транслитерации эстонских личных имён составляют общие для эстонского и русского языков имена, которые сохраняют свойственное русскому языку написание: *Veera* = Вера, *Leena* = Лена, *Niina* = Нина, *Liisa* = Лиза, *Liidia* = Лидия, *Tiit* = Тит». Здесь русские слова *Вера*, . . . , *Тит* выступают в роли именно переводов эстонских слов *Veera*, . . . , *Tiit*, поскольку п. 4 «Правил» требует передавать *ee* как *еэ*, а *ii* как *ий*, и потому транслитерациями служили бы *Везра*, . . . , *Тийт*.

²⁸ Словари дают такие варианты английского перевода слова «гоголь-моголь»: *gogol-mogol*; *beaten-up egg and sugar*; *egg-flip*. Вот шутка на эту тему, не лишённая некоторых лингвистических оснований: «Как перевести на английский „гоголь-моголь“?». — «Шекспир-мекспир».

Чтобы в вопросе о переводе собственных имён — вопросе, как нам кажется, достаточно простом, а запутанном искусственно — не оставалось неясностей, приведём несколько примеров, не боясь повториться.

Человек, открывший Америку, по-русски называется Колумб. А центр американского штата Огайо по-русски называется Колумбус (иногда пишут и говорят *Колáмбус*, но я придерживаюсь здесь указаний нормативного словаря [СлРПГН]). По-английски и человек, и город называются одинаково: *Columbus*. Следовательно, английское слово *Columbus* переводится на русский язык как *Колумб* в том случае, если оно означает великого мореплавателя, и как *Колумбус*, когда означает центр штата Огайо. (Кстати, хотя [СлРПГН] и именует себя словарём транскрипций, на самом деле это *словарь переводов*. Транскрипцией для *Columbus* было бы что-нибудь вроде *Каламбис*.)

Английское слово *Huxley*, референтом которого является определённый биолог, переводится на русский как *Гексли*; если же референтом для *Huxley* служит определённый писатель, то оно переводится как *Хаксли*. Испанские слова *Méjico* и *México* переводятся каждое как *Мексика*, когда они означают страну, и как *Мехико*, когда они означают столицу этой страны. Аналогично, русское слово *Бразилия* переводится на португальский как *Brasil* в случае страны и как *Brasília* в случае столицы этой страны²⁹. Английское слово *Athens* переводится на русский как *Афины*, когда оно означает столицу Греции, и как *Атенс*, когда оно означает один из по меньшей мере восьми маленьких городов США. Английское *Hudson* переводится как *Гудзон*, если означает реку, на которой стоит город Нью-Йорк, и как *Хадсон*, если означает квартирную хозяйку Шерлока Холмса. Английское *Lovelace*, когда означает героя упомянутого в «Евгении Онегине» романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу», переводится как *Ловелас*, а когда означает первую в мире программистку, дочь Байрона леди Аду, — то как *Лавлейс*. Русское слово *Иаков* переводится на английский как *Jacob*, если означает ветхозаветного патриарха, и как *James*, если означает новозаветного апостола. Французские *Charles*, *Henri*, *Louis* переводятся как *Шарль*, *Анри*, *Луи* в тех случаях,

²⁹ Хотя для наименования города, начиная с конца 1970-х, на географических картах стало появляться написание *Бразилиа*, неотменённые нормативные документы предписывают здесь я на конце. ●●► Когда в 1960 году столица Бразилии была перенесена, то у нас какое-то время пытались различать два названия: писали *Бразилия* о стране и *Бразилиа* о городе. Но это было слишком уж искусственным и через несколько лет исчезло. (Сообщение В. М. Алпатова.) ◀●●

когда они относятся к простым людям, и как *Карл, Генрих, Людовик*, когда служат именами королей. Латинское *Centaurus* в мифологическом значении переводится преимущественно как *кентавр* (и реже как *центавр*), а в астрономическом значении — преимущественно как *Центавр* (и реже как *Кентавр*). И так далее.

Впрочем, языки эволюционируют, и в будущем, возможно, переводы станут иными. Так, фамилия заглавного персонажа данного очерка переводилась с английского в прошлом как *Нѣвтѡн*, переводится сейчас как *Ньютѡн*, в будущем же будет переводиться как *Ньюѡтон*.

З а м е ч а н и е 3. Как известно, западноевропейские языки принимают в свой состав антропонимы (то есть имена людей), заимствованные из других языков с латинской графикой, в исходной графической форме — то есть в той форме, в которой имя существует в языке заимствования. При этом заимствующий язык готов идти на определённые издержки. Во-первых, возникают трудности с выбором правильного произношения, поскольку правила чтения графических выражений различны в различных языках. Во-вторых, заимствующий язык может оказаться вынужденным использовать не свойственные ему диакритические знаки. Так, немецкая фамилия Müller, французская Mèrimée, венгерская Eötvös и польская Łoś (с перечёркнутым эль) не претерпевают никаких изменений при появлении в английском письменном тексте. Так же, с сохранением графической формы, передаются арабские имена в персидском языке, а китайские — в японском (см. [Стл], с. 12)³⁰ Иначе ведут себя языки, письменность которых основана на кириллице. Хотя современный болгарский алфавит целиком вкладывается в русский алфавит (чтобы получить болгарский алфавит, надо лишь удалить из русского ё, ы и э), болгарские имена подвергаются определённой трансформации при включении их в русский язык: см. соответствующие правила на с. 107—112 в [ГиСт], а также специальную статью [Анд] на эту тему. В качестве примера приведём следующую проблему. Как надо передавать по-русски болгарское имя Александър? Как *Александр*, *Александыр* или *Александар*? Эту проблему обсуждает Н. И. Толстой ([Тол], с. 117). Сказанное тем более оказывается справедливым для русских заимствований из сербского, среди букв которого встречаются и неизвестные русскому алфавиту буквы: см. [ГиСт], с. 220—226. Украинский языковед Иван Костянтинович Білодід

³⁰ ●● «Китайские имена в японском» — до недавнего времени было так, но теперь уже часто китайские топонимы, особенно редкие, пишут в Японии слоговой азбукой. (Сообщено В. М. Алпатовым в декабре 2002 года.) ◀●

фигурирует в русской версии как Иван Константинович Белодед (см. [БСЭ-3], т. 30, стлб. 1724). И дело здесь вовсе не в отсутствии в русском алфавите буквы *i*. Преобразованию подвергаются и те украинские фамилии, которые записаны буквами кириллицы, присутствующими в русском алфавите: ср. варианты фамилии видного украинского театрального деятеля: Романицький по-украински, Романицкий по-русски.

§ 12

На то, что понятие перевода применимо и к географическим названиям, указывал ещё А. А. Реформатский. Замечая, что для французов Лондон это *Londres*, а для итальянцев Париж это *Parigi*, он писал: «Следует отметить, что в таких случаях осуществляется уже субституция чужого слова своим, то есть перевод» ([Реф], с. 96). Поучительно сравнить переводы названия *Новая Земля*. На старых голландских картах, составленных во времена Баренца, писали *Nova Zembla*. Этот перевод допустим в английском и теперь; более распространён, однако, перевод *Novaya Zemlya*. Немецкий перевод — *Nowaja Semlja*, французский — *Nouvelle-Zemble*.

Правильное осознание ситуации со статусом географических названий как полноправных элементов того или иного языка — и именно в таком качестве выступающих в роли объектов перевода — немаловажно для повседневной языковой практики. Русские слова *Белоруссия*, *Молдавия*, *Киргизия*, *Таллин* благополучно существуют в русском языке. Естественно, что на белорусском, молдавском, киргизском и эстонском языках названия этих географических объектов пишутся и произносятся по-другому. Однако эти иноязычные слова не могут, сами по себе, служить причиной замены четырёх приведённых выше русских слов на слова *Беларусь*, *Молдова*, *Кыргызстан*, *Таллинн*. Это как если бы нас заставили вместо *Париж* писать *Парис* или *Пари*.

«Нет никаких сомнений в том, что любой язык не может диктовать русскому языку свои правила произношения и написания имён собственных, и речь идёт о защите русского языка как национального достоинства, — писал директор Института русского языка РАН Ю. Н. Караулов в письме, процитированном на с. 5 газеты „Известия“ от 12 марта 1994 года. — Считаем необходимым последовательное использование прежних наименований». Далее приводился список прежних и новых наименований. Приведём некоторую часть

этого списка, показывая прежнее, рекомендуемое наименование прямым шрифтом, а новое, не рекомендуемое к использованию, — курсивом: Акмолинск — *Акмола*; Алма-Ата — *Алматы*; Ашхабад — *Ашгабад*; Белоруссия — *Беларусь*; Калмыкия — *Хальмг Тангч*; Каракалпакия — *Каракалпакстан*; Кушка — *Пушгы*; Киргизия — *Кыргызстан*; Молдавия — *Молдова*; Чувашия — *Чаваш республики*.

В большой титул царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича входила формула «государь и обладатель». Слово «обладатель» полагалось писать через два *а*: *облаадаатель*, а писание через одно *а* рассматривалось как неуважение к царской власти и наказывалось вырыванием ноздрей. Рассказывают, что эстонская почта возвращала письма, в адресе которых стояло *Таллин* через одно эн. Если это действительно так, то *Таллини* через два эн слишком напоминает упомянутый эпизод из российской истории.

► В январе 2000 года я получил такое письмо:

Члену Комиссии по проблемам русского языка³¹
Совета при Президенте Российской Федерации
по культуре и искусству
проф. В. А. УСПЕНСКОМУ

Уважаемый Владимир Андреевич,

было бы ценно и лестно получить от Вас письменное заключение по нижеизложенному вопросу.

Сетование по поводу называния Татарстана Татарией выразил администрации Президента России Председатель Государственного совета этой республики Ф. Х. Мухаметшин:

Некоторые политики и средства массовой информации называют нашу республику Татарией. Кто-то это делает по невежеству, но в некоторых СМИ, как мы знаем, такова установка руководителей. Увы, есть в Москве журналисты, которые до сих пор называют Татарстан автономией.

³¹ На заседании этой Комиссии я присутствовал только один раз, в 1997 или 1998 году. Комиссия заседала на Старой площади, в известном здании, ранее занимаемом Центральным комитетом КПСС, а затем — Администрацией Президента РФ, в том зале, где, как нам сказали, в советское время заседал Секретариат ЦК. Помню вежливых офицеров, проверявших документы на каждом этаже, и надпись «Путин В. В.» на одной из дверей (с 26 марта 1997 года по 25 августа 1998 года Путин был заместителем, а потом первым заместителем руководителя Администрации).

Я не буду особо останавливаться на том, что подобные факты воспринимаются некоторыми гражданами Татарстана как неуважение к современному статусу нашей республики. И понять их можно, поскольку со словом «Татария» они связывают эпоху, когда этнополитическое развитие республики сдерживалось, вековые культурные традиции и национально-культурное наследие татарского народа разрушались.

Разговор о другом. Речь идёт о неправильном использовании официального названия крупного российского региона: Республика Татарстан (Татарстан), закреплённого не только в Конституции Республики Татарстан, принятой 6 ноября 1992 года, но и в Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года. Это, так сказать, юридический аспект.

Есть ещё аспект чисто лингвистический. Ни одна норма русского языка не запрещает использовать это название в средствах массовой информации. Во-первых, оно не страдает неблагозвучием, во-вторых, есть аналоги времён советского периода — Узбекистан, Таджикистан, так что ссылки на правила русского языка несостоятельны.

Есть мнение Института русского языка. Ждут мнения нашего.

О планах возобновляющейся работы нашей Комиссии сообщу дополнительно.

С лучшими чувствами

10 января 2000

Москва

Хотя письмо было без подписи, было нетрудно догадаться об авторе. Поэтому я знал, кому писать ответ:

Председателю Комиссии по проблемам русского языка
Совета по культуре и искусству при Президенте РФ
члену Президентского Совета профессору М. О. Чудаковой

Уважаемая Мариэтта Омаровна,

я получил письмо о проблеме называния Республики Татарстан.
<...>

Отвечаю.

Что касается термина *автономия*, то тут г-н Мухаметшин совершенно прав. Татарстан — не автономия, а республика в составе России (впрочем, мне не удалось обнаружить в Конституции Татар-

стана какого-либо упоминания о его вхождении в состав России). Слово *автономия* в применении к Республике Татарстан неуместно, и у граждан этой республики есть основания обижаться, когда их государство обзывают автономией.

Г-н Мухаметшин совершенно прав также, когда отмечает, что «ни одна норма русского языка не запрещает использовать это название в средствах массовой информации»; под «этим названием» понимается здесь закреплённое в статье 65 Конституции РФ наименование *Татарстан* (как допустимый вариант полного наименования *Республика Татарстан*). Разумеется, именно это наименование должно фигурировать во всех официальных документах, и нет никаких причин избегать его в русской речи (как устной, так и письменной) любого жанра — в том числе нет причин избегать его использования в средствах массовой информации.

Что же касается отрицательного отношения г-на Мухаметшина к слову *Татария*, то тут согласиться с ним весьма трудно. «Большая советская энциклопедия» (изд. 3-е, т. 25, с. 288) рассматривает это слова как синоним слова *Татарстан*. Конечно, в советское время название *Татария* применялось к автономии, то есть к так называемой автономной советской социалистической республике, но ведь и название *Татарстан* (против которого у г-на Мухаметшина нет возражений) использовалось в точно таком же смысле.

Своё неприятие наименования *Татария* г-н Мухаметшин обосновывает ссылкой на тех, кого он называет «некоторыми гражданами Татарстана»; он заявляет, что «со словом *Татария* они связывают эпоху, когда этнополитическое развитие республики сдерживалось, вековые культурные традиции и национально-культурное наследие татарского народа разрушались». Я готов согласиться с приведённой оценкой эпохи (надо полагать, что имеется в виду советский период, поскольку во времена Российской Империи никакой Татарии не было). Но эта оценка не даёт оснований считать, что слово *Татария* несёт на себе тот негативный смысл, который присущ указанной эпохе. Ведь если согласиться с логикой г-на Мухаметшина, то и слово *Россия* может вызывать отрицательные ассоциации. А именно, граждане Российской Федерации, разделяющие коммунистическую идеологию, вправе связывать со словом *Россия* эпоху царизма, когда, с точки зрения указанных граждан, Россия была «тюрьмой народов», осуществлялось угнетение рабочих и крестьян и т. п. Напротив, другие граждане вправе связывать слово *Россия* с Советской Россией с её тираническим и антинациональным — с точки зрения этих других граждан — режимом.

К тому же не следует забывать, что слово *Татария*, наряду со словом *Татарстан*, применялось для обозначения Татарской АССР. А ведь именно образование 27 мая 1920 года Татарской АССР, при всех слабостях этой автономии, и положило начало тому процессу обретения (точнее, имея в виду Казанское ханство, — восстановления) государственности, который и привёл к появлению Республики Татарстан.

С лучшими чувствами

Владимир Андреевич Успенский

1 февраля 2000 года
Москва

§ 13

Мы видим, что перевод, транскрипция и транслитерация могут быть объединены неким родовым понятием. А именно, каждое из них есть преобразование уподобления, то есть преобразование языковых знаков одного языка в языковые знаки другого языка, сохраняющее — с той или иной степенью подобия — некоторый инвариант. Этим инвариантом служит смысл в случае перевода, звучание в случае транскрипции, графическая характеристика в случае транслитерации, так что можно говорить об уподоблениях смысловым, фонетическим (или фоническим, см. ниже § 15) и графическим. Специфика каждого из трёх инвариантов обуславливает очевидное различие в областях применимости каждого из трёх преобразований. Именно, перевод (как процесс) разумно применять лишь к выражениям, имеющим смысл, транскрипцию — лишь к выражениям, имеющим звучание — таким, как изобретённое А. А. Марковым младшим знаменитое слово *папагиглемма* (см. [Map], с. 12 или [MapHar], с. 25)³², а транслитерацию — даже к выражениям вроде *ЪЫКЙКОЪ*.

З а м е ч а н и е. Все эти преобразования имеют ясное направление от одного языка к другому и обратимы лишь в известных пределах. Недоразумения, случающиеся при обратном переводе, много раз обыгрывались (вспомним, например, хрестоматийный пример:

³² Выступая в конце пятидесятых, на заре математической лингвистики в СССР, на Филологическом факультете МГУ перед аудиторией весьма почтенной, я имел неосторожность упомянуть это слово; один из участников собрания подошёл ко мне после его завершения и, стараясь не привлечь внимания окружающих, спросил, что бы можно было почитать по теории папагиглемм.

Неизолированный провод тянулся через вагоны — A bare conductor ran through the cars — По вагонам бежал голый проводник). Для китайского выражения его русская и английская транскрипция вряд ли окажутся транскрипциями друг друга (ср. описанный в § 11 эффект «ватамизи»). И так далее.

И для перевода, и для транскрипции, и для транслитерации теоретически возможны две ситуации:

1) для исходного знака языка-источника ищется готовый, уже имеющийся в языке-восприемнике знак, сохраняющий требуемый инвариант;

2) для исходного знака языка-источника конструируется новый, ранее отсутствовавший в языке-восприемнике знак, обладающий тем же инвариантом.

В случае транскрипции первая ситуация сравнительно редка, хотя читатель легко вспомнит или придумает анекдот со следующим сюжетом: произнесённое вслух выражение иностранного языка воспринимается героем анекдота как слово родного языка, отчего проистекает какое-нибудь квипрокво. Вторая ситуация более типична: конструируется выражение, отсутствующее в составе языка-восприемника, но потенциально могущее в нём присутствовать, сходное по звучанию с выражением языка-источника. Здесь опять-таки прежде всего на память приходят различные анекдоты: воспроизведение французской речи русскими солдатами у Толстого («Война и мир», т. I, ч. II, гл. XV); строки макаронической поэзии; всевозможные каниферштаны; описанная в нашем § 11 история с «ватамизи». Можно полагать, что именно так вошли в язык звукоподражательные слова.

Если постулировать, что всякое выражение, хотя бы и отсутствующее в составе языка, но могущее в нём присутствовать потенциально, может быть записано средствами графики данного языка, то задача транскрипции (в рамках второй ситуации) ставится так: сконструировать по правилам графики языка-восприемника такое выражение, которое, будучи озвучено по правилам чтения этого языка, звучало бы сходно с выражением языка-источника. Такая задача возникает, в частности, когда требуется создать (именно не найти, а создать!) перевод для иноязычного слова, прежде всего — для собственного имени.

§ 14

Последняя фраза предыдущего параграфа показывает, что вторая ситуация, а именно конструирование нового выражения в языке-восприемнике, возможна не только при транскрипции, но и при

переводе. Конечно, в случае перевода она сравнительно редка. Но и в этом случае она, пожалуй, встречается чаще, чем может показаться на первый взгляд: достаточно заглянуть в какой-нибудь словарь иностранных слов³³, например, в [СЛИС 79]. Возьмём для иллюстрации встречающиеся в [СЛИС 79] русские слова *альтинг*, *стортинг*, *риксдаг*, *ригсдаг*, *фолькетинг*, означающие, соответственно, парламент Исландии, парламент Норвегии, парламент Швеции, парламент Дании до 1953 года, парламент Дании после 1953 года. Ясно, что они появились путём создания переводов для соответствующих иноязычных слов. Да и само слово *парламент* возникло аналогичным образом.

В случае транскрипции различие между двумя ситуациями не слишком принципиально. Иное дело в случае перевода. Здесь, при второй ситуации, мы не просто создаём новый языковой знак: объявив его переводом исходного знака, мы тем самым наделяем новый знак значением. Таким образом, ситуация выглядит отчасти парадоксальной, она перевёрнута с ног на голову. В самом деле, мы хотим найти в языке знак, обладающий нужным значением; с этой целью мы придумываем знак и просто приписываем ему требуемое значение. При этом в качестве этого нового, «придуманного» знака может использоваться транскрипция или транслитерация выражения языка-источника.

«Перевод является передачей готовыми средствами языка, то есть с помощью слов, уже существующих в языке» ([Стр], с. 17). Как видно из предыдущего, мы заявляем о несогласии с такой точкой зрения. Язык есть растущий организм и нужное слово (то есть перевод как результат) может возникнуть в нём в нужный момент — а именно, в процессе перевода. После чего слово становится «уже существующим».

Сказанное применимо и к конструированию переводов для имён собственных. Здесь типична вторая ситуация (хотя встречается и первая: сравни *Яков* как перевод для *James*). Во времена Ломоносова слово *Newton* присутствовало в России практически исключительно в письменных текстах. Естественно, что в качестве перевода этого слова была взята его транслитерация *Невтон*. По мере распространения английских правил чтения в качестве перевода для английского

³³ Кстати, само название *Словарь иностранных слов* — неправильное. Надо бы говорить и писать: *Словарь русских слов иностранного происхождения*. Ср. название словаря, вышедшего в Петербурге в 1911 году: *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка* и аналогичное название словаря [СЛИС 33], вышедшего в Москве в 1933 году.

Newton возник *Ньютон*, но всё ещё с ударением на втором слоге. С дальнейшим прогрессом и распространением английского ударение перемещается на первый слог — и то больше в умах просвещённых нормализаторов, чем в живой речи. При грядущем поголовном охвате российского населения английским языком следует ожидать закрепления начального ударения, и переводом окончательно делается русское слово *Ньѡтон*. (Интересно бы, кстати, выяснить, каким образом в русской версии фамилии учредителя Нобелевских премий ударение оказалось на первом слоге, тогда как в шведском оригинале оно на втором.)

Описанная только что эволюция от Невтона к Ньютѡну и далее к Ньѡтону (подобная наметившейся эволюции от доктора Ватсона к доктору Уотсону) есть частное проявление общей и имеющей самоочевидные причины той закономерности, которая уже упоминалась в последнем абзаце § 10: с ходом времени переводы собственных имён сдвигаются от транслитерации к транскрипции. Могут спросить, почему же тогда переводом для *Newton* не становится ни *Ньютын*, ни *Ньютан*, — ведь такие транскрипции также возможны. Ответ: потому что новые, транскрипционные переводы несут на себе историческую память старых, транслитерационных переводов. Вообще, движение от старого перевода иностранного слова к новому переводу того же слова, как и всякий диахронический процесс, сопряжено с различными сложностями. Синхронический же фотоснимок бесстрастно фиксирует в кадре текущее положение вещей. В случае с русским именем великого англичанина в кадре сейчас *Ньѡтѡн* с маячащим на горизонте ещё окончательно не оформившимся *Ньѡтон*.

Тенденция к выбору транскрипции в качестве перевода наблюдается, в частности, и при переводах топонимов. Так, до 1986 года республики Кот-д'Ивуар и Кабо-Верде именовались по-русски, соответственно, Берегом Слоновой Кости и Островами Зелёного Мыса. Разумеется, и старые, и новые русские названия следует считать переводами соответствующих французского и португальского имён; просто раньше для перевода составного имени использовался пословный перевод, а каждое отдельное слово переводилось как нарицательное существительное, теперь же название переводится как целое, и в качестве перевода используется транскрипция.

При переводе топонимов могут возникнуть нетривиальные грамматические проблемы. Вот одна из них. Какого рода слово *Бангладеш*? Обороты типа *по инициативе Бангладеш* и *в Бангладеш была создана* (см. [Стр], с. 144) заставляют полагать, что женского. Встают

два вопроса. Где тот нормативный справочник, который содержал бы информацию о роде слова *Бангладеш*? Если этот род действительно женский, то не следует ли писать в конце слова мягкий знак (как, по-видимому, в той *бангладеши*, о которой говорил Петька Василию Ивановичу)?

§ 15

Говоря об инварианте, сохраняемом при транслитерации, мы обозначали его расплывчатым термином «графическая характеристика». Мы не решились сказать «начертание», боясь быть понятыми слишком буквально³⁴. Если иметь в виду чисто внешнее сходство, то эквивалентом русского слова «рыба» в каком-либо языке с латинской графикой следовало бы признать слово «*rbiba*»; разумеется, говоря в данном контексте о слове в каком-либо языке, мы не имеем в виду ничего большего, как только цепочку букв соответствующего алфавита. Аналогично, английское «*sig*» передавалось бы русским «сиг», а в написании от руки английскому «*gипоиг*» отвечало бы русское «читоич». Читатель, конечно, вспомнит здесь знаменитую рениксу (а также, возможно, торговую марку с чёрным зверем и надписью «*Rupa*», читавшейся как «Рита»). А однажды мне пришлось наблюдать, как, исполняя поступившее из Америки поручение, по московским церковным лавкам безуспешно искали книгу «Окмоукс». Оказалось, что имелся в виду Октоих, записанный как *Октоих*. Реникса же, как всем известно, получается, если русское слова *чепуха* написать рукописным шрифтом, а затем все его буквы прочесть как буквы латиницы. Возможен и обратный эффект, когда при чтении рукописного текста буквы латиницы читаются как буквы кириллицы. Тогда возникает город Рачис. Вспомним рассказ Зощенко, который так и называется: «Рачис». В нём описывается печальная судьба Петра Антоновича Крылышкина, «почтового спеца», не знавшего не только иностранных языков, но даже и латинского шрифта, и тем не менее тридцать лет принимавшего и записывавшего в особую книжицу иностранные телеграммы. Он был уволен за то, что Париж записал в свою книжицу как Рачис. В записи названия Парижа на французском присутствуют буквы *i* и *s*; отсюда следует, что в 1926 году (время написания рассказа)

³⁴ Тем более, что А. А. Зализняк ([Зал 79], § 3) употребляет термин «начертание» в ином смысле: по Зализняку, начертание есть такой же конкретный представитель той или иной графемы, как звук — фонемы.

Пётр Антонович ещё не забыл церковно-славянской азбуки, хотя и адаптировал её буквы к новому времени.

З а м е ч а н и е 1. Визуальное сходство элементов различных языков есть тема, довольно редко обсуждаемая. Раз уж мы её коснулись, упомянем вот о чём: сходство иногда ошибочно принимается за тождество. Так, русская буква у и латинская буква игрек действительно совпадают в большинстве своих вариантов, но не во всех. Летом 1989 году автору этих строк довелось видеть в Западном Берлине стационарный щит с объявлением одной из оккупационных держав, на котором вместо «БУДЕТ» было написано «БҮДЕТ». ●●► **Комментарий Г. А. Левинтона.** Есть куда более распространённый пример: на всех автобусах «Икарус» написано ОСТОРОЖНО, ВОВНУТРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ. ◀●● То, что строчные варианты русского ка и латинского ка различаются, признаётся всеми; есть точка зрения, что различаются и прописные варианты этих букв.

З а м е ч а н и е 2. Можно наблюдать и явление, противоположное тому, о котором говорилось в предшествующем замечании. А именно, некоторые интернациональные символы, чей рисунок не должен — казалось бы! — зависеть от того языка, в котором они используются, подчас демонстрируют как раз такую зависимость. Так, написания греческих букв фи и эpsilon различаются в русской и английской традициях — так что можно говорить о русских фи и эписилоне и об английских фи и эписилоне. Вот русское фи — φ , а вот английское фи — ϕ . Русский эpsilon ϵ иногда используется в английском в качестве математического знака, выражающего принадлежность элемента множеству; ту же функцию в русском может выполнять английский эpsilon ϵ . Русская рукописная единица с «хвостиком» воспринимается в США, где записывают единицу в виде простой вертикальной черты, как семёрка, и автор этих строк испытал это на собственном горьком опыте, когда просил американских коллег позвонить по телефонному номеру, содержащему единицу.

●●► **З а м е ч а н и е 3.** В России XXI века совпадение начертаний некоторых букв русского и латинского алфавитов получило криминальное применение. Как известно, властями предписано многие продажи и покупки проводить через открытые аукционы. Продавец вывешивает в Интернете сведения о продаваемом товаре, а покупатели ищут нужный товар и нужный аукцион через поисковые системы. Вообразим, что Продавец вступил в незаконный сговор с некоторым Покупателем с тем, чтобы товар достался именно этому Покупателю. Если бы удалось добиться того, чтобы избранный Покупатель оказался единственным участником аукциона, это

гарантировало бы успех сговора. Но как этого добиться? Вот тут-то на помощь и приходит совпадение начертаний. Предположим, что Продавец продаёт стулья. Ему достаточно заменить при печатании объявления русскую букву эс на её латинский омограф, то есть на букву цэ латинского алфавита (находящуюся, к тому же, на той же клавише компьютерной клавиатуры) и сообщить этот факт участвующему в сговоре Покупателю, как дело будет сделано. В самом деле, внешне, для контролирующих органов, объявление будет выглядеть совершенно корректным, но только наш Покупатель будет знать, что в поиске надо набирать «стулья», используя латинское *цэ*. (А для верности можно ещё заменить русское *у* на латинское *изрек*.) ◀●●

Разумеется, под сохраняемым транслитерацией инвариантом мы разумеем не простое визуальное сходство, не просто «похожесть картинки», а нечто такое, что присуще транслитерируемому выражению как элементу языка-источника. Сказанное выглядит довольно-таки невнятно, поэтому постараемся объяснить, что имеется в виду. С этой целью обратимся к статьям Т. В. Булыгиной и С. А. Крылова, разъясняющим, в духе соссюрианской традиции, термины *о з н а ч а е м о е* и *о з н а ч а ю щ е е*; первый из них соотносится с семантической стороной семиотического треугольника, второй — с его именной вершиной.

«Означающее определяется как *а б с т р а к т н а я* единица, представляющая собой *к л а с с* конкретных сообщений» ([БуКр Ом]). В [БуКр Ощ] сперва цитируется мнение де Соссюра, согласно которому означающее «является не материальным звучанием, вещью чисто физической, а психическим впечатком звучания», а затем излагаются взгляды соссюрианцев о том, что «означающее является *а б с т р а к т н о й* единицей языка, представляющей собой *к л а с с* конкретных сущностей плана выражения, называемых „сигналами“, причём под сигналом понимается соотносительная с означающим реальная фонетическая или иная чувственно воспринимаемая действительность». В статье упоминаются означающие в живописи, скульптуре, кино и театре; мы ограничимся здесь языком и, на первых порах, акустическими сигналами. Запомним, что как означаемое, так и означающее есть абстрактная единица, являющаяся классом конкретных единиц. Образование этой единицы опирается на языковую компетенцию в пределах рассматриваемого языка. Действительно, именно носитель языка осознаёт те или иные конкретные единицы как эквивалентные и тем самым объединяет их в один класс.

Ссылка на носителя языка весьма существенна. Только ему

доступна семантическая эквивалентность сообщений. Но и эквивалентность сигналов может быть определена лишь в терминах наблюдателя, как сказали бы физики. Французы, скажем, с лёгкостью различают и тем самым квалифицируют как неэквивалентные по крайней мере два звука э: узкий, или закрытый, и широкий, или открытый; для неподготовленного же русского эти два звука будут эквивалентны. Аналогично, англичане различают долгий и краткий звуки и, неразличимые для носителя русского языка, не имеющего специальной подготовки. Русские мстят и французам, и англичанам тем, что различают звуки [и] и [ы], [ш] и [щ]. (Можно было бы сказать, что фонетическое означающее — это конкретное акустическое явление, пропущенное через фильтр языковой компетенции носителя языка; при проходе через этот фильтр происходит склеивание эквивалентных явлений в одно.)

До сих пор речь шла о звуковой, фонетической оболочке языкового знака. Может, точнее было бы употребить термин «фонематическая оболочка». В случаях, когда противопоставление фонетического и фонематического для нас несущественно, мы будем пользоваться термином ф о н и ч е с к и й. Применим теперь сказанное к визуальной, графической оболочке знака.

Графическое означающее не есть конкретное материальное изображение, а есть абстрактная сущность, представляющая собою класс изображений, осознаваемых носителем языка как эквивалентные, то есть как представители одного и того же абстрактного изображения; это абстрактное изображение можно было бы называть г р а ф и ч е с к о й р е п р е з е н т а ц и е й, г р а ф и ч е с к и м в ы р а ж е н и е м или, короче, н а п и с а н и е м. Ссылка на носителя языка существенна и здесь: скажем, человек, незнакомый с арабским языком, может ошибочно отождествить две арабские буквы, с очевидностью различающиеся для знающего арабскую письменность; с другой стороны, незнакомые с русским алфавитом легко примут Щ и Ъ за каллиграфические варианты букв Ш и Ь. А дети не различают Я и R. (Заметим также, что носитель языка может в одних случаях считать эквивалентными, а в других неэквивалентными написания, различающиеся рисунком шрифта, противопоставлением строчных и прописных букв и т. п.)

Итак, мы только что констатировали наличие двух качественно различных видов означающих: 1) звукового (акустического, фонического) и 2) визуального (оптического, графического). Лингвистическая традиция уничижительно трактует графическую оболочку языкового знака, то есть графическое означающее, всего лишь как

способ, к тому же несовершенный, фиксации фонической оболочки того же знака, то есть фонического означающего. Графическое означающее признаётся продуктом второго сорта, как бы уступкой моде, изобретшей, к сожалению, письменность. «Для лингвиста письмо, за исключением некоторых частных вопросов³⁵, — это не что иное, как внешнее средство, подобное использованию фонографа <...>» — говорится в одной из священных книг языкознания ([Блу], XVII.1). ●●► Любезный читатель мог заметить антипатию, испытываемую автором этих строк к традиционному для лингвистики отношению к письменному языку как к чему-то второ-, а то и десятистепенному. А потому оценит (а, может быть, и разделит) удовольствие названного автора от следующего сообщения, полученного от В. М. Алпатова:

Игнорирование письма — традиция стран с алфавитной письменностью: здесь письмо — лишь «тень звука». Иначе в странах, где пользуются иероглификой. Для японца, как пишет японский лингвист Сибата Такэси³⁶, слово — прежде всего нечто записанное, тогда как для европейца оно — прежде всего нечто сказанное.

Лишь язык и речь в их звуковых формах признаются надменной лингвистической традицией достойными того, чтобы быть предметом языкознания (ср. [БуКр Ф], разд. 1). Мы решаемся не согласиться с этим мнением и дерзаем выдвинуть концепцию, согласно которой у языкового знака имеются не две, а три стороны: означаемое и два означающих — фоническое и графическое.

Конечно, можно было бы пойти на терминологический компромисс, и согласиться, что означающее всё же одно, но имеет два аспекта, или две подстороны, или две субстороны и т. п. Но мы хотели бы сделать нашу точку зрения более выпуклой и потому предпочитаем подать её как непримиримую.

Строгий критик укажет нам, что означающее всегда одно и даже не имеет никаких подсторон, потому что в устной речи означающее

³⁵ Автор цитаты согласился бы, вероятно, отнести к подобным вопросам такие, например, частные наблюдения из жизни американских собственных имён: 1) город Детройт обязан своим названием расположению на проливе; 2) фамилия госсекретаря США Мадлен Олбрайт происходит от имени Альбрехт. — В. У.

³⁶ Здесь «Сибата» — фамилия, «Такэси» — имя. Как указал мне В. М. Алпатов, в русской японистической литературе строго соблюдается японский порядок, при котором фамилия предшествует имени. — В. У.

звуковое, фоническое, а в письменной — визуальное, графическое. Это, конечно, верно — но только если рассматривать произнесение и его графическое оформление (или написание и чтение этого написания) как разные знаки. Мы же предпочитаем трактовать то и другое как две внешние оболочки или два плана выражения — фонический и графический — одного и того же знака. Можно, конечно, видеть в произнесении и в написании одного и того же текста два разных знака, имеющих общее означаемое и находящихся в некоем специальном отношении эквивалентности, но тогда эти два знака всё равно естественно объединяются в один гиперзнак, который мы только что обозначили словами «один и тот же текст». Вот этот гиперзнак мы и считаем знаком (а термин «гиперзнак» становится тогда ненужным).

Поскольку противопоставление соссюровских означающего и означаемого сопоставимо с противопоставлением ельмслеvских плана выражения и плана содержания (см. [БуКр Ф], разд. 1), постольку провозглашению трёхсторонности языкового знака равносильно **провозглашение двух планов выражения — звукового, фонического и визуального, графического.**

На возможные упреки знатоков женевской школы и глоссематики, что мы не понимаем ни той, ни другой, а только искажаем соответствующую терминологию, мы ответим смиренным согласием с этими упреками. Мы допускаем, что в нашем тексте означаемые терминов «означаемое» и «означающее» чем-то отличаются от означаемых этих терминов у де Соссюра, а содержания терминов «содержание» и «выражение» чем-то отличаются от содержаний этих терминов у Ельмслева. Однако мы надеемся, что доброжелательному читателю будет из контекста ясно, о чём идёт речь.

●●► Г. А. Левинтон так отреагировал на предложение ввести два плана выражения:

Поскольку «план выражения» относится изначально к терминологии глоссематики, то на этом языке точнее было бы сказать не «два плана выражения», а «две субстанции плана выражения». Это возражение отчасти предвидено в тексте, но если выяснять, в чём именно отличие Вашего понимания термина от Ельмслева, то оно в этом.

Пожалуй, *две субстанции плана выражения*, действительно, было бы точнее. ◄●●

§ 16

Итак, перевод, транскрипция и транслитерация преобразуют означающие одного языка в означающие другого языка. Строго говоря, понятие перевода следует считать родовым и разбить на четыре видовых понятия — в зависимости от того, каким означающим, устным (звуковым, фоническим) или письменным (визуальным, графическим), является как означающее в языке-источнике, так и означающее в языке-восприемнике. При таком подходе мы вынуждены ввести в рассмотрение устно-устный, устно-письменный, письменно-устный и письменно-письменный виды перевода. Это дробление может показаться схоластическим и надуманным. Но это не так. Читатель легко построит примеры перевода, скажем, с русского на английский, демонстрирующие различие в механизмах письменно-письменного и устно-письменного перевода. Дело в том, что русская интонация может указывать как на целеустановку (вопросительность/невопросительность), так и на актуальное членение; и то, и другое в английском эквиваленте оформляется в письменной форме.

При транскрипции возможно лишь графическое означающее в языке-восприемнике, так что транскрипция может быть либо устно-письменной (как в примере из Толстого или в нашем письменном изложении эпизода с «ватамизи»), либо письменно-письменной; в последнем случае графическое означающее языка-источника должно быть сперва произнесено, то есть превращено в фоническое означающее, каковое превращение в отдельных случаях может и не быть однозначным (пример: английское *bow*). Транслитерация же принимает на свой вход и выдаёт на выходе лишь графические означающие, так что она может быть только письменно-письменной. Ещё раз напомним, что транскрипция и транслитерация может применяться и к выражениям, не имеющим смысла. Проще всего принять соглашение, что термин «означающее» понимается в обобщённом широком смысле, так что означающее может ничего и не означать. Наверное, лучше говорить не «означающее», а «выражение», поскольку все уже привыкли к тому, что выражение может ничего не выражать.

Если вдуматься, каждое из трёх выделенных нами преобразований уподобления (перевод, транскрипция, транслитерация) имеет довольно сложную и даже не вполне понятную логическую природу. Ведь каждое преобразование для означающего из языка-источника строит соответствующее ему означающее в языке-восприемнике. «Соответствующее» в данном контексте означает 'подобное в над-

лежащем, то есть семантическом, фоническом или графическом, отношении'. Но какое содержание можно вложить в понятие подобия, когда уподоблению подлежат абстрактные единицы р а з н ы х языков, а каждая такая единица есть класс конкретных единиц соответственного языка? Что можно — и можно ли что-либо — иметь в виду, говоря, что один класс конкретных сущностей одного языка подобен какому-то классу конкретных сущностей другого языка? Подобие, вообще говоря, означает сохранение некоего инварианта. Но что является инвариантом в интересующих нас случаях?

Если признать, что для языка А означаемое (содержание, смысл) есть класс конкретных сообщений языка А, как это было заявлено выше, а для языка В означаемое (содержание, смысл) есть класс конкретных сообщений языка В, то ни о каком переводе с языка А на язык В не может быть речи без дальнейших разъяснений, причём не видно, откуда эти разъяснения можно было бы черпать. Если же считать, что в Платоновом мире идей существуют смыслы, не я в л я ю щ и е с я указанными классами, а лишь с о о т н е с ё н н ы е с ними, то появляется возможность говорить об этих смыслах как об инвариантах, а о переводе — как о преобразовании, сохраняющем этот инвариант. Но тут нас подстерегают другие опасности. Прежде всего, смысл превращается в неопределяемое понятие. Далее, смысл в языке-восприемнике не тождествен смыслу в языке-источнике, но лишь в высокой степени похож на него. Однако, если понятие тождественности абстрактных объектов считается понятным (а это значит — привычным), то понятие их похожести требует комментариев, которые завели бы нас слишком далеко (они потребовали бы включения в рассмотрение человеческого поведения как реакции на возможные смыслы). Поэтому здесь мы остановимся.

Сходные проблемы возникают и при попытке подвести логический фундамент под транскрипцию и транслитерацию. С одной стороны, нам очень хочется сказать, что преобразование уподобления сохраняет некий инвариант при переходе от одного языка к другому. С другой стороны, выясняется, что сам этот инвариант — по крайней мере в сосюррианской концепции — может быть определён лишь в пределах одного языка. Нам ничего не остаётся, как призвать на помощь интуицию. Интуиция легко соглашается с возможностью отразить, хотя бы приблизительно, средствами разных языков один и тот же смысл или одно и то же звучание. И с бóльшим трудом — с отражением в разных письменностях одного и того же написания. Ведь чисто визуальное сходство было нами уже отвергнуто в § 15.

Математики сказали бы, что в случае транслитерации инвариантом служит структура, понимаемая с точностью до изоморфизма. Поясним, что имеется в виду, на примере структурных формул химии. Такую формулу можно мыслить себе как пространственную фигуру, состоящую из точек, называемых вершинами, и соединяющих их линий, называемых рёбрами; вершины обозначают атомы, и потому при каждой вершине стоит символ, обозначающий соответствующий химический элемент; рёбра обозначают связи между атомами. Расстояния между атомами существенны в реальной молекуле; расстояния между вершинами в формуле несущественны, так что её можно искажать как угодно, лишь бы соединённые между собой вершины оставались соединёнными. Структурная формула есть пример графического означающего. Заменяем теперь в формуле стандартные латинские обозначения элементов на какие-нибудь русские, скажем, вместо Н, С, N, О и т. д. будем писать *Вод*, *Угл*, *Аз*, *Кисл* и т. д. Полученную формулу можно считать транслитерацией исходной. Она стала другой, но сохранила нужный инвариант.

§ 17

Каждое означающее, как фоническое, так и графическое, можно мыслить в виде комбинации дискретных элементов, число которых конечно и даже не слишком велико для каждого отдельного языка. Для фонического означающего это будут звуки или фонемы, а также всевозможные супрасегментные просодические показатели. Для графического означающего — **б а з и с н ы е г р а ф е м ы**.

В алфавитных системах письма в качестве базисных графем выступают прежде всего буквы алфавита (см. глубокий анализ понятий 'графема' и 'буква' в статье А. А. Зализняка [Зал 79]). Как правило, в алфавитных системах базисные графемы следуют при письме в линию друг за другом, но они могут группироваться и иначе, как в корейском письме. В системах же письма иероглифических в качестве базисных графем выступают так называемые **ч е р т ы**, в различных сочетаниях располагающиеся на плоскости иероглифа. Однако даже для китайской письменности нет однозначного понимания, что есть черта. И БСЭ-3 (т. 12, стлб. 719) и ЛЭС (с. 226) указывают лишь, что в отдельном иероглифе таких черт может быть от 1 до 28. Кажется, китаистическая традиция склонна разлагать иероглиф на более крупные блоки — так называемые **э л е м е н т ы**. Впрочем, неоднозначность решения вопроса, что есть базисная графема, характерна и для алфавитных языков, имеющих диакритические

знаки. Считать ли диакритический знак отдельной графемой или же включать его в состав единой *диакритизированной буквы*? Этот вопрос обсуждается в [Зал 79], § 10.

Чтобы закрыть тему китайских иероглифов, приведём цитату из книги одного из ведущих французских китаистов Вивиан Аллетон: «Структура иероглифов не допускает индивидуальной вариативности. Основу этой структуры составляют так называемые *черты*, число которых невелико. Каждый иероглиф состоит из *строго определённого количества черт* (от одной до тридцати и даже более), которые рисуются в строго определённом порядке. Иероглиф, как правило, не является абсолютно неповторимой комбинацией черт, полностью отличной от всех остальных: если бы это было так, овладение китайским письмом требовало бы сверхчеловеческих усилий памяти, что отнюдь не соответствует действительности. В большинстве иероглифов выделяются совпадающие части (другие иероглифы или несамостоятельные элементы), которые мы будем называть *элементами иероглифов*. Количество таких элементов ограничено несколькими сотнями. <...> Черты, составляющие основу китайского письма, являются отрезками прямой линии, различной длины и различной ориентации. Общий список черт может значительно варьировать, в зависимости от того, будем ли мы учитывать некоторые тонкие различия, и от того, каким образом мы будем проводить границу между разными чертами и вариантами одной черты. Традиционно выделяются восемь основных черт; но некоторые авторы доводят их число до шестидесяти четырёх. Строго говоря, здесь следовало бы ориентироваться на значимые оппозиции: несовпадение в форме двух черт следовало бы признавать релевантным в том случае, когда оно позволяет различить два изображения, в остальном полностью идентичные. Но поскольку эта работа (предполагающая формальный анализ очень большого материала) не была ещё выполнена с должной последовательностью, все существующие списки черт оказываются в той или иной степени спорными» ([АШ], с. 23—24; перевод В. А. Плунгяна).

§ 18

По-видимому, общая схема транслитерации такова. Для каждой базисной графемы языка-источника указывается некоторая графическая единица в языке-восприимнике, каковую условимся называть *образом исходной базисной графемы*. Сама система таких

указаний называется, в простейших случаях, системой транслитерации. К простейшим случаям мы относим те, в которых оба языка имеют алфавитную письменность с линейным расположением базисных графем. Тогда транслитерация какого-либо выражения (написания) языка-источника образуется следующим образом. Выражение членится на базисные графемы, для них находятся соответствующие образы, и эти образы располагаются друг за другом в том же порядке, как и базисные графемы исходного выражения.

З а м е ч а н и е. Ситуация становится менее очевидной, когда членение исходного выражения на базисные графемы не является однозначным. Например, алфавит испанского языка содержит, в числе других, такие две базисные графемы: *l* (с названием *эле*) и *ll* (*элье*). Рассмотрим систему транслитерации с испанского на русский, которая даёт русскую букву *л* в качестве образа для *l* и русское буквосочетание *ль* в качестве образа для *ll*. Теперь представим себе, что в составе какого-то испанского написания встретился сегмент *ll*. Как его надлежит транслитерировать? Если трактовать его состоящим из одной базисной графемы, то русской транслитерацией будет *ль*; если же понимать этот сегмент как сочетание двух графем (*l + l*), то транслитерацией будет *лл*. Первая транслитерация предпочтительнее, но чтобы исключить вторую, мы должны запретить членение написания *ll* на две графемы; аналогичным образом, следует запретить членение испанского написания *ch* на графемы *c* (*сэ*) и *h* (*аче*), а всегда трактовать это написание как единую графему *че*. Можно принять и такое решение: ничего не запрещать и смириться с неоднозначностью транслитерации.

Описанную выше систему можно назвать *бесконтекстной*, поскольку образ исходной базисной графемы не зависит от её контекста. Мыслимы и *контекстные* системы, в которых образ может зависеть от положения исходной графемы: например, разумна русско-английская транслитерация, при которой образом русской буквы *е* после согласной служит английская буква *e*, во всех же остальных позициях, включая начальную, — английское буквосочетание *ye*.

В случаях более сложных понятием 'система транслитерации' должно охватываться не только соответствие между базисными графемами и их образами, но и правило, управляющее расположением на плоскости образов в зависимости от расположения исходных базисных графем. Когда язык-восприимчив имеет алфавитное линейное письмо, а базисные графемы языка-источника имеют хотя и не линейное, но достаточно регулярное расположение, как в корейском письме, проблем с формулировкой такого правила не возникает.

Поэтому разработка системы транслитерации с корейского на русский не должна вызвать принципиальных трудностей. Создание же русско-корейской транслитерации — сложная задача. Ещё сложнее задача транслитерации с китайского на русский. Её можно сравнить с задачей линейного кодирования структурных химических формул, когда формулу, выражающую пространственное расположение атомов, надлежит без потери информации представить в виде линейной цепочки символов. Химическую ситуацию можно считать даже более простой, поскольку там хотя бы имеется точно описанный инвентарь того, что может встретиться в структурной формуле; аналогичного инвентаря стандартных черт китайских иероглифов, как отмечалось, не существует. В дальнейшем мы ограничимся в наших рассуждениях лишь случаями, когда и язык-источник, и язык-восприимчик обладают линейным алфавитным письмом. Здесь возникают проблемы, связанные с различными трактовками диакритических знаков. В некоторых системах транслитерации русских букв на латиницу «и краткое» передаётся как *j* или как *y*, в других — как *ï*; ясно, что в первых системах «и краткое» воспринимается как единая буква, а во вторых разлагается на две графемы: *u* и надстрочную дужку (называемую в [Гус], § 141, кавычкой³⁷). Аналогично, русское *ё* может трактоваться как составная буква и транслитерироваться как *ë* или же как простая и тогда передаваться посредством *e* или *yo*.

В то время как преобразования транскрипции и перевода поддерживаются языковой компетенцией (первое — знанием правил чтения, второе — знанием смысла выражений), преобразование транслитерации опирается на задаваемую в достаточной степени произвольно систему транслитерации. Единственное, что требуется знать — это системы письма языка источника и языка-восприимчика. В этой условности транслитерации её принципиальное отличие от перевода

³⁷ ●●► Дужка над *й* в XIX веке называлась «краткая», а сама буква — «иже с краткой» (не исключено, что это этимологически оправдано и значок восходит к знаку краткости, в том числе метрическому). Это обыграно в акrostихе Льва Мея на собственную фамилию (к сожалению, он не включён в том библиотеки поэта):

Ладно — есть вопрос о Мее,
Есть ответ — я не шучу;
Вызов мне всего милее:
Ъ (ерь) другим не по плечу:
Мелочь мне: возьму труднее,
Если только захочу:
Й (иже с краткою) вкачу.

(Сообщено Г. А. Левинтоном.) ◀●●

и транскрипции. Однако не все системы транслитерации равноценны. О некоторых естественных требованиях, предъявляемых к таким системам, будет сказано ниже. И одно из этих требований окажется связанным не только с графическим аспектом языковой компетенции: см. требование фонетической корректности в п. 25.1.

Но прежде чем приступить к формулированию какой бы то ни было системы транслитерации надлежит, разумеется, внести полную ясность в вопрос о том, какие базисные графемы могут встретиться в рассматриваемом языке, будь то язык-источник или язык-восприимчик. Вопрос этот выглядит праздным: ведь кажется, что алфавитные системы письма задаются своими алфавитами. Однако это не так.

То, что графический состав текста не исчерпывается буквами алфавита, конечно, хорошо известно. «К не буквенным графическим средствам письменной речи относятся: знак ударения, дефис (чёрточка), знаки препинания, апостроф, знаки параграфов, пробелы между словами, более крупные пробелы между главами, параграфами и другими частями печатных текстов, а также курсив, разрядка, подчёркивание, различие букв и слов по цвету» ([Ив 76], с. 68—69). В дальнейшем изложении мы коснёмся буквенных средств, а из названных в приведённой цитате небуквенными — тех, что предшествуют слову «более».

§ 19

А. А. Зализняк делит графемы на общеобязательные и специальные. «Первые образуют некоторый инвентарь графем, необходимый для записи (в соответствии с действующими орфографическими правилами) внешней оболочки любой словоформы данного языка, а также для пунктуации предложения» ([Зал 79], § 4). Общеобязательных графем, таким образом, достаточно для письменного, графического оформления любого устного текста, произнесённого на рассматриваемом языке.

«Специальные графемы — это самые различные дополнительные символы, например, математические и т. п. знаки, буквы чужих алфавитов, символы идеографического характера (то есть соотнесённые непосредственно со значением, а не с внешней оболочкой каких-либо слов; таковы, например, цифры) и т. д. Все они так или иначе служат для сокращения записи или для передачи того, что затруднительно передать обычными словесными средствами данного языка. В отличие от общеобязательных графем, имеющих постоянные значения, специальным графемам (кроме самых известных, например, цифр) автор

может приписывать те значения, которые считает удобным. Соответственно, значения специальных графем (кроме самых известных) обычно специально разъясняются автором. Список специальных графем в принципе открыт: автор может изобрести совершенно новую специальную графему или объявить особой специальной графемой то, что в обычных условиях функционирует лишь как аллограф какой-то графемы» ([Зал 79], § 4).

Таким образом, следуя А. А. Зализняку, мы получаем четыре класса графем:

- 1) графемы для записи словоформ — словарные графемы;
- 2) графемы пунктуации — знаки препинания;
- 3) специальные графемы со стандартным значением — стандартные спецзнаки;
- 4) специальные графемы с произвольно установленным значением — авторские спецзнаки.

Инвентаризация авторских спецзнаков невозможна, поскольку каждый волен изобретать здесь такие знаки, какие ему вздумается. Инвентаризация же остальных графем данного языка кажется и возможной, и необходимой; более того, естественно ожидать, что она зафиксирована в описаниях рассматриваемого языка. Увы, перечень стандартных графем, то есть всех графем, кроме авторских спецзнаков, скорее встретишь в полиграфических, нежели в лингвистических руководствах.

§ 20

Вообразим простодушного исследователя — назовём его *господин N*, — задумавшего составить список словарных графем французского языка. Сперва задача кажется ему неосуществимой: ведь надо обозреть все французские словоформы и выделить нужные графемы. Он приходит в отчаяние, но тут ему говорят, что его задача уже решена: надо лишь раскрыть словарь или учебник на той странице, где опубликован французский алфавит. Г-н N достаёт нужную книгу, он выучивает французский алфавит наизусть. Затем он начинает перелистывать ту же или другую книгу — просто, чтобы насладиться узнаванием выученных им букв. И тут ему попадаются буквы *œ* и *ç*. Он понимает, что ему не повезло, и он учил французский алфавит по дефектному экземпляру. Однако он вскоре убеждается, что французский алфавит один и тот же во всех местах, где он опубликован, и ни в одной из этих публикаций нет ни *œ*, ни *ç*.

А тут ещё оказывается, что *ou* и *où*, *aime* и *aimé*, *mat* и *mât* суть разные слова, так что *u*, *ù*, *e*, *é*, *a* и *â* суть шесть разных букв. Господина N снова охватывает отчаяние, причём большее, чем в первый раз, потому что первое отчаяние было вызвано сознанием грандиозности задачи, а второе отчаяние — ужасом перед непредсказуемостью окружающего мира.

Он вспоминает, что где-то читал или слышал, что французы крайне легкомысленны, а немцы — основательны, и обращается к языку немецкому. Он выучивает немецкий алфавит, с удовольствием открыв, что он совпадает с французским. Его предупреждают, что книги с готическим шрифтом не для него. Он раскрывает словарь и наталкивается на противопоставления *Mucke* / *Mücke* и *Mus* / *Muß*, содержащие неизвестные ему буквы *ü* и *ß*.

От полного повреждения в рассудке г-на N спасает *Определитель языков мира по письменностям* [ГиГр], который, хотя и даёт алфавиты французский (на с. 116) и немецкий (на с. 110) с общепринятой неполнотой, но сопровождает эти алфавиты дополнительными графемами: для немецкого языка — диакритизированными буквами *ä*, *ö*, *ü* и лигатурой *ß*, а для французского — графемами *à*, *á*, *ç*, *ë*, *é*, *è*, *ê*, *î*, *ï*, *ô*, *œ*, *û*, *ù*, *û*. Г-н N настолько счастлив, что не замечает непоследовательности, с которой лигатура *œ* объявлена на с. 116 в [ГиГр] буквой с диакритическим знаком. Он только удивляется, почему единственным источником, откуда он мог почерпнуть столь важные сведения, был не словарь и не учебник, а интереснейшее пособие для детективов, достойное пера Шерлока Холмса. Он также недоумевает, почему нигде толком не объяснено, каков порядок расположения в словарях слов, имеющих в своём составе лигатуру или диакритический знак. Правда, в таблице I, называющейся «Дополнительные буквы латинского письма» и помещённой на с. 26—27 в [Юш 41a], он находит некоторое упорядочение дополнительных графем, но никто не может положительно сообщить ему, является ли этот порядок общепринятым или нет. Кроме того, он обнаруживает, что — как это ни странно — даже если и задать какое-то упорядочение дополнительных графем, место слова в словаре всё равно не будет однозначно определяться этим упорядочением, поскольку для целей упорядочения слов буква с диакритикой и без неё трактуется в словарях как «одна и та же буква»! «Так, немецкие *ä*, *ö*, *ü* и французские *à*, *á*, *â*, *ç*, *ë*, *é*, *è*, *ê*, *î*, *ï*, *ô*, *û*, *ù*, *û* не считаются особыми буквами алфавита», — объявляется в [Юш 41] на с. 23, в разделе, озаглавленном «Об алфавитном порядке». (Кстати, приведённую в этой цитате во французском списке букву *á*, то есть латинскую а

с акутом, г-н N так и не смог обнаружить в приобретённой им обширной коллекции французских текстов.)

Далее, г-н N лишь впоследствии осознаёт, что буквы обоих алфавитов приведены в [ГиГр] в двух вариантах, строчном и прописном, дополнительные же графемы — только в строчном варианте. Правда, на с. 21 замечательного справочника [Юш 41] чётко сказано, что «буквы с диакритическими значками образуют прописные формы так же, как основные буквы, и прибавляют свой диакритический значок». Однако этот справочник является библиографической редкостью и г-ну N оказывается недоступен. На практике же г-н N видит, что одно и то же слово, содержащее прописную букву, может писаться как с диакритическим значком, прибавленным к этой букве, так и без оно, потому что «французский язык охотно избегает прописных со значками» ([Юш 41], с. 21). Это запутывает его окончательно. Слегка утешает г-на N то обстоятельство, что, как он узнаёт, для русского языка проблема наличия прописных вариантов оказывается нерешённой даже для некоторых букв, входящих в традиционный русский алфавит.

Наконец, ему попадает в руки эта наша статья. Её п. 5.2 сообщает ему, что латинский алфавит (в широком смысле) совпадает с алфавитом английского языка. Латинский алфавит г-ну N известен; не без приятного удивления г-н N обнаруживает, что, оказывается, тем самым он знает и алфавит языка английского. Предвкушая удовольствие, он берёт Вебстеров Энциклопедический полный словарь английского языка [Web] и начинает его выборочно читать. Тут ему попадают фамилия майора британской армии André, мифологическое имя Oïzys, название вина Médoc, название города Mariánské Lázně, название измерительного прибора Eötvös torsion balance. Г-н N догадывается, что всё дело в прописной букве и что со слов, содержащих такую букву, не может быть никакого спроса. Он несколько успокаивается, но, к несчастью, довольно быстро натывается на maître d'hôtel и chargé d'affaires. Английские — поскольку пребывают в словаре английского языка — слова païve и souççon окончательно его доканывают. Г-н N с негодованием рвёт нашу статью и выбрасывает её в мусорную корзину.

§ 21

Займёмся теперь русскими словарными графемами. Начнём с алфавита. «Совокупность всех букв, расположенных в некотором условном порядке, носит название а л ф а в и т а» ([Зал 79], § 4).

А. А. Зализняк справедливо указывает на различие в понятиях 'графема' и 'буква': так, *а* и *А* являются различными графемами ([Зал 79], § 3), но одной и той же буквой ([Зал 79], § 4). Таким образом, русский алфавит состоит из 66 графем, объединённых в 33 буквы, каждая из которых существует в двух вариантах: 1) прописном, или заглавном, и 2) строчном. Здесь, однако, возникает ряд проблем, которыми мы хотели бы поделиться с читателем.

21.1. Первая из них была обозначена в начале заметки. Строчными или прописными являются буквы *а, б, е, р, с, у, ф*? Казалось бы, прописными. Однако на самом деле все они — строчные, только набранные особым шрифтом — капителью. Буквы капители «применяются для выделений в тексте, например действующих лиц в изданиях драматических произведений» ([БылЖил], с. 420). Обсуждаемый вопрос — не праздный, он показывает, что противопоставление букв по заглавности/строчности имеет свои тонкости. Бессмысленно, вообще говоря, спрашивать, является ли отдельно взятый звук ударным или безударным: он опознаётся как тот или иной лишь в сравнении с окружающими его звуками. Аналогично может оказаться невозможным установить, является ли данная буква строчной или прописной, не взглянув на её окружение. Вот если написать, скажем, *Фамусов*, то тогда качество каждой буквы станет ясным. Таким образом, заглавность буквы опознаётся, вообще говоря, на основе контекста и контраста. Качество заглавности буквы сходно с качеством ударности слога, а потому заглавность буквы может трактоваться как супraseгментная характеристика.

21.2. А для всех ли русских букв существуют их прописные варианты?

В каждом из четырёх томов словаря [СлРЯ] приведён русский алфавит, но *ер, еры* и *ерь* даны там только строчные (см. выше наш § 6).

В некоторых публикациях русского алфавита присутствует прописное *еры*, но отсутствуют прописные *ер* и *ерь* — например, в [ЗКС.1], § 78 и в [Ив 76], с. 53. В § 54 работы Л. В. Щербы «Теория русского письма» [Щер] после перечисления русских букв для гласных и согласных, причём каждая даётся в прописном и строчном вариантах, говорится буквально следующее: «3) Буквы, играющие роль диакритических знаков: *ь, ъ*». Дань этой традиции отдал и автор этих строк: [Усп 67], § 2³⁸. Однако сейчас автор поменял точку зре-

³⁸ В настоящей книге с. 205. — *Примеч. ред.*

ния и присоединился к тем, кто признаёт наличие заглавных ера и еря. Противопоставление строчных и прописных вариантов этих букв можно видеть на бумажных деньгах при обозначении серий. К тому же в [Ив 76], в сноске на с. 54, приведена цитата из М. Н. Петерсона, начинающаяся с заглавного еря: «**Б** указывает на то, что...». Цитата эта наглядно показывает, что необходимо различать синтаксическое употребление прописной буквы, то есть написание с заглавной буквы новых отрезков текста: после точки, при цитировании, в стихах (где её замена строчной буквой имеет знаковый характер) и т. д. — и её ономастическое употребление³⁹, то есть написание с заглавной буквы собственных имён. Собственное имя (в данном случае это имя операции), состоящее из одного прописного еры встречается в названии популярной кинокомедии 1960-х годов: «Операция „Б“ и другие приключения Шурика».

●●► В помещении кафедры теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета Московского университета висит предназначенный, надо полагать, для школ плакат с русским алфавитом. Буква еры там только строчная. Путь всех тех, кто идёт из I Гуманитарного корпуса, где расположен Филологический факультет, к станции метро «Университет», протекает по короткому участку проспекта Вернадского. На этом участке к университетскому забору прикреплён щит, в котором объясняется, что происходит за забо-

³⁹ Кстати, об ономастическом употреблении: помнит ли читатель, что *Президент СССР* писалось с большой буквы, а *президент США* с малой? (Сейчас с большой буквы пишется, естественно, *Президент РФ*, а *президент США* по-прежнему с малой.)

Вот ещё смешнее. Согласно словарю [Роз], с. 42—43, при написании наименования вооружённых сил какой-либо страны отношение советского человека к политическому строю этой страны надлежало следующим образом отразить в распределении прописных и строчных букв. Если эта страна — СССР, то все слова предписывалось писать с прописной буквы: *Вооружённые Силы СССР*. Если страна социалистическая, то с прописной буквы надо было писать только первое слово: *Вооружённые силы Республики Куба*, *Народные вооружённые силы КНДР*. В случае же капиталистической страны все слова — со строчной буквы: *вооружённые силы Италии*. Входящее в состав наименования название страны всё же разрешалось писать с прописной буквы во всех случаях. (Предполагалось ли, что подобными идеологически окрашенными правилами русского правописания должно руководствоваться и при использовании русского языка вне пределов Советского Союза?)

А о советском запрете на употребление заглавной буквы в слове *Бог* президент Московского математического общества П. С. Александров выразился так: «Его потому не велят писать с большой буквы, что боятся, как бы Он от этого не засуществовал».

ром, на территории Университета. А именно, что идёт строительство III Гуманитарного корпуса и что ответственным за стройку является Ышыкдемир Р. Сотрудники и студенты кафедры проходят мимо этого щита уже более шести лет: как указано на щите, строительство началось во II квартале 2003 года, а 30 мая 2009 года щит ещё висел⁴⁰. Никто из них не потребовал снятия щита как противоречащего директивному плакату, висящему на их кафедре, ниже потребовал снятия плаката⁴¹. ◀●●

21.3. Сколько букв в русском алфавите? Разумеется, если считать русским алфавитом тот список, который приводится повсеместно под этим названием, а буквами — члены именно этого списка, то ответ однозначен: тридцать три, просто по определению. Но если подойти к делу непредвзято и рассматривать алфавит как тот минимальный инвентарь знаков, который необходим для записи любого слова (понимаемого как словоформа) в соответствии с орфографическими нормами данного языка, то тогда алфавит совпадёт с набором словарных графем. Честно говоря, не видно другого смысла в термине «алфавит языка». Конечно, этот термин, в его теперешнем понимании, несёт на себе большую нагрузку исторической традиции, и эта нагрузка вполне оправдана: когда-то каждая буква алфавита обозначала ту или иную фонему (возможно, зависящую от позиции этой буквы). Но какую фонему сейчас обозначают ер или ерь? Никакой. Вряд ли стоит считать, что они обозначают в некоторых случаях фонему йот, — скорее всё же подают сигнал о том, что следующая гласная буква должна читаться как последовательность двух фонем: йот плюс соответствующая гласная фонема. Автор, конечно, не рассчитывает, что ему удастся изменить значение слова «алфавит», но надеется, что ему будет разрешено употреблять этот термин в расширенном смысле — а именно, в смысле 'разбитый на буквы инвентарь словарных графем' — на протяжении этого параграфа.

А тогда в русский алфавит должны войти апостроф и дефис — хотя бы потому, что они используются в написании уже встречавшегося нам выше (в § 14) русского слова *Кот-д'Ивуар*.

Разумеется, необходимость включения в русский алфавит этих двух особых букв отчётливо понимал А. А. Зализняк: см. [Зал 67], с. 11; приходится с сожалением признать, однако, что с выходом в

⁴⁰ То обстоятельство, что на щите указан и срок строительства — 22 месяца, я опускаю как не относящееся к делу.

⁴¹ Так и хочется воскликнуть «Рюрик Соломонович! Или снимите крест, или наденьте трусы».

свет этой опередившей своё время монографии традиционный объём понятия 'русский алфавит' не изменился.

З а м е ч а н и е. Недостаточно просто добавить в русский алфавит дефис и апостроф. Надо ещё указать их место в алфавите. Какое из слов, *в-пятых* или *второпях*, идёт раньше по алфавиту? Сейчас, конечно, первое — но это потому, что дефис не считается буквой. Если же поместить дефис в конец алфавита, то слово *второпях* будет предшествовать слову *в-пятых*.

21.4. Апостроф в русском языке употребляется главным образом в именах собственных иностранного происхождения: в начале некоторых фамилий, в частности таких ирландских и сенегальских как *О'Нил* и *М'Боу* (см. БСЭ-3, т. 18, стлб. 1424), а также в качестве сокращения для «де»: *д'Артаньян*. Фонематическая роль апострофа ничуть не ниже, чем у ера или еря: не обозначая никакой фонемы самостоятельно, он влияет на произнесение предшествующей буквы, препятствуя её смягчению: *Кот-д'Ивуар*.

21.5. Разумеется, дефис должен войти в русский алфавит не только из-за нового названия Берега Слоновой Кости: ведь все написанные через дефис сложные слова считаются словами, а не словосочетаниями, и тем самым дефис необходим для графического оформления этих слов.

В фонологическом отношении дефис подобен еру, ерю и апострофу: он не имеет собственного чтения, то есть не обозначает никакой фонемы, но влияет на фонемный состав слова. В самом деле, сравним два слова, различающиеся лишь тем, что одно имеет слитное, а другое — дефисное написание. В дефисном написании непременно имеется второе ударение, а ведь фонетическое и даже фонологическое качество звука зависит от его расстояния от ближайшего ударного слога (причём неважно, является ударение основным или побочным, см. [Ав], § 183).

Возможны ли пары слов, различающиеся только по признаку слитности/дефисности? Вот несколько наблюдений в этой связи. Словарь Ушакова в своём 4-м томе (1940 год) даёт слитное написание *чернобурых*, более современные словари — дефисное написание *чёрно-бурых*. Эти два слова имеют и различный фонемный состав: соответственно /чирнабурых/ и /чорнабурых/. Значение этих слов одинаково. Следовательно, их надлежит считать такими же вариантами друг друга, как, скажем, *калоша* и *галоша*. Ещё пример: *жестяно-баночный* /жыс'т'анабаначный/ через дефис в [Орф 56], затем слитно *жестянобаночный* /жыс'т'инабаначный/ в [Орф 74], дефисно в [БуКа 76], слитно в [Орф 84] и снова дефисно в [БуКа 87].

В полезной брошюре [Кр]⁴² на с. 35 приведены слитные написания *бледнолиловый, темнорусый, яркозелёный*; все эти прилагательные даны через дефис в современных словарях.

Вообще, в написаниях сложных прилагательных царит порядочная неразбериха. И виноваты в этом орфографические правила, часто менявшиеся и подчас противоречащие здравому смыслу. Вот выпуклый пример из БСЭ-3, т. 23 (1976 год), стлб. 1238: «СИНЕЗЕЛЁНЫЕ <sic! слитно!> ВОДОРОСЛИ <...>. Для С.в. характерна сине-зелёная <sic! дефисно!> окраска <...>». Объяснение этому нонсенсу, надо полагать, такое. Слова *синезелёный* и *сине-зелёный* — разного смысла: первое означает некий единый цвет, каковой и имеют водоросли, второе — цветовую чересполосицу (сине-зелёный флаг; футболисты выступали в сине-зелёной форме). Это прекрасно понимают биологи, которые и дали своим водорослям слитное название, но они ничего не смогли поделать с орфографическими нормализаторами, управляющими названиями цветов даже в текстах биологических статей.

Только что проведённое обсуждение показывает, что дефис несёт функции не только графеморазличительную (что очевидно) и фонеморазличительную, но и смысловую различительную. Это обстоятельство, однако, оказалось в поле зрения скорее естествоиспытателей, чем языковедов; впрочем, аргументация первых страдает нехваткой лингвистической корректности: так, обсуждаемые в [Хом] противопоставления

*известняково-глинистый / известковоглинистый,
песчаниково-глинистый / песчанистоглинистый*

и т. п. заключаются не только в наличии или отсутствии дефиса. Представляется, тем не менее, что правила об употреблении дефиса должны непременно принимать во внимание семантику. Вот наглядный пример⁴³ из статьи О. Э. Мандельштама «О природе слова»: «Русский лжесимволизм — действительно лже-символизм».

21.6. Итак, если статья на синхроническую точку зрения и не считать, что буква должна непременно обозначать, хотя бы в прошлом, какую-то фонему, то нет никаких оснований не включать апостроф и дефис в русский алфавит в качестве букв (хотя противопоставление по строчности/заглавности — в отличие от ера и еря —

⁴² Первая фраза брошюры такова: «Гениальные труды И.В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ имеют величайшее значение для школы». Мы приводим эту цитату отнюдь не для осуждения автора, а просто считаем полезным напомнить о временах не столь отдалённых.

⁴³ Пример любезно сообщён Татьяной Вячеславной Булыгиной. Она же напомнила мне о набоковском Гемингвее (см. выше начало § 8).

на современной стадии русской графики у них отсутствует). А старые, традиционные буквы будут почтены тем, что именно они несут основную нагрузку при записи морфем (то есть, конечно, морфов). Однако есть морфемы, написание которых в грамматиках и словарях включает в себя дефис: это частицы *-ка*, *-либо*, *-нибудь*, *-то* и некоторые другие. Мы полагаем, что они пишутся через дефис точно в том же смысле, в каком *корова* пишется через *о*, а не через *ь*⁴⁴, то есть содержат дефис в своём составе.

§ 22

Почему одни частицы пишутся через дефис, а другие отдельно? Имеет ли это различие разумное обоснование? Вот вопрос, на который хотелось бы знать ответ.

Школьный учебник гласит: «Частицы *кое-*, *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-таки*, *-ка* присоединяются к словам с помощью чёрточки. (Мы бы сказали: пишутся через чёрточку. — В. У.) Частицы *бы* (*б*), *ли* (*ль*), *же* (*ж*) чёрточкой не присоединяются и пишутся отдельно» ([БарКр], § 171).

В отношении частиц *-ка*, *-либо*, *-нибудь* ответ напрашивается: их вообще следовало бы трактовать не как отдельные слова, а как словоизменительные аффиксы, и потому писать даже слитно.

Что касается *-то*, то можно было бы предложить такое объяснение. Эта морфема естественно расщепляется на две омонимичные: в одном значении это словоизменительный аффикс, превращающий вопросительные и указательные местоимения и наречия в неопределённые (типа *кто-то*, *там-то*); в другом — самостоятельное слово с экспрессивным значением: *Семья-то большая*. Аффикс, естественно,

⁴⁴ ► Здесь — косвенная ссылка на популярную в начале XX века комическую оперу С. М. Надеждина и В. Р. Раппопорта «Иванов Павел». Жанр оперы был определён её авторами так: «Весенняя фантастическая опера с превращениями, провалами и апофеозом». В 11-м явлении персонаж «Русский язык» поёт (сохраняем орфографию оригинала):

Кто не знаетъ буквы ъ, буквы ъ, буквы ъ —
Только гдѣ ее писать, гдѣ писать, да.
Вотъ вопросъ извѣчный, вопросъ извѣчный, вопросъ извѣчный.
Вѣдь неудобно же, конечно,
Писать корову черезъ ъ.
Гнѣзда, сѣдла, звѣзды, цвѣль,
Звѣзды, цвѣль, звѣзды, цвѣль,
Цвѣль, надѣванъ, пріобрѣль, пріобрѣль, да.
Втайнѣ, въявѣ, вкратцѣ, по одиночкѣ, по одиночкѣ,
Вдвойнѣ, втройнѣ и наканунѣ —
Должны писать всѣ черезъ ъ.

не может писаться отдельно, и это его свойство переносится (не совсем законно) на омонимичную с ним частицу.

Кажется, что логичнее было бы писать частицу *то* (не аффикс *-то*!) отдельно и вообще стараться, по возможности, отдельно писать все частицы. Такое решение имело бы следующие преимущества: 1) дефис изгоняется из написания морфем; 2) все слова, трактуемые как отдельные слова, пишутся отдельно; 3) у дефиса остаётся единственная функция: участвовать в образовании сложных слов (знак переноса, разумеется, не является дефисом).

Короче говоря, предлагается обдумать следующий план: произвести переаттестацию частиц и разделить их на словоизменятельные (или словообразующие — это как угодно) морфемы и на самостоятельные слова; и те, и другие писать без дефиса, первые — слитно, вторые — отдельно. Конечно, не обойтись без проблем (например, непросто будет различить *таки* и *-таки*), но, думается, при наличии доброй воли они поддадутся разумному решению.

З а м е ч а н и е. Участие дефиса в образовании сложных слов может иметь и семиотические тонкости. Мы имеем в виду так называемый *в и с я ч и й д е ф и с* в таких словосочетаниях, как *газо- и парообразный* или *духовно- и социально-исторический*. Можно считать, что в этих примерах, взятых из [БуКа 87], с. 23, на глубинном уровне присутствуют слова *газообразный* и *духовно-исторический* и что в их реконструкции участвуют финальные дефисы из *газо-* и *духовно-*. Заметим ещё, что на самом поверхностном, внешнем уровне *газо-* и *духовно-* суть слова в первых двух смыслах из выделенных А. А. Зализняком (см. [Зал 67], § 1.2) пяти смыслов слова «слово», так что они суть слова, оканчивающиеся на дефис и притом могущие встретиться в регулярном тексте.

§ 23

Следует ли числить по корпусу русского языка аббревиатуры, в частности, выражения *г-н, изд-во, д-р; г., изд., др.*? Если да, то ведь в число словарных графем придётся включать и точку, чего делать не хочется. По-видимому, аббревиатуры имеют всё же особый статус в письменном языке.

§ 24

До сих пор мы рассматривали неакцентуированную форму русского письма. Можно, конечно, рассмотреть и акцентуированную.

(Напомним, что немало потрудившийся для развития русского языка Тредиаковский не упускал проставить акут даже в тех случаях, когда выбор из двух грамматических омографов очевиден: *Нет ни одного слова... — ...Все односложные слова...* ([Тред], с. 127—128).) Тогда возможны три решения: 1) включить в письменность отдельную графему акут (а для обозначения побочного ударения, возможно, и гравис) и писать её над ударной буквой — но тем самым отказаться от линейной системы письма; 2) расширить алфавит, включив в него акцентуированные буквы; 3) знак ударения писать не над буквой, а сразу после буквы (так поступает словарь Ушакова!), то есть по существу включить акут и/или гравис в русский алфавит.

Меж тем акцентуированная графика совершенно необходима в некоторых случаях — хотя бы для собственных имён (ср. название данного очерка). А иначе невозможно коротко выразить тот, скажем, факт, что родовая фамилия поэта Бальмѣонта имеет ударение на первом слоге, а «Бальмѣонт» — это, если угодно, его литературный псевдоним. ●► Вот на 1-й странице газеты «Время новостей» от 10 июля 2000 года генеральный директор компании «ЛогоВАЗ» Юлий Дубов отзывается о генеральном же директоре ЗАО «Панавто»: «Я Андрея Павловича хорошо знаю, он очень аккуратно работает». Поначалу кажется, что здесь употреблено отчество «Павлович», но потом возникает сомнение, не носит ли упоминаемое лицо фамилию «Павлович». ◀●

Лично знавшая Ахматову Э. Г. Герштейн свидетельствует в устном сообщении, что та бывала недовольна, когда её подлинную фамилию Горенко произносили с ударением на втором слоге. А как, спрашивается, теперь узнать, что ударению здесь надлежит быть на слоге первом? Попытка обратиться к БСЭ-3 не даёт успеха, поскольку ударения в этом издании указываются лишь для заглавных слов (и на том спасибо: во 2-м издании до этого додумались лишь начиная с 7-го тома); в стлб. 1371 2-го тома читаем: «АХМАТОВА (псевд.; наст. фам. Горенко)». Тогда мы раскрываем главу *Russian Surnames* в словаре [Ben], однако обнаруживаем, что среди помещённых в ней примерно 23 тысяч русских фамилий есть только *Горѣнко* и нет *Гѣренко*.

Шахматист А. А. Алехин, кстати, тоже обижался, когда его дворянскую фамилию произносили через ё. В БСЭ-3 этот факт нашёл следующее отражение: «АЛЕХИН (прав. Алехин)» (т. 1, стлб. 1239). (Мы уже не удивляемся, что в [Ben] нет фамилии *Алѣхин*, но только *Алѣхин*.) ●► Напротив, участник Олимпийских игр 2000 года российский тяжелоатлет Лѣзин, как говорят, не обижался, когда его фамилию произносили как «Лезин». (Можно предполагать, что е престижнее, чем ё: ср. противопоставление *сѣстры* — *сѣстры*.) ◀●

Иван Александрович Гончаров всегда был предметом моего восхищения. Поэтому я не удивился, встретив в его «Обрыве» фамилию одного из персонажей, а именно Пахотина, с проставленным ударением на первом слоге: «Па́хотин».

Л. Н. Толстой называл себя не иначе, как *Лёв*, а своего героя — *Лёвин*; о Л. Н. Толстом написано столько, что и эти факты, вероятно, где-нибудь записаны (но где?); мне их любезно сообщил правнук Л. Н. Толстого Никита Ильич Толстой. (Форма *Лёв* отсутствует в [Петр], но приводится, в качестве разговорной, на с. 159 в [Ben].) Фамилия главного положительного героя «Анны Карениной» почти всеми произносится *Левин* (вместо правильного *Лёвин*); убеждён, что причина этой ошибки — в порочности графического узуса (не этой ли причиной вызван переход от некогда единственно возможного *планёр* к допускаемому ныне словарями повсеместному *плáнер* с ударением на первом слоге?).

Выше, в § 6, мы уже видели, к чему приводит неуважение к букве ё. Проблеме этой буквы следовало бы посвятить отдельный параграф. Мы привязываем здесь эту проблему к акцентуации, делая уступку дурной традиции, согласно которой роль умляута сводится в основном лишь к обозначению ударения — см., например, [Уш], т. 1, стлб. XXXVII, § 31. В § 11 вводной статьи к 13-му изданию Орфографического словаря русского языка [Орф 74] читаем: «Буква ё в Словаре служит указанием одновременно и на произношение, и на место ударения, поэтому значок ударения над буквой ё не ставится <...>». Этот текст перепечатывается во всех изданиях, от 5-го (1963 год) до 30-го (1993 год), — а потому ни из одного из изданий этого словаря не удаётся узнать ударение в слове, скажем, *трёхрублёвый*. (А что, в слове *трёхпалый* буква ё тоже служит указанием на место ударения?)

И как быть с венгерским поэтом Петёфи и венгерским же городом Хайдубёсёрмень: ведь оба собственных имени имеют ударение на первом слоге? Или с французским актёром XVII века Монфлёри с ударением на слоге последнем? (Кстати, увидеть глазами ё в написании фамилии *Монфлёри* не так-то просто: надо догадаться заглянуть либо в статью «Бургундский отель» в 3-м издании БСЭ, либо в пьесу Ростана «Сирано де Бержерак», но непременно в издании для детей: «взрослые» издания не унижаются до простановки двух точек над буквой ё.) Или с норвежским островом *Квалё* с ударением на первом слоге, о чём сведения можно найти лишь в специальных изданиях вроде [СЛРТГН]? И как препятствовать тому, чтобы Палашёвские переулки в Москве) называли Палáшевскими по радио и телевидению?

●●► Неутомимый борец за букву ё Виктор Петрович Чумаков, называющий себя «главным ёфикатором России», цитирует роман

Алексея Николаевича Толстого «Пётр Первый», изданный, разумеется без буквы ё: *Вот дал бог государя, при таком передохнем!* Что имеется здесь в виду — отдых или смерть? ◀●●

Фактическое изгнание из русской графики буквы ё является, на наш взгляд, не только необоснованным, но и незаконным. Исключение из алфавита ятя, фиты и десятеричного и (называемого также «и с точкой») было установлено в октябре 1918 года известным декретом Советской власти (а именно, Совета народных комиссаров) — власти хотя и нелегитимной, но тем не менее реально осуществлявшей верховное управление. Разрешение же писать е вместо ё существует лишь на уровне ведомственных инструкций. Последствия этих инструкций могут оказаться весьма серьёзными.

●●► И даже трагическими. Вот история, рассказанная газетой «Известия» в номере 155 от 26 августа 2009 года (заметка «Всё очень серьёзно» в разделе «Общество» на 8-й странице):

Незадолго до войны в Москве массово обучали грамоте «понаехавших» для укрепления обороноспособности страны и экономики государства. Так, одна рязанская девушка, научившись читать, ходила по новой для себя столице и рассматривала надписи. В начале Тверской ей попался плакат с изображением Сталина, призывавшего народ занять стране денег. «За-ем в четыре года. Ста-лин», — прочитала девушка вслух при всём честном народе. Кто-то хихикнул, кто-то нахмурился — началось обсуждение. Оно было прервано людьми в штатском, которые увели читательницу далеко и надолго. Хорошо ещё, всего лишь сослали. Эту бль рассказала «Известиям» дочь той рязанской простушки — ныне москвичка и горячая сторонница ставить точки над «е».

Однако следует быть осторожным: безоглядное увлечение буквой ё способно сыграть злую шутку с увлечённым. Именно это случилось с автором этих строк: в первом издании этих «Трудов», цитируя Пушкина, он написал по современному *И кланялся непринуждённо* (через ё!), тогда как Пушкин писал *непринужденно* через е, рифмуя это слово со словом *совершенно*. Мало того — в книге 4 настоящего, второго издания, на с. 494, появилась невозможная на письме словоформа *госпожѣй*. ◀●●

§ 25

В своё время автор изложил свои представления о требованиях, которые следует предъявлять к системам транслитерации, в пуб-

ликации [Усп 67]. Однако превосходящее воображение количество опечаток в этой публикации (и как раз в примерах, комментирующих транслитерационные тонкости) сделало статью неудобочитаемой. Поэтому мы решаемся вкратце повторить эти требования. Они были сформулированы для транслитераций русских текстов латинскими буквами, но, возможно, разумны и в иных случаях. Требования подразделяются на главные и дополнительные.

25.1. Вот главные требования.

0. **Ф о р м а л ь н о с т ь**. Правила не должны опираться ни на что, кроме внешнего вида транслитерируемой цепочки графем. Этому требованию не отвечает, скажем, система Нью-Йоркской публичной библиотеки (см. [Nei]), предписывающая передавать русскую букву *з* в окончаниях родительного падежа посредством английской *v*, а в остальных случаях посредством *g*, — поскольку не предлагаются формальные критерии отличия падежного окончания от остальных случаев.

1. **О б щ е п р и м е н и м о с т ь**. Система должна давать транслитерацию для любой цепочки графем языка-источника, а не только для осмысленных текстов.

2. **О д н о з н а ч н о с т ь**. Несмотря на видимую очевидность требования, ему удовлетворяют не все системы. Например, в общесоюзном стандарте 1935 года «ОСТ 8483» о некотором знаке говорится, что он «может опускаться» (см. [Реф]).

3. **О б р а т и м о с т ь**. Система должна однозначно восстанавливать исходную цепочку графем по её транслитерации. Поэтому не годятся традиционные системы, передающие русскую букву *ш* как *sh*, *ч* как *ch*, а *щ* как *shch*, поскольку при этом транслитерации для *щ* и для *шч* совпадают. Ввиду требования общеприменимости, этого примера было бы уже достаточно; однако, можно найти примеры слияния транслитераций и для значимых словоформ: *веснущатый* в словаре Ушакова и *веснушчатый* в более поздних словарях (кстати, [ОбрС] — в противоречие декларированным на его с. 14 принципам — ошибочно не указывает здесь вариантности). Нарушение требования делает невозможной детранслитерацию. На это обращает внимание Н. В. Юшманов: «диграммы бывают иногда двусмысленными (напр., *sh* = „ш“ и „с + h“)» ([Юш 41], с. 15).

4. **Ф о н е т и ч е с к а я к о р р е к т н о с т ь**. Это требование состоит в том, что произнесение транслитерации, озвученной по правилам чтения языка-восприемника, должно быть приближено к произнесению исходной цепочки графем, озвученной по правилам

чтения языка-источника. Разумеется, здесь речь может идти лишь о цепочках, допускающих произнесение, то есть о таких, как *папа-гиглема*, но не таких, как *ЪЪЭЪКЪКЪ*. Это требование несколько расплывчато, зато оно единственное, которое учитывает не только графическую, но и фонетическую специфику языка-восприемника. Именно поэтому традиционные системы транслитерации с русского на английский и на французский отличаются друг от друга.

25.2. Дополнительные требования таковы: 1) простота системы (то есть простота заложенного в ней алгоритма; ясно, например, что бесконтекстные системы проще контекстных); 2) простота детранслитерации; 3) графическая простота (что предполагает отсутствие диакритики; требованию графической простоты не отвечает, скажем, ввиду простирающихся сразу над несколькими буквами надстрочных дуг, система Библиотеки Конгресса США, изложенная в [Реф] и в [Nei]); 4) экономность (подвергаясь транслитерации, текст не должен слишком сильно растягиваться); 5) традиционность (хотя сама традиция довольно-таки изменчива: так, авторитетнейший американский реферативный журнал *Mathematical Reviews* сперва передавал русские ю и я как *yi* и *ya*, затем как *ji* и *ja*, а теперь передаёт снова как *yi* и *ya*, причём, забыв о собственной истории, характеризует транслитерацию через йот словом «old»).

25.3. Непосредственно передавать диакритизированные буквы по телеграфу невозможно. Нет таких букв и на клавиатуре компьютеров, роль которых в нашей жизни значительно возросла со времени публикации статьи [Усп 67]. Поэтому сейчас требование *графической простоты* следует перенести из дополнительных в главные.

§ 26

Угодить всем требованиям предыдущего параграфа вместе невозможно. Автор сосредоточивается поэтому на главных требованиях и осмеливается предложить нижеследующую транслитерацию русских букв латинскими. Фонетическая корректность системы условна постольку, поскольку не указан язык-восприемник. Остальным главным требованиям система удовлетворяет.

Латинские образы приводятся только для заглавных (прописных) русских букв; при замене прописной русской буквы на строчную то же изменение происходит и в её образе. Как учит Юшманов (см. [Юш 41], с. 21): «прописная форма к sh будет Sh или, когда

пишут одними прописными (вывески, заглавия и т. п.), то SH, напр. Shakespeare или SHAKESPEARE».

А	Б	В	Г	Д	Е	Ё	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р
A	B	V	G	D	E	Yo	Zh	Z	I	Yj	K	L	M	N	O	P	R
С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я	'	-	
S	T	U	F	Kh	C	Ch	Sh	Th	Jh	Ih	J	Eh	Yu	Ya	'	-	

Конечно, более последовательно было бы транслитерировать русское *Е* посредством латинского буквосочетания *Ye*, а русское *Э* — посредством латинского *E*. Мы поступились здесь принципами по двум прагматическим соображениям. Во-первых, мы уступили довольно прочной традиции. Во-вторых, замена при транслитерации весьма часто встречающейся буквы на две привела бы к ещё большему удлинению текста (если требовать обратимость, какое-то удлинение неизбежно).

§ 27

Наивного исследователя, пытающегося выяснить, какие же знаки препинания имеются, скажем, в русском языке, подстерегают две трудности. Первая из них заключается в том, что различные авторитетные публикации указывают различные наборы таких знаков.

Так, Бодуэн де Куртенэ относит к знакам препинания «разделение книги на отделы, на главы, на параграфы (§§), статьи; абзацы (с красной строки); <...>; пробелы, как более крупные, между строками, так и самые мелкие, между отдельными писанными словами; <...>; выноски (*, **, ¹, ², ...), внизу страниц или в конце книги, со ссылками или же объяснениями отдельных слов главного текста» [Бод 13].

«В русской пунктуации употребляются следующие знаки препинания: точка, восклицательный знак, вопросительный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, многоточие, тире, скобки, кавычки (Снятие разрядки моё. — В. У.)», указывает в § 133 учебник [ЗКС.2]. Учебник [ВаРФЦ] высказывается ещё категоричнее: «В русской пунктуации употребляется десять знаков: точка, точка с запятой, запятая, двоеточие, тире, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, скобки, кавычки» (§ 347). Но тут же прибавляет: «Функцию знака препинания выполняет также абзац (написание с новой строки)».

В интересной и содержательной, несмотря на краткость, энциклопедической статье [ЛеДо] к знакам препинания причисляются абзац, красная строка, дефис и косая черта. А далее с той же извиняющейся ссылкой на функцию, что и в [ВаРФЦ], добавляется: «К 3. п. функционально принадлежит и пробел — знак границы слов». С нашей точки зрения расширенный список из [ЛеДо] должен быть взят за основу и затем исправлен следующим образом: 1) междусловный пробел должен быть объявлен полноправным знаком препинания (и может, в случае нужды, обозначаться знаком решётки #); 2) дефис должен быть удалён из списка знаков препинания и включён в русский алфавит в качестве буквы; 3) как отдельные знаки должны рассматриваться левая, или открывающая, кавычка, правая, или закрывающая кавычка, левая скобка, правая скобка (последняя, в частности, иногда используется в качестве самостоятельного, не имеющего левого напарника, знака и в настоящем тексте — после цифр). В списке знаков препинания должны присутствовать кавычки и скобки разных фасонов: кавычки-ёлочки, кавычки-лапки, марровские, или одинарные, кавычки (мы используем их в тексте нашего очерка для обозначения понятий); скобки круглые, квадратные, угловые и, возможно, фигурные. Наконец, к числу знаков препинания должен быть отнесён и слэш, или косая черта (/).

Вторая трудность — скудость источников, где бы можно было почерпнуть сведения о начертании знаков препинания. Скажем, в заслуживающей внимания брошюре [Ив 62] на с. 9—13 приводятся изображения этих знаков в греческих и латинских рукописях X века, в славянских грамматиках Зизания и Смотрицкого, в русской грамматике Ломоносова — но только не современные изображения. Тщетно было бы искать эти изображения и в полезном пособии того же автора [Ив 76].

Начертания знаков препинания приводятся лишь в толковых и энциклопедических словарях, они отсутствуют даже в утверждённых Академией наук и двумя министерствами «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М.: Учпедгиз, 1956). В названных «Правилах», а также в школьных учебниках, содержатся лишь правила употребления знаков препинания в презумпции, что пользователь уже откуда-то знает, как эти знаки выглядят. Откуда он должен это знать — неизвестно (в отличие от алфавита, который приводится в учебниках явно).

Какое наслаждение раскрыть изданную в Москве в 1905 году и посвящённую памяти вице-президента Императорской Академии наук Якова Карловича Грота книгу [Гус]! Приведём названия лишь двух параграфов этой книги: «§ 22. Название и начертание знаков

препинания» и «§ 23. Классификация знаков препинания по их начертаниям и функциям». (А в гл. 2 второй части, где разбираются случаи употребления знаков, их начертания повторены ещё раз.) Автору этих строк более не довелось видеть какого-либо пособия, где знаки препинания в своих графических формах были бы собраны вместе. Возможно, конечно, что автору просто не повезло. Но если это не так, то напрашивается вывод, что после революционных событий 1905 года либо грамотность стала настолько всеобщей, что представление о графическом облике знаков препинания впитывается теперь с молоком матери и потому не нуждается в закреплении в виде какого-либо подобия таблицы, либо же информационная культура упала до нижайшего уровня⁴⁵.

Для знаков препинания также должна быть указана транслитерация. В самом деле, если транслитерируется не отдельное слово, а кусок текста, там могут встретиться пробелы между словами и другие знаки препинания. Хотя это почти никогда не оговаривается явно, молчаливо⁴⁶ принимается, что эти знаки при транслитерации переходят сами в себя, то есть попросту сохраняются на своих местах. Впрочем, и тут не всё так просто, поскольку языки могут обладать и специфическими знаками препинания (японские знаки препинания, например, сильно отличаются от европейских). Как отразить при транслитерации с русского на английский различие между русскими кавычками-лапками и кавычками-ёлочками, называемыми также французскими кавычками? Что должно служить образами графем «ç» и «j», входящих в набор знаков пунктуации в испанском, при транслитерации на язык, не имеющий этих знаков? Как нужно транслитерировать знак «;», являющийся, согласно [ЛеДо], знаком вопроса в греческом языке?

З а м е ч а н и е. Если иметь в виду алфавитное упорядочение текстов, то должна быть прежде всего упорядочена вся совокупность используемых знаков, включающая в себя не только буквы алфавита, но и знаки препинания. Наиболее существенно указать место такого часто встречающегося знака, как междусловный пробел. В самом деле, какая из начальных строчек должна быть помещена впереди другой при составлении, скажем, алфавитного указателя к стихотворениям Пушкина — *На холмах Грузии лежит ночная мгла* или *Нас было много на челне*? Сейчас в этом деле наблюдается разнбой.

⁴⁵ ●● По мнению В. М. Алпатова, «на таком уровне она пребывала и до 1905 года. Упоминаемая книга и для того времени — исключение, а не правило». <●●

⁴⁶ Математики сказали бы «по умолчанию».

§ 28

В руководстве А. Гусева [Гус] уделяется внимание и стандартным спецзнакам (там, на с. 149, они названы «особыми знаками»). К особым знакам автор руководства относит знак параграфа «§», цифры, звёздочки и строчку точек. О звёздочках он пишет: «§ 146. Иногда образцовые писатели при пропуске собственных имён ставят одну или несколько звёздочек (не более трёх)». О строчке точек: «§ 147. Строчки точек употребляются в тех случаях, когда по каким-либо причинам пропускается одна или несколько строк текста <...>. Строчки точек (пунктир) также употребляются в оглавлении книг для соединения заглавий или параграфов с цифрами страниц». К стандартным спецзнакам следует отнести ещё знак процента «%», знак номера «№» и часто используемую при издании словарей тильду «~». Мы не претендуем здесь на полную инвентаризацию стандартных спецзнаков русского языка (к которым, возможно, следует отнести также диез и бемоль), а только обозначаем проблему.

Стандартные спецзнаки универсальны для большинства языков, а потому разумно потребовать, чтобы они, подобно знакам препинания, при транслитерации просто-напросто сохранялись. Однако и здесь возникают свои проблемы. Так, русский знак номера отсутствует (в качестве стандартного спецзнака) в графике многих языков с латинской письменностью. Если транслитерировать его как «No», то будет нарушена обратимость, поскольку также транслитерируется и русское «Но». Пожалуй, более удачным решением будет «N°». Другое возможное решение: решётка «#».

Авторские спецзнаки при транслитерации должны сохраняться, если только это не нарушает принципа обратимости. Разумеется, о требовании графической простоты тут уж говорить не приходится.

§ 29

Итак, главная цель этого очерка — постараться защитить тезис, что языковой знак, или текст, является трёхсторонним объектом, имеющим наряду с планом содержания и с признаваемым традицией звуковым планом выражения ещё и графический план выражения. Более того, для непосредственного восприятия письменный текст предъявляет нам только свой графический план, а другие планы могут быть нам неизвестны, а то и не существовать вовсе.

Как надлежит произносить имя Цицерона, данное нам как *Cicero* в графике латинского языка? Кикеро? Цицэро? Итальянцы, кажется,

говорят «Чичеро». А как говорит папа римский польского происхождения?

О произношении (а иногда и о содержании) древних текстов мы можем судить лишь предположительно. Ведь даже старославянский язык есть язык закрытого перечня письменных памятников, ни один из которых, строго говоря, до нас не дошёл. Древнекитайский язык вэньянь «уже в 1-м тыс. н. э. разошёлся с языком устного общения и стал непонятным на слух. Этот письм. язык <...> использовался в качестве лит. языка до 20 в., претерпев в течение веков значит. изменения (например, пополнился терминологией)» [Сол]. Вэньянь был понятен только для читающего «про себя» и не воспринимаем на слух [Конц].

И поныне «в китайском языке огромный процент иероглифов, неслышимых в произносительном обозначении, совершенно отчётливо понятен в написании» ([Але], с. 115). Дело в том, что для иероглифического письма вообще (не только для китайского, но и, скажем, для египетского) характерны особые, не имеющие устного прочтения иероглифы — так называемые детерминативы, или ключи⁴⁷.

Понятие 'детерминатив' ('ключ', 'семантический индикатор') определяется в [ЛЭС] следующим образом: «знак в идеографическом письме, употребляющийся при записи слова как дополнительный к основному, фонетическому, знаку для его более однозначного прочтения и понимания. Д. не имеет фонетич. соответствия в слове, для записи которого он служит, или в языке в целом; противопоставляется фонетику (то есть знаку, имеющему материальное соответствие в звучащем слове)» [Пол]. На наш взгляд, однако, употребление термина «идеографическое письмо» здесь неуместно, поскольку идеограмма есть запись не «звучащего слова», а понятия, и говорить о её звучании бессмысленно. Правильнее было бы сказать «в словесно-слоговом письме», примером которого служит китайское письмо (см. [Дья], с. 375—376). «Было бы неправильно характеризовать китайское письмо как пиктографическое или идеографическое; не является оно и в истинном смысле слоговым, поскольку слоги, звучащие одинаково, но имеющие различные значения, различаются в написании»⁴⁸.

⁴⁷ ●► На с. 168 рецензии, точная ссылка на которую указана ниже в подстрочном примечании 56 к с. 565, В. М. Алпатов высказывает мнение, что автор «переоценивает для современного языка роль так называемых ключей, которые по большей части дают лишь приблизительное указание на семантику иероглифа, а то и вовсе утратили с ней связь». ◀●

⁴⁸ Какое наглядное проявление примата графики над звуком! Вас. Мих. Алексеев не без гордости рассказывает, как ему приходилось помогать малограмотным

Логографическая система письма (то есть система, использующая символы для обозначения слов) — вот наилучший термин для описания природы китайской письменности» ([LW 91], с. 729; [LW 95], с. 711).

Н. И. Конрад так начинает свою статью [Конр] о китайских детерминативах:

Как известно, на определённой, довольно поздней ступени своего развития китайская письменность создаёт особую категорию иероглифов, могущую быть названной фоноидеографической, поскольку каждый знак такой категории состоит из двух частей: одной — указывающей на то, как данное, обозначаемое этим иероглифом слово звучит, другой — что это слово значит, точнее — к какой категории понятий оно относится⁴⁹, ибо конкретное значение слов определяется взаимодействием обеих частей иероглифа. Эта вторая часть, именуемая в китаеведческой практике «ключом», является, таким образом, смысловым определителем иероглифа, его детерминативом.

Итак, детерминативы вообще не имеют звукового чтения. Это есть одна из причин того, что заявленный в начале параграфа тезис скорее всего показался бы банальностью в глубокой древности или, скажем, в Китае. Для китайского языка не менее важны и две другие причины: наличие диалектов и наличие омофонов. Слова в различных диалектах произносятся по-разному, но записываются одинаково; мы скажем об этом в следующем параграфе, в п. 30.2. В пределах одного диалекта два разных слова могут произноситься одинаково, но записываться по-разному; мы скажем об этом в следующем параграфе, в п. 30.3.

Не является ли принижение графической стороны языка следствием великодержавного европоцентризма? И не пора ли признать, что — если только не ставить специальную цель именно звукового общения — визуальный язык может быть употреблён для любой цели, для которой пригоден звуковой язык? А вот может ли уст-

китайцам (в скобках вместо звёздочек должны стоять иероглифы, недоступные для нашего воспроизведения): «Мне пришлось однажды помочь одному такому недоучке, забывшему (или не знавшему), как пишется *со* = замок (*) и потому не имевшему возможности дать в письме домой определённые инструкции. Он уже приготовился заместить это *со* другим *со* = место (*)» ([Але], с. 101). — В. У.

⁴⁹ Ср. в [Але], с. 28: «Так, например, внешне разобщённые между собою русские слова: *птица, петь, феникс, гусь, утка, лебедь* и т.д. — в китайской письменности объединены первым знаком, который встречается как ярко отчётливый элемент в каждом из последующих». — В. У.

ная речь заменить собой речь письменную — это большой вопрос. ●► Вот передо мной две ежедневные газеты. Одна называется «Коммерсантъ», другая — «Росси́я». Довольно затруднительно выразить в устной форме то направление этих изданий, которое кратко и ёмко отражено в демонстративно архаичной орфографии их названий. ◀●

§ 30

30.1. Традиционно заявляемое в качестве аксиомы утверждение, что письменная речь возникла в качестве средства записи речи устной, довольно-таки спорно. Оно прямо противоречит другому заявлению, столь же часто и торжественно провозглашаемому, — о том, что письменный язык развился из пиктографии. Но ведь пиктограмма была средством фиксации не речи, а ситуации и потому не допускала однозначного устного прочтения — совершенно так же, как на вопрос «Что мы видим на этой интересной картинке?» будут даны ответы, в лучшем случае совпадающие по смыслу, но не совпадающие буквально. Таким образом, если пиктографию считать прародительницей письменности, то при взгляде в глубь тысячелетий самостоятельность письменной формы языка и, более того, её независимость от устной формы высвечивается с очевидностью.

Эти самостоятельность и независимость были унаследованы теми из современных языков, письменная форма которых, развиваясь от пиктографии и идеографии к логографии, закрепились в иероглифике.

30.2. «Современный китайский язык существует в двух формах — письменной и устной» [Сол]. Само единство китайского языка поддерживается именно письменной формой (поскольку произношение сильно разнится в разных диалектах), и именно эта стабильность графики способствовала, наряду с другими факторами, её заимствованию соседствующими с китайцами народами — вьетнамцами, корейцами, японцами.

30.3. Только в письменной форме китайского языка различаются три местоимения третьего лица (организованные, как в английском, — для мужчин, для женщин и для всего остального), а произносятся они тождественно. И это всего лишь один из выпуклых примеров омофонии в китайском. Явление омофонии, состоящее в том, что различающиеся написание произносятся одинаково — так что значение слова определяется не его произношением, а его

написанием, — служит наглядной иллюстрацией относительной самостоятельности графического означающего.

З а м е ч а н и е. Разумеется, омофонию можно наблюдать и в языках с алфавитной, или буквенной, системой письма. Здесь имеются в виду такие противопоставления, как *кампания* — *компания*, *косный* — *костный*, *туш* — *тушь*, *пруд* — *прут*, *ракам* — *раком* и *бояться* — *бояться* в русском, *pot* — *peau* во французском, *right* — *write* и *canvas* — *canvass* в английском и т. п. В русском языке, как он существовал до орфографической реформы 1918 года, можно было бы указать и противопоставления, связанные с ятем: пару *есть* (3-е лицо глагола *быть*) — *ѣсть* (инфинитив), а также противопоставление винительного и предложного падежей от существительных среднего рода: *нашли большое поле* — *палъ на полъ брани*. При большом желании можно обнаружить и тройственное противопоставление словоформ косвенных падежей от слов *миръ*, *міръ* и *мвро*: *миром* — *міром* — *мвром*⁵⁰. После отмены в октябре 1918 года ижицы и десятеричного и эти три омофона стали также и омографами. А название эпопеи Толстого сделалось двусмысленным. Приходится обращаться к дореволюционным изданиям, чтобы убедиться, что в названии «Война и мир» слово «мир» означает мирное состояние, противопоставленное войне, а не некую часть мироздания; потому что роман называется — в орфографии времени его выхода в свет — «Война и миръ», а не «Война и міръ». ●●► В 18-м номере газеты или журнала⁵¹ «Русский язык» издательского дома «Первое сентября» за 2002 год была опубликована статья «О каком „мире“ в „Войне и мире“?». Её автором является Наталья Александровна Еськова, выдающийся (едва ли не лучший в России) знаток русской орфоэпии и русской орфографии. Приведём некоторые выдержки из этой статьи:

...Среди людей более глубокомысленных периодически возникает версия, что такое понимание упрощает смысл великой эпопеи, что всё гораздо глубже, что автор имел в виду народ,

⁵⁰ Впрочем, само присутствие ижицы в русском дореформенном алфавите может быть оспорено. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 39-м полутоме, вышедшем в 1897 году, на с. 390 ещё даёт написание «мвро», а написания «миро» не даёт нигде (но уже «синодь» только через и). Словарь Даля в 3-м издании (1903—1909 годы) отсылает от написаний «мвро», «свнклить» и «свноть» к написаниям «миро», «синклить» и «синодь». Грот в руководстве [Грот] 1912 года на с. XIX указывает «Міро (цсл. мвро)», а на с. XIX прямо пишет «...ижица может считаться исключённой из русской азбуки». Характерно, что в декрете 1918 года о введении новой орфографии ижица даже не упоминается в числе отменяемых букв.

⁵¹ Само издание называет себя то так, то этак.

общество и даже вселенную. Эта версия возникла не совсем на пустом месте (об одном её «источнике» речь пойдёт дальше).

В наше время с его стремлением пересматривать всё и вся эта версия стала даже «модной». Нет-нет да и встретишь в периодической печати высказывание в пользу «более глубокого» понимания романа Толстого. Приведу два примера.

В статье, посвящённой новой постановке в Мариинке оперы Прокофьева «Война и мир», автор между прочим, в скобках, замечает: «...вспомним, что мир в названии романа вовсе не антоним войны, а общество и, шире, Вселенная» (Литературная газета. 2000. № 12). <...>

А вот интересное признание. «Когда узнал (вероятно) студентом о смысле, вложенном Толстым в название «Война и мир» и утраченном из-за новой орфографии, был как бы уязвлён, настолько привычным было воспринимать его именно как чередование войны и не войны» (С. Боровиков⁵². В русском жанре. Над страницами «Войны и мира» // Новый мир. 1999. № 9). Автор этого высказывания не написал бы так, если бы хоть раз в жизни «подержал в руках» дореволюционное издание романа!

<...> Хорошо известно, что два слова-омонима, сейчас пишущиеся одинаково, в дореволюционной орфографии различались: написание *миръ* — с *и* (так называемым «восьмеричным») передавало слово, имеющее значения 'отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны; лад, согласие, единодушие, приязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствие' (привожу толкования из словаря Даля). Написание *миръ* — с *і* («десятеричным») соответствовало значениям 'вселенная, земной шар, род человеческий' и др.

<...> В уже давнем 1982 году (когда телепередача «Что? Где? Когда?» ещё не была «интеллектуальным казино» с миллионными ставками) «знатокам» был задан вопрос, связанный с великим романом. На экране появилась первая страница первого тома, в верхней части которой было название: война и миръ. Предлагалось ответить, как следует понимать значение второго слова в заглавии романа. Ответ гласил, что, судя по написанию *миръ*, Толстой имел в виду не «отсутствие войны», как полагают наивные читатели. Строгий закадровый голос ведущего В. Я. Ворошилова резюми-

⁵² Член СП СССР (1977). Был членом Ревизионной комиссии СП РСФСР (1985—91), избирался депутатом Саратовского облсовета, членом горкома и райкома КПСС. Академик АРСС. Член Букеровского комитета в России (1995—2000). Премия журнала «НС» (1978). (Сведения взяты из «Журнального зала» <http://magazines.russ.ru/>) — В. У.

ровал, что до сих пор многие недостаточно глубоко понимали философский смысл великого произведения. Ведущий не догадался добавить, что до сих пор заблуждалось всё человечество, опрометчиво переводя: «La guerre et la paix», «War and Peace», «Krieg und Frieden», «Guerre e pace» и т. д.

Словом, всё было разъяснено «с точностью до наоборот». Слово, фигурирующее в названии романа, передавалось по старой орфографии с *и* (*миръ*). Хорошо известен «казус» с названием поэмы Маяковского «Война и миръ», которое он имел возможность противопоставить орфографически названию романа Толстого. После реформы орфографии 1917—1918 годов это приходится сообщать в примечании.

На ту же тему пишет в своём живом журнале <http://avva.livejournal.com/18966.html> Анатолий Воробей (Anatoly Vorobey). ◀●●

З а м е ч а н и е к з а м е ч а н и ю. Новая орфография не только породила новые омографы, но и сделала некоторые тексты бессмысленными. Во всех доступных мне изданиях написанной в 1921 году поэмы Андрея Белого «Первое свидание» видим в «Предисловии» следующие две строки: «„Ха“ с „И“ в „Же“ — „Жизнь“: Христос Иисус — / Знак начертательного смысла...». В данном начертании понять эти строки невозможно. Строки становятся понятными, если иметь в виду, что до реформы писалось не «Иисус», а «Иисусъ» и что в начале первой строки должно быть не «„Ха“ с „И“», а «„Ха“ с „И“». А буква Же, с которой начинается «Жизнь», образуется как бы из наложенных друг на друга букв Ха и I.

Радикальное отличие омофонии в иероглифических языках от омофонии в буквенных языках состоит в следующем. В буквенных языках омофоны, как правило, либо имеют сходство в написании, либо же их чтение можно вывести из так называемых правил чтения. В иероглифических языках о правилах чтения говорить вообще затруднительно. Ситуации, когда различающиеся начертанием и значением иероглифы произносятся (в пределах одного и того же диалекта) совершенно одинаково, довольно часты для китайского, а для японского вообще типичны. При этом между начертаниями этих омофоничных иероглифов едва ли не в большинстве случаев нет ничего общего.

30.4. В. М. Алпатов ([Алп 88], с. 36 и 122) отмечает, что в Японии популярна игра слов, основанная на графике, и приводит такой пример. В рекламе компьютерной базы данных для подбора супружеских пар начальная часть *кон* слова *конъюнта* 'компьютер'

записывается в виде иероглифа со значением 'брак', каковой иероглиф имеет то же самое чтение *кон*. В таких случаях письменный текст не может быть преобразован в устный без потери информации.

Как известно (см., например, [LW 91], с. 753; [LW 95], с. 735; [Алп 88], с. 36), японцы заимствовали для своего письма китайские иероглифы, а вместе с ними и китайское же — но, разумеется, приспособленное к японской фонетике — произнесение этих иероглифов; это есть так называемое онное чтение иероглифов. Вместе с тем иероглиф имеет и так называемое кунное чтение, которое есть слово устного японского языка, значение которого (в японском) близко к значению данного иероглифа в китайском языке. ●► «Определить, как читается иероглиф в том или ином конкретном случае его употребления: по ону или по куну — можно лишь за счёт контекста» ([Мае 2000], с. 13). ◀●

Наличие онных чтений приводит к некоторым специальным эффектам. Так, Британская энциклопедия ([LW 91], с. 753; [LW 95], с. 735) анализирует природу сокращённого названия *Sō-dai* одного из старейших университетов Японии — основанного в 1882 году университета Васэда (Waseda University). По-японски название университета звучит как *Waseda Daigaku*. Второе слово, *Daigaku*, очевидным образом сокращается в *dai*. Что касается первого слова, *Waseda*, то оно сокращается до слова *wase*, означающего рано созревающую разновидность риса. Далее слово *wase* изображается посредством комбинации двух китайских иероглифов со значениями 'рано' и 'рис'. Онное чтение для иероглифа со значением 'рано' есть *sō*. Отсюда получаем *Sō-dai*.

30.5. Устройства китайского и японского языков совершенно различны: китайский принадлежит, а японский не принадлежит к категории изолирующих, или аморфных, языков. Отчасти поэтому, заимствовав в I тысячелетии у китайцев их иероглифическую графику (по причинам скорее географическим и историческим, но не лингвистическим), японцы со временем выработали и силлабическое письмо⁵³ — так называемую *кану*⁵⁴.

⁵³ О значении термина см. [Дья], с. 376; [Конд]. В силлабическом письме каждый знак передаёт какую-либо определённую последовательность звуков. В слоговом письме для каждого слога существует свой знак, так что слоговое письмо — частный случай силлабического. Кана создавалась как слоговое письмо, но потом превратилась в письмо силлабическое (ныне многие слоги передаются в кане более чем одним знаком — см. [Алп 90]).

⁵⁴ ●► [ЛЭС] на с. 211 даёт в слове *кана* ударение на первом слоге, [Мае 2000] на с. 8 — на втором. В самом же японском, как известно, нет ударения в нашем понимании. ◀●

Однако, в отличие, скажем, от Вьетнама и Северной Кореи, целиком перешедших на фонетическое письмо, и Южной Кореи, где вытеснение иероглифики таким письмом осуществляется постепенно, Япония упорно продолжает пользоваться иероглифами. Они не применяются лишь в телеграммах и в книжках для самых маленьких: в этих выделенных текстах употребляется только кана. Обычный же японский текст состоит из смеси иероглифов и каны, причём иероглифами записываются полнозначные слова, а каной — элементы текста, имеющие лишь грамматическое значение. Кана существует в двух вариантах: катáкана и хира́гана. Это всё хорошо известно. Мы говорим здесь об этом не только для того, чтобы вспомнить своеобразное устройство японской системы письма, но и для того, чтобы подивиться её необыкновенной устойчивости и самодостаточности. А также для того, чтобы приготовить читателя к обнаружению вкраплений подобной системы в современных западных языках. Об этом пойдёт речь в следующем параграфе. Но пока продолжим разговор о японской письменности.

30.6. В последней фразе статьи [Мае 1985] даётся такой ответ на сформулированный в названии статьи вопрос:

А то́, что идеал «единства речи и письма» останется неосуществлённым — может быть, это не так уж и страшно?

В начале же указанной статьи [Мае 1985] говорится:

Почему идеал полного «единства речи и письма» (то есть фонетизации письма, доведённой до предела) оказался для Японии непривлекательным? <...> Если в пользу сохранения японской системы письма в её нынешнем виде выдвигается множество разнообразных аргументов, хотя бы и чисто эмоциональных, то мы обязаны задуматься: не основаны ли эти аргументы на каких-то вполне объективных лингвистических свойствах этой системы, на её, может быть, и не вполне осознаваемых, но ясно ощущаемых носителями языка достоинствах, которые в ходе дальнейших орфографических реформ могли бы оказаться утраченными?

Думается, что таких достоинств, в общем, два.

Во-первых, иероглифами японец может выразить больше, чем фонетическим письмом.

Во-вторых, иероглифами он передаст свои мысли быстрее⁵⁵. <...> Самая обычная информация, заключённая в японском пись-

⁵⁵ И, возможно, не только передаст, но и воспримет. «Обычный носитель японского языка <...> воспринимает письменный текст не побуквенно, а

менном тексте, может быть частично утеряна, если мы устраним иероглифы, заменив общепринятую орфографию на фонетическую. Хорошо известно, что тексты на японском языке, ясные и недвусмысленные в письменном виде, часто оказываются мало-понятными на слух, а тем самым, разумеется, и в фонетической записи.

Позволим себе предложить для обсуждения и следующее гипотетическое объяснение того, почему японцы инстинктивно не хотят расставаться с иероглификой. Имеются данные (см. [Sas], [HaTzWa]), что знаки силлабического письма хранятся в левом полушарии мозга, а иероглифы — в правом. При переходе к фонетической орфографии предстоит переместить значительную часть графической информации (а именно, ту часть, которая представлена иероглифами) из правого полушария в левое. Гипотеза состоит в том, что японское самосознание противится такому перемещению не только из понятного консерватизма (как известно, переезд сравним с пожаром), но и по следующим двум причинам. Во-первых, они не хотят выводить графику из правого полушария, которое управляет столь любимыми ими и столь совершенно осуществляемыми наклонностями и занятиями — в частности, созерцанием (цветущей сакуры, одинокой картины на стене, каллиграфического шедевра). Во-вторых, они не хотят перегружать левое полушарие, и без того перегруженное логистикой современной жизни; они, в частности, хотят оставить там место для совершения быстрых и эффективных логических операций. Автор должен признаться, что сам он не считает эту гипотезу достаточно серьезной⁵⁶.

30.7. ●► Вот что пишет Е. В. Маевский в предисловии к своей недавно вышедшей книге [Мае 2000]:

Японская система письма — самая сложная из существующих и, возможно, когда-либо существовавших.

избирательно: в первую очередь внимание обращается на наиболее значимые иероглифы» ([Алп 88], с. 42). — В. У.

⁵⁶ ●► Неожиданно для автора эта гипотеза была позитивно встречена Владимиром Михайловичем Алпатовым, видным российским японистом. На с. 168 своей рецензии на двухтомник «Труды по нематематике», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (2004. — № 4. — С. 165—169) он цитирует мои рассуждения на эту тему и далее пишет: «Эта „несерьезная“ гипотеза достаточно интересна, хотя вряд ли в цитате перечислены все причины устойчивости иероглифов: нельзя не учитывать, например, их роль в снятии омонимии». ◀●●

<...> В современной японской системе письма применяются главным образом символы двух видов: (1) словесные (точнее, морфемные) знаки — иероглифы (по-японски *кандзи*) и (2) слоговые (точнее было бы сказать — силлабические — В. У.) знаки (*кана*; в русской речи этот термин обычно имеет ударение на втором слоге). Кроме того, на сегодняшний день в эту систему входят (хотя и на периферийном положении) ещё и (3) фонемные знаки — латинский алфавит (*ро:мадзи*).

<...> Кана возникла в Японии, но генетически восходит к иероглифам. Строго говоря, кана — это те же иероглифы, только употреблённые не в основной своей функции (передача морфем), а в функции вторичной, фонетической (передача слогов), в отвлечении от смысла, подобно цифре 7 в ребусном написании 7Я, передающем русское слово «семья». Однако обычно словом *кана* обозначают знаки не просто фонетически употреблённые, но ещё и графически упрощённые. Кана существует в двух основных вариантах, различающихся способом упрощения: *катакана* — иероглифы в уставном начертании, от которых взяты лишь небольшие фрагменты, и *хирагана* — иероглифы в скорописном начертании, которое уже само по себе проще уставного. (В русской речи термины «катакана» и «хирагана» обычно произносятся с ударением на втором слоге⁵⁷.) <...>

Иероглифика всегда считалась в Японии основным видом письма, кана — второстепенным. В современном японском письменном тексте иероглифы и кана чередуются. Как правило, для записи лексической части текста (корни, основы) используются иероглифы, а для записи его грамматической части (аффиксы, служебные слова) — хирагана. Некоторые слова, прежде всего иноязычные заимствования (*гайрайго*), иероглифами обычно не пишутся, для их записи служит катакана.

В принципе как хирагана, так и катакана вполне пригодны для записи всего текста в целом, включая и основы слов. Однако к такой орфографии прибегают лишь в силу крайней необходимости, когда по каким-то причинам нельзя использовать иероглифы; так, в книгах для самых маленьких детей, ещё не знакомых с иероглификой, обычно применяется сплошная хирагана, в телеграммах — сплошная катакана. Нормой же является *кандзи-кана-мадзирibun*, то есть 'письмо иероглифами с добавлением слоговых знаков'.

⁵⁷ В этом вопросе взгляды [ЛЭС] и [Мае 2000] совпадают. — В. У.

§ 31

Мы так подробно остановились в предыдущем параграфе на японской системе письма не только потому, что эта тема — увлекательная сама по себе — имеет прямое отношение к затрагиваемым в настоящем очерке проблемам графики, но и потому, что, как уже было сказано, отдельные проявления подобной смешанной системы — когда на письме в пределах одного слова соединяются иероглиф и фонетические знаки — можно наблюдать и в современных европейских языках. Более того, осмелюсь предположить, что доля иероглифики в этих языках возрастает. Современная европейская письменность, таким образом, отчасти возвращается к своим пиктографическим истокам. Любители изысканных аналогий могут усмотреть в примерах этого параграфа аналогию с онным и кунным чтением японских иероглифов (см. выше п. 30.4).

Начнём с цитаты из Бодуэна де Куртенэ (см. [Бод 12], § 18; при перепечатке в [Бод 63] этот параграф опущен):

Не забудем <...> о немецких названиях «X-Beine» («ноги *икс*», то есть ноги, сходящиеся коленками и расходящиеся вниз), «O-Beine» («ноги *О*», то есть ноги дугообразные, расходящиеся у колен и сходящиеся внизу).

Первые, предшествующие дефису, части «немецких названий» являются здесь не просто буквами (то есть символами, не имеющими значения, а служащими для указания звучания), а иероглифами, или логограммами. Их лексические значения суть: 'буква *икс*', 'буква *о*'. Доказательство: в слове «X-Beine» его первая часть произносится не [ks], как следовало бы по правилам чтения «от буквы к звуку», а — по правилу чтения иероглифа — как [iks] (в случае «O-Beine» оба чтения совпадают).

То же самое можно сказать и о таких распространённых словах, как S- (O-, T-, U-, V-, X-, Y-, Z-) shaped», «T-shirt», «U-turn»⁵⁸, «V-neck», «V-sign», «M-roof», «S-curve», «X-ray» (или «x-ray»); и о таких специальных терминах, как «V-formation» ('строй клином'), «Y-pipe (-tube, -piece)» ('вилкообразная труба'), «L-bar (-iron)» ('неравнобокий уголок'), «D-iron» ('коробчатое железо'), «A-frame» ('А-образная опора'), «T-bolt» ('Т-образный засов'); и о серии назва-

⁵⁸ Членам своей партии, призывавшим её сделать U-turn в политике, Маргарет Тэтчер ответила так: «You turn (if you want to)».

ний, отражающих тавровый⁵⁹ профиль проката: «T-beam» ('тавовая балка'), «I-beam» ('двутавовая балка'), «H-beam» ('двутавовая балка широкого профиля'); и о ряде других слов, смысл которых предполагает апелляцию к начертанию той или иной буквы (например, о слове «X-chair», синонимичном со словом *scissors chair*). Написание всех этих слов содержит в своём составе не просто прописную букву, как может показаться на первый взгляд, но иероглиф, лексическим значением которого служит эта буква и который читается как её имя: [eks], [vi:] и т. д.

З а м е ч а н и е. Очевидно, что лексическое значение иероглифов A, D, H, L, T и т. п. ориентируется именно на прописные (заглавные) варианты соответствующих букв. Слова «A-frame», «D-iron», «H-beam», «L-bar», «T-shirt» и т. д. потеряют свой наглядный смысл при попытке заменить их на «a-frame», «d-iron», «h-beam», «l-bar», «t-shirt» и т. д. Словосочетания «em dash» и «en dash», означающие тире различных длин: длины, соответствующей ширине строчной латинской буквы эм, и длины, соответствующей ширине строчной латинской буквы эн, — свидетельствуют, что иероглифическое употребление строчных букв совершается с меньшей свободой. Однако всё же изредка имеет место и оно: см. ниже о глаголе *to x*.

В русском языке примерами иероглифического употребления букв служат прилагательное «Т-образный» (в составе словосочетания *Т-образный засов* двумя абзацами выше и знакомого автомобилистам термина *Т-образный перекрёсток*), а также такие физические термины, как « α -распад» и « β -излучение»; а в будущем можно ожидать и появления написания «Дплан».

Наличие дефиса в таких смешанных иероглифо-буквенных образованиях необязательно. Необязательно и наличие собственного лексического значения у буквенного хвоста. Вот примеры из английского языка, точнее — из его американского диалекта, а ещё точнее — из рекламного поддиалекта этого диалекта: «Xotic» (вместо *exotic*), «Xtra» (вместо *extra*), «Xtreme» (вместо *extreme*); здесь опять-таки референтом иероглифа X служит буква икс, читаемая поэтому как [eks]. ●●► Аналогичный пример из русского языка: в начале XXI века (возможно, и раньше) появилось написание «пздец» и даже «3,14здец». ◀●● К этим примерам примыкают (хотя и не относятся прямо к их числу) и такие общепринятые аббревиатуры,

⁵⁹ Да и само слово *тавовый*, согласно [БСЭ-3], т. 25, стлб. 480, происходит от названия буквы, а именно греческой буквы тау. Конечно, никакой иероглифики в этом слове нет (она была бы, если бы слово писалось в форме *τ-ровый* или *τ-ровый*).

как «XL» для «extra large» и «XP» для «express paid». Действительно, вторые буквы в этих аббревиатурах суть просто начальные буквы соответствующих слов — как это повсеместно и принято при сокращении. Однако первая буква является субститутотом для «eks».

Рассматриваемый в качестве иероглифа английского языка, символ «X» (прописной икс) может иметь и другие значения. Не претендуя на полноту их охвата, назовём некоторые.

1. Значение 'прописная буква икс'. Чтение: [eks]. Множественное число X's (или Xs) с чтением [eksiz]. Замечательный пример даёт современный вариант афоризма Декарта «Cogito, ergo sum!» — слоган, увиденный автором этих строк в Америке:

2(x)cite is to 2(x)ist

— со значением 'to excite is to exist'. Круглые скобки указывают на иероглифическое чтение. (Пример замечателен ещё и тем, что в нём участвует цифра.)

2. Значение 'десять'. Чтение: [ten], [tenth] или даже (в контексте, скажем, «John X») [thə tenth].

3. Значение 'десятидолларовая банкнота'. Чтение: [eks]. (Однако «XX» означает не две банкноты по 10 долларов, а одну достоинством в 20 долларов и читается как множественное число от слова «ex»: [eksiz].)

4. Значение 'Христос', по-английски — 'Christ'. Случаи изолированного употребления мне неизвестны. Читается как [krist] в составе слова: «Xmas» (*Christmas*)⁶⁰, «Xtian» (*Christian*), «Xtianity» (*Christianity*); последние два написания допускают дальнейшее сокращение в виде, соответственно, «Xп» и «Xnty». (В одном редком случае, который будет приведён в конце параграфа, в этом значении используется и строчная буква икс.)

5. Значение 'крестик'. Чтение: [eks]. Множественное число X's (или Xs) с чтением [eksiz]. Пример: *X's and O's* — 'the game of poughts and crosses', 'игра в крестики и нолики'.

6. Значение 'крест', по-английски — 'cross'; так же и читается. В этом своём значении иероглиф «X» входит в состав надписи «Xing» на дорожных указателях, означающих (и сообразно этому читаемых) 'crossing' (то есть 'разрешённый переход').

Строчная же буква икс («x») как английский иероглиф может иметь, среди прочих, следующие значения.

1. Значение 'строчная буква икс'. Чтение: [eks]. Множественное число x's с чтением [eksiz].

⁶⁰ Справочник [Par] на с. 377 находит нужным предостеречь, что «Xmas» ни в коем случае нельзя произносить как *Exmas*.

2. Значение 'неизвестная величина'. Чтение: [eks]. Множественное число *x's* с чтением [eksiz].

3. Значение 'перечеркнуть', 'поставить крестиком'. Чтение: [eks]. Вот примеры из [Web], с. 1650: *to x out an error*; *to x in the man of your choice*. Чтение: [eks]. Словоизменительные формы: «*x-ed*» (или «*x'd*»), «*x-ing*» (или «*x'ing*»).

Анализируя строение выражений «*X's*», «*Xs*», «*Xtian*», «*Xtianity*», «*Xing*», «*x's*», «*x-ed*» и «*x-ing*», приходим к следующему выводу. Каждое из этих выражений состоит из полнозначного иероглифа и записанного буквами аффикса. Чтение иероглифа определяется его лексическим значением; чтение аффикса происходит по стандартным правилам чтения «от буквы к звуку». Таким образом, в этих примерах мы наблюдаем совершенно тот же (описанный в предыдущем параграфе) принцип смешанного письма, как в японском языке: иероглиф для корня, кана для аффикса.

Как известно, для иероглифического письма (будь то египетского или китайского) достаточно типично использование иероглифов не только в их лексическом, но и в фонетическом значении. Это значит, что в составе сложного слова может встретиться иероглиф, фонетическое звучание которого является частью чтения этого слова, при том, что лексическое значение иероглифа, отвечающее этому его звучанию, с лексическим значением слова не имеет ничего общего. Именно так устроены рассмотренные выше примеры «*Xotic*», «*Xtra*», «*Xtreme*». В самом деле, лексическое значение иероглифа «*X*», отвечающее принятому в данном контексте звучанию [eks], есть просто 'буква икс', каковое лексическое значение не имеет ничего общего с лексическими значениями слов *exotic*, *extra*, *extreme*. И вот, пожалуй, самый замечательный пример (см. [OED], с. 678): «*Xstal*» и «*xtal*» как сокращения для слова *crystal*. Здесь буква икс употребляется в своём иероглифическом значении 'Христос' с соответствующим чтением.

Перечисленные и подобные им обороты вторгаются в язык и тем самым получают право войти в сферу компетенции языкознания.

§ 32

Итак, появление письменности делает необходимым расширить не только предмет языкознания, но и само представление о том, что есть язык. Появление компьютеров, электронной почты, Интернета и прочих новшеств усугубляет эту необходимость. Сообщения на экранах компьютеров возникают (и, надо полагать, ещё долго будут

возникать) в латинской графике безотносительно к тому, знает или не знает глядящий на экран пользователь тот английский язык, на котором они написаны. На этом же языке — надписи на клавишах⁶¹. Да и команды пользователь вынужден писать теми же буквами. Но это его не очень пугает: ведь с детства он видел эти буквы на джинсовых лэйблах и на различных майках, а если повезло, то успел и потыкать в клавиатуру. И он уже, скорее всего, знает, что знак «/» надо называть не *косая черта*, как в старину, а *слэш*, потому что существует и другая косая черта (которой раньше не было, но он этого не знает) — *бэкслэш* «\».

Вообще, современный ребёнок растёт и развивается в окружении многочисленных надписей, что, конечно, не имело места, когда формировался предмет традиционного языкознания. Как все знают, лица с врождённым дефектом зрения легче полноценным образом вписываются в общество, чем лица с врождённым дефектом слуха. Из этого следует, что звуковой аспект языка всё ещё доминирует в интеллектуальном становлении личности. Однако его графический аспект постепенно становится всё более и более существенным.

Литература

- [Ав] *Аванесов Р. И.* Сведения о произношении и ударении // Орфоэпический словарь русского языка. — Изд. 2-е. — М.: Русский язык, 1985. — С. 659—684.
- [Але] *Алексеев В. М.* Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932. — 178 с.
- [Алп 88] *Алпатов В. М.* Япония. Язык и общество. — М.: Наука (гл. ред. восточн. литературы), 1988. — 136 с.
- [Алп 90] *Алпатов В. М.* Японское письмо // [ЛЭС], с. 626.
- [Алп 2004] *Алпатов В. М.* [Рецензия на книгу: В. А. Успенский. Труды по нематематике: В 2 томах. — М.: ОГИ, 2002. — 1405 с.] // Вопросы языкознания. — 2004. — № 4. — С. 165—169.
- [Анд] *Андреев В. Д.* Передача болгарских имён собственных в русском языке // [Топ], с. 122—130.
- [Ану 96] *Анучин Д. Н.* Малороссы // Энциклопедический словарь. — Т. 18. — Полутом 36. — СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1896. — С. 484—485.

⁶¹ ► Вот характерное название статьи из «Новой газеты» № 12 (432) от 24—30 марта 1997 года: «Мы не понимали, что значит enter, но делали это». ◀

- [Ану 99] *Анучин Д. Н.* Россия в этнографическом отношении // Энциклопедический словарь. — Т. 27. — Полутом 54. — СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1899. — С. 139—152.
- [БарКр] *Бархударов С. Г., Крючков С. Е.* Учебник русского языка. — Ч. 1. — Изд. 4-е. — М.: Учпедгиз, 1957. — 224 с.
- [Бер] *Бернштейн С. И.* Фонема // Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 2-е. — Т. 45. — М.: Советская Энциклопедия, 1956. — С. 295—297. — [Статья воспроизведена на с. 113—122 настоящей книги].
- [Блу] *Блумфилд Л.* Язык / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой, В. П. Мурат. — М.: Прогресс, 1968. — 607 с.
- [Бод 12] *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. — СПб., 1912. — 182 + V с. — [Частично перепечатано в [Бод 63], с. 209—234].
- [Бод 13] *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Знаки препинания [рукопись ненапечатанной статьи для «Русской энциклопедии»⁶²] // [Бод 63], с. 238—239.
- [Бод 63] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. — Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 392 с.
- [БСЭ-3] Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 3-е. — Т. 1—30. — М., 1970—1978.
- [БуКа 76] *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Слитно или отдельно? (Опыт словаря-справочника). — Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Русский язык, 1976. — 480 с.
- [БуКа 87] *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Слитно или отдельно? (Опыт словаря-справочника). — Изд. 6-е, стереотипное⁶³. — М.: Русский язык, 1987. — 876 с.
- [БуКр Д] *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Денотат // [ЛЭС], с. 128—129.
- [БуКр Ом] *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Означаемое // [ЛЭС], с. 343.
- [БуКр Ощ] *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Означающее // [ЛЭС], с. 343.
- [БуКр Р] *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Референт // [ЛЭС], с. 410—411.
- [БуКр С] *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Сигнификат // [ЛЭС], с. 444.
- [БуКр Ф] *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Форма // [ЛЭС], с. 557—558.
- [Бурб] *Бурбаки Н.* Теория множеств: Пер. с франц. — М.: Мир, 1965. — 455 с.

⁶² Эта энциклопедия (под редакцией С. А. Адрианова и др.) выпускалась петербургским издательством «Деятель» с 1911 по 1915 год и остановилась на 10-м томе, на слове **Кровля**. В т. 8 (1914 года), где должна была бы быть статья **Знаки препинания**, статьи с таким названием нет.

⁶³ Исправленным и дополненным было 3-е издание.

- [БылЖил] *Былинский К. И., Жилин А. Н.* Справочная книга корректора. — М.: Искусство, 1960. — 533 с.
- [ВаРФЦ] *Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В.* Современный русский язык: Учебник для вузов СССР. — Изд. 2-е, доп. и переработ. — М.: Высшая школа, 1964. — 456 с.
- [ГиГр] *Гиляревский Р. С., Гривнин В. С.* Определитель языков мира по письменностям. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Наука, 1965. — 375 с.
- [ГиСт] *Гиляревский Р. С., Старостин Б. А.* Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1985. — 303 с.
- [Грот] *Грот Я. К.* Русское правописание. — Изд. 20-е. — СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1912. — 120 + XLIV с.
- [ГРЯС] *Грамматика русского языка: Учебник для 6-го и 7-го классов семилетней и средней школы / Под ред. акад. Л. В. Щербы.* — Ч. 2: Синтаксис. — Изд. 11-е. — М.: Учпедгиз, 1950. — 152 с.
- [Гус] *Гусев А.* Знаки препинания (пунктуация) в связи с кратким учением о предложениях и другие знаки в русском письменном языке. — Изд. 2-е. — М.: Изд. А. Д. Ступина, 1905. — 152 с.
- [Дья] *Дьяконов И. М.* Письмо // [ЛЭС], с. 375—379.
- [Жур] *Журиная М. А.* Латинский алфавит // [БСЭ-3], т. 14, стлб. 624—625.
- [Зал 67] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967. — 369 с.
- [Зал 77] *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1977. — 879 с.
- [Зал 79] *Зализняк А. А.* О понятии графемы // *Balkanica. Лингвистические исследования / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики.* — М.: Наука, 1979. — С. 134—152.
- [ЗКС.1] *Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В.* Русский язык: Учебник для педагогич. училищ / Под ред. акад. В. В. Виноградова. — Ч. 1. — Изд. 9-е, испр. и доп. — М.: Просвещение, 1980. — 303 с.
- [ЗКС.2] *Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В.* Русский язык: Учебник для педагогич. училищ / Под ред. акад. В. В. Виноградова. — Ч. 2. — Изд. 9-е, переработ. и доп. — М.: Просвещение, 1980. — 222 с.
- [Ив 62] *Иванова В. Ф.* История и принципы русской пунктуации. — М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. — 64 с.
- [Ив 76] *Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. — Изд. 2-е, переработ. и доп. — М.: Просвещение, 1976. — 288 с.

- [Конд] *Кондратов А. М.* Силлабическое письмо // [ЛЭС], с. 445.
- [Конр] *Конрад Н. И.* О детерминативах в китайском и японском языках // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — 1945. — Т. 4. — Вып. 3—4. — С. 128—134.
- [Конц] *Концевич Л. Р.* Ханмун // [ЛЭС], с. 569.
- [Кр] *Крючков С. Е.* О спорных вопросах современной русской орфографии. — М.: Учпедгиз, 1952. — 55 с.
- [Лай] *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1978. — 543 с.
- [ЛеДо] *Леонтьев А. А., Долгопольский А. Б.* Знаки препинания // [БСЭ-3], т. 9, стлб. 1638—1639.
- [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 683 с.
- [Люб] *Любимов Н. М.* Несгораемые слова. — Изд. 2-е, доп. — М.: Художественная литература, 1988. — 336 с.
- [Мае 1985] *Маевский Е. В.* Могут ли японцы говорить, как пишут, и писать, что говорят? // Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции / АН СССР. Ин-т востоковедения. — М.: Наука (гл. ред. восточн. лит-ры), 1985. — С. 202—213.
- [Мае 2000] *Маевский Е. В.* Графическая стилистика японского языка. — М.: Муравей-Гайд, 2000. — 174 с.
- [Мар] *Марков А. А.* Теория алгорифмов. — (Труды Математич. ин-та АН СССР; Т. 42). — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 375 с.
- [МарНаг] *Марков А. А., Нагорный Н. М.* Теория алгорифмов. — М.: Наука, 1984. — 432 с.
- [Назв] Названия СССР, союзных республик и зарубежных стран на 20 языках: Словарь-справочник / А. М. Козлов, Л. С. Кузнецова, Г. М. Гайдукова, Е. Н. Покидова. — М.: [ВИНИТИ], 1974. — 184 с.
- [ОбрС] Обратный словарь русского языка. — М.: Советская энциклопедия, 1974. — 944 с.
- [Ож] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — Изд. 16-е, испр. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1984. — 797 с.
- [Орф 56] Орфографический словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. — 1260 с.
- [Орф 74] Орфографический словарь русского языка. — Изд. 13-е, испр. и доп. / Под ред. С. Г. Бархударова и др. — М.: Русский язык, 1974. — 480 с.

- [Орф 84] Орфографический словарь русского языка. — Изд. 21-е, испр. / Под ред. С. Г. Бархударова и др. — М.: Русский язык, 1984. — 464 с.
- [Петр] *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имён. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 384 с.
- [Под] *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. — Изд. 2-е, переработ. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
- [Пол] *Полинская М. С.* Детерминатив // [ЛЭС], с. 131.
- [Реф] *Реформатский А. А.* Транслитерация русских текстов латинскими буквами // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5. — С. 96—103.
- [Роз] *Розенталь Д. Э.* Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника). — Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Русский язык, 1985. — 327 с.
- [РТЭИС] Русская транскрипция эстонских имён собственных. — Таллин: Валгус, 1973. — 15 с.
- [Слис 33] Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Сост. К. С. Кузьминский и др. — М.: Советская энциклопедия, 1933. — 1512 стлб.
- [Слис 79] Словарь иностранных слов. — Изд. 7-е, перераб. — М.: Русский язык, 1979. — 624 с.
- [СлРЯ] Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — Изд. 3-е, стереотипное. — М.: Русский язык, 1985—1988.
- [СлСРЛЯ] Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.—Л., 1948—1964.
- [СлСРЛЯ-2] Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1991.
- [СлРТГН] Словарь русской транскрипции географических названий / Под ред. М. Б. Волостновой. — Ч. 2: Географические названия на территории зарубежных стран. — М.: Учпедгиз, 1959. — 167 с. — [Утверждён Министерством просвещения РСФСР и Главным управлением геодезии и картографии Министерства внутренних дел СССР в качестве обязательного пособия для всех организаций, издающих школьные учебники и карты].
- [СлУ] Словарь ударений для работников радио и телевидения / Под ред. Д. Э. Розенталя. — М.: Советская Энциклопедия, 1967. — 688 с.
- [Сол] *Солнцев В. М.* Китайский язык // [ЛЭС], с. 225—226.
- [Ста] *Старостин Б. А.* Введение // [ГиСт], с. 4—56.
- [Сте] *Степанов Ю. С.* Семантика // [ЛЭС], с. 438—440.
- [Стр] Страны мира: Краткий политико-экономический справочник. — М.: Политиздат, 1991. — 512 с.

- [Тол] *Толстой Н. И.* Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // [Тол], с. 103—121.
- [Топ] *Топономастика и транскрипция.* — М.: Наука, 1964. — 200 с.
- [Тред] [*Тредиаковский В. К.*] Сочинения Тредьяковского: В 3 т. — Т. 1. — СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1849. — 808 (I—XXIV, 25—808) с.
- [Усп 67] *Успенский В. А.* К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами // Научно-техническая информация. Серия 2. — 1967. — № 7. — С. 12—20. — [Публикуется в настоящей книге на с. 202—227. — *Примеч. ред.*].
- [Усп 77] *Успенский В. А.* К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. — М.: Наука, 1977. — С. 65—84. — [Публикуется в настоящей книге на с. 241—263. — *Примеч. ред.*].
- [Усп 92] *Успенский В. А.* Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В. Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца) // Wiener slawistischer Almanach. — 1992. — Sonderband 33. — S. 119—162. — [Публикуется на с. 293—384 настоящей книги. — *Примеч. ред.*].
- [Уш] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934—1940.
- [Хом] *Хомизури П. И.* Смысловое значение знака дефис в геологической терминологии // О современной русской орфографии. — М.: Наука, 1964. — С. 154—156.
- [Чёрч] *Чёрч А.* Введение в математическую логику: Пер. с англ. — М.: ИЛ, 1960. — 484 с.
- [Шах] *Шахматов А. А.* Русский язык // Энциклопедический словарь. — Т. 28. — Полутом 55. — СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1899. — С. 564—581.
- [Шиль] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. — Т. 1. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. — 800 с.
- [Шкл] *Шкловский И. С.* Эшелон. Невыдуманные рассказы. — М.: Новости, 1991. — 222 с.
- [Шм] *Шмелёв Д. Н.* Омонимия // [ЛЭС], с. 345.
- [Щер] *Щерба Л. В.* Теория русского письма. — Л.: Наука, 1983. — 134 с.
- [Юш 33] *Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов // [СлИС 33], стлб. 1429—1512.
- [Юш 40] *Юшманов Н. В.* Проблема названий букв латинского алфавита // Язык и мышление. IX. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 65—72.

- [Юш 41] Юшманов Н. В. Ключ к латинским письменностям земного шара. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 85 с.
- [Юш 41a] Юшманов Н. В. Определитель языков. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — 43 с.
- [All] Alleton V. L'écriture chinoise. — 4e éd., corrigée. — Paris: PUF, 1990. — 128 p.
- [Ben] Dictionary of Russian Personal Names / Compiled by Morton Benson. — 2nd ed., revised. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969. — 175 p.
- [HaTzWa] Hardyck C., Tzeng O. J. L., Wang W. S.-Y. Cerebral literalization of function and bilingual decision processes: is thinking lateralized // Brain and Language. — 1978. — V. 5. — № 1. — P. 56—71⁶⁴.
- [LW 91] Languages of the World // [NEB 91], с. 590—814⁶⁵.
- [LW 95] Languages of the World // [NEB 95], с. 572—796⁶⁵.
- [NEB 91] The New Encyclopædia Britannica. — V. 22. — 15th ed. — Chicago e. a., 1991. — 1002 p.⁶⁶.
- [NEB 95] The New Encyclopædia Britannica. — V. 22. — 15th ed. — Chicago e. a., 1995. — 981 p.⁶⁶.
- [Nei] Neiswender R. Russian transliteration — sound and sense // Special Libraries. — 1962. — V. 53. — No. 1. — P. 37—41.
- [OED] The Oxford English Dictionary. — 2nd ed. — V. XX. — Oxford: Clarendon Press, 1989. — 832 + 143 p.
- [Par] Partridge E. Usage and Abusage: A Guide to Good English. — Penguin Books, 1987. — 381 p.
- [Sas] Sasanuma S. Kana and Kanji processing in Japanese aphasics // Brain and Language. — 1975. — V. 1. — No. 2. — P. 369—383⁶⁷.
- [Web] Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. — New York e. a.: Gramercy Books, 1989. — 1854 p.

⁶⁴ Ссылка на эту статью заимствована со с. 24, а её библиографическое описание — со с. 180 книги: В я ч. В с. И в а н о в. Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. — М.: Советское радио, 1978. — 184 с.

⁶⁵ Насколько я могу судить, тексты статей [LW 91] и [LW 95] совпадают.

⁶⁶ Признаться, я испытал некоторый шок, когда обнаружил, что существуют различные варианты 15-го издания 22-го тома Британской энциклопедии — настолько различные, что имеют разное количество страниц. До того я думал, что такое возможно только с 11-м изданием «Вопросов ленинизма» И. В. Сталина: если судить по каталожным карточкам, то в 11-м издании 1939 года было 611 страниц, а в 11-м издании 1953 года — 652 страницы.

⁶⁷ Ссылка на эту статью заимствована со с. 24, а её библиографическое описание — со с. 176 книги: В я ч. В с. И в а н о в. Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. — М.: Советское радио, 1978. — 184 с.

Биноминативное предложение: проблема согласования связки

1. Постановка задачи. — 2. Биноминативные предложения с предикативной структурой. — 3. Отношение идентификации. — 4. Заключение. — Литература.

1. Постановка задачи

Биноминативным называется предложение, образованное двумя именными группами в именительном падеже, со связкой или без связки, см. [*Падучева, Успенский 1979*]. С синтаксической точки зрения этот тип предложений составляет проблему, поскольку в них зачастую неясно, какая из двух морфологически тождественных именных групп (ИГ) является подлежащим, а какая — сказуемым. В вышеуказанной работе был предложен референциальный (денотативный) критерий различения подлежащего и сказуемого, который, как мы пытались показать, позволяет выделить в определённой части биноминативных предложений (БП) русского языка подлежащее и сказуемое таким образом, что синтаксическая структура предложения становится естественной основой для его семантической интерпретации. Задача данной работы — показать, что членение БП на подлежащее и сказуемое согласно референциальному критерию играет важную роль также и на синтактико-морфологическом уровне, а именно, при выборе согласовательной формы связочного глагола.

В монографии [*Шмелёв 1976*] было показано, что согласование связки не может быть основным критерием при синтаксическом членении предложения — в том числе такого, которое позднее было названо нами биноминативным. Во-первых, отмечает Д. Н. Шмелёв, в подавляющем

Опубликовано в сборнике: Облик слова: Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва / Институт русского языка РАН. — М.: Индрик [при участии изд-ва «Русские словари»], 1997. — С. 170—182. (Соавтор: Елена Викторовна Падучева.)

► Доклад по этой статье был сделан от имени двух авторов В. А. Успенским 22 февраля 1996 года в Институте русского языка РАН на Вторых Шмелёвских чтениях. ◀

большинстве БП, реально употребляемых в речи, связка отсутствует (подчеркнём, что этот эффект не случаен: о предпочтении настоящего времени в предложении тождества см. [Иванов 1979]), и синтаксическая атрибуция компонентов БП, если она возможна, должна быть осуществлена независимым образом. Во-вторых, грамматики признают так называемое «обратное согласование» — согласование с предикативом, которое демонстрируется в [Шмелёв 1976], с. 36 на примере

- (1) Его кабинет была большая, очень высокая комната
(Достоевский, «Подросток»).

Между тем если синтаксическое членение считать производным от морфологического, то понятие обратного согласования вообще лишается смысла.

Таким образом, данная работа имеет следующее логическое построение: считая грамматическое членение БП заданным, мы хотим предложить правила согласования связки, действующие в современном русском языке (эпитет «современный» в данном случае по существу, поскольку норма в этой области весьма подвижна) и основанные на этом членении. О противоречивости позиции Пешковского, который исходил из того, что «подлежащее и есть как раз то, с чем согласуется глагол или связка», см. [Арутюнова 1976], с. 323.

В БП различаются тематический и рематический компоненты — компонент Т и компонент R (в [Падучева, Успенский 1979] они назывались, соответственно, компонент I и компонент II). При обычной, не эмфатической, линейно-интонационной структуре предложения компонент Т — это именная группа, которая занимает начальное положение в предложении и имеет второстепенное ударение (тематическое); компонент R — именная группа, которая занимает конечное положение и имеет главное фразовое ударение (рематическое)¹. В эмфатической линейно-интонационной структуре компонент R продвинут в начальное положение, сохраняя на себе главное ударение (которое при этом усиливается, то есть становится эмфатическим). Компонент Т в этом случае занимает конечную позицию и лишён фразового ударения. Например, *Шаховской* является Т-компонентом не только в (2а), но и в (2б):

- (2) а. Шаховской /| был посредственный \ поэт.
б. Посредственный \ поэт | был Шаховской.

¹ Главное фразовое ударение — в простом предложении — всегда ровно одно. В невопросительном предложении главное ударение нисходящее, а второстепенное — восходящее (в вопросе тоны могут меняться). В коротких фразах второстепенное ударение факультативно. О линейно-интонационной структуре см. [Падучева 1985], с. 108.

Компоненты Т и R есть в любом БП, и это позволяет однозначно членить предложение на части, не навязывая им наперёд никакой грамматической интерпретации.

Можно заранее предположить, что следующие факторы будут влиять на согласование.

1) Наличие чистого отношения предикации между компонентами Т и R, когда один из компонентов выражает свойство другого. Противоположным случаем будет отношение идентификации между Т и R (см. [Арутюнова 1976], с. 307), которое может либо полностью замещать предикацию, либо как-то совмещаться с ней. Так, в примере (2) чистая предикация, а пример (1) оставляет неясность, к которой мы вернёмся в дальнейшем.

2) Другой фактор — наличие тематической инверсии: тематическая инверсия (в БП) состоит в том, что подлежащее из естественной для него тематической позиции переходит в рематическую; соответственно, сказуемое становится темой. Например, предложение *Нестор — отец русской истории* тематическая инверсия переведёт в предложение *Отец русской истории — Нестор*.

Тематическая инверсия противопоставлена э м ф а т и ч е с к о й и отличается от последней тем, что меняет не только порядок слов, но и интонирование компонентов, прежде всего — положение главного фразового ударения; тогда как при эмфатической инверсии место главного ударения не меняется. Например, (2б) получается из (2а) эмфатической инверсией. Результатом применения тематической инверсии к (2а) было бы предложение

(2) в. Посредственный поэт /| был Шаховской \

(уместное, например, в контексте, когда кто-то был назван «посредственный поэт», и мы не знаем, кто).

Тематическая инверсия применима только к предложениям с однозначным грамматическим членением, например, с предикативным отношением между компонентами Т и R, поскольку она меняет коммуникативный статус компонентов БП, идентифицируемых, соответственно, как подлежащее и предикатив.

Ниже в разделе 2 рассматриваются БП предикативной структуры, а раздел 3 посвящён предложениям с более сложным отношением между компонентами Т и R.

2. Биноминативные предложения с предикативной структурой

Биноминативные предложения с предикативным отношением между компонентами Т и R естественно делятся на два класса:

предложения с обычным порядком слов, то есть такие, где подлежащее — тема; и предложения с тематической инверсией, где темой служит сказуемое. Рассмотрим поведение связочного глагола по отдельности в каждом из этих классов.

Класс 1. Подлежащее — тема. В предложениях примеров (3) и (4) связка согласуется с подлежащим-темой. В (3) подлежащее в начальной позиции; в предложениях примера (4), с эмфатической инверсией, подлежащее занимает конечное положение, но не несёт главного фразового ударения, то есть тоже является тематическим компонентом (в примерах ниже подлежащее выделено курсивом):

- (3) *Она* была единственное дитя;
Шахматы всегда были его любимое занятие;
Пугачёв в ту минуту был власть (Цветаева);
 Он решил, что *женитьба* на Элен была бы несчастье (Толстой);
 Весь *дом* был — тайна (Цветаева);
 Тот *цветок* был ночная фиалка.
- (4) Для старика была закон \ её младенческая *воля* (Пушкин);
 Сущий демон \ была его *жена*;
 Любопытное зрелище был их *отъезд*;
 Дикое существо \ была эта *Бэла* (Лермонтов).

Фигурирующие во многих грамматиках примеры из литературы XIX века, где связка, при наличии подлежащего в начальной позиции, согласуется с постпозитивными предикативом, скорее всего, не соответствуют нормам современного языка:

- (5) а. *Свадьба* Наташи было (⇒ была) последнее радостное событие в старой семье Ростовых (Толстой);
 б. *Многое* из этого была (⇒ было) правда (Толстой);
 в. Всё это *спокойствие* была (⇒ было) одна чистая личина (Писемский);
 г. *Белинский* была (⇒ был) замечательная личность².

При этом вовсе не всегда для приведения предложения в соответствие с современной нормой достаточно изменить согласование

² На неудовлетворительности последней фразы настаивает Л. А. Булаховский, полемизируя по этому поводу с В. И. Чернышёвым, см. [Булаховский 1954], с. 322.

связки. Так, во фразе из Толстого, которая разбирается в [Пешковский 1938], с. 234, *Последние числа октября было время самого разгара партизанской войны*, вариант, где связка согласована с подлежащим (*были*), предпочтителен, но тоже не безупречен для современного восприятия: чтобы сделать предложение полностью удовлетворительным, лучше отказаться от биноминативной структуры вообще.

В принципе, однако, при наличии препозитивного подлежащего нормой является согласование связки с этим подлежащим. Согласование связки с постпозитивным предикативом возможно, по-видимому, в качестве остатков старой нормы в ограниченном числе застывших сочетаний: таковым в предложении *Обед для него была вещь нешуточная* является сочетание *была вещь нешуточная*.

Недоумение вызывают примеры (6а)—(6г), где связка согласуется с компонентом R, хотя референциальный критерий идентифицирует его как предикатив (к этим примерам мы вернёмся в разделе 3):

- (6) а. Чебоксары был тот город, где я провёл своё детство;
- б. Воспаление лёгких была болезнь, которая косила людей одного за другим;
- в. Всё его выступление была сплошная ложь.
- г. Восхищение была та мазь колёс, которая была необходима, чтобы её машина могла совершенно свободно двигаться (Толстой).

Особое правило согласования действует в предложениях, где один из компонентов — местоимение *это*, *то*, *кто*. Все попытки свести согласование связки в БП с этими местоимениями к обычному правилу о согласовании связки с подлежащим приводят к постулированию неестественных подлежащих. Так, А. М. Пешковскому приходится в предложении *Это был стол* считать *стол* подлежащим, а *это* — сказуемым. И. И. Ревзин [Ревзин 1973], чтобы доказать, что *это* — сказуемое, относит его к «недетерминированным» словам, что прямо противоречит его смыслу. В работе [Crockett 1976], с. 415 *кто* в предложении *Кто были ваши сообщники?* (= 'Кто был вашими сообщниками?') считается сказуемым, хотя согласно референциальному критерию наиболее естественным является понимание, при котором *кто* — подлежащее.

В действительности, правило здесь следующее: если один из компонентов БП (неважно, подлежащее или предикатив) — местоимение *это*, *то*, *кто*, то связка согласуется в роде и числе с другим; то

есть эти местоимения в контексте БП не принимают участия в согласовании:

- (7) *Это* был важный этап в развитии кино;
Это были его последние слова;
 Ах, витязь, *то* была Наина (Пушкин);
То были двух бесов изображенья (Пушкин).

В примере Л. А. Булаховского ([*Булаховский 1954*], с. 322) *То* явно было не случай (Жуковский) согласование связки с подлежащим *то* не соответствует современным нормам.

Что согласование связки в данном случае не зависит от синтаксической структуры БП, можно подтвердить на следующем примере. Предложение *Кто были ваши сообщники?* допускает два понимания: более вероятное, при котором *кто* подлежащее — ‘Кто был вашими сообщниками?’ (в ответ требуются имена), и менее вероятное, когда *кто* предикатив — ‘Кем были ваши сообщники?’³; но связка, независимо от понимания, ни в том, ни в другом случае не согласуется с местоимением *кто*. В принципе и *это* может быть предикативом, ср. пример из [*Арутюнова 1976*], с. 320:

- *Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.*
 — *Я желаю, чтобы это были вы* (Лермонтов).

Однако на согласование связки это не влияет.

Местоимение *что* в современном языке почти не употребляется в БП, ни в роли подлежащего (так, **Что было / была твоя главная ошибка? ⇒ Какая была твоя главная ошибка?; *Что было / была причина ⇒ Что было причиной*), ни в роли предикатива (ср. устаревшее *Что есть истина? Что была для него дружба? Что же было всё остальное, как не пустота?*). Во всяком случае, свойством исключаться из согласования *что* не обладает, и в контексте, где *это* допустимо, *что* нарушает грамматическую правильность, ср. *Это была причина его мрачности* и **Вот что была причина его мрачности* (надо: *Вот что было причиной*); *Это был его главный козырь* и **Вот что был его главный козырь* (надо: *Вот что было его главным козырем*). В предложении *Что это было, сон или явь?*

³ Ср. пример Есперсена: в предложении *Who was the prettiest girl at the ball?* ‘Кто был самой красивой девушкой на балу?’ *who* — подлежащее, а в *Who is he?* ‘Кто он?’ *who* — предикатив ([*Есперсен 1958*], с. 173).

подлежащее *это* исключается из согласования, так что средний род связки, скорее всего, обусловлен согласованием с *что*⁴.

Местоимение *всё*, хотя оно иногда почти синонимично *это*, ведёт себя как *что*: свойством не участвовать в согласовании оно не обладает. Ср. *Всё было одна фантазия, а не чувство* и *Это была одна фантазия, а не чувство*; в том числе и в сочетании *всё это*: *Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования <...> всё это было не любовь* (Пушкин).

З а м е ч а н и е. Описывая странность согласования, которая обнаруживается у слов *это*, *то*, *кто* в БП, следует обратить внимание на то, что все эти слова суть местоимения. Нельзя сказать, что эти слова не имеют собственного морфологического рода и числа: число у них единственное, род у *это*, *то* средний, а у *кто* — мужской; ср. *Это было* / **была неожиданностью*; *Кто там пришёл?* / **пришла?* / **пришли?*. Можно представить дело так: особенное свойство местоимений *это*, *то* и *кто* состоит в том, что в контексте БП они приобретают п о з и ц и о н н ы й род, заимствованный от другого компонента БП, так что в БП с одним из этих местоимений оба компонента всегда имеют одинаковый род. Тогда пример (7) просто подпадает под правило о согласовании связки с подлежащим. Типологически такое решение вполне естественно; так, в латыни местоимения *hic*, *haec*, *hoc* в БП согласуются в своём морфологическом роде и числе со вторым компонентом⁵; эта конструкция сохранилась в современном итальянском языке, ср. *Questo e papa* 'Это папа'; *Questa e mamma* 'Это мама'. Такое же построение имеют соответствующие БП в арабском языке. Особенность русских местоимений — в том, что у них в БП варьирует не морфологический род, а согласовательный.

То же правило согласования (с неместоименным компонентом) действует в предложениях, где *это* употребляется не как отдельный компонент, а в составе одного из компонентов, на ролях своего рода связки: тот из компонентов предложения, к которому примыкает *это*, ведёт себя так, как если бы он был отдельным предложением, где *это* — один из главных компонентов (и далее согласование по тому же правилу, то есть не с *это*, а с оставшимся компонентом). Примеры:

- (8) Шахматы — это было его любимое занятие;
В те времена ростовщичество — это была необходимость;
Это было отвратительное занятие — поиски ночлега.

⁴ Н. Дурново считает *что* исключённым из согласования так же, как *это* и *то* ([Дурново 1929], с. 109). Примеров, однако, он не приводит.

⁵ Этим аргументом авторы обязаны С. А. Крылову.

Следовательно, фразу (5а) можно сделать приемлемой по современным нормам, если поставить перед *было* тире и *это*: *Свадьба Наташи — это было последнее радостное событие в старой семье Ростовых*.

Слово *это* в БП принято трактовать как частицу (ср. [Ковтунова 1976], с. 81) или даже как связку ([Грамматика 1970], с. 552). Если признать это местоимением и трактовать предложения из (8) как содержащие два анафорически связанных подлежащих (по аналогии с предложениями типа *Девочки — они аккуратно носят платье; Люди ли они — англичане?*), то пример (8) не требовал бы отдельного упоминания при формулировке правил согласования (кроме оговорки о том, что в согласовании участвует ближайшее из двух подлежащих).

Свойство не участвовать в согласовании в БП отличает все именные группы в автонимном употреблении (в примерах (9), (10) они выделены разрядкой):

- (9) З и н а и д а Ф у к с был один из псевдонимов Брюсова;
 З и н а было его любимое имя;
 И в а н о в была его фамилия по матери.

Это правило носит абсолютный характер: несущественно, является ли автонимная группа Т- или R-компонентом; несущественно также, каким членом предложения является этот компонент — подлежащим или сказуемым. Так, в (10) связка согласуется с компонентом Т, но не потому, что он подлежащее (он предикатив), а потому, что рематическая ИГ употреблена здесь автонимно:

- (10) Х р и с т и а н с к о е и м я её было Р а и с а ;
 Н а с т о я щ а я ф а м и л и я А . Г р и н а была Г р и н е в с к и й ⁶.

Класс 2. Подлежащее — рема (предложения с тематической инверсией). В предложениях с тематической инверсией темой является предикатив; но связка всё равно согласуется с подлежащим (оно,

⁶ По-видимому, по этой причине предложения с автонимным употреблением одного из компонентов не допускают творительного падежа предикатива: согласование связки с автонимным подлежащим затруднено, а больше ей согласовываться не с чем, ср. *«Автор „Взверлея“» было псевдонимом Вальтера Скотта; *С тех пор «Нар-Дос» стал моим псевдонимом (М. Нар-Дос). Иначе говоря, автонимные ИГ, в отличие от местоимений *это, кто*, не имеют рода.

как и прежде, выделяется курсивом):

- (11) Настоящий хозяин в доме была его *жена*;
 Самое страшное была *физика*;
 Его любимое занятие были *шахматы*;
 Ваш классный руководитель буду я;
 Его главное удовольствие были вечерние *прогулки*;
 Его любимое время года была *осень*;
 Первое её чувство был *ужас* (Бестужев-Марлинский;
 пример из [Булаховский 1954], с. 323);
 Главное для меня были её *слёзы*;
 Но самое замечательное в доме были поющие *двери*
 (Гоголь, «Старосветские помещики»);
 Главный мой помощник была *дочь*;
 Единственное, чем он гордился, был *музей*;
 Несомненно, первая её любовь был *Пушкин*;
 Последняя капля был *разговор* царя с Натальей Нико-
 лаевной;
 Третий участник заговора была *она сама*;
 Эта держава был *сын* (Толстой);
 Но сплошная загадка было *стихотворение* «Черно-
 горцы — что такое...» (Цветаева, «Мой Пушкин»);
 Второе условие *comme il faut* были *ногти* (Толстой).

Определение подлежащего, основанное на референциальном кри-
 терии, позволяет отвергнуть некоторые фигурирующие в грамматиках
 примеры согласования связки с предикативом. Так, в (12), где связка
 согласована со словом *господин*, это слово, согласно референци-
 альному критерию, подлежащее, а не предикатив, как считается
 в [Грамматика 1954], с. 521:

- (12) Первое, что бросилось в глаза Привалову, был какой-то
господин, который сидел у стола.

Во фразе *Вера | был вожатый мой* (Жуковский) (пример из
 [Булаховский 1954]) с эмфатическим вторым компонентом, вынесен-
 ным в начало, подлежащее — *вера*, и связка по современной норме
 должна быть *была*: *Вера | была мой вожатый*. Если заменить эмфа-
 тический порядок слов на обычный, то согласование не вызывает
 сомнений: *Мой вожатый была вера* = 'Моим вожатым была вера'.

Отступление от обычного правила согласования связки с подлежа-
 щим допускается в том случае, если связка отделена от подлежащего

паузой и интонационно примыкает к предикативу:

- (13) На эту пору друг его вблизи случился. Друг этот был — *Лиса* (Жуковский, пример из [Булаховский 1954], с 322);
 Главное наше оружие было — *пила и топор*
 (С. Антонов, пример, из [Шмелёв 1976], с. 31);
 Но самое интересное было — *муравьи, птицы, лягушки*
 (пример из [Грамматика 1954], с. 521);
 А директор их института — была солидная, властная женщина, жена Маленкова (А. Солженицын, «На изломах»).

Более того, при наличии паузы согласование связки с компонентом, входящим в ту же ритмическую группу, является нормальным, а другое согласование — отклонением (то есть можно говорить об особом интонационном правиле согласования). Так, фраза *Самое страшное были — «Бесы»* (Цветаева), где пауза, отмеченная с помощью тире, не принята во внимание согласованием, нарушает (скорее всего, сознательно) обычную норму. В отрывке из «Полтавы», который разбирает А. М. Пешковский⁷:

*Другой был клад невозвратимый
 Честь дочери моей любимой,*

связка не согласована с подлежащим; однако она отделена от подлежащего паузой, так что согласование соответствует интонационному правилу. В примерах из Чехова, которые приводятся в [Шмелёв 1976], с. 31 (*Поза моя — было величие* и *Поза его была — шик*), независимо от того, какой синтаксический анализ мы припишем этим предложениям, согласование определяется указанным интонационным правилом.

Однако в целом согласование связки в БП с компонентом R, даже если он по референциальному критерию подходит на роль подлежащего, гораздо менее устойчиво, чем с компонентом T. В большинстве предложений примера (11) согласование «поддерживается» теми или иными дополнительными факторами — одушевлённостью компонента R и наличием пола у обозначаемого объекта; тем, что предикатив представляет собой субстантивированное прилагательное,

⁷ [Пешковский 1938], с. 228, 234. Эта фраза допускает, кроме того, интерпретацию, при которой *честь дочери* — не подлежащее, а приложение к интродуктивной группе *другой ... клад невозвратимый* — такому пониманию соответствовала бы запятая перед словом *честь*. (Вообще, у Пушкина — в отличие, скажем, от Толстого — прямых нарушений современных правил согласования связки с подлежащим не встречается.)

а не обычное существительное, и т. п. Если такой поддержки нет, может возникнуть затруднение в согласовании:

- (14) а. Основа нашей связи *было / *была духовное родство;
- б. Характерная черта его прозы *были / *была рубленные фразы;
- в. Свидетельство их независимости *были / *было эти ночные прогулки;
- г. Седьмое доказательство *было / *была гибель Берлиоза;
- д. Следующая ступень развития пушкинской темы *была / *был спор за Пушкина с Гончаровой.

Несомненный факт, что в настоящем времени, а также и в прошедшем, но при условии морфологического подобия компонентов, биноминативная конструкция в этих примерах была бы допустима, сравни:

- (14') а. Основа нашей связи — духовное родство;
Основа нашей связи была духовная близость.
- б. Характерная черта его прозы — рубленные фразы;
Характерная черта его прозы была рубленая фраза.

Это значит, что грамматическая неправильность в (14) порождается «морфологическим конфликтом»: какие-то факторы, влияющие на согласование связки, противоречат один другому.

3. Отношение идентификации

В предложении идентификации компоненты упорядочены не по степени референтности, как в БП с предикативной структурой, а по степени предполагаемой известности адресату, см. [Падучева 1987]. Так, во фразе *Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха <...> были те старики, о которых я начал рассказывать* (Гоголь, «Старосветские помещики») оба компонента обладают максимальной степенью референтности. В таких предложениях нормой является согласование связки с идентифицирующим компонентом (то есть с тем из компонентов, который устраняет «информационную недостаточность» другого). Это правило действует как при субстанциальной идентификации, пример (15), так и при таксономической⁸, см. пример (16), где компонент R идентифици-

⁸ Ср. два вида тождества — таксономическое и субстанциальное, — которые различены в [Арутюнова 1976], с. 307: субстанциальная идентификация —

рует пол⁹ объекта, обозначенного компонентом Т (слово, с которым согласована связка, выделено разрядкой):

- (15) Жалкое существо, заросшее щетиной, был мой отец;
Убитый была М а р ю т а;
Тот сокол, которого ты поймал, была я;
Один из разговаривавших была т в о я д о ч ь;
Один из участников концерта был Г е о р г О т с / была
В а л е р и я Б а р с о в а.
- (16) Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович...
Другой [медведь] была м е д в е д и ц а
(Толстой, «Три медведя»);
Каждый третий заговорщик была ж е н щ и н а.

Таким образом, «обратное согласование» в предложениях из (15), (16) можно объяснить тем, что они не членятся на подлежащее и сказуемое: эти предложения выражают идентификацию; между тем противопоставление подлежащего и сказуемого имеет смысл только в предложениях приписывания свойства. В словаре [Ахманова 1966], с. 438 в предложении *Первое лицо, которое он увидел, была Наташа* усматривается нарушенное согласование. Между тем в этом предложении действует наше правило согласования связки с идентифицирующим компонентом.

Рассмотрим теперь пример (17):

- (17) а. Единственный, кто стал на нашу сторону, была В а р в а р а;
б. На удивление всем приезжим, начальник станции была
ж е н щ и н а;
в. Первый предмет, поразивший меня, была б е р ё з а
(Пушкин);
г. Наш гид была пожилая ж е н щ и н а.

На первый взгляд кажется, что эти предложения удовлетворяют правилу о согласовании с рематическим подлежащим, как в примере (11). Однако при внимательном рассмотрении оказывается,

это идентификация с точностью до индивида. Таксономическая идентификация — это причисление объекта к той или иной и сходной для него таксономической категории. Таксономическая определённости объекта является обязательным условием референции в естественном языке, см. [Падучева 1985], с. 179; отсюда особая роль предложений таксономической идентификации в языке.

⁹ О специфике предложений, выражающих пол объекта, см. [Дурново 1929], с. 109.

что компонент R в (17) не является подлежащим. В самом деле, считать здесь ремю подлежащим — значит признать порядок слов инвертированным; но тогда должен существовать и прямой, а он невозможен. Это очевидно для примера (17а) — предложение, которое получается, если изменить линейно-интонационную структуру в (17а), неправильно: **Варвара была единственный, кто стал на нашу сторону*. Предложение *На удивление всем приезжающим, женщина была начальник станции* нельзя назвать неправильным, однако нельзя также и подобрать естественный контекст, в котором оно было бы уместно. Между тем правило о согласовании с идентифицирующим компонентом объясняет все предложения примера (17) вполне.

Такое же объяснение «обратного согласования» в примере (1) — *Его кабинет была большая, очень высокая комната*: это предложение таксономической идентификации, и связка согласуется с идентифицирующим компонентом. То же касается предложений (6а) — (6г), где компонент R выражает таксономическую категорию компонента Т, так что связка естественно согласуется с идентифицирующим компонентом.

В предложении *Этруски были / был народ, живший в древние времена на Западе Италии* согласование связки колеблется. По-видимому, дело в том, что слово *этруски*, как и другие этнонимы, топонимы, антропонимы и прочие «онимы», допускает двоякое понимание: одно обычное референтное, а другое — как бы автонимное, то есть в роли чистого ярлыка. При этом втором понимании согласование идёт с компонентом R, поскольку только он обеспечивает объекту таксономическую идентификацию. А при референтном понимании связка согласуется со словом *этруски* как с подлежащим. То же в предложениях *Эбла был город в Передней Азии*; *Бургундия было герцогство во Франции* и т. п.

Во всех этих примерах синтаксическая атрибуция компонентов вызывает сомнение — скорее всего, эти БП следует трактовать как синтаксически неопределённые. Назвать один из компонентов в этих предложениях подлежащим, а другой — предикативом значило бы, помимо всего прочего, усложнить правила согласования связки.

Остаются непонятными предложения примера (18) (в которых, как и прежде, разрядкой выделено то слово, с которым согласована связка). В самом деле, мы видим, что связка здесь согласуется с тематическим компонентом, хотя по смыслу он предикатив (это особенно ясно для предложения (18а) — прошедшее время здесь понимается в ретроспективном значении, то есть речь идёт о бытии

столицей как о временном состоянии города, а не о столице как отдельной субстанции):

- (18) а. Столица была (*был) тогда *Петроград*;
 б. Третья стадия была (*был) *страх*;
 в. Их удел был (*была) *бедность*;
 г. Его цель всегда была (*было) *служение* людям;
 д. Его тема была (*был) *русский театр*;
 е. Важный для него момент был (*было) *возвращение* в Москву;
 ж. Его дело было (*были) *сатирические фельетоны*
 (В. Катаев).

Согласование в (18) не подчиняется правилу о подлежащем, поскольку подлежащим (оно выделяется курсивом) здесь является компонент R. Но и правило об идентифицирующем компоненте здесь тоже не работает. При перестановке компонентов, когда устраняется тематическая инверсия, связка во всех этих предложениях будет согласовываться с подлежащим (например: *Петроград был тогда столица*), так что тематическая инверсия заведомо безразлична для согласования.

4. Заключение

Проведённый анализ показывает, что в БП, выражающем предикацию, ясно различаются подлежащее и сказуемое, и связка в норме согласуется с подлежащим, независимо от того, является ли это подлежащее тематическим компонентом предложения или рематическим. В БП, выражающем идентификацию, когда синтаксическая атрибуция членов БП становится неопределённой, основная тенденция — согласовывать связку с идентифицирующим компонентом. Имеются факторы, которые определяют согласование независимо от синтаксического значения, выражаемого биноминативной конструкцией:

- а) местоимения *это, то, кто* не участвуют в согласовании, так что согласование определяется родом и числом второго компонента — см. пример (7); иначе можно представить дело так, что в БП эти местоимения, каким бы членом предложения они ни являлись, перенимают согласовательный род и число от второго компонента;
 б) компонент БП не участвует в согласовании связки, если он употребляется в роли чистого ярлыка (как бы автономно), — см. примеры (9), (10);

в) непреодолимое препятствие для участия компонента БП в согласовании связки — пауза, отделяющая его от связки, — см. пример (13).

Невозможность выбрать морфологическую форму связки в конфликтной ситуации — при рематическом подлежащем и тематическом предикативе — может быть сама по себе фактором, препятствующим построению БП и требующим творительного предикативного.

Литература

- [Арутюнова 1976] Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М.: Наука, 1976.
- [Ахманова 1966] Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
- [Булаховский 1954] Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. — М.: Учпедгиз, 1954.
- [Грамматика 1954] Грамматика русского языка. — Т. II. — Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- [Грамматика 1970] Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970.
- [Дурново 1929] Дурново Н. Повторительный курс грамматики русского языка. — Вып. II: Синтаксис. — Ч. 1. — М.—Л.: Госиздат, 1929.
- [Есперсен 1958] Есперсен О. Философия грамматики: Пер. с англ. — М.: ИЛ, 1958.
- [Иванов 1979] Иванов Вяч. Вс. Категория определённости-неопределённости и шифтеры // Категория определённости-неопределённости в славянских и балканских языках. — М.: Наука, 1979. — С. 90—118.
- [Ковтунова 1976] Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М.: Просвещение, 1976.
- [Падучева 1985] Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. — М.: Наука, 1985.
- [Падучева 1987] Падучева Е. В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория: Сборник научных трудов. — М.: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. — С. 152—163.
- [Падучева, Успенский 1979] Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения

подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1979. — Т. 38. — № 4. — С. 349—360. — [Публикуется в настоящей книге на с. 271—289].

[*Пешковский 1938*] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — Изд. 6-е. — М.: Учпедгиз, 1938.

[*Ревзин 1973*] *Ревзин И. И.* Некоторые средства выражения противопоставления по определённости в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. — М.: Наука, 1973. — С. 121—137.

[*Шмелёв 1976*] *Шмелёв Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — М.: Наука, 1976.

[*Crockett 1976*] *Crockett D. B.* Agreement in contemporary standard Russian. — Cambridge, MA: Slavica, 1976.

«Поп Гапон» — фамилия или имя?

Во время недавнего визита Клинтона в Москву популярный радиоканал «Эхо Москвы» дал информацию о посещении гостем храма Христа Спасителя. Диктор произнёс: «Президента США сопровождал протоиерей Даниил, а также высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел Олег». Вы не поверите, и будете правы: вторую часть фразы, про сопровождающего сотрудника, я выдумал. Однако первая часть, в которой говорится о протоиерее, действительно прозвучала в эфире 4 июня 2000 года. Вторая часть фразы грамматически правильна; почему же она вызывает у слушателя и читателя отторжение? Ответ очевиден: в данном контексте употребление имени без фамилии стилистически недопустимо. Но ведь употребление без фамилии имён представителей белого, то есть немонашеского, духовенства (а именно к такому духовенству и принадлежат протоиереи) недопустимо в тех же самых контекстах!

Другой пример. 9 июня телевидение показало православного священника, но не монаха, совершающего богослужения и требы для российских войск в Чечне. Комментарии давал подполковник Владимир Ильин, и было бы странно увидеть в титрах «подполковник Владимир». Однако надпись «отец Александр» (без фамилии), появившаяся в титрах применительно к указанному священнику, скорее всего, не вызвала протеста у большинства телезрителей — не вызвала потому, что это большинство уже приучено нашими СМИ к подобной стилистической безграмотности.

К концу горбачёвской перестройки исчезли многие запреты; тогда на печатные страницы, на радио- и телеприёмники обрушился вал упоминаний о событиях церковной жизни. Тут оказалось, что за 70 лет забыли, как грамотно говорить на эти темы. Дело дошло до того, что слово «Гапон» в словосочетании «поп Гапон» стало восприниматься

Под заглавием «Поп Гапон задаёт задачи» и с сокращениями опубликовано в газете: Известия. — № 233 (25825)-М. — 10 декабря 2000 года. — С. 8.

как личное имя — тогда как на самом деле это фамилия отца Георгия Гапона. А ведь именовать священника по фамилии (и притом с полным почтением) вполне допустимо: «Отец Криницкий» — так обращался к своему духовнику император Николай I.

Как известно, православное духовенство делится на монашествующее, или чёрное, и немонашествующее, или белое. При пострижении в монахи (точнее, в малую схиму) человек получает новое, монашеское имя. Монашеское имя не сочетается ни с отчеством, ни с фамилией. Если для целей идентификации требуется указать прежнее, мирское именование, то такое именование приводится в скобках. Например, об известном русском церковном деятеле и учёном: «митрополит Макарий (в миру — Михаил Петрович Булгаков)» или совсем кратко «Макарий (Булгаков)». Но так — только о монахах. При употреблении же имён священнослужителей, не являющихся монахами, эти имена надлежит сопровождать фамилиями ровно в тех же случаях, в коих такое сопровождение уместно для мирян, то есть для лиц, не принадлежащих к духовному званию. И заключать в этих случаях фамилию в скобки не следует — совершенно так же, как не следует писать «подполковник Владимир (Ильин)». А ведь эти нелепые скобки при фамилиях белого духовенства можно встретить и в изданиях, считающих себя респектабельными.

Можно ли надеяться, что с помощью телевидения, радио, газет (и, прежде всего, уважаемой газеты «Известия») в русский язык вернутся формировавшиеся веками нормы именования духовных лиц?

Добавление от марта—апреля 2012 года

Утро 1 марта 2012 года, 9 утра без нескольких минут или секунд. Уважаемая радиостанция «Эхо Москвы» сообщает о предстоящих передачах. Сообщается, что «Утренний разворот» будут вести Владимир Варфоломеев и Ирина Воробьева. И тут же бодрый женский голос говорит, что новую передачу «Читая книгу» ведёт настоятель храма мученицы Татьяны отец Максим. Заглядываю на соответствующий сайт: <http://www.echo.msk.ru/programs/kniga/>. Там правильно: «отец Максим Козлов». Но вот почему-то сказать непременно надо неправильно! А ведь про «Утренний разворот» тоже могли бы сказать, что его будут вести Владимир и Ирина, но так почему-то не сказали, а указали их фамилии.

1 апреля 2012 года в программе «Без дураков», которую на «Эхе Москвы» ведёт основатель и первый главный редактор этой радиостанции Сергей Львович Корзун выступил Андрей Вячеславович Кураев, известный московский протодиакон. Вот начало беседы:

С. Корзун: Всем добрый вечер. Сергей Корзун — это я, мой гость сегодня — Андрей Кураев, протодиакон, профессор Московской духовной академии. Я к вам корректно обращаюсь, как мирянин, или допустил какую-то некорректность?

А. Кураев: Такая форма обращения была принята в дореволюционной России — к священникам в светском обществе обращались по имени-отчеству <...>. ...Как вам удобнее, в отцы навязываться никому нельзя — это точно.

С. Корзун: А канонически? Ваши друзья как вас называют?

А. Кураев: Неканонично — отец Андрей. Нет канона, который бы предписывал, что к священнослужителю нужно обращаться именно так — это фамильярность, но добрая фамильярность. Это предполагает, что наши отношения строятся по модели семьи — братья, сестры, чада. Конечно, много возникает дурных ассоциаций на этой фамильярности — она может быть доброй и семейной, а может быть лицемерной, — бывает и то, и другое. Но это не каноны. А если канонически: ваше преподобие, — с этого начинается. В 1988 году была первая встреча Церкви и интеллигенции, это было в Доме Литераторов, выступал митрополит

Питирим Волоколамский, который позже стал одним из соучредителей Фонда культуры вместе с Лихачёвым. Митрополит сделал доклад о тысячелетии крещения Руси, аудитория внимательно, но отстранённо слушала, и первый вопрос был таков: уважаемый докладчик, как к вам обращаться? На что митрополит ответил: «Обращайтесь просто: Ваше высокопреосвященство». Это канонично. А обращение «отец», «владыка» — это вне канонов, но уже личностный оттенок, и естественно, его требовать нельзя.

Субъективные заметки о неправильной норме

«Что есть истина?»
От Иоанна, 18:38

1. Вступление. — 2. Как орфография может дурно влиять на орфоэпию. — 3. Неправильная акцентуация собственных имён. — 4. Становление неправильной синтаксической нормы. — 5. Неправильная смысловая норма? — 6. Неправильный речевой этикет. — 7. Ное-что о языковых клише. — 8. Норма знания и мифологическая картина мира. — 9. Параллельные прямые в мифологической картине мира. — 10. Заключение.

1. Вступление

Эти заметки написаны по следам доклада «Может ли норма быть неправильной?», сделанного автором этих строк 26 февраля 2006 года в Институте русского языка РАН на VII Шмелёвских чтениях, посвящённых проблемам языковой нормы. И прежде всего мне хотелось бы поблагодарить всех участников Чтений, поддержавших доклад своим присутствием, в особенности же тех, кто задавал вопросы и выступил с критическими замечаниями. Вопросы и замечания помогли докладчику лучше уяснить, что, собственно, он имел в виду сказать.

Заметки названы субъективными по двум причинам. Во-первых, достаточно субъективно само понятие языковой нормы — а в ещё большей степени понятия правильности и неправильности. Во-вторых, называя заметки «субъективными», автор пытается тем самым уйти от ответственности — ведь он и сам имеет лишь весьма приблизительное представление о том, что такое норма и что такое быть правильным. Цель заметок не столько в том, чтобы дать ответы на какие-либо вопросы, сколько в том, чтобы вопросы задать.

Один из вопросов, которые я давно мечтаю задать — только не знаю, кому, — касается не языковой, но близкой к ней нормы, а именно нормы издательской. Возьмите в руки любой сборник с

Опубликовано в сборнике: Русский язык сегодня. — Вып. 4: Проблемы языковой нормы: Сб. статей / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Отв. ред. Л. П. Крысин. — М., 2006. — С. 537—571.

затекстовыми комментариями. Скорее всего, вы обнаружите эти комментарии не после каждой отдельной статьи, а в конце всего сборника в целом, хотя нумерация комментариев будет для каждой статьи своя. То же происходит и в случае разбитой на главы книги: нумерация комментариев для каждой главы своя, но все они собраны вместе в конце. Оглавление же содержит только указание страниц статей или глав, но никогда — страниц комментариев к ним. Если вы читаете статью или главу, найти по цифре комментария сам комментарий не так-то просто. Это — классический пример неправильной нормы. Удивительно, что так называемое «интеллектуальное сообщество» не восстаёт против такой нормы, требующей от читателя неоправданной затраты времени. На ум приходит банальное объяснение: комментарии никто не читает.

Вернёмся, однако, к языковой норме, каковой и посвящены настоящие заметки. Вопрос, что в языке является нормой, а что таковой не является, достаточно труден. Вот один из возможных ответов: норма есть то, что зафиксировано кодификаторами. Однако такой ответ порождает новые вопросы, и, прежде всего, следующие два. Где гарантия, что кодификаторы лишь фиксируют наблюдения, а не навязывают языку свою точку зрения? Кто назначает, утверждает, лицензирует и т. п. кодификаторов?

Возьмём для иллюстрации такой авторитетный и распространённый справочник, как МАС — так называемый «Малый академический словарь», точное название коего таково: «Словарь русского языка в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой». Словарь выдержал несколько изданий и имеется в Интернете по адресу <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc>. Словарь, безусловно, очень полезный (хотя автор этих строк — возможно, в силу возраста — и предпочитает словарь Ушакова). Посмотрим, однако, как в этом словаре толкуются, в одном из своих значений, слова «у» и «э»:

У¹, *нескл., ср.*, название двадцатой буквы русского алфавита;

Э¹, *нескл., ср.*, название тридцать первой буквы русского алфавита.

Таким образом, в промежутке между буквами У и Э должно находиться десять букв, с 21-й по 30-ю; но сколько раз ни пересчитывай буквы эф, ха, це, че, ша, ща, ер, еры, ерь, — их набирается всего только девять. Было бы интересно услышать аргументацию тех, кто считает нормой приведённые словарные толкования (несомненно, составленные кодификаторами). Несколькими абзацами ниже мы укажем предположительную причину, по которой буквы У и Э оказались, соответственно, двадцатой и тридцать первой.

Автор склоняется к тому, что понятие нормы имеет в своей основе статистику: если «так говорит» или «так понимает» абсолютное большинство носителей языка, то это и есть норма. С противопоставлением правильно—неправильно дело обстоит сложнее: единого ответа на вопрос «Что есть истина?» дать, по всей видимости, невозможно. Тем не менее, каждый отдельный пример устного или письменного словоупотребления допускает оценку (скорее всего, субъективную) по шкале правильно—неправильно. Тогда, хотя бы теоретически, возникает возможность неправильной нормы, когда нечто неправильно, но все так говорят. На наш взгляд, такие примеры реально встречаются на всех этажах языка.

Так, про каждого, кто предлагает какие-нибудь реформы орфографии, можно сказать, что он считает действующие орфографические нормы неправильными. Например, некоторые находят неправильным нормативное написание *исподтишка*; по их мнению, оно столь же непоследовательно, как *изпоттишка*, а последовательным был бы один из двух вариантов: *изподтишка* или *испоттишка*.

Других возмущает семантическая норма. Они не могут примириться, скажем, с тем, что семантический компонент 'пополнить' включён в набор смыслов (да ещё едва ли не в качестве главного смысла) глагола *поправиться*. Это какой-то нонсенс, сетуют они: ведь если понимать *поправиться* в смысле 'поправить здоровье', то, как всем известно, с этой оздоровительной целью надо худеть, а не толстеть.

Мы начнём с примеров неправильной орфоэпической, или произносительной, нормы. На этих примерах мы попытаемся продемонстрировать два фактора, способствующие возникновению и удержанию такой нормы. Эти два фактора суть неправильная орфографическая норма и те средства массовой информации, которые используют звук, — то есть радио и телевидение, но не только.

2. Как орфография может дурно влиять на орфоэпию

Казалось бы, орфография не может и не должна влиять на орфоэпию, нет у неё такого права. Мне всегда объясняли, что одна из целей орфографической нормы как раз и состоит в том, чтобы закрепить норму орфоэпическую. И что никакие реформы в области орфографии не могут привести к изменению произношения. Вспоминаю в связи с этим яростные дискуссии, всколыхнувшие общество, когда в 1964 году на широкое обсуждение была предло-

жена реформа орфографии русского языка. Выпущенный Институтом русского языка АН СССР в 1965 году фолиант «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)» интересен и информативен, но не может дать представления о накале страстей. Среди предложений 1964 года, вызвавших у оппонентов особое неприятие, назову три: 1) вместо *мышь* писать *мыш*; 2) вместо *заяц* писать *заец*; 3) вместо *огурцы* писать *огурци*. (Из этих предложений мне симпатично лишь второе, хотя именно оно было осмеяно в популярном некогда фильме «Тридцать три». А про третье говорили так: *я этих огурцей есть не буду*.) Но даже и возражатели соглашались, что первые два предложения безопасны в орфоэпическом отношении. Однако принятие третьего предложения могло бы, по распространённому мнению (см. с. 137 названной книги), привести к появлению в инвентаре русских звуков мягкого звука [ц'] (примечательно, что МАС как бы опасается того же и потому название буквы Ц даёт не в написании *це*, а в написании *цэ*). Мне такой сценарий представляется весьма вероятным (и тогда возник бы эффект неправильной произносительной нормы), но, разумеется, доказать его реальность я не могу. Можно, однако, привести примеры того, как неправильная, но нормативная, орфография приводит к неправильному, но становящемуся нормативным, произношению.

Неправильная орфографическая норма, о которой здесь идёт речь, состоит в неразличении на письме букв *е* и *ё*. ●●► И вот уже слышно (в августе 2009 года), как диктор телевидения произносит *перекресток* (а не *перекрёсток*) — правда, всего только в применении к сети магазинов «Перекрёсток», а не к пересечению дорог. Причина понятна — на вывесках нет умляута над буквой, так что *ё* (с умляутом) в название магазинов только что незаконно вставил автор этих строк. Пока ещё сами магазины сопротивляются замене *ё* на *е* в произношении — но именно в произношении, а не в написании. Об этом свидетельствует нижеследующий диалог Эдуарда Воротникова, корреспондента газеты «Известия», с замдиректора магазина «Перекрёсток» в Бибиреве Ириной:

- Алло, это «Перекресток»?
- «Перекрёсток»!
- Нет, «Перекресток». У вас так на вывесках написано.
- Это равнозначимые буквы.
- А министр образования говорит, что «ё» ничто не заменит. Или никто не заменит?
- Мне бы его проблемы.

— А если к вам опять президент зайдёт и на «е» внимание обратит, то поменяете?

— Вот и приезжайте с президентом...

— Тогда я в ваш магазин не буду ходить, я в «Пятёрочку» буду. У них «ё» на вывесках!

Диалог приведён в заметке «Хотим не только „окать“, но и „ёкать“», опубликованной в разделе «Общество» на 8-й странице газеты «Известия» № 155 от 26 августа 2009 года. Заметка сопровождается чем-то вроде послесловия под названием «Всё очень серьЁзно». Приведём цитату из этого текста:

...Преподаватель из Калининграда Владимир Ежиков (так напечатано в паспорте) не может получить в наследство от мамы дом и 12 соток. Так как материнство указано в его свидетельстве о рождении, где он записан как Ёжиков. То есть с точки зрения буквы закона это другой человек. А жительница Зеленоградска не может получить материнский капитал, так как её дочери записаны в свидетельствах о рождении Снегиревыми. И Пенсионный фонд, выдающий капитал, не считает их её детьми. Мама-Снегирёва является таковой по общегражданскому и загранчному паспортам, а Снегиревой — по свидетельству о браке, а также по свидетельствам о рождении детей. Дочери вписаны в материнский паспорт также через «е».

◀●●

Поэтому вопрос о том, какое мнение о календарях хотел высказать устами Анфисы Ниловны Хлёстовой Грибоедов: они врут *все* или они врут *всё*, — этот вопрос нельзя считать полностью закрытым. Поэтому Палашёвские переулки и Шебашёвский проезд в Москве уже почти все, кроме старых москвичей, называют Палáшевскими и Шебáшевским с переносом ударения с третьего слога на второй. ●●► Да что там Палашевский и Шебашевский! Уже можно услышать и «Хорошевское шоссе». ◀●● Коктебель все поголовно называют Плáнерским с ударением на первом слоге: «Словарь русской транскрипции географических названий» с его орфограммой Планёрское читают единицы, а надпись ПЛАНЕРСКОЕ на столбе при въезде в посёлок читают все. Кто ж на таких надписях пишет Ё! И трафарета-то для этой буквы, наверное, нет. Да и произношение *плáнер* стало признаваться словарями как допустимое, а ведь сравнительно недавно позволялось только *планёр*; убеждён, что орфография сыграла в этом движении ударения немаловажную, если не решающую, роль. (Надо сказать, что хтонические власти относятся с

большим уважением к букве ё, нежели власти наземные. Станция метро — Щёлковская, но шоссе, разумеется, Щелковское.) Не знаю, повлияла ли орфография на то, что вместо *не ровён час* с ударением на ё, как учат нас словари, большинство говорит *не ровен час* с ударением на о.

Какое название своего романа имел в виду Достоевский: «Унижённые и оскорблённые» или «Униженные и оскорблённые» (с ударением на *и* в первом слове)? В первом случае — прилагательное со значением 'забитый, угнетённый', во втором, как главное значение — страдательное причастие от глагола *унизить*, и лишь как дополнительное — синоним к *униженные*. ●●► Как надлежит понимать русское, в переводе с французского, название рассказа Эрика-Эмманюэля Шмитта «Совершенное преступление»? Как то, что преступление совершено, или что оно совершенно? ◀●●

●●► Все, кого я ни спрашивал, отвечали, что писатель Шолохов жил в станице Вешенской. Лишь купив в ноябре 2007 года на московском рынке мёд у пчеловода из этой станицы, я узнал, что она называется Вёшенская. А через год я купил в магазине литровую бутылку нерафинированного подсолнечного масла со сроком годности 4 месяца и неуказанной датой разлива. Неудовольствие было превышено удовольствием — названием «Вёшенская». Как я был рад! Изготовитель И. [индивидуальный] П. [предприниматель] Конкин А. Н. Но «юридич. адрес»: Ростовская область, станица Вешенская — без умляута. И это правильно: с умлаутом эту станицу не найдёшь ни в атласах, ни в справочниках почтовой индексации (напишешь с умлаутом — и письмо не дойдёт). Помимо этикетки на бутылке с маслом слово «Вёшенская» с умлаутом мне удалось увидеть ещё только на с. 28 утверждённого Министерством просвещения РСФСР и Главным управлением геодезии и картографии Министерства внутренних дел СССР «обязательного пособия»: Словарь русской транскрипции географических названий. — Ч. 1: Географические названия на территории СССР / Сост. М. Б. Волостнова. — М.: Учпедгиз, 1955. — 132 с. (В октябре 2010 года в той же палатке на рынке торговал не сам пчеловод, а брат его снохи. Я спросил его, как жители его станицы её называют. Он ответил «Вёшки» и даже привёл народную этимологию — от слова «вехи».) А 8 июля 2006 года в хорошей передаче «Народного радио», посвящённой старым московским ручьям и речкам, Новосущёвская улица, по которой от Марьиной рощи текла река Неглинка была названа Новосущевской. Боюсь, вскоре появятся и Сущевская улица и Сущевский вал — хорошо ещё, если не Сүщевские. ◀●●

Произносить *Гёринг* и *Монтескьё* ничуть не труднее, чем *Геринг* и *Монтескье*. Но поскольку умляutom у нас на письме принято пренебрегать, то эти и иные иностранные фамилии в большинстве случаев произносятся неправильно, с *е*, а не с *ё*, что было бы правильным; разве что Гёдель и Гёте служат здесь приятными исключениями (оказывая сопротивление самому Пушкину, который во второй главе «Евгения Онегина» рифмует *Гете* и *свете*).

Давно известно, что если в словаре стоит одна из двух помет: «*не рек.*» или «*неправ.*», то помета эта сообщает, что большинство именно так и говорит, то есть, что реализуется неправильная орфоэпическая норма. Например, пометой «*неправ.*» снабжены произносительные варианты *афёра* и *осёдлый*.

Абсолютное большинство произносит фамилию шахматного чемпиона как *Алёхин*, тогда как он на самом деле *Алехин* (и обижался, когда его называли Алёхиным, искажая его подлинную дворянскую фамилию). Абсолютное большинство произносят фамилию героя «Анны Карениной» как *Левин*, тогда как надо *Лёвин* (надо полагать, от *Лёва*; да и сам Толстой называл себя не *Лев*, а *Лёв*).

Смешение русской фамилии *Лёвин* и еврейской фамилии *Левин* было использовано И. Грековой в её замечательном романе «Свежо предание», написанном в 1962 году и впервые опубликованном в 1995 году. В части 4 (на с. 187—195 российского издания 1997 года) описывается эпизод, происходящий в октябре 1949 года в разгар развёрнутой в СССР борьбы с космополитизмом и с так называемым «низкопоклонством перед Западом». Герой романа Константин Исаакович Левин подвергается проработке на открытом партийном собрании своего НИИ. На собрании звучат, в числе прочих, такие слова: «А Левин? Засоренец, сын врага народа, безродный космополит, который не постеснялся замарать священное для нас имя толстовского героя...».

Теперь обещанная догадка о причине той противоречивой нумерации русского алфавита в МАС, о которой говорилось выше, в разделе 1. То, что в русском алфавите 33 буквы, общеизвестно; поэтому буквы Я, Ю и Э получили, соответственно, номера 33, 32 и 31. Заметим, что 33 буквы русского алфавита включают и букву Ё. Однако при подсчёте порядкового номера буквы У две буквы, Е и Ё, были, как это водится, отождествлены, то есть засчитаны за одну; поэтому буква У получилась не 21-й, как следовало бы, а 20-й. При таких последствиях, можно ли и далее терпеть неразличение букв *ё* и *е*? «Какое ещё нужно нам свидетельство?» (от Луки, 22:71).

И ещё на тему буквы ё. Словари обычно не ставят над этой буквой знака ударения, полагая, что умляют (то есть горизонтальное двоеточие) несёт на себе функцию акута. Но это просто неверно, что видно хотя бы на примере слова *трёхпалый*. Чтó уж говорить об именах собственных: название норвежского острова Квалё и фамилия венгерского поэта Петёфи имеют ударения, соответственно, на первом слоге, а фамилия французского актёра Монфлёр — на последнем. И что делать, если ё встречается в слове дважды, как, например, в слове *трёхрублёвый*? Самый же простой контрпример образуют слова типа *трёхпалый*, *трёхтомный*. (Неужели их надлежит читать с ударением на первом слоге?) В Венгрии есть город Хайдубёсёрмень. Где ударение в его имени?

Отсутствие в акцентуированных текстах ударений над буквой ё есть типичный пример неправильной нормы.

Вообще, простановка ударений в письменном тексте — это особая, и также болезненная, тема. Отсутствие в орфографической норме обязательного указания ударения не может не приводить к распространению неправильного произношения, то есть к становлению неправильной акцентуационной, или произносительной, нормы. Об этом мы поговорим в следующем разделе.

3. Неправильная акцентуация собственных имён

Дореволюционные российские и первые советские энциклопедии не считали нужным указывать ударения даже в заглавиях энциклопедических статей. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) начала указывать ударения в заглавных словах начиная со своего второго издания — а точнее, с вышедшего в 1951 году седьмого тома этого издания. Так что какая-то позитивная тенденция всё же есть. Можно представить себе, что когда-нибудь в будущем ударная гласная будет выделяться цветом — сперва на экранах компьютеров, а потом и в текстах на бумаге (или её заменителе), если таковые тексты к тому времени ещё останутся. Кстати, основоположник русской орфографической мысли Тредиаковский непременно ставил акут там, где его отсутствие могло привести к двусмысленности — даже в тех случаях, когда двусмысленность очевидным образом устранялась контекстом; так, он писал: *ни одного слова и всь односложныя слова*.

Произношение *ходатáйство* с ударением на третьем слоге помечено в Орфоэпическом словаре 1985 года под редакцией

Р. И. Аванесова как грубо неправильное. В силу сказанного выше, нас уже не должно удивлять, что помета эта служит сигналом того, что именно так и говорит большинство, создавая тем самым неправильную произносительную норму. Значительную долю ответственности за эту неправильную норму несёт телевидение, где часто можно услышать именно такое произношение. А ведь произношение подобных редких и учёных слов многие как раз из телевидения и узнают. Той же пометой «*грубо неправ.*» следовало бы снабдить и произношение *Алѣксій*, если бы таковое попало в словари. И здесь опять возникает ответственность радио и телевидения: *патриарх Алѣксій* — такое ударение в имени патриарха можно услышать на любом радио- или телеканале.

Время от времени нам сообщают, что такой-то выиграл процесс о защите своих чести и достоинства (хотя и не сообщают, чем честь и достоинство отличаются друг от друга и возможен ли процесс о защите только чести или только достоинства). Проигравшему процесс средству массовой информации судом вменяется в обязанность опубликовать соответствующее опровержение. Было бы справедливым, если бы такой порядок распространялся бы и на ущерб, нанесённый русскому языку. Скажем, радио- или телепрограмму, допустившую неправильное ударение, следовало бы обязать несколько раз огласить заявление с исправлением акцентуационной ошибки. Может быть, Институт русского языка им. Виноградова Академии наук мог бы взять на себя функцию истца?

Фамилию третьего председателя ВЦИКа абсолютное большинство произносят не с правильным ударением на втором слоге (*Свердлѡв*), а с неправильным ударением на первом слоге (*Свѣрдлов*). Абсолютное большинство произносит название знаменитой пьесы «*Макбет*» с ударением на первом слоге. Тем самым оба эти неправильные ударения становятся нормой русского языка. А уж фамилия изобретателя динамита и основателя самой престижной мировой премии, произносимая на его родном шведском языке с ударением на последнем слоге, прочно вошла в русский язык с ударением на слоге первом; в качестве компенсации русский язык переместил с первого слога на последнее ударение в его личном имени *Альфред*.

Шесть комментариев на тему слова *Макбет*.

1. Нет ли во всеобщем желании ударить слово *Макбет* на начальном слоге влияния акцентуации имени *Гамлет*? В одном из своих четверостиший Николай Глазков указывал, что невозможно, чтобы в словах *Байрон* и *Бальзак* ударения были различны — или уж *Байрон* и *Бальзак*, или *Бальзак* и *Байрон*.

2. Ответственность радио и телевидения за неправильное ударение в слове *Макбет* может быть доказана в беспристрастном суде на основе документов. Открываем «Словарь ударений для работников радио и телевидения», издание второе, переработанное и дополненное (М.: Советская энциклопедия, 1967; тираж 52 000). На с. 297 читаем: «*Ма́кбет*».

3. Не будем слишком высокомерны к тем, кто говорит *Ма́кбет*. Крайности иногда сходятся. Ведь тот, кто произносит *Пика́ссо* с ударением на среднем слоге — а Александр Герасимов (бывший в послевоенные годы главным среди художников СССР) вообще говорил *Пика́син*, — тот может делать это как по причине незнания того, что французы всегда ставят ударения на последний слог, так и по причине знания того, что Пикассо — испанец.

4. Те немногие, которые имеют в виду не имя шекспировского героя, а имя реального шотландского короля XI века, произносят его, скорее всего, с ударением на втором слоге.

5. Не исключено, что ударение на первом слоге в слове *Макбет*, рассматриваемом как слово русского языка, надлежит считать правильным. В самом деле, ведь нельзя же, скажем, считать неправильным ударение на последнем слоге в русских словах *Вашингтон* и *Веллингтон*. Когда с экранов телевизоров наши прокуроры сообщают, что уголовные дела *возбу́ждены*, а проходящие по ним лица *осу́ждены*, то не вполне ясно, следует ли считать неправильными и эти ударения. Смысл слов *возбу́ждены* и *осу́ждены* может и не совпадать со смыслом слов *возбужде́ны* и *осужде́ны*, а включать в себя некую российскую специфику правоприменения (злопыхатели называют эту специфику басманной).

6. Не слишком удивлюсь, если кодификаторы предложат такую русскоязычную норму: пьеса «*Ма́кбет*» с главным героем, которого зовут *Макбе́т*.

В последние годы появилось ещё одно средство массовой информации, помимо радио и телевидения, — а именно, звуковые объявления на транспорте. Они также вносят свою лепту в становление неправильной нормы. Автору этих строк знакома лишь ситуация в Москве; только о ней и будет здесь говориться. В трамваях и троллейбусах с огорчением приходится слышать об остановке «*улица Па́лиха*» вместо правильного «*улица Пали́ха*». Причины такого переноса ударения видятся в следующем. Когда советская власть занялась переименованием улиц, она разрушила не только традиционную семантику, но и традиционный синтаксис русских топонимов: *согласование заменилось управлением*. Иными словами, естественное

для русского языка снабжение слов «улица», «переулок», «шоссе» и т. п. согласующимися с этими словами прилагательными поменялось на управляемый этими словами родительный падеж (*Ленинский проспект* — приятное исключение). Например, 1) *Поварская* улица стала улицей *Воровского*, 2) *Брюсов* переулок стал улицей *Неждановой*, 3) *Моховая* улица стала частью проспекта *Маркса*, 4) улицы *Тверская* и *1-я Тверская-Ямская* объединились в улицу *Горького*. То же происходило и с площадями: *Театральная* площадь стала площадью *Свердлова*, а *Кудринская* — сперва, в 1919 году, площадью *Эжена Потье*, а затем, в 1925 году, площадью *Восстания*. Так в именах улиц, переулков и площадей появился не свойственный им родительный падеж — в том числе и в таких названиях, как улица *Коккинаки* (а ведь какое прелестное название эта улица имела до 1985 года: *Пнёвая!*).

Четыре отступления на тему родительного падежа в названиях улиц.

Отступление первое. Следует всё же признать, что родительный падеж в названиях улиц не был изобретением Советской власти. Это достойное сожаления явление стало появляться с конца XIX века, а то и раньше (сообщение В. М. Алпатова). Так, в Петербурге в 1892 году Никольская улица была переименована в улицу Глинки, а в 1902 году Малая Итальянская и Малая Морская — соответственно в улицу Жуковского и улицу Гоголя (в 1993 году название «Малая Морская» возвращено). А такие названия петербургских улиц, как *улица Подрезова* и *улица Полозова*, считаются известными с XVIII века; можно полагать, однако, что тогда они именовались *Подрезовой улицей* и *Полозовой улицей*. ●► Если верить Википедии, Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга рекомендует для них исторически сложившиеся варианты в форме притяжательного имени прилагательного: *Подрезова улица*, *Полозова улица*. ◀●● Но только после революции родительный падеж стал повсеместным и систематическим. Например, улица *Гаврикова*, составляющая ныне часть Третьего транспортного кольца Москвы, в XIX веке была *Гавриковским* переулком, улица *Буженинова* в XVIII веке была *Бужениновской*¹; думается, что оба названия сохранялись вплоть до революции.

¹ «В начале улицы был построен дом любимца Петра, сержанта бомбардирской роты Преображенского полка Степана Буженинова, сына служки Новодевичьего монастыря. Название „Бужениновская“ закрепилось в середине XVIII века, а прежде её именовали улицей „от съезжей избы“, так как поблизости находилась канцелярия Преображенского полка — съезжая изба, именовавшаяся также Генеральным двором и Преображенским приказом». (История московских районов: Энциклопедия / Под ред. К. А. Аверьянова. — М.: АСТ, 2005.)

Отступление второе. Не свойственный русской топонимической традиции родительный падеж иногда приводил к проблемам (чтобы не сказать — к курьёзам). Когда в 1939 году погиб дважды Герой Советского Союза Сергей Иванович Грицевец, в его память был переименован Большой Знаменский переулок, каковой получил уродливое название *переулок Грицевец*. Никто не был готов взять на себя ответственность за выбор одной из двух форм родительного падежа: *Грицевца* или *Грицевца*. Проще было объявить это слово несклоняемым. В 1951 году статус переулка был повышен до статуса улицы, и возникла *улица Грицевец*. В истории отечественного языкознания эта улица отмечена тем, что именно на ней в 1957 году состоялся первый в нашей стране достаточно представительный форум, на котором прозвучали идеи новой лингвистики и семиотики (см. об этом параграф «Лаборатория электро моделирования и совещание на улице Грицевец. ВИНТИ» в моей статье «Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: Как это начиналось (заметки очевидца)», см. с. 314—320 настоящей книги). Лишь в 1985 году улица Грицевец была переименована в *Грицевецкую улицу*. Наконец, в 1993 году этой многострадальной улице было возвращено её прежние название и статус, и теперь она снова стала *Большим Знаменским переулком*.

Отступление третье. Предпринятое Советской властью разрушение русской топонимической нормы — и, тем самым, становление неправильной нормы — продолжилось, к сожалению, и в постсоветское время, причём иной раз с уничтожением даже того правильного синтаксиса, который совластью был сохранён. Возьмём, для примера, ту улицу, которая до 1919 года носила имя *Воронья*. Когда в 1919 году некоторые улицы были переименованы в честь Ленина — но как бы с застенчивостью, без прямого использования слова *Ленин*, — то Николо-Ямская улица (тогда она писалась с дефисом) получила название *Ульяновской* в честь подлинной фамилии Ленина, а Воронья улица была переименована в *Тулинскую* в честь одного из ленинских псевдонимов: *К. Тулин*. Мы видим, что в 1919 году традиционный синтаксис в названиях улиц ещё сохранялся хотя бы иногда. Но вот наступил 1992 год, и Тулинская улица была переименована в свой черёд. Теперь она получила такое имя: *улица Сергея Радонежского*. Переименователи, скорее всего, искренне полагали, что таким образом они способствуют возвращению исконных русских традиций. Кажется, что название *Сергиевская улица* больше соответствовало бы этим традициям.

Отступление четвертое. Впрочем, курьёзы могут возникать и при восстановлении исконного способа обозначения притяжательности в названиях улиц — прилагательного вместо родительного падежа. Так, в подмосковной Малаховке существовала — а скорее всего, и существует — *Третья Интернациональная улица*, при том, что ни Первой, ни Второй обнаружить мне не удалось. Ясно, что когда-то эта улица была названа в честь Третьего Интернационала. Таким образом, её нынешнее название, в силу сохранившейся ещё (что приятно) в лингвистической памяти народа правильной нормы, естественным образом произошло из первоначального (и неправильного!) названия *улица 3-го Интернационала*. А вот противоположный пример: в Москве в 1925 году состоялось переименование *Старой Басманной улицы* в *Марксову улицу*. В чисто лингвистическом плане новое наименование было совершенно правильным (политический и социальный аспекты переименования мы оставляем в стороне). Однако в 1942 году улица была вторично переименована — на этот раз, в соответствии с установками советского новояза, в *улицу Карла Маркса*; название держалось вплоть до 1990 года, когда снова возникла *Старая Басманная*. Изложенные примеры показывают, что народное сознание всё-таки борется с навязываемым Властью искажением языка и иногда побеждает (как в Малаховке), но когда Власть замечает непорядок, она вмешивается и тогда, разумеется, побеждает она (как в 1942 году в Москве).

Вернёмся, однако, к произнесению **улица Пáлиха* и попытаемся найти его истоки. Всё дело в том, что родительный падеж, навязанный большинству урбанонимов, привёл к тому, что он стал мерещиться и там, где его на самом деле не было. Так, *Мишина улица* стала восприниматься названною в честь какого-то Мишина. На самом же деле входящая в состав её наименования словоформа *Мишина* является не существительным в родительном падеже, а притяжательным прилагательным женского рода в именительном падеже, подтверждением чему служит соседствующий с нею *Мишин проезд*². Сходным образом и улица Палиха стала восприниматься как названная в честь некоего Пáлиха. Разумеется, в действительности

² Некоторые из обитателей улицы Мишина разъяснили мне, что она названа по имени некоего забытого ныне Миши, когда-то тут проживавшего. Другое объяснение содержится на с. 269—270 справочника: Имена Московских улиц. — Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под общей редакцией А. М. Пегова. — М.: Московский рабочий, 1975. Там, а также на сайте http://sav.sao.mos.ru/guests/streets#street_17 сказано, что Мишины улица и проезд, расположенные вблизи Верхней Масловки, ранее назывались Михайловскими (вероятно, по фамилии одного из домовладельцев), а в 1922 году

мифический Пáлих тут ни при чём, а название *Палíха* образовано по типу названий *Плющíха* и, по некоторым сведениям, возникло в результате деформации более раннего названия *Полíха*.

Собственные имена занимают в языке особое место. Обнаружение их правильной акцентуации зачастую бывает затруднительным. Поэтому включение знака ударения в орфограммы собственных имён представляется совершенно необходимым. И надо бы это сделать, пока не поздно. Потому что ударения в фамилиях в некоторых случаях можно узнать только от современников (как, скажем, в случае тех Ивановых, которые не присутствуют в энциклопедических словарях). Да и современники, бывает, ударяют одну и ту же фамилию по-разному. Именно так происходит с фамилиями двух высших российских чиновников: Д. Н. Козака и С. К. Шойгу — по радио и по телевидению каждую из этих фамилий ударяют то на первом, то на втором слоге. ●●► 12 июня 2008 года мне представилась возможность спросить об этом у самого чрезвычайного министра. Он проходил мимо меня, и я его окликнул: «Сергей Кожутетович, вы Шóйгу или Шóйгú?». Его реакция меня удивила — он спросил: «А вам зачем?». Пришлось сказать, что я пишу статью об ударениях в собственных именах. По-видимому, ответ его удовлетворил, потому что он сказал: «Шóйгú, но это не фамилия, а имя». Что же до Дмитрия Николаевича Козака, то я так и не знаю, где надлежит ставить ударение в его фамилии. ◀●●

А вот что произошло с фамилиями двух известнейших российских математиков — Александра Осиповича Гельфонда (1906—1968) и Израиля Моисеевича Гельфанда (1913—2009). Решительно все называли их с ударением на последнем слоге фамилии, что исключало путаницу (впрочем, сам Гельфонд, кажется, ставил ударение в собственной фамилии на первый слог). Когда, однако, в 1952 году вышел десятый том 2-го издания Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), из него можно было узнать ошарашивающую новость: оказывается, вышеуказанные члены-корреспонденты суть, соответственно, Гельфанд и Гельфонд, так что различить их в устной речи стало невозможно. Вышедший в 1971 году шестой том 3-го издания исправил положение: по-прежнему Гельфонд, но зато Гельфáнд.

были переименованы, дабы избежать одноимённости предыдущего названия, с сохранением имени Михаил в уменьшительной форме. Отметим, что традиция (иметь в названии прилагательное, а не родительный падеж существительного) при этом переименовании был соблюдена. Отметим также, что улица и проезд могли быть названы *Михайловскими* не по фамилии, а по имени домовладельца (что возвращает нас к имени *Миша*).

Наконец, в 1988 году выпущенный тем же издательством Советская энциклопедия Математический энциклопедический словарь вернул ситуацию к норме, хотя, возможно, и неправильной: Гельфа́нд и Гельфо́нд.

Как бы то ни было, в наше время ударение в имени известной личности можно обнаружить в энциклопедическом издании. Но если эта личность выступает под псевдонимом, то в словаре она представлена именно псевдонимом, в каком-то ударении и проставлено (например, **АХМА́ТОВА**), а вот ударение в подлинной фамилии узнать невозможно: ведь эта подлинная фамилия (*Горенко* в случае Ахматовой) приводится внутри словарной статьи, а там ударения запрещены. Изданный в США в 1969 году справочник «Dictionary of Russian Personal Names» однозначно требует для фамилии *Горенко* ударения на втором слоге. Мне, однако, посчастливилось ознакомиться с устным свидетельством покойной Эммы Григорьевны Герштейн, лично знавшей Ахматову. По словам Герштейн, Ахматова не только произносила свою подлинную фамилию *Горенко* с ударением на первом слоге, но бывала недовольна, когда другие ставили ударение на второй слог.

●●► Комментарий А. А. Зализняка. Темой места ударения в подлинной фамилии Ахматовой открывается § 5 статьи «Почему на клетке слона написано „буйвол“...» из книги 4. А. А. Зализняка указал мне по этому поводу, что в случае с фамилией Горенко дело не столь просто, как кажется. Вот что он написал.

Во-первых, Бенсон³ даёт сведения о фамилии вообще, а не об Ахматовой.

Во-вторых, имеется постоянная двойственность в ударении украинских фамилий на *-енко*: одного и того же человека украинцы обычно предпочитают ударять по модели *Шевче́нко*, а русские — по модели *Ше́вченко* (с великим Шевченко — это такая уступка). Автор важнейшего украинского словаря, которого все мы в Москве именуем *Грінченко*, начиная со второго тома своего словаря пишет себя на титуле не «Гринченко», а «Гринче́нко» (со знаком ударения) — что не мешает нам в Москве говорить как мы привыкли. Так что *Го́ренко* скорее всего действительно стоит предпочесть, хотя ещё родители её (Ахматовой) вполне вероятно были чистыми *Го́ренко*. ◀●●

На VII Шмелёвских чтениях был поднят вопрос об ударении в фамилии *Бальмонт*. Второй том БСЭ, вышедший в 1970 году, даёт ударение на втором слоге, а вышедшие в 2001 году однотомный Большой энциклопедический словарь (БЭС) и двухтомный Российский энциклопедический словарь (РЭС) — на первом. По моему

³ Morton Benson — автор названного выше словаря русских имён. — В. У.

разумению, подлинная, родовая фамилия известного русского поэта несёт ударение на слогѣ первом: «Известно, что в краю степном, в старинном городе одном жил Бальмонт — мировой судья. Была у Бальмонта семья» — так начинает Леонид Мартынов свою поэму «Поэзия как волшебство». По тому же разумению, сам Бальмонт употреблял свою фамилию с ударением на слогѣ втором: с таким ударением представлена фамилия поэта на с. 4 в его собрании «Стихотворения», изданном в 1969 году в Большой серии «Библиотеки поэта». Таким образом, фамилию *Бальмóнт* можно считать псевдонимом Константина Бáльмонта.

Если с вопросом «*Бáльмонт* или *Бальмóнт*?» ещё можно как-то разобраться, то вот проблема, способная, кажется, поставить в тупик кого угодно. Речь идёт о подлинной фамилии Максима Горького. Все произносят эту фамилию с ударением на первом слогѣ, то же подтверждают и энциклопедии. Горький — это вам не какая-нибудь там Ахматова; и БСЭ, и БЭС, и РЭС дают статью на слово **ПÉШКОВ** — с проставленным, как и положено в таких случаях, ударением. Однако в автобиографической повести «Детство», на первых страницах главы восьмой, автор повести недвусмысленно сообщает, что ударение в его фамилии стоит на слогѣ последнем. Приводится такой диалог:

— Я не Каширин, а Пешкóв...

— Пёшков? — неверно повторил он. — Хорошее дело.

Когда и как *Пешкóв* превратился в *Пёшкова*, это остаётся загадочным.

●●► Критический комментарий А. А. Зализняка. Обсуждением этого же вопроса (о месте ударения в подлинной фамилии Горького) заканчивается упомянутый выше § 5 статьи «Почему на клетке слона написано „буйвол“...» в книге 4 настоящего издания; параграф так и называется: «Пёшков или Пешкóв?». Ознакомившись с указанным параграфом, А. А. Зализняк прислал мне следующий комментарий:

Вы пишете так, как если бы у Вас не было никаких сомнений, что Вы достигли истины и можете просто оповестить читателя, что нужно говорить Пешкóв, а не Пёшков.

Я же думаю, что ситуация не так проста. В действительности Вы узнали только то, как называл себя Горький в отрочестве и, может быть, — хотя это уже не гарантировано — в момент написания книги «Детство». За то, что это не окончательное решение вопроса, говорит следующее. С одной стороны, родственница Горького Никита⁴

⁴ Имеется в виду Никита Дмитриевна Введенская. Её отец, основатель узбекской урологической школы Дмитрий Алексеевич Введенский (один из замечательнейших людей, с которыми мне посчастливилось встречаться),

утверждает, что все Пешковы из его родственников и прочие люди его окружения произносили Пёшков. (Про то, как произносил он сам, она ничего сказать не может.) С другой стороны, просто московская интеллигенция вроде бы когда это имя произносит, ударяет его Пёшков. С третьей стороны, собеседник отрока Горького автоматически изменил услышанное Пешко́в на Пёшков — явно для него более естественное. С четвёртой стороны, в моих акцентуированных рукописях 17 века ударение Пёшков. С пятой стороны, исконное (по акцентологии) ударение этого слова — Пёшков.

Ввиду этого я сказал бы, что перед нами картина того случая, когда человек называет себя (или называл себя в молодости?) не так, как все или почти все другие носители его языка, включая его окружение и потомков. Такие случаи уже есть в моём словаре, и я не считаю автоматически тождественными «самоударение» и ударение вообще, а даю помету «в устах такого-то — так-то». То есть не считаю незаконным или бессмысленным утверждение типа «аптекарь Иван Иванович Пушкин называл себя Пушкѣн». Вполне возможно, что Вы имеете на этот счёт противоположное мнение, но предполагать, что читатель заранее в этом с Вами согласен, по-моему, неправильно. Видимо, существует некоторая достаточно общая для (почти) всех носителей языка интуиция в акцентуации большинства фамилий, и именно её уместно признать фактом русского языка. Я столкнулся с этим при акцентуировании литературных героев. Почему, например, Бобчинский, а не Бобчѣнский? Или и здесь надо непременно доискаться до того, как ударял Гоголь?

Мне не удалось доискаться до того, как ударял Гоголь: возможно, что его ударение приходилось на второй слог. Потому что современник Гоголя Пётр Андреевич Вяземский именно так ударял фамилию *Добчинский* — или, по меньшей мере, допускал такое ударение. Об этом свидетельствует следующая строфа Вяземского (цитирую по странице в Интернете <http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/viazemskii.html>, которая, в свою очередь, ссылается на «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского», СПб., 1878—1896):

Добчинский гласности, он хочет,
 Чтоб знали, что Добчинский есть:
 Он рвѣтся, мечется, хлопочет,
 Чтоб в люди и в печать залезть.

был братом Надежды Алексеевны, урождённой Введенской, известной по прозвищу *Тимоша*, — жены сына Горького Максима Алексеевича Пешкова и матери двух горьковских внуков, Никитиных кузин. — В. У.

Заметим, что ударение на втором слоге Вяземский делает и в слове *воинский* (цитирую по тому же источнику):

Так что ж? Белинский ваш, хоть будь сто раз Белинский,
Весь Русский журнализм нельзя ж за ним признать.
Вольно ж вам, рекрутам его, под лад воинский,
При имени его на вытяжке стоять. ◀●●

И ещё одна проблема, ожидающая разгадки. Фамилию *Нобель* едва ли не все произносящие её носители русского языка ударяют на первом слоге (игнорируя тем самым предписания словарей); естественно, то же происходит и с прилагательным *Нобелевская*. Но вот название знаменитой башни произносят *Эйфелева* с ударением на первом слоге, тогда как её строитель скорее всё же произносится по-русски как *Эйфэль* с ударением на слоге втором. И почему название марки автомобиля «Мерседес» все произносят с ударением на последнем слоге? В русском языке есть слово «фаланстер», ударяемое на последнем слоге, но если позвонить в одноимённый московский книжный магазин⁵, вам скорее всего ответят «Фаланстер» с ударением на втором слоге. Этот случай, однако, вряд ли следует относить к категории неправильной нормы: в самом деле, утопические здания Шарля Фурье — это одно, а книжный магазин — совсем другое.

В заключение — пример того, как отклонение от акцентуационной нормы может использоваться в качестве литературного приёма. Вот строки из замечательного «Послания художнику Семёну Файбисовичу» моего любимого поэта Тимура Кибирова:

Бестолочь, сволочь, величие это:
Ленин в Разливе,
Гагарин в ракете,
Айзенберг в очереди за вином!

До личного знакомства с Михаилом Натановичем мои знания о месте ударения в его фамилии проистекали из этих строк, и я произносил фамилию «Айзенберг» с ударением на первом слоге, в том числе и в присутствии носителя фамилии. Когда же мы познакомились, то выяснилось, что правильное ударение пребывает (как и следовало ожидать) на последнем слоге, а Кибиров поставил его на первое место как бы в шутку.

⁵ «Фаланстер» — самый известный из московских магазинов интеллектуальной литературы. Открыт в сентябре 2002 года в Большом Козихинском переулке. Сожжён злоумышленниками по старому адресу в ночь с 21 на 22 июля 2005 года. С 1 сентября 2005 года работает в Малом Пнездниковском переулке (д. 12/27). Информативная статья о магазине: «Новая газета», 2005, № 68.

4. Становление неправильной синтаксической нормы

Критика таких выражений, как *согласно правил, согласно приказа* и т. п., уже набила оскомину. С другой стороны, выражения эти столь распространены, что их скорее всего следует принять за норму — за неправильную норму, разумеется. ●●► Если считать, что нормы в нашем отечестве устанавливает «патриот из патриотов»⁶ Н. С. Михалков, то родительный падеж после «согласно» действительно станет нормой. Вот, например, обращение главы Союза кинематографистов (СК) России Никиты Михалкова к членам СК от 24 марта 2010 года. (Цитируется по интернет-странице <http://www.svobodanews.ru/content/article/2006772.html>.) В нём находим фразу: «Согласно действующего на сегодня Устава Общественной организации „Союз кинематографистов Российской Федерации“ <...>». ◀●●

Уверен, что те из читателей этих строк, кои вопреки совету профессора Филиппа Филипповича Преображенского читают газеты, найдут в газетных текстах обороты, построенные по таким (и аналогичным) неправильным образцам:

Я не настолько наивен, чтобы не говорить такие глупости
(правильно: *Я не настолько наивен, чтобы говорить такие глупости*);

Он достаточно опытен, чтобы делать такие ошибки
(правильно: *Он достаточно опытен, чтобы не делать таких ошибок*);

Он слишком опытен, чтобы не делать таких ошибок
(правильно: *Он слишком опытен, чтобы делать такие ошибки*).

Пока ещё подобные схемы сравнительно редки (хотя, повторяю, уверен, что наблюдательный читатель их обнаружит), однако встречаются всё чаще и чаще, что позволяет рассматривать их как зародыши неправильной синтаксической нормы.

26 сентября 2001 года газета «НГ-религия» опубликовала статью «На смерть — как на пир» митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Вот цитата из этой статьи: «*Священноначалие Русской Православной Церкви <...> стремилось избежать того, чтобы канонизация новомучеников российских <...> не послужила аргументом в политической борьбе, которая ведётся за церковной оградой*». Частица *не* здесь очевидным образом неуместна.

⁶ Выражение, использованное Василием Курочкиным в его переводах Беранже.

●●► 13 мая 2006 года я списал с вывешенного в Московском университете студенческого дацзыбао, посвящённого пожару (с человеческими жертвами!), случившемуся 21 апреля в студенческом общежитии, расположенном в Главном здании МГУ на Воробьёвых горах: *Вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что можно вообще свести вероятность пожара к нулю, однако можно было избежать гибели ребят.* Здесь вместо *можно* должно было быть *нельзя*.

Создаётся впечатление, что систематические ошибки подобного рода отражают какие-то эволюционные процессы в русском языке, связанные с употреблением отрицательной частицы *не* и других слов с отрицательным смыслом (таких, как *против*, *нельзя*, *возражать*, *спорить* и т. п.), а также слов с модальным оттенком (*сомневаться*, *достаточно*, *слишком*, *можно* и т. п.). Вот два чрезвычайно характерных примера. Программа «Особое мнение» на «Эхе Москвы» от 5 мая 2008 года, 17:08 (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/512061-echo.phtml>): *Я думаю, что телеграмма Николая Второго в Белград, что сербы могут не сомневаться в том, что Россия останется безразлична к их судьбе, сыграла, конечно, роковую роль. Надо: не останется.* Та же радиостанция, 11 августа 2008 года, 11:15, голос ведущей передачу: *Российские правозащитники собирают подписи против прекращения бомбардировок грузинских городов. Надо: за прекращение бомбардировок или против бомбардировок.* ◀●●

Бывает непросто (а иногда и невозможно) убедить тех, кто не чурается этой псевдонормы в её ненормальности. «А я так говорю», — можно услышать в ответ. И что ей/ему возразишь?! ●●► Впрочем, бывают и приятные исключения. По мнению одного моего собеседника, утверждение *Этот учёный достаточно велик, чтобы ему приписывать чужие открытия* выражало ту мысль, что чужие открытия приписывать упоминаемому лицу не следует. Как мне было сказано, это утверждение можно встретить в печати: оно высказывалось в связи с тем, что в конце 1940-х годов в СССР М. В. Ломоносову нередко приписывали открытия, сделанные в XIX веке. Моего собеседника удалось убедить, а точнее уговорить, что для выражения указанной мысли необходимо либо вместо «приписывать» сказать «не приписывать», либо «достаточно» заменить на «слишком». Возникло четыре предложения, из которых два были правильными, а два неправильными. Но он всё же продолжал колебаться, пока не нашёл убедительный для себя пример. Вот что он мне написал: «...Я понял, что был очень простой способ избежать моих логических ошибок: заменить те четыре предложения

на я достаточно (недостаточно) аккуратен, чтобы делать (не делать) опечаток в тексте; вариант чтобы посадить (не посадить) пятно на брюки во время еды и т. п. Тут уже ошибиться невозможно». В нашей школе этому не учат, а ведь уметь правильно отображать мысль в синтаксисе — это поважнее, чем знать правила переноса или какие-нибудь орфографические тонкости, на незнании чего, в основном и режутся на экзаменах. То, что неправильно отображать мысли в синтаксисе не умеют журналисты центральных изданий, наглядно демонстрирует следующий пример. 1 августа 2009 года премьер-министр Путин, находясь в глубоководном аппарате «Мир» совершил погружение на дно озера Байкал на глубину 1400 м. «Российская газета» в номере от 3 августа посвятила этому событию восторженную статью «Полное погружение». На с. 3 в текст была сделана врезка, где крупным курсивом было написано: *Учёные не скрывали восхищения тем, что люди такого ранга ещё никогда не погружались под воду на их аппаратах.* Надо бы: *Учёные не скрывали восхищения тем, что люди такого ранга впервые погрузились под воду на их аппаратах.* ◀●●

Не без робости решаемся мы привести некий пример из текстов не кого-нибудь, а самого Достоевского. Источник: «Подросток», часть 1, глава 1, главка VII, абзац 2. Цитата: «Дилемма стояла передо мной неотразимая: или университет и дальнейшее образование, или отдалить немедленное приложение „идеи“ к делу ещё на четыре года <...>». Из контекста ясно, что как раз поступление в университет и отдаляет реализацию планов главного героя, подростка Долгорукого.

И в завершении темы, с ещё большей робостью, цитата из «Крейцеровой сонаты» Толстого — четвёртая фраза с конца в X главке: «Но у нас, когда из десяти брачующихся едва ли есть один, который не только не верит в таинство, но не верит даже в то, что то, что он делает, есть некоторое обязательство, когда из ста мужчин едва ли один есть уже неженатый прежде и из пятидесяти один, который вперёд не готовился бы изменять своей жене при всяком удобном случае, когда большинство смотрит на поездку в церковь только как на особенное условие обладания известной женщиной, — подумайте, какое ужасное значение получают при этом все эти подробности». Очевидно, что в этой фразе, обличающей пороки общества, вместо словосочетания *не верит*, встречающегося дважды, должно стоять просто *верит*, частица же *не* здесь неуместна, она придаёт началу фразы смысл, противоположный задуманному автором. (Исправление возможно не только посредством удаления двух *не*, но, напротив,

добавлением оборота *не таков, что он*, каковой оборот надлежит вставить после слова *который* в словосочетание *который не только не верит*. Можно предположить, что Толстой мысленным взором видел этот оборот на указанном месте.)

А вот не угодно ли, — сформировавшийся монстр. Форма звательного падежа *владыко*, применяемая (скорее, применявшаяся) при обращении к архиерею, повсеместно начала использоваться в значении именительного падежа — уже не при обращении, а при упоминании: **Владыко Иоанн сказал*. Правильная форма *владыка* встречается в этих случаях всё реже и реже. Забавно, что аналогичным образом всё чаще в русских текстах неправильно используется звательная форма «батону» в тех случаях, когда должна быть форма именительного падежа «батони» (в грузинском языке «батони» означает 'господин'). Вот три примера неправильного употребления слова *владыко* из газет и журналов первого года тысячелетия.

Газета «Новые известия» от 21 июля 2001 года, подвал первой страницы, статья «„Единство“ и „Отечество“ поссорились из-за святых мощей»: *...Город посетил архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. <...> Владыко Викентий сел ужинать с мэром Красноуфимска <...>*.

Газета «Время новостей» от 24 августа 2001 года. На 2-й странице статья «Сетевой крест. Православные иерархи осваивают Интернет». Автор пишет о митрополите Смоленском и Калининградском Кирилле: *Владыко не растерялся и постарался превратить свой публичный выход в Сеть в событие. <...> В противовес этим развратным сайтам владыко Кирилл пожелал внести свою благочестивую лепту <...>*.

Журнал «Октябрь», 2001, № 10, раздел «Дневник писателя». Статья Михаила Задорнова «Фантазии сатирика». В одной из последних строк читаем:

Словно в подтверждение моих мыслей, кто-то из жён бизнесменов хвастается своей шляпкой, похожей на лист лопуха с гнездом для ворон наверху. Она с гордостью рассказывает телезрителям о том, что её шляпку освятил её личный друг — владыко, который эксклюзивно отпускает её эксклюзивные грехи в своём эксклюзивном «бутике-храме», и поэтому она рассчитывает на один из эксклюзивных призов.

Разумеется, во всех только что указанных случаях вместо *владыко* должно быть *владыка*. Однако это не опечатки — теперь так пишут. Более того. К моему изумлению, право использовать форму

звательного падежа в значении именительного было поддержано на VII Шмелёвских чтениях одним из выступивших по моему докладу. Аргументация моего уважаемого оппонента была такова. Звательный падеж сейчас не употребляется, так что можно считать, что его просто нет. А потому допустимо использование его формы как варианта именительного падежа: ведь это не может привести к смешению падежей. Так что же, спросил я, разрешено теперь говорить и писать *Старче сидел на завалинке*? Разумеется, разрешено, был мне ответ, подобное употребление слова *старче* не просто разрешено, но уже реально встречается. Я не нашёлся, что возразить, кроме «Но, но, Бекки» (за разъяснением отсылаю к разделу 10). В любом случае не вполне ясно, как трактовать слова *владыко* и *старче* в контексте, требующем именительного падежа: как формы звательного падежа, что оправдывает их рассмотрение в качестве явлений синтаксической нормы (хотя и неправильной), или же, ввиду отсутствия звательного падежа в современном языке, как синонимы слов *владыка* и *старик*, подобные, скажем, синонимам *жирафа* и *жираф* (и тогда включение данного сюжета в раздел о неправильной синтаксической норме делается неуместным).

И ещё. Говорят и пишут, причём даже в официозной прессе, *посол на Кубе* (но: *посол в Бразилии*). Предлог *на* отражает здесь островной характер Кубы. Однако если трактовать Кубу как объект физической географии, а именно как остров, тогда там не может быть посла. Если же трактовать Кубу как государство, то должно быть: *посол в Кубе*. (Таким образом, фраза *Посол Швамбрании в Кубе не хочет жить на Кубе* грамматически правильна.) Ранее аналогичная неправильная синтаксическая норма наблюдалась и в случае Цейлона: писали *посол на Цейлоне*. Но в 1972 году британский доминион Цейлон был преобразован в республику Шри-Ланка, и это событие оказалось целительным для русской синтаксической практики: стали писать и говорить *посол в Шри-Ланке*.

В заключение позвольте спросить Вас, уважаемый читатель, как Вы говорите: *с Конан Дойлем* или *с Конаном Дойлем*? *с Жюль Верном* или *с Жюлем Верном*?

5. Неправильная смысловая норма?

Возможна ли неправильная норма, относящаяся к внутренней, содержательной, смысловой стороне языкового выражения? Вопрос непростой, и потому заголовок настоящего раздела сопровождается вопросительным знаком. Чтобы получить право говорить о

неправильной смысловой норме, необходимо принять следующие три постулата.

Первый постулат провозглашает само существование смыслов, то есть наличие у каждого языкового выражения некой сущности, называемой его смыслом. Ведь в отличие от графической и фонической сторон выражения, представляющих собою физические реальности, доступные непосредственному наблюдению, смысл представляет собою конструкт. Напомним, что конструкты суть «понятия о ненаблюдаемых объектах науки, постулируемые для объяснения фактов, данных в наблюдениях» (О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966. — С. 204).

Второй постулат провозглашает, что понятие нормы применимо и к смыслам. Здесь возникают проблемы, поскольку очевидно, что внутренняя (смысловая) сторона знака поддаётся кодификации с куда большим трудом, чем его внешние (графическая и фоническая) стороны.

Третий постулат провозглашает, что к смыслам применимо понятие правильности.

Полное обоснование этих постулатов потребовало бы многотомной монографии. Поэтому скажем только, что без первого и, с некоторыми уточнениями и оговорками, второго и третьего постулатов невозможна сама лингвистическая семантика как наука.

Норму мы по-прежнему понимаем статистически: «все так говорят», «все понимают в таком смысле». Что касается понятия правильности, то здесь мы опираемся на формулировки, приводимые в словарях и энциклопедиях, стараясь не переходить при этом границы разумного — достаточно субъективные границы, разумеется. Вот явление, которое видится нами за пределами указанных границ. Третье издание «Большой советской энциклопедии» сообщает в статье «Ягода»: «Я. часто неправильно наз. плоды земляники, малины <...>». Оказывается, и малина, и земляника суть не ягоды, а сборные костянки⁷. Духу не хватает приводить именование ягодами плодов земляники в качестве примера неправильной смысловой нормы. Хотелось бы, напротив, считать такое именование правильным — хотя, скорее всего, этот пример отличается от многих из приводимых ниже лишь тем, что автор этих строк сам называет плоды земляники ягодами. И это не единственное речевое нарушение

⁷ ●● См. на эту тему публикацию Елены и Алексея Шмелёвых «Русская наивная ботаника» <http://www.ug.ru/archive/37376> (на более широкую тему — их же статья «Русская наивная биология» <http://www.unc.edu/depts/seelrc/2002abstracts/shmelevturkuabs.pdf>). ◀●●

ние, которые автор допускает в отношении растений, принадлежащих к таксономическому роду «земляника» семейства розоцветных. Как и абсолютное большинство русскоговорящих, он называет *земляникой* не любого представителя этого рода, а лишь одного из них — *землянику лесную*. Как и абсолютное большинство русскоговорящих, он называет *клубникой* то, что в высоком научном смысле есть не клубника, а *земляника садовая*. Кстати, этим словесным *qui pro quo* пользуются недобросовестные производители варенья, помещая на банки с банальным клубничным вареньем завлекательную надпись «варенье из земляники», — и опровергнуть их невозможно! ●► А летом 2008 года мне попала карамельная смесь, где на обёртках конфет значились «черника», «барбарис», «малина» и другие ягодные имена. В этом ряду название «виктория» выглядело странным. Конфеты были тюменского производства. Как разъяснил мне В. И. Беликов, здесь нет ничего удивительного, поскольку первоначальным бытовым названием для земляники садовой было не «клубника», а именно *виктория*, и что это последнее название до сих пор распространено к востоку от Волги — там, где в естественных природных условиях растёт подлинная клубника. (Впрочем, научное название для данного вида дикорастущих растений — *земляника мускатная*, или *земляника мускусная*, так что употребление словосочетания «подлинная клубника» следует признать совершенно неуместным.) В 2010 году я узнал, что в Пермском крае принято именно такое использование слов «клубника» и «виктория». ◀●●

Однако пора перейти к примерам неправильной семантической нормы. Начнём с терминов, относящихся к политическому устройству США, и с понимания этих терминов носителями русского языка (разумеется, мы говорим только о тех носителях языка, которые вообще имеют хоть какое-то мнение об этих терминах!). Большинство носителей русского языка, кажется, считает (и тем самым делает это мнение нормой), что Конгресс и Сенат — это два отдельных правящих органа (в то время как на самом деле Конгресс состоит из Сената и Палаты представителей). Эта точка зрения поддерживается тем, что слово *конгрессмен* означает в русском языке члена Палаты представителей, которая поэтому как бы отождествляется с Конгрессом в целом. В американском английском слово *congressman*, согласно словарям, имеет два значения: 1) более правильное и менее распространённое — «член Конгресса», 2) менее правильное и более распространённое — «член Палаты представителей». ●► Противопоставление Конгресса Сенату допускает даже такое respectable издание, как газета «Коммерсантъ». Так, 15 ноября 2007 года

на сайте названной газеты по адресу <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?newsid=122292>, а может быть, и в самой газете опубликовано информационное сообщение под заголовком: «Конгресс США проголосовал за вывод войск из Ирака». А вот первая фраза сообщения:

Проголосовав за законопроект 218 голосами против 203, палата представителей направила его в сенат, где его ждёт нелёгкая судьба: республиканцы обещали заблокировать проект.

Принимая во внимание, что Конгресс США состоит из Сената и Палаты представителей, приходим к выводу, что сообщение уважаемой газеты не соответствует истине: Конгресс (в целом) ещё ни за что не проголосовал (не говоря уже о том, что голосование вообще происходит в каждой палате отдельно, так что фразу «Конгресс проголосовал» в любом случае можно воспринимать лишь в метонимическом смысле). ◀●●

Если спросить, далее, кому из недавних президентов США, Клинтону или Никсону, был устроен импичмент, большинство ответит, что импичмент был у Никсона, а у Клинтона его не было, тогда как в действительности дело обстоит как раз наоборот. Ведь импичмент — это не отстранение от должности на основе состоявшегося осуждения, а лишь юридически оформленное обвинение высокого должностного лица, осуществлённое уполномоченным на то органом. И это, конечно, не юридическая, а лингвистическая проблема, связанная с деформацией семантики слова *импичмент* и появлением в связи с этим неправильной смысловой нормы. Здесь проявляется не только общая тенденция к расширению объёма термина — тенденция, которую можно проследить на многочисленных примерах, — но и специфика «народного сознания». Чтобы пояснить, что имеется в виду, проведём мысленный эксперимент. Если бы слово *импичмент* означало не обвинение, а отстранение, то вряд ли смысл этого слова распространился бы и на обвинение. А вот с обвинения на отстранение он легко перенёсся. Почему? Потому что «народное сознание» мало интересуется обвинением, его интересует результат, то есть приговор; при этом возможность оправдательного приговора не рассматривается, приговор непременно должен быть обвинительным. Когда толпа требует кого-то *судить*, она всегда имеет в виду *осудить*. Раньше я полагал, что именно русское слово *импичмент* даёт пример неправильной нормы; оказалось, что его англоязычный прототип *impeachment* болен той же болезнью. Обратимся к

Интернету и посмотрим, что́ сказано там о слове *impeachment*:

Impeachment occurs rarely enough for many in a country to misunderstand its nature. A typical misconception is to confuse it with involuntary removal from office; in fact it is only the legal statement of charges <...> (<http://en.wikipedia.org/wiki/Impeachment>).

When an irate citizen demands that a disfavored public official be impeached, the citizen clearly intends for the official to be removed from office. This popular use of impeach as a synonym of “throw out” (even if by due process) does not accord with the legal meaning of the word

(<http://dictionary.reference.com/search?q=impeachment>).

И некоторые словари уже стали учитывать эту неправильную норму, включая отстранение от должности в число дополнительных значений слова *impeachment*.

По радио, да и по телевидению, неоднократно слышится: «Конвенция Демократической партии США». При этом имеется в виду партийный съезд. Но можно услышать также и про *Венскую конвенцию* (о правах дипломатических представительств), и про *Конвенцию о судоходстве*. Дело в том, что английское слово *convention* имеет два значения: ‘собрание, съезд’ и ‘международный договор, соглашение’. Поэтому правильным переводом было бы «Съезд Демократической партии США». Русское же слово *конвенция* имеет (или следует сказать «имело»?) лишь одно значение, а именно ‘договор, соглашение’. Не присутствуем ли мы — под влиянием получившего массовое распространение неправильного перевода — при рождении нового слова русского языка, а именно слова «конвенция» со значением ‘съезд’, омонимичного старому слову со значением ‘договор, соглашение’?

Английский термин *orthodox church* имеет два смысла: 1) православная церковь; 2) древняя восточная христианская церковь. У нас едва ли не всегда случается так, что второй смысл не замечается и термин переводится в его первом значении. Отсюда — безграмотные именованья Эфиопской и Армяно-григорианской церквей церквями православными. Это свойственно и русскоговорящим вне России. Диапазон совершающих ошибки — от президента Ельцина, до «Голоса Америки»: «По словам Б. Ельцина, „Армения входит в стратегическое поле интересов России, она православная страна <...>“» («Новые Известия» от 5 февраля 1998 года, с. 2); ●●► «Армянская православная церковь» («Голос Америки» на русском языке, передача от 1 сентября 2006 года, закончившаяся в 10 часов 30 минут). ◀●●

Почти все знают, кто такой Маугли, и многие знают, что среди его ближайших друзей была пантера Багира. В половой принадлежности Багиры никто не сомневается — она самка, а если говорить в человеческих терминах — хитрая женщина с вкрадчивыми манерами. Но если посмотреть подлинный английский текст на предмет того, какое личное местоимение третьего лица использует Киплинг для обозначения Багиры, то обнаруживается, что всегда таким словом будет местоимение мужского рода *he*. Таким образом Багира (по английски — Bagheera) оказывается на самом деле самцом, а в человеческих терминах мужчиной. Причина перемены пола Багиры при переводе очевидно: русское слово «пантера» — женского рода. Однако образ Багиры при этом искажается.

Перейдём теперь к примерам, не требующим привлечения заморских реалий.

Большинство людей употребляет термин *гражданский брак* в смысле: 'не узаконенное государственной регистрацией сожитие мужчины и женщины'. Посмотрим, меж тем, что говорят об этом энциклопедические словари. В словаре Брокгауза и Ефрона (полутом 18, с. 504) читаем: «**Гражданский брак** — форма установления супружеского союза без участия Церкви, но при содействии светских органов государственной власти. Г. брак есть одно из юридических учреждений, относительно которых в русском обществе существуют крайне превратные представления: многие даже образованные люди называют Г. браком простое незаконное сожитие или вообще союз, не освящённый Церковью или же заключённый на срок. На самом деле, Г. брак является во многих отношениях более затруднительною формою установления супружества, чем брак церковный <...>». Толкование из Брокгауза и Ефрона повторяет и «Большая советская энциклопедия». Читаем в изданном в 1972 году 7-м томе 3-го издания, в стлб. 693: «**ГРАЖДАНСКИЙ БРАК**, брак, оформленный в соотв. органах гос. власти без участия церкви». (Большой энциклопедический словарь 2001 года дословно повторяет на с. 305 дефиницию из БСЭ, но одновременно, вслед за Брокгаузом и Ефроном, отмечает и неправильное употребление: «Иногда Г. б. называют также фактич. брак».) В дореволюционное время основной освящённой законом формой брака в России был брак церковный, хотя и не обязательно совершаемый по православному обряду. Поэтому называть всякий иной брак, даже и не оформленный юридически, гражданским, было хоть как-то оправдано (хотя и тогда для отдельных категорий российских подданных существовал брак подлинно гражданский, то есть оформленный в соответствии с

законом, но нецерковный). В советское же и постсоветское время называть *гражданским* такой брак, который *не* оформлен в ЗАГС, то есть в конторах записи актов *гражданского* состояния, кажется полным абсурдом. Истоки этого абсурда понятны. Когда основной формой законного брака был брак церковный, гражданским стали называть всякий брак, не подпадающий под основной закон. Это толкование термина сохранилось, только основной закон стал другим: бракосочетание в церкви сменилось гражданской регистрацией. Поэтому брак, не прошедший гражданской регистрации, стали называть гражданским.

Большинство употребляет термин *сводный* для обозначения таких братьев и сестёр, которые имеют лишь одного общего родителя. Во всех российских средствах массовой информации писателя и священнослужителя Михаила Викторовича Ардова и актёра Алексея Владимировича Баталова называют сводными братьями, тогда как на самом деле они единоутробные: у них общая мать, актриса Нина Антоновна Ольшевская. Неправильное словоупотребление проникает даже в литературу просветительского жанра, призванную обучать, и тем самым закрепляется в качестве нормы. Так, во второй главе полезной в остальном книги Веры Тименчик «Семья у нас и других», изданной в 2006 году в Москве в рамках «Издательского проекта Людмилы Улицкой», читаем:

Мы с Алей даже не сводные брат и сестра. <...> ...Сводные бывают разные. Если общий отец, то они единокровные, а если общая мать, то — единоутробные. <...> ...Папе она не родная дочка — когда он женился на её маме, Альке было пять лет. <...> ...То есть моему папе она приёмная дочь, а мне она никто.

Здесь всё поставлено с ног на голову. Даль ведь ясно указывает, что сводными надлежит называть именно таких детей, которых с в е л и вместе в результате брака их родителей. Братьев же и сестёр, имеющих общую мать, следует именовать *единоутробными*, а имеющих общего отца — *единокровными*⁸. (Предыдущую фразу можно было бы сказать короче, располагай русский язык словом со значением 'брат или сестра'. В немецком языке такое слово есть: *Geschwister*, среднего рода; есть и в английском: *sibling*. Было бы разумно ввести в русский язык слово *гешвистер* или слово *сиблинг*, или оба вместе. Тогда можно было бы писать так: *Сиблингов (гешвистеров), имеющих общую мать, называют единоутробными, а имеющих общего*

⁸ ●● В части тиража книги 4 на с. 31 Т. А. Оглоблина, единоутробная сестра А. Г. Наумова, вследствие описки названа единокровной сестрой последнего. ◀●●

отца — *единокровными*.) Например, в фильме режиссёра Валерия Тодоровского «Мой сводный брат Франкенштейн» этот Франкенштейн является на самом деле не сводным, а единокровным братом. Можно предполагать, что русский язык ощущает потребность в едином слове, обозначающем как единокровных, так и единоутробных сиблингов (гешвистеров), и за неимением такового использует «соседнее» слово *сводный*. Заметим, что в английском языке для каждого из двух полов есть единое слово, применяемое в случае общности лишь одного из родителей, неважно — отца или матери: это слова *half-brother* и *half-sister*.

К явлениям неправильной семантической нормы следует отнести и широко, увы, распространённые выражения *католическое Рождество* в применении к 25 декабря и *православное Рождество* в применении к 7 января. Но ведь Рождество Христово во всех христианских конфессиях празднуется 25 декабря. Другое дело, что разные люди пользуются для своих церковных нужд разными календарями. Один календарь — юлианский; он называется также старым стилем. Другой календарь — григорианский; он называется также новым стилем; этим календарём, этим стилем мы все пользуемся в повседневной жизни. В XX и XXI веках 25 декабря по старому стилю приходится на 7 января следующего года по новому стилю (в XIX веке приходилось на 6 января, в XXII веке будет приходиться на 8 января). Русская православная церковь в своей церковной жизни пользуется старым стилем и потому в XX и XXI веках празднует Рождество 7 января нового стиля. Однако это не основание называть 7 января нового стиля *православным Рождеством*. Ведь из множества поместных православных церквей пользуются старым стилем и потому отмечают Рождество 7 января нового стиля только четыре церкви: Иерусалимская, Русская, Грузинская и Сербская. Большинство же поместных православных церквей: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская и др. — празднуют Рождество 25 декабря нового стиля. Католическая церковь, не имеющая самостоятельных поместных церквей, повсеместно использует новый стиль и потому отмечает Рождество 25 декабря по этому стилю. Но это не основание называть 25 декабря нового стиля *католическим Рождеством*, потому что в тот же день, что и католики, отмечают Рождество все протестанты и все те православные, которые принадлежат вышеуказанному большинству поместных церквей.

По-видимому, бывают случаи, когда оценка нормы как правильной или неправильной зависит от точки зрения того, кто оценивает. Возьмём, к примеру, новомодное (и вошедшее в норму) выраже-

ние *Оранжевая революция*, относящееся к известным событиям в Украине в ноябре—декабре 2004 года. Некоторые считают его неправильным. Слово *оранжевая* не вызывает сомнений: события действительно проходили под оранжевыми стягами. Те, кто находят неправильным выражение *Оранжевая революция*, возражают против использования здесь слова *революция*, поскольку полагают (возможно, ошибочно), что всякая революция непременно связана с насильственным нарушением — скорее даже разрушением — действующих законов. В украинских событиях, говорят возражающие, нарушения (а тем более разрушения) законов со стороны так называемых «революционеров» не было; как раз напротив, это власти попытались нарушить законы, осуществив массовую фальсификацию президентских выборов. А «оранжисты» эту попытку фальсификации предотвратили. Так что никакой революции не было. Не берусь судить, имела ли место на самом деле массовая фальсификация. Да и сам термин *революция* для меня недостаточно ясен: я не знаю, в частности, являются или нет революцией события, когда фальсификация (если таковая была) предотвращается снизу, а не сверху, то есть непосредственно народом («единственным источником власти в Украине» согласно украинской конституции), а не оседлавшими его начальниками.

Специального и углублённого исследования заслуживает сложившаяся в годы советской власти семантика аббревиатуры *ЦК*, служащей сокращением для словосочетания *Центральный комитет*. Время и место позволяет коснуться здесь этой темы лишь эскизно. Когда писали *ЦК* или говорили *цэка́*, то все понимали, что речь идёт о Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза (Центральные комитеты были и у профсоюзов, и у комсомола, но никто их всерьёз не принимал). Но что такое *ЦК КПСС*? По всем нормативным документам, включая словари и энциклопедии, и по реальному первоначальному смыслу, выражение *Центральный комитет КПСС* (а ранее — *Центральный комитет ВКП(б)*, а ещё раньше — *Центральный комитет РСДРП(б)*) означало некоторую коллегию людей, осуществляющую верховную власть в Коммунистической партии, а тем самым — когда эта партия пришла к власти — и в Советском государстве. Затем, ещё во времена ВКП(б) (или ещё раньше?), произошёл семантический сдвиг в значении этого выражения, и оно приобрело другой смысл, а именно, стало обозначать учреждение, обслуживающее названную коллегию. Когда ссылались на мнение *ЦК*, то имели в виду не мнение указанной коллегии, а мнение чиновников учреждения. Тем самым название *цэка́* было

незаконно перенесено с верховного органа на аппарат, а вместе с переносом названия на тот же аппарат была перенесена и функция верховного управления, что, в свою очередь, явилось, может быть, одной из главных причин бюрократизации Советского Союза, бюрократизации, продолжающейся и в современной России. Так что для бюрократии последствия этого в сущности лингвистического явления, а именно семантического сдвига, приведшего к неправильной семантической норме, были самые положительные.

Аналогичный семантический сдвиг происходит на наших глазах со словом *лингвистика*. Словари определяют этот термин как науку о языке с синонимами «языкознание», «языковедение». Аналогичным образом в англоязычных словарях определяется слово *linguistics*. Однако в 1990-х годах в Москве начали появляться вузы и факультеты, в название которых входило либо существительное «лингвистика», либо прилагательное «лингвистический» и которые, тем не менее, обучали не лингвистике, а иностранным языкам. Так, в 1990 году, Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МГПИИЯ) был переименован в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), причём переименование не сопровождалось повышением внимания к лингвистике (языкознанию, языковедению). В 1992 году в Москве открылся один из первых негосударственных вузов — «Международный университет», и в его структуре оказался «Лингвистический факультет», который правильнее было бы называть «Факультетом иностранных языков». Наконец, в 1999 году в Москве открылся негосударственный «Московский институт лингвистики», в котором обучают иностранным языкам, межкультурным коммуникациям, туристическому бизнесу и т. д. — но опять-таки не лингвистике как таковой.

●●► Нельзя сказать, чтобы лингвисты — в правильном, классическом значении этого слова, то есть те, кто занимается наукой лингвистикой, — совсем не заметили этих прискорбных языковых новаций. 17 января 2003 года в интернетском издании «Русский журнал» появилась статья Максима Кронгауза «Украл слово» http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030117_kro.html. Впоследствии автор воспроизвёл её в качестве главы в своей замечательной книге «Русский язык на грани нервного срыва»⁹. Вот что писал Кронгауз:

Большинство из возникших ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ гимназий и университетов к науке лингвистике прямого отношения не имели.

⁹ Максим Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак, 2007.

Просто-напросто в них изучались (больше и лучше) иностранные языки. <...> Конечно, если бы лингвистика была чем-то вроде фирмы «Ксерокс», она бы запретила использовать свой бренд расширительно, и инязы остались бы инязами, как это приключилось с копировальными аппаратами. Но лингвистика — это не фирма «Ксерокс», ни запретить, ни подать в суд она не может <...>.

<...>

...Эта путаница произошла всё-таки в номенклатурном сознании, и последствия оказались административными, а не какими-то там ментальными. Я пока ещё ни разу не слышал, чтобы лингвистом в речи называли человека, знающего один или пару иностранных языков. Однако в перечне вузовских специальностей «лингвист» и даже «лингвистика» в этом смысле уже используются. Есть такое образовательное направление «лингвистика и межкультурные коммуникации», по которому готовят переводчиков и преподавателей иностранного языка, то есть, так и хочется сказать, нелингвистов. <...> И наступит лингвистический рай, и станут все люди лингвистами, потому что, кто же теперь не знает хотя бы одного иностранного языка. А если знает, то он и есть самый настоящий лингвист. Жаль, что гордая, но маленькая наука [лингвистика] и её представители не доживут, потому что новых готовить не будут, а старые долго ли тогда протянут.

Всё же, если брать сообщество российских лингвистов в целом, то, зарывшись в свою науку, оно, к сожалению, слишком спокойно отнеслось к тому, что термин «лингвистика» оказался у него похищенным.

Расплата за легкомыслие наступила в 2010 году, когда в решающую фазу вступил проходящий «в рамках Болонского процесса» переход России на двухуровневую систему высшего образования, каковая система предполагает, что выпускники первого уровня становятся бакалаврами, а второго — магистрами. Прежнее понятие «специальность» было заменено понятием «направление подготовки», и российское Министерство образования и науки стало утверждать перечни направлений и снабжать каждое направление так называемым «стандартом», наполняющим это направление реальным содержанием. Тут-то и выяснилось, что стандарт для направления «лингвистика» отвечал не традиционному представлению о том, что есть лингвистика, а деятельности по обучению иностранным языкам. Самое же страшное состояло в том, что для лингвистики как таковой

уже не было места в утверждённом Министерством списке направлений, поскольку это место оказалось занятым. Ведь само слово *лингвистика* оказалось приватизированным педагогами (и декан Лингвистического факультета Международного университета, и ректор Московского лингвистического университета были докторами не филологических, а педагогических наук). Тем самым угроза нависла над самим существованием лингвистического образования в России. Борьба за существование оказалось очень тяжёлой. Лингвисты столкнулись с мощным противником — ректором МГЛУ Ириной Ивановой Халеевой, академиком Российской академии образования, Председателем Учебно-методического объединения по лингвистическому (sic!) образованию российских вузов, Президентом Ассоциации лингвистических (sic!) вузов (СНГ и Балтии) и прочая, и прочая, и прочая. Отобрать термин «лингвистика» у вхожей во властные структуры дамы было нереальным. Оставалась единственная возможность — придумать новое название, под которым лингвистика в традиционном понимании могла бы войти в перечень направлений подготовки. Такое название было найдено: *Фундаментальная и прикладная лингвистика*. Несмотря на сопротивление г-жи Халеевой (имевшее, по моему оценочному суждению, место), удалось добиться включения этого названия в приказ Министерства образования и науки № 856 от 12 августа 2010 года, предписывавший внести изменения в ранее утверждённые *перечни направлений подготовки высшего профессионального образования*. А именно, среди изменений, касающихся как подготовки бакалавров, так и подготовки магистров, оказалось и такое:

Строку

035700 Лингвистика

заменить строками

035700 Лингвистика

035800 Фундаментальная и прикладная лингвистика.

Случившиеся события, чуть было не приведшие к трагическим для лингвистической науки последствиям, позже проанализировал Владимир Александрович Плунгян в «Вестнике РАН» за 2011 год¹⁰. ◀●●

¹⁰ См. В. А. Плунгян. Современная лингвистическая типология // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т. 81. — № 4. — С. 301—315. Соответствующий фрагмент из раздела 1 этой статьи публикуется ниже в качестве приложения к настоящим «Субъективным заметкам» на с. 657—660.

Я всегда полагал, что слово *прогноз* означает некое предположение о будущем развитии событий. Но ещё в советское время убедился, что бюрократические инстанции понимают это слово в ином смысле — не как то, что будет, а как то, что должно быть или, точнее сказать, как то, что нужно, чтобы было. Под словом *прогноз* понималось не предсказание, а план. В ответ на требование начальства дать прогноз составлялось сообщение, посылаемое в утешительных целях наверх, этому начальству — дабы оное начальство радовалось успешному развитию под своим мудрым руководством. Происходило, таким образом, политическое смещение семантики. Не знаю, в том же ли политизированном смысле «прогноз» понимается сейчас. (Описанное явление близко пропаганде, с той разницей, что пропаганда обращена вниз, к населению. Вспоминаю огромные плакаты на щитах, повествующие, сколько миллионов яиц будет в следующей пятилетке — и никогда, сколько было в прошедшей. Сейчас меньше говорят о яйцах, а больше о будущих успехах в деле технологического прогресса.)

Те, кто нашёл в себе силы прочитать этот параграф, справедливо укажут автору, что он ломится в открытую дверь или, напротив, пытается прошибить лбом стену — что, в сущности, одно и то же. Потому что нельзя препятствовать развитию языка, каковое, в частности, состоит в том, что значения слов расширяются. Наиболее ярким примером такого расширения служит для меня надпись *МЁД ПЧЕЛИНЫЙ НАТУРАЛЬНЫЙ*, которую в недавнем прошлом (а может быть, и сейчас) приходилось видеть на банках, — и это потому, что значение слова *мёд* расширилось настолько, что стало включать в себя чёрт знает что.

Пример со словом *мёд* показывает, что изменение языка связано с изменением окружающих реалий. Другой подобный пример касается слова *корточка*. Умению сидеть на корточках автор этих строк придаёт большое значение — ведь оно, это умение, равносильно тому, как если бы человек всегда имел при себе незримый и невесомый стул, по желанию материализующийся в любой момент и в любом месте. (Названный автор, на корточках сидеть не умеющий, сам себе напоминает гоголевского Никанора Ивановича Анучкина, который французского языка не знал, но требовал такого знания от потенциальной невесты. Автор сожалеет, что его не выучили в детстве, и присоединяется к словам Н. И. Анучкина: «Я был тогда ещё ребёнком, меня легко было приучить — стоило только посещать хорошенько, и я бы знал, я бы непременно знал».) Но на стуле сидят для отдыха, и, говоря об умении сидеть на корточках и приравнивая корточки к стулу, мы предполагаем, что и на корточках можно полу-

чить отдых. Наше предположение основано на наблюдении людей восточной культуры, способных достаточно продолжительное время пребывать на корточках, не являя признаков усталости. Обратим внимание, что восточный человек, когда сидит на корточках, опирается на землю всей ступнёй, а бедро при этом покоится на голени. Русские же люди сидят на корточках по-другому, о чём свидетельствует Толковый словарь Ушакова в статье **КОРТОЧКИ**:

на корточках (сидеть) — согнув ноги в коленях и держась на носках ног. (Толковый словарь русского языка / Под ред.

Д. Н. Ушакова. — Т. 1. — М.: ОГИЗ, 1934. — Стлб. 1478.)

Держась на носках, долго не просидишь, а об отдыхе не может быть и речи: напряжены не только мышцы, удерживающие пятку приподнятой, но и мышцы, удерживающие приподнятым бедро (потому что при русском способе сидения на корточках бедро не лежит на голени). Если быть педантом и признать Толковый словарь источником определений значений слов, то неотвратимо окажется, что описанный выше способ, коим сидят восточные люди, вообще не является сидением на корточках, а чем-то иным, для чего в русском языке нет названия. Нет, но было; достаточно заглянуть в словарь Даля:

Кбрточки [род. —**чек**] ж. мн. поджатые под себя ноги и колени, положение человека, как бы сидящего на перевесе, упёршись ступнями в землю. *Киргизы всегда сидят на корточках* <...>.

(Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля.

Изд. 4-е, испр. и значит. доп. / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. — Т. 2. — СПб.—М.: Т-во М. О. Вольф, 1912. — Стлб. 434.)

Интересно, как Даль назвал бы то положение тела, которое словарь Ушакова называет сидением на корточках? Возможно, признал бы его, в силу неестественности, не заслуживающим названия вовсе. Не означает ли произошедшее изменение в словарной дефиниции, что носители русского языка утратили присущее им когда-то умение сидеть на корточках, опираясь всей ступнёй?

Задания по теме

1. Каков смысл слова *эпицентр*? Когда говорят и пишут, что кто-то «находился в эпицентре событий» или «живёт двумя этажами ниже эпицентра пожара» (а именно так и говорят и пишут наши СМИ!), то что имеют при этом в виду: 'центр событий' и 'центр пожара' (но тогда зачем это *эпи*?, почему не сказать просто *центр*?) или же что-то другое (но тогда что именно?)?

●► Прокомментируйте словосочетание «Эпицентр видового жилья», вынесенное на обложку номера 12 (12) от 25 июня 2007 года журнала «Новый адрес» — еженедельного приложения к газете «Из рук в руки». Статья «Московские набережные: эпицентр видового жилья» помещена на с. 6 названного номера. Если набережные образуют эпицентр, то где центр? А 16 августа 2007 года с экрана телевизора в русском переводе канала «EuropeNews» при сообщении о разрушительном землетрясении в Перу прозвучало: «эпицентр землетрясения находился в 18 километрах под поверхностью Земли». Следует ли понимать, что в таком случае на самой поверхности Земли располагался *эпиэпицентр* землетрясения? Не настало ли время констатировать, что слово центр утратило своё главное значение (каковое значение выражается ныне словом «эпицентр»), оставшись лишь в наименованиях вроде «Центр альтернативных работ» или «Центр аудиобрендинга Ксении Светличной» (названия эти взяты со с. 1409 справочника «Адрес Москва» на 2007 год). Как теперь следует именовать то понятие, которое ещё недавно, согласно словарям, обозначалось словом *эпицентр*? ◀●●

2. Кто из двух персонажей, упоминаемых в выражении *отставной козы барабанщик*, пребывает в отставке?

●► Для решения проблемы можно пойти двумя путями. Естественный путь — искать для обсуждаемого выражения его культурно-исторические корни. Словари сообщают следующее:

Почти до самой революции в глуши можно было увидеть бродячую труппу нищих или полунищих: поводыря с учёным медведем, показывавшим разные «штуки», «козу» — человека, на голове которого было укреплено грубое подобие козьей головы из мешковины, и «барабанщика», часто из отставных солдат, барабанным боем призывавшего «публику».

Из этого объяснения следует, что отставным был барабанщик. Но можно пойти и другим путём. Надо выяснить, с каким существительным согласовано слово *отставной*. Для этого берём слово *барабанщик* в косвенном падеже и смотрим, что произойдёт со словом *отставной*. Если оно не изменит своей внешней формы, это будет означать, что отставной является коза. В противном случае отставным является барабанщик. Национальный корпус русского языка, выложенный в Интернете по адресу <http://ruscorpora.ru/>, предоставляет такую возможность. И что же мы находим? Это барабанщик отставной, утверждают Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и Илья Дмитриевич Сургучёв (1881—1956).

А дедушке Матвею Иванычу было над чем и над кем повластвовать, и он понимал себя в этом отношении не пятым колесом в колеснице и не отставным козы барабанщиком.

(М. Е. Салтыков-Щедрин, «Дневник провинциала в Петербурге», 1872.)

...Будь начеку к осмотрам, к внезапным ревизиям, на которых ты играешь роль отставного козы барабанщика <...>.

(И. Д. Сургучёв, «Детство Императора Николая II», 1953.)

Да нет, это коза отставная, возражают им Д. Н. Мамин-Сибиряк, Анатолий Рыбаков, Саша Соколов, И. Грекова и Даниил Гранин.

Я тебя сейчас в чин произведу: будешь отставной козы барабанщиком.
(Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Хлеб», 1895.)

— Кем же ты будешь в отряде? Отставной козы барабанщиком?
(Анатолий Рыбаков, «Кортик», 1946—1948.)

И тут он ответил: други милые, вы, возможно, не поверите мне, вашему отставной козы барабанщику, цинику и охальнику, ветрогону и флюгеру, но поверьте мне иному — нищему поэту и гражданину, явившемуся просветить и заронить искру в умы и сердца, дабы воспламенились ненавистью и жаждой воли.
(Саша Соколов, «Школа для дураков», 1976.)

Что кончит он её отставным моряком, отставной козы барабанщиком, собственно говоря — никем?
(И. Грекова, «Фазан», 1984.)

Услышав фамилию Семашко, он пренебрежительно прошёлся насчёт отставной козы барабанщика и, уже не церемонясь, поднял голос на Зубра, много о себе возомнившего — поднабрался на Западе вшивого либерализма! — и в конце концов запустил матерком по учёной шатии, что сидит на шее у народа.
(Даниил Гранин, «Зубр», 1987.)

И как же быть? Ничего не оставалось, как обратиться к верховному эксперту — А. А. Зализняку. И 12 февраля 2012 года Андрей Анатольевич прислал мне следующее письмо:

Правы всё-таки Мамин-Сибиряк, Паустовский, Саша Соколов, Гранин, И. Грекова и другие из их компании, а не Салтыков-Щедрин и Сургучёв.

По Руси ходили: медведь, коза (фигляр, наряженный козой, главное действующее лицо представления) и барабанщик. Про барабанщика, состоящего при данной козе (в качестве «звуковой прислуги» при главном актёре), разумеется, можно было сказать: это барабанщик такой-то козы.

Отставным называется человек, который в прошлом был кем-то социально значимым (офицером, адмиралом, доцентом, политиком и т. д.), а ныне от этой функции отставлен. Если фигляр-коза одряхлел, обезножил и т. п. и потому от своей функции отставлен, то он, конечно, есть не что иное как отставная коза. Отставная коза — ничтожная в социальном отношении личность. Ничтожнее его только лишь состоявший при нём и обслуживавший его барабанщик: он отставной козы барабанщик.

Это по существу.

Теперь по синтаксису.

Конструкция «икса предмет» для русского языка, как старого, так и более нового, ненормальна (близка к неправильной). В старом языке такое обязательно заменялось конструкцией «иксов предмет». Родительный падеж тут появлялся только при наличии определения (просто потому, что не существует притяжательных прилагательных от словосочетаний). Поэтому «его императорского величества полк» — прекрасно, а *«величества полк» или *«императора полк» — почти не по-русски. То же и здесь: «отставной козы барабанщик» — пожалуйста; «козы барабанщик» — почти не по-русски. Так что Салтыкова-Щедрина, видимо, можно подозревать в том, что он потерял здесь чувство осмысленности всего сочетания и воспринимал «козы барабанщик» как что-то типа сложного слова («козыбарабанщик»), с тёмной или просто бессмысленной начальной частью. ◀●●

3. В каком из двух смыслов: 'состояние без войны' или 'окружающий нас мир Божий' — понимается слово мир в названии знаменитого романа Льва Толстого?

4. Что именно празднуется в день государственного праздника 12 июня, то есть какова семантика этого праздника? Как этот праздник называется?

5. Что именно празднуется в день государственного праздника 4 ноября, то есть какова семантика этого праздника? Как этот праздник называется?

6. Почему время от времени в СМИ появляются сообщения о судебных исках о *защите чести и достоинства* и никогда — о *защите чести* (без достоинства) или о *защите достоинства* (без чести)?

Автору этих строк посчастливилось получить от Елены Яковлевны Шмелёвой немедленный и блестящий ответ на вопрос, в чём заключается различие между честью и достоинством. Различие оказалось гендерным: женская честь и мужское достоинство.

7. «Новый словарь иностранных слов» (М.: Азбуковник, 2003) так определяет слово *автономия*: «право какой-л. территории самостоятельно осуществлять государственную власть или управление, предоставленное ей конституцией». Среди территориальных образований Советского союза были как *Советские социалистические республики (ССР)*, так и *Автономные советские социалистические республики (АССР)*. Вопрос: в которых из них, в ССР или в АССР, было больше автономии?

(Замечание вскользь: при образовании на следующий день после октябрьского переворота первого советского правительства Сталин был назначен народным комиссаром по делам национальностей, и последствия его деятельности мы расхлёбываем до сих пор.)

8. Согласны ли Вы с тем, что слово *одевать* всё чаще и чаще употребляется в значении 'надевать'? Если Вы с этим согласны, то считаете ли Вы это нормальным результатом естественного развития русского языка и, тем самым, выражения вроде *одевать пальто* не вызывают у Вас протеста? Или Вы всё же считаете, что пальто *надевают*, а *одевают* ребёнка?

6. Неправильный речевой этикет

Примечательно, что члены знаменитой триады «православие, самодержавие, народность» возвращаются в Россию (народность — в форме ксенофобии) в той же последовательности, в какой они перечислены в формуле триады. Первым вернулось православие.

●► (Как написал в 2007 году Тимур Кибиров, «Латынь из моды вышла ныне, / А православие вошло». В 1833 году в своём циркуляре граф Сергей Семёнович Уваров писал о «соединённом духе православия, самодержавия и народности». В полном соответствии с этим указанием графа Уварова православие, войдя, слилось в единстве с самодержавием¹¹ и народностью¹².) ◀●● Уже к концу горбачёвской перестройки исчезли многие запреты, и нательные крестики, до того немногочисленные и носившиеся скрытно, не только увеличились в числе и вышли из подполья, но зачастую стали носиться демонстративно на виду, а то и поверх одежды (что противоречит семантике слова *нательный*). Когда после эпохи государственного атеизма наступило православие, оно, не будучи провозглашённым государственной религией официально¹³, довольно быстро сделалось таковой фактически. Тут-то и обнаружилось, что отдельные элементы православного этикета оказались утраченными — возможно, навсегда. Это коснулось и языка. Вал упоминаний о событиях церковной жизни,

¹¹ Так, из блога от 13 апреля 2012 года, принадлежащего Владимиру Варфоломееву, первому заместителю главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» и выложенного на сайте этой радиостанции мы, узнаём, что «уголовный приговор за фразы „бог — это миф“, „духовенство не верит в бога“ и ещё за несколько аналогичных высказываний получил житель Гатчины Дмитрий Лебедев». Первое из упомянутых высказываний Лебедева можно, пожалуй, признать антигосударственным, принимая во внимание указание из Государственного гимна России: «Одна ты такая — хранимая Богом родная земля!». (И ведь действительно, такая — одна.)

¹² Так, по словам писательницы Дины Рубиной, многие звёзды российской эстрады, приезжая на экскурсию в Иерусалим, искренне удивляются тому, что Иисус, оказывается, был евреем: «Как, простая русская женщина родила еврея?» (газета «Ex Libris» от 22 марта 2012 года, http://exlibris.ng.ru/fakty/2012-03-22/3_rubina.html).

¹³ «...Хранимая Богом родная земля!» — провозглашено в тексте государственном, а именно в Государственном гимне Российской Федерации. И это несомненно так и есть, потому что ещё в 1765 году генерал-фельдмаршал Христофор Антонович Миних отметил: «Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно вообще существует». Однако в другом, не менее государственном тексте, а именно в статье 14 Конституции РФ сказано: «Российская Федерация — светское государство». Как эти две нормообразующие формулировки уживаются друг с другом, автор этих строк постичь не в состоянии и ощущает себя в положении Манилова, сказавшего Чичикову в ответ на предложение последнего продать ему мёртвые души: «...Я не могу постичь... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выражаться... Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?».

обрушившийся на печатные страницы, на радио-и телеприёмники, с очевидностью показал, что за семьдесят лет забыли, как грамотно говорить на эти темы.

●●► Ситуацию как нельзя лучше характеризует пример, приводимый Юлией Латыниной в своей статье «Осторожно, перформанс» в «Ежедневном журнале» (<http://ej.ru>) от 3 марта 2005 года. Статья посвящена суду над устроителями выставки «Осторожно, религия», состоявшейся в январе 2003 года. Вот цитата из названной статьи:

Все рекорды побил вопрос представительницы столичной прокуратуры Новичковой¹⁴: она спросила организаторов выставки, что они думают об отношениях между католичеством и ХРИСТИАНСТВОМ.

(Этот уровень компетентности стороны обвинения не помешал суду признать в марте 2005 года организаторов выставки виновными в разжигании национальной и религиозной вражды.)

Вот ещё примеры, на этот раз из статьи И. Л. Шиловой «Не зная языка ирокезского...» на сайте <http://rusk.ru/st.php?idar=111511>:

Ныне же постоянно приходится слышать от преподавателей вышеназванной дисциплины [религиоведения], которые ещё недавно обучали научному атеизму, чудесно обратившихся из Савла в Павла, дикое «религоведение». Так произносили академик А. И. Чубарьян, директор Института российской истории¹⁵ РАН, ведущий радиопередачи «Особое мнение» Игорь Гмыза (Радио, 24.03.06) и даже, увы!, священник церкви Илии Пророка на Пороховых о. Георгий Иоффе («Беседа со священником», 22.05.06).

Три-четыре года назад доктор философских наук (кто им учёные степени присуждает?), выступая по радио в программе на духовную тему, вместо «религиозный» произносил «регилиозный». Если бы он сказал так один раз, можно было бы принять это за оговорку, но он повторял это многократно с упорством, достойным лучшего применения.

Так говорят специалисты, учёные. А вот о том, как пишут журналисты.

«...В мае 2004 г. сей журналист (Сергей Лесков) опозорил „Известия“ статьёй „Прошлись паникадиллом по университету“ (Известия, 2004, 29 мая). К сведению г-на Лескова, ведущего в „Известиях“ (с равной степенью профанации) научную и религиозную тематику, то, с чем „проходят“ по храму или освящаемому

¹⁴ Юлия Михайловна Новичкова — прокурор по уголовным делам первой инстанции Мосгорсуда. — В. У.

¹⁵ На самом деле — Института всеобщей истории. — В. У.

помещению, называется „кадило“. „Паникадило“ — это люстра в храме». (Диакон Андрей Кураев. Почему православные такие?.. — М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. — С. 17.)

Берём в руки книгу: В. Ф. Ходасевич «Некрополь» и другие воспоминания. — М.: ОПТЦ «Мир искусства»; Журнал «Наше наследие», 1992. Открываем её на с. 329 и читаем комментарий: «Иоанн Кронштадтский (до приятия священства Иван Ильич Сергиев)». Разумеется, Иоанн Кронштадтский и после принятия священства остался Иваном Ильичом Сергиевым (в отличие от того, что думает по этому поводу составитель комментариев Евгений Моисеевич Бень), тогда как и до принятия священства он был Иоанном (в крещении).

Дело дошло до того, что слово *Гапон* в составе устойчивого словосочетания *поп Гапон* стало восприниматься как личное имя — тогда как на самом деле это фамилия Георгия Аполлоновича Гапона. А ведь именовать священника по фамилии вполне допустимо. *Отец Криницкий* — так обращался к своему духовнику Николай I. («Отец Криницкий, поставьте налож и положите на него Евангелие», — эту фразу он произнёс 27 ноября 1825 года по старом стилю, ещё не зная, что унаследует престол, и намереваясь присягать своему старшему брату Константину как новому российскому императору.) Одного из петербургских священников Лесков в своих «Мелочах архиерейской жизни» называет *о. Никольский* (см. конец 12-й главы).

А однажды в газете даже встретилось совершенно невозможное слово *иеромонахиня*. Надо ли напоминать, что иеромонах — это монах в сане священника, так что супруги у него, как у всякого монаха, быть не может, равно как и невозможна монахиня в этом сане; поразительно сколько упоминаний этого слова даёт поиск в Гугле, причём подобной безграмотности не чужды даже сайты православных храмов.

Проколы на церковные темы постигают и высоких профессионалов. Так, открыв книгу Бориса Акунина «Пелагия и белый бульдог» (М.: АСТ, 2001), мы обнаружим там две странности. Во-первых, немыслимо, чтобы губернатор (в гл. VI на с. 205, 210, 216) и монахиня Пелагия (в гл. X на с. 330 и в гл. XII на с. 393, 394) при обращении к архиерею использовали слово *отче* вместо правильного в этом случае *владыко*. Во-вторых, в применении к иподиакону столь же немыслимо слово *отец*; меж тем в гл. I на с. 22 читаем: *Наступила, нескладная, отцу иподиакону на ногу*; а в гл. V на с. 159 архиерей к иподиакону обращается так: *отец Алексий*. Такое неправильное словоупотребление объясняется тем, что на той же с. 159 иподиакон ошибочно трактуется как диакон, а к диакону слово

отец действительно применимо. Прочитируем Брокгауза и Ефрона: «**Иподиакон** или поддьякон — церковнослужитель в првсл. црк., служащий главным образом при архиерее <...> На нём лежит также обязанность охранять от пыли престол и жертвенник в алтаре. И. не имеет священной степени <...>».

Летом 2000 года Билл Клинтон посетил Москву. «Эхо Москвы» дало информацию о посещении гостем храма Христа Спасителя. Диктор произнёс: *Президента США сопровождал протоиерей Даниил, а также высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел Олег*. Читатель этих строк не поверит и будет прав: вторую часть фразы, про сопровождающего сотрудника, я выдумал. Однако первая часть, в которой говорится о протоиерее, действительно прозвучала в эфире 4 июня 2000 года. Вторая часть фразы грамматически правильна; почему же она вызывает у слушателя и читателя отторжение? Ответ очевиден: в данном контексте употребление имени без фамилии недопустимо. Но ведь употребление без фамилии имён представителей белого, то есть монашеского, духовенства (а именно к такому духовенству и принадлежат протоиереи) недопустимо в тех же самых контекстах!

А 9 июня 2000 года телевидение показало православного священника, но не монаха, совершающего богослужения и требы для российских войск в Чечне. Комментарии давал подполковник Владимир Ильин, и было бы странно увидеть в титрах *подполковник Владимир*. Однако надпись *отец Александр* (без фамилии), появившаяся в титрах применительно к указанному священнику, скорее всего, не вызвала протеста у большинства телезрителей — не вызвала потому, что это большинство уже приучено нашими СМИ к подобной безграмотности.

Тем самым средства массовой информации на наших глазах и ушах формируют *н е п р а в и л ь н у ю н о р м у* говорения о духовных лицах. По-видимому, становление данной неправильной нормы уже прошло так называемую «точку невозврата», то есть такую точку в развитии процесса, после которой процесс делается необратимым¹⁶. Вот одно из последних наблюдений на эту тему: 20 апреля 2006 года НТВ сообщило в своей начавшейся в 16 часов телепрограмме

¹⁶ Кстати. Иногда такую точку называют *точкой возврата*. Подобное не должно удивлять. Когда придворная молочница говорит корове «Велели Их Величества известное количество отборнейшего масла доставить к их столу», то это означает, что количество требуемого масла неизвестно. А «в определённой степени» означает неопределённость этой степени. (Вспомним, что в «Зияющих высотах» А. А. Зиновьева один из персонажей подвергался преследованиям за вопрос, почему одни лозунги гласят «Хай живе товарищ Хозяин!», а другие — «Нехай живе товарищ Хозяин!».)

«Сегодня», что открывшуюся экспозицию найденных поисковиками военных трофеев «с другой стороны» (то есть со стороны противника) *освятил член поисковой группы отец Вячеслав*.

Медицинская этика требует лечить болезнь даже при самом пессимистическом прогнозе. Только этот пример и побуждает нас потратить ещё несколько абзацев на обсуждение затронутой темы.

Условимся называть контекст *н е й т р а л ь н ы м*, если упоминание мирянина в этом контексте требует употребления его фамилии, а называние лишь по имени или имени-отчеству выглядит одиозным (пример нейтрального контекста: «С докладом выступил доцент ...»). Если только священник или диакон не является монахом, его упоминание в нейтральном контексте должно непременно сопровождаться фамилией — и притом безо всяких скобок! Тем не менее, в абсолютном большинстве случаев (а в титрах телевидения едва ли не всегда) мы видим неправильные выражения типа *о. Пётр* или, в случае «просвещённого» сочинителя, — *о. Пётр (Иванов)*. Правильные же обороты в рамках нейтрального контекста должны быть таковы: *о. Пётр Иванов* и *о. Иванов* (допустимо сказать и *о. Пётр Лукич Иванов*). Для белого, то есть не монашествующего, духовенства употребление имени с фамилией в скобках неприемлемо совершенно; а употребление имени вовсе без фамилии уместно лишь в тех контекстах, в каких отсутствие фамилии уместно при именовании мирян. Напомним для ясности, что для представителя чёрного, то есть монашествующего, духовенства дело обстоит как раз наоборот: упоминание его монашеского имени, приобретаемого при пострижении в монахи, не сочетается ни с отчеством, ни с фамилией, поскольку и то, и другое принадлежат прежней, мирской жизни, отвергаемой при пострижении. Если же, в целях идентификации, всё же требуется сообщить мирские ономастические сведения, то таковые заключаются в скобки: *митрополит Макарий (Михаил Петрович Булгаков)* или, если кратко, *Макарий (Булгаков)*.

Указанные стандартные ошибки при употреблении фамилий представителей белого духовенства — а именно, заключение этих фамилий в скобки (если не полное их отсутствие) — приобретают характер всё более массовый. Вот цитаты только из нескольких московских выпусков газеты «Известия»: ...*Жгли книги о. Александра (Шмемана), о. Иоанна (Мейендорфа) и о. Александра (Меня)* — номер от 18 июня 1998 года, с. 2; *Его организовал священник местной церкви отец Игорь* — номер от 13 июля 1999 года, статья «Священник организовал детский лагерь»; *Обряд совершил отец Евгений* <...> — номер от 29 апреля 2000 года, с. 2.

Ненужные скобки при фамилиях — это плод элементарной неграмотности. Что же касается отсутствия фамилий, то здесь неграмотность поддерживается профессиональной безответственностью. Представим себе, что корреспондент приходит в школу и разговаривает с учениками об их учителях. Школьники, естественно, говорят, что литературу у них преподаёт Марья Петровна, а химию — Ангелина Ивановна; их фамилии детям могут быть и неизвестны. Точно так же, только по имени — но с заменой отчества на почтительное *отец* перед личным именем — прихожане скорее всего назовут корреспонденту своего священника; а фамилии его могут и не знать. Однако если в газетной заметке о делах школьных фамилии учителей скорее всего появятся, то в заметке о делах церковных фамилии священников скорее всего будут отсутствовать. Корреспонденту, во-первых, не придёт в голову, что они здесь нужны (это неграмотность); а во-вторых, поскольку фамилию священника узнать чуть-чуть труднее, чем фамилию учителя, ему не захочется тратить усилия на её узнавание (это безответственность).

Мы видим, что неправильная языковая норма употребления без фамилий имён всех без исключения православных духовных лиц, без деления их на чёрное и белое духовенство, складывается на наших глазах. Вот ещё один маленький, но яркий пример. Московское издательство «Аванта+» выпустило многотомную и красочную «Энциклопедию для детей». Том шестой (кстати, очень хороший) называется «Религии мира»; он издан в двух полутамах, или частях. Открываем вышедшую в 1996 году вторую часть на с. 158. В перечне авторов читаем: *о. Андрей (Кураев)* — с фамилией в скобках. Диакон Андрей Кураев — известный церковный деятель, но не монах. Взять его фамилию в скобки — всё равно, что взять в скобки и фамилии других, уже совершенно светских авторов на той же странице. И подобное — в энциклопедическом издании! Да что говорить, такое мы наблюдаем даже на титульных листах книг, принадлежащих церковным деятелям! Вот два примера книг, автором коих выступает некий бесфамильный «священник Тимофей».

1. *Священник Тимофей*. Православное мировоззрение и современное естествознание: Уроки креационной науки в старших классах средней школы. — М.: Паломник, 1998. — 207 с.

2. *Священник Тимофей, иеромонах Дионисий*. О Церкви, православном Царстве и последнем времени. — (Альманах «Русская идея». Вып. 5). — М., 1998. — 184 с. В аннотации читаем:

Православная государственность, проблемы Русской Церкви, монархическое движение в России, всемирная апостасия (отступ-

ление людей от Божественного замысла о них), еврейский вопрос, антихрист — таковы темы этого сборника глубоких и бескомпромиссных работ современных российских авторов, продолжающих консервативную традицию Русской Зарубежной Церкви.

Ничего не могу сказать о глубине, но вот консервативная традиция явно нарушена!

Почему же церковь ни разу не выступила против этой повседневной безграмотности, заключающейся в таком употреблении крёстных имён священнослужителей, как если бы эти имена были монашескими? Думается, тут две причины, и обе суетны. Первая, общая, общечеловеческая, состоит в желании выделиться — желании столь сильным, что приставка «о.» кажется уже недостаточной. Употребление имени без фамилии как бы приравнивает человека к знаменитостям — царствующим особам (кто знает фамилию английской королевы Елизаветы?), римским папам и поп-звёздам. Папа Гонорий, королева Виктория, певица Валерия, священник Тимофей, Вторая причина специальная, церковная, она состоит в престижности монашества (ведь в православии только монахи могут быть епископами), а потому немонахи желают выглядеть монахами.

7. Ное—что о языковых клише

Когда я спросил одного известного пушкиниста (им был Александр Львович Осповат), с чем «чёрт догадал родиться» Пушкина, он, разумеется, ответил: *с умом и талантом*.

Цитата из Пушкина

(7.1) *Чёрт догадал меня родиться в России с умом и с талантом* не просто общеизвестна, она уже прочно вошла в языковой обиход. Выражение *с умом и с талантом* стало языковым клише. Вот, скажем, пишет Белла Ахмадулина (в стихотворении «Чудовищный и призрачный курорт...»):

— Оттеда я, где чёрт нас догадал
Произрастать с умом, да и с талантом.

(Б. А х м а д у л и н а. Избранное. — М.: Советский писатель, 1988. — С. 395.)

Ахмадулиной вторит Татьяна Бек — в стихотворении без названия, которое начинается с закавыченной цитаты:

«Родиться в России с умом и с талантом» —
Несчастье.

(Вывешено в Интернете на сайте <http://www.poesis.ru>.)

Пишет Игорь Иртеньев в очерке «Праздник, который давно готов»:

Эта радостная картина наблюдалась повсюду, кроме одного-единственного места, где нас, с умом и талантом, Бог догадал очутиться. («Октябрь», 2001, № 11, с. 157.)

Поискав в Интернете, можно найти много случаев использования этой пушкинской цитаты, причём в самых разных вариантах — от косвенных аллюзий до прямого цитирования с указанием адреса первоисточника: письмо Пушкина к жене от 18 мая 1836 года. И вот сравнительно недавний пример обращения к знаменитой цитате. 21 ноября 2005 года с 19 часов до 19 часов 50 минут на телеканале «Культура» шла, как обычно, программа «Предлагаемые обстоятельства». Передача называлась «Государственный режиссёр» и была посвящена Товстоногову. Автор программы, Анатолий Смелянский, сообщил, что в товстоноговской постановке «Горя от ума» на сцене висел какое-то время плакат с пушкинской цитатой (7.1), каковой плакат, впрочем, потом было велено снять. Подразумевалось, что зритель должен был воспринять эту всем известную фразу в качестве эпиграфа к пьесе Грибоедова.

Но всё дело в том, что в действительности Пушкин не писал приписываемой ему цитаты (7.1). Пушкин написал по-другому:

(7.2) *Чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом.*

В этом может убедиться каждый, посмотрев то самое, неоднократно публиковавшееся его письмо к жене от 18 мая 1836 года. Тем не менее, все, кого я ни спрашивал (даже довольно известные пушкинисты), воспроизводили цитату из Пушкина именно в форме (7.1). По-видимому, неприкаянность в России ума и таланта ещё как-то допускается, но даже Пушкину, «нашему всему», мы не можем позволить заявить, что в России неуютно душе. Чего-чего, а души, душевности, духовности, как известно решительно всем, в России куры не клюют — это, возможно, тот единственный дефицит, которого у нас никогда не было. (Единственный попавшийся мне пример правильного цитирования обнаружился в романе Алексея Варламова «Лох». В 3-й главке третьей части персонаж Лёва Голдовский говорит: «...Я могу только повторить уже сказанное: чёрт меня догадал родиться с душой и талантом в России. Так, кажется?». Так, Лёва, так.)

●●► **Отступление.** А имеет ли моральное право критиковать кого-либо за использование ложных языковых клише автор, который сам непростительным образом применил хлестаковское клише *сорок тысяч* не к деньгам, которые, по словам Хлестакова, платит ему Смирдин, а к курьерам. В части тиража книги 4 настоящего издания,

на с. 94, говорится о «сорока тысячах курьеров Хлестакова»; на самом же деле курьеров, согласно Хлестакову, было всего лишь тридцать пять тысяч, а сорок тысяч даёт ему Смирдин за то, что Хлестаков поправляет статьи различных литераторов. <●●

С не менее известными словами Пушкина связан не столь однозначный казус. Во всех современных изданиях первая глава «Евгения Онегина» начинается так:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
<...>»

Стандартное понимание этих строк таково. «Самых честных правил» понимается как несогласованное определение к словосочетанию «мой дядя», а фраза «когда не в шутку занемог» — как придаточное предложение времени к фразе об уважении. Развивая это понимание, Набоков в своём прозаическом переводе на английский ставит после первой строки двоеточие, тем самым разъясняя читателю, почему дядя был самых честных правил:

“My uncle has most honest principles:
when he was taken gravely ill,
he forced one to respect him
and nothing better could invent.
<...>”

Меж тем имеется другое, более естественное понимание, о котором не говорится ни в одном из комментариев к «Онегину» и которое я впервые услышал от А. П. Чудакова. Честь открытия этого понимания принадлежит В. С. Непомнящему; именно В. С. Непомнящий обратил внимание на проблему знаков препинания¹⁷. Дело в том, что в первом издании первой главы, вышедшем в 1825 году, после второй строки стоит точка с запятой. Это означает, что придаточное предложение относится не к третьей строке, а к первой, и указывает не на время, а на условие. Слово *когда* имеет здесь значение ‘если’ (*Когда б имел златые горы...*). И смысл первых двух строк таков. Если дядя действительно, а не в шутку занемог, то он честных правил. Если же дядя занемог в шутку, то назвать его человеком самых

¹⁷ В. С. Непомнящий. Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина» // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. — Вып. II. — М.: Наследие, 1996. — С. 135—165. — [<http://www.speakrus.ru/articles/uncle1.htm>].

честных правил никак нельзя, потому что он притворился больным, чтобы заставить себя уважать; но зато пример такого продуманного и целесообразного притворства служит для других наукой. Первое, стандартное понимание можно считать нормой, чем объясняется попадание этого сюжета в настоящие «Заметки».

Тем, кто смотрит американские фильмы, хорошо известна звучащая с экрана или написанная в титрах формула присяги свидетеля в американском суде:

(7.3) *Клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды.*

Эта фраза не просто хорошо известна, она образует клише, вошедшее в состав русского языка и достаточно непринуждённо в нём используемое. Вот, например, Татьяна Толстая пишет в своём эссе «Квадрат» (Т. Толстая. День: личное. — М.: Подкова, 2001. — С. 15):

(7.4a) *Они суть глина, только глина, ничего кроме глины.*

В романе братьев Стругацких «Волны гасят ветер» Тойво Глумов говорит:

(7.4б) *...Я нёс добро, только добро, ничего, кроме добра <...>.*

А каждому, кто раскроет № 32 журнала «Огонёк» за 2001 год на с. 41, бросится в глаза напечатанная крупно и в цвете фраза:

(7.5) *Обязуюсь перевернуть правду, только правду и ничего кроме правды.*

Внимательный наблюдатель не может не заметить некую странность в формулировке (7.3): одна и та же мысль повторяется в ней дважды — сперва в форме *только*, а затем в форме *ничего кроме*. Для меня остаётся загадкой, почему это тавтологическое повторение никого не удивило. И как же его терпели американские юристы? Оказалось, что никак не терпели, поскольку указанная странность присутствует только в стандартном русском переводе. Подлинная формула, произносимая на английском языке, звучит так:

(7.6) *I swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth, so help me God.*

Буквальный перевод этой формулы на русский язык таков:

(7.7) *Клянусь говорить правду, всю правду и ничего кроме правды, и да поможет мне Бог.*

Как и когда возник неточный перевод с английского языка, остаётся неясным. Но вот вопрос, почему он возник, отчасти проясняется тонким замечанием, сделанным Еленой Викторовной Падучевой и сообщённым мне ею после того, как я рассказал об этом примере неправильной нормы на VII Шмелёвских чтениях. Вот что она сказала.

В английской фразе после инфинитива идут однородные дополнения. Можно считать, что её синтаксис неявно включает в себя три компонента:

(7.8) *to tell the truth,*

(7.9) *to tell the whole truth,*

(7.10) *to tell nothing but the truth.*

Попробуем теперь перевести эти компоненты на русский язык. Мы обнаружим, что для перевода (7.8) требуется несовершенный вид русского глагола, а для перевода (7.9) — совершенный вид. Именно, (7.8) переводится как

(7.11) *говорить правду,*

а (7.9) — как

(7.12) *сказать всю правду.*

Таким образом, соединение (7.11) и (7.12) в одной фразе с двумя однородными дополнениями при одном и том же глаголе делается, строго говоря, невозможным. К этому аспектологическому комментарию, высказанному Е. В. Падучевой, можно добавить ещё, что русский перевод для (7.10) требует отрицательной частицы при глаголе:

(7.13) *не говорить ничего, кроме правды;*

впрочем, отсутствие этой частицы в (7.3) и в (7.7) можно рассматривать как эллипсис. Таким образом, во фразе (7.7) присутствует некая неуклюжесть, не видимая невооружённым глазом, но ощущаемая на подсознательном уровне. По-видимому, эта скрытая неуклюжесть затрудняет принятие фразы (7.7) носителями языка. Однако никакая неуклюжесть фразы (7.7) не может служить оправданием для принятия фразы (7.3) с её оборотами *только* и *ничего кроме* в качестве перевода американской формулы. Фраза (7.3), на наш взгляд, представляет собою яркий пример неправильной нормы.

И в заключение — ещё один пример ставшего нормой лжезаимствования из английского языка. В русский язык прочно вошло слово *хеппи-энд*. Его применяют, когда хотят сообщить, что какая-то драматическая история в конечном счёте — и даже несколько неожиданно — закончилась для её участников вполне благополучно. Для всех очевидно, что прообразом этого слова служит английское выражение *happy end*. Открыв на 715-й странице «Новый словарь иностранных слов», вышедший в 2003 году в московском издательстве «Азбуковник», читаем:

ХЕППИ-ЭНД [англ. happy end] — счастливый конец (романа, фильма, какого-л. дела и т. п.).

Тем самым словарь выполнил свой долг — он закрепил всем известное значение русского слова *хеппи-энд*, а также уточнил написание

этого слова. Однако, как сообщила мне недавно Александра Александровна (Саша) Раскина, носители английского языка — в том числе главные любители хеппи-эндов, то есть американцы — так не говорят. Желая выразить тот же смысл, что заключён в русском слове *хеппи-энд*, англичане и американцы говорят не *happy end*, а *happy ending*. И именно *happy ending* является устойчивым словосочетанием в английском. Консультации с носителями языка по обе стороны океана подтвердили истинность сообщения А. А. Раскиной, явившегося для меня полным сюрпризом. Однако, признавая русское слово *хеппи-энд* неправильным заимствованием, вряд ли следует считать его неправильной смысловой нормой. Носители английского языка используют английское выражение *happy ending*, а носители русского используют в том же смысле русское слово *хеппи-энд*. Так что русское *хеппи-энд* лучше бы трактовать не как заимствование, не как транслитерацию английского словосочетания *happy end*, а как п е р е в о д клишированного выражения *happy ending*.

Ситуация со словом *хеппи-энд* принципиально отличается от ситуаций с цитатой из Пушкина и с формулой американской присяги. Использование названных цитаты и формулы в русском языке основывалось на презумпциях, что так действительно написал Пушкин и что так действительно говорят в американских судах. Обе презумпции оказались ложными. Использование же в русском языке слова *хеппи-энд* не предполагает никаких презумпций, в частности, не предполагает знания того, как в действительности говорят англичане и американцы.

Кстати, как мне дополнительно указала Саша Раскина, в английском языке прилагательное *happy* довольно свободно сочетается с существительными, образуя множество словосочетаний, не относящихся (в отличие от *happy ending*!) к категории устойчивых: *happy marriage*, *happy life* и т. п. В частности, носители английского языка могут сказать и *happy end* — однако в несколько иных контекстах, нежели счастливый конец литературного сюжета, обозначаемый русским словом *хеппи-энд*. Например, фраза *She had a happy end* означает мирную кончину упоминаемого лица.

Задания не совсем по теме (о клишированных оборотах, но не о неправильной норме)

1. Кто, где и когда объявил, что Пушкин — *наше всё*? (Указать точный адрес.)
2. Где у Гоголя говорится об *унтер-офицерской вдове*? (Указать точный адрес.)
3. Откуда пошло выражение *дураки и дороги*? (Указать точный адрес.)

4. Объяснить происхождение выражения *положение хуже губернаторского*.

5. Объяснить происхождение сленгового выражения *по барабану* со значением 'глубоко безразлично'.

8. Норма знания и мифологическая картина мира

Вряд ли нужно доказывать, что для того, чтобы понимать тот или иной язык, необходимо что-то знать. Прежде всего, конечно, надо знать лексические значения слов и правила синтаксиса. Но не только. Для адекватного восприятия языка надо знать ещё всевозможные аллюзии и коннотации. Вот простой пример. Понимание смысла предложения

(8.1) *Любовь зла, и козлы этим широко пользуются*

предполагает знание пословицы

(8.2) *Любовь зла, полюбишь и козла.*

Если бы в пословице (8.2) говорилось не о козле, а об осле, смысл предложения (8.1) был бы непонятен.

Вот другой пример. Его даёт блестящее четверостишие Михаила Безродного:

Удивительный вопрос, —
Почему я юдофоб?
Потому что — без воды
Ни туды и ни сюды!

Чтобы понять смысл этих строк, необходимо знать и сопоставить два текста. Во-первых, начальный куплет «Песенки водовоза» на слова Лебедева-Кумача из любимого фильма товарища Сталина — музыкальной комедии «Волга—Волга», вышедшей на экраны в 1938 году:

Удивительный вопрос, —
Почему я водовоз?
Потому что — без воды
И ни туды, и ни сюды!

Во-вторых, популярную пословицу: «Если в кране нет воды, значит, выпили жиды».

Итак, правильное понимание прямых и косвенных смыслов опирается на единообразное нормативное знание, присущее носителям языка. Таким образом, основой языковой нормы в семантике является некоторая норма знания.

Смысл тех строк из стихов Беллы Ахмадулиной и Татьяны Бек, кои приведены в предыдущем параграфе, был бы непонятен, если бы не предполагалась общеизвестной как фраза (7.1), так и мнение о том, что её автором является весьма авторитетное лицо (Пушкин). Равным образом были бы непонятны ни (7.4), ни (7.5), если бы не предполагалась общеизвестной как фраза (7.3), так и мнение о том, что её произносят в американском суде. Оба мнения, как мы знаем, являются ложными, но именно они существенны для понимания приведённых стихотворных цитат, а также выражений (7.4) и (7.5). Здесь, таким образом, мы имеем дело с *н е п р а в и л ь н о й н о р м о й з н а н и я*.

Явление неправильной нормы знания и, в частности, проблема происхождения такой нормы представляются весьма и весьма любопытными. Явление это отнюдь не ограничивается ситуациями, связанными с пониманием языковых выражений. Вот один из наглядных примеров. Широко известно, что во время гитлеровской оккупации Дании, когда немцы приказали евреям носить жёлтую звезду, датский король надел такую звезду на себя. Я не подвергал сомнению истинность этого эпизода до тех пор, пока летом 2004 года не оказался в Дании. В Копенгагене мне и объяснили, что это всего лишь красивая легенда.

Позвольте теперь удариться в некоторую философию. Составной частью семантики языка является так называемая *н а и в н а я к а р т и н а м и р а*. Эта картина мира должна быть общей для основной массы носителей языка, иначе невозможна коммуникация. (Предположительно, природа некоторых психических болезней состоит как раз в искажении картины мира.)

Сказанное выше позволяет заявить следующее. Та единая картина мира, которая является общей для большинства носителей языка, отличается в отдельных деталях от реальной картины мира.

Эту общую для большинства носителей языка картину мира условимся называть *в и р т у а л ь н о й*, или *м и ф о л о г и ч е с к о й*. Именно эта мифологическая, а не реальная картина мира образует норму знания; именно она обеспечивает функционирование языка.

Вот несколько примеров отличия виртуальной картины от реальной. В этой мифологической картине мира, в отличие от реальной картины, король Дании носил жёлтую звезду. В этой мифологической картине мира, в отличие от реальной картины, именно Никсону, а не Клинтону был объявлен импичмент. В этой мифологической картине мира, в отличие от реальной картины, американец, дающий показания под присягой, дважды обещает не лгать: один раз в виде обещания

говорить только правду и второй раз в виде обещания не говорить ничего кроме правды. (И этот повтор вызывает ассоциацию с одним из бессмертных высказываний В. С. Черномырдина: «Я лучше не буду ничего говорить, а то я что-нибудь скажу».) В этой картине мира знаменитый парижский бульвар, известный российскому населению по фильму «Человек с бульвара Капуцинов», был когда-то населён монахами-капуцинами, что и привело к его названию; в реальности же он был населён монахинями-капуцинками, откуда и получил своё истинное название *Boulevard des Capucines* (буквально: *бульвар Капуцинок*). Именно в этой мифологической картине мира, в отличие от реальной, «наше русское всё» Пушкин сетовал, что ему довелось родиться в России с умом и с талантом.

Убеждён, что читатель, если пожелает, сможет найти и другие отличия мифологической картины мира от картины реальной — и даже более выпуклые, чем перечисленные здесь.

Если различать правду и истину, то не следует ли считать, что в мифологической картине содержится нечто, похожее на правду, а в реальной — нечто, похожее на истину?

9. Параллельные прямые в мифологической картине мира

Сюжет о параллельных прямых потому изъят из предыдущего раздела и выделен в особый параграф, что геометрическая тематика всё же слегка экзотична для изданий Института русского языка. Впрочем, к сфере русского языка принадлежит всё, что можно на нём выразить. И вопрос, с которого мы начнём, можно следующим образом поставить на уровне чистой лингвистической семантики. Вот существует выражение *аксиома о параллельных*. Что оно означает?

9.1. Аксиома о параллельных: первая неправильная формулировка.

Что такое параллельные прямые, знают практически все. Практически все слышали и об аксиоме о параллельных прямых — ведь её проходят в школе. Никто из так называемых «людей с улицы», которых я спрашивал, в чём состоит аксиома о параллельных, не отговорился незнанием. Абсолютное большинство из опрошенных отвечали так: аксиома о параллельных состоит в том, что параллельные прямые не пересекаются. Читатель может сам повторить опрос и убедиться, что именно такая формулировка аксиомы о параллельных входит в русскоязычную норму знания — но н о р м у н е п р а в и л ь н у ю.

Получив указанный выше ответ на вопрос о содержании аксиомы о параллельных, я спрашивал ответившего: а что такое параллельные прямые? Все как один отвечали, что параллельными называются такие прямые, которые не пересекаются. (Как правило, отвечающие забывали добавить слова «и лежат в одной плоскости», но это несущественно: необходимость такой добавки понимали все.) Дальше начиналась дискуссия с не ясным заранее исходом. Многие сразу понимали сами, что никакая аксиома не может заключаться в том, что непересекающиеся прямые не пересекаются. Многих из тех, кто не понимал сразу сам, удавалось в этом убедить. Незначительное меньшинство продолжало считать аксиому о непересекаемости непересекающихся прямых вполне возможной. Ведь параллельные прямые действительно же не пересекаются, возражали мне представители указанного меньшинства, вот аксиома и утверждает этот бесспорный факт — аксиома на то и аксиома, чтобы быть очевидной. Я так и не придумал, что можно противопоставить такой логике. (А возможна ли такая аксиома: *Всякий зелёный предмет является зелёным?* — спрашивал я. Конечно, возможна, отвечали мне; вот если сказать *Всякий зелёный предмет является красным*, то такая аксиома невозможна.) Итак, в мифологической картине мира большинства носителей русского языка аксиома о параллельных выглядит так: ***параллельные прямые не пересекаются***.

О своих наблюдениях относительно аксиомы о параллельных я рассказал на симпозиуме в Пекине, посвящённом проблемам математического образования. Это произошло 20 марта 2006 года, уже после VII Шмелёвских чтений. Среди присутствовавших был американский профессор Веллеман (Daniel J. Velleman) из довольно известного Амхерст Колледжа (Amherst College), что в штате Массачусетс, недавно избранный главным редактором популярного ежемесячника «American Mathematical Monthly» (рассчитанного скорее на преподавателей математики, чем на её исследователей). В тот же день он спросил свою жену Шелли (Shelley L. Velleman), бакалавра и магистра нескольких гуманитарных наук, приехавшую вместе с ним в Пекин, в чём состоит аксиома о параллельных прямых. И получил ответ: «В том, что параллельные прямые не пересекаются». Тогда он спросил, а что такое параллельные прямые. Ответом ему был хохот: супруга профессора сразу же поняла бессмысленность своего ответа. Итак, хотя бы в этой детали русская и американская мифологические картины мира оказались одинаковы. А я получил очередное убедительное свидетельство того единства человеческого рода, о коем мне уже доводилось писать (журнал «Новый мир», № 1 за 2005 год).

В одном из рассказов знаменитого американского фантаста Роберта Шекли сообщается, что всё население Земли говорит на одном и том же диалекте одного из распространённых во Вселенной языков (а именно, языка ускорителей). По-видимому, на всех поддиалектах этого диалекта выражение аксиома о параллельных имеет одно и то же, и притом неправильное, значение.

9.2. Аксиома о параллельных: вторая неправильная формулировка.

Но сюжет с параллельными прямыми на этом не заканчивается. Получив ответ *параллельные прямые не пересекаются* и убедившись, что слушатель осознал его абсурдность (какое осознание наступает, увы, не всегда), можно снова спросить, в чём же, всё-таки, состоит аксиома о параллельных. На этом этапе подавляющее большинство из тех, кто даст какой-то ответ, объявит такую формулировку аксиомы: *через точку, не лежащую на заданной прямой, можно провести прямую, параллельную этой заданной прямой*. Это следующий вариант неправильной нормы. Потому что объявленная формулировка представляет собою не аксиому, а теорему. (Теорема эта доказывается чрезвычайно просто: из точки надо сперва опустить перпендикуляр на заданную прямую, а затем восставить перпендикуляр к опущенному перпендикуляру; тогда заданная прямая и восставленный перпендикуляр будут перпендикулярны к одной и той же прямой — а именно, к опущенному перпендикуляру — и потому параллельны.) Подлинный же смысл аксиомы о параллельных не разрешительный, а запретительный: она утверждает не то, что нечто сделать можно, а то, что чего-то сделать нельзя, чего-то не существует. Вот её правильная формулировка: *Через точку, не лежащую на заданной прямой, нельзя провести более одной прямой, параллельной этой заданной прямой*.

9.3. Геометрия Лобачевского в мифологической картине мира.

Каждое утро по будням, между 9 и 11 часами, на «Эхе Москвы» идёт интерактивная программа «Разворот». 15 февраля 2006 года в рамках этой программы слушателям предлагалось выразить своё отношение к чьей-то идее провести в Москве гей-парад. Ведущий Алексей Венедиктов, беседуя с очередным слушателем, призывал его к толерантности и к признанию права каждого иметь свою собственную точку зрения. Происходил такой диалог:

ВЕНЕДИКТОВ: Вот вы скажите, параллельные прямые пересекаются?
СЛУШАТЕЛЬ: Нет.

ВЕНЕДИКТОВ: А вот у Лобачевского пересекаются, там другая система отсчёта.

Параллельные прямые не могут пересечься даже у Лобачевского, потому что параллельными как раз и называются такие прямые, которые лежат в одной плоскости и не пересекаются. Этому учат в школе, и полагаю, что на вопрос, какие прямые называются параллельными, Венедиктов ответит правильно. Тем не менее, не только Венедиктов, но абсолютное большинство на вопрос «В чём состоит открытие Лобачевского?» ответят: «Лобачевский доказал, что параллельные прямые пересекаются». Это входит в норму знания, хотя и не правильную норму. Получается, что содержание открытия Лобачевского — это одна из тех деталей, в которых мифологическая (и, может статься, не только русская) картина мира отличается от реальной. Более того. Наш пример показывает, что мифологическая картина мира не боится противоречий: в ней, как мы только что видели, прямые, которые не пересекаются, могут, если очень того хотят, и пересечься.

Диалог Венедиктова со слушателем и мой комментарий о невозможности пересечения параллельных прямых даже у Лобачевского были изложены в моём докладе на VII Шмелёвских чтениях. Это имело два последствия.

Во-первых, при обсуждении доклада было выражено решительное несогласие с тезисом о принципиальной невозможности пересечения параллельных у Лобачевского. Не то чтобы кто-то из моих оппонентов считал, что в геометрии Лобачевского параллельные пересекаются, нет, речь шла не о математических, а о философских и лингвистических аспектах темы. Мне было указано, что это в нашем мире параллельные не пересекаются, но мыслим такой иной взгляд на природу вещей, при котором они могут и пересечься.

Во-вторых, Владимир Иванович Беликов прислал мне фрагмент некоей песни, который вспомнила его жена Нина Манашировна Якубова (роль жён в контексте неправильной нормы, связанной с параллельными прямыми, оказывается прямо-таки выдающейся). Вот этот фрагмент:

Однажды Лобачевский думал, кутаясь в пальто:
«Как мир прямолинеен, видно, что-то здесь не то!».
И он взгляделся пристальней в безоблачную высь,
И там все параллельные его пересеклись.

Фольклорного куплета, который столь к месту вспомнила Нина, я ранее не знал, но знал, что в отражаемом в фольклоре народном сознании (иначе говоря, в норме знания) параллельные прямые у Лобачевского пересекаются. (Отголосок этого народного сознания находим у Иосифа Бродского: «И не то чтобы здесь Лобачевского твёрдо блюдут, но раздвинутый мир должен где-то сужаться <...>».)

Несколькими строками выше уже было сообщено, как подавляющее большинство респондентов отвечает на вопрос, в чём состоит открытие Лобачевского. Природа мифологического представления об открытии Лобачевского понятна: все знают, что в его геометрии происходит что-то необычное с параллельными прямыми; а что может быть необычнее их пересечения! Поражает всё же степень распространённости этого представления, прочно входящего, таким образом, в мифологическую (она же виртуальная) картину мира. В этой картине параллельные прямые и впрямь пересекаются. Пример, иллюстрирующий устойчивость этой мифологии, обнаруживаем, скажем, в сочинении Александра Гольдштейна «Спокойные поля» (журнал «Зеркало», 2005 год, № 25, раздел «Новая проза», <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2005/25/go1-pr.html>, а также журнал «Критическая масса», 2005 год, № 2, <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/alg5-pr.html>):

- Крайности сходятся, — буркнул я.
- Сомневаюсь, — сказал Торговецкий, — это не лобачевские параллели.

Не в интересах правды, а в интересах истины сообщим, попросив прощения у тех, кому это давно известно, что же происходит в той реальной геометрии Лобачевского, которая соотнесена с реальной картиной мира. В реальной геометрии Лобачевского параллельные прямые не пересекаются — совершенно так же, как они не пересекаются в «школьной» евклидовой геометрии. Отличие геометрии Лобачевского от евклидовой геометрии — в другом. А именно, в евклидовой геометрии через точку проходит только одна прямая, параллельная заранее указанной прямой, а в геометрии Лобачевского — много таких прямых. В аксиоме о параллельных, сформулированной в конце пункта 9.2, надо заменить слово *нельзя* на слово *можно*, и аксиома о параллельных в версии Евклида превратится в аксиому о параллельных в версии Лобачевского.

10. Заключение

Известно, что раньше и погода была лучше, и еда вкуснее. Субъективность этих замечаний проявляется в том, что их автор не желает автора осознавать неизбежности смены норм и упорно цепляется за старую норму. В частности, ему режет слух набирающее силу окончание множественного числа в виде ударного *а*. ●●► В январе 2011 года

по радио ему довелось услышать и *протоко́л* и *аэропортá* с ударным *а* на конце; первое — от московского мэра Собянина, второе — от ведущего «Эха Москвы». ◀●● С горечью и раскаянием он должен признаться, что оказался глух к собственному произношению, за что получил заслуженный реприманд от великого филолога М. Л. Гаспарова. Дело было так. На одной из конференций, организованных «Новым литературным обозрением», автором было сказано: «Мои учителя учили меня говорить *профессоры*». И тут откуда-то раздался тихий голос Михаила Леоновича: «Полагаю, что вас этому учили ваши *учители*».

Когда Корнею Ивановичу Чуковскому, боровшемуся за правильность русской речи, указывали на безнадёжность его борьбы, он отвечал примерно следующее: «Я это понимаю, но Партия учит нас, что новое должно рождаться в борьбе со старым. Вот я и есть это старое». Не смея сравнивать себя с великим автором «Мойдодыра», прибегну к более скромной аналогии. Вторым после одноэтажной Америки главным героем «Одноэтажной Америки» Ильфа и Петрова является мистер Адамс, показавший авторам Америку. К своей жене мистер Адамс неоднократно обращается с практически одними и теми же словами, которые приведу здесь в формулировке последней, 47-й главы:

***Но, но, Бекки, не говори так.
Мне больно слушать, когда ты так говоришь.***

Приложение

В. А. П л у н г я н.

О значении термина «лингвистика»

Все знают, что лингвистика — это наука, задачей которой является «изучение языка». Однако что следует понимать под этим сочетанием? Что значит — изучать язык? Оказывается, что обычный человек (или обычный «носитель языка», как скажут лингвисты) склонен интерпретировать это сочетание по крайней мере двумя разными способами, и то понимание, которое является наиболее распространённым и наиболее очевидным для неспециалиста, соответствует задачам лингвистики как раз в гораздо меньшей степени.

Действительно, с точки зрения обычных людей, изучать язык — это значит приобрести способность *владеть* этим языком, или, иными словами, способность говорить на этом языке самому и понимать то, что говорят другие люди. При этом изучение языка в обыденном смысле чаще всего соотносится с изучением *инострального* языка, то есть такого, который не является родным для изучающего, но может применяться и к изучению родного языка: например, школьное изучение русского языка нацелено на приобретение таких навыков, которые у носителей этого языка могут изначально отсутствовать — прежде всего, умение писать в соответствии с существующими нормами орфографии и пунктуации («грамотность») или — более сложная задача — в соответствии с существующими стандартами письменной речи («культура речи»). Как бы то ни было, под изучением языка во всех этих случаях понимается приобретение каких-то умений или практических навыков.

Легко видеть, что это понимание довольно далеко от того, что обычно считается задачей науки. Исследователь изучает свой объект — будь то живые организмы, небесные тела, человеческое общество и т. п. — совсем не с целью приобрести непосредственно в результате этого изучения какие-то практические навыки (практическое *использование* полученных наукой результатов — это, как хорошо известно, совсем другой вид деятельности). Однако знание языка устроено таким образом, что человек может это знание

Фрагмент из раздела 1 статьи: В. А. П л у н г я н. Современная лингвистическая типология // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т. 81. — № 4. — С. 301—315. (Заглавие фрагменту дано автором настоящей книги. — В. У.)

приобрести или от рождения, или — в менее совершенном виде — путём обучения во взрослом состоянии. Это делает объект лингвистики — языковую способность человека — уникальным: мы не получаем от рождения знание о строении вещества или сведения о теории множеств, а знания о языке, которые дают нам возможность его использовать, мы от рождения получаем. Правда, мы не можем, как говорят лингвисты, это знание эксплицировать, то есть сделать доступным: языком мы владеем бессознательно. Тем не менее, это знание у каждого человека присутствует.

Итак, задача *теоретического* изучения языка (то есть эксплицитное описание сложнейших механизмов порождения и понимания текстов на этом языке) коренным образом отличается от задачи *практического* изучения языка, для решения которой человек лишь активизирует заложенные в нём природой механизмы бессознательного владения языком, а также память и другие когнитивные способности. И, несмотря на то, что в обыденной речи и то, и другое описывается сочетанием *изучать язык*, теоретическая лингвистика как наука имеет дело только с изучением языка в его первом понимании. Прилагательным по отношению к такой науке, как лингвистика, является слово *лингвистический*. Это прилагательное всегда означало (и должно означать) «относящийся к лингвистике», то есть к *научному изучению* языка. Однако в наши дни мы начинаем сталкиваться со злоупотреблением этим словом, когда оно используется в несвойственном ему значении — а именно, «относящийся к языку». При таком понимании наука смешивается с объектом этой науки, и результаты смешения оказываются, повторю ещё раз, далеко не безобидны. С недавних пор в нашей стране во множестве появились такие учебные заведения, которые называют себя «лингвистическими». Например, в Москве можно найти некоторое количество «лингвистических лицеев». Что это за лицеи? Может быть, они готовят начинающих лингвистов? Ничуть не бывало. Вот, на сайте одного из них (лингвистического лицея № 1555) ясно и чётко сказано, что он «является учебным заведением профильного типа, обеспечивающим углублённое изучение двух иностранных языков».

Сказано совершенно правильно, но только такой лицей должен был бы называться *языковым*, а не *лингвистическим* (и, безусловно, так бы и назывался лет 15—20 назад — ведь были же тогда *языковые* вузы и *языковые* спецшколы). Но только ли о лицеях речь — у нас имеются теперь и лингвистические университеты, и самый главный и известный среди них, МГЛУ — это бывший московский «ин-яз», то есть институт *иностранных языков*, задачей которого,

безусловно, является изучение языка — но только практическое, а не теоретическое. Так что это институт (или университет, как уж угодно его руководителям) *языковой*, но никак не *лингвистический*.

Почему же произошла такая подмена понятий? Причин, можно полагать, как минимум две. Во-первых, сказалось влияние английского языка, в котором прилагательное *linguistic*, в отличие от русского слова *лингвистический*, действительно многозначно: оно означает и «относящийся к лингвистике» (которая по-английски называется *linguistics*), и «относящийся к языку» (который по-английски называется заимствованным из старофранцузского словом с тем же латинским корнем, *language*). Небрежные переводчики, встречая такие английские сочетания, как, например, *linguistic skills*, не долго думая, передают их как «лингвистические навыки» вместо правильного «языковые навыки». Ошибка достаточно распространённая и, благодаря престижу английского языка в нашем теперешнем обществе, уже очень прочно пустившая корни. Фактически, речь идёт о том, что лингвисты называют «семантическим калькированием», то есть о появлении у слова нового значения, которое есть у него в языке-источнике, но не было в принимающем языке. В данном случае, однако, это калькирование никак нельзя приветствовать, поскольку оно создаёт неоднозначность там, где русский язык её изначально не имел.

Ну, а вторая причина совсем простая — это более высокий престиж самого слова *лингвистический*, которое, как мы видели, ассоциируется с «высокой наукой», с теорией, а не с практическим «изучением иностранного языка». Называя языковую спецшколу «лингвистическим лицеем», её создатели поступают примерно так же, как весьма антипатичный герой известных строк: *Он был монтёром Ваней, но... в духе парижан себе присвоил званье: «электротехник Жан»*¹⁸ (как видим, во времена Маяковского наиболее престижным в Европе всё ещё считался французский язык, а не английский). Однако «присваивая себе званье» лингвиста, переводчики и преподаватели иностранных языков посягают на чужое: их замечательные и нужные профессии к теоретическому изучению языка, увы, имеют весьма отдалённое отношение — не большее, чем садоводство к ботанике или та же профессия монтера — к теоретической физике.

Можно было бы и не обращать особого внимания на это, в общем невинное, желание словесно немного приукрасить и поднять

¹⁸ В. Маяковский, «Маруся отравилась» (1927). Впрочем, проницательные критики уже давно обратили внимание, что и *монтёр* — тоже французское слово, только более привычное.

свой статус, если бы не ряд печальных последствий такой путаницы. Вот уже и Министерство образования в 2010 году, переходя на новые образовательные стандарты, с трудом сумело понять разницу между специальностью «Лингвистика и межкультурная коммуникация» (а это, как можно догадаться, и есть бывшее преподавание иностранных языков и перевода) и специальностью «Теоретическая и прикладная лингвистика», которая с 1960 года существует в Московском университете (и в ряде других российских вузов) и как раз и обеспечивает подготовку исследователей языка, специалистов по теоретической лингвистике в точном смысле этого слова. И есть ли в этом особая вина сотрудников Министерства? Там лингвистика, тут лингвистика, поди разбери... Несведущему человеку так сразу ведь не объяснишь, что такое наука лингвистика на самом деле и что русское прилагательное *лингвистический* значит пока ещё не совсем то же самое, что английское прилагательное *linguistic*. А между тем, едва не произошедшее объединение двух специальностей в одно направление (спасло лишь мощное и единодушное вмешательство Российской академии наук и руководства крупнейших вузов страны) имело бы примерно такие же последствия для образования, как обучение физиков — по программе для монтеров.

Так что путаница в словах — как хорошо знают люди нашей профессии — может быть весьма опасна.

О русском языке, о дешифровке древних текстов, о «Слове»

Три области названы в решении солженицынского жюри, три области, за достижения в коих Андрей Анатольевич Зализняк удостоен Солженицынской премии. Это русский язык. Это дешифровка древних текстов. Это «Слово о полку Игореве». Премия присуждена по совокупности. Однако достижения в каждой из этих областей столь значительны, что могли бы претендовать на самую высокую премию и по отдельности. Вот об этом позвольте поговорить.

Сперва о русском языке. Исследования Зализняка в этой области начались с его русско-французского словаря, вышедшего в 1961 году. Словарь предназначался для франкоязычного пользователя. Русский язык флективен, и это ставит перед составителем рассчитанного на иностранца русско-иностранного словаря непростую задачу: надлежит либо включить в русскую часть словаря все формы слова, что едва ли возможно практически, либо сопроводить словарь правилами русского словоизменения — что и сделал Зализняк. Он приложил к словарю свой первый шедевр — краткий очерк русского словоизменения, то есть склонения и спряжения. Очерк поражал отточенной логикой изложения. Зализняк установил основные схемы, по которым происходит русское словоизменение, придумал удобную индексацию этих схем и снабдил каждое словарное слово соответствующим индексом. Этот очерк затем помещался во многих русско-иностранных словарях, а из наработок, относящихся к склонению, родилась знаменитая монография 1967 года «Русское именное словоизменение», вошедшая в золотой фонд русской и мировой лингвистики. Весной 1965 года от одного из руководящих языковедов МГУ (Тимофея Ломтева) мне довелось услышать такой вопрос: «А что, до Зализняка не знали, как склоняются русские слова?». Знали, конечно, но на уровне использования языка его

Речь при вручении 16 мая 2007 года премии Александра Солженицына А. А. Зализняку. Опубликовано в журнале: Новый мир. — 2007. — № 8. — С. 147—151.

носителями, а не на уровне исчерпывающего лингвистического описания. Полностью русское склонение было описано впервые именно Зализняком. Здесь существенно слово «полностью»: впервые было дано описание, не использующее слов «и так далее», многоточий и других подобных апелляций к аналогии. Параллельно шла титаническая работа над созданием «Грамматического словаря русского языка» — словаря, дающего для каждого (из более чем сотысячного списка!) русского слова все его формы. Работа продолжалась тринадцать лет и увенчалась выходом в 1977 году первого издания словаря. Словарь сразу стал событием в русистике и сделался необходимым не только лингвистам, но и всем, использующим русский язык. В 2003 году вышло его четвёртое издание. Сегодня пейзаж русистики немислим без этого словаря и предшествующей ему монографии. «Посмотри у Зализняка» стало такой же формулой, как «посмотри у Даля».

Теперь о втором поприще Зализняка — о дешифровке древних текстов. Имеются в виду грамоты на берёсте, но не только они. Что здесь сделал Зализняк, если ограничиться главным?

Первое. Для большого числа грамот, ранее читавшихся неправильно, Зализняк установил их правильный смысл, что иногда имело важные последствия. Вот два примера в упрощённом пересказе. Фраза «посылаю шуку и клещи» давала основание для далеко идущих выводов о развитии кузнечного дела на Новгородчине и даже о близости рыбной и кузнечной слобод. Оказалось: 'шуку и лещей'. Написание ДВЪРИКЪЛѢ неправильно понималось как 'двери кельи'. Зализняк разгадал правильный смысл: 'двери целы'. Однако так называемая вторая палатализация требовала, чтобы в этой позиции звук *к* изменился в звук *ц*, чего, как показала грамота, не произошло. Предпринятое Зализняком тщательное исследование проблемы привело его к пониманию, что в диалекте древних новгородцев вообще не было второй палатализации, — а ведь наличие её во всём славянском мире считалось аксиомой!

Второе. Когда предшественники Зализняка встречали затруднение в осмыслении грамоты, они нередко объявляли писца неграмотным или описавшимся и заменяли одну букву другой. Зализняк первым догадался, что те, кто писал грамоты, писали именно то, что хотели, но только пользовались при этом особой, отличной от книжной, бытовой графической системой, имеющей свои собственные правила. Тем самым система письма берестяных грамот обрела своё законное место среди других древних письменностей — а ведь до исследований Зализняка совокупность записей на грамотах трак-

товалась как хаотическая и ни в какую систему не укладывающаяся. Фонд памятников, использующих указанную систему письма, позволил, далее, восстановить тот диалект, на котором общались между собой древние новгородцы.

Третье. Изучив живой, бытовой язык, на котором писались берестяные грамоты, Зализняк установил, что в древнерусском языке существовали два основных диалекта: северо-западный, на котором и говорили новгородцы, и юго-центро-восточный, на котором говорили все остальные восточные славяне.

Четвёртое. Согласно широко распространённому мнению, различные языки и диалекты — и уж заведомо восточнославянские языки и диалекты — образовались путём дивергенции, то есть расхождения, расщепления, из некоего исходного языка или диалекта. Зализняк открыл, что в формировании того современного русского языка, на котором мы говорим, решающую роль сыграл процесс конвергенции, то есть схождения, двух древних диалектов древнерусского языка — северо-западного и юго-центро-восточного.

Пятое. Зализняк явился основателем нового раздела палеографии, а именно палеографии берестяных грамот. Более того, он довёл этот раздел до большей разработанности, чем традиционная палеография древнерусских рукописей. Предпринятое Зализняком тщательное исследование всех найденных грамот позволило ему чётко выделить основные визуальные признаки грамоты, разделив эти признаки на пять групп:

1) алфавитные (Зализняк называет их графическими), определяемые тем набором графем (то есть букв алфавита и других знаков), который используется в грамоте;

2) палеографические, определяемые конкретным начертанием графем;

3) орфографические;

4) лингвистические — связанные с фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими особенностями текста;

5) формулярные — связанные с языковым этикетом.

Для каждого из признаков Зализняк провёл анализ встречаемости данного признака в тех грамотах, даты коих были установлены археологами методом так называемого *стратиграфического датирования*, даваемого глубиной залегания пластов, в которых грамоты были найдены. При этом им были выявлены две критические точки на хронологической шкале: точка, ранее которой признак не встречается, и точка, позже которой признак не встречается. Значимость этих точек недооценивается традиционной палеографией. Точки эти

позволяют сразу отсеять некоторые признаки как нерелевантные — это те признаки, для которых критические точки находятся вне изучаемого исторического периода (для берестяных грамот это XI—XV века). А для каждого из релевантных признаков была определена частота его встречаемости в стратиграфически датированных грамотах. На основе критических точек и частот, установленных для различных признаков, Зализняком были составлены таблицы *вне-стратиграфического датирования*. Эти таблицы дают возможность датировать грамоту без апелляции к её археологической истории, на основе лишь её визуальных признаков — прежде всего алфавитных и палеографических.

Сама идея датировать предмет по его внешнему облику, опираясь на знание внешнего облика других, уже датированных, предметов, конечно, не нова — так искусствоведы датируют древнюю вазу по её орнаменту. Однако Зализняк внёс здесь существенные новации. Во-первых, им выявлено и работает на датирование около 500 признаков, что во много раз больше, чем в любом учебнике палеографии. Во-вторых, им предложена схема действий по датированию, основанная на здравом смысле: например, из того, что некий признак бывает в документах XIII века, указанная схема ещё не позволяет делать вывод, что обладающий этим признаком исследуемый документ непременно относится к тому же веку; вместо этого схема предлагает достаточно надёжный временной интервал. В-третьих, им были составлены удобные в пользовании таблицы, позволяющие как бы автоматически извлекать из них тот временной интервал, к которому грамота с высокой вероятностью принадлежит.

Шестое. В 2000 году в Новгороде была откопана деревянная книга первой четверти XI века — так называемый «Новгородский кодекс». Книга состояла из трёх дощечек с восковым покрытием и текстом, процарапанным по воску. Текст на воске читался сравнительно легко. Но были и тексты, нацарапанные на дереве, причём тексты двух видов: непосредственно нацарапанные на участках, не покрытых воском, и слабые следы, оставшиеся под воском от писания по воску. И те, и другие читались с огромным трудом. К тому же в течение десятилетий тексты на дереве наслаивались друг на друга. Требовалось сверхчеловеческое искусство, чтобы в паутине царапин увидеть осмысленный текст, точнее — много таких скрытых текстов, наложенных друг на друга. Зализняк увидел и прочёл эти скрытые тексты. Сама догадка, что воск пронзался писалом насквозь и поэтому на деревянной подложке должны были остаться царапины и что эти еле заметные царапины допускают прочтение, — сама эта

догадка представляет собою отдельное замечательное достижение. Одним дано попадать в цели, в которые не могут попасть остальные. Другим дано видеть цели, которые не видят остальные.

Наконец, о «Слове о полку Игореве». Зализняк доказал его подлинность — при том понимании слова «доказал», какое вообще возможно в филологии. Доказательство опирается на анализ раскрытых им тончайших закономерностей древнерусского языка. Гипотетический фальсификатор должен был бы обладать немислимыми качествами, а именно знать эти закономерности, иные из коих были обнаружены лишь недавно, — знать и скрывать своё знание от современников! Это при том, что, как известно, незнание можно скрыть, знание скрыть невозможно. Лет сорок назад я спросил Андрея Анатольевича, что он думает о подлинности «Слова». Он отослал меня к случившимся рядом Юрию Михайловичу Лотману и моему брату Борису Андреевичу Успенскому. «Разумеется, подлинное», — ответил Лотман. «Разумеется, подделка», — ответил брат. Сам же Зализняк ответа тогда не дал (сказал, что не знает). Вот теперь ответил. Скажу ещё, что если бы Зализняк с такой же убедительностью доказал поддельность «Слова...», это было бы не меньшим достижением. Главное, что в споре поставлена точка.

В трудах Зализняка проявляются следующие характерные черты его творчества.

Первая черта. Абсолютное владение фактическим материалом.

Вторая черта. Безупречность логического анализа.

Третья черта. Небывалая для гуманитарных сочинений ясность изложения.

Четвёртая черта. Небывалая для гуманитарных сочинений аргументированность изложения.

Пятая черта. Уникальный сплав теории и практики. Практическая задача по созданию удобного в пользовании русско-французского словаря стимулировала теоретическое исследование русского словоизменения. Это исследование привело к уточнению базовых лингвистических понятий, таких как грамматическая категория вообще, как частные категории падежа, числа, рода, одушевлённости; при этом было открыто, что слова типа *сани* и *ножницы* суть слова особого, четвёртого рода, а не слова, употребляемые только во множественном числе, как всегда считалось. И уже на основе построенной теории возник, в свою очередь, «Грамматический словарь». Этот вручную составленный словарь служит сейчас, как утверждают специалисты, основой компьютерных

программ анализа и синтеза словоформ для едва ли не всех систем информационного поиска, использующих русский язык.

Шестая черта. Способность к обозрению очень больших совокупностей текстов — причём совокупностей в известном смысле полных — с целью обнаружения закономерностей. Эта способность была необходимой и при создании «Грамматического словаря», и при создании методов внутренней датировки грамот.

Седьмая черта. Живое ощущение единства знания, отсутствие сектантского его разделения по ведомственным полочкам. Как разъяснил мне Валентин Лаврентьевич Янин, единство истории и филологии, характерное для энциклопедизма XVIII века, уже в XIX веке было в значительной мере утрачено, оставшись лишь в названии историко-филологических факультетов. Своим исследованием берестяных грамот и других древних текстов Зализняк возрождает это единство. Наряду с этим в монографии «Русское именное словоизменение» можно встретить математическую теорему об устройстве ударения в русском языке. Зализняк внёс решающий вклад и в проведение традиционных олимпиад по языковедению и математике, явившись, в частности, основателем нового, приближенного к математике, жанра лингвистических задач.

Восьмая черта. Научная честность и беспристрастность. Единственная цель — установление истины. С этим связано и тщательнейшее рассмотрение аргументов, выдвигаемых оппонентом.

И ещё кое-что, уже не относящееся, пожалуй, к научному творчеству. Большой учёный отнюдь не всегда хороший лектор. Зализняк — блестящий лектор. Неизменным успехом пользуются его занятия по структуре санскрита, древнеперсидского, арабского и других языков; слушателям раздаются краткие конспекты с необходимой грамматической информацией, а затем предлагаются домашние задания, состоящие в опирающихся на эту информацию чтении и анализе подлинных текстов. (Некогда член-корреспондент Рубен Будагов сказал мне: «Зализняк не имеет лингвистического лица. То он преподаёт арабский, то старославянский...».) А в амфитеатре Московского университета, рассчитанном на сотни слушателей, на ежегодной традиционной лекции Зализняка о лингвистических итогах очередного сезона новгородских раскопок каждый раз не хватает сидячих мест.

И последнее. Надо отметить чрезвычайную, иногда даже чрезмерную скромность Андрея Анатольевича. Семьдесят лет назад Пастернак высказал такой комплимент современному ему литератору: «Вы могли бы в гораздо большей степени навязать себя эпохе». Зализняк не навязывает себя эпохе. Скорей уж эпоха навязывает ему себя.

Борьба за лингвистику

— Владимир Андреевич, я хотела бы начать разговор с больной для меня темы. Когда началась оттепель, в конце 1950-х годов, в 60-е, началось и развитие ранее запрещённых, или забытых, или не существовавших наук. Вы создаёте лингвистику, отдаёте этому всю энергию, все силы, для Вас это было самое важное в течение долгих лет.

— Это Вы сказали. Разумеется, я не создавал лингвистику. Свою роль я оцениваю так: начиная с 1956 года я способствовал созданию атмосферы, в которой лингвистика в нашей стране могла бы развиваться как нормальная наука, свободная от идеологического прессинга.

— Такая мотивированность вообще была характерной для учёных вашего поколения. Примерно в те же сроки или чуть позже такое же брожение начинается в общественных науках. В них тоже приходят молодые талантливые люди, энтузиасты. После долгого отсутствия появляется и социология. Но проходит какое-то время, режим становится более жёстким, и серьёзная социология почти полностью уходит в подполье. В результате современный её уровень невысок. С лингвистикой этого не произошло.

— Это понятно. Потому что социология вторгается в понимание того, что такое наше общество, что такое наше государство, кто в нём управляет и кто управляется, какие там мнения. А это нельзя так. Вот Сталин умер, проходит Всесоюзная конференция «Основные проблемы марксистского языкознания».

— Сталин, как известно, интересовался языкознанием.

— Сталина нет, но проходит конференция под названием «Основные проблемы марксистского языкознания». Несут какую-то чушь, потому что если «марксистская» — это по определению ерунда. Так же как написать «буржуазное языкознание», «антимарксистское»,

Опубликовано на сайте: <http://polit.ru/article/2009/07/09/linguist/>.
Интервью из цикла видеобесед «Взрослые люди». Дано 30 января 2009 года.
Беседовала Любовь Бурсук.

какое угодно ещё. Языкознание — это наука, которая не бывает ни марксистской, ни антимарксистской. А вот социология — она бывает марксистской и немарксистской. Поэтому социология — наука идеологическая. И совершенно понятно, что её зажали. Вы смотрите на фотографию¹: там молодой Зализняк, молодой я...

— **Вы там самый страстный, кому-то что-то доказываете. Причём Ваш оппонент находится за кадром.**

— Знаете, что это такое? Были такие олимпиады лингвистические.

— **Они и сейчас есть.**

— Да, и сейчас есть. Я очень горжусь, что они получили государственный статус, потому что если мы с вами проведём олимпиаду по филателии, то её никто не признает. И человек, который получил там хоть суперпремию, не имеет никаких прав. А вот тот, кто победил на математической олимпиаде...

— **Это хорошо, это круто.**

— Правильно. Лингвистическая много лет добивалась, чтобы её признали официальной. Признали, и в списке она идёт как Традиционная лингвистическая олимпиада. Вот словом «традиционная» я страшно горжусь. Потому что Вы даже себе представить не можете, как надо мной издевались. Я был председателем оргкомитета первой олимпиады. И я постановил назвать её «Первая традиционная».

— **Чтобы ни у кого сомнений не было, что это не случайно.**

— Первая традиционная. Теперь всюду стоят рекламные щиты, а в 60-е годы стояли тумбы. Вот я помню тумбу в центре Москвы, и на ней висят афиши. Я прохожу и вижу: «Первая традиционная олимпиада по языковедению и математике». Все смеялись, но ведь теперь происходит уже (не помню точно) тридцать какая-то олимпиада.

— **И на турнире Ломоносова есть лингвистика...**

— И международная есть. Хотя я не могу сказать, что это всё я придумал. К чему я это всё говорю? Да, эта фотография была сделана, когда заседал оргкомитет одной из первых олимпиад. В центре сидит Александр Дмитриевич Вентцель. Вам ничего не говорит это имя?

— **Как же? Все знают Елену Вентцель — писательницу И. Грекову.**

— Так это её сын. Он председатель оргкомитета второй олимпиады. А ещё мы с Зализняком молоденькие.

— **Совершенно замечательная фотография.**

— Да-да. Вы видите, я передаю свой опыт, но в таком агрессивном стиле. С той самой нездоровой страстностью, которую Вы отметили. Ничего хорошего в этом нет, конечно.

¹ Эта фотография вынесена на суперобложку настоящей книги. — *Примеч. ред.*

— *А почему Вы смотрите за кадр? Там что, Ваши противники находятся?*

— Нет, противников нет. Просто мы здесь втроём сидим, но оргкомитет-то не из троих состоит — там много людей более младших: аспиранты, студенты, и я им что-то говорю, как-то их поучаю.

— *Наша лингвистика дала имена мирового уровня, причём они появились очень быстро, а вот с социальными науками, да и многими гуманитарными, не так блестяще.*

— Лингвистика ведь не совсем гуманитарная наука. У меня такое ощущение, что математика в значительной степени гуманитарна. Это сложный вопрос, но вот математическая логика, которую я люблю, безусловно, наука о языке. Чем отличается математическая логика от всех остальных математических наук? Тем, что если во всех других математических науках, написана какая-то формула, то неважно, как она написана: как сейчас или как когда-то. Это сейчас изобрели математическую запись: $x^2 + 3x + 5$. А в каком-нибудь XV веке писали так: некое количество на три и на себя умноженное, к себе прибавленное... Понимаете? И тем не менее, в такой записи решали уравнения третьей и четвёртой степени. Это были совершенно великие люди — решали в такой записи! И тем не менее, в математике совершенно не важно, как это записано — запись облегчает расчёты, а суть остаётся та же. А вот математическая логика изучает именно то, что написано, — слова.

Вот у Гамлета «слова, слова, слова...». Слова, саму последовательность знаков математическая логика и изучает. Эта логика является языком, но формализованным, построенным по очень точным правилам. И лингвистика занимается языком, но аморфным. Поэтому это и близко на самом деле. В чём состоит одна из главных проблем лингвистики? Только её никто не может решить до конца. Возникает вопрос: нельзя ли как-то описать правила естественного языка? Как отличить правильно построенное предложение русского языка от неправильного? Это невозможно — нет никаких точных правил. Разумеется, многие фразы без труда опознаются как правильные (например, *Собака увидела кошку*) или неправильные (например, *Собаки увидел кошке*), но речь идёт о некоем универсальном определении, позволяющем отличить правильное от неправильного во всех случаях.

К тому же ситуация меняется со временем — в сторону расширения понятия правильности. Предполагаю, что если бы в XVIII веке кто-либо произнёс фразу *Ворота залаяли на собаку*, все сказали бы, что так говорить нельзя, что эта фраза неправильная. А в XIX веке уже сказали

бы, что такое может случиться в сказке, и потому эта фраза грамматически правильна. Но и тут грамматическая правильность опирается на правильность семантическую, смысловую. Современная лингвистика стремится отделить грамматическую правильность от правильности смысловой. Замечательный российский лингвист Лев Владимирович Щерба на рубеже 1920-х и 1930-х годов предлагал студентам такой, ставший впоследствии знаменитым образец грамматически правильной фразы: *Гло́бая ку́здра штéко будла́нула бо́кра и курдя́чит бокрё́нка*. А американский лингвист Ноам Хомский², он же Чомский, оказавший значительное влияние на развитие лингвистики во второй половине XX века, придумал такой пример: *Colorless green ideas sleep furiously*. В своей книге «Синтаксические структуры» («Syntactic Structures»), вышедшей в 1957 году, он писал:

Понятие «грамматически правильный» не может отождествляться с понятиями 'осмысленный', 'значимый' в каком бы то ни было семантическом смысле. Данные ниже предложения (1) и (2) равно бессмысленны, но любой носитель английского языка назовёт грамматически правильным лишь первое.

(1) Colorless green ideas sleep furiously. («Бесцветные зелёные идеи спят яростно».)

(2) Furiously sleep ideas green colorless.

Историческая для меня встреча произошла в сентябре 1950 года. Тогда я встретился у своих друзей с Вячеславом Всеволодовичем Ива́новым, хотя тогда он не был Вячеславом Всеволодовичем...

— Он был *Кóмой*.

— Комой он в какой-то степени и сейчас для многих остался, для меня, в частности. Он тогда был студентом-пятикурсником, я учился на четвёртом курсе. Мы поговорили и поняли, что науки наши близки. И подумали, а нельзя ли их ещё больше сблизить. Это был существенный толчок, и в 1956 году, когда я ещё не думал ни о каком лингвистическом образовании, мы с ним учредили семинар на Филологическом факультете.

— *Знаменитая русская традиция семинаров. Или дома, или ещё где-то, но семинары.*

— Это был семинар на Филологическом факультете университета. Поскольку математическая лингвистика — это была почти кибернетика, а кибернетика была ещё запрещена, про математическую лингвистику писали только «так называемая», поэтому мы написали:

² Noam Chomsky.

«Некоторые применения математических методов в языкознании». Не подкопаешься!

— *Вы ведь вообще мастер придумывать замечательные названия. Потом это было с Лотманом и с вторичными моделирующими системами.*

— Да, потому что семиотику называть было нельзя, не годился симпозиум по семиотике. Вторичные моделирующие системы — очень научно, совершенно непонятно, но если потребуют под страхом смерти, можно объяснить.

— *А поскольку непонятно, объяснить можно как угодно.*

— Вы знаете, там была некоторая идея. Вот если язык — это первичная система, то всё, что над ним настраивается, вторичная. Я сказал это из чистого хулиганства, но Лотману понравилось.

— *Оценил красоту формулировки.*

— Да. Так вот, учредили мы с Комой такой семинар. Мы были ещё маленькие — оба ещё ассистенты, я — Механико-математического, он — Филологического факультета, нам бы самим никто этого не разрешил. Поэтому мы пригласили нас прикрыть очень замечательного профессора Филологического факультета Петра Саввича Кузнецова, друга детства Колмогорова. Поэтому семинар был его и нас двоих, но более активными были мы. Он был очень милый, нам помогал. Так и пошло. А потом — откуда появилась идея лингвистического образования? Сначала я, ужаснувшись, что лингвисты не знают простых вещей в математике, объявил факультативный курс по математике на Филологическом факультете.

— *Хотя филологи панически боятся математики, само это слово вызывает у них ужас.*

— Так курс не для всех, только для желающих. Немного оказалось желающих, но среди них был Зализняк, например. Тогда мы с ним и познакомились, и он меня абсолютно потряс. Он задавал какие-то вопросы, чрезвычайно глубокие, но совершенно перпендикулярные к вопросам всех остальных и к тому, чего я мог ожидать. Какой-то такой был поворот в его вопросах, словно он с другой стороны на всё смотрел. Сразу стало ясно, что это гений. Он и есть гений. Кстати сказать, гениев очень немного. Нельзя сказать, что все гении, как это сейчас принято.

— *Гениев крайне мало.*

— Я вот в своей жизни общался только с тремя: с Зализняком, с Пастернаком и с Колмогоровым, больше ни с кем.

— *Это очень много.*

— Да. Я не могу сказать, что был близко знаком с Пастернаком, но я всё-таки с ним беседовал несколько раз. С Колмогоровым,

конечно, больше. Так что я не бросаюсь словом «гений». А потом произошло следующее. Возник вопрос об открытии специализированного отделения на Филологическом факультете — отделения структурной и прикладной лингвистики.

— *Вы ведь хотели назвать его отделением теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ), как оно и называется ныне.*

— Да, и называлось в первое время. Владимир Андреевич Звегинцев настаивал, чтобы отделение называлось структурной лингвистики, а не теоретической. Это понятно, потому что он заведовал кафедрой структурной и прикладной лингвистики.

— *Жизнь людей — жизнь идей.*

— Тогда отделение будет под ним. А я говорил: «Что такое отделение структурной и прикладной лингвистики? Надо открыть отделение лингвистики». Я очень хорошо помню это совершенно замечательное заседание. Почему меня туда позвали, я не очень хорошо понимал — я был маленький. Это было в мае 1959 года, я был ассистентом Мехмата, но позвали. Я там сказал, что надо открыть отделение лингвистики, просто лингвистики. Ректор МГУ Петровский очень удивился, я сейчас объясню почему. Он считал, что такое отделение там есть. Дело в том, что ректор — математик, мы оба с ним на Мехмате. Он читал мне лекции, помнил меня ещё как студента, я сдавал ему экзамен. Механико-математический факультет делится на два отделения — есть отделение механики и отделение математики. Есть кафедры механики и есть кафедры математики. Одни студенты заканчивают по специальности «механика», другие по специальности «математика».

— *Одни на вступительных экзаменах сдавали физику, а другие нет.*

— А как люди кончают Филологический факультет, что им пишут в дипломе? В дипломе написано, что его специальность «русский язык и литература» или «романо-германские языки и литература» — такая вот каша. Мне казалось естественным, что выпускник должен быть лингвистом или литературоведом. Конечно, они так психологически и делятся.

— *Прошло 50 лет, а до сих пор так и пишут.*

— Конечно. Вот Петровский и удивился, что нет двух таких отделений. Я ему всё объяснил на этом заседании и сказал, что надо разделить Факультет на две такие части. Литературоведов там не было, а лингвисты были категорически против, стояли насмерть.

— *Но почему? Это же было в их интересах.*

— Это меня до сих пор удивляет. Я не понимаю, почему лингвисты были против лингвистики. Была там такая очень яркая женщина — Ольга Сергеевна Ахманова. Сейчас её мало кто помнит, а она была

женщина очень способная, очень яркая, талантливая, долго-долго заведовала кафедрой английского языка. Она произнесла очень почувствованную речь, она сказала: «Я всегда думала, когда мне уйти на пенсию, и вот теперь я поняла. Когда предложение Владимира Андреевича Успенского будет осуществлено, вот тогда я уйду». Они стояли насмерть. Петровский понял, что если сами лингвисты против, то что тут поделаешь. Тогда я сказал, что отделение, которое открывается, должно называться не структурной и прикладной, а теоретической и прикладной лингвистики. Я исходил из того, что ничего другого не бывает. Какая ещё бывает наука, кроме теоретической и прикладной?

— *Это название покрывает весь континуум.*

— Да, весь континуум. Звегинцев выступил против, но Петровский меня поддержал. Но потом всё-таки Звегинцев переименовал отделение под свою кафедру. Отделение возродилось в своём первоначальном названии «ОТиПЛ» только в 1992 году, когда перестал быть ректором МГУ Логунов, который в основном боролся с Эйнштейном. Произошла смена власти: ректором был избран Садовничий, а заведующим кафедрой Кибрик, и ситуация на Филологическом факультете начала меняться. До этого был период полного безвластия, когда кафедра вообще была ликвидирована.

— *Вообще в университете не было лингвистики?*

— Сейчас я объясню. Кафедра структурной и прикладной лингвистики (СиПЛ) выделилась из кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания. Это была единственная кафедра, которая до появления нового отделения, где была не просто филология, а имела лингвистическое название. Там работал Звегинцев, он оттуда и выделился в новую кафедру. Потом Звегинцев много сделал глупостей, и даже его верный ученик, уважающий его Кибрик, пишет, что он из друзей делал врагов. В частности, из меня. Я сам тоже виноват, конечно. Он со всеми поссорился на Филологическом факультете, и когда его сняли, то кафедру присоединили обратно. Она стала называться кафедрой общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания. То есть всё туда запихали, но без структурного, конечно, и без теоретического. Тогда Юрий Владимирович Рождественский заведовал кафедрой. Тоже колоритная фигура, но о нём нужен отдельный рассказ.

Это Логунов так поступил с этой кафедрой. Там при Звегинцеве кто-то уехал в Израиль, а многие из остальных участвовали в проводах. И наряду с традиционным для нашей страны, увы, антисемитизмом, государственным в том числе, здесь главным было другое — прекрасный повод придрататься к кафедре, которая всех раздражала. Математика там какая-то, вообще она какая-то не наша.

— Владимир Андреевич, а почему у Зализняка всё время были какие-то проблемы: молодого его не ценили, да и потом тоже. Мне кажется, недостаточно уважительно к нему там всегда относились.

— Он человек очень тщательный, очень скромный, патологически скромный, и он кандидатскую диссертацию представил уже ближе к своим тридцати годам, в самые первые дни 1965 года.

— Ему просто неинтересно было заниматься этими формальностями?

— Да, но зато его кандидатская диссертация — это был полный переворот в науке, полный. Потом она стала основой его великой книги «Русское именное словоизменение», где впервые было полностью описано склонение русских имён. Я очень хорошо помню, как за мной бежал по коридору Тимофей Петрович Ломтев — такой руководитель университетской лингвистики. Я даже не могу сказать, что это был плохой человек, науку он любил, и одновременно был секретарём парткома. Он меня догнал и спросил: «Ну что, до вашего Зализняка не знали, как склоняются русские существительные?».

Объяснить ему было нельзя, ведь если выйти на улицу, люди, носители языка, знают, конечно, как склонять. За исключением родительного множественного от слова «кочерга». Это известная проблема: «кочерг» или «кочерёг». Знали, но знали на уровне стихийном, уровне носителя языка, а не на уровне научного описания. Ведь и дикари умеют склонять существительные своего языка, но это не означает, что они могли бы описать систему их склонения. А до Зализняка полного научного описания склонения русских существительных и других имён (прилагательных, числительных, местоимений) не было. Во всех самых что ни на есть сверхакадемических грамматиках такого описания не было. Всегда были некоторые примеры, а в конце написано «и так далее». Полное описание, без «и так далее» и без всяких исключений — сама задача была гигантская, титаническая. Потом он описал спряжение глаголов, и это легло в основу «Грамматического словаря» Зализняка — фундаментальный труд, героический.

Так вот, когда он представил кандидатскую диссертацию, то представил её в совет Института славяноведения — он был скромным младшим научным сотрудником этого института. А студенты очень любили Зализняка, потому что он не только великий лингвист, но и совершенно блестящий лектор, что бывает совершенно не всегда. Например, Колмогоров был великий учёный, но его лекции для студентов были для них совершенно непонятными. Его лекции для студентов понимали аспиранты, лекции для аспирантов — кандидаты

наук, а лекции для докторов наук не понимал никто. Это хорошо известно. В отличие от его публичных лекций. Его публичные лекции, которые он читал для широкой публики в Политехническом музее, все понимали. А тут он считал, что он же говорит коллегам, зачем он будет упрощать? Просто даже неудобно перед ними. Поэтому он на всякий случай для ясности перескакивал через восемь предложений, и переходил сразу к девятому — это же очевидно, как из первого предложения следует девятое. Зачем тратить время, и занимать слушателей такой очевидной тривиальностью. У Зализняка как раз студенты всё понимали, лекции он читал замечательно, и студенты его очень любили. И вот что мне рассказала такая Саша Раскина.

— Одна из студенток первого набора и первого выпуска лингвистики.

— Жена потом того Вентцеля, которого Вы видели на фотографии. Быть может, самая талантливая из всех, кого мне довелось учить на ОТиПЛе, хотя у неё степени нет, она потом уехала в Америку. И вот несколько студентов пошли к Звегинцеву и сказали ему, что хотят, чтобы Зализняка у них было больше. А Звегинцев им ответил: «Зализняк, конечно, очень милый мальчик, но это несерьёзно». Когда Раскина мне это рассказала, я до сих пор помню своё состояние: меня мог схватить инсульт, инфаркт в ту же минуту. Короче говоря, возникла такая идея, причём не только и не столько у меня, сколько у Лоры Филипповой, тогдашней жены замечательного математика, покойного Роланда Львовича Добрушина, что для спасения лингвистики необходимо срочно сделать Зализняка доктором наук. Потому что когда он будет доктором...

— В математике это не редкость, а вот в гуманитарных науках не принято совершенно.

— Да, а как это сделать? Поэтому были предприняты невероятные усилия...

— Интриги.

— Интриги. А проблема ещё была вот в чём. Мы добились от Института славяноведения, чтобы защита состоялась именно у них. Это большая отдельная история.

— Можно всем желающим книгу Вашу порекомендовать — «Труды по НЕматематике», там она подробно описана.

— Да, вкратце описана. В общем, ценой невероятных усилий добились от Института славяноведения, чтобы эту диссертацию рассматривали как докторскую. Ведь в те времена (да и сейчас тоже) ВАК каждые два года менял инструкции, чтобы было понятно, что он вообще работает. В какие-то другие времена, если кандидатскую диссертацию признавали достойной

докторской степени, надлежало сначала защитить её как кандидатскую, потом принять специальное решение Совета, что она соответствует требованиям к докторской диссертации, и через несколько месяцев, с другими оппонентами защищать уже как докторскую. А в то время было сразу два голосования в один день (одно на степень кандидата, другое — на степень доктора). Я могу сказать, что он защитил диссертацию 26 мая, а 19 июня Пленум ВАКа принял решение о выдаче ему диплома.

— *Такого не бывает никогда. Этого Вы добились?*

— Да. Дело в том, что было очень важно, чтобы никто не спохватился. Потому что на докторской защите зачитывалось письмо единственного академика — члена Совета (сам он не пришёл) против этой защиты. Это Михаил Николаевич Тихомиров — известный историк. Надо сказать, что письмо было абсолютно разумным. Он писал так: если, как утверждают оппоненты, эта диссертация такая гениальная, пусть она защищается в Институте русского языка или в Институте языкознания, или на Филологическом факультете МГУ — в лингвистическом, филологическом месте. Но не в Институте славяноведения, где Совет в значительной степени состоит из историков, экономистов и музыковедов, которые исследуют, как там древние хорваты дудели на глиняных дудочках.

— *Неужели он не знал, что есть подводные камни, которые этому препятствовали?*

— Нет, он ничего этого не знал и знать не хотел. А дело в том, что в любом лингвистическом институте его бы провалили с треском³. Короче говоря, он защитил диссертацию.

Вот Вы оценили сроки. Пришёл он защищать свою кандидатскую в марте, и это было очень драматично, потому что огромное количество народу собралось на его защиту. Тогда ещё объявления печатались в «Вечёрке», у меня есть эта «Вечёрка»⁴.

— *Объявления про защиты и про разводы. Тогда тех и других ещё было не так много, как теперь.*

— Кандидатская защита Зализняка, кандидатская! Тут мы вылезли все — оппоненты, ещё одного оппонента нашли, как положено для докторской, подписали все бумаги и думали, что у нас выйдет. Но, конечно, ничего у нас не вышло, и нельзя ругать руководство Совета, потому что директор института сказал: «Пусть он защищает кандидатскую диссертацию, это я вам гарантирую, либо пусть это всё откладывается, и мы будем всё это изучать». И вот они стали всё это изучать, а в это время Зализняка стали призывать.

³ См. сноску 10 на с. 141 настоящей книги.

⁴ См. иллюстрацию на с. 124 настоящей книги.

— *Как теперь говорят, плохой аспирант — это хороший солдат.*

— В это время призыва не было, но пришла повестка из горвоенкомата, и все объясняли, что это очень плохо — не райвоенкомат, а горвоенкомат. То есть им заинтересовались специально, и даже понятно, почему. В это время в «Науке и жизни» вышла статья о том, что он полиглот, и знает 40 языков.

— *Тогда действительно хороший солдат, ценный кадр.*

— Взять в парашютные войска и сбросить в Парагвай.

— *И 40 «языков» он приведёт.*

— Приведёт индейца. Короче говоря, мы были в полном шоке — это я к тому, чтобы нарастить драматизм рассказа. Конечно, когда он стал доктором, Звегинцев тут же прозрел, оценил и пригласил его профессором. А когда пришёл Рождественский, то его уволили. Точнее, не совсем так. В МГУ он всегда был совместителем, и ежегодно надо было заключать новый контракт, ну и не заключили. И всё.

— *Но мне кажется, что репутация Рождественского должна была сильно пострадать. Потому что человек, который уволил Зализняка, портит свою собственную репутацию.*

— В советское время репутация более сложным образом определялась.

— *Ну и сейчас не менее сложным образом, хотя есть науки, где понятие репутации всё же существует.*

— И только 12 июня 2008 года, когда в Кремле Зализняк получал Государственную премию из рук Президента, то там же ректор МГУ Виктор Антонович Садовничий вручил ему удостоверение профессора Московского университета. Дело было так. Я встретил Садовничего в Кремле, ещё до вручения премии, и говорю: «Вот такая просьба. Есть Зализняк, который сейчас будет получать премию. Ему не нужны деньги, не нужно платить ему зарплату. Нужно, чтобы его пускали в Университет». Его ведь на собственные лекции не пускали. Хотя Садовничий распорядился, чтобы по удостоверениям академиков пускали, но поскольку вахтёрам удостоверение академика почти никогда не предъявляют, то они его не знают. Где-то есть такой приказ, но они это удостоверение не узнают. Садовничий мне ответил замечательно: «Вы обо мне плохо думаете». Он достал из кармана удостоверение, уже выписанное в этот же день. А потом, уже после получения Зализняком премии, он меня снова встретил и сказал: «Уже вручил».

— *Владимир Андреевич, теперь о другом. В своей книге Вы пишете, что когда шёл первый набор студентов-лингвистов, предпочтение отдавали мальчикам, а девочек вообще брать не хотели. Почему?*

— Я этого не знал, а узнал уже после приёма от одной девочки — теперь она Ольга Фёдоровна Кривнова, доктор наук и прочее-прочее. Она не могла объяснить, почему не принимали. По-видимому, считали, что это что-то такое важное, может быть, даже закрытое, военное, компьютерное. А может быть даже, это мои собственные домыслы, связано с криптографией, например. Но это всё это я высасываю из пальца, потому что она тоже не могла объяснить этого. Но у неё был очень энергичный отец...

— А что ей и другим девочкам сказали?

— Не принимаем, и всё. Есть же военные академии, школы милиции. Не знаю, как сейчас, а раньше туда девочек не принимали.

— Более того, раньше и в инязе на переводческий брали только мальчиков.

— Ну вот, чего же Вы хотите? А почему на переводческий принимали только мальчиков? Военные переводчики — у всех у них была военная специальность. В общем, не знаю, объяснить не могу. По-видимому, это решение было не на очень высоком уровне принято, не на уровне Политбюро, а на уровне Министерства образования. Так вот, у Оли был очень энергичный отец, а она, естественно, как любая нормальная девочка, рассуждала так: если берут только мальчиков, то туда-то мне и надо. Не потому, что я там буду одна среди мальчиков, а потому что место, значит, хорошее. И отец добился. Взяли двух девочек, по крайней мере.

— А в следующие годы уже таких ограничений не было?

— Нет, только в первый раз. Сперва только двух, потом ещё.

— Владимир Андреевич, я знаю одного замечательного парня, который сейчас учится на лингвистике, там почти нет ребят. Он этих девушек просто не воспринимает, слишком уж их много. Такая интоксикация возникает у мальчиков. Насколько хорошо, что мальчики не идут на лингвистику?

— Плохо, плохо.

— Ведь если на какую-то специальность идут одни женщины, это не очень хороший признак.

— Плохо. Когда я учился на Мехмате, в моей группе была сначала только одна девочка, а все остальные были мальчики. А сейчас там не меньше трети девочек, может быть, даже половина. Короче говоря, хотя это плохо, но с этим бороться невозможно.

— Почему ребята не идут на лингвистику?

— Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что очень много факторов влияет на выбор специальности. Раньше, при советской власти, которую я отнюдь не собираюсь защищать, меньше думали о перспективности специальности. Шли туда, где интересно. А теперь,

когда ещё часто нужно платить за обучение, родители говорят: «Иди туда, где перспективно».

— ***Где денежно.***

— Да, где денежно. Вот кончит юридический, экономический, это перспективно. Но на самом деле и лингвистика довольно перспективна. Сейчас кризис, может быть, эти фирмы сейчас закроются. Но пока все фирмы типа Яндексa, Гугла и т. п., которые создают поисковые системы, автоматические системы перевода и прочее, они набирают математиков, программистов, лингвистов, и платят им хорошо.

— ***Да, я знаю, у меня много знакомых работает в Яндексе и в Гугле, в том числе и лингвисты. И платят хорошо, и атмосфера хорошая.***

— Атмосфера хорошая, но зато надо приходить на целый день работать. Не свободная жизнь. Не могу объяснить эту ситуацию — такое маленькое количество мальчиков на лингвистике, конечно, это печально.

— ***А как за эти годы изменилось качество подготовки лингвистов?***

— Немножко выросло, но по большому счёту мало изменилось.

— ***Но находится на хорошем уровне?***

— В школе так ужасно учат, что хорошей подготовки после школы практически нет.

— ***На тот же Мехмат очень много ребят приходит после математических школ, а математическое образование у нас хорошее. И на лингвистике такие тоже есть.***

— Хорошее, конечно. Более того, я Вам скажу, что очень горжусь одной нашей студенткой, она сейчас на третьем курсе, её зовут Юлия Зинова. Она получила премию на Московской математической олимпиаде. Эта премия давала ей при поступлении на Мехмат автоматические пятёрки по письменной и устной математике. А так как у неё была ещё медаль, то это давало ей пятёрки по всем остальным предметам. То есть она могла просто прийти и...

— ***И положить документы на стол.***

— А на Филологический факультет ей пришлось ещё сдавать экзамен — писать сочинение.

— ***Как известно, за сочинение автоматической пятёрки не ставят, так что надо было сдавать и остальные предметы.***

— Как и Мехмат, который за медаль поставит по сочинению пятёрку, а по математике не поставит — и правильно сделает. Но

она предпочла не гарантированное поступление на Мехмат, она пришла к нам на ОТиПЛ⁵.

Я могу сказать, что у меня две гордости: что Зинова пришла к нам, а не на Мехмат, а второй случай произошёл в очень древние времена, когда был очень серьёзный экзамен по математике на ОТиПЛ. Сейчас, конечно, нет. Тогда произошёл такой эпизод. Правда, речь шла о поступлении не на дневной Мехмат, а на вечерний.

— *Разве есть вечерний Мехмат?*

— Сейчас нет, а тогда был. Требования на экзаменах там были чуть-чуть слабее, чем на дневном...

— *Но всё равно выше, чем сейчас.*

— И выше, чем всюду, на всех остальных факультетах. И если человек не прошёл по конкурсу на какой-нибудь факультет, он мог отнести эти же отметки на другой. Если он не прошёл на Геологический, он мог пойти на Географический, и его принимали с этой же отметкой по математике. Но если бы он эту отметку по математике принёс на Мехмат, её бы не засчитали. Единственный случай, когда засчитали (правда, на вечерний Мехмат), это была студентка, которая получила у нас пять, но не прошла по конкурсу из-за иностранного языка или сочинения, не знаю. Когда она пришла на Мехмат, посмотрели, где она получила пятёрку, и сказали: «Раз на Филологическом сдавала математику, это серьёзно, засчитываем». Когда я об этом узнал, это были просто именины сердца.

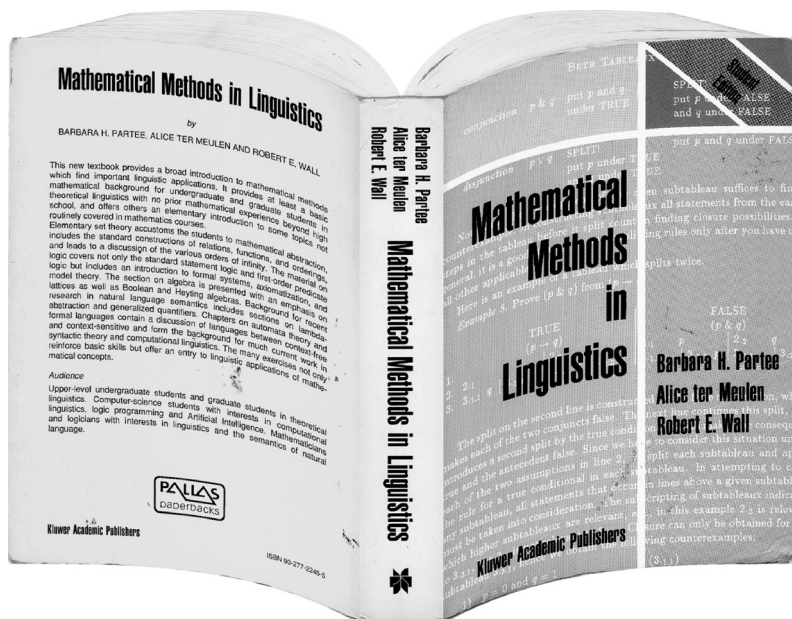
— *Я Вам очень благодарна, мне было очень интересно. Спасибо!*

⁵ ●● В 2011 году Юлия окончила ОТиПЛ и серьёзно занялась компьютерной лингвистикой. Она участница международных грантов и конференций, а также частая гостья Летней школы «Современная математика» в Дубне. ◀●●

Зачем лингвистам нужна математика?

Добрый день! Меня зовут Владимир Андреевич Успенский, я заведую одной из кафедр Механико-математического факультета Московского университета. Мне предложили говорить о том, если грубо сказать, зачем лингвистам нужна математика. Честно говоря, я бы предпочёл, чтобы это сделал какой-нибудь лингвист. Потому что ясно, что математик всюду пытается «протащить» свою науку. Ну, вот так вышло, что придётся говорить мне.

Я начну с того, что покажу вот такую книгу. Думаю, что все достаточно знают английский язык, чтобы понять, что она называется

Ранее в виде текста не публиковалось. Десятиминутное интервью, данное 13 мая 2010 года сайту lingling.ru «Лингвистика для школьников»: <http://vimeo.com/12015130#>

«Математические методы в лингвистике». А произвести я хочу впечатление не содержанием её, которое невозможно, конечно, обозреть за такое короткое время, а толщиной. Издана она известным издательством Kluwer. Вот как сейчас понимается связь математики с лингвистикой вообще на Западе.

Теперь, среди наших современников и соотечественников имеется великий лингвист Андрей Анатольевич Зализняк. Его классическая книга — «Русское именное словоизменение». Она издана в 1967 году. И вот в ней на с. 183 идёт первая теорема, вторая теорема, чуть позже и ещё одна, третья теорема. Это теоремы о том, что если описывать ударение в русских словах и ввести такое понятие «условное ударение», а именно, считать, что в слове *стол* ударение на окончании (обычно говорят «там нет никакого ударения, это же односложное слово»), причём существенно, что не на корне, а в слове *стул* ударение, наоборот, на корне, то тогда, как показывают теоремы Зализняка, описание русского ударения существенно упростится — количество разнообразных схем станет минимальным.

Вот, например, нас учат в школе, что в русском языке шесть падежей. А не задумывался ли кто-нибудь, шесть чего? Шесть окончаний? Нет. Шесть вообще чего? Каких именно сущностей шесть?

Это такие отдельные примеры, где математика может помочь в лингвистике.

Должен сказать, что первое научное определение падежа (кстати, современная наука уже большее количество падежей насчитывает) дал великий математик, наш современник, но уже, к сожалению, покойный, Андрей Николаевич Колмогоров. И с этого, с его определения, началась научная теория падежа.

Математика нужна всюду, скажем, в фонетике, где звуки описываются некими графиками и математическими формулами, и в синтаксисе, где описывается синтаксическая структура некоторой геометрической картинкой, я уж не говорю о всевозможных современных поисковых системах. Когда вы что-то ищете в Яндексе или в Гугле, то там применяются очень тонкие современные методы лингвистики, в частности, разработанная Зализняком система словоизменения русского языка, лингвистические алгоритмы представления синтаксической структуры предложений, и, что очень важно, лингвистическая статистика. Без статистики лингвистической вообще никакого языкознания не бывает, потому что совершенно ясно, что нужно понимать, что встречается часто, а что — редко; а для этого очень важно понимать, что мы считаем.

Поэтому на отделении теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета Московского университета, на котором я имею честь преподавать, в течение пяти лет преподаются разные математические дисциплины. Но следует думать, что все факты, которые там сообщают, каждому лингвисту понадобятся. Может быть, вовсе и нет. И цель этого преподавания совершенно другая. Я позволю себе такое сравнение. Все моряки проходят практику на парусных судах. Я имею в виду не военных моряков, не знаю, как это у них устроено, наверное, это военная тайна. А вот все гражданские моряки проходят практику на парусных судах. Хотя, как вы прекрасно понимаете, никаких бом-браселей там и фок-мачт сейчас нет. Но без этого невозможно, оказывается, стать грамотным моряком. Я не знаю, в школе сейчас проходят военное дело или нет. Все эти артикулы, «к ружью», «на плечо», «на перевес», «налево кругом» и прочее. Во время боя ничего этого не происходит, как вы понимаете. Но это тоже необходимо. Это там вырабатывает некоторую морскую дисциплину, здесь — некоторую военную дисциплину. А математика вырабатывает тоже дисциплину, только дисциплину другого рода, — дисциплину мышления. И в этом её главная задача, в выработке дисциплины мышления и внедрении нового взгляда на лингвистические сущности. Не говоря уже о том, что математика — это такая общая наука, которая содержит все категории, которые в состоянии всё описать, в частности и лингвистические явления.

Самое главное, может быть, все скажут, что математика учит отличать истинное от ложного, доказанное от недоказанного. Нет. То есть это важно, но это не самое главное. Гораздо важнее, что она учит отличать осмысленное от бессмысленного, осмысленные утверждения от бессмысленных. Но есть и ещё более важное. Она учит отличать понятные утверждения от непонятных. Я, например, глубоко убеждён, что непосредственное влияние математики на лингвистику, которое происходило за последние десятилетия, привело к тому, что сейчас статьи по лингвистике гораздо более понятны и осмысленны, чем раньше. Может быть, даже потому что вот я знаю и по себе, и по моим коллегам-лингвистам, когда читатели радовались, когда они встречали неверное утверждение в статье по лингвистике. Почему? Если оно неверное, то понятное и осмысленное. Оно всего лишь неверное, но в нём есть смысл, его можно понять.

Я приведу ещё такой пример. За пять лет, на последних двух выборах в Академию наук, были избраны четыре члена-корреспондента по языкознанию. Из них три — это выпускники вот этого отделения

теоретической и прикладной лингвистики Московского университета¹. А четвёртый — это руководитель этого отделения². Так что вот это и есть то ядро, которое образует современную отечественную лингвистику. Лингвисты, никак не связанные с математикой, но очень авторитетные, говорили мне, что выпускники этого отделения лучше работают в совершенно других областях лингвистики, там, в славистике, русистике и так далее, чем выпускники славистического, русского и прочих отделений. Можно ли это приписывать всё тому, что они учились математике на этом отделении? А я не знаю, может быть, и нет. По следующей причине: может быть, это надо приписывать тому, что они сдавали вступительные экзамены по математике, то есть что у них уже был некоторый математический настрой, что, может быть, ещё более важно. Во всяком случае, в каком месте происходит главная связь, главное единство и главное влияние математики на лингвистов: в момент обучения и выхода из университета или в момент поступления в него — я не знаю. Но безусловно эксперимент показывает, что такая связь имеется.

Пожалуй, я на этом закончу. И всех призываю идти на те факультеты, отделения, специальности — я о Москве говорю — в московских вузах, которые имеют филологическое направление, но на которых и преподаётся математика, и в числе вступительных экзаменов математика (ну, или там, если сейчас нет вступительных экзаменов, ЕГЭ учитывается математическое). Таких, насколько я знаю, в Москве два³. Это отделение теоретической и прикладной лингвистики Московского университета, о котором я уже говорил, потому что, повторяю, я там преподаю, и Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, где, кстати, работают многие выпускники ОТИПЛа. И вот в любое из этих мест я и призываю поступать.

¹ Это выпускник 1968 года Владимир Михайлович Алпатов ●● (с 2012 года — директор института языкознания РАН) ◀●●, выпускница 1981 года Анна Владимировна Дыбо, выпускник 1982 года Владимир Александрович Плунгян.

² Это Александр Евгеньевич Кибрик. ●● Он руководил отделением двадцать лет — с 1992 года до своей смерти в 2012 году. ◀●●

³ ●● Теперь появилось и третье — направление «Фундаментальная и прикладная лингвистика» Факультета филологии Высшей школы экономики. ◀●●

Предисловие к отдельному изданию «Лингвистических задач» А. А. Зализняка

Начну с изъявления двух радостных чувств.

Это, во-первых, чувство глубокого удовлетворения от состоявшегося события, причём, на мой взгляд, — события значительного. Событие заключается в том, что данное уникальное сочинение А. А. Зализняка появилось, наконец, в виде отдельного издания. Лингвистические задачи Зализняка, разделённые на две группы и представленные в этой книжке, могут не только составить тему занятий кружков для школьников — кружков как по лингвистике, так и по математике, — но и доставить истинное наслаждение всем, кто готов получать удовольствие от интеллектуальных упражнений. До сего времени это сочинение Зализняка печаталось хотя и дважды, но только в составе сборников. Таковыми сборниками были:

Исследования по структурной типологии / Ин-т славяноведения АН СССР; Отв. ред. Т. Н. Молошная. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — [Тираж 1300 экз.] — С. 137—159;

Задачи лингвистических олимпиад. 1965—1975 / Ред.-сост. В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, М. Е. Алексеев. — М.: МЦНМО, 2006. — [Тираж 2000 экз.] — С. 516—545.

Теперь, когда «Лингвистические задачи» появились в виде отдельной брошюры, можно не только её прочесть, но и найти текст на сайте МЦНМО, то есть Московского центра непрерывного математического образования, в разделе «Свободно распространяемые издания». Достаточно набрать <http://www.mccme.ru/free-books/> в адресной строке браузера и далее читать на своём компьютере.

Во-вторых, я вспоминаю тот восторг, который охватил меня, когда полвека тому назад я познакомился с текстом ещё в рукописи.

Уже первая фраза первой задачи сражала наповал: «Для лиц, незнакомых с баскским языком»! А сама задача вызвала у меня ото-

Опубликовано в книге: А. А. Зализняк. Лингвистические задачи. — М.: МЦНМО, 2013.

ропь формулировкой задания: выписывались, без переводов, 12 предложений на баскском языке, указывалось, что в одном из них допущена грамматическая ошибка, и требовалось эту ошибку найти и исправить. Тут какая-то чушь, подумалось мне. Ведь может случиться, что в этом таинственном баскском языке именно так и положено сказать. Как же можно такое опровергнуть? С тем бóльшим удивлением я обнаружил через некоторое время, что решил задачу: и ошибку нашёл, и исправление предложил. Более того, оказалось, что почти все, кто брался за эту задачу, успешно её решали.

Напрашивающееся объяснение таково: в подсознании человека содержатся некоторые представления о том, как может и как не может быть устроен человеческий язык. Эти представления формализуются с большим трудом — если вообще формализуются. Их реализация, демонстрируемая возможностью успешного решения сформулированной только что задачи, происходит на интуитивном уровне. На том же, до сих пор не формализованном уровне происходит, скажем, узнавание со спины человека, которого мы до того видели только спереди, а также наша способность продолжить числовую последовательность, заданную своим началом, — например, последовательность 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, ...¹. Всё это наводит на непростые размышления о природе человеческого знания. Задач подобного типа — основанных на эксплуатации подсознания — в книге четыре. Они образуют первую группу. Вот, к примеру, третья задача этой группы. Выписаны шесть фраз на албанском языке с их переводами на древнееврейский; после чего выписываются две фразы на древнееврейском языке и предлагается перевести их на албанский.

Вторую группу составляют три задачи совершенно другого типа, объединённые единством замысла. По существу, в них читателю предлагается самостоятельно построить лингвистическую теорию, способную объяснить некоторые нерегулярности современного языка.

Чтобы стало понятно, о чём идёт речь, приведу примеры. Вот не вызывающие вопросов переходы от существительных к образованным от них глаголам: *коса* — *косить*, *мера* — *мерить*, *гроза* — *грозить* (и тому подобные; читатель может продолжить). Отчего же тогда не *калека* — *калекить*, *рука* — *приручить*, *слуга* — *служить*, *нега* — *нежить*, а почему-то *калека* — *калечить*, *рука* — *приручить*, *слуга* — *служить*, *нега* — *нежить*? Потому, отвечает лингвист, что

¹ Это — хорошо известная математикам *последовательность Фибоначчи*, каждый член которой равен сумме двух предыдущих. Опыт показывает, что и лица, с нею не знакомые, в состоянии извлечь из выписанных начальных членов необходимую для продолжения закономерность.

когда-то как раз и было *калекить*, *приручить*, *служить*, *нежить*, но в дальнейшем эти слова постепенно превратились соответственно в *калечить*, *приручить*, *служить*, *нежить*. Тогда встаёт следующий вопрос: каковы те события, происшедшие в процессе развития языка, которые вызвали такое превращение? Историческая лингвистика русского языка даёт на это такой ответ: согласные звуки [к] и [г], сопровождаемые гласными звуками определённого типа, к которому, в частности, принадлежит звук [и], повсюду в русском языке превращались в звуки [ч] и [ж]. Слово «повсюду» может вызвать у читателя недоумение: если превращение происходило повсюду, то слова «калека», «рука», «слуга» и «нега», взятые в форме родительного падежа единственного числа или в форме именительного падежа множественного числа, должны выглядеть как *калечи*, *ручи*, *служи*, *нежи*. Но ведь эти формы выглядят по-другому, а именно *калеки*, *руки*, *слуги*, *неги*. Как же так? Подумав, можно прийти к следующему заключению. Если бы первоначальными, древними формами были *руки*, *слуги* и так далее, то в силу правила превращения — перед звуком [и] — звуков [к] и [г] соответственно в звуки [ч] и [ж], сегодняшними формами существительных были бы *ручи*, *служи* и так далее. Но раз это не имеет места, то, значит, древние формы имели какой-то другой вид. И действительно, этот вид был таков: *калеки*, *руки*, *слуги*, *неги*. И лишь впоследствии — причём позже, чем совершился переход звуков [к] и [г] перед звуком [и] соответственно в звуки [ч] и [ж], — звук [ы] в этих формах в силу некоторого другого перехода превратился в звук [и].

Описанная процедура восстановления древних форм слов и установления законов развития, приведших от древних форм к современным, называется *внутренней реконструкцией*. (Бывает и так называемая *внешняя реконструкция*, но о ней нет необходимости здесь говорить.) В задачах второй группы читателю как раз и предлагается осуществить внутреннюю реконструкцию, только не для русского, а для других языков — латышского и древнеиндийского.

Сборники задач по лингвистике публиковались и до того, как А. А. Зализняк обнародовал свои задачи. Некоторый список таких сборников приводит автор в сноске к первой же фразе своего сочинения. Для полноты добавим к этому списку два более поздних задачника:

В. А. Малаховский. Сборник задач и упражнений по курсу «Введение в языкознание». — М.: Учпедгиз, 1960;

В. Н. Кюева. Задачник по курсу «Введение в языкознание». — М.: Высшая школа, 1962.

Уже из самих названий этих сборников задач (как сборников, названных А. А. Зализняком, так и добавленных нами) видно, что они являются задачками, цель которых — поупражняться в усвоении некоторого языковедческого курса. Таким образом, задачи, собранные в этих сборниках, предполагают некие знания, в соответствующих курсах полученные. Задачи Зализняка — совершенно иного рода. Они *самодостаточны* в том смысле, что не предполагают никаких лингвистических знаний и тем самым доступны для попытки решения любому желающему.

Говоря по существу, Зализняк открыл новый жанр — *жанр самодостаточных лингвистических задач*. С одной стороны, задачи этого жанра дают прекрасный материал для исследования мыслительной деятельности человека, о чём уже говорилось выше, с другой — сыграли поистине историческую роль в деле подготовки лингвистов. Дело в том, что именно опубликование в 1963 году этих задач сделало возможным лингвистические олимпиады школьников. В 1965 году в Москве состоялась Первая традиционная московская лингвистическая олимпиада²; XLII Московская традиционная олимпиада по лингвистике состоялась в конце 2011 года. Традиционные московские олимпиады стали образцом и побудительной причиной для Международных олимпиад по лингвистике, которые теперь проводятся ежегодно, начиная с 2003 года. Первая Международная олимпиада состоялась в Болгарии в 2003 году, а далее они последовательно проводились в России, в Нидерландах, в Эстонии, в России, в Болгарии, в Польше, в Швеции, в США, в Словении. XI Международная олимпиада по лингвистике намечена на июль 2013 года в Великобритании. Конечно, в процессе проведения лингвистических олимпиад в их задачах не могли не появиться новые идеи, но все они так или иначе были развитием тех идей самодостаточности, которые были заложены в пионерской работе А. А. Зализняка. Без появления этой работы олимпиадное движение в области лингвистики не могло бы родиться.

Подводя итоги, можно сказать, что лингвистические задачи Зализняка имеют выдающееся научное, педагогическое и эстетическое значение.

Enjoy!

² Тогда она называлась по-другому: «Первая традиционная московская олимпиада по языковедению и математике».

Указатель имён

Иван Иванович Фандерфлит
Женат на тётке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова.
«Иван Иванович Фандерфлит
Был только ранен, — я-то знаю».
— «А Воронцов?» — «Тот был убит.
Ах, нет! Не то! Припоминаю:
Ни Воронцов, ни Фандерфлит —
Из них никто не был убит,
Ни даже тётка Воронцова...
Одно известно: люди эти
И вовсе не были на свете;
И даже, кажется, — навряд
Была и тётка Воронцова?
Но был действительно отряд,
Да только — вовсе не Слепцова...».
— «Затем пронёсся слух таков,
Что вовсе не было отряда,
А был поручик Пирогов...».
— «Да был ли? Справиться бы надо».
И справками, в конце концов,
Одна лишь истина добыта:
Иван Иванович Воронцов
Женат на тётке Фандерфлита.

*Алексей Николаевич Апухтин.
«Кумушкам». 1888*

Как правило, в указатель не вошли имена, используемые в качестве названий произведений (например, «Анна Каренина») и в сочетаниях: улица, премия, институт и т. п. (имени) такого-то.

Курсивом выделены номера страниц, на которых данное лицо упомянуто в качестве элемента библиографического описания.

Жирным шрифтом выделены номера страниц, на которых приводятся годы жизни (иногда только год рождения или год смерти) данного лица.

В составе имени жирным шрифтом выделяется фамилия.

В качестве отсылочного слова используется «*alias*». В отсылках из латинской части указателя в русскую кириллическое написание имени указывается с той минимальной степенью детализации, которая достаточна для нахождения в русской части этого написания — например, «Гаспаров» (а не «Гаспаров Михаил Леонович») и «Колмогоров Андрей» (а не «Колмогоров Андрей Николаевич»).

Николай Алексеевич Богомолов был настолько любезен, что прислал ценные уточнения к Указателю. Рад его поблагодарить.

- Аванесов** Рубен Иванович 86, 91, 121, 124, 125, 128, 129, 134, 136, 378, 571, 606
- Аве** Луи 113
- Аверьянов** Константин Александрович 608
- Авраменко** Ольга Леонтьевна 348
- Ададунов** (Адодунов) Василий Евдокимович 450, 451—453
- Адамс**, мистер 656
- Адамс** Бекки 620, 656
- Адодунов** (Ададунов) Василий Евдокимович 450, 451—453
- Адрианов** Сергей Александрович 572
- Айзенберг** Михаил Натанович 615
- Акунин** Борис (Чхатишвили Григорий Шалвович) 639
- Александров** Анатолий Петрович 385, 386
- Александров** Павел Сергеевич 433, 437—439, 449, 466, 542
- Алексеев** Василий Михайлович 557, 571
- Алексеев** Дмитрий Иванович 227
- Алексеев** Михаил Егорович 150, 197, 685
- Алексеева** Людмила Михайловна 356, 357
- Алексей** Михайлович, царь 518
- Алексий** II, митрополит 488
- Алехин** (Алехин) Александр Александрович 548
- Аллетон** Вивиан 534, *alias* Alleton
- Алпатов** Владимир Михайлович 11, 154, 156, 171, 197, 209, 369, 443, 472, 482, 488, 491, 498, 504, 512, 515, 516, 529, 555, 557, 562, 565, 571, 608, 684
- Ангелина** Ивановна, учитель химии 642
- Анджапаридзе** Георгий Андреевич 337
- Андреев** Всеволод Дмитриевич 571
- Андреев** Леонид Григорьевич 387, 402
- Андреев** Николай Дмитриевич 43, 49—53, 58—60, 304, 310, 313, 325, 329, 331, 337, 380, 381, 382
- Андреев** Николай Николаевич 12
- Андреев** Николай Николаевич, физик 313
- Андриевская** Анна Владимировна 418
- Андроников** Ираклий Луарсабович 401
- Андрющенко** Владислав Митрофанович 172
- Антонов** Сергей Петрович 587
- Анучин** Дмитрий Николаевич 501, 502, 571, 572
- Анучкин** Никанор Иванович 632
- Апресян** Юрий Дереникович 124, 125, 128, 129, 246, 250, 251, 252, 254, 270, 276, 305, 331, 348, 376—380, 382, 428, 430
- Апухтин** Алексей Николаевич 689
- Ардов** Михаил Викторович 182, 626
- Арнольд** Виталий Дмитриевич 11
- Арсентьева** Нина Георгиевна 305
- Артёмов** Владимир Алексеевич 36, 320
- Арутюнов** Альпиний Сергеевич 467
- Арутюнова** Нина Давыдовна 286, 287, 592
- Архимед** 404
- Ауссем** Валерий Игоревич 431
- Ахмадулина** Белла Ахатовна 643, 650
- Ахманова** Ольга Сергеевна 121, 128, 241, 258, 296, 298, 299, 332, 333, 335, 382, 390, 433, 434, 436, 440—442, 456, 592, 621, 672
- Ахматова** Анна Андреевна 343, 392, 548, 612, 613, *alias* Гёренко

Бабицкий Константин Иосифович 74, 303, 311
Багира 625
Багратион Пётр Иванович 381
Багриновская Галина Павловна 60
Байрон Джордж Гордон 515, 606
Балаболо, лорд 514, *alias* **Чатерино**, **Chatterino**
Баландина Нина Алексеевна 348
Бальзак Оноре де 606
Бальмонт Константин Дмитриевич 548, 612, 613
Баренц Виллем 517
Барсов Антон Алексеевич 453, 454
Барсова Валерия Владимировна 589
Барулин Александр Николаевич 368, 388, 412
Бархударов Степан Григорьевич 572, 574, 575
Баршай Рудольф Борисович 298
Басова Марья Филатовна, *alias* **Марюта**
Баталов Алексей Владимирович 626
Бах Иоганн Себастьян 476
Бевин Эрнст 496
Бегемот 253, 286
Безродный Михаил Владимирович 649
Бек Татьяна Александровна 643, 650
Бекбулатович Симеон 493
Беклемишев Лев Дмитриевич 455
Белецкий Михаил Иванович 71, 74
Беликов Владимир Иванович 150, 197, 622, 654, 685
Белинский Виссарион Григорьевич 581, 615
Белодед Иван Константинович 517, *alias* **Білодід**
Белоногов Герольд Георгиевич 61
Белоусова Вера Михайловна 416

Белоцерковский Олег Михайлович 363
Белошапкова Вера Арсеньевна 274
Белый Андрей 293, 562
Бельская Изабелла Кузьминична 40, 42—44, 52, 296, 306
Беляев Митрофан Петрович 476
Бенвенист Эмиль 241, 278, *alias* **Benveniste**
Бенефактов Захария 507
Бенсон Мортон 612, *alias* **Benson**
Бень Евгений Моисеевич 639
Беранже Пьер-Жан де 616
Берг Аксель Иванович 8, 126, 293, 320, 323, 324, 327, 329, 363, 365, 367, 383
Берг Альбан 476
Берия Лаврентий Павлович 297
Берка Карел 283
Берлиоз Михаил Александрович 588
Бернулли Даниил 452
Бернштейн Самуил Борисович 139—141, 329, 332, 466
Бернштейн Сергей Игнатьевич 6, 78, 84, 87, 90, 113, 466, 513, 572
Бестужев-Марлинский Александр Александрович 268, 586
Бёрд Стивен 111, *alias* **Bird**
Биршерт А. Ф. 121
Білодід Иван Костянтинович 516, *alias* **Белодед**
Блейк (Блэк) Роберт 485, 486, 487
Блумфилд Леонард 572
Блэк (Блейк) Роберт 485, 486, 487
Бовин Александр Евгеньевич 501
Бобчинский Пётр Иванович 614
Богомолов 371
Богомолов Николай Алексеевич 11, 689
Богораз Лариса Иосифовна 303

Богуславский Игорь Михайлович 377

Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович 113, 114, 121, 553, 567, 572, 633, *alias* **Baudouin de Courtenay**

Бокарев Евгений Алексеевич 306

Болтянский Владимир Григорьевич 152

Бонапарт Наполеон 487, *alias* **Бонапарте**, **Боунапарте**, Наполеон I
Бонапарте 487, *alias* **Бонапарт**, **Боунапарте**, Наполеон I

Бондаренко Владимир Григорьевич 493

Бондарко Лия Васильевна 106

Бонифаций VII 490

Борковский Виктор Иванович 329

Боровиков Сергей Григорьевич 561

Бородин Александр Порфирьевич 11, 476

Бородин В. В. 74

Борусяк Любовь Фридриховна 667

Бóчвар Дмитрий Анатольевич 318, 357, 358, 384

Боян 175

Брандт Роман Фёдорович 140

Братчиков Игорь Леонидович 60

Брежнев Леонид Ильич 470, 512

Бродский Иосиф Александрович 654

Брокгауз Фридрих Арнольд 140, 450, 452, 454, 489, 500, 560, 571, 572, 576, 625, 640

Брюсов Валерий Яковлевич 585

Бряндинская Александра Александровна 348

Бугас Э. И. 412

Будагов Рубен Александрович 140, 322, 332, 434, 666

Будда 394, 395

Буженинов Степан 608

Букчина Бронислава Зиновьевна 572

Булаховский Леонид Арсеньевич 581, 583, 592

Булгаков Михаил Петрович (Макарий, митрополит) 595, 641

Булин-Соколова Елена Игоревна 455

Бульба Андрей Тарасович 372

Бульба Тарас 372

Булыгина Татьяна Вячеславна (Вячеславовна) 447, 527, 545, 572

Бункин Борис Васильевич 363

Боунапарте 487, *alias* **Бонапарт**, **Бонапарте**, Наполеон I

Бурбакі Николя 484, 511, 572

Буссенар Луи 487

Буш Джордж Герберт Уокер (отец) 503

Буш Джордж Уокер (сын) 458

Былинский Константин Иакинфович 573

Бэла 581

Вазген I 160, 161

Валгина Нина Сергеевна 227, 573

Валерия, певица 643

Вар-равван 282

Варданын Валерий Арамович 14

Варламов Алексей Николаевич 644

Варфоломеев Владимир Викторович 596, 637

Варшавский Л. А. 33, 35, 313

Василий Иванович 525

Васильев Антон Михайлович 176, 317, 318, 353—357

Васильев Д. И. 371

Ватсон 524, *alias* **Уотсон**

Введенская Надежда Алексеевна (Тимоша) 614

Введенская Никита Дмитриевна 159, 160, 613, 614

Введенский Дмитрий Алексеевич 613
Вебстер (Уэбстер) Ноа 540
Вежбицкая Анна 277, *alias Wierzbicka*
Вейсманн 452
Велихов Евгений Павлович 363, 379
Веллеман Дэниел 652, *alias Velleman, Daniel*
Веллеман Шелли 652, *alias Velleman, Shelly*
Венедиктов Алексей Алексеевич 653, 654
Вентури Лионелло 408
Вентцель Александр Дмитриевич 171, 197, 337, 411, 421, 455, 668, 675
Вентцель Елена Сергеевна 668, *alias Грекова*
Вентцель Татьяна Дмитриевна 296
Верн Жюль 620
Викентий, архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский 619
Виктория, королева 643
Виноградов Виктор Владимирович 6, 30, 127, 144, 145, 160, 325, 329, 342, 456, 457, 573
Виноградова Ольга Сергеевна 306
Виноградова Юлия 308, 309
Витгенштейн Людвиг 283
Влэдуч Георгий Эмильевич (Ми-
лиевич) 315, 318, 327, 341, 359, 360—362, 367, *alias Vladutz*
Вовченко Григорий Данилович 341
Войнович Владимир Николаевич 426, 431, 496
Волков Иван Фёдорович 373, 375, 387
Волостнова М. Б. 575, 603
Волоцкая Зоя Михайловна 39, 55, 56, 74
Волошина Мария Степановна 399

Вольпин Александр Сергеевич 356, 357, *alias Есенин-Вольпин*
Вольпин Надежда Давыдовна 356
Вольф Маврикий Осипович 633
Воробей Анатолий 562, *alias Vorobey*
Воробьёва Ирина 596
Воронин Владимир Алексеевич 41, 56
Воронцова Марина Игоревна 455
Воротников Эдуард 601
Ворошилов Владимир Яковлевич 561
Выгодская Клавдия Семёновна 126
Вяземский Пётр Андреевич 614, 615
Гаврилова Татьяна Леонидовна 60
Гагарин Юрий Алексеевич 615
Гайдукова Г. М. 574
Галич Александр Аркадьевич 398, 496
Галкина-Федорук Евдокия Михайловна 332
Гальперин Григорий Александрович 152
Гамкредидзе Тамáz Валерьянович 349
Гамлет 606, 669
Гапон Георгий Аполлонович 10, 506, 594, 595, 639
Гарегин Первый 490
Гарегин Второй 490
Гармáш Виктор Алексеевич 36, 312
Гарфилд Юджин 377, *alias Garfield*
Гаспаров Михаил Леонович 358, 656
Гвоздев Александр Николаевич 281
Гексли Томас Генри 473, 487, 509, 515, *alias Huxley, Thomas*
Гельфанд Израиль Мойсеевич 611, 612
Гельфонд Александр Осипович 611, 612
Гемингвей 487, *alias Хемингуэй*
Генрих IV 488
Герасимов Александр Михайлович 607

Герман Даниил Александрович, *alias* **Гранин**
Герштейн Эмма Григорьевна 548, 612
Гёдель Курт 306, 604
Гёринг Герман Вильгельм 604
Гёте Иоганн Вольфганг фон 604
Гиерон, царь 404
Гильберт Давид 238, 358
Гиляревский Руджеро Сергеевич 226, 319, 573, *alias* **Макки**, *Giljarevskij*
Гилярова Ксения Алексеевна 455
Гиндин Сергей Иосифович 349
Гишфельд Л. Я. 338
Гладкий Алексей Всеволодович 28, 32, 338, 348, 419, 434
Глазков Николай Иванович 606
Глазунов Александр Константинович 476
Глисон Генри 78, 79, 84, 87, 90, 91—93, 94, 95, 96, 105
Глбтов Николай Александрович 431
Глумов Тойво 646
Глушков Виктор Михайлович 314, 316, 367
Гмыза Игорь Геннадьевич 638
Гнеденко Борис Владимирович 437, 496
Говорухин Станислав Сергеевич 391
Гоголь Николай Васильевич 586, 588, 614, 648
Гозман Исаак Григорьевич 227
Голдовский Лёва 644
Головастиков Алексей Николаевич 154
Голод Евгений Соломонович 338
Голубев Владимир Васильевич 470
Гольдбах Христиан (Кристиан) 452
Гольдштейн Александр Леонидович 655
Гонорий, папа 643

Гончаров Иван Александрович 549
Гончарова Наталья Николаевна 588, *alias* **Пушкина**
Горбачёв Михаил Сергеевич 471
Гóренко Анна Андреевна 548, *alias* **Ахматова**
Городецкий Борис Юрьевич 146, 147, 151, 164, 169, 171, 197, 336, 339, 389, 409, 410, 415, 421, 422
Горский И. А. 325
Горький Максим 272, 613, 614, *alias* **Пешкóв**
Гранин (Герман) Даниил Александрович 634, 635
Грекова Ирина Николаевна (**Вентцель** Елена Сергеевна) 604, 634, 635, 668
Грёнинг Микаэль (Михаил) 452, *alias* **Groening**
Грибоедов Александр Сергеевич 602, 644
Гривнин Владимир Сергеевич 226, 512, 573
Григорьев Виктор Иванович 61
Григорьев Виктор Петрович 328, 329
Грин (Гриневский) Александр Степанович 585
Гринченко Борис Дмитриевич (**Грінченко** Борис Дмитрович) 612
Грицевёц Сергей Иванович 352, 609
Гришина Елена Александровна 195
Грот Яков Карлович 554, 560, 573
Гудзон 510, *alias* **Хáдсон**, **Hudson**
Гумилёв Лев Николаевич 358
Гусев Аникита Михайлович 556, 573
Густав I Ваза (Васа) 491
Гутенмахер Лев Израилевич 61, 314—317, 319, 320, 341, 352, 353, 360, 382
Гухман Мирра Моисеевна 329

Даль Владимир Иванович 193, 502, 560, 561, 626, 633, 662
Даниил, протоирей 594
Данилов-Данильян Виктор Иванович 348
Данилова-Данильян (Лебедева) Татьяна Викторовна 348
Даниэль Александр Юльевич 384
Дант (Данте) 288
Дантес Жорж 285
Декарт Рене 569
Демирель Сулейман 427
Державин Гавриил Романович 311
Деркач Мирон Филиппович 35
Джойс Джеймс 487
Джугашвили Иосиф Виссарионович, *alias* **Сталин**
Диккенс Чарльз 487
Дионисий, иеромонах 642
Дмитренко Евгений Михайлович 348
Добчинский Пётр Иванович 614
Добрушин Роланд Львович 19, 45, 128, 149, 299, 301, 306, 309, 313, 332—334, 337, 345, 347, 353, 411, 492, 675
Дойл Артур Игнатиус Конан 510, 620
Долгопольский Арон Борисович 303, 307, 348, 574
Долгорукий Аркадий Макарович 618
Дон Кихот 514
Донателло 489
Дорофеев Георгий Владимирович 338
Достоевский Фёдор Михайлович 482, 485, 579, 603, 618
Дубов Юлий 548
Дурново Николай Николаевич 131, 272, 584, 592
Дыбо Анна Владимировна 684
Дьяконов Игорь Михайлович 573
Дюфриш-Деженет Антонио 113

Евгеньева Анастасия Петровна 575, 599
Евклид 404, 655
Ежиков (Ёжиков) Владимир Семёнович 602
Екатерина II 304, 451
Елизавета II, британская королева 488, 643
Елизаренкова Татьяна Яковлевна (Тася) 447
Ельмслев Луи 530, *alias* **Hjelmslev**
Ельцин Борис Николаевич 386, 456, 501, 511, 624, *alias* **Eljcin**, **Ieltcine**, **Jeltzin**, **Yeltsin**
Елютин Вячеслав Петрович 128, 309, 371
Емельянов Алексей Михайлович 386
Ермак Тимофеевич 244
Ермолаева Надежда Митрофановна 316, 352
Ершов Александр Петрович 486, 506, 507
Ершов Андрей Петрович 323, 363, 366, 486
Ершов Юрий Леонидович 486
Есенин Сергей Александрович 356, 463
Есенин-Вольпин Александр Сергеевич 355—357, 384, 418, 444, *alias* **Вольпин** Александр
Есперсен Отто 275, 285, 583, 592
Еськова Наталья Александровна 560
Ефимов Николай Владимирович 444
Ефремов Иван Антонович 317
Ефрон Илья Абрамович 140, 450, 452, 454, 489, 500, 560, 571, 572, 576, 625, 640
Ежиков (Ежиков) Владимир Семёнович 602

Жданов Андрей Андреевич 394
Железнов Николай Андреевич 33
Живѡв Виктор Маркович (Витя) 29, 412—414
Жилин Александр Николаевич 573
Жинкин Николай Иванович 313, 428, 430, 465
Жолковский Александр Константинович (Алик) 248, 294, 305, 306, 318, 348, 349, 377, 382
Жуков Георгий Константинович 461
Жуковский Василий Андреевич 583, 586, 587
Журавлёв Юрий Иванович 363
Журинская Марина Андреевна 573
Журинский Альфред Наумович 151, 156, 157, 161—163, 169, 171

Задорнов Михаил Николаевич 619
Зайончковский Пётр Андреевич 377, 378
Закари Жакоб (**Монфлѣри**) 549, 605
Залеман Карл Германович 203
Зализняк Андрей Анатольевич 4, 6, 10, 16, 24, 26—32, 123, 124, 126—129, 131, 135—145, 150, 151, 167, 169, 192, 193, 226, 231, 253, 301, 311, 331, 338, 339, 342, 348, 350, 351, 361, 403, 410, 415—417, 422, 426, 430, 434, 440, 447, 472, 475, 480, 525, 533, 537, 538, 541, 543, 547, 573, 612, 613, 635, 661—666, 668, 671, 674—677, 682, 685—688, *alias* **Zalizniak**, **Zaliznjak**
Зарубина Анна Юрьевна (Аня) 14
Звегинцев Владимир Андреевич 166, 332, 333, 335, 336, 338, 339, 367, 368, 372, 373, 389, 390, 398, 400—402, 406—410, 414—418, 420—434, 436, 440, 441, 443, 445, 456, 457, 464—466, 672, 673, 675, 677

Зелинский Корнелий Люцианович 300, 344
Зельдович Яков Борисович 396
Земский Андрей Михайлович 226, 227, 573
Зизаний Лаврентий 554
Зиндер Лев Рафаилович 33, 34, 84, 91, 92, 313, 329, 337
Зинова Юлия Александровна 679, 680
Зиновьев Александр Александрович 306, 382, 640
Зозуля Михаил Никитич 413
ЗолотарѢв Владимир Михайлович 303
Золушка 460
Зорин Андрей Леонидович 488
Зоценко Михаил Михайлович 525
Зубр 635

Иаков ветхозаветный 474, 510, 515, *alias* Jacob
Иаков новозаветный 474, 510, 515, *alias* James
Иван I Данилович Калита 488
Иван II Иванович Красный 488
Иван III Васильевич 488
Иван IV Васильевич Грозный 488, 493
Иван V Алексеевич 488
Иван VI Антонович 488
Ив́анов Всеволод Вячеславович 344, 376
Ив́анов Вячеслав Всеволодович (**Кóма**) 25, 37, 38, 43, 51, 53, 56, 77, 85, 125, 294, 297—300, 303, 306, 309—311, 313, 315, 316, 318, 323—325, 329—331, 333, 337, 340, 343—345, 347, 350, 351, 361, 365—367, 382, 383, 415, 447, 577, 592, 670, 671
Иванѡв Кузьма Иванович 336
Ив́анов Павел 546
Иванов Пётр Лукич 641

Иванова Вера Фёдоровна 227, 573
Иванова Тамара Владимировна 376
Ивашенцева Мария Александровна 431
Игнатченко В. 474
 Иисус Христос 562, 637
Ильин Владимир 594, 595, 640
Ильичёв Леонид Фёдорович 324, 366
Ильф Илья Арнольдович 289, 656
Ингве Виктор 70, 71, 76, *alias* Yngve
 Иоанн VIII 489, 490
 Иоанн XV 490
 Иоанн XVI 489, 490
 Иоанн XIX 489
 Иоанн XX 489
 Иоанн XXI 489
 Иоанн XXIII 489, *alias* Косса
 Иоанн XXIII 488, 489, *alias* Ронкалли
 Иоанн, апостол 598
 Иоанн Кронштадтский 639, *alias* **Сергиев**
 Иоанна, папесса 489—491
Иомдин Леонид Лейбович 377
Иорданская Лидия Николаевна 74, 348, 377
Иоффе Георгий, священник 638
 Ирина, замдиректора магазина 601
Иртеньев Игорь Моисеевич 644
Иткин Илья Борисович 171

Каганович Лазарь Моисеевич 461
Калакуцкая Лариса Павловна 572
Калинин А. Д. 334
Калинин Михаил Иванович 471, 493
Калужнин Лев Аркадьевич 337, 338, 432
Канторович Леонид Витальевич 310
Караулов Юрий Николаевич 323, 366, 517
 Карл I 488
 Карл II 488

Карл III 488
 Карл VII Сверкерссон 491
 Карл IX 491
 Карл XII 491
 Карл XVI 491
Карманов Владимир Георгиевич 436, 437
Карнап Рудольф 295, 366
Катаев Валентин Петрович 591
Катаяма Сэн 513
Катаяма Ясу 513
Кафка Франц 426, 431
Каширин 613
Кашицына Наталья Борисовна 154
Келдыш Мстислав Всеволодович 296, 325, 340
Кибиров Тимур Юрьевич 472, 497, 615, 637
Кибрик Александр Евгеньевич 6, 79, 125, 151, 153, 154, 165, 169, 170, 171, 172, 295, 337, 349, 369, 383, 387, 388—390, 398, 400, 409, 421, 422, 441, 462, 470, 673, 684
Кижё, поручик 304, 305
Киплинг Редьярд 625
 Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский 619
Кисунько Григорий Васильевич 413
Клайберн (Клиберн) Харви Лаван (Вэн Клайберн) 511
Клиберн (Клайберн) Харви Лаван (Ван Клиберн) 511
Клинтон Билл (Уильям Джефферсон) 594, 623, 640, 650
Клюева Вера Николаевна 150, 687
Кнорина Лидия Владимировна 290, 292
Коваленко Юрий 504
Ковалёв Сергей Адамович 459
Ковтунова Ирина Ильинична 278, 592

Кодзасов Сандро Васильевич 105, 147, 192, 349
Козак Дмитрий Николаевич 611
Козинский И. Ш. 349
Козлов А. М. 574
Козлов Максим Евгеньевич 596
Козмидиани Владимир Александрович 68, 74
Колибаба́ Елена Ивановна (Лена) 412, 413
Колибаба́ Иван 413
Колмогоров Андрей Николаевич 4, 6, 12, 15, 17—19, 25, 26, 28, 57, 79, 80, 127, 143, 146, 152, 153, 196, 298, 299, 332, 334, 337, 342, 343, 345, 347, 356, 358, 374, 403, 410, 411, 417, 437, 465—467, 496, 671, 674, 682
Колмогорова Анна Дмитриевна 342, 343
Колумб Христофор 297, 515, *alias* Columbus
Колшанский Геннадий Владимирович 303, 398
Конан-Дойль Артур, *alias* Дойл
Кондратов Александр Михайлович (Саша) 574
Конкин Александр Николаевич 603
Ко́нрад Николай Иосифович 558, 574
Константин Павлович, великий князь 506, 639
Концевич Лев Рафаилович 574
Копелев Лев Зиновьевич 318
Корельская Татьяна Дмитриевна 173, 182, 348
Ко́рзун Сергей Львович 596
Корниленко Виктор 152
Коробейников 285
Коровина Татьяна Ивановна 348
Коровьев 510

Короленко Владимир Галактионович 465
Королёв Лев Николаевич 296
Корш Фёдор Евгеньевич 140
Косарев В. В. 315
Косса Балтазар 489, *alias* Иоанн XXIII
Косыгин Алексей Николаевич 321
Котов Ренат Григорьевич 390, 455
Красильников В. А. 332, 334
Кривно́ва Ольга Фёдоровна 105, 146, 147, 189, 190, 192, 415, 472, 678, *alias* Крутикова
Криницкий Павел Васильевич 506, 595, 639
Кромвель Оливер 486
Кронгауз Максим Анисимович 629
Крутикова Ольга Фёдоровна (Оля) 146, 189, 336, 415, *alias* Кривнова
Крушевский Николай Вячеславович 113
Крылов Сергей Александрович 153, 154, 527, 572, 584
Крылова Нина Васильевна 226
Крылышкин Пётр Антонович 525, 526
Крысин Леонид Петрович 10, 348, 377, 456, 598
Крючков Сергей Ефимович 226, 227, 572—574
Крючкова Татьяна Борисовна 412
Крякутнóй 175
Кубрякова Елена Самойловна 572
Кузнецов Александр Владимирович, математик 316
Кузнецов Пётр Саввич 25, 30, 43, 77, 87, 121, 123—125, 128, 129, 296, 298, 299, 300, 331—334, 337, 342, 343, 345—347, 423, 430, 671
Кузнецова Ариадна Ивановна 492
Кузнецова Лидия Сергеевна 574

Кузьминский Константин Станиславович 575

Кукуев Захар 176

Кулагина Ольга Сергеевна 40—43, 57, 60, 294, 296, 299, 301, 303, 305, 306, 323, 337, 338, 347, 349, 352, 366, 383

Кулакова Зинаида Васильевна 321

Куликов Игорь Онуфриевич 462

Кураев Андрей Вячеславович 596, 639, 642

Курант Рихард 429

Курило Олена Борисівна 121

Курочкин Василий Степанович 616

Курош Александр Геннадиевич 466

Курчатов Игорь Васильевич 396

Лавлейс Августа Ада 515, *alias Lovelace*, Augusta

Лавошникова Элина Константиновна 11, 182, 183

Лавренёв Борис Андреевич 285

Лагборио Нина Георгиевна 160

Лазова Майя Вячеславовна 126

Лайонз Джон 274, 574, *alias Lyons*

Ланглёбен Мария Михайловна 54, 361

Ларин Александр 405

Ларина Татьяна Дмитриевна 276, 285

Латынина Юлия Леонидовна 638

Лауфер Наталья Исаевна 154

Лахуті Делир Гасемович 316, 327, 367

Лахуті Лейлá Гасёмовна 431

Лебедев Дмитрий Львович 637

Лебедев Дмитрий Савельевич 36, 312

Лебедев-Кумач Василий Иванович 649

Лебедева Татьяна Викторовна, *alias Данилова-Данильян*

Леви-Строс Клод 472

Левин (Лёвин) Константин Дмитриевич 549

Левин Константин Исаакович 604

Левинтон Георгий Ахиллович 11, 29, 526, 530, 536

Левитин Евгений Семёнович (Женя) 160

Лезин (Лёзин) Алексей Владимирович 548

Лекомцев Юрий Константинович 37

Лем Станислав 217, 227

Леман А. А. 152

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (Ленин Николай) 253, 321, 363, 467, 468, 492, 609, 615, *alias Тулин*

Ленский Виктор Степанович 153

Леонтьев Алексей Алексеевич 574

Леонтьева Нина Николаевна 305

Лермонтов Михаил Юрьевич 581, 583

Лесков Николай Семёнович 507, 639

Лесков Сергей Леонидович 638

Лёвин (Левин) Константин Дмитриевич 549

Лёзин (Лезин) Алексей Владимирович 548

Либерман Анатолий Симонович 492

Лиз Роберт Б. 74, *alias Lees*

Лихачёв Дмитрий Сергеевич 597

Лобачевский Николай Иванович 463, 653—655

Лобов Евгений Иванович 147, 415

Ловелас Роберт 515, *alias Lovelace*, Robert

Логунов Анатолий Алексеевич 166, 338, 341, 374, 375, 385, 386, 389, 434, 673

Ломковская Мария Владимировна (Маша) 6, 64, 71, 74, 75, 348, 383, 433

Ломоносов Михаил Васильевич 15, 163, 453, 454, 472, 523, 554, 617

- Лѳмтев** Тимофей Петрович 331, 332, 334, 335, 661, 674
Лотман Юрий Михайлович 163, 318, 349, 358, 665, 671
Лотрек, *alias* Тулуз-Лотрек
Лузин Николай Николаевич 25
Лука, евангелист 604
Лукаевич Ян 70
Лукашевский С. М. 384
Лукреций 290
Лунин Валерий Васильевич 386, 387
Лупанов Олег Борисович 375
Лѳрия Александр Романович 306, 313, 449, 450
Лысенко Трофим Денисович 385, 392, 393, 397
Любимов Николай Михайлович 514, 574
Людовик XIV 488
Людовик XVII 206, 207, 512, *alias* Louis XVII
Лядов Анатолий Константинович 476
Ляпунов Алексей Андреевич 40, 43, 60, 296, 306, 314, 315, 327, 329, 331, 337, 347, 367, 383, 384
Ляшевская Ольга Николаевна 195
Магнус Иоанн 490, 491
Маевский Евгений Викторович 565, 574
Майн-Рид (**Рид** Томас Майн) 487
Макарий, митрополит (**Булгаков** Михаил Петрович) 595, 641
Макбет 606, 607
Маккѳ Руджѳро Эттѳре 319, *alias* Гиляревский, *Giljarevskij*
Малаховский Всеволод Антонович 150, 687
Маленков Георгий Максимилианович 461, 587
Малинин Сергей Глебович 376, 377
Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович 634, 635
Мандельштам Осип Эмильевич 29, 545
Мане Эдуард 408
Манилов 637
Марков Андрей Андреевич (отец) 293, 301, 327
Марков Андрей Андреевич (сын) 64, 87—89, 95, 226, 227, 301, 310, 323, 325, 327, 332—334, 337, 367, 409, 432, 433, 434, 461, 465, 466, 521, 574
Марков Моисей Александрович 461
Маркони Гульельмо 176
Маркузе Герберт 492
Маркс Карл 333
Марр Николай Яковлевич 456
Мартемьянов Юрий Семѳнович 303, 305, 306, 337
Мартине Андре 92
Мартынов Леонид Николаевич 613
Марчук Гурий Иванович 386
Марчук Юрий Николаевич 339, 375, 387
Марья Петровна, учитель литературы 642
Марюта (**Басова** Марья Филатовна) 285, 589
Маслов Юрий Сергеевич 78
Масчан Сусанна Степановна 323, 325, 365
Матусовский Михаил Львович 504
Матфей, евангелист 481
Маугли 625
Маяковский Владимир Владимирович 161, 562, 659
Медведев Дмитрий Анатольевич 494
Медведев Юрий Тихонович 68, 75
Мей Лев Александрович 536
Мейендорф Иоанн Феофилович 641

Мелетий (**Смотрицкий** Максим Герасимович) 554
Мельников Владимир Андреевич 367
Мельников Геннадий Прокопьевич 433, 434
Мельчук Игорь Александрович 19, 37, 38, 40—43, 49, 51, 52, 56, 57, 126, 182, 228—233, 240, 242, 252, 253, 294, 296, 299, 300, 303—306, 311, 312, 322, 331, 346, 348, 349, 352, 364, 365, 380—382, 383, 430, 434, 455
Менделеев Дмитрий Иванович 15
Мендель Грегор Иоганн 385
Мень Александр Владимирович 641
Микеладзе Зураб Николаевич 16
Миллер Всеволод Фёдорович 140
Милославский Игорь Григорьевич 151, 162—164, 169
Миних Христофор Антонович 637
Миронов Георгий Акимович 352, 455
Михаил Фёдорович, царь 518
Михайлов Александр Иванович 355, 357
Михалков Никита Сергеевич 616
Михинов Егор Онисимович 355, 357
Можайский Александр Фёдорович 175
Молотов Вячеслав Михайлович 461
Молошная Татьяна Николаевна 38, 40, 42, 43, 48, 296, 299, 302, 303, 333, 342, 347, 352, 685
Монгольфье, братья Жозеф и Этьенн 175
Монтескьё Шарль-Луи де Секонда 604
Монфлёр (**Закари** Жакоб) 549, 605
Морзе Сэмюэл Финли Бриз 149
Мориарти 510
Мброу Дуайт 443, *alias* **Morrow**
Москалёва Елена Петровна 348

Мохов Николай Иванович 372, 462
Муравенко Елена Владимировна 150, 170, 171, 197, 685
Муравьёва Ирина Анатольевна 349
Мурат Владилена Павловна 572
Мусатов Сергей 30
Мухаметшин Фарид Хайруллович 518—520
Мухин Иван Сергеевич 43
Мясников Пётр Вениаминович 470
Набоков Владимир Владимирович 487, 645
Нагорный Николай Макарович 574
Надеждин С. М. 546
Наина 583
Наполеон I 281, 487, *alias* **Бонапарт**, **Бонапарте**, **Буонапарте**
Нар-Дос (**Ованисян** Микаэл Захарьевич) 585
Настя, героиня фильма 391
Наумов Алексей Георгиевич 626
Невтён 472, 510, 516, 523, 524, *alias* **Ньютон**, **Newton**
Нейман Джон фон 60
Нейсуэндер Розмари 203, 218, *alias* **Neiswender**
Нелюбин Лев Львович 379
Непомнящий Валентин Семёнович 645
Несмеянов Александр Николаевич 324, 328, 340, 341, 354, 355, 357, 361
Нестор, летописец 281, 580
Нефёдова Эмилия Фёдоровна 348
Николаева Татьяна Михайловна 42, 55, 193, 303, 311, 333, 342, 367, 383
Николай I 576, 595, 639, *alias* **Николай Павлович**
Николай II 617, 634
Николай Павлович, великий князь 506—508, *alias* **Николай I**

Никольский Александр Тимофеевич 639

Никсон Ричард Милхауз 623, 650

Ниязов Сапармурат Атаевич 394

Нобель Альфред 606, 615

Новиков Пётр Сергеевич 15, 329

Новиков Николай Иванович 451

Новиков Владимир Иванович 445

Новичкова Анастасия Порфирьевна 341, 440

Новичкова Юлия Михайловна 638

Ньютон Исаак 8, 9, 290—292, 472, 510, 524, *alias* Невтѳн, **Newton**

Нюберг Николай Дмитриевич 45

Ованисян Микаэл Захарьевич (Нар-Дос) 585

Огибалов Пётр Матвеевич 444, 445

Оглоблина Татьяна Александровна 626

Ограбильо 514

Ожегов Сергей Иванович 134, 136, 574

Оккам Уильям 514

Олбрайт Мадлен 529

Ольшевская Нина Антоновна 626

Оруэлл Джордж 228, 395, 396

Осват Александр Львович 643

Отрашенков Юрий Михайлович 425, 430, 463

Отс Георг 282, 589

О'Брайен 392, 393, 395

Павел I Петрович 453, 491

Павлович (?) Андрей 548

Падучева Елена Викторовна 6, 8, 9, 34, 38, 54, 56, 64, 75, 173, 237, 253, 260, 271, 274, 275, 282, 303, 311, 316, 333, 348—351, 358, 382, 491, 578, 592, 646, 647, *alias* **Paducheva**

Пальчиков Евгений Иванович 487
Пандора 427—429, 435

Панини 472

Панов Дмитрий Юрьевич 40, 43, 295, 296, 383, 434

Панов Михаил Юрьевич 12

Панфилов Владимир Зиновьевич 325

Панюнин Никита Михайлович 12

Пап А. 366

Папёрно Денис Аронович 6, 83, 84, 105, 300

Парапилья 514

Паршин Павел Борисович 154

Пастернак Борис Леонидович 282, 287, 300, 333, 344, 350, 376, 415, 666, 671

Паулинг (Полинг) Лайнус 395, 396, 491, *alias* **Pauling**

Паустовский Константин Георгиевич 635

Пáхотин Николай Васильевич 549

Пегас 276

Пегов Анатолий Михайлович 610

Пелагия, монахиня 639

Пентус Мати Рейнович 300, 463

Пермяков Евгений Владимирович 15

Перцов Николай Викторович 11, 349

Петерсон Михаил Николаевич 447, 542

Пётёфи Шандор 549, 605

Петров Борис Николаевич 363

Петров Евгений Петрович 289, 656

Петровский Иван Георгиевич 168, 331, 332, 334, 341, 372, 385, 413, 418, 426—435, 437—440, 442—444, 462, 463, 464, 471, 672, 673

Петровский Никандр Александрович 575

Петька 525

Пешко́в Алексей Максимович 613, 614, *alias* Горький
Пешков Максим Алексеевич 614
Пешковский Александр Матвеевич 272, 280, 281, 579, 582, 587, 593
Пёрс (Пирс) Чарльз Сандерс 304
Пётр I 488, 608
Пикассо Пабло 511, 607
Пиотровский Раймонд Генрихович 38, 127, 379
Пирс (Пёрс) Чарльз Сандерс 304
Писемский Алексей Феофилактович 581
Питирим, митрополит Волоколамский 597
Платон 532
Плетнер Олег Викторович 75
Плунгян Владимир Александрович 15, 195, 349, 472, 534, 631, 657, 684
Плунгян Надежда Владимировна 14
Подольская Наталия Владимировна 575
Покидова Е. Н. 574
Поливанов Евгений Дмитриевич 75
Поливанов Константин Михайлович 497
Поливанов Михаил Константинович (друг автора) 299, 304
Полинг (Паулинг) Лайнус 396, 491, *alias* Pauling
Полинская Мария Семёновна 575
Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич 464
Попов Александр Степанович 176
Поспелов Дмитрий Александрович 8, 293, 383
Преображенский Филипп Филиппович 436, 616
Привалов 586
Привалов Александр 152
Прихо́дько Нина Иосифовна 427

Прокофьев Михаил Алексеевич 372
Прокофьев Сергей Сергеевич 561
Прохоров Александр Владимирович 373, 374
Псурцев Николай Демьянович 163
Птолемей, царь 404
Пугачёв Емельян Иванович 287, 581
Пурто́ Виктор Абрамович 299
Путин Владимир Владимирович 506, 508, 518, 618
Пушкин Александр Сергеевич 285, 293, 381, 394, 458, 550, 555, 581, 583, 584, 586—589, 604, 643—645, 648, 650, 651
Пушкин Иван Иванович, аптекарь 614
Пушкина Наталья Николаевна 586, *alias* Гончарова
Райт, братья Уилбер и Орвилл 175
Раппопорт В. Р. 546
Раскин Виктор Витальевич 151, 169, 171, 197, 370, 389, 421, 422
Раскина Александра Александровна (Саша) 147, 336, 405, 415—417, 455, 648, 675
Рахилина Екатерина Владимировна (Катя) 13, 14, 195
Ревзин Исаак Иосифович 37, 38, 76, 124, 128, 272, 275, 277, 283, 294, 299, 300, 302, 303, 306, 309, 312, 314, 337, 343, 345, 347, 352, 383, 491, 582, 593
Ревзина Ольга Григорьевна 383
Рейн Евгений Борисович 510
Рейхенбах Ханс 298
Ремизов Алексей Михайлович 162
Ремнёва Марина Леонтьевна 158, 163, 165, 384, 387, 402, 453, 454
Рентген Вильгельм Конрад 176
Ренье Анри Франсуа Жозеф де 487

Репин Илья Ефимович 164
Рерих Николай Константинович 353
Реформатский Александр Александрович 43, 121, 126, 128, 203, 206, 207, 225, 226, 296, 302, 313, 328, 329, 517, 575
Ржевкин Сергей Николаевич 332, 334
Рид Томас Майн (Майн-Рид) 487
Рикко Наталья Николаевна 296
Римский Григорий Данилович 276
Римский-Корсаков Николай Андреевич 476
Ричардсон Сэмюэл 515
Рождественский Юрий Владимирович 338, 339, 373, 375, 673, 677
Розенталь Дитмар Эльяшевич 227, 573, 575
Розенцвейг Виктор Юльевич 8, 293, 294, 299, 302—307, 309, 311, 314, 322, 323, 325, 337, 340, 349, 364, 366, 378, 380, 384, 434, 576, *alias* **Rozencvejg**
Романицкий (Романицкий) Борис Васильевич 517
Ронкалли Анджело Джузеппе 488, 489, *alias* Иоанн XXIII
Ростан Эдмон 549
Рубин Лев Григорьевич 318
Рубина Дина Ильинична 637
Рубинштейн Лев Семёнович 472, 497
Рубинштейн Мария Львовна 171
Рыбаков Анатолий Наумович 634, 635
Рычкова (Химченко) Наталья Григорьевна (Наташа) 129, 141
Рюрик Соломонович 543
Рябов Феликс Григорьевич 363
Рябова Наталья Фёдоровна 363

Саввина Елена Николаевна 349
Савчук Анна Порфирьевна 348
Савчук Светлана Олеговна 195
Сагалович Наук Маркович 341
Садовничий Виктор Антонович 373—375, 386, 387, 446, 673, 677
Сазонова Инна Кузьминична 126
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 634, 635
Самарин Роман Михайлович 331—334, 401
Санников Владимир Зиновьевич 305, 349, 377
Саркози Николая 494
Саррочка 442
Сахаров Андрей Дмитриевич 397
Сахаров Геральд Вениаминович 227
Сванидзе Николай Карлович 459
Свердлов Яков Михайлович 606
Светлаев Михаил Васильевич 226, 227, 573
Светличная Ксения 634
Сейфер Август Львович 355
Семашко 635
Семёнов Алексей Львович 400, 455
Семёнова Татьяна Владимировна 341
Сёпир Эдвард 239
Сергеев Евгений Михайлович 372
Сергиев Иван Ильич 639, *alias* Иоанн Кронштадтский
Сердюченко Георгий Петрович 366
Серебренников Борис Александрович 329, 492
Серпинский Владимир Владимирович 315, 361
Сидоров Владимир Николаевич 121, 296
Сирано де Бержерак 549
Сичинава Дмитрий Владимирович 195
Скороходова Ольга Ивановна 308

- Скотт Вальтер** 585
Скулачёв Владимир Петрович 386, 387
Слуцкий Борис Абрамович 445
Смелянский Анатолий Миронович 644
Смирдин Александр Филиппович 576, 644, 645
Смит Уинстон 392, 393, 395
Смотрницкий Максим Герасимович (в монашестве Мелетий) 554
Снегирева (Снегирёва) 602
Соболев Сергей Львович 310
Собянин Сергей Семёнович 656
Сойер Томас 460
Сойкин Пётр Петрович 510
Соколов Алексей Георгиевич 158, 161—163, 401, 402, 406, 407, 411, 413, 421, 423—426, 428—432, 434—436, 438—440, 442, 446, 453, 454, 463
Соколов Саша (Александр Всеволодович) 634, 635
Соколянский Иван Афанасьевич 306, 308, 309, 350, 382
Солженицын Александр Исаевич 10, 317, 318, 353, 354, 456, 501, 587, 661
Солженицына Наталья Дмитриевна 501
Солнцев Вадим Михайлович 575
Сорокин Юрий Николаевич 357
Соссюр Фердинанд де 114, 119, 121, 472, 527, 530
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович 175, 297, 317, 321, 356, 392—396, 406, 456—459, 464, 468, 471, 493, 545, 550, 577, 636, 649, 667
Сталнейкер Роберт С. 285, *alias* Stalnaker
Старосельцев Леонид Павлович 281
Старостин Борис Анатольевич 226, 227, 573, 575
Старостин Сергей Анатольевич 349
Стеблин-Каменский Михаил Иванович 52, 59, 306, 384
Степанов Георгий Владимирович 322
Степанов Юрий Сергеевич 575
Стерн Лоренс 281
Стецюра Г. Г. 315
Стругацкий Аркадий Натанович 646
Стругацкий Борис Натанович 646
Ступин Алексей Дмитриевич 573
Суворин Алексей Сергеевич 576
Сунцова Ирина Петровна 122
Сургучёв Илья Дмитриевич 634, 635
Сухотин Алексей Михайлович 349
Сухотин Борис Викторович 305
Твардовский Александр Трифонович 394
Теньер Люсьен 241, *alias* Tesnière
Терентьев Владимир 152
Тетюхина Людмила 497
Тименчик Вера Михайловна 626
Тимофей, священник 642, 643
Тимоша 614, *alias* Введенская Надежда
Тихомиров Михаил Николаевич 141, 676
Тихонов Андрей Николаевич 373, 375
Тоболова М. П. 454
Товстогуб Афанасий Иванович 588
Товстогубиха Пульхерия Ивановна 588
Товстоногов Георгий Александрович 644
Тодоровский Валерий Петрович 627
Толпыго Алексей Кириллович 152
Толстая Татьяна Никитична 646
Толстой Алексей Николаевич 401, 550

Толстой Лев Николаевич 36, 522, 531, 549, 560—562, 581, 582, 586, 587, 589, 604, 618, 619, 636
Толстой Никита Ильич 79, 378, 516, 549, 576
Топорный Борис Николаевич 325
Топоров Владимир Николаевич 306, 329, 367, 447
Топчиев Александр Васильевич 326, 329
Торговецкий Павел Наумович 655
Торез Морис 299
Торквемада Томас 458, 467
Трауберг Наталья Леонидовна 299, 398, 399, 432
Тредиаковский Василий Кириллович 548, 576, 605
Трифонов Николай Павлович 296
Трубецкой Николай Сергеевич 78, 85, 86, 87, 90, 91, 92, 93, 104, 105, 113, 114, *alias* Trubetzkoy
Туберозов Савелий 507
Тулин К. (Ульянов Владимир Ильич) 609, *alias* Ленин
Тулуз-Лотрек (Лотрек) Анри де 408
Тушин, капитан 153
Тьюринг Алан Матисон 65, 75
Тэтчер Маргарет 567
Тютчев Фёдор Иванович 278
Уатт Джеймс 474
Уваров Сергей Семёнович 637
Уголино, граф 276, *alias* Ugolino
Улицкая Людмила Евгеньевна 626
Ульянов Владимир Ильич, alias Ленин, Тулин
Унанян Мамикон Сергеевич 439
Уорф Бенджамин Ли 65, 239, *alias* Whorf
Уотсон 524, *alias* Ватсон

Успенская Светлана Марковна 160, 363, 423, 424, 429, 432
Успенский Борис Андреевич 300, 303, 342, 347, 352, 361, 440, 451, 452, 454, 466, 665
Успенский Владимир Владимирович 510, *alias* Uspenskij
Ушаков Дмитрий Николаевич 74, 137, 193, 227, 267, 475, 481—484, 544, 548, 551, 576, 599, 633
Ушаков Максим Александрович 14
Уэбстер (Вебстер) Ноа 540
Уэланд Джордж (Wheland, George Willard) 396
Уэллс Герберт Джордж 401
Файбисович Семён Натанович 615
Фамусов Павел Афанасьевич 541
Федины 401
Федорович Вячеслав Николаевич 313
Федосеев Афанасий 467
Федосеев Пётр Николаевич 324, 341
Федосов Иван Антонович 373—375
Фет Яков Ильич 8, 293, 294, 383
Фёдор Алексеевич, царь 488
Фёдор Борисович, царь 488
Фёдор Иванович, царь 488
Филин Федот Петрович 141, 193, 364, 378, 482
Филиппова Лариса Евгеньевна 675
Филлмор Чарлз 254
Финкель Александр Моисеевич 303
Финн Виктор Константинович 304, 316, 352, 358, 384
Фитиалов Сергей Яковлевич 60, 71, 75, 337
Фомин Сергей Васильевич 509
Фомина Маргарита Ивановна 227, 573
Фортунатов Филипп Фёдорович 140

Франкенштейн 627
Фреге Готлоб (Готтлоб) 274, 283
Фриз Чарлз Карпентер 65, *alias* **Fries**
Фрумкина Ревекка Марковна 311, 348, 349, 382
Фужере де, ювелир 279, 281, 282
Фукс Зинаида 585
Фурье Шарль 615
Фусс Павел Николаевич (Пауль) 452, *alias* **Fuss**
Гадсон 474, 510, 515, *alias* **Гудзон**, **Hudson**
Хаксли Олдос Леонард 473, 487, 509, 515, *alias* **Huxley**, **Aldous**
Халеева Ирина Ивановна 631
Халле Моррис 67, 77, 87, 93, *alias* **Halle**
Харвуд Фрэнк Уильям 65, *alias* **Harwood**
Харитон Юлий Борисович 396
Харкевич Александр Александрович 149, 227
Харрис Зеллиг Заббетаи 65, 74, *alias* **Harris**
Хемингуэй Эрнест Миллер 487, *alias* **Гемингвей**
Хемпл К. 366
Химченко (Рычкова) Наталья Григорьевна (Наташа) 129, 141
Хлестаков Иван Александрович 644, 645
Хлѣстова Анфиса Ниловна 602
Ходасевич Владислав Фелицианович 639
Холмс Шерлок 510, 515, 539, *alias* **Holmes**
Холодович Александр Алексеевич 78, 127, 228—233, 238, 240, 242—246, 248, 249, 251, 252, 271, 328, 337

Хомизури Павел Иович 576
Хомский Наум 65, 66, 68, 69, 72, 73, 491, 492, 670, *alias* **Чомский**, **Chomsky**
Хохлов Рем Викторович 341, 385, 386, 434
Храковский Виктор Самуилович 7, 239, 241, 242, 246, 247, 248, 252, 255, 257, 258, 328
Хра́мов Борис Леонидович 431
Храпченко Михаил Борисович 321, 322
Хренов Иван Александрович 124—126, 128, 139
Хрущёв Никита Сергеевич 392, 396, 461, 462, 498, 499
Ху Сы-цзян 238
Цапукевич Всеволод Владимирович 227, 573
Ца́хес (по прозвищу Цинно́бер) 399
Цветаева Марина Ивановна 376, 581, 586, 587
Цезарь Кай Юлий 261
Цейтин Григорий Самуилович 44, 60, 61, 337
Цинман Леонид Львович 377
Цицерон Марк Туллий 556, *alias* **Cicero**
Цуккерман Ариэль Моисеевич 315
Чарльз, принц Уэльский 488
Чатерино, лорд 514, *alias* **Балоболо**, **Chatterino**
Чекова Галина Владимировна 60, 61
Чемоданов Николай Сергеевич 333, 456
Чернов Гелий Васильевич 306
Черномырдин Виктор Степанович 651
Чернышёв Василий Ильич 482, 581

Черри Колин 77, *alias* Cherry
Черчилль Уинстон 496
Чехов Антон Павлович 587
Чёрч Алонзо 576
Чистович Людмила Андреевна 35, 36, 312
Чичиков Павел Иванович 152, 637
Чомский Ноам 491, 492, 670, *alias* Хомский, Chomsky
Чубарьян Александр Оганович 638
Чудаков Евгений Алексеевич 321
Чудаков Александр Павлович 645
Чудакова Мариэтта Омаровна 519
Чуковский Корней Иванович 344, 506, 656
Чулик Карел 68, *alias* Čulík
Чумаков Виктор Петрович 549
Чхартишвили Григорий Шалвович, *alias* Акунин

Шапиро Абрам Борисович 574
Шарон Ариэль 504
Шаумян Себастьян Константинович 121, 128, 299, 302, 328, 329, 345, 347, 380, 381, 425, 430
Шафаревич Игорь Ростиславович 457
Шахматов Алексей Александрович 139, 140, 281, 501, 502, 576
Шаховской Александр Александрович 278, 579, 580
Шведова Наталья Юльевна 574
Шеворошкин Виталий Викторович 306, 434, 466
Шевченко Тарас Григорьевич 612
Шекли Роберт 653
Шекспир Вильям 276, *alias* Shakespeare
Шелимова Ирина Николаевна 39, 56, 316
Шень Александр Ханевич (Саша) 14

Шепилов Дмитрий Трофимович 461
Шептунов Игорь Михайлович 126, 140, 325
Шестаков Виктор Иванович 332
Шехтман Валентин Борисович 455
Шёнберг Арнольд 476, *alias* Schoenberg
Шидловский (?) 340
Шилова Инна Леонидовна 638
Шильдер Николай Карлович 576
Шипунова Анна Владимировна (Аня) 14
Широв Олег Сергеевич 78, 311
Ширяев Альберт Николаевич 416
Сиханович Юрий Александрович 316, 337, 352, 405, 411, 418, 436, 440, 444, 462
Шкловский Иосиф Самуилович 509, 576
Шмелёв Алексей Дмитриевич 621
Шмелёв Дмитрий Николаевич 9, 272, 281, 576, 578, 587, 593
Шмелёва Елена Яковлевна 621, 636
Шмеман Александр Дмитриевич 641
Шмитт Эрик-Эмманюэль 603
Шойгу Сергей Кожугетович 611
Шолохов Михаил Александрович 603
Шор Розалия Осиповна 121
Шрейдер Юлий Анатольевич 319, 325
Штирлиц Макс Отто фон 495
Шувалов Виктор Валерьевич (Витя) 14
Шульц М. М. 338
Шуметова Ольга Ивановна 147, 415
Шумилина Аза Леонидовна 38, 56, 303, 316
Шура-Бура Михаил Романович 296
Шурик 542

Щеглов Юрий Константинович 305, 349

Щерба Лев Владимирович 84, 90, 91, 92, 105, 114, 115, 121, 203, 225, 226, 306, 541, 573, 576, 670

Щербаков Александр Сергеевич 498

Ышыкдемир Р. 543

Эбелинг Карл Л. 272, *alias* Ebeling
Эверест Джордж 492

Эвклид, *alias* Евклид

Эйлер Леонард 450, *alias* Euler

Эйнштейн Альберт 132, 385, 673

Эйфэль Гюстав Александр 615

Эллисон Т. Марк 111, *alias* Ellison

Эпикур 290

Эпштейн Марианн(н)а Викторовна 154

Эпштейн, студент 468

Эрастов Константин Олегович 349

Эрик XIV 491

Эрик Победоносный 491

Эфрон Ариадна Сергеевна 376

Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский 616

Юзвишин Иван Иосифович 375

Юшин Пётр Фёдорович 463

Юшкевич Адольф Павлович (Доля) 450

Юшманов Николай Владимирович 476, 551, 552, 576, 577

Яглом Исаак Моисеевич (Изя) 152, 337

Якобсон Роман Осипович 77, 114, 203, 218, 219, 221, 226, 299, 303, 304, 344, 346, 347, 415, 441, 473, *alias* Jakobson

Яков (James) 523

Яков II (James II) 488

Яковлев Николай Феофанович 121

Яконов Антон Николаевич 317

Якубова Нина Манашировна 654

Янин Валентин Лаврентьевич 666

Яновская Софья Александровна 462

Ярцева Виктория Николаевна 322, 332, 333, 365, 398

Яхонтов Сергей Евгеньевич 232, 244, 258

Alleton, Viviane 577, *alias* Аллетон
Anderson, Victoria B. 106

Bagheera 625, *alias* Багира

Bar-Hillel, Yehoshua 75

Baudouin de Courtenay, Jan Nieci-saw 122, *alias* Бодуэн де Куртенэ

Benson, Morton 577, 612, *alias* Бенсон

Benveniste, Émile 241, 278, *alias* Бенвенист

Bird, Steven 111, *alias* Бёрд

Blumshtein, Sheila 106

Bush, George Herbert Walker, *alias* Буш Джордж Герберт

Bush, George Walker, *alias* Буш Джордж Уокер

Chao, Yuen-Ren 101

Chatterino, Lord 513, *alias* Ба-лаболо, Чатерино

Cherry, E. Colin 77, 346, 347

Chomsky, Noam 75, 105, 491, 670, *alias* Хомский, Чомский

Cicero 556, *alias* Цицерон

Columbus, Christopher 515, *alias* Колумб

Crockett, Dina B. 593

Čulík, Karel 75, *alias* Чулик

Davidson, Donald 284
Donnellan, Keith S. 275

Ebeling, Carl L. 272, 275, *alias*
 Эбелинг
Eljcin 511, *alias* Ельцин
Ellison, T. Mark 111, *alias* Эллисон
Euler, Léonard 452, *alias* Эйлер

Fries, Charles Carpenter 75, *alias*
 Фриз
Fromkin, Victoria 105
Fuss, Paul Heinrich von 452, *alias* Фусс

Garfield, Eugene 377, *alias* Гарфилд
Giljarevskij, R. S. 225, *alias* Гиля-
 реvский, Макки
Groening, Michael 452, *alias* Грёнинг
Grønnum, Nina 107

Halle, Morris 76, 77, 105, 346, *alias*
 Халле
Hardyck, Curtis D. 577
Harman, Gilbert 284
Harrington, John Sir 495
Harris, Zellig Sabbetai 76, *alias*
 Харрис
Harwood, Frank William 76, *alias*
 Харвуд
Hawkins, John A. 282
Heintz, John 274
Hjelmlev, Louis 122, *alias* Ельмслев
Holmes, Sherlock 510, *alias* Холмс
Hudson 510, *alias* Гудзон, Хадсон
Hume, Elizabeth V. 106
Huxley, Aldous Leonard 509, 515,
alias Хаксли
Huxley, Thomas Henry 509, 515,
alias Гексли
Hyams, Nina 105

Ieltcine 511, *alias* Ельцин

Jacob 474, 510, 515, *alias* Иаков
 ветхозаветный
Jakobson, Roman O. 77, 258,
 284, 346, *alias* Якобсон
James 474, 510, 515, *alias* Иа-
 ков новозаветный
James 523, *alias* Яков
James II 488, *alias* Яков II
Jeltzin 511, *alias* Ельцин
Johnson, Keith 106
Jones, Daniel 122
Jones, Lawrence G. 343
Joos, Martin 101

Kornai, Andras 112

Ladefoged, Nielsen Peter 105
Lees, Robert B. 76, *alias* Лиз
Louis XVII 206, 512, *alias* Лю-
 довик XVII
Lovelace, Augusta Ada the Co-
 untess of 515, *alias* Лавлейс
Lovelace, Robert 515, *alias* Ловелас
Lyons, John Sir 274, *alias* Лайонз

Macdonald, M. 384
Magnus, Johannes 490, *alias* Магнус
Mayenowa, Maria Renata 274
Miller, George Armitage 75
Morrow, Dwight 443, *alias* Мору

Neiswender, Rosemary 226, 577,
alias Нейсуэндер
Newton, Isaac Sir 291, 510, 523,
 524, *alias* Невт́он, Ньютон

Oettinger, Anthony G. 343
Ohala, John 107
Ohala, Manjari 107

Paducheva, E. V. 225, *alias* Пá-
дучева

Partridge, Eric Honeywood 577

Pauling, Linus 396, 491, *alias*

Паулинг, Полинг

Perles, Micha A. 75

Quine, Willard Van Orman 274, 276

Rischel, Jørgen 107

Rodman, Robert 105

Rozenecvejg, Viktor Jul'evič 8, 293,
alias Розенцвейг

Sasanuma, Sumiko 577

Scheinberg, Stephen 76

Schoenberg, Arnold 476, *alias*
Шёнберг

Searle, John R. 274

Shakespeare, William 553, *alias*
Шекспир

Shamir, Eli 75

Stalnaker, Robert C. 284, 285,
alias Сталнейкер

Steriade, Donca 106

Stevens, Kenneth 106

Stockwell, Robert P. 76

Tesnière, Lucien 242, *alias* Теньер

Trubetzkoy, N. S. 122, *alias* Тру-
бецкой

Tzeng, Ovid J. L. 577

Ugolino della Gerardesca 276, *alias*
Уголино

Uspenskij (Uspenskiy), V. V. 510,
alias Успенский Владимир

Velleman, Daniel J. 652, *alias*
Веллеман Дэниел

Velleman, Shelly L. 652, *alias*
Веллеман Шелли

Vladutz, George E. 359, *alias*
Влэдуц

Vorobey, Anatoly 562, *alias* Во-
робей

Wang, William S.-Y. 577

Wheland, George Willard, *alias*
Уэланд

Whorf, Benjamin Lee 76, *alias*
Уорф

Wierzbicka, Anna 277, *alias* Веж-
бицкая

Yeltsin 511, *alias* Ельцин

Yngve, Victor H. 76, *alias* Ингве

Zalizniak, A. A. 76, 226, *alias* Зализ-
няк, Zaliznjak

Zaliznjak, A. A. 225, *alias* Зализ-
няк, Zalizniak

Книги издательств ОГИ и Б.С.Г.-Пресс можно приобрести:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва»;
м. «Пушкинская», «Тверская»;
ул. Тверская, 8;
тел. (495) 629-64-83, 797-87-17;
- ТД «Библио-Глобус»; м. «Лубянка»;
ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1;
тел. (495) 781-27-37;
- Московский Дом книги;
м. «Арбатская»; ул. Новый Арбат, 8;
тел. (495) 789-35-91;
- Дом книги «Молодая Гвардия»;
м. «Полянка»;
ул. Большая Полянка, 28;
тел. (495) 238-50-01;
- Книжный магазин «Фаланстер»;
м. «Пушкинская», «Тверская»;
Малый Гнезниковский пер., 12/27;
тел. (495) 629-88-21;
- Сеть магазинов «Республика»;
тел. (495) 251-65-27;

**В РОЗНИЦУ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

- Санкт-Петербургский Дом книги;
м. «Невский Проспект»,
«Гостинный Двор»; Невский пр-т, 28;
тел. (812) 448-23-55;
- Сеть магазинов «Буквоед»;
тел. (812) 601-0-601;
- Книжный магазин «Все свободны»;
наб. Мойки, 28;
тел. (911) 977-40-47;

О ПТОМ

- КД «Б.С.Г.-Пресс»; Москва,
Покровский бульвар, 14/6;
тел. (495) 626-24-72,
(915) 110-36-50;
- «А. Симпозиум»; Санкт-Петербург,
20-я линия В. О., 5/7;
тел. (812) 325-66-61.

Наши книги в электронном формате можно найти по адресу:

www.bibliorossica.com/publishers.html

Владимир Андреевич Успенский

ТРУДЫ ПО НЕМАТЕМАТИКЕ

В пяти книгах

Книга 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

* * *

Ответственный за выпуск *Н. Н. Андреев*. Редакторы *М. Ю. Панов*,
Н. М. Панюнин. Художник переплёта и суперобложки *М. Ю. Панов*

Подписано в печать 4/II 2013 года. Формат 70 × 100 1/16. Печ. л. 44,50.
Усл. печ. л. 57,69. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура лите-
ратурная, картографическая № 151. Тираж 3500 экз. (1-й завод 1—1500).
Заказ 102983

Объединённое гуманитарное издательство.
109028, Москва, Покровский бульвар, 14/6.
Факс/тел. (495) 626-24-70; e-mail: knigi.ogi@gmail.com

Фонд «Математические этюды».
115573, Москва, Ореховый бульвар, 41, офис 119

Отпечатано SIA «Preses nams Baltic».
«Янсили», Силакротс, Ропажский район, Латвия, LV-2133.
www.pnbprint.lv